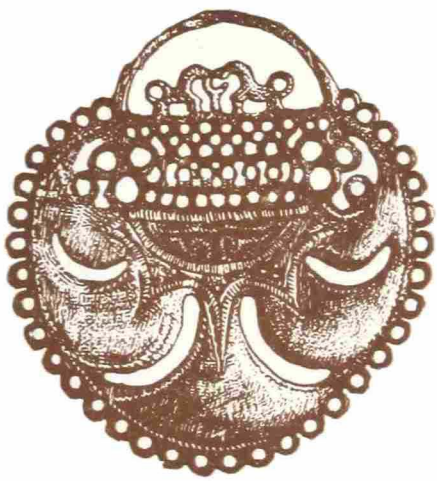
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1982

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1982

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Сергин В. Я. (Москва). О происхождении и развитии палеолитических поселений 5
Третьяков В. П. (Ленинград). К вопросу об «археологической непрерывности» (по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита) 14
Рындина Н. В., Конькова Л. В. (Москва). О происхождении больших усатовских кинжалов 30
Скрипкин А. С. (Волгоград). Азиатская Сарматия во II—IV вв. (некоторые проблемы исследования) 43
Фехнер М. В. (Москва). Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе 57

Публикации

Смирнов А. С. (Москва). Новые неолитические памятники Брянского Подесенья 71
Цветкова И. К., Кравцов А. Е. (Москва). Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I 82
Кореневский С. Н., Петренко В. Г. (Москва). Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево 96
Могильников В. А., Куйбышев А. В. (Москва). Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. 113
Абрамова М. П. (Москва). Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа 135
Михеев В. К. (Харьков). Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша 156
Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. (Москва). О салтовском типе сыродутного горна 168
Уманский А. П., Неверов С. В. (Барнаул). Находки из погребений IX—X вв. в долине р. Алея на Алтае 176
Исланова И. В. (Москва). Селище Шурскол II близ Ростова Великого . . . 185
Даркевич В. П., Пуцко В. Г. (Москва, Калуга). Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) 196

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1982 г.

Заметки

Оманжулов Т. (Ленинград). Новые находки эпохи раннего мезолита в районе Нуратинских гор (УзССР) 210
Кононенко Н. А. (Владивосток). К вопросу о назначении терочников (по материалам памятников Приморья III—I тысячелетия до н. э.) 214
Тереножкин А. И. Ягорлыцкий котел 218
Кореняко В. А. (Москва). Погребение савроматского времени на Восточном Маныче 223
Сагдуллаев А. С. (Ташкент). Заметки о раннем железном веке Средней Азии 229
Габуев Т. А. (Орджоникидзе). Костяные наконечники стрел с городища Джеты-асар 2 235
Моргунов Ю. Ю. (Москва). Летописный город Вьяхань 237
Кавельмахер В. В. (Москва). О времени построения Пятницкой церкви на Подоле в г. Загорске 245
Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. (Грозный). Шлем из селения Ярышмарды (Чечено-Ингушетия) 250
Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. (Сухуми). Могильник XIV—XVI вв. в окрестностях Сухуми 254

Критика и библиография

Алексеев В. П. (Москва). Jayaswal V. Palaeohistory of India (A Study of the Prepared core Technique). Adam Kala Prakashan, Delhi, 1978 . . . 260
Кошеленко Г. А. (Москва). Petsas Ph. Pella: Alexander the Great's Capital. Thessaloniki. 1978 263
Беляев С. А. (Москва). Fülep F. Roman Cemeteries on the territory of Pécs (Sopianae). Budapest, 1977 267
Борисов С. Б. (Москва). Рец. Lashkari-Bazar. Une résidence royale ghaznevide et ghoride. Paris, 1978 269
Седов В. В. (Москва). Weithmann Michael W. Die Slavische Bevölkerung auf der Griechischen Halbinsel. München, 1978 274
Куза А. В., Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. (Москва). Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978 277
Мачинский Д. А., Шаскольский И. П. (Ленинград). Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978 288

Хроника

Арсеньева Т. М., Казакова Л. М. (Москва, Ростов-на-Дону). Двадцать лет работы музея-заповедника «Танаис» 292
Моруженко А. А. (Донецк). Всесоюзная конференция «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы» 298
Лисицына Г. Н. (Москва). V Международный симпозиум по палеоэтноботанике 300

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1982

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Sergin V. Ya. (Moscow). On the Emergence and Development of Palaeolithic Sites 5
Tretyakov V. P. (Leningrad). On the «Archaeological Continuity» (Case-Study of Mesolithic and Neolithic Tools) 14
Ryndina N. V., Konkova L. V. (Moscow). On the Origin of Large Usatovo Daggers 30
Skripkin A. S. (Volgograd). 2nd-4th-Century Asian Sarmatia 43
Fekhner M. V. (Moscow). Archaeological Data on Silk Fabrics in Mediaeval Eastern Europe 57

Publications

Smirnov A. S. (Moscow). Newly Discovered Neolithic Monuments Along the Desna River in the Bryansk District 71
Tsvetkova I. K., Kravtsov A. E., (Moscow). Pottery from the Neolithic Site Vladychinskaya-Beregovaya I 82
Korenevsky S. N., Petrenko V. G. (Moscow). A Maikop-Culture Mound at Inozemtsevo 96
Mogilnikov V. A., Kuibyshev A. V. (Moscow). 1976 Diggings of the Kamen II Mounds (Upper Reaches of the Ob) 113
Abramova M. P. (Moscow). New Materials from Early Mediaeval Burial Grounds in the North Caucasus 135
Mikheyev V. K. (Kharkov) Pendants with Two Symmetrical Horse Heads from Sukhaya Gomolsha Burial 156
Afanasyev G. E., Nikolayenko A. G. (Moscow). A Bloomery Furnace of the Saltovo Type 168
Umansky A. P., Neverov S. V. (Barnaul). Finds from 9th-10th-Century Burials in the Alei Valley 176
Islanova I. V. (Moscow). Shurskol II Settlement at Rostov the Great 185
Darkevich V. P., Putsko V. G. (Moscow, Kaluga). Staraya Ryazan Hoards 196

Notes

Omanzhulov T. (Leningrad). New Early Mesolithic Finds in the Region of the Nurata Mountains, UzSSR 210
Kononenko N. A. (Vladivostok). On the Use of Grind-Stones (3rd-1st millennia B. C. Primorye Territory Monuments) 214
Terenozhkin A. I. A Yagorlyk Cauldron 218
Korenyako V. A. (Moscow). A Sauromatan Burial in the Eastern Manych Region 223
Sagdullayev A. S. (Tashkent). On the Early Iron Age in Central Asia . . . 229
Gabuyev T. A. (Orjonikidze). Bone Arrowheads from Jety-Asar II Settlement 235
Morgunov Yu. Yu. (Moscow). Vyakhan Town Described in Chronicles 237
Kavelmakher V. V. (Moscow). On the Age of the Pyatnitskaya Church in the Podol Quarter in Zagorsk 245
Mamayev Kh. M., Chakhchiyev D. Yu. (Grozny). A Helmet from Yaryshmardy Village in Checheno-Ingush ASSR 250
Voronov Yu. N., Voznyuk A. S., Yushin V. A. (Sukhumi). A 14th-16th-Century Burial at Sukhumi 254

Book Reviews and Bibliography

Alexeyev V. P. (Moscow). Jayaswal V. Palaeohistory of India (A Study of Prepared core Technique). Adam Kala Prakashan, Delhi, 1978 260
Koshelenko G. A. (Moscow). Petsas Ph. Pella, Alexander the Great's Capital. Thessaloniki. 1978 263
Belyaev S. A. (Moscow). Fülep F. Roman Cemeteries on the Territory of Pecs (Sopianae). Budapest, 1977 267
Borisov S. B. (Moscow). [Rev.] Lashkari-Bazar. Une résidence royale ghaznevide et ghoride. Paris, 1978 269
Sedov V. V. (Moscow). Weitmann Michael W. Die Slavische Bevölkerung auf der Griechischen Halbinsel. München, 1978 274
Kuza A. V., Leontyev A. E., Pushkina T. A. (Moscow). Bulkin V. A., Dubov I. V., Lebedev G. S. Ancient Russian Archaeological Monuments. 9th-11th Centuries, Leningrad, 1978 277
Machinsky D. A., Shaskolsky I. P. (Leningrad). Bulkin V. A., Dubov I. V., Lebedev G. S. Ancient Russian Archaeological Monuments. 9th-11th Centuries, Leningrad, 1978 288

Chronicle

Arsenyeva T. M., Kazakova L. M. (Moscow, Rostov-on-Don). Twenty Years of the «Tanais» Reserve 292
Moruzhenko A. A. (Donetsk). An All-Union Conference «Problems of the Bronze Age in the South of Eastern Europe» 298
Lisitsyna G. N. (Moscow). The Fifth International Symposium on Palaeoethnobotany 300

СЕРГИН В. Я.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Открытие поселений эпохи палеолита, выявление и исследование на них жилищ составило ряд волнующих страниц в истории археологии. Известно, что решающую роль в обнаружении палеолитических жилищ и значительную в изучении поселений имели работы советских археологов [1—3].

Благодаря археологическим исследованиям последних 20 лет в Восточной Африке хронологический горизонт науки о первобытности чрезвычайно расширился, и, по-видимому, только теперь устанавливаются близкие к реальным соотношения различных периодов древнейшей истории человечества. Стало очевидным, что поселения и жилища ашеля — позднего палеолита — продукт длительного развития их в предшествующее время. Главное же, появилась возможность изучать памятники ранее недоступной древности.

Проблема происхождения поселений и жилищ, несомненно, относится к числу наиболее важных и принципиальных в науке о первобытности. При ее оценке необходимо иметь в виду, что если в позднем палеолите помимо поселений имелись памятники целого ряда других категорий: пещеры с изображениями, погребения, мастерские и т. д., то по мере продвижения в глубь времени круг памятников сужается, оставляя в конце концов, по-видимому, лишь более или менее кратковременные поселения, места добычи и разделки зверя да пункты сбора и обработки камня. Таким образом, данные памятники приобретают значение единственных свидетельств зарождавшейся искусственной среды, которая в наше время непосредственно и своими связями охватила весь земной шар и проникла за его пределы.

Исследование ранних археологических местонахождений Восточной Африки имеет пока по преимуществу разведочный характер. Лишь в предварительных публикациях освещены сравнительно широко раскопанные памятники. На общем фоне выделяется район Олдувайского ущелья, памятники которого наиболее основательно изучены и опубликованы с приложением подробных планов расположения находок [4].

Древнейшие памятники Олдувайского ущелья [1] связаны с четвертичными отложениями пачки I и нижней части вышележащей пачки II. Как полагают, культурные слои пачки I в целом образовались в диапазоне 50—100 тыс. лет. Усреднение связанных с ними многочисленных абсолютных дат дало ≈1,7 млн. лет. При этом не был учтен ряд более древних дат [4, с. 13, 14]. И поскольку самая молодая дата нижнего горизонта пачки II равна 1,7 млн. лет, то отложения пачки I, видимо, все же несколько древнее [2].

Наиболее ценны культурные слои с почти непотревоженным положением остатков. Они представлены так называемыми жилыми поверхно-

От редакции

Статья В. Я. Сергина публикуется в дискуссионном порядке.

[1] На русском языке древнейшие памятники Африки освещены Д. Кларком [5] и Г. П. Григорьевым [6].

[2] Древнейшая олдувайская индустрия восточного побережья оз. Туркана (местонахождение KBS) недавно передатирована с 3—2,5 млн. лет до 1,8—1,6 млн. лет [7, с. 395—398]. Увеличение диапазона ее датировки в сторону омоложения вновь позволяет рассматривать ранние памятники Олдувая в числе самых древних из ныне известных.

стями (living floors), на которых предметы рассеяны по вертикали в пределах около 10 см, и местонахождениями, связанными с добычей или разделкой животных (butchering or kill sites). В последнем случае каменные изделия находятся при остатках скелета крупного животного или костях более мелких животных [4, с. 258].

К числу самых ранних в Олдувайском ущелье относится местонахождение DKI. В его нижнем (третьем) культурном слое [4, с. 23—39] обнаружены остатки древнейшего сооружения [4, рис. 7]. Они располагались на поверхности, слегка наклоненной к югу. По окружности плотно друг к другу залегали блоки базальта поперечником в среднем 10—15 см. Диаметр окружности по линии север — юг — около 3,7 м, по линии запад — восток — около 4,3 м. К середине поверхность слегка углублена. С севера, где остатки сохранились лучше, встречено шесть нагромождений камней высотой до 15—23 см на расстоянии 0,6—0,9 м друг от друга. По вполне правдоподобному предположению М. Лики, они служили для укрепления основания жердей или ветвей, воткнутых в землю и образовывавших ветровой заслон или примитивное убежище.

Важно отметить, что внутри кольца из камней имелись лишь единичные изделия и обломки костей животных. Подобное положение, на наш взгляд, может объясняться или очень непродолжительным использованием жилища, или же существованием условий, при которых производство каменных изделий и применение их в жилище не практиковалось. Первое маловероятно ввиду присутствия на прилегающей площади довольно значительного количества изделий и отходов их производства, а также обломков костей различных животных (хоботных, бычьих, свиных, жирафовых, лошадиных, гиппопотамов, крокодилов, черепах). Склоняясь ко второму объяснению, отметим, что малочисленность изделий внутри постройки вряд ли правомерно было бы ставить в связь с сознательно заведенным порядком. Естественнее предположить отсутствие необходимости или какие-то трудности для использования жилища в производственных и некоторых бытовых целях. Такая ситуация могла возникнуть скорее всего при недостаточной естественной освещенности жилища, т. е. при относительно плотных кровле и стенах, а также в том случае, если постройка была приземистой.

В некоторой мере это подтверждается тем контрастом, который составляет описанному памятнику местонахождение FLK «Zinjanthropus» [4, с. 49, 50, 58], относящееся к средней части пачки I. Из других местонахождений пачки I оно наиболее насыщено культурными остатками. На нем собрано 2470 каменных изделий, в том числе 60 орудий и 135 предметов со следами использования. Кости принадлежали представителям бычьих, свиных, лошадиных, окапи. Замечательной особенностью этой жилой поверхности, помимо находок остатков гоминид, является четкая выраженность двух участков, различающихся характером культурных остатков [4, рис. 24]. На овальном пространстве поперечником 6,4 и 4,6 м концентрировалось более 1000 сильно раздробленных костей животных, каменных отщепов и крупных орудий и намного больше мелких отщепов и чешуек. Крупные орудия, изделия со следами использования и манупорты в подавляющей части встречены вне концентрации, где кости фрагментированы значительно меньше.

По предположению М. Лики, относительно свободное от находок пространство вдоль концентрации шириной около 2,5 м осталось от ограждения или ветрового заслона, окружавшего центральную часть стоянки по крайней мере с юга и востока [8, p. 435]. Мысль о заслоне вполне правдоподобна, однако, судя по плану, более реально обосновывать ее наличием у концентрации четкой границы, а не пустой полосой вокруг нее. Последняя ненадежно просматривается с юго-востока от концентрации, а с востока, юга и севера предметы находятся в равномерном рассеянии. Общий характер концентрации, и прежде всего ее форма и размеры, таковы, что не с меньшим, если не с большим основанием ее можно считать остатками жилища, а не заслона. Если это предположение верно, то жилище должно было обладать хорошей естественной освещенностью, на-

пример за счет неплотной кровли, стен, имеющих просветы, или широкого входа.

На остальных жилых поверхностях пачки I не были встречены объекты, аналогичные описанным. Но эти поверхности также имеют своеобразные черты. Так, поверхность слоя 3 местонахождения FLK NNI [4, с. 43—47], залегавшая ниже только что описанной, содержала немного каменных изделий, обломки костей крупных животных, рыб, панцирей черепах, а также кости гоминида. Кости животных местами образовывали скопления, состоявшие в основном из обломков панцирей черепах. В верхней части пачки I на местонахождении HWK East в слое 1 [4, с. 89—93] найдено много каменных изделий, обработка которых производилась где-то в другом месте. Изделия рассеяны между мелкими костями и их обломками. Является ли эта жилая поверхность окраиной насыщенного участка или частью кратковременного места обитания, пока неясно.

Каменное сырье древних местонахождений Олдувая, как выясняется, отчасти происходит из мест, удаленных на 8—12 км [8, с. 438, 439]. Но это обстоятельство не является уникальной чертой Олдувая. По крайней мере с расстояния в несколько километров, как полагают, доставлялась часть сырья для изделий на некоторые стоянки той же эпохи в низовьях р. Омо [9, с. 573] и восточного берега оз. Туркана [10, с. 13].

Жилые поверхности олдувайской эпохи довольно широко раскопаны в районе Кооби Фора, на побережье оз. Туркана. По предварительным сведениям [11], на некоторых из них имелись кости различных животных или одного животного и каменные изделия, на других — только каменные изделия. Предполагается, что в некоторых случаях последние также первоначально содержали кости, по каким-то причинам не сохранившиеся. На местонахождении FxJj 18 (IHS) [11, с. 82], связанном с геологическими отложениями, датирующимися 1,32 млн. лет, вскрыта необычная концентрация каменных изделий (3142 экз), костей и обломков зубов животных (около 400 экз.) — обитателей побережья и саванны: гиппопотама, жирафа и др. Эти предметы занимали пространство 2—3 м². Следов жилых конструкций на поселениях Кооби Фора не обнаружено. Однако они известны еще в одном районе исследования олдувайских памятников — Мелка-Контуре [12, с. 9—16].

Наличие уже в нижних слоях олдувайских памятников Восточной Африки остатков поселений с довольно значительным каменным инвентарем, костями животных, различавшихся по экологии, следов жилых сооружений, включая, по-видимому, и собственно жилища, и удаленность некоторых источников каменного сырья свидетельствуют о многодневном обитании людей на целом ряде поселений. Если добавить к этому значительное пространственное распространение олдувайских поселений и устойчивость их общего характера на протяжении сотен тысячелетий, то станет очевидным, что это далеко не первоначальные стоянки человека, а уже поселения, отражающие хотя и очень примитивный, но сложившийся быт. Возникновение их потребовало не только длительного времени, но, по всей вероятности, и некоторых биологических предпосылок.

О значительной вероятности наличия у обезьян — предков человека стремления каким-то образом устраивать место для своего ночного и дневного отдыха свидетельствует факт устройства мест для отдыха на деревьях или на земле, так называемых гнезд, всеми современными антропоидами [13, с. 137—142, 175—187; 14, с. 195—201; 15, с. 149—153], несмотря на различные филогенетические отношения их с предшественниками человека. Иногда места для отдыха и отдельные гнезда используются антропоидами через некоторое время повторно, однако существенно отметить, что сколько-нибудь продолжительное регулярное использование определенного участка для ночного и дневного отдыха не наблюдалось. Ежедневные передвижения в поисках пищи сопровождаются также поисками нового места для отдыха и сооружением новых гнезд. Если предположить, что образ жизни непосредственных предшественников человека был сходен в существенных чертах с жизнью современных

антропоидов, можно допустить, что им тоже были свойственны элементы конструктивной деятельности. Но при этом у них, как и у антропоидов, не было бы необходимости в непрерывном использовании участка в течение времени, превышающего потребность в одноразовом отдыхе, что является обязательной предпосылкой возникновения поселения.

Д. Кларк выдвинул версию, согласно которой существование базовых стоянок, подобных олдувайским, можно объяснить продлением периода несамостоятельности молодых членов коллектива, связанным с усвоением поведенческих навыков, необходимых для жизни в коллективе. Базовые стоянки тем самым служили ответом на ограничение, налагаемое на подвижность группы долгим периодом обучения подрастающего поколения [5, с. 65]. Не умаляя значения этого фактора, нужно отметить, что он является следствием прогресса человеческой деятельности и потому вторичен. За ним оставалась роль обратной связи: достижения в человеческой деятельности, включая устройство лагеря, вызывали удлинение периода несамостоятельности молодых членов коллектива; последнее же способствовало большему вниманию к устройству лагеря, его стабильности и т. д. Необходимо, кроме того, учесть, что постоянные передвижения современных антропоидов, с одной стороны, и полубродячий образ жизни некоторых охотничье-собирательских народов — с другой, происходят при наличии детей разного возраста.

В поисках причин, побудивших древних людей постепенно увеличивать срок пребывания на ограниченном участке местности, обращают на себя внимание памятники иного рода, чем жилые поверхности,— упоминавшиеся места добычи и разделки животных. Один из таких памятников представлен в верхней части пачки I Олдувайского ущелья слоем 6 местонахождения FLK N [4, с. 64—68], где обнаружен скелет слона вымершего вида [4, рис. 23]. Бивни отсутствовали, от черепа осталось лишь несколько фрагментов. Прочие кости залегали разрозненно, но компактно и в общем сохраняя положение, соответствующее передней, средней и задней части скелета. Между костями было рассеяно 123 каменных изделия, в основном отщепов и крупных рубящих орудий. Скопление определяется как место разделки павшего или добытого посредством охоты животного. Однако общая обстановка на этом скоплении все же сложнее. Рядом и частично вперемешку с костями слона встречены обломки костей быка, свиньи и еще одного слона. Причем остатки животных, дополняющие основную картину, имеют хотя и невыразительный, но свойственный поселению характер (более значительная фрагментированность костей). К тому же местонахождение вскрыто еще не полностью. Быть может, разделка туши слона была лишь одним из действий людей на данном участке.

В основании пачки II встречен скелет динотерия в аналогичном положении, сопровождаемый разделочным набором каменных изделий [4, с. 85, 86]. В Кообе Фора на стратиграфическом уровне соседнего местонахождения KBS (датирующегося в пределах 1,60—2,61 млн. лет) в траншее вскрыт отчасти эродированный участок диаметром 8—10 м с культурными остатками [11, с. 79, 80]. Среди найденных здесь костей большая часть оказалась неопределимой. Но все определимые — кусочки зубов и клыки — принадлежали гиппопотаму. Между костями и вокруг них собрано 118 каменных изделий и еще 50 поднято с разрушенного края участка. Многие орудия сделаны тут же, поскольку встречены и отбойники, и бросовые мелкие отщепы и осколки. Погибшее животное лежало, очевидно, в ложбине. Как и в других случаях, осталось неясным, было ли оно убито людьми или было найдено ими уже мертвым.

Анализируя изложенные материалы, можно предположить, что превращение места для отдыха ближайших предков человека в поселение происходило в общем русле процессов становления человека. Характер места для отдыха должен был соответствовать особенностям возникающего и постепенно изменяющегося охотничье-собирательского хозяйства, социальных и биологических потребностей. Схематически поселение в самом зародыше представляло собой остановку (место для отдыха), связанную

с разделкой и поеданием добычи, будь то убитое людьми или погибшее по иной причине животное. Причем это могло происходить непосредственно на месте гибели животного или же на более удобном участке неподалеку, куда перетаскивали тушу. Разделка крупного животного, вскрытие мозговых костей производились с помощью примитивных орудий. Несъеденную часть туши требовалось охранять, что увеличивало срок пребывания возле нее. Если местность была удобной для успешной охоты и собирательства, длительность остановки в одном пункте регламентировалась количеством пригодных участков: удобными подходами к воде, обзором, затененностью, сухостью, близостью каменного сырья и т. п. Остановка превращалась в средоточие разнообразной деятельности, что приводило к необходимости делать ее более удобной для обитания. Первоначальные поселения содержали, должно быть, в культурном слое бедный комплекс фаунистических остатков и незначительное количество каменных изделий.

Палеолитические поселения, исключая краткий отрезок позднего палеолита, в бытовом отношении изучены пока очень слабо. И все же в настоящее время можно отметить, с разной степенью обоснования, следующие наиболее общие черты, свойственные развитию палеолитических поселений.

1. В общепринятом понимании поселение должно включать по крайней мере одно или несколько жилищ. На палеолитических поселениях в связи с серьезными трудностями выявления жилищ вопрос о их наличии в большинстве случаев остается открытым. Судя по образу жизни охотничье-собирательских народов низких широт, у которых непродолжительные лагеря в благоприятный период, как известно, часто разбиваются с использованием простейших ветровых заслонов, индивидуальных спальных ям или вовсе без каких-либо защитных устройств, в палеолите тех же областей, а в благоприятный период и в более высоких широтах на кратковременных поселениях люди могли ограничиться лишь защитными устройствами. Остатки ветровых заслонов зафиксированы в палеолите («среднем каменном веке») Южной Африки [16, с. 7—34]. Формирующиеся поселения начала палеолита могли быть только остановками или временными стоянками. Уже одно это, при учете тропических условий и зачаточности хозяйственной деятельности человека, приводит к мысли о том, что жилищ на этих поселениях еще не было. По-видимому, поселения должны были пройти длительный период совершенствования тех мест для отдыха с их элементарными защитными свойствами, которые, как предположено выше, могли быть у непосредственных предшественников человека, прежде чем на них возникли жилища [3]. Появление жилищ поставило человека в новые отношения с природой, поскольку он впервые получил определенное замкнутое пространство, разнообразные защитные свойства которого могли бесконечно совершенствоваться. Благодаря жилищу появилась перспектива более широкого расселения.

2. Известные жилища позднего, среднего и раннего палеолита — коллективные местообитания. Сооружение и поддержание их в порядке также требовало общих усилий небольших групп людей. Судя по размерам остатков олдувайских построек, можно думать, что жилища и возникли как обиталища небольших групп. Этому должна была способствовать необходимость располагаться плотнее друг к другу в целях безопасности от хищников, особенно в ночное время (не изолированно, обеспечивая скорейший контакт и взаимодействие). В наземных условиях жизни древнейших людей такая опасность была значительно большей, чем у обезьян в гнездах на деревьях.

Определенную роль в необходимости такого тесного расположения индивидов на остановках и стоянках играли, вероятно, и понижения температуры в некоторые сезоны, которые происходят в настоящее время даже вблизи экватора и тяжело переносятся людьми и домашними жи-

[3] В данной работе не ставилась задача разбора гипотез происхождения жилищ. Отчасти это было сделано нами в заметке [17]. См. также примечание 5 в настоящей работе.

вотными при отсутствии хороших укрытий [18, с. 145]. Расселение человека до овладения им огнем ставило его в условия еще более резких климатических контрастов.

3. Наиболее ранние палеолитические поселения были лишены огня. Первые следы использования его человеком — несколько древесных углей и две обожженные кости — обнаружены пока в отложениях среднего — верхнего виллафранка пещеры Шандалия 1 в Югославии [19, с. 113]. Значительно позднее, но также в очень раннее время они фиксируются в Чжоукоудяне в Китае, в Вертешсёллеш, Амброне, Торральбе и ряде других пунктов Европы, причем в Терра Амате отмечены сложенные из камней очаги [20, с. 42—50]. В Африке следы использования огня обнаружены на поселениях завершающей части ашеля. По предположению Д. Кларка, древесные угли могли разрушаться и рассеиваться почвенной фауной [5, с. 94], но воздействие огня не отмечено у многочисленных костных остатков местонахождений олдувайской и основной части ашельской эпох. В будущем в Африке, вероятно, встретятся памятники со свидетельствами более раннего применения огня[4]. Однако значительно более раннее и массовое использование огня в высоких широтах представляется все же не случайным, а обусловленным, в частности, и более настоятельной необходимостью обогрева жилищ.

Таким образом, в течение какого-то времени на поселениях уже были жилища, но в них, по-видимому, еще отсутствовал огонь. На этом втором этапе развития поселений началось более близкое и заинтересованное знакомство человека с этим природным явлением, вероятно, очень длительное, которое и привело к постоянному использованию огня на поселении, отметив начало третьего этапа в их развитии[5].

4. Известные памятники плио-плейстоценового возраста в Восточной Африке связаны с аллювиальными равнинами и береговыми линиями озер и водотоков [22, с. 500, 501]. Освоение в последующем морских побережий, горной местности, саванн, тропических лесов и различных ландшафтов все более высоких широт привело к многообразным приспособлениям человека к среде. В зависимости от уровня развития охотничье-собирательского хозяйства и особенностей природного окружения сложились поселения различного назначения и длительности обитания, занятые в определенный сезон года коллективом или его частью. Показательны в этом отношении, например, кавказские материалы [23, с. 35, 36].

Чрезвычайно трудно выяснить соотношение памятников, свидетельствующее о том или ином характере перемещения первобытных групп в течение года. Однако упорядоченность основных перемещений, а с нею и смена поселений различного назначения, вероятно, возникли очень рано. Интересны в этом плане наблюдения Л. Фримена, согласно которым Торральба скорее всего представляет собой серию мест добычи или разделки животных [24, с. 70], т. е. речь может идти о какой-то периодичности в проведении здесь охот. Еще показательнее ашельский памятник Терра Амата слагавшийся из остатков жилищ, сооружавшихся в течение ряда лет в один и тот же сезон [20, с. 49, 50].

5. В течение палеолита постепенно возникают относительно долговременно используемые поселения, что связано с совершенствованием охотничье-собирательского хозяйства и особенностями ресурсов среды. Максимального развития такие поселения достигли у позднепалеолитических охотников на мамонта Центральной и Восточной Европы.

6. Происходит постепенное увеличение размеров некоторых типов по-

[4] В субстрате основного культурного слоя местонахождения FxJj 20 East в Кооби Фора (в отложениях, датируемых 1,32 млн. лет) встречены обесцвеченные включения, принятые за следы действия огня. Исследование их еще не закончено, но предварительные анализы не подтвердили воздействия огня на породу [11, с. 83].

[5] Л. М. Тарасовым [21, с. 60, 61] выдвинута гипотеза, по которой элементы жилища постепенно возникали вокруг очага, вначале только как защита огня. Гипотеза эта обладает исключительной продуманностью и внутренней логикой, без сомнения превосходя все аналогичные. Однако она опирается лишь на умозрительные построения.

Размеры палеолитических поселений

Поселение	Период	Площадь, м²	Источник
FLK «Zinjanthropus»	Олдувай	>340	Leakey [4]
Латамна	Ашель	250	Clark [25]
Молодова I, слой 4	Мустье	>310	Черныш [26]
Костенки I, слой 1	Поздний палеолит	650	Ефименко [27]
Добраничевка	»	2300–2400	Шовкопляс [28]

селений, преимущественно, должно быть, тех, которые использовались все более длительное время. Этот процесс можно объяснить главным образом увеличением численности их населения и длительности жизни на одном месте, а в связи с этим возрастанием числа жилищ и других объектов, объема поступавших на поселение материалов (особенно у охотников на мамонта) и другими причинами. Неполнота раскопок поселений раннего и среднего палеолита, плохая сохранность многих из них и недостаточно полная публикация материалов не позволяют произвести надлежащее сравнение их размеров. В приводимой таблице, подсчеты для которой выполнены нами главным образом по планам в публикациях, отражен лишь самый общий контур процесса.

Наряду с появлением все более крупных поселений, главным образом к концу палеолита, отмечены и более крупные жилища, размеры которых возросли за счет увеличения их длины[6]. Такие жилища раскопаны в Пушкарях I [30, с. 183—199], Костенках IV [31], Барце 1 и 2 [32].

Для суждения о развитии жилищ округлого плана недостает раннепалеолитических материалов. Однако вряд ли можно предположить, что величина жилищ была изначально такой же, как у молодовских мустьерских жилищ [26, рис. 16, 55], где она близка к размерам, максимальным для палеолита. Во всяком случае, предполагаемое олдувайское жилище из нижнего слоя местонахождения DK I [4, с. 23—39] имеет вдвое меньшую площадь.

7. В течение палеолита значительно усложняется структура поселений, также главным образом наиболее длительно обитаемых. Усложнение это двоякое, оно касается как поселения в целом, так и каждого из слагающих его объектов. Если на ранних поселениях в лучшем случае выявлены жилища и отдельные концентрации изделий и фаунистических материалов, то к концу палеолита на поселениях выделяются группы жилищ, иногда нескольких типов, ямы различного происхождения и назначения, защитные конструкции возле жилищ, долговременные и кратковременные очаги, рабочие места и пр. [3, с. 64—77; 28, с. 13—21; 33, с. 266—304; 34, с. 249—340]. Особенно наглядно усложнились жилища, что проявилось в их конструкции и устройстве интерьера [31; 35, с. 39—62; 36, с. 46—138].

8. Как и в других культурных явлениях, у палеолитических поселений наряду с появлением новых форм продолжали бытовать формы, возникшие на заре их развития: кратковременные стоянки без жилищ и с заслонами (упоминавшаяся стоянка Оранжа 1 в Южной Африке). При этом ранее выработанные формы поселений приобретают элементы нового качества, обусловленные более высокой степенью развития. Так, например, к концу палеолита даже кратковременные стоянки обычно содержат следы огня.

9. В литературе уже отмечено, что возникновение поселений означало появление первых антропогенных селитебных урочищ [37, с. 178][7]. Вста-

[6] В нескольких случаях отмечаемые здесь закономерности развития поселений и жилищ совпадают с теми, которые перечислены М. В. Александровой [29, с. 10]. Совпадения касаются наиболее очевидных явлений: увеличения размеров жилищ, усложнения их конструкций и т. п.

[7] Хронологически это событие можно отнести не к позднему палеолиту, как считал Ф. Н. Мильков [37, с. 178], а к более раннему времени. Поздний палеолит, начиная с его середины, явился лишь важным этапом в развитии селитебных урочищ Северной Евразии — их величины, продолжительности существования и количества.

ет вопрос о влиянии их на окружающую среду. Исходя из того, что в целом в палеолите поселения были небольших размеров, располагались очень разреженно, слабо преобразовывали участки местности, и через некоторое время после того, как были оставлены, следы их полностью исчезали, можно считать, что воздействие антропогенных селитебных урочищ на ландшафт было незначительным. Важнее возникновение устойчивых направлений воздействия на окружающую среду, которые продолжались в последующие эпохи.

Устанавливается, что некоторые виды птиц, характерные для изрезанного степного и лесного ландшафтов (деревенские ласточки, возможно, городские ласточки, галки, домовый и полевой воробьи, возможно, также черные стрижи и домовые сычи) гнездились в палеолитических пещерах или вблизи них в Западной Европе и Крыму [38, с. 269, 270], т. е. благодаря наличию поселений (для открытых поселений это нужно еще выяснять) человек начинает влиять на экологию ряда видов животных. С поселениями связано и преобразующее воздействие на животных в направлении их одомашнения. Если раньше по находкам остатков собак на раннемезолитических поселениях можно было предполагать начало их одомашнения в палеолите, то теперь известны остатки собак из финально-палеолитических поселений [39, с. 55, 57].

В результате деятельности человека возникают местообитания растений, не свойственные для ненарушенной человеком природы — рудеральные или мусорные. Они характерны для селений, дорог, полевых межей и включают такие растения, как лопух, лебеда, подорожник, крапива двудомная, дурман обыкновенный, чистотел большой, белена черная и др. [40, с. 274, 275; 41, с. 313, 314]. По всей вероятности, комплекс синантропных рудеральных растений начал формироваться еще в палеолите. Для этого были вполне благоприятные условия из-за вытаптывания площадок поселений, протаптывания вблизи них троп, изрытости поверхности на относительно долговременных поселениях и обилия фосфатов, вносившихся в почву в результате хозяйственной деятельности и обитания. Палинологи, занятые реконструкцией древней естественной флоры, окружающей человека, по-видимому, исключают из рассмотрения следы синантропных растений, как не относящиеся к делу. Но достаточно показательно, что на раннеземледельческом поселении Али Кош в слое VIII—VII тысячелетий до н. э. отмечен подорожник [42, с. 91—103], в слое VII тысячелетия до н. э.— белая марь [42, с. 102], а на поселении Корундж-Тепе V тысячелетием до н. э. датируется лебеда [42, с. 103].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисковский П. И.* Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе.— СА, 1958, № 1.
2. *Рогачев А. Н.* Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе. М., 1964.
3. *Рогачев А. Н.* Палеолитические жилища и поселения.— В кн.: Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970.
4. *Leakey M. D.* Olduvai Gorge. V. 3. Excavation in Beds I and II, 1960—1963. Cambridge, 1971.
5. *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977.
6. *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки.— В кн.: Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века. Л.: Наука, 1977.
7. *Curtis G. H., Drake R., Cerling T., Hampel L.* Age of KBS Tuff in the Koobi Fora Formation, East Rudolf, Kenya.— Nature, 1975, № 258.
8. *Leakey M. D.* A Summary and Discussion of the Archaeological Evidence from Bed I and II, Olduvai Gorge, Tanzania.— In: Human Origins. Louis Leakey and the East African Evidence. Menlo Park, 1976.
9. *Merrik H., Haesaerts P., Heinzelin J. de and Howell F. C.* Archaeological occurences of early Pleistocene age from the Shungura Formation, Lower Omo, East Africa.— Narture, 1973, № 242.
10. *Isaac G. L.* Traces of early Hominid activities from the Lower Member of the Koobi Fora formation, Kenya.— In: UISPP, IX congress, Nice, 1976, Colloque V.
11. *Isaac G. L., Harris J. W. K.*— Ch. 4. Archaeology.— In: Koobi Fora Research Project. Oxford, 1978.
12. *Chavaillon N.* Les habitats oldowayens de Melka Kontoure.— In: Actes du VII Congress Panafricain de Prehistoire et Quatenaire. Addis Ababa, 1971.
13. *Shaller G. B.* The Mountain Gorilla. Ecology and behaviour. Chicago, 1964.

14. *Lawick-Goodall J. van.* The behaviour of the free-living chimpanzees in Gombe Stream.— In: Animal Behaviour Monographs. London, 1968.
15. *Rijksen H. D.* A field study of sumatrian orang utans (Pongo pygmeus Abelii Lesson 1875). Ecology, behaviour and conservation. Wageningen, 1978.
16. *Sampson C. G.* The stone structures from Orangia, O.F.S. South Africa.— In: UISPP, IX congress. Nice, 1976. Colloque XI.
17. *Сергин В. Я.* К вопросу о ранних палеолитических жилищах.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
18. *Артамонов Л. К.* Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М.: Наука, 1979.
19. *Malesz M.* Excavation of the villafranchian site Sandalja I near Pula (Yugoslavia).— In: UISPP, IX congress. Nice, 1976. Colloque VIII.
20. *Lumley H. de.* A Palaeolithic Camp at Nice.— Scientific American, 1969, v. 220, № 5.
21. *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979.
22. *Isaac G. L.* The Activities of Early African Hominids: A Review of Archaeological Evidence from the Time Span Two and Half to One Million Years Ago.— In: Human Origins. Louis Leakey and the East African Evidence. Menlo Park, 1976.
23. *Любин В. П.* Нижний палеолит.— В кн.: Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970.
24. *Freeman L. G.* The Analysis of Some Occupation Floor Distributions from Earlier and Middle Palaeolithic Sites in Spain.— In: View on the Past. Essay in Old World Prehistory and Paleoanthropology. Paris, 1978.
25. *Clark J. D.* Further excavations (1965) at the middle acheulian occupation site at Latamne.— Annales archeologiques arabes Syriennes. Revue d'archeologie et d'histoire. Damas, 1966, v. XVI, № 2.
26. *Черныш А. П.* Ранний и средний палеолит Приднестровья. М.: Наука, 1965.
27. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
28. *Шовкопляс І. Г.* Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту.— Археологія, 1971, № 3.
29. *Александрова М. В.* Древнейшие нижнепалеолитические жилища и поселения.— В кн.: Реконструкция древнейших общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Тезисы докладов. Л.: Наука, 1974.
30. *Борисковский П. И.* Палеолит Украины.— МИА, 1953, № 40.
31. *Рогачев А. Н.* Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону.— МИА, 1955, № 45.
32. *Bánesz L.* Barca bei Košice — paläolitische Fundstelle. Bratislava, 1968.
33. *Sklenář K.* Palaeolithic and Mesolithic dwellings: problems of interpretation.— PA, 1975, LXVI.
34. *Sklenář K.* Palaeolithic and Mesolithic dwellings: an assay in classification.— PA, 1976, LXVII.
35. *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев: Наукова думка, 1965.
36. *Пидопличко И. Г.* Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наукова думка, 1976.
37. *Мильков Ф. Н.* Человек и ландшафты. М.: Мысль, 1973.
38. *Воинственский М. А.* Птицы степной полосы Европейской части СССР. Современное состояние орнитофауны и ее происхождение. Киев: Изд-во АН УССР, 1960.
39. *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979.
40. *Воронов А. Г.* Геоботаника. М.: Изд-во МГУ, 1973.
41. *Горышкина Т. К.* Экология растений. М.: Изд-во МГУ, 1979.
42. *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.: Наука, 1977.

V. Ya. Sergin

ON THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF PALAEOLITHIC SITES

Summary

A number of Olduvai sites bear evidence of many-day camping: a considerable stone industry, remains of animals with different ecological characteristics, traces of dwellings and so on, in their lower living floors. Such sites had probably emerged due to the hunting and gathering activity of the people in the making as places of short rest where people dressed and ate what they had killed or found and sometimes stayed longer guarding what they had not consumed, hunting, gathering, collecting flint, in that cases they adapted the sites for their needs. According to the author Palaeolithic settlements bore the following features: 1. a long period when there were no dwellings, they gradually evolved towards the end of the period out of protecting devices, such as wind screens, etc.; 2. the emergence of collective dwellings; 3. the beginning of the use of fire; 4. the emergence of sites of different types; 5. the emergence of camping sites where people stayed for a considerable time; 6. gradual enlargement of some types of camping sites; 7. gradual complication of both the general structure of the camping cite and of its main elements; 8. parallel existence of the earlier though somewhat transformed types of settlement; 9. connection between the Palaeolithic settlements and the beginning of the formation of the modern sinanthropic flora and fauna together with domestication of animals (dogs).

ТРЕТЬЯКОВ В. П.

К ВОПРОСУ ОБ «АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НЕПРЕРЫВНОСТИ»

(по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита)

При сравнении археологического материала с памятников соседних, а также отдаленных друг от друга территорий нередко можно наблюдать определенные закономерности, которые в настоящее время еще не привлекли к себе внимание исследователей. Одной из этих закономерностей, которую мы условно назовем термином «археологическая непрерывность», и посвящена настоящая статья.

Речь пойдет о сравнении древностей, характеризующих археологические культуры эпохи каменного века (мезолит и неолит) в лесной полосе Европейской части СССР. В специальной литературе часто затрагивается вопрос о сходстве и различиях отдельных культур этого периода, в зависимости от чего некоторые из них рассматриваются как родственные, другие — нет. Между тем знакомство с материалами европейского северо-востока, Волго-Камья, Волго-Окского междуречья и некоторых сопредельных территорий позволяет несколько иначе объяснить причины отмечаемого сходства или различий выделенных здесь групп памятников. Закономерность, о которой речь пойдет ниже, выявляется главным образом при условии сплошного изучения в археологическом отношении той или иной территории. Она заключается в том, что материальная культура видоизменяется постепенно от региона к региону, так что древности соседних регионов всегда сходны между собой. Резкие различия материальной культуры наблюдаются лишь в тех случаях, когда между сравниваемыми группами памятников находятся или какие-либо естественно-географические преграды, мешающие контактам древних людей, или значительные расстояния, также затрудняющие культурные связи, или же наличие различного сырья для изготовления орудий труда. Рассмотрим конкретные данные.

Прежде всего познакомимся с мезолитическими материалами с поселений бассейна р. Печоры, Вычегодского края, Прикамья, Среднего Поволжья, нижнего и верхнего поречья Оки и верховьев Волги. Выбор этой территории объясняется тем, что она изучена более или менее равномерно, а за ее пределами, в соседних районах, мезолитических памятников, изученных должным образом, пока недостаточно (или же их материалы до сих пор не опубликованы).

Самыми северными поселениями на интересующей нас территории являются стоянки Сандибей-ю I и VIII, Шренк-Ярен и Турун-Нюр I в бассейне р. Печоры [1, с. 3—21; 2, с. 95, 96; 3, с. 23—27]. При исследовании упомянутых поселений были получены коллекции, включающие карандашевидные и пирамидальные нуклеусы, наконечники стрел из пластин, острия, угловые резцы, концевые, треугольные и с двумя гранями на спинке скребки, ножевидные пластинки с ретушью по краю, сечения пластин и рубящие орудия (здесь и далее см. табл. 1, рис. 1)

Южнее бассейна р. Печоры расположены мезолитические поселения Вычегодского края. Среди них стоянки Кудьядор, Пезмог, Вис I, II и III, Симва I и II, Аныб II, Палевица II, Кузьвомын [4, с. 247—255; 5, с. 43—56; 6, с. 59—68; 7, с. 88]. Как отмечают исследователи, в состав находок этой группы памятников входят карандашевидные и парамидальные нуклеусы, черешковые симметричные наконечники стрел, проколки из пластин, угловые и боковые резцы, треугольные, концевые с двумя

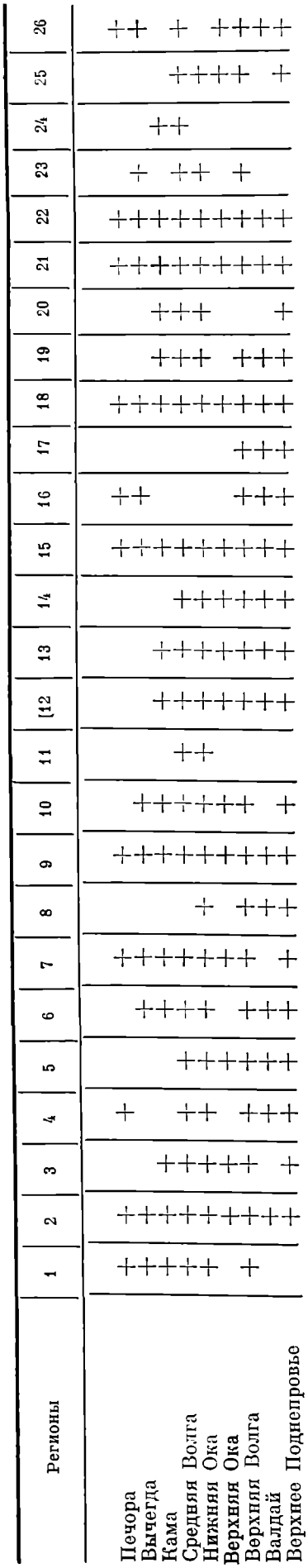
гранями на спинке скребки, ретушированные пластины, сечения ножевидных пласти, рубящие орудия.

На стоянках бассейна р. Камы (Огурдино, Нижнее Адищево, Левшино, мезолитический комплекс), Дубровская, Найдановская, Казанцевская, Кама-Жулановская и др., изученных главным образом О. Н. Бадером [8, с. 82—92; 9, с. 194—205; 10, с. 7—14; 11, с. 124, 125; 12, 13, с. 198—201], найдены всевозможные нуклеусы, проколки, угловые и боковые резцы, резцы из кусков кремня, округлые, концевые, с двумя гранями на спинке и со скошенным рабочим краем скребки, скобели, пластины с боковой ретушью, сечения ножевидных пластин, трапеции с вогнутыми ретушированными сторонами. На Левшинской стоянке и Северной на оз. Грязном в мезолитических комплексах орудий представлены серии симметричных черешковых наконечников стрел, изготовленных из ножевидных пластин, отретушированных со стороны острия и черешка.

Значительные коллекции кремневых орудий за последние годы были собраны при исследовании средневолжских мезолитических памятников. Кроме давно раскопанной Яндашевской стоянки здесь известны такие памятники, как Кабы-Копрынская и Русско-Луговская II стоянки (нижний слой), III Тютюшская, VIII Атабаевская, Комаровская, Захар-Калма I и др. [14, с. 126—135; 15, с. 43—54; 16, с. 11—24; 17; 18, с. 185—193; 19, с. 317; 20, с. 94—100]. Как отмечали А. Х. Халиков и М. Г. Косменко, подытожившие результаты изучения мезолита на этой территории, среди наборов орудий труда, характеризующих перечисленные поселения, представлены карандашевидные и многоплощадочные нуклеусы, острия, угловые и боковые резцы, резцы из кусков кремния, округлые, концевые, с двумя гранями на спинке, со скошенным рабочим краем скребки, скобели, пластины с боковой ретушью, сечения пластин, два вида трапеций, пластинки с боковой выемкой и рубящие орудия. На Яндашевской, Татарско-Азибейской IV и Старо-Мазиковской стоянках найдены серии наконечников стрел из ножевидных пластин листовидной и черешковой (симметричные и асимметричные) формы.

Таблица 1

Распределение типов орудий труда эпохи мезолита в некоторых регионах Европейской части СССР



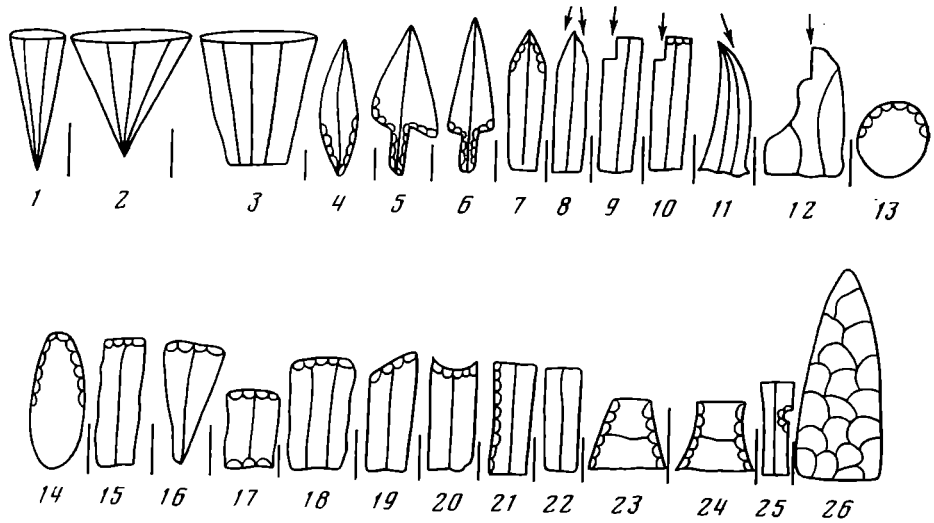


Рис. 1. Изделия из камня эпохи мезолита. Цифры на рисунке соответствуют цифровым обозначениям на табл. 1

Хорошо в настоящее время изучен мезолит нижнего и среднего течения р. Оки, характеристика которого дана рядом авторов, а в последнее время наиболее подробно в сводных работах Л. В. Кольцова. Здесь исследованы такие поселения, как Елин Бор, Борки, Петрушино, Мишулино, Островки I и некоторые другие [21, с. 149—157; 22, с. 178—184; 23; 24; 25, с. 142—151]. При раскопках были обнаружены карандашевидные и многоплощадочные нуклеусы, три типа наконечников стрел из ножевидных пластин, острия, пять видов резцов (срединные, угловые, боковые, из кусков кремня, нуклевидные), скребки округлые, овальные, концевые, с двумя гранями на спинке, со скошенным рабочим краем, скобели, сечения ножевидных пластин, пластины с боковой ретушью и выемками, трапеции.

Гораздо беднее представлен мезолит верхнего течения р. Оки. Здесь в различное время было изучено несколько памятников средней поры каменного века (Гремячее, Турынские Дворики, Бехово) [26, с. 142—148; 27, с. 131—134], в материалах которых содержатся пирамидальные и многоплощадочные нуклеусы, асимметричные наконечники стрел, острия, угловые и боковые резцы, а также резцы из отщепов, округлые, овальные, концевые, с двумя гранями на спинке, скребки, сечения ножевидных пластин, пластины с боковой выемкой или ретушью по краю, рубящие орудия.

По-видимому, Верхнее Поволжье является районом, где мезолитические памятники изучены наиболее полно. Здесь еще в довоенное время были открыты такие стоянки, как Соболево, Коприно, Золоторучье, Заладье, Скнятино, Устье, Некрасово. Позже здесь изучались поселения Бутово, Лукино, Мордовское, Богоявление, Дальний Остров и др. Мезолитические комплексы были выделены, кроме того, в Федоровке, Умление, на стоянке на р. Юг [28, с. 145—151; 29; 30, с. 9—24; 31—33; 34, с. 81—85; 35, с. 7—19; 23; 24; 36; 37, с. 87—90; 38, с. 101—107; 39, с. 244—249; 40, с. 244—250]. Как отмечалось исследователями, материалы, характеризующие эти памятники, представлены тремя типами нуклеусов, всевозможными наконечниками стрел из пластин, остриями, четырьмя типами резцов, скребками (округлыми, овальными, концевыми, треугольными, с двумя рабочими краями, с двумя гранями на спинке, со скошенным рабочим краем), сечениями ножевидных пластин, пластинами с боковыми выемками или ретушью по краю, трапециями, рубящими орудиями.

Мезолит Валдайской возвышенности нам известен главным образом благодаря работам Н. Н. Гуриной, обследовавшей в этом районе целый

ряд древних поселений: Залесье I и II, Заболотье II, Сосна, Гринино, Торг и др. Как следует из работ исследовательницы, основными типами орудий труда, наиболее характерных для Валдайской возвышенности, являются конические нуклеусы, листовидные и черешковые наконечники стрел из пластин, срединные, угловые, боковые и из массивных отщепов резцы, округлые, овальные, концевые, треугольные, двойные и со скошенным рабочим краем скребки, сечения ножевидных пластин (иногда с ретушью по краю), рубящие орудия [41, с. 78—83].

Последним регионом, материалы которого мы используем, является Верхнее Поднепровье и Посожье, где в свое время проводили исследования К. М. Поликарпович, В. Д. Будько и др., а в последние годы В. Ф. Копытин, обобщивший мезолитические древности этой территории. Он отметил, что наиболее характерными изделиями Верхнего Поднепровья и Посожья являются конические и двуплощадочные нуклеусы, наконечники стрел из пластин (листовидные и черешковые), угловые, боковые и из крупных отщепов резцы, округлые, овальные, концевые, треугольные со скошенным краем и двойные скребки, ретушированные и без ретуши ножевидные пластины, топоры, пластинки с боковой выемкой [42, с. 63—67; 43; 44, с. 60—66; 45, с. 106—109].

Таковы девять групп мезолитических памятников, материалы которых рассматриваются в настоящей работе. Нетрудно заметить, что упомянутые группы памятников по своим территориям соответствуют бассейнам рек (бассейны рек Печоры, Вычегды, Камы) или же отдельным частям бассейнов — Верхнее и Среднее Поволжье, верхняя и нижняя (от Рязани до устья) Ока, Верхнее Поднепровье. Подобное подразделение мезолитических памятников на группы (иногда к ним применяется термин «археологическая культура») прочно вошло в археологическую литературу, в чем читатель убедится, познакомившись с указанными выше публикациями.

В этих же работах дается общая характеристика материалов с интересующей нас территории и намечены некоторые черты сходства и различий мезолитических древностей отдельных регионов. Свою задачу мы видим в установлении степени сходства и различий между материалами перечисленных групп памятников и выяснении вопроса о существующих здесь закономерностях.

Для этого было прежде всего проведено сравнение древностей соседствующих между собой регионов. Сопоставление проводилось по следующему принципу: общее количество типов орудий труда, встреченных в коллекциях памятников двух сравниваемых регионов, принимается за 100%; в таком случае число совпадающих типов, т. е. орудий, встреченных в собраниях древностей того и другого региона, показывает, на сколько процентов сходны сравниваемые материалы.

Этот метод сопоставления не является абсолютно точным, но, по-видимому, имеет право на существование. Верность полученных с его помощью результатов подтверждается, в частности, и иной системой определения индекса родственности (степени сходства). Так, в книге И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера приведена формула $f=s^2/kl$, где f — индекс родственности, s — количество тождественных типов, k и l — количество типов в сравниваемых коллекциях. Определение индекса родственности по данной формуле дает результаты, чрезвычайно близкие предлагаемым в данной статье [46, с. 50].

В бассейне Печоры и Вычегды мезолитические орудия представлены 14 типами (табл. 1, рис. 1). Если бы материалы обоих регионов содержали по 14 одинаковых типов орудий, мы могли бы говорить о 100%-ном сходстве анализируемых коллекций. Но на рис. 1 отмечено лишь 10 случаев совпадений, что соответствует общности на 71%. На мезолитических стоянках Вычегды и Камы встречено 19 типов орудий труда. Из них совпадают 10, что соответствует общности коллекций на 53%. На Каме и средней Волге мезолитические орудия представлены 23 типами, из них общими являются 16, что означает сходство на 70%. На средней Волге и нижней Оке (включая Рязанщину) известны 24 типа изделий, из

тождественно 21, что соответствует сходству на 88%. На нижней Оке и в ее верховьях известны 23 типа орудий, из которых одинаковы 14, что позволяет говорить об общности данных коллекций на 61%. На нижней Оке и в Верхнем Поволжье для эпохи мезолита известно 25 типов орудий. Из них общими являются 20, что говорит о сходстве материалов на 80%. На стоянках Верхнего Поволжья и Валдайской возвышенности известно 23 основных типа орудий эпохи мезолита. Из них тождественны 17, что соответствует общности этих комплексов на 74%. И наконец, сравним серии орудий труда со стоянок Валдайской возвышенности и Верхнего Поднепровья, включая Посожье, где для эпохи мезолита известно 22 основных типа изделий из кремня. Идентичными для памятников обоих регионов являются 17 типов, что соответствует общности коллекций с Валдайской возвышенности и Поднепровья на 77%. В заключение отметим, что проведенные подсчеты позволяют выявить среднюю степень сходства материалов в перечисленных выше соседствующих друг с другом регионах — 70%.

Теперь проведем сравнение материалов каждого из упомянутых регионов не с соседними, а через один (т. е. увеличим расстояние между группами памятников, древности которых мы сопоставляем).

Материалы бассейнов рек Печоры и Камы содержат 19 типов орудий труда. Из них одинаковы в том и другом регионе лишь 8, что соответствует общности сравниваемых материалов на 42%. На Вычегде и средней Волге бытовали 24 типа орудий, из которых 12 одинаковы. Это позволяет говорить о сходстве вычегодских и средневолжских коллекций на 50%. На Каме и нижней Оке для эпохи мезолита известно 23 типа орудий труда, из которых 15 были одинаковы, что делает возможным предполагать общность сравниваемых материалов на 65%. На памятниках средней Волги и верхней Оки встречены орудия 23 типов. Из них 15 — общие в том и другом регионе. Это позволяет говорить о 65% сходства упомянутых коллекций. Материалы поселений верхней Оки и Валдайской возвышенности представлены 21 типом мезолитических орудий. Из них общими для того и другого региона являются изделия 11 типов, что соответствует общности сравниваемых коллекций на 52%.

Проведенные подсчеты позволяют выявить среднюю степень сходства, выявленную в данном случае,— 55%.

Увеличивая расстояние между регионами, материалы которых мы сравниваем, сопоставим древности Печоры, верхней и средней Волги, а также древности бассейна р. Вычегды и Валдайской возвышенности. В первом случае, Печора — верхняя Волга, мы насчитываем в коллекциях 23 типа изделий, из которых 11 являются общими для памятников того и другого региона. Это позволяет говорить о сходстве древностей Печоры и верхней Волги на 48%. На Печоре и средней Волге для эпохи мезолита известно 24 типа изделий, из которых 10 представлены и в том и другом регионе. В данном случае приведенные величины позволяют говорить о сходстве материалов с поселений Печоры и средней Волги на 42%. На стоянках Вычегодского края и Валдайской возвышенности для эпохи мезолита выявлен 21 основной тип орудий труда. Из них 9 типов идентичны в коллекциях памятников обоих регионов, что говорит об их сходстве на 43%. В целом же для упомянутых групп стоянок (печорских и средневолжских; печорских, верхневолжских и валдайских) процент сходства равен 44.

Самое дальнее расстояние среди перечисленных в начале статьи регионов лежит между бассейнами рек Печоры, Оки и Днепра. В коллекциях памятников с Печоры и верхней Оки содержатся 18 типов орудий труда, 8 из которых присутствуют в материалах стоянок обоих регионов. Это позволяет говорить об их общности на 44%. Для Печоры и нижней Оки эпохи мезолита известно 24 типа орудий труда. Из них общими для коллекций с Печоры и нижней Оки являлись лишь 9, что свидетельствует о сходстве материалов упомянутых регионов на 37%. В бассейне Печоры и в верхнем Поднепровье для эпохи мезолита известны орудия

23 типов, 10 из которых идентичны для коллекций памятников того и другого региона, что соответствует сходству материалов Печоры и Поднепровья на 43%. Эти подсчеты позволяют говорить о средней степени сходства коллекций данных пар регионов — 41%.

Таким образом, мы можем отметить, что, несмотря на значительное сходство материалов с групп мезолитических памятников, расположенных в соседних друг с другом регионах, по мере увеличения расстояния между сравниваемыми группами поселений это сходство постепенно уменьшается.

К аналогичному выводу приводит и анализ неолитических материалов. Ниже приводятся данные изменения состава каменного инвентаря из Прикамья, со средней Волги, нижней и верхней Оки, Подесенья, Посожья, верховьев Днепра и Валдайской возвышенности (семь регионов). Выбор этой территории объясняется тем, что именно здесь располагается наибольшее количество неолитических памятников с чистыми комплексами находок.

В Прикамье основными неолитическими памятниками являются стоянки Боровое озеро I, Кряжская, Хуторская и Левшинская [47, с. 1—30; 48, с. 20—39; 10, с. 14—32; 49, с. 99—106; 50, с. 6—21; 51, с. 34—71]. Как отмечали О. Н. Бадер и В. П. Денисов, при их исследовании были найдены грузила для сетей; ромбические, миндалевидные, из ножевидных пластин, листовидные наконечники стрел и копий; шлифованные ножи, ножи из кремневых плиток, серповидные ножи, скребки концевые, округлые, с двумя гранями на спинке; скребки-резчики. Кроме того, для Прикамья характерны скребла, скобели, проколки из пластин и отщепов, пластины с ретушью, шлифованные топоры, в том числе напоминающие русско-карельские, долота, резчики и т. п. (табл. 2, рис. 2).

Несколько иной состав орудий труда на поселениях той же культуры Среднего Поволжья. Здесь известны такие стоянки, как Обсерватория III, нижний слой, I и II Лебединские, V Нижне-Марьянская, I Щербетьско-Островная и др., исследованные А. Х. Халиковым [52, с. 11—21; 16, с. 46—49; 17, с. 40—92; 53, с. 107—121]. В коллекциях перечисленных памятников содержатся концевые, округлые, с двумя гранями на спинке скребки; скребки-резчики; наконечники стрел и копий листовидной и треугольночерешковой формы, а также двусторонне обработанные наконечники стрел из пластин; скребла, скобели, проколки из пластин и отщепов, ножи из плитчатого кремня, серповидные и овальные; шлифовальные и оббитые сколами топоры; долота, резчики, пластины с ретушью.

На нижней Оке (включая Рязанщину) в настоящее время известны такие памятники, как Черная Гора, Ибердус I, Дубровичи, Ужалье, Плеханов Бор, Малое Окулово II, Балахна, Выселки [54—57; 58, с. 109—112; 59, с. 54—84; 60, с. 97—154; 61, с. 91—99]. Наборы орудий из этих памятников состоят из наконечников стрел и копий ромбической, лавролистной, листовидной, с усеченным основанием и треугольночерешковой формы; скребков концевых, округлых, с двумя гранями на спинке; скобелей, проколок из пластин и отщепов, скребков-резчиков, топоров, пластин с ретушью, желобчатых долот, фигурных кремней, орудий с выемками в тыльной части для привязи, резчиков, серповидных ножей и т. д.

Беднее ассортимент орудий труда с памятников верхней Оки. Здесь лишь путем сборов с поверхности были исследованы поселения Жабынь, Воронец, Гремячее (неолитический комплекс), Белев, Федяшино и др. [62, с. 78—98; 63, с. 146—151; 61, с. 99—105]. Среди находок на этих памятниках содержатся наконечники стрел и копий листовидной, ромбической, треугольночерешковой и треугольной форм; скребки концевые, округлые, с двумя гранями на спинке, с высоким профилем; шлифованные и оббитые сколами рубящие орудия, ретушированные кремневые пластины. Подробную характеристику этого комплекса орудий мы находим в работах И. Г. Розенфельдт, Г. Ф. Поляковой и др.

Таблица 2

Распределение типов орудий труда эпохи неолита в некоторых регионах Европейской части СССР

Регионы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36
Кама	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+														+		
Средняя Волга					+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+								+			+		+
Нижняя Ока		+			+	+		+	+	+	+		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+						+	
Верхняя Ока		+			+	+	+	+	+	+	+				+			+	+	+	+		+						+	+					
Десна		+			+	+	+	+	+		+					+		+	+		+	+	+					+	+	+	+	+		+		
Верхний Днепр		+		+	+	+	+	+	+	+	+					+		+	+	+	+	+	+						+	+	+	+	+		+
Валдайская возвышенность		+				+	+		+	+	+					+		+	+	+	+	+	+		+		+				+		+		+

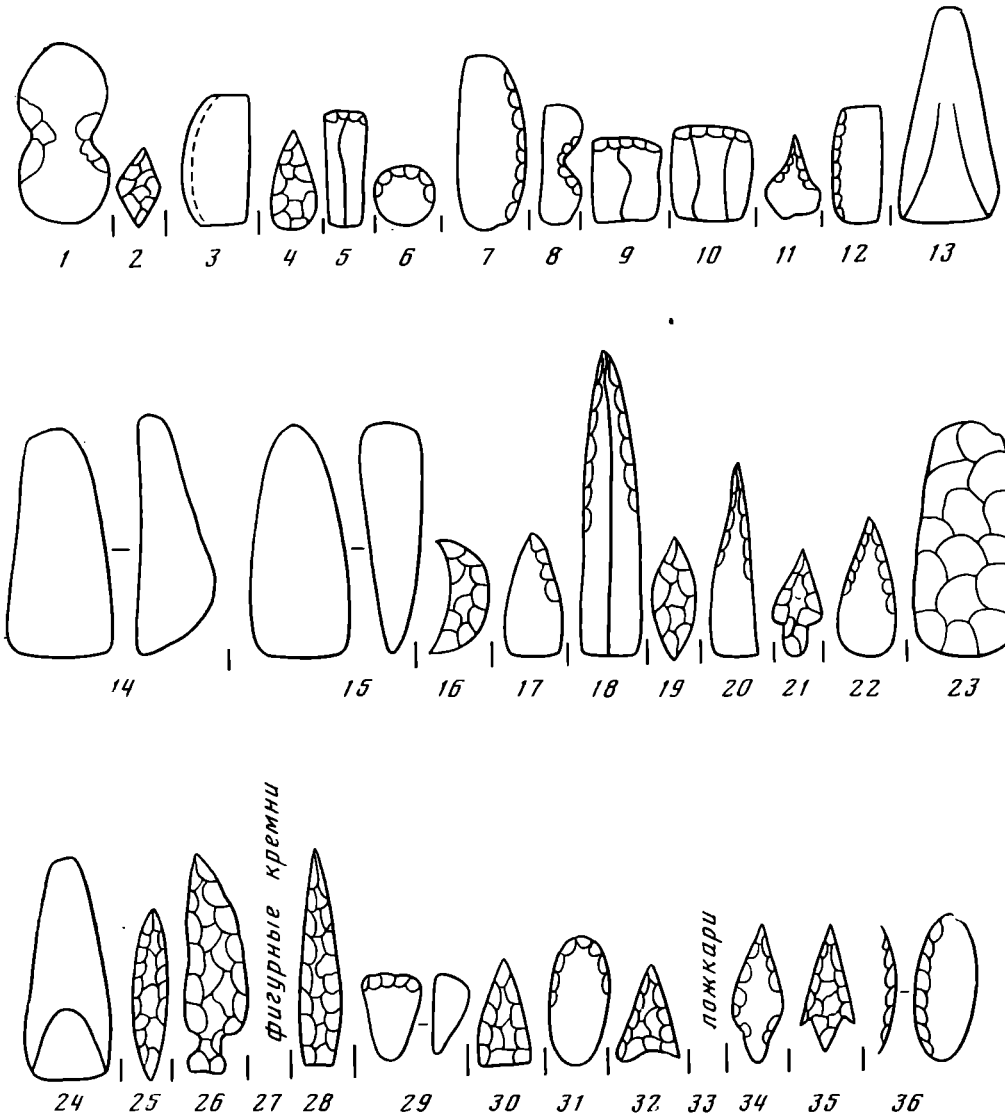


Рис. 2. Изделия из камня эпохи развитого неолита. Цифры на рисунке соответствуют цифровым обозначениям на табл. 2

Неолит Подесенья (общая характеристика дана И. Г. Розенфельдт, В. П. Левенком и др.) известен нам по таким памятникам, как Витховка, Холм, Черепеньки, Белынец, Мыс Очкинский [64, с. 130—140; 65, с. 92—102; 66, с. 157—166; 67, с. 52—66; 68, с. 103—113; 69, с. 65—70; 70, с. 147—155; 71, с. 22—36; 72, с. 187—197; 73, с. 247—253]. При их исследовании были найдены ромбические, листовидные, с усеченным основанием, треугольночерешковые, с выемкой в основании, треугольные наконечники стрел и копий; двусторонне обработанные наконечники стрел из ножевидных пластин; концевые, округлые, с высоким профилем, овальные скребки, скобели и скребла, проколки из отщепов, ретушированные кремневые пластины, серповидные ножи, топоры, скребки-резчики и т. п.

К западу от поречья Десны располагаются неолитические поселения Поднепровья, изучением которых ряд лет занимались К. М. Поликарпович, И. И. Артеменко, И. М. Тюрина, А. Н. Лявданский, В. П. Третьяков и др. Это Романовичи, Няныш, Глинище, Гренск, Чачурайка, Стрелица, Заозерье, Выгон, Гронов II и III, Липовый Брод и др. в Посожье — левом притоке Днепра [74, с. 121—252; 75, с. 383—478; 76, с. 45—149; 77, с. 34—37; 78, с. 63—65; 79, с. 38—43; 80, с. 113—119; 81, с. 108—115; 82, с. 40—49; 83, с. 155—164] — и собственно поднепровские стоянки у с. Ходосовичи, у с. Веть, у дер. Лучин,

Б. Карута, Доргобуж, Катынь 1—5; Верхние и Нижние Немыкари и др. [84; 85, с. 120—126; 86, с. 111—116; 87, с. 31—87; 82; 45, с. 100—109; 98, с. 199—210]. Материалы перечисленных верхнеднепровских поселений состоят из наконечников стрел и копий ромбической, листовидной, миндалевидной, треугольночерешковой, треугольной, в частности с выемкой в основании форм; наконечников стрел из пластин с двусторонней обработкой; скребков концевых, округлых, с двумя гранями на спинке, с высоким профилем, овальных. Кроме того, здесь найдены скребки-резчики, скребла, скобели, проколки из отщепов и пластин, резчики, пластины с ретушью, рубящие орудия, ложкари, серповидные ножи и ножи овальных очертаний.

Наконец, последний регион, материалы которого анализируются в данной статье, представляет собой Валдайскую возвышенность. Здесь в результате работ Н. Н. Гуриной стали известны такие стоянки, как Пено-2, 3, 5, 9, 13, Селигер-1, Охват-6 и др. [89, с. 31—45; 90, с. 159—168]. При их исследовании найдены ромбические, листовидные, треугольночерешковые, лавролистные наконечники стрел и копий; двусторонне обработанные наконечники стрел из пластин; округлые, с гранями на спинке, овальные скребки; скребла, проколки из отщепов и пластин, скребки-резчики, серповидные и овальные ножи; пластины с ретушью, резчики, рубящие орудия, фигурные кремни, ложкари.

Таковы семь регионов с неолитическими древностями, рассмотренные нами выше. Так же как и мезолитические, эти регионы приурочены к бассейнам рек (Кама, Сож) или же к частям тех или иных бассейнов (Среднее Поволжье, нижняя и верхняя Ока, верховья Десны, Днепра, Волги). Этим регионам соответствуют отдельные археологические культуры (валдайская в верховьях Волги) или же варианты культур (камский и средневолжский варианты волго-камской культуры, рязанский и балахнинский варианты культуры ямочно-гребенчатой керамики на нижней Оке, белевская культура в верховьях Оки и Десны, верхнеднепровская — на Соже и верхнем Днепре).

Попытаемся установить степень сходства материалов указанных регионов. Прежде всего проведем сравнение соседних регионов, используя уже описанный выше принцип. В бассейне Камы и средней Волги в эпоху развитого неолита было известно 26 типов орудий труда; 17 типов изделий являлись общими для того и другого региона, что позволяет говорить о 65% сходства сопоставляемых материалов (см. рис. 2). На средней Волге и нижней Оке встречены орудия 28 типов, 16 из которых — общие для того и другого региона. Следовательно, общность коллекций со средней Волги и нижней Оки проявляется на 57%. На поселениях верхней и нижней Оки встречены 26 типов трудий труда. Из них 13 характерны для обоих регионов, что соответствует общности сравниваемых материалов на 50%. На верхней Оке и Десне найдены орудия 22 типов, из которых 13 — общие и для Оки, и для Десны. Таким образом, степень сходства неолитических коллекций из этих регионов — 60%. На Десне и в Поднепровье встречены орудия 24 типов, из которых 18 — общие для обоих регионов. Эти цифры позволяют говорить о сходстве данных коллекций на 75%. В Поднепровье и на Валдайской возвышенности обнаружены орудия 25 типов, 17 из которых — общие для обоих регионов, что соответствует 68% сходства сравниваемых коллекций. Проведенные вычисления позволяют говорить и о среднем проценте сходства, составляющем 62%.

Теперь сопоставим материалы поселений каждого региона не с соседними, а через один (т. е. увеличим расстояние между сравниваемыми группами памятников). Для памятников Камы и нижней Оки с эпохи неолита выделено 29 типов орудий труда, 14 из которых характерны для обоих регионов, что позволяет говорить о сходстве материалов Прикамья и нижней Оки на 48%. На средней Волге и верхней Оке известно 24 типа орудий, 13 из которых — общие для того и другого региона. Это позволяет говорить о 54% сходства средневолжских и верхнеокских коллекций. На нижней Оке и Десне бытовали 29 типов орудий труда.

из которых 13 — общие для обоих регионов, что соответствует общности сравниваемых древностей на 45%. В верховьях Оки и на Днепре в эпоху неолита известны орудия 24 типов. Из них 15 встречены на памятниках обоих регионов. Следовательно, общность материалов верхней Оки и Днепра проявляется на 62%. В бассейне Десны и на Валдайской возвышенности для памятников эпохи неолита выявлены орудия 25 типов, из которых 13 оказываются общими для обоих регионов и свидетельствуют о сходстве древностей подесенья и Валдая на 52%. Наши вычисления позволяют определить и средний процент сходства, составляющий в данном случае 52%.

Увеличивая расстояние между регионами, сравним материалы с поселений нижнего течения Оки с находками со стоянок Поднепровья и Валдайской возвышенности. На нижней Оке и в Поднепровье со стоянок развитого неолита известны орудия 32 типов, причем общими для обоих регионов являются орудия лишь 14 типов, что соответствует сходству коллекций с нижней Оки и Поднепровья на 44%. На нижней Оке и Валдайской возвышенности выявлено 28 типов изделий. Общими для обоих регионов являются орудия 14 типов; следовательно, общность коллекций орудий труда данных регионов составляет 50%. Средний же процент сходства материалов в упомянутых парах регионов равен 47.

Наиболее отдаленное расстояние среди перечисленных в данном разделе регионов — между Прикамьем, Днепром и Валдайской возвышенностью. Сравнивая материалы Прикамья и Поднепровья, можно выделить 30 типов орудий труда, из которых 14 — общие для того и другого региона, что свидетельствует о сходстве характеризующих их древностей на 46%. Материалы неолитических памятников Прикамья и Валдайской возвышенности характеризуются 29 типами орудий труда, 11 из которых — общие для того и другого региона, что соответствует общности древностей Прикамья и Валдая на 38%. Средний же процент сходства материалов в упомянутых парах регионов составляет 42.

Таким образом, как и при анализе мезолитических материалов, процент сходства материалов в различных регионах всегда уменьшается по мере увеличения расстояния между сравниваемыми группами поселений. В соседних же регионах это сходство чрезвычайно велико. В чем же причина близкого сходства материалов соседних регионов и различие древностей, территориально отдаленных друг от друга?

При анализе мезолитических коллекций мы уже отмечали, что сходство материалов соседних регионов достигает 70%. Другими словами, из каждых 10 орудий одинаковыми оказывались изделия 6—8 типов. Казалось бы, что именно в этнически однородной среде может быть достигнуто подобное единство каменной индустрии. Однако в данном случае это решение вопроса неудовлетворительно, поскольку оно не объясняет того факта, что отмеченное сходство при условии единства естественно-географической среды, сырья, и хозяйства проявляется при сравнении любых[1] соседствующих друг с другом регионов, в то время как в материалах отдаленных регионов подобного сходства уже не наблюдается. Другими словами, получается так, что этническое единство наблюдается у населения 1 и 2, 2 и 3, 3 и 4, 4 и 5 регионов, но не у 1 и 4, 2 и 5 и т. п. при условии расположения регионов цепочкой, где каждый последующий соседствует с предыдущим, как это было в наших примерах.

Подтверждением сказанному являются результаты сравнения и неолитических коллекций каменных орудий из ряда регионов лесной полосы Европейской части СССР. Мы отмечали, что сходство материала из соседних регионов достигает 62%, т. е. из каждых 10 орудий труда 6 или 7 оказываются одинаковыми[2]. По мере удаления регионов друг от

[1] Исключение составляют лишь результаты сравнения вычегодских и камских мезолитических материалов, сходство которых, как отмечено выше, равно 53%. Возможно, это является результатом отдаленности сравниваемых регионов. Следует учитывать и бедность вычегодских материалов, что не дает возможности в полной мере представить себе облик материальной культуры этого региона.

[2] При сравнении комплексов неолитических орудий, характерных для различных групп стоянок, сравнительно низкий процент сходства наблюдается при сопоставле-

друга это сходство постепенно уменьшается. Таким образом, здесь мы видим ту же закономерность, что и при анализе древностей эпохи мезолита. Однако в данном случае, решая вопрос о том, зависит ли сходство материалов соседних регионов от этнической близости населявших их племен или нет, мы можем привлечь наиболее надежный этнокультурный показатель эпохи неолита — керамику с ее орнаментацией, о чем автору уже приходилось писать [61, с. 12—21] вслед за рядом исследователей (М. Е. Фосс, А. Л. Монгайтом, А. С. Смирновым и др.).

Сопоставление ареалов распространения тех или иных керамических комплексов и регионов с различными характеризующими их наборами орудий труда позволяет заключить, что сходство или различие коллекций каменных изделий не зависят от степени этнической близости населяющих племен. Так, на Каме и средней Волге в эпоху развитого неолита обитали племена волго-камской культуры, что можно заключить из анализа керамики. То же самое мы говорим о близости материалов верхней Оки и Подесенья, населенных племенами белевской культуры с керамикой, украшенной оттисками штампа и ромбическими вдавлениями и т. д.

Как отмечалось, степень сходства наборов орудий труда в этих регионах высока — в среднем 62%, но ведь приблизительно таково же сходство коллекций каменных изделий со средней Волги и нижней Оки, т. е. между регионами, где обитали волго-камские племена и носители культуры ямочно-гребенчатой керамики; с Подесенья и Поднепровья, где, как только что отмечалось, жили носители белевской и верхнеднепровской культур с различными навыками производства и украшениями керамики; Поднепровья и Валдайской возвышенности, где также вполне отчетливо прослеживаются различия керамических коллекций.

Эти моменты, как нам кажется, не позволяют объяснить сходство комплексов каменных орудий в соседних регионах этнической близостью обитавшего там населения. Скорее всего, причиной сходства являются в первую очередь результаты контактов — обмен, передача навыков в изготовлении орудий и т. п., благодаря чему и возникли общие традиции в изготовлении тех или иных предметов. По словам Г. Чайлда, «эта накопленная традиция не является принадлежностью только ограниченной группы лиц, связанных между собой кровным родством» [91, с. 106]. Данным, доказывающим наличие обмена в неолитическом обществе, посвящено значительное количество работ. Исследователи отмечали факты распространения изделий из олонецкого сланца, верхневолжского кремня, прибалтийского янтаря, беломорских наконечников стрел, прибалтийских долот типа круммайзель и т. п. При этом совершенно очевидно, что обмен для соседних регионов был доступнее, чем для регионов, отдаленных друг от друга значительным расстоянием. То же можно сказать о передаче навыков в изготовлении тех или иных типов орудий труда: чем ближе друг от друга обитали те или иные группы древнего населения, тем реальнее было распространение единообразных способов изготовления каменных орудий и их типов. Эти положения и объясняют то обстоятельство, что по мере увеличения расстояния между сравниваемыми регионами наборы орудий труда, специфические для каждого из них, содержат все менее сходных черт, поскольку с увеличением расстояния возможность контактов уменьшается.

Картина, близкая нарисованной, прослеживается исследователями и на основе данных иного рода, в частности лингвистики. Так, Д. В. Бубрих писал, что «максимум сходства и минимум различий в языке обеспечивался непосредственным контактом. В случае опосредственного кон-

---

нии нижнеокских и верхнеокских древностей (50%). Объяснение этому я вижу во фрагментарности материалов по неолиту верхней Оки, представленных исключительно результатами сборов с поверхности разрушенных стоянок, которые с трудом поддаются научной систематизации. Кроме того, поречье верхней Оки в отличие от нижнего ее течения изобилует выходами кремня — налицо различие сырьевых баз для изготовления орудий труда, что не могло не сыграть определенной роли в выработке наборов изделий из камня.

такта сходства уменьшались, а различия увеличивались» [92, с. 47]. Примечательную картину в связи с этим мы наблюдаем, знакомясь с материалами по Австралии. В. Р. Кабо отмечал, что «до недавнего времени в Австралии насчитывали до 500 различных языков ... Новые исследования показали, что здесь широко распространено явление, которое лингвисты называют «диалектной цепью»: из языков А, Б, В, Г и Д — А и Б взаимопонятны и являются, следовательно, только диалектами одного языка; то же самое относится и к парам Б — Д, В — Г и Г — Д. Однако ни А и В, ни А и Г, ни А и Д, ни Б и Г, ни Б и Д, ни В и Д не взаимопонятны, другими словами, цепь взаимопонимаемости движется шаг за шагом от языка А до языка Д. что делает их всех диалектами одного языка; однако несоприкасающиеся звенья цепи, если их сравнивать друг с другом, не взаимопонятны и являются, следовательно, различными языками. Таким образом, количество австралийских языков значительно меньше, чем думают, и, по мнению С. Вурме, может быть сведено до ста пятидесяти» [93, с. 345]. Подобная картина прослеживается и на Новой Гвинее, где, по словам А. Н. Бутинова, «...наблюдается большая близость языков соседних групп населения. Папуасские языки незаметно переходят один в другой. Существует цепная связь языков, при этом, как писал Вирц о языках побережья Папуасского залива, «каждое звено обнаруживает небольшое отклонение от обоих соседних». Недавно цепная связь языков обнаружена в центральных горных районах Восточной Новой Гвинеи. В этих районах, пишет К. Рид, границы между языками „нигде не являются резкими, обычно существует постепенный переход". О цепной связи языков на побережье залива Астролябии писал Н. Н. Миклухо-Маклай, о районе р. Сепик — М. Мид. Можно вспомнить, наконец, слова М. Кригера: „Папуасские языки незаметно переходят один в другой", а также утверждение Цоллера о наличии „переходных ступеней" между папуасскими языками» [94, с. 24].

К аналогичным выводам нередко приводит исследователей и анализ материальной культуры. Чрезвычайно интересны, в частности, этнографические материалы, опубликованные Н. А. Бутиновым, в отношении папуасов Новой Гвинеи. Исследователь отмечал, что на Новой Гвинее более чем за 100 лет ее изучения в этнографическом отношении было выделено около 50 племенных группировок. «Проведенные этнографами границы расселения племен таковы, что место, где ученый жил и работал, обычно представляет собой географический центр племенной территории» [94, с. 24]. При этом «Очертания племенных территорий, проведенных на карте, могут быть самыми различными. Это может быть окружность (племя хули). Райен прямо говорит о радиусе в 7,5 км, с помощью которого он провел из станции Менди южную, западную и восточную границы племени менди. Но затем он переселился на 6—7 км к северу от станции Менди, на территорию клана Периколе. Поэтому северная граница отстоит от станции Менди не на 7, а на 13—14 км. Очертание племенной территории может напоминать полукруг (сакер, матукар, мейбрат, хуштара, капауку), если исследователь живет на берегу моря, на склоне необитаемых гор или на этнической границе, проведенной до него другим исследователем. Это может быть прямоугольник, если исследователь движется по этнической целине и проводит границы справа и слева от линии своего маршрута (территория маринданим по обе стороны р. Бпан). Наконец, это может быть прибрежная полоса, с „центром равновесия" посередине (впимо, моандо и т. д.)» [94, с. 26]. Н. А. Бутинов полагает, исходя из этих данных, что исследователи, намечая племенные группировки на Новой Гвинее, селились в какой-либо деревне и прослеживали степень сходства материальной культуры обитателей этой деревни с постройками, утварью, языком, обычаями и т. п. жителей соседних деревень. Там, где это сходство исчезало или оказывалось минимальным, проводилась граница. Переселение исследователя в другую деревню влекло за собой изменение очертаний племенной территории. Исследователи не обращали внимание, что чуть ли не по всей территории Новой Гвинеи языки незаметно переходят

Таблица 3

Распределение типов орудий труда эпохи мезолита в Западном и Восточном Полесье

Регионы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Западное Полесье	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+							+	
Восточное Полесье		+		+	+	+	+	+	+					+				+	+		+	+	+	+	+	+		+

один в другой, таким же образом видоизменяется и материальная культура [95, с. 143, 144]. Здесь наблюдается такая же «цепная связь» (но проявляющаяся гораздо отчетливее) культуры жителей соседних деревень или групп деревень, которую мы наблюдали по данным археологии. Это не означает, что в настоящее время исследователи не в силах выделять отдельные этнические группировки (группы родственных племен). Но это оказывается гораздо более сложной работой, чем иногда представляется.

Как показывают наблюдения, различия наборов орудий труда наиболее четко проявляются в тех регионах, которые отделены друг от друга какими-либо естественными преградами, или в регионах с различным сырьем для изготовления орудий труда. Таковы материалы нарвской культуры в Эстонии с ее костяной индустрией (шилья, наконечники, долота, острия и т. п.) и единичными изделиями из кремня и культуры сперрингс в Карелии и Финляндии, которая характеризуется наборами сланцевых, кварцевых, кварцитовых изделий (топоры, тесла, кирки, наконечники стрел и копий, скребла, грузила и т. п.) специфических очертаний. Эти регионы отделены друг от друга Финским заливом и Ладожским озером, что препятствовало общению их носителей. Вспомним упоминавшиеся выше валдайские племена, исстари населявшие сухие возвышенные районы, богатые кремнем, что давало возможность изготовлять в большом количестве крупные орудия труда (массивные скребки, топоры, долота, скребла и т. п.), и население Усвятского района, освоившее в древности бедные кремнем увлажненные болотистые территории и пользовавшееся изделиями из камня сравнительно мелких размеров. Примеров можно привести много (культура Кунда и Аскола и т. п.). Остановимся подробнее лишь на одном. Речь идет о материалах эпохи мезолита западного и восточного Поприпятья на территории современной Белоруссии. Здесь благодаря многолетним исследованиям В. Ф. Исаенко изучены многочисленные поселения периода среднего каменного века, давшие богатые коллекции изделий из кремня. Исключительный интерес бассейна Припяти для нашей темы заключается в том, что он «с глубокой древности» делится на две части «топкими болотными массивами», которые мешали контактам обитателей восточного и западного Полесья [96, с. 263—266; 97, с. 13].

Мезолитические материалы бассейна Припяти представлены 28 основными формами кремневых изделий (табл. 3, рис. 3). Это всевозможные скребки, резцы, рубящие орудия, вкладыши, нуклеусы, поделки геометрических очертаний (трапеции, треугольники, сегменты), проколки, скобели и т. п., но общими для того и другого региона являются лишь 10 типов орудий, что составляет общность сопоставляемых коллекций лишь на 36%, в то время как наборы орудий труда из соседних регионов, но не разделенных между собой естественно-

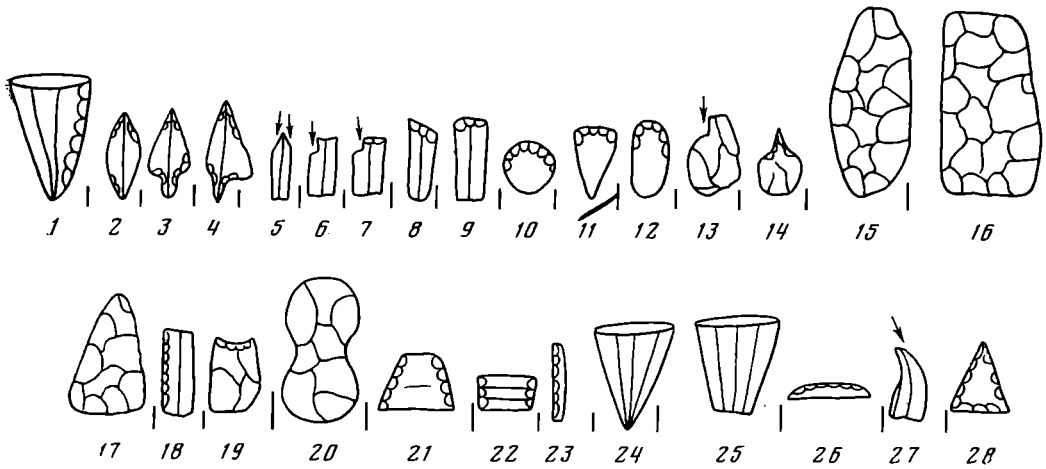


Рис. 3. Мезолитические орудия со стоянок Полесья. Цифры на рисунке соответствуют цифровым обозначениям на табл. 3

географическими преградами, сходны, как мы пытались показать выше, в среднем на 60—70%. Таково значение отсутствия контактов между древними коллективами.

Знакомясь с данными этнографии, мы видим такую же картину. Так, население Алтая, Кавказа и т. п. разделено на множество мелких этнических групп со специфической материальной культурой в силу того, что они оказались отделенными друг от друга горными хребтами, ущельями и т. п. «Границы этнических групп,— писал Н. А. Бутинов,— при наличии цепной связи языков могут проходить только там, где нарушен контакт между различными частями населения. А нарушить контакт могут длительные враждебные отношения, вселения чуждых по языку и культуре племен, а также природные барьеры (горные хребты, незаселенные местности, водные пространства)» [95, с. 189].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагина И. В.* Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры.— МАЕСВ, 1973, вып. 5.
2. *Лузгин В. Е.* Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижемы.— МИА, 1973, № 172.
3. *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972.
4. *Буров Г. М.* Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде.— СА, 1961, № 1.
5. *Буров Г. М.* Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965.
6. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
7. Новые материалы по археологии бассейна р. Вычегды.— Изв. Коми филиала ВГО, Сыктывкар, 1962, № 7.
8. *Бадер О. Н.* Камская археологическая экспедиция.— КСИИМК, 1953, № 51.
9. *Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита.— МИА, 1966, № 126.
10. *Бадер О. Н.* Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I на р. Чусовой.— МИА, 1950, № 22.
11. *Бадер О. Н.* Из новейших археологических исследований Чусовского отряда Института геологических наук АН СССР.— БКИЧП, 1949, № 14.
12. *Бадер О. Н.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. Отчеты Воткинской экспедиции ИА АН СССР. М., 1961, вып. 2.
13. *Бадер О. Н., Тихонов Б. Г.* Кама-Жулановская мезолитическая стоянка.— АЭБ, 1964, т. II.
14. *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Яндашевская стоянка.— СА, 1968, № 2.
15. *Халиков А. Х.* Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в среднем Поволжье и Нижнем Прикамье.— АЭБ, 1964, т. II.
16. *Халиков А. Х.* Материалы к изучению населения среднего Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы.— Тр. Марийской археологической экспедиции, Йошкар-Ола, 1960, т. I.
17. *Халиков А. Х.* Древняя история среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
18. *Халиков А. Х.* Мезолит среднего Поволжья.— МИА, 1966, № 126.
19. *Косменко М. Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в среднем Поволжье.— СА, 1973, № 3.

20. *Косменко М. Г.* Мезолит среднего Поволжья.— КСИА АН СССР, 1977, № 149.
21. *Паничкина М. З.* Мезолитическая стоянка Борки.— МИА, 1947, № 2.
22. *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор.— МИА, 1966, № 126.
23. *Кольцов Л. В.* Некоторые итоги изучения неолита Волго-Окского междуречья.— СА, 1965, № 4.
24. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1965.
25. *Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г.* Первые памятники мезолита в Мещере.— СА, 1977, № 2.
26. *Воеводский М. В.* Стоянка Гремячье.— МИА, 1941, № 2.
27. *Успенский С. Н.* Верхнеокская неолитическая стоянка Турынские Дворики.— КСИИМК, 1955, № 59.
28. *Бадер О. Н., Воеводский М. В.* Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции.— ИГАИМК, 1935, № 109.
29. *Третьяков П. Н.* Эпипалеолитические поселения Скнятиных дюн.— МИА, 1950, № 13.
30. *Третьяков П. Н.* Позднемезолитические местонахождения костромского и ярославского Поволжья.— МИА, 1963, № 110.
31. *Крайнов Д. А.* Дюнная стоянка Золоторучье I.— КСИИМК, 1959, № 75.
32. *Крайнов Д. А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.— КСИА АН СССР, 1964, № 97.
33. *Краснов Ю. А.* Следы мезолита в долине Москвы-реки.— СА, 1962, № 1.
34. *Кольцов Л. В.* Бутовская мезолитическая стоянка.— КСИА АН СССР, 1964, № 101.
35. *Кольцов Л. В.* Стоянка Коприно на верхней Волге.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.
36. *Кольцов Л. В.* Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы.— СА, 1970, № 1.
37. *Кольцов Л. В.* Мезолитический слой стоянки Алтыново.— КСИА АН СССР, 1972, № 131.
38. *Гаврилова И. В.* Новые мезолитические памятники Костромской области.— КСИА АН СССР, 1967, № 111.
39. *Сидоров В. В., Жилин М. Г.* Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье.— СА, 1972, № 2.
40. *Третьяков В. П.* Кем оставлены памятники галичской культуры.— МИС, 1970, вып. 3.
41. *Гурина Н. Н.* Основные особенности мезолитических памятников в верховьях Волги.— КСИА АН СССР, 1977, № 149.
42. *Копытин В. Ф.* Позднемезолитическая стоянка Печенеж.— КСИА АН СССР, 1975, № 141.
43. *Копытин В. Ф.* Мезолит юго-восточной Белоруссии. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1977.
44. *Копытин В. Ф.* Мезолит юго-восточной Белоруссии.— КСИА АН СССР, 1977, № 149.
45. *Третьяков В. П.* Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в смоленском Поднепровье.— СА, 1972, № 2.
46. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
47. *Шмидт А. В.* Стоянка у станции Левшино.— СА, 1940, V.
48. *Прокошев Н. А.* К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья.— МИА, 1940, № 1.
49. *Бадер О. Н.* Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита.— МИА, 1972, № 173.
50. *Денисов В. Н.* Кряжская неолитическая стоянка.— КАЭ ИА АН СССР, 1961, вып. 2.
51. *Денисов В. П.* Хуторская неолитическая стоянка.— Тр. КАЭ, вып. III. УЗПГУ, т. XII, в. I, Пермь, 1960.
52. *Халиков А. Х.* Неолитические памятники в казанском Поволжье.— МИА, 1958, № 61.
53. *Халиков А. Х.* Неолитические племена среднего Поволжья.— МИА, 1972, № 173.
54. *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. Т. I—II. М., 1881.
55. *Кудрявцев П. П.* К материалам о доисторическом человеке каменного века р. Оки.— Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытания, СПб., 1883, т. XIV, вып. I.
56. *Селезнев Ф. Я.* Приокские древнейшие поселения.— Тр. Владимирского областного музея, Владимир, 1928, вып. 3.
57. *Бадер О. Н., Воеводский М. В.* Стоянки Балахнинской низины.— ИГАИМК, 1935, № 106.
58. *Зубков В. И.* Антропоморфные и зооморфные изображения из окских неолитических стоянок.— КСИИМК, 1949, № 25.
59. *Цветкова И. К.* Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки.— МИА, 1963, № 110.
60. *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
61. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л.: Наука, 1972.
62. *Полякова Г. Ф.* Племена белевской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
63. *Полякова Г. Ф.* Неолитические племена верхнего течения р. Оки.— МИА, 1972, № 173.
64. *Розенфельдт И. Г.* Стоянка Мыс Очкинский.— КСИИМК, 1950, № 31.

65. *Розенфельдт И. Г.* К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце IV — начале II тыс. до н. э.— КСИИМК, 1959, № 75.
66. *Розенфельдт И. Г.* Стоянки близ села Неготино Брянской области.— СА, 1974, № 2.
67. *Кропоткин В. В.* Белынецкие курганы и стоянка.— КСИИМК, 1952, № 47.
68. *Кропоткин В. В.* Новые исследования белынецких курганов.— КСИИМК, 1959, № 75.
69. *Заверняев Ф. М.* Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском.— КСИИМК, 1957, № 67.
70. *Смирнов А. С.* Неолитическая стоянка Лунево II.— СА, 1973, № 2.
71. *Левенок В. П.* Работы Деснинского отряда 1956 г.— КСИИМК, 1959, № 74.
72. *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР.— МИА, 1972, № 173.
73. *Падин В. А.* Раскопки на Холме.— СА, 1972, № 1.
74. *Поликарпович К. М.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа.— Працы Катэдры археолгіі, Минск, 1928, т. I.
75. *Поликарпович К. М.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа.— Працы Археолегічнай камісіі, Минск, 1930, т. II.
76. *Поликарпович К. М.* Стоянки среднего Посожья.— В кн.: Материалы по археологии БССР. Т. I. Минск, 1957.
77. *Артеменко П. И.* Памятники эпохи неолита и бронзового века верхнего Поднепровья.— КСИИМК, 1960, № 78.
78. *Артеменко И. И.* Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 г.— КСИА АН СССР, 1961, № 84.
79. *Артеменко И. И., Тюрина И. М.* Неолитическое поселение в урочище Стрелица.— КСИА АН СССР, 1966, № 106.
80. *Гаврилова И. В.* Дюнная стоянка Романовичи.— КСИА АН СССР, 1964, № 97.
81. *Тюрина И. М.* Неолитические памятники Посожья.— КСИА АН СССР, 1967, № 111.
82. *Тюрина И. М.* Неолит Верхнего Поднепровья.— СА, 1970, № 3.
83. *Третьяков В. П.* Некоторые стоянки каменного века Посожья и Подесенья.— СА, 1978, № 2.
84. *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии.— НИСГУ, 1927, т. IV, вып. 3.
85. *Артеменко И. И.* Неолитические стоянки у с. Веть Могилевской области.— КСИА АН СССР, 1964, № 97.
86. *Артеменко И. И.* Неолитические поселения в урочище Сосонка.— КСИА АН СССР, 1964, № 101.
87. *Артеменко И. И.* Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской области БССР.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.
88. *Третьяков В. П.* Древности в бассейне р. Катыни.— СА, 1972, № 4.
89. *Гурина Н. Н.* Валдайская неолитическая культура.— СА, 1958, № 3.
90. *Гурина Н. Н.* Неолитические племена Валдайской возвышенности.— МИА, 1973, № 172.
91. *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949.
92. *Бубрих Д. В.* Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР.— Уч. зап. ЛГУ, 1948, сер. востоковед. наук, вып. 2.
93. *Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1969.
94. *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи. М.: Наука, 1968.
95. *Бутинов Н. А.* Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи.— ТИЭ, Л., 1962, т. X.
96. *Исаенко В. Ф.* Геологические условия залегания мезолитических и неолитических поселений Полесья.— Докл. АН БССР, Минск, 1972, т. XVI.
97. *Исаенко В. Ф.* Неолит припятского Полесья. Минск: 1976.

V. P. Tretyakov

ON THE ARCHAEOLOGICAL CONTINUITY (CASE-STUDY OF MESOLITHIC AND NEOLITHIC TOOLS)

Summary

Stone Mesolithic and Neolithic industries from different regions of the European North-East, the Kama, Oka, Desna, Dnieper and Volga basins, the Valdai Upland are compared and the fact that in adjoining regions such complexes reveal considerable similarity (from 6 to 8 identical tools per dozen) is established as well as the fact that greater distances, natural obstacles and different raw material brought greater divergencies in tool types. This regularity, supported by linguistic and ethnographic data and termed «archaeological continuity» by the author, can be revealed only through large-scale research conducted over vast territories and boils down to the phenomenon that material culture changes gradually from one region to another and that tools of adjoining regions always display close similarity.

РЫНДИНА Н. В., КОНЬКОВА Л. В.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОЛЬШИХ УСАТОВСКИХ КИНЖАЛОВ

Более 50 лет прошло с тех пор, как при раскопках Усатовских курганов под Одессой были получены первые находки, и среди них первые изделия из металла [1, с. 54]. За истекшее время коллекция металла из могильников усатовского типа обогатилась многими новыми находками и сейчас насчитывает уже около 70 предметов. В ней представлены украшения (спиральные височные кольца и трубчатые пронизки), орудия труда (шилья, ножи, плоские топоры, долота) и оружие (кинжалы).

Усатовские металлические изделия неоднократно привлекались археологами в качестве источника по изучению экономики, общественного строя, торговых связей позднетрипольских племен северо-западного Причерноморья, по установлению общей хронологии их древностей [2, с. 23—32; 3, с. 138—140; 4, с. 38—46; 5, с. 69—78; 6, с. 161—176]. В решении этих вопросов особое внимание уделялось так называемым большим кинжалам усатовского типа.

Среди 14 известных на сегодняшний день усатовских кинжалов четыре выделяются не только своими крупными размерами, но и наличием двусторонней полукруглой нервюры, идущей вдоль их заостренных клинков (рис. 1, *6—8, 10*). Край клинков окаймлен узким скошенным фланцем. Треугольный или трапециевидный черенок с дырочками для крепления рукояти соединен с клинком плавно или отмечен слабым перехватом, образующим маленькие прямоугольные плечики. Один кинжал найден в кург. 5 у с. Утконосовка, два — в первом курганном могильнике с. Усатово (кург. 1—1 и 1—3), один — в кург. 3 у с. Суклея.

Уже первые исследователи могильников в Усатове — Е. Ф. Лагодовская и В. И. Селинов — заметили, что большие кинжалы по форме и качеству обработки выпадают из основного комплекса металлических находок и тяготеют к Восточному Средиземноморью [1, с. 60, 63; 7, с. 261]. По мнению Е. Ф. Лагодовской, они попали к усатовцам из крито-минойского мира. В качестве прямых аналогов усатовским экземплярам она называет критские кинжалы из толосов Кумасы, датированные раннеминойским III — среднеминойским II периодом. В числе доводов, позволяющих говорить об их эгейском производстве, автор упоминает среди прочего и специфическую обработку поверхности кинжалов с помощью посеребрения их якобы чистомедных клинков [8, с. 99]. Ошибочный вывод о покрытии серебром предварительно отлитых из чистой меди больших кинжалов Усатова был заимствован археологами из заключений, сделанных еще до войны химиком О. Ф. Драко [9, с. 6, 7]. В части технологической О. Ф. Драко основывалась лишь на данных поверхностного осмотра изделий (металлографических исследований она не проводила), в части химической — на весьма неполных результатах химического анализа их металла [1].

К крито-минойским импортам относит большие усатовские кинжалы и Т. С. Пассек. В монографии 1949 г. она основывает датировку позднего этапа Триполья на сопоставлении известных к тому времени трипольских изделий из металла с широким кругом находок из ранних металлоносных памятников Ближнего Востока, Восточного Средиземноморья, Египта и Центральной Европы. «Усатово-суклеянские» типы

[1] Примечательно, что ошибочные заключения О. Ф. Драко получили большую популярность у археологов; впоследствии они повторены во многих работах, посвященных изучению усатовских комплексов.

кинжалов с нервюрой посередине и несколькими сквозными отверстиями для крепления рукояти она считает сходными с критскими кинжалами I и II среднеминойского периодов [10, с. 210]. Близкой точки зрения придерживается Э. Ф. Патокова в работе, специально посвященной усатовскому металлу [11, с. 191—194].

Во всех перечисленных исследованиях вопрос о связях усатовского населения Северного Причерноморья с восточносредиземноморской зоной рассмотрен в самом общем плане и утверждаемая в них близость усатовских и критских кинжалов не подкреплена достаточно развернутой аргументацией ни типологического, ни тем более технологического характера. Попытку более детального изучения позднетрипольских кинжалов предпринял В. Г. Збенович [4, с. 38—46; 5, с. 72—74, 118—120]. Собрав и описав все имеющиеся кинжалы, он разделил их на два типа — «А» и «Б». Тип «А», по В. Г. Збеновичу, представлен большими кинжалами с хорошо заметной нервюрой; тип «Б» — кинжалами меньших размеров без нервюры, с линзовидным сечением клинка. Первый тип автор вновь связывает со средиземноморскими импортами, включая в него упомянутые кинжалы из кург. 1—1 и 1—3 Усатова и кинжал из кург. 3 Суклеи; второй тип — с местным собственно трипольским производством [5, с. 119]. Следует сразу отметить, что особенности оформления черенковой части кинжалов при их типологической классификации В. Г. Збенович практически не учитывает[2]. Это упущение, мало заметное при подразделении собственно трипольских экземпляров в силу сходства у основной их части системы крепления клинка к рукояти, оказывается весьма существенным, когда автор переходит к поискам конкретных аналогий оружию типа «А» в Средиземноморье. Очерчивая область распространения длинных пламевидных кинжалов с нервюрой, он приходит к выводу, что центром их производства был Крит и связанная с ним непосредственно территория материковой Греции и Киклад. Это служит ему основанием для датировки больших усатовских кинжалов, а затем и всех древностей усатовского варианта позднего Триполья временем 2400—2200 гг. до н. э. [4, с. 43, 44; 5, с. 142]. Среди эгейских изделий, которые обнаруживают наибольшее сходство с усатовскими клинками, В. Г. Збенович называет находки из толосов Кумасы, Платаноса, из Агиа Триады, Зигуриса, Аморгоса. Они действительно напоминают усатовские по общим очертаниям и размерам клинка, по наличию в его центральной части ребра жесткости — характерной полукруглой в сечении двусторонней нервюры (рис. 1). Однако для упомянутых эгейских изделий типично совершенно иное, чем для усатовских, оформление верхней, пяточной части клинка. К. Брэниган и К. Ренфрю, специально занимавшиеся исследованием критских и кикладских кинжалов, подчеркивают, что у эгейских экземпляров с нервюрой (тип IV-*а*, IV-*в* по К. Ренфрю и V, VI по К. Брэнигану) она не отделена от клинка и имеет расширенно-закругленную форму [13, p. 14, fig. 2, *1*, *2*; *14*, p. 11, tabl. VII]. Кроме того, она часто снабжается наверху полукруглым или У-образным выемом. Нельзя не отметить и такую важную деталь: на эгейских кинжалах раннего бронзового века кромка лезвия никогда не обозначена четко выраженным фланцевым скосом [13, p. 8—43, fig. 1—6; 14, p. 1—20, tabl. VII—VIII], столь характерным для больших усатовских кинжалов. Таким образом, типологические основания, приведенные В. Г. Збеновичем, не позволяют безоговорочно связывать их с производственными центрами Крита и соседних районов Эгеиды.

Дополнительный и весьма важный материал для решения проблемы происхождения больших усатовских кинжалов дают результаты спектрального и металлографического исследования их металла. Спектральный анализ, проведенный Е. Н. Черных, установил, что значительная часть усатовских металлических изделий (37 предметов, в том числе и большие кинжалы) изготовлена из медно-мышьяковых бронз. Первона-

[2] Установлено, что форма черенковой части кинжалов и ножей при их типологическом рассмотрении должна приниматься во внимание в первую очередь, как наименее подверженная изменению в процессе использования [12, с. 188, 234].

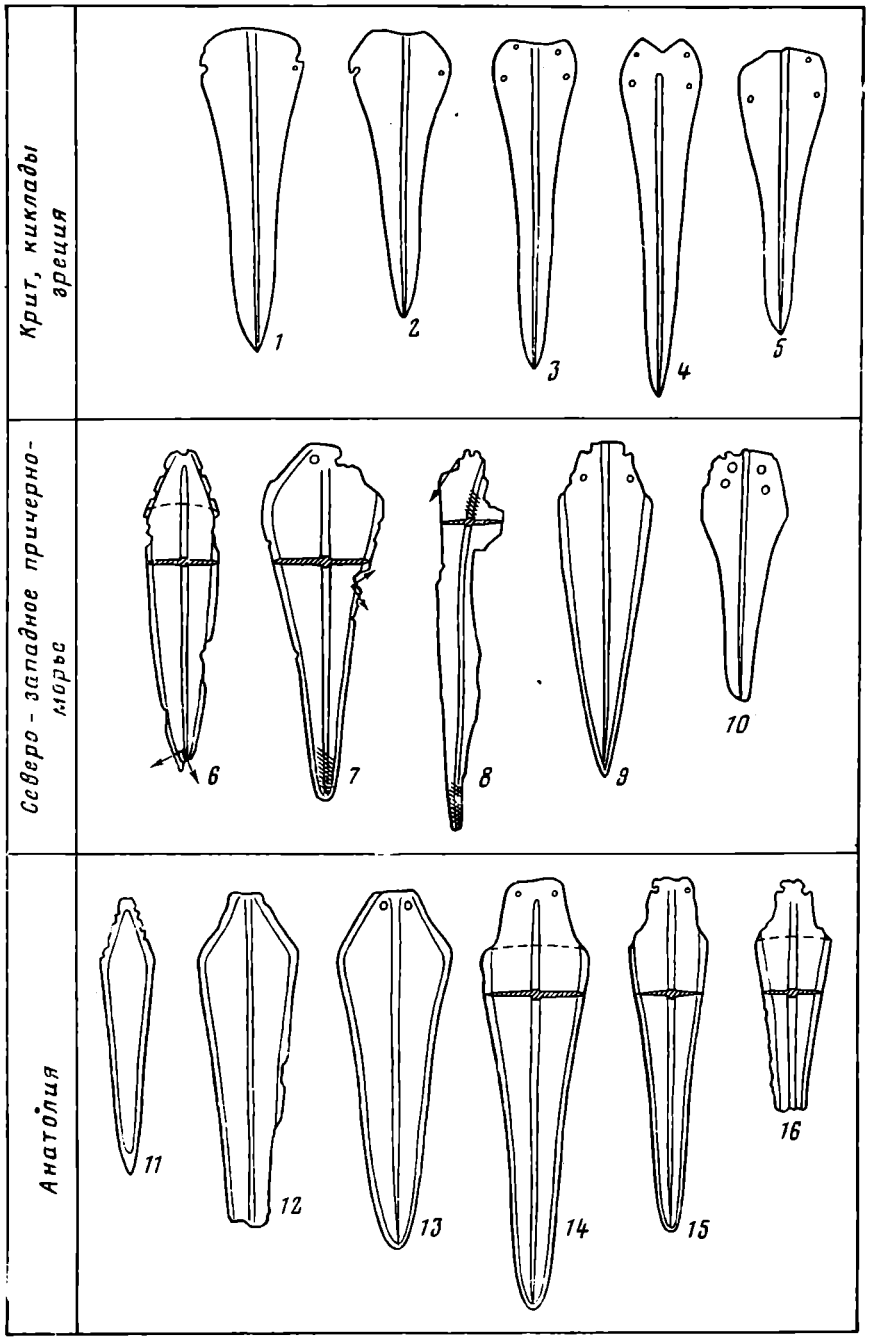


Рис. 1. Бронзовые кинжалы восточного Средиземноморья и северо-западного Причерноморья. Место среза при изготовлении шлифов обозначено секущей, место подполировки — косой штриховкой.
1 — Зигурис; *2—4* — Платанос; *5* — Аморгос; *6* — Утконосовка; *7*, *8* — Усатово; *9* — Кукутени В; *10* — Суклея; *11* — Соли; *12* — Иелтен; *13* — Троя II—V; *14—16* — Байиндеркей

чально эти бронзы по основным геохимическим показателям были связаны Е. Н. Черных с кавказскими рудными источниками [2, с. 23—31]. Накопленная в последние годы серия анализов мышьяковых сплавов с территории Северо-Восточных Балкан позволила ему пересмотреть прежний вывод о кавказском происхождении металла в усатовских памятниках. Усатовские медно-мышьяковые сплавы по набору примесей оказались похожими на те, что были выявлены им в металлообрабатывающем очаге раннего бронзового века Болгарии, названном им очагом типа Эзеро. Этот очаг Е. Н. Черных ассоциирует со свитой близких по времени культур Эзеро — Караново VII — Чернавода II и III [12, с. 170,

171]. Примечательно, что усатовский очаг металлообработки и очаг типа Эзеро роднит не только совпадение химико-металлургических групп металла (VII-А и VIII-А по Е. Н. Черных), но и сходство некоторых типов орудий (долот, ножей, шильев). Однако это заключение не решает вопроса о месте изготовления больших усатовских кинжалов, поскольку типологически они явно выпадают из близкого набора изделий Усатова — Эзеро. Это особо подчеркивает сам Е. Н. Черных, вновь возвращаясь к тезису о прямых связях усатовских племен с эгейским миром [12, с. 171]. Он отмечает, что мышьяковый металл раннего бронзового века сходен в значительной по территориальному охвату центральной части циркумпонтийской зоны, в которую входят районы западного и северо-западного Причерноморья, Эгеи и западной части Малой Азии. В историко-культурном плане она совпадает с деятельностью нескольких самостоятельных очагов металлообработки, среди которых находятся усатовский очаг, очаг типа Эзеро и ряд очагов на территории Эгеи и Западной Анатолии, локализация которых еще не вполне ясна [12, с. 173, 174]. Таким образом, геохимическая характеристика металла больших усатовских кинжалов подключает к возможным районам их производства западную часть Анатолии. Забегая вперед, отметим, что анатолийская линия поисков их происхождения оказывается наиболее плодотворной, если привлечь вновь накопленные данные по исследованию их формы и весьма специфических методов технологии.

Технологическое исследование кинжалов проведено в металлографической лаборатории при кафедре археологии МГУ. Оно включало поверхностный осмотр их клинков в бинокулярный микроскоп МБС-I, микроструктурный анализ их металла и измерение его твердости.

Кинжал из центрального погребения кург. 3 первого курганного могильника в Усатове имеет длинный треугольный клинок со слегка изогнутыми внутрь кромками лезвий, края которых оформлены четким фланцевым скосом (рис. 1, 7). Вдоль центральной части клинка с двух сторон проходит нервюра. Широкие плечики кинжала плавно перерастают в короткий трапециевидный черенок, на вершине которого помещены два круглых отверстия для крепления штифтов рукояти. Общая длина клинка 19,5 см; максимальная ширина плечиков 6,5 см; высота черенка 3,1 см. Кинжал изготовлен из бронзы, содержащей около 10% мышьяка [3].

При поверхностном осмотре кинжала в бинокулярный микроскоп удалось установить, что отверстия на черенке были пробиты в предварительно отлитой заготовке изделия. По краю отверстий проходит слегка оттянутый в сторону, выступающий кант металла, свидетельствующий, что пробивку производили инструментом с конусообразным рабочим окончанием на наковальне с цилиндрическим углублением. Диаметр углубления несколько превышал диаметр предполагаемого отверстия. При пробивке заготовку клинка укладывали на наковальню так, что против пробиваемого места находилось углубление в наковальне; удары по установленному сверху пробойнику приводили не только к прорезанию металла, но и частично к его течению вдоль стенок углубления.

На поверхности кинжала при визуальном исследовании обнаружена блестящая серебристая пленка, которая покрывает его клинковую часть, прерываясь лишь в зонах особенно активного повреждения металла коррозией. Остатки этой блестящей пленки, видимо, и породили ошибочное представление о его «серебрении». Действительный характер наблюдаемого покрытия стал очевидным лишь после детального микроструктурного изучения изделия.

Микроструктурный анализ прошли два шлифа. Один шлиф (№ 1) получен подполировкой нижней колющей части кинжала, другой (№ 2) — подполировкой среза, взятого с лезвия на месте его облома в центральной части клинка (рис. 1, 7). До травления на шлифе № 1 обнаружены

[3] Лаборатория спектрального анализа ИА АН СССР, № 2288.

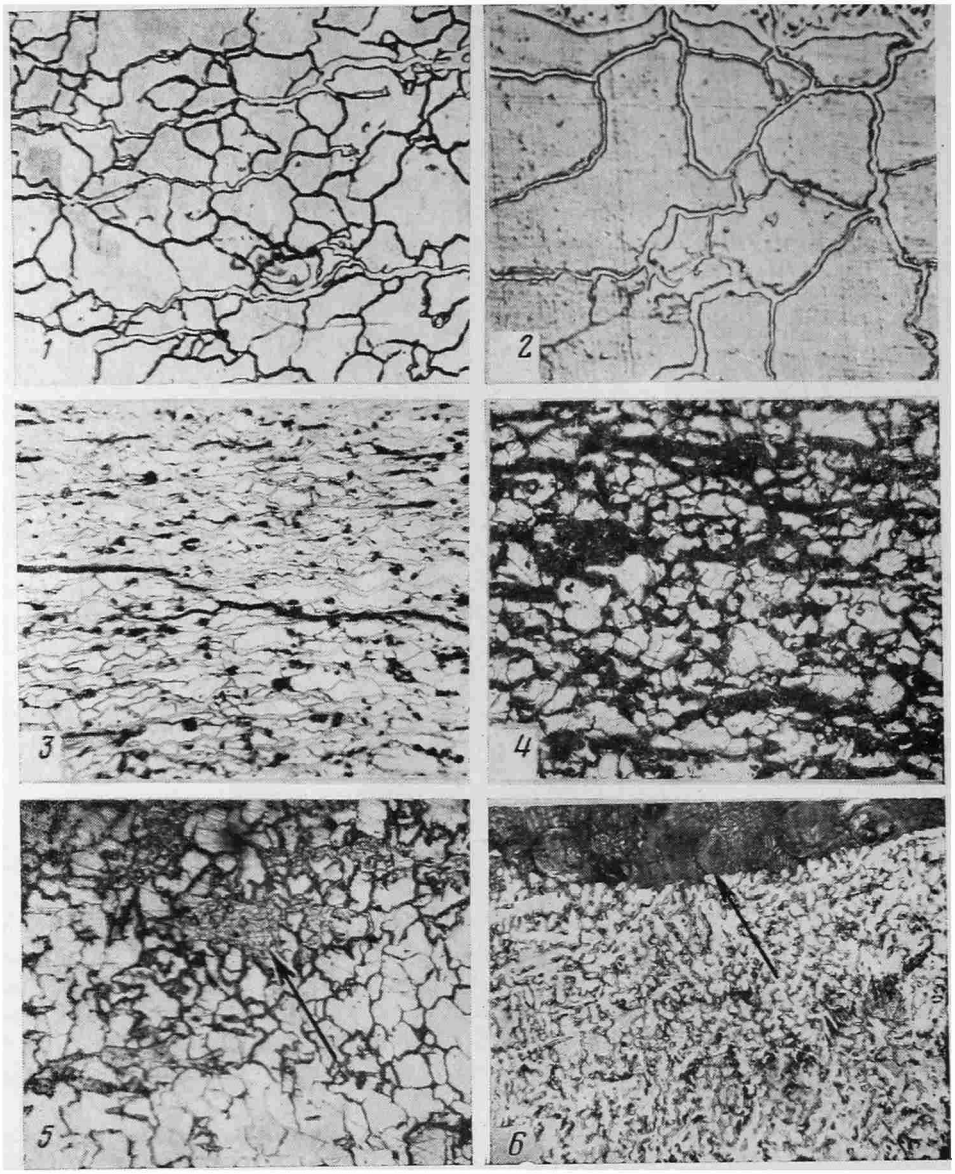


Рис. 2. Фотографии микроструктур (*1*, *5*, *6* — увел. 480; *2* — увел. 1000; *3* — увел. 200; *4* — увел. 120).
1—5 — кинжал из кург. 1—3 Усатова (*1—3* — до травления, *4*, *5* — после травления); *6* — опытный образец. Стрелками показано расположение обогащенного мышьяком слоя

скопления серо-голубой эвтектики $\alpha+Cu_3As$[4]. Местами по ее расположению угадываются контуры первоначальных дендритных ячеек литого сплава, сильно нарушенных завершающей проковкой изделия (рис. 2, *1*). Площадь занимаемых эвтектикой участков резко возрастает по границам заполировка шлифа, в непосредственной близости от поверхности клинка (рис. 2, *2*). На незаполированных, но расчищенных от коррозии краях шлифа эвтектика занимает все поле зрения. Таким образом, наружная серебристая пленка образована обогащенной мышьяком фазой сплава, вытолкнутой на поверхность отливки в момент ее затвердевания (явление так называемой обратной ликвации[5]). Картина, обнаруженная

[4] Существуют сплавы, компоненты которых в жидком состоянии полностью взаиморастворимы, а в твердом — нерастворимы и при кристаллизации образуют смесь. Структура такой смеси при одновременном выделении из расплава называется эвтектикой.

[5] Под ликвацией понимают нарушение статической однородности отливки, которое проявляется в неравномерном распределении составляющих сплава по ее сече-

до травления на шлифе № 2, несколько иная. Здесь резко возрастает количество литейных пор, меняется характер расположения эвтектики: она приобретает волокнистую вытянутость (рис. 2, *3*). В краевой зоне шлифа и здесь местами виден образованный эвтектикой слой мышьякового покрытия. Обращает на себя внимание дифференцированность его строения, хорошо различимая при больших увеличениях (отдельные древовидные кристаллы α-фазы на фоне серого поля Cu_3As).

После травления на обоих шлифах открылась рекристаллизованная структура, состоящая из полиэдрических кристаллов и двойников (рис. 2, *4*, *5*). По границам кристаллов располагаются тонкие прослойки голубоватого интерметаллитного соединения. Рентгеноструктурный анализ установил, что оно содержит повышенные концентрации мышьяка и представлено образованиями типа α-домейкита, β-домейкита и алгодонита[6]. По мнению профессора Массачусетского университета К. С. Смита, такого рода образования выделяются по границам зерен при межкристаллитной коррозии металла и к процессам его первичной обработки не имеют никакого отношения [16, с. 100, 101].

Величина наблюдаемых на шлифах полиэдрических кристаллов и двойников существенно варьирует: в непосредственной близости от кромки на шлифе № 2 кристаллы очень мелкие («а» и меньше «а» по шестибальной шкале величины зерен); вдали от нее, на шлифе № 2 и по всей площади подполировки шлифа № 1, величина кристаллов возрастает в 3—4 раза. На фоне полиэдров у лезвия различимы многочисленные линии сдвига и мелкие трещинки. Еще четче после травления обозначились включения эвтектики и литейные поры.

Исходя из приведенных наблюдений, технология изготовления кинжала может быть реконструирована в следующем виде. Вначале из мышьяковой бронзы отливалась заготовка его клинка. Отливка производилась в двусторонней форме, литниковое отверстие которой примыкало к его пяточной части[7]. Материал формы и термические режимы литья помогают восстановить факт расслаивания компонентов сплава, его ликвации. Английские исследователи Х. Мак-Керрел и Р. Тайлекот полагают, что обратная ликвация мышьяка возникает при литье в холодную металлическую форму на первых стадиях затвердевания сплава [18, p. 216, 217]. Проведенные нами опыты по лабораторному воспроизведению отливок из сплавов меди с 6 и 9% мышьяка позволили уточнить условия образования поверхностного слоя обратной ликвации. Оказалось, что он может появиться и при литье в каменную форму.

В качестве материала для изготовления формы был выбран тальк, обожженный для придания жаропрочности до температуры 1000°. На поверхности двух прямоугольных тальковых плит были вырезаны симметричные полости для отливки треугольного кинжального клинка, размеры и форма которого близки усатовскому[8]. Литник был подведен к верхней части клинка. Перед заполнением металлом обе створки формы были покрыты слоем углеродистой копоти, тщательно связаны и нагреты до температуры 300°. При таких условиях удалось получить удачные отливки, тождественные контурам исходной формы. Их поверхность покрывал обогащенный мышьяком слой, толщина которого колебалась от 0,6 до 4 мкм (рис. 2, *6*). При литье в ту же форму с закопченными, но холодными створками достичь хорошего результата не удавалось: излишне быстрое застывание расплава регулярно приводило к недоли-

---

нию. В случае, когда наружные слои отливки содержат повышенные концентрации легкоплавкого компонента сплава, говорят об «обратной» ликвации [15, с. 119].

[6] Рентгеноструктурное исследование проводилось в Институте общей и неорганической химии АН СССР кандидатами технических наук Ю. Н. Михайловым и А. С. Канищевой. Пользуемся случаем принести им свою благодарность.

[7] Установлено, что при заливке металла в закрытую форму растворенные в нем газы устремляются в сторону литника, фиксируя в готовом изделии место его расположения [17, p. 24]. Наибольшая концентрация газовых раковин в металле кинжала приходится на участки его клинка, находящиеся поблизости от пятки.

[8] В работах по изготовлению опытной формы принимал участие выпускник Уральского госуниверситета С. А. Днепров, за что приносим ему благодарность.

Рис. 3. Створки литейной формы, использованной в лабораторных экспериментах, с бракованной отливкой внутри

ву и получению укороченного клинка, хотя и со следами поверхностного обогащения мышьяком (рис. 3). Таким образом, успешно отлить тонкий и длинный клинок, подобный усатовскому, практически можно было только в подогретой каменной форме с закопченными стенками. Создаваемая углеродом восстановительная среда ускоряла процесс диффузии мышьяка в наружную часть отливки. Это и приводило к образованию серебристой мышьяковой оболочки на ее поверхности.

Литая заготовка кинжала подвергалась проковке (наличие полиэдрических кристаллов и двойников в ее структуре). Заметная вытянутость эвтектики говорит о том, что ковка сопровождалась сильным обжатием металла (порядка 60%) и была связана не только с удалением пороков литья, но и с формующей вытяжкой заготовки клинка. Выдержать столь высокую степень деформации исходная 10%-ная бронза могла лишь при горячей обработке. Судя по величне полиэдрических кристаллов, она скорее всего велась при температуре 400—450° С. Эти низкотемпературные режимы были обусловлены стремлением мастера сохранить на поверхности изделия обогащенное мышьяком покрытие. Как известно, нагревание мышьяковых сплавов сопровождается улетучиванием мышьяка, а точнее, его окислов, образующихся за счет реакции с кислородом воздуха. Окисел мышьяка (As_2O_3) возгоняется при 457° [19, p. 24], поэтому нагрев металла ниже этого температурного рубежа был вполне оправдан с технологической точки зрения. Во избежание потерь мышьяка нагрев велся в нейтральной или восстановительной среде. Возможно, заготовка клинка предварительно заформовывалась в глиняный кожух или вновь покрывалась створками формы.

Заключительные операции обработки кинжала сводились к легкой холодной проковке кромки его фланца (линии сдвига и трещинки поблизости от лезвия, измельченность кристаллов, повышенные показатели твердости — 240 кг/мм²), а также к пробивке отверстий для крепления штифтов на его пяточной части.

Второй большой кинжал из центрального погребения кург. 1 первого курганного могильника Усатова изотовлен из сплава с 5% мышьяка[9]. К сожалению, он очень сильно поврежден коррозией, поэтому восстановить в деталях его первоначальную форму невозможно (рис. 1, *8*). Очевидно только, что длина его подтреугольного клинка составляла около 21 см, ширина плечиков — не менее 3,5 см. Центральная часть клинка была укреплена ребром жесткости — двусторонней, полукруглой нервюрой. Хуже всего сохранилась верхняя часть кинжала. Однако создается впечатление, что она завершалась коротким выступом-черенком с несколькими закрепляющими отверстиями.

[9] Лаборатория спектрального анализа ИА АН СССР № 5600.

Визуальное исследование изделия в бинокулярный микроскоп также обнаружило на его поверхности остатки серебристого мышьякового покрытия. Микроструктурное изучение прошли три шлифа: один изготовлен на подполированной нижней части клинка (№ 1), другой — на подполированном окончании нервюры (№ 2), третий — на срезе с клинка в районе плечиков (№ 3). Выявленная на шлифах структура до деталей сходна с описанным кинжалом из кург. 1—3 Усатова (рис. 4, *1, 2, 3*). Совершенно очевидно, что технологические схемы их формовки были однозначны. Учитывая полное технологическое подобие больших клинков Усатова, можно думать, что первоначально они были близки и типологически.

Круг прямых аналогий усатовскому кинжалу из кург. 3 концентрируется в западной части Малой Азии и связан с четвертым типом анатолийских находок, описанных Д. Б. Стронахом [20, p. 98, 99]. Согласно Д. Б. Стронаху, этот тип объединяет треугольные клинки с прямыми или изогнутыми краями, часто имеющими фланцевый скос. Центральная часть клинка обозначена цилиндрической нервюрой, переходящей на широкий трапециевидный черенок без отверстий или с двумя отверстиями для крепления штифтов рукояти. Выделенные в пределах типа варианты различаются, по схеме Д. Б. Стронаха, характером оформления плечиков. Вариант *4-а* представлен кинжалами с черенком, отделенным от клинка своеобразным перехватом, образующим маленькие покатые плечики. Он включает два клинка из Трои II, один — из смешанных коллекций Трои II—V, один из Аладжа Гуйюк и три — из Байиндеркей (рис. 1, *14—16*) [20, p. 98—99, fig, 1, *13*, *14*, *15*; 2, *14*; 3, *4*]. Дальнейшее развитие формы кинжалов четвертого типа приводит к расширению черенка и постепенной утрате перехвата. Эта тенденция завершается возникновением клинков варианта *4-в*, у которых плечики плавно перерастают в черенок. Среди них Д. Б. Стронах называет два кинжала из Трои II—V [20, p. 98, fig. 2, *15*]. Один не имеет отверстий для крепления рукояти и отличается необычным желобчатым клинком; на другом кроме нормальной системы двух отверстий присутствует отчетливо выступающая нервюра (рис. 1, *13*). Оба троянских экземпляра весьма близки усатовскому кинжалу. Наличие на одном из них продольного желобка вряд ли может служить аргументом против этого вывода. Думается, что желоб, совершенно противоестественный с точки зрения функциональной, был предназначен для вставки в бронзовый клинок нервюры из иного по составу металла, скорее всего из серебра. К кинжалам варианта *4-в* следует отнести и случайную находку из Иелтена, опубликованную С. Пшеворским (рис. 1, *12*) [21, taf. IX—7].

Существование кинжалов четвертого типа в Трое II и Аладжа Гуйюк показывает, что начало их эволюции связано с серединой III тысячелетия до н. э.[10]. С другой стороны, вариант кинжалов *4-в* тяготеет по

---

[10] Оценка хронологии Трои II и ее соответствие основным анатолийским и месопотамским памятникам раннего бронзового века были предметом многочисленных исследований. Линия синхронизации, предложенная М. Меллинком (Троя II = Тарс РБ — III*а* = Амук J = «царские» гробницы Аладжа Гуйюк = Аккадская династия), была недавно пересмотрена Г. Бассом и И. Канби [22, p. 116, 117]. Г. Басс и И. Канби считают, что часть периода Трои II приходится на вторую половину раннединастического III периода в Месопотамии [23, p. 340; 24, p. 51]. Они приходят к этому заключению, имея в виду сходство между ювелирными изделиями Трои II-*d*, Аладжа Гуйюк и драгоценностями царских гробниц Ура. Этой же точки зрения придерживается Я. Якар, который вслед за К. Блегеном связывает начало Трои II с серединой III тысячелетия до н. э. [25, p. 57; 26, p. 174]. «Сверхдлинная» хронология, недавно предложенная Д. Меллартом для всей территории Ближнего и Среднего Востока, предполагает резкое удревнение анатолийских памятников раннего бронзового века [27, p. 6—18]. Однако Я. Якар хорошо показал, что большинство использованных Д. Меллартом калиброванных радиоуглеродных дат не согласуется с относительной хронологией анатолийско-месопотамских культур [25, p. 65—67]. Если же принять во внимание радиоуглеродные даты, полученные без дендрохронологической поправки, то гробницы Аладжа Гуйюк четко свяжутся с серединой — второй половиной III тысячелетия до н. э. [28, с. 40, № 25; 25, 1; 25, 2].

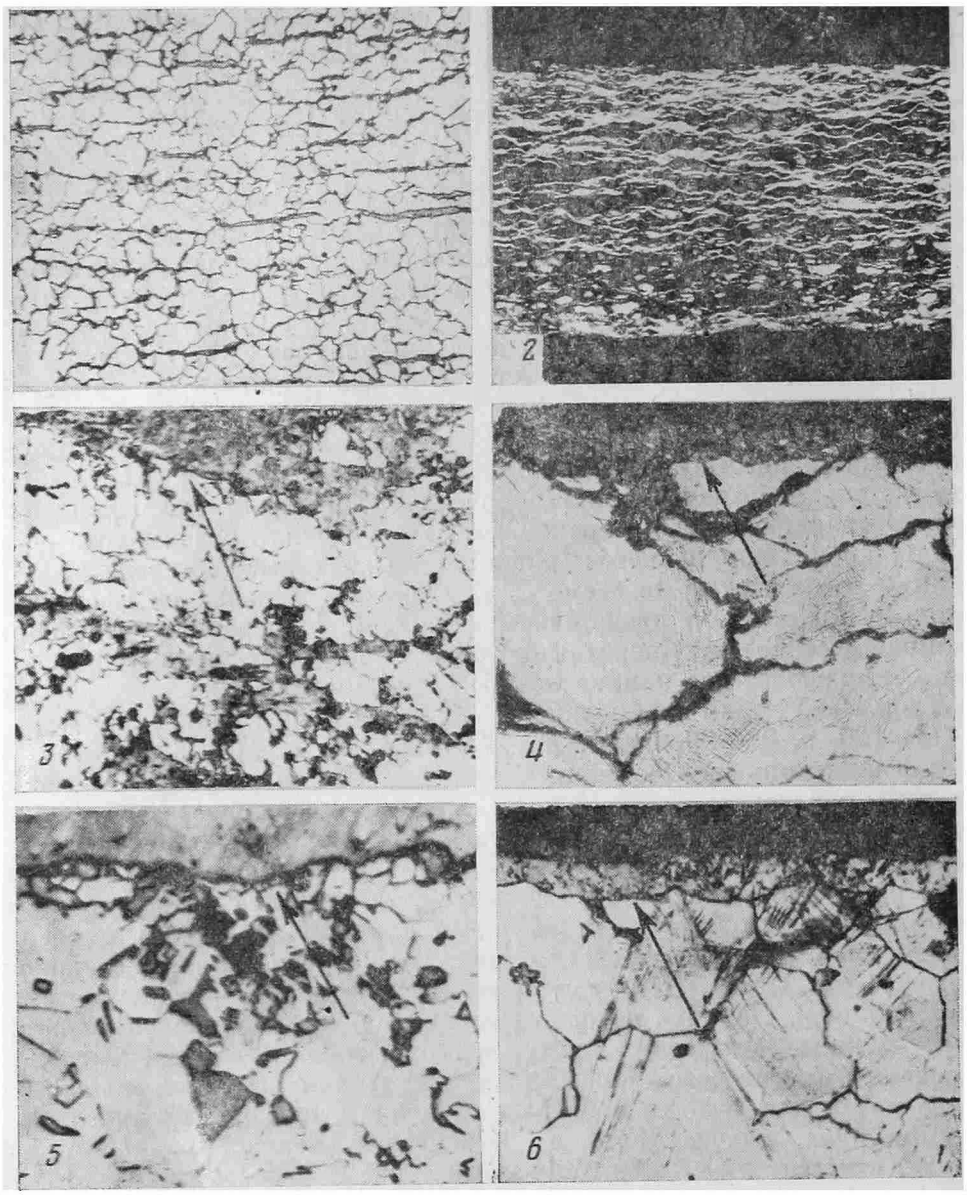


Рис. 4. Фотографии микроструктур (*1*, *2*, *5*, *6* — увел. 120; *3* — увел. 200; *4* — увел. 480).
1—3 — кинжал из кург. 1—1 Усатова (*1*, *2* — до травления, *3* — после травления); *4* — кинжал из кург. 5 у с. Утконосовка; *5* — опытный образец; *6* — буйвол из Хороз-Тепе (по К. Смиту). Стрелками показано расположение обогащенного мышьяком слоя

форме к более поздним клинкам третьего типа, хронология которых обозначена Д. Б. Стронахом 2200—2000 гг. до н. э. [20, p. 97, 98]. Видимо, не будет ошибкой, ориентируясь на эти наблюдения, датировать тип 4 анатолийских находок второй половиной III тысячелетия до н. э.

К сожалению, из-за отсутствия специальных исследований технология интересующих нас кинжалов Анатолии восстанавливается лишь гипотетически. Очевидно только, что в их литых клинках отверстия для крепления рукояти пробиты дополнительно, при завершающей кузнечной доработке. Очевидно также, что некоторые анатолийские кинжалы обнаруживают наличие серебристой поверхности одновременно с присутствием повышенных содержаний мышьяка в сплаве. Так, Д. Б. Стронах отмечает, что один из упомянутых клинков Байиндеркея (вариант 4-*а*, рис. 1, *14*) покрыт поблескивающей пленкой, скорее всего полученной «лужением». Однако этот вывод исследователя явно противоречит приво-

цимому им же составу описываемого изделия, который фиксирует полное отсутствие в металле олова при наличии в нем 7,58% мышьяка [20, p. 99]. Скорее всего и на этом клинке мы имеем дело с ликвационным покрытием мышьяком. Видимо, навыки изготовления таких покрытий были частью тех достижений, которые освоили анатолийские металлурги второй половины III тысячелетия до н. э.

В соответствии с приведенными данными кажется естественным заключить, что большие кинжалы Усатовского могильника происходят из западноанатолийских, а не критских, как было принято считать до сих пор, центров металлообработки.

К числу анатолийских импортов, видимо, относится и кинжал, найденный в кург. 5 у с. Утконосовка (рис. 1, *6*). Его треугольный клинок с ребром жесткости посередине окаймлен узким скошенным фланцем. Фланец продолжается и на пяточной части кинжала, оформленной в виде подтреугольного черенка с пятью заглублениями по краю для крепления штифтов рукояти. Черенок плавно сливается с покатыми плечиками клинка. Его общая длина 16,5 см, ширина плечиков 3,8 см, высота черенка 3,1 см. При визуальном осмотре на поверхности изделия установлено наличие блестящей серебристой оболочки. Она покрывает его клинок, но исчезает на плечиках, отмечая четким полукругом границу накладной рукояти. Химический анализ обнаружил присутствие в серебристом покрытии кинжала 20% мышьяка, в то время как в глубинных слоях металла его содержание падает до 5,5%[11]. Шлиф, изготовленный на поперечном срезе окончания кинжального клинка, выявил структуру, состоящую из полиэдрических кристаллов и двойников (рис. 4, *4*). Местами на их фоне различимы линии сдвига, литейные поры и отдельные, сильно вытянутые в продольном направлении включения эвтектики $\alpha+Cu_3As$. По границам полиэдрических кристаллов располагаются голубоватые прослойки обогащенного мышьяком соединения, связанного, как и на рассмотренном кинжале Усатова, с процессом межкристаллитной коррозии металла. По краям шлифа хорошо виден слой мышьякового покрытия (рис. 4, *4*). Его характер резко отличен от тех ликвационных покрытий, которые наблюдались на больших клинках Усатовского могильника. Обращает на себя внимание полная однородность его строения и полное отсутствие его структурной связанности с нижеследующими слоями металла. Граница раздела между ними выражена очень четко. Очевидно, что в данном случае мышьяковое покрытие возникло за счет диффузионных процессов, напоминающих цементацию. По мнению американского исследователя К. Смита, такое покрытие проще всего получить с помощью пасты из смеси окислов мышьяка, щелочных карбонатов (растительная зола) и древесного угля. Пастой следует натереть поверхность готового изделия, а затем нагреть его до красного каления. По заключению К. Смита, при нагреве происходит восстановление мышьяка, пары которого, реагируя с металлом основного сплава, образуют на нем поверхностную оболочку из соединения Cu_3As [16, p. 99]. Попытку воспроизвести этот процесс в лабораторных условиях предпринял Д. Сэчс. Использованная им смесь состояла из 4 частей окислов мышьяка (As_2O_3), 1 части сухой золы (K_2CO_3) и 0,3 части древесного угля. В результате ее нанесения на поверхность медного образца и последующего его часового отжига при температуре 350—450° выделился равномерный слой мышьякового покрытия [16, p. 99]. Его микроструктура идентична микроструктуре покрытия, обнаруженного на кинжале (рис. 4, *5*). Таким образом, технология его изготовления сводилась к нескольким последовательно сменявшим друг друга операциям. Вначале в двусторонней форме отливалась заготовка клинка. Затем она подвергалась доработке ковкой. Ковка велась вгорячую и сопровождалась сильным обжатием металла, свидетельством чего служит сочетание в его микро-

[11] Химический анализ проведен в лаборатории кафедры аналитической химии МГУ. Полученные химические данные о содержании мышьяка в основном металле подтверждены результатами количественного спектрального анализа, выполненного в лаборатории ЛОИА АН СССР (№ 203—51).

структуре крупных полиэдрических кристаллов с продольно-вытянутыми литейными порами и участками эвтектики. Подправленный ковкой клинок покрывался пастой, позволявшей получить после нагрева обогащенный мышьяком поверхностный слой. Завершающие операции отделки изделия сводились к пробивке отверстий для крепления рукояти, к тщательной шлифовке и полировке его поверхности (линии сдвига в металле клинка).

Поиски аналогий кинжалу из Утконосовки вновь ведут нас к анатолийским древностям раннего бронзового века. Бросается в глаза сходство его формы с кинжалами из клада Соли (у Мерсина). Их заостренные клинки с нервюрой посередине или широким центральным выступом завершаются треугольными черенками (рис. 1, *11*). На вершине черенка у одного кинжала имеются три отверстия для штифтов, но у трех других они заменены округлыми выемами по краям черенка, идентично оформленными и на усатовской находке. Кинжалы из Соли отнесены Р. Максвелл-Хислопом к 8-му типу его классификации западноазиатских клинков [29, p. 11, 12, tabl. 1, 8], по более детально разработанной типологии Д. Б. Стронаха они связаны с вариантом 3-а анатолийских находок, датированных им в пределах 2200—2000 гг. до н. э. [20, p. 97, 98]. Исходя из близости формы кинжалов вариантов 3-а и 4-в, Д. В. Стронах полагает, что они не связаны с местным киликийским производством и попали в район Мерсина за счет морской торговли с западноанатолийским побережьем [20, p. 97, 98].

Утверждая анатолийское происхождение кинжала из Утконосовки, нельзя обойти молчанием и еще одно важное обстоятельство. Дело в том, что использование диффузионных покрытий мышьяком, кроме рассмотренного кинжала пока достоверно зафиксировано только на анатолийских находках раннего бронзового века. При раскопках богатых погребений в Хороз-Тепе в Припонтийском регионе Северной Анатолии была обнаружена целая серия выполненных в бронзе скульптурных изображений буйволов, датированных последними столетиями III тысячелетия до н. э. Поверхность фигурок животных украшали зонально нанесенные участки серебристых покрытий [30, p. 211—219]. Микроструктурный анализ одной из скульптур не оставляет сомнений в том, что ее поверхностный мышьяковый слой получен тем же способом, что и на клинке из Утконосовки (рис. 4, *6*) [16, p. 96—99].

Итак, три из четырех больших усатовских кинжалов прочно связываются с анатолийскими центрами металлообработки. К сожалению, четвертая находка — кинжал из раскопок И. Я. Стемпковского в кург. 3 у с. Суклея на Тираспольщине — во время войны утрачена. Утеряна и коллекционная опись материалов И. Я. Стемпковского, хранившаяся, как и сам кинжал, в Херсонском историко-краеведческом музее. Поэтому единственными источниками, позволяющими в общих и весьма приблизительных чертах судить о его форме, являются публикации В. И. Гошкевича [31, табл. XX, *154*] и Т. С. Пассек [10, с. 207, рис. 99, *11*]. Они существенно различаются между собой, поэтому всерьез обсуждать вопрос о его происхождении в настоящее время не представляется возможным. Можно лишь констатировать, что по наличию нервюры и общим очертаниям клинка экземпляр из Суклеи вписывается в круг рассматриваемых находок.

Типологически примыкает к ним и большой кинжал, найденный Г. Шмидтом в верхних горизонтах Кукутени В (рис. 1, *9*) [32, taf. 30, *1*]. В отличие от усатовских клинков его плечики отделены от черенкового выступа заметным перехватом, что сближает его с вариантом 4-*а* анатолийских кинжалов классификации Б. Д. Стронаха. За счет румынской находки зарождение контактов между Анатолией и кукутенско-трипольским миром следует отодвинуть к периоду, предшествовавшему развитию усатовских памятников (с/I — γ/I по периодизации Т. С. Пассек).

В заключение несколько слов о хронологии больших усатовских кинжалов. Благодаря утверждаемым ранее связям их формы с критскими

клинками, бытующими в промежутке между концом II раннеминойского — серединой I среднеминойского периодов, считалось, что они определяют возраст Усатова и близких ему памятников позднего Триполья узкими пределами 2400—2200 гг. до н. э. [5, с. 142—143; 33, с. 149]. Установленный факт анатолийского происхождения кинжалов делает неправомерным такой подход к решению хронологических вопросов. Анатолийские клинки, идентичные усатовским по типологии и хронологии, происходят из кладов и смешанных троянских коллекций, поэтому не могут быть надежно датированы в узком временном интервале. Анатолийские находки раннего бронзового века надежно показывают только, что абсолютная хронология Усатова не выходит за рамки второй половины III тысячелетия до н. э. Это хорошо согласуется и с двумя радиоуглеродными датами, полученными для поселений Маяки (2390± ±65, 2450±100) [28, с. 52, № 175.1; 175.2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лагодовська О. Ф.* Проблеми усатівськоі культури.— Наукові записки Інстітуту історіі і археологіі Украіни. Кн. 1. Уфа, 1943.
2. *Черных Е. Н.* О древнейших очагах металлообработки юго-запада СССР.— КСИА АН СССР, 1970, № 123.
3. *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
4. *Збенович В. Г.* Про кинджали усатівського типу.— Археологія, 1966, XX.
5. *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1974.
6. *Конькова Л. В.* Металлографическое исследование металлических изделий из памятников усатовского типа.— В кн.: *Патокова Э. Ф.* Усатовское поселение и могильники. Киев: Наукова думка, 1979.
7. *Селинов В. И., Лагодовская Е. Ф.* Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г.— СА, 1940, № 5.
8. *Лагодовська О. Ф.* Пам'ятки усатівського типу.— Археологія, 1953, VIII.
9. *Драко О. Ф.* Анализ усатовских металлических изделий.— Науковий архів ІА АН УРСР, лаг. 6.
10. *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.— МИА, 1949, № 10.
11. *Патокова Е. Ф.* Металеві вироби з Усатова.— Праці Одеського державного університету. Одесса, 1959, т. 149, вып. 7.
12. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
13. *Branigan K.* Copper and Bronze working in Early Bronze Age Crete. Lund, 1968.
14. *Renfrew C.* Cycladic Metallurgy and the Aegean Early Bronze Age.— Amer. J. Archaeol., 1967, v. 71, № 1.
15. *Добаткин В. И.* Слитки алюминиевых сплавов. М.: Металлургиздат, 1960.
16. *Smith C. S.* An Examination of the Arsenic-Rich Coating on a Bronze Bull from Horoztepe.— In: Application of Science in the Examination of Works of Art. Boston, 1973.
17. *Tylecote R. F.* Metallurgy in Archaeology. London, 1962.
18. *McKerrell H., Tylecote R. F.* The Working of Copper-Arsenic Alloys.— In: Proceeding of Prehistoric Society. London, 1972, № 38.
19. *Charles I. A.* Early Arsenical Bronzes — a Metallurgical View.— AJA, 1967, v. 71, № 1.
20. *Stronach D.* The Development and Diffusion of Metall Types in Early Bronze Age Anatolia.— AS, 1957, v. VII.
21. *Przeworski S.* Die Metallindustrie Anatoliens. Leiden, 1939.
22. *Mellink M.* Anatolian Chronology.— In: Chronologies in Old World Archaeology / Ed. Ehrich R. W., London, 1965.
23. *Bass G. F.* A Hoard of Trojan and Sumerian Jewelry.— AJA, 1970, v. 74, № 4.
24. *Canby J. V.* Early Bronze «Trinket» Moulds.— Iraq, 1965, v. 27, № 1.
25. *Jakar J.* Troy and Anatolian Early Bronze Age Chronology.— AS, 1979, v. XXIX.
26. *Blegen C. W.* Troy and the Trojans. London, 1963.
27. *Mellaart J.* Egyptian and Near Eastern Chronology: a Dilemma.— Antiquity, 1979, v. LIII.
28. *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода).— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
29. *Maxwell-Hyslop R.* Daggers and Swords in Western Asia.— Iraq, 1946, v. VIII.
30. *Özgüc T., Akok M.* Objects from Horoztepe.— Bull. Türk Tarik Kurumu. Ankara, 1957, № 21.
31. *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903.
32. *Schmidt H.* Cucuteni. Berlin — Leipzig, 1937.
33. *Круц В. А.* Позднетрипольские племена среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1977.

N. V. Ryndina, L. V. Konkova

ON THE ORIGIN OF LARGE USATOVO DAGGERS

Summary

There are four larger daggers with semi-circled midribs on the both sides of their flame-shaped blades among the fourteen daggers from Usatovo-type burials known to-date. One of them was found in Mound 5 at Utkonosovka village, two — in the first mound burial at Usatovo (Mounds 1-1 and 1-3) and the fourth — in Mound 3 at Sukleya village. There is current opinion among the archaeologists that the large Usatovo daggers are of Crete-Minoan origin which safely syncronises the late Tripolye monuments of the northwestern Circumpontic region with the narrow time-span of Early Minoan II and Middle Minoan I-II periods (E. F. Lagovskaya, T. S. Passek, E. F. Patokova, V. G. Zbenovich). Recent typological, spectral and metallographic analysis favours West Anatolian metalworking centres as place of the daggers' origin, while their Anatolian analogies are found among hoards and mixed collections of Troy II-V (3 and 4-B types according to D. Stronach) which safely dates them within the second half of the 3rd millennium B. C.

СКРИПКИН А. С.

АЗИАТСКАЯ САРМАТИЯ ВО II—IV ВВ.

(некоторые проблемы исследования)

Неравномерное развитие исторического процесса привело к тому, что в отдельных районах Азии, Африки и Европы сложились первые классовые общества, которые на протяжении длительного времени взаимодействовали с окружавшими их народами, жившими еще родо-племенным строем. На северо-востоке рабовладельческий мир в последние века до нашей эры и первые века нашей эры соседствовал с многочисленными сарматскими племенами. В первые века нашей эры сарматы расселились на огромной территории от Средней Азии до Дуная, тогда же в античной географической и исторической литературе появляется деление всей этой теории на Европейскую и Азиатскую Сарматии, граница между которыми проходила по Меотиде и Танаису [Ptolem. Geogr. III, 5; V, 8].

Несмотря на то что Азиатская Сарматия являлась варварской периферией, племена, населявшие ее, оказывали большое влияние на ход событий в различных концах древнего мира. Без учета особенностей развития этого района нельзя достаточно полно осветить многие важные проблемы истории среднеазиатских рабовладельческих государств, античных городов Северного Причерноморья в период римского господства. Важность разработки вопросов истории Азиатской Сарматии заключается также и в правильном понимании весьма сложных исторических процессов, протекавших на территории Юго-Восточной Европы в первые века нашей эры, связанных с началом эпохи великого переселения народов, ускорившей гибель Римской империи, являвшейся олицетворением старого рабовладельческого строя.

Во II—IV вв. в пределах Азиатской Сарматии сложилась и развивалась позднесарматская археологическая культура, которая наиболее слабо изучена по сравнению с другими периодами сарматской культуры. Впервые позднесарматские памятники к востоку от Дона были открыты А. А. Спицыным в 1895 г. во время раскопок курганов по рекам Иловле и Аркадак в Саратовской губернии. Несмотря на незначительный материал, А. А. Спицын выделяет находки сарматского времени, среди которых отдельные погребения с северной ориентировкой костяков и искусственной деформацией черепов, с глиняными мисками, маленькими бронзовыми зеркалами и фибулами он датировал II—III вв. [1, с. 30—33; 2, с. 141—154].

Однако только в годы Советской власти организация планомерных раскопок позволила накопить достаточный материал и приступить к его обобщению. В 1927 г. П. Рау, сопоставив весь имеющийся в его распоряжении материал, пришел к выводу, что в рамках римского времени сарматские погребения южноволжской области имеют две отличающиеся друг от друга культурные стадии. Эти стадии он назвал раннеримской (Stufe A — I — II вв.) и позднеримской (Stufe B — III — IV вв.). К стадии B П. Рау были отнесены погребения в узких ямах с подбоями и без них, с северной ориентировкой погребенных и искусственно деформированными черепами [3, с. 65]. В обеих стадиях он находит ряд общих черт, что позволило ему сделать вывод о преемственности между ними. Отмечая некоторую стандартизацию обряда погребения и вещественного материала, происходящую во время стадии B по сравнению со

стадией А, П. Рау делает вывод о том, что культурная стадия В является результатом слияния и преобразования мелких разновидностей стадии А в Нижнем Поволжье. Стадия В знаменует собой одновременно замену древних скифо-сарматских традиций новыми формами бытового уклада, возникшими прежде всего под влиянием культуры греко-римских колоний Причерноморья, и объединение обособленных мелких племен в одну этнически однородную группу. Носителей культурной стадии В П. Рау считал аланами. Под этим этнонимом он понимал остатки скифо-сарматских племен, которые в римское время теряют часть своей этнической окраски и больше воспринимаются как наименование географическое, хронологическое или политическое и которые сливаются в III—IV вв. в одну народность [3, с. 79, 111, 112].

Дальнейшая разработка проблем позднесарматской культуры нашла свое отражение в трудах Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова. Обобщив весь материал довоенных раскопок, К. Ф. Смирнов счел возможным уточнить хронологию двух последних этапов сарматской культуры. Указав на предвзятое мнение П. Рау о запаздывании в культурном развитии ранних кочевников Поволжья по сравнению с варварским миром западных областей Европы, он, сопоставив археологический материал поволжско-уральских степей с материалами из погребений Кубани, пришел к выводу, что погребения Кубани конца II в. до н. э.— I в. н. э. дают все главные типы вещей Stufe A по П. Рау. Начало позднесарматской стадии, или Stufe B, он отнес ко II в. н. э., так как руководящие типы вещей этой стадии имеются уже в кубанских погребениях II в. н. э. Концом позднесарматской культуры К. Ф. Смирнов считал IV в., когда появляются новые элементы в погребальном обряде (бескурганные погребения, курганы с кострищами) и материальной культуре [4, с. 75, 76]. К. Ф. Смирновым были выделены все основные типы погребальных сооружений поздних сарматов, дана характеристика их материальной культуры. Носителями позднесарматской стадии он считал алан, как и П. Рау, понимая под ними одну народность, образовавшуюся от слияния в одно этническое целое различных сарматских племен предшествующей стадии [4, с. 82].

В работе Б. Н. Гракова «Пережитки матриархата у сарматов» доказывалась преемственность в развитии сарматской культуры на протяжении тысячелетнего ее существования [5]. После появления в свет этой работы в археологическую литературу прочно вошла четырехчленная периодизация савромато-сарматской культуры. Последняя ступень сарматской культуры была названа Б. Н. Граковым шиповской, по с. Шипово, у которого были открыты богатые погребения — наиболее яркие памятники этой ступени, по мнению Б. Н. Гракова. Б. Н. Граков полагал, что эта культура с основными ее атрибутами: узкие ямы, с подбоями и без подбоев, деформированные черепа и северная ориентировка погребенных с характерным набором вещей — принадлежала ранним аланам. Каких-либо доказательств в поддержку этой точки зрения он не приводил, так как считал аргументы П. Рау вполне достаточными и неопровержимыми. Хронологические рамки шиповской, или аланской, культуры Б. Н. Граков определяет уже в исправленном К. Ф. Смирновым варианте II—IV вв.

Указанные работы Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова вплоть до настоящего времени остаются последними в исторической литературе, в которых специально рассматривались проблемы позднесарматской культуры.

Основная часть работ, вышедших в последующее время, носит характер публикаций в связи с раскопками того или иного памятника. Другие же работы частью являются характеристикой одной из сторон культуры, основанной на разработке определенной категории находок, или поволжско-уральский материал привлекается в них в связи с решением проблем истории близлежащих районов.

В настоящее время состояние источниковедческой базы позволяет в более полном объеме рассмотреть вопросы хронологии позднесарматской

культуры, ее происхождение и генетическую принадлежность. Создавшимся благоприятным условиям мы обязаны широким археологическим раскопкам, развернувшимся в 50—70-х годах на Дону, Волге и Южном Приуралье благодаря усилиям в первую очередь И. В. Синицына, К. Ф. Смирнова, В. П. Шилова, а также молодого поколения археологов, активно включившихся в последние годы в исследовательскую работу в этом регионе.

Кроме того, имеется благоприятная возможность использовать новые материалы раскопок с других территорий: Северного Кавказа, Средней Азии, Украины, которые имеют немаловажное значение для освещения различных сторон истории племен Азиатской Сарматии II—IV вв.

Основой изучения любого конкретно-исторического периода является разработка его хронологии. Началом позднесарматской культуры принято считать II в. Никто, кроме К. Ф. Смирнова, не пытался специально уточнить эту дату. Он считал, что все характерные археологические признаки этой культуры появляются на предшествующем этапе, но как явления случайные. Резкий перелом происходит лишь во II в. н. э., который и кладет начало позднесарматской культуре, к середине его устанавливаются все характерные особенности ее погребального обряда и материальной культуры, распространяющиеся на всю область северокаспийских сарматов [6, с. 111].

Наиболее яркими отличительными признаками позднесарматской культуры являются широкое распространение северной ориентировки погребенных и обычай искусственной деформации головы, по которым в первую очередь и можно установить начальную дату формирования культуры. Северная ориентировка погребенных была известна у сарматов и в предшествующее время, но как явление исключительное, которое можно рассматривать как отклонение от нормы, известное в погребальных памятниках большинства культур. Значительное увеличение северной ориентировки у сарматов Поволжья и Приуралья приходится на начало II в. н. э., возможно, рубеж I—II вв., так как погребения, уверенно датируемые I в. н. э., дают в основном южный сектор ориентировок, преобладающих здесь и ранее на протяжении более четырех веков. На это же время приходится и распространение обычая искусственной деформации черепов. Анализ имеющегося в настоящее время материала дает основание утверждать, что распространение северной ориентировки и искусственной деформации черепов — явления одновременные [7, с. 29].

Появление отдельных категорий вещей, которые станут определяющими для позднесарматской культуры, также падает на это время. Еще Б. Н. Граков, давший общее описание основных черт позднесарматской культуры, перечислил следующие наиболее характерные для нее вещи: зеркала-подвески, фибулы, ритуальные четырехгранные сосудики, мечи и кинжалы без металлического перекрестия и навершия, появление сложного лука с костяными накладками [5, с. 105, 106].

Зеркала с боковым ушком и орнаментом на обратной стороне с самого начала II в. становятся ведущим типом в сарматских погребениях [8, с. 67; 9, с. 121—132]. Наиболее ранние типы фибул, например в Поволжье, появляются во II—I вв. до н. э., но только с начала II в. н. э., с распространением сильно профилированных фибул, а затем и лучковых одночленных фибул поздних вариантов, они станут специфической чертой материальной культуры поздних сарматов [10, с. 100—120].

Мечи и кинжалы без металлического перекрестия и навершия (преимущественно II типа, по А. М. Хазанову) у сарматов находят широкое применение с начала II в. [11, с. 20]. С этого времени они становятся ведущим типом этой категории вооружения. Только появляются они, на мой взгляд, не в результате автохтонного эволюционного процесса предшествующих местных форм, а уже в сформировавшемся виде в основном из районов Прикубанья и Боспора, возможно, на базе более ранних длинных сарматских мечей. Не исключено влияние на этот про-

цесс и кельтского оружия [12, с. 262]. Только так можно объяснить довольно быструю смену более ранних мечей и кинжалов с кольцевидным навершием и прямым перекрестием мечами и кинжалами вышеуказанных типов. Эта точка зрения подтверждается еще и тем, что в начале позднесарматской культуры мечи и кинжалы без металлического перекрестия и навершия являлись единственным типом в междуречье Волги и Дона к югу от Волгограда на территории, через которую они распространялись в Поволжье, в то время как в Заволжье еще продолжает существовать старый тип меча [11, с. 12].

К рубежу I—II вв. в Нижнем Поволжье зафиксировано появление нового лука с концевыми и срединными костяными накладками, так называемого «гуннского типа». Наиболее ранняя находка его происходит из Сусловского кургана 51; со II в. н. э. число этих находок увеличивается. В пределах Поволжья в позднесарматских погребениях основная их масса найдена в Заволжье [11, с. 118].

Таким образом, и анализ некоторых ведущих категорий материальной культуры указывает на то, что позднесарматская культура начинает складываться в самом начале II в. или в крайнем случае на рубеже I—II вв. Конечной датой позднесарматской культуры принято считать события второй половины IV в., связанные с вторжением гуннов в Северное Причерноморье, и разгром ими алан, после чего в Поволжье и Южном Приуралье распространяются памятники, позволяющие говорить о значительных этнических изменениях в этом районе [13].

Позднесарматская культура в Поволжье — Приуралье развивалась без малого три века. Исследование вещественного материала и погребального обряда позволили мне в свое время наметить три этапа в развитии позднесарматской культуры в рамках общей ее даты: 1-й этап — начало II в. (или рубеж I—II вв.) — третья четверть II в.; 2-й этап — третья четверть II в.— середина III в.; 3-й этап — середина III—IV вв. [14, с. 8—12]. Эта периодизация, как мне кажется, достаточно хорошо вписывается в общеисторический фон Юго-Восточной Европы того времени.

Одним из важных вопросов является проблема происхождения позднесарматской культуры. Решение этой проблемы перспективнее начать с выявления источников обычая искусственной деформации черепов у сарматов в это время. Этому вопросу было уделено достаточно много внимания в археологической и антропологической литературе. Так, еще в своей работе 1940 г. Е. В. Жиров связывал появление деформированных черепов в Нижнем Поволжье с продвижением гуннов с востока [15]. Позже некоторое время преобладала точка зрения о местном происхождении этого обычая [4, с. 78]. Начиная с 50-х годов наиболее определенно указывается Средняя Азия как район, откуда проникает обычай деформации черепов к сарматам Поволжья и Приуралья [6, с. 113; 17, с. 492].

В последнее время В. В. Гинзбургом, Т. А. Трофимовой, Б. В. Фирштейн, Т. П. Кияткиной были изучены серии черепов как из Нижнего Поволжья, так и из Средней Азии. Эти исследования позволили сделать определенный вывод: обычай деформации черепов, сходный с нижневолжским, был известен в Средней Азии с середины I тысячелетия до н. э. в среде местного населения [17, с. 179—189; 18, с. 141].

Исследовавшая черепа сарматов Саратовского Заволжья Б. Ф. Фирштейн отмечала на позднем этапе увеличение монголоидной примеси, причем наибольший процент монголоидности дали искусственно деформированные черепа. Я не разделяю мнения о появлении обычая деформации черепов у сарматов Заволжья на среднесарматском этапе [7, с. 29]. Анализ всего материала из междуречья Волги и Дона, а также Заволжья, где сосредоточена основная масса позднесарматских погребений, показывает, что обычай деформации черепов здесь распространяется с начала позднесарматской культуры. Это позволяет говорить об увеличении монголоидной примеси среди сарматского населения одновременно с появлением обычая искусственной деформации черепов. Б. Ф. Фирштейн не без

основания полагала, что монголоидная примесь и деформированные черепа в Заволжье связаны с миграцией в первые века нашей эры населения с Востока — из районов Ферганы, Туркмении и Центрального Казахстана [19, с. 146, 147].

Если обратиться к указанным районам, то на территории большинства из них в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры широко были распространены так называемые подбойно-катакомбные погребения, которые во многом обнаруживают сходство с погребальными памятниками сарматского мира. Этому типу среднеазиатских памятников посвящена обширная литература. В изучении их еще много нерешенных вопросов, но сейчас можно уверенно считать, что в этническом и культурном отношении эти памятники не представляют абсолютного единства. На основании исследования краниологических серий из подбойно-катакомбных погребений антропологи выделяют целый ряд различных групп: туз-гырскую, киргизскую, южнотуркменскую, западноферганскую и южнотаджикскую [20, с. 177]. Археологи также выделяют отдельные районы, отличающиеся деталями обряда погребения и материальной культуры [21, с. 65—67].

Наибольшую близость с позднесарматскими памятниками Северного Прикаспия обнаруживают подбойно-катакомбные погребения Нижней и Верхней Амударьи, Бухары и Ферганы. Здесь в некоторых могильниках уже во II в. до н. э. начинает распространяться северная ориентировка погребенных (Тулхарский и Бабашовский могильники), и обычай деформации черепов, прослеживается примесь монголоидности. Для ряда могильников характерно распространение преимущественно подбойных ям, причем по конструкции тождественных позднесарматским, сходны также позы погребенных (положение костей рук — на тазовых костях, перекрещивание ног, «поза всадника» и др.). Общим является наличие под курганом, как правило, одного погребения. В более раннее время у сарматов Поволжья и Приуралья были широко распространены впускные погребения. Сходство можно проследить и в других деталях погребального обряда: наличие костей барана и железных ножичков, кучки золы или угольков на дне могильных ям, находки в погребениях одной или нескольких стрел, положенных взамен колчана, битая посуда в насыпях курганов.

Можно привести много примеров сходства материальной культуры памятников разбираемых районов; общие типы украшений, оружия, бытовых вещей. Особо следует отметить распространение в Средней Азии кубических курильниц, имеющих отношение к культовой обрядности и этнически устойчивых [22, с. 174, 175]. В позднесарматских погребениях этот тип курильниц является ведущим.

В Нижнем Поволжье обнаружены две могильные ямы западноферганского типа, с небольшим круглым входом и расположенной под ним камерой [23, 24, с. 180, 181]. Сооружения эти настолько специфичны, что трудно предположить их независимое происхождение.

Такое сходство в погребальном обряде и материальной культуре между двумя районами, с учетом параллелей в антропологическом материале, позволяет говорить о переселении из Средней Азии в Нижнее Поволжье какой-то части кочевого населения, для которого был характерен подбойно-катакомбный обряд погребения. В этом плане интересны верхние даты некоторых могильников Северной Бактрии — Тулхарского I в. н. э. и Бабашовского II в. н. э. [25, с. 137—162; 26, с. 125—130]. Даты их совпадают с временем усиления Кушанского царства. Возможно, с этими событиями связано и переселение в более северные районы кочевого среднеазиатского населения, достигшего Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Для того чтобы иметь более полное представление о том, что это было за население, небезынтересно рассмотреть вопрос о происхождении подбойно-катакомбных погребений Средней Азии. Окончательное решение его, видимо, еще впереди, но уже сейчас очевидно, что без выяснения роли сарматов здесь не обойтись. Многие исследователи древностей Сред-

ней Азии не раз отмечали сарматоидные черты, нашедшие широкое распространение в различных ее районах начиная со второй половины II в. до н. э. Их связывают обычно с появлением подбойно-катакомбных погребений под курганами. Позволю себе привести высказывания из недавно опубликованных работ некоторых авторитетных исследователей. Б. А. Литвинский, говоря о могильниках Северо-Западной Ферганы, отмечает, что «карабулакско-ворухская подбойно-катакомбная культура и аштская культура курумов демонстрируют многие черты близости средне- и позднесарматской культуре. Конкретное рассмотрение всех категорий материальной культуры карабулакско-ворухского погребального обряда, явлений идеологической сферы показывают, что сарматская культура и культура жителей ферганских предгорий была исторически связана по многим направлениям» [27, с. 55].

А. М. Мандельштам в отношении исследованных им могильников кочевников Северной Бактрии пишет то же самое: «Здесь прежде всего привлекают к себе внимание... довольно близкие параллели в культуре сарматских племен западной части степного пояса. Это многочисленность подбоев, ям с заплечиками, длинные мечи, кинжалы с прямым перекрестием и серповидным или волютообразным навершием, некоторые типы пряжек и т. д. Они выступают особенно ярко при немногочисленности предметов несомненно восточного типа, неизвестных на западе» [28, с. 140, 141].

Оба автора не считают возможным наличие отмеченного ими сарматского облика культуры подбойно-катакомбных погребений связывать с продвижением в Среднюю Азию сарматов. В вышедшей несколько ранее сводке подбойно-катакомбных погребений Западной Ферганы Б. А. Литвинский старался найти местные корни их происхождения. Однако ни его обращения к более ранним памятникам Средней Азии, ни рассуждения по поводу изменения религиозных верований недостаточно убедительны. Почти во всех случаях, анализируя обряд подбойно-катакомбных погребений, он находит более ранние примеры на исконной сарматской территории, обнаруживая «удивительный параллелизм с сарматским миром» [29, с. 69]. Правомочно спросить: почему не наблюдалось такого параллелизма до распространения в Средней Азии подбойно-катакомбных погребений, тем более что по заключению, сделанному здесь же Б. А. Литвинским, процесс этот шел спонтанно? Правда, весьма осторожно он допускает возможность просачивания сарматов [29, с. 69], переселения в Фергану во II—I вв. до н. э. каких-то групп приаральского населения сарматоидной культуры [27, с. 55]. Но здесь же делает вывод в основном только об опосредствованном влиянии сарматов.

Погребения Северной Бактрии, материалы которых дают близкие и яркие параллели в культуре сарматов, А. М. Мандельштам считает принадлежащими юечжам [28, с. 133—141]. Он также полагает, что нет никаких оснований отождествлять кочевников Северной Бактрии с сарматами и предполагать их передвижение с далекого северо-запада (как будто провинция Ганьсу, откуда пришли юечжи, находится ближе!). Размышления же А. М. Мандельштама об условных восточных сарматах только затрудняет решение проблемы. Его заявление в данном случае о правомочности археологических источников проконтролировать и правильно понять краткие и неполные сообщения источников письменных остается декларативным [28, с. 133].

Я далек от мысли всюду, где обнаружены подбойно-катакомбные погребения, видеть сарматов. Но в отдельных случаях сходство настолько велико, что мы вправе отождествлять их с сарматами. К числу таких памятников, например, относятся Лявандакский и Кую-Мазарский курганные могильники, исследованные О. В. Обельченко. Совпадение в деталях обряда погребения, а также предметов материальной культуры[1] указанных памятников с сарматскими позволяет мне присоединиться к

[1] Различие в керамике не является показательным, так как кочевники используют посуду, производящуюся местным оседло-земледельческим населением. Это характерно и для сарматов Поволжья и Подонья.

мнению О. В. Обельченко, что население, оставившее эти могильники, скифо-сарматского происхождения и занимало до продвижения в Среднюю Азию обширные районы Приуралья, степного Казахстана и Нижнего Поволжья [30].

Не исключают вторжения в Среднюю Азию сарматов, вместе с другими племенами разгромившими Греко-Бактрию в середине II в. до н. э., и сарматологи [31, с. 289; 32, с. 107]. Б. Я. Ставиский в последней своей книге, уделив много внимания проблеме падения Греко-Бактрийского государства, приходит к интересному выводу о синхронности активизации кочевников в Северном Причерноморье, Северном Кавказе и в Средней Азии и считает «что в широких передвижениях кочевников в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе участвовали те же племена (или часть их), что и в нашествии на парфянский Иран и Греко-Бактрийское царство» [33, с. 108, 109].

Продвижение сарматов на запад и юго-запад на территорию Кубани, Северного Кавказа, античных государств Северного Причерноморья положило начало процессу, получившему название сарматизации этих районов, существенной чертой которого было привнесение новых для этих районов элементов сарматской культуры [34, с. 83]. Эти события достаточно хорошо засвидетельствованы письменными и археологическими источниками. И в других местах, где достаточно хорошо проявляются черты сарматской культуры, это было связано с продвижением самих сарматов вплоть до Дуная на западе и до Прикамья на севере. Видимо, ту же картину мы имеем и в отношении Средней Азии. Возможно, эта аналогия и не совсем полная, но она позволяет наметить некоторые закономерности этого процесса и поставить вопрос о сарматизации Средней Азии со второй половины II в. до н. э.

Период III—II вв. до н. э.— время формирования мощных сарматских племенных союзов, известных по письменным источникам. Они осуществляли свою экспансию в Северном Причерноморье, но, вероятно, это направление не являлось единственным их устремлением. Средняя Азия, бывшая с древних времен одним из центров высокоразвитых культур, издавна привлекала внимание савромато-сарматов [31, с. 277—285]. Известна, например, роль даев и парнов, связываемых с южноуральскими савромато-сарматами [35, с. 136], в образовании Парфянского государства. Да не так уж и далек сарматский северо-запад, так как, видимо, кочевья сарматов достигали Аральского моря. Название древних сарматов до сегодняшнего дня сохраняется в среднеазиатской топонимике [36, с. 9]. Страбон, перечисляя ряд иранских племен, «которые отняли у греков Бактриану», называет асиев [Strab. XI, 8, 2], «...Этот этноним,— отмечает Э. А. Грантовский,— достаточно рано засвидетельствован среди сарматов, а также достаточно надежно определяется в некоторых личных именах из Северного Причерноморья, причем в оформлении, явно указывающем на сармато-осетинскую диалектную среду» [37, с. 79]. Л. А. Ельницкий, характеризуя сообщения Плиния о переходе Танаиса (Дона) целым рядом сарматских племен, усматривает кажущуюся схожесть их наименований с теми племенами, которые, по Страбону, напали на Греко-Бактрию. Это, по его мнению, обусловливается путаницей в определении Танаиса (Дона) и Яксарта (Сырдарьи), характерной для античной литературы начиная с времени Александра Македонского [38, с. 190]. Однако не исключено, что это можно объяснить и сходством этнической номенклатуры этих районов, тем более что Плиний четко различал Танаис и Яксарт [Plin., NH VI, 49].

Интересна еще одна деталь: значительное сокращение в Южном Приуралье и Западном Казахстане со среднесарматского времени числа погребений [39, с. 73]. Вряд ли это можно объяснить только уходом сарматов на запад. Какая-то часть их во II в. до н. э. направилась на юго-восток и вместе с другими племенами, видимо пришедшими с востока, приняла участие в среднеазиатских событиях второй половины II в. до н. э., что и нашло отражение в материальной культуре курганов с подбойно-катакомбными погребениями.

Другой важной и в то же время сложной проблемой является определение этнической принадлежности позднесарматской культуры. Выше уже говорилось о существовании точки зрения аланской ее принадлежности. Разработкой ее много занимался К. Ф. Смирнов. В его работах, вышедших в 50-е годы, происхождение алан тесно связывалось с аорсами [6, с. 108; 40, с. 204]. Он считал, что аланы как самостоятельная политическая сила вызревают внутри сарматской конфедерации племен, возглавляемой аорсами, которые занимали огромное степное пространство от Приуралья до предгорий Северного Кавказа. Это, как полагал К. Ф. Смирнов, подтверждают и письменные источники, свидетельствующие о том, что в I в. н. э. появившиеся известия об аланах застают их на тех же местах, где раньше жили аорсы. Формирование позднесарматской культуры рассматривалось им как сложение единого этнического массива аланских и аорских племен, нашедшего свое выражение в этнониме Птолемея «аланорсы». Однако главенствующая роль в этом новом объединении теперь принадлежит аланам. Эта точка зрения, однако, не является единственной. Так, Л. Г. Нечаева высказала мнение, что подбойные погребения, составляющие большинство в позднесарматской культуре Нижнего Поволжья, принадлежат гуннам [41, с. 157]. Существует и еще одно мнение, которое как бы стоит между двумя предыдущими. Оно высказано Т. Сулимирским, утверждавшим, что к востоку от Дона жили восточные аланы, в отличие от алан, известных в Северном Причерноморье, которые находились под большим влиянием гуннов и приняли многие их обычаи [42, с. 142—144].

Рассмотрим точку зрения об аланской принадлежности позднесарматской культуры, насколько она соответствует имеющимся в нашем распоряжении источникам. В общих чертах появление алан и превращение их в ведущую политическую силу в Предкавказье, Приазовье и Северном Причерноморье прослеживается по письменным источникам греко-римских авторов. Эти свидетельства античных писателей уже не раз подвергались тщательному анализу различных исследователей [6, с. 109; 43, с. 160—165; 44, с. 123—125; 45]. Некоторые из них считают, что наиболее ранним является сообщение Лукана (39—65 гг.), который упоминает алан в событиях 60-х годов I в. до н. э., связанных с походом римского полководца Помпея против понтийского царя Митридата [6, с. 109; 45, с. 81]. Однако такое мнение спорно. Так, в речи императора Юлиана, обращенной к войску, которую приводит Аммиан Марцеллин, упоминается Помпей, разбивший «массагетов, которых мы теперь называем аланами» [Amm. Marc. XXIII, 5, 16]. Здесь прямо не говорится о победе Помпея над аланами. В данном случае под массагетами можно понимать любые ираноязычные кочевые племена, которые потом могли войти в аланский племенной союз. Лукан же отразил, видимо, реалии своего времени. В других источниках, освещающих эти события (Плутарх, Аппиан, Дион Кассий), аланы также не упоминаются. Нельзя согласиться и с мнением тех исследователей, которые считают бесспорным участие алан в войне Иберии и Парфии в 35 г. н. э. [45, с. 71]. В письменных источниках, описывающих эту войну (Тацит, Иосиф Флавий), нет упоминания об аланах. Выводы о походе алан в это время в Закавказье умозрительны и отражают больше желание самих авторов видеть в этих событиях алан.

Наиболее обоснованным является, на мой взгляд, мнение тех исследователей, которые считают, что аланы появляются в Предкавказье и Приазовье после так называемой сирако-аорсской войны 49 г. н. э. [43, с. 71]. Эта война началась из-за попытки Митридата VIII покончить с зависимостью от Рима, что привело в военному столкновению противоборствующих сторон, в котором приняли участие и местные племена. Сираки поддержали Митридата, а аорсы выступили на стороне римлян. Митридат и сираки были разгромлены. Тацит, подробно описавший эти события, ничего не говорит об участии в них алан. Ситуация в то время в этих местах была та же, что и описанная ранее Страбоном. Основными племенными объединениями в Прикубанье и междуречье Волги и Дона

оставались сираки и аорсы. И только после этих событий этноним «аланы» все чаще начинает упоминаться на Кавказе, в Приазовье и Северном Причерноморье. Первыми об аланах сообщают упоминавшийся ранее Лукан и Валерий Флак (вторая половина I в. н. э.) [Val. Fl., Argon VI, 40], связывающие алан с кавказскими событиями. Плиний (23—79 гг.) [Plin., NH, IV, 80] и Сенека (последние годы до нашей эры — 65 г. н. э.) [Seneca, Thyestes, 630] помещают алан вместе с роксоланами у берегов Истра.

Сведения указанных авторов позволяют относить утверждение алан в Азиатской Сарматии к началу второй половины I в. н. э. В описываемом Иосифом Флавием походе алан в Закавказье в 72 г. они выступают уже как мощная политическая и военная сила [Jos. Flav., B. Jud., VII, 7,4]. Видимо, те же события отражены в китайской «Истории младшего дома Хань», охватывающей период с 25 по 220 гг., в которой говорится, что владение Яньцай переименовалось в Аланья [46, с. 229].

Появление нового этнонима, однако, не привело к изменениям в массовом археологическом материале. На обширной территории Азиатской Сарматии от Дона до Южного Приуралья была распространена одна археологическая культура, получившая название среднесарматской и датирующаяся I в. до н. э.— I в. н. э. Считалось, что на Северном Кавказе появление алан фиксируется распространением катакомб — новой черты в погребальном обряде. Однако М. П. Абрамова в последних своих работах пришла к выводу, что распространение катакомб на Северном Кавказе нельзя связывать с появлением алан. Во-первых, потому, что сам этот обряд был слабо распространен в среде сарматских племен; во-вторых, катакомбы в центральных районах Предкавказья начали появляться уже со II в. до н. э., когда об аланах в этом районе говорить не приходится [47, с. 77; 48, с. 64—71]. К тому же она полагает, что ранние письменные источники не дают основания для локализации алан в Центральном Предкавказье [49, с. 42].

Все это подтверждает точку зрения тех исследователей, которые считают алан выходцами из аорсского племенного союза. Этническая основа аорсского и аланского племенных союзов была одна и та же, сменилось только племя-гегемон. Вероятно, в период господства аорсов аланы занимали восточную периферию расселения сарматских племен. Об этом свидетельствуют и устойчивая античная традиция о массагетском происхождении алан, и данные китайских источников. Еще К. Мюлленгофф считал, что аланы утверждаются в Подонье и Причерноморье в связи с уходом на запад языгов и роксолан [50, с. 103]. Сюда же следует добавить и аорсов, которых античные авторы упоминают в Северо-Западном Причерноморье [Plin., NH, IV, 80], но о полной смене населения в этих местах речи идти не может, так как Аммиан Марцеллин отмечает, что появление и утверждение алан было связано с подчинением различных племен, вероятно, раньше входивших в аорсский племенной союз [Amm. Marc., XXXI, 2, 13].

Сложение позднесарматской культуры относится ко II в. н. э. Первые признаки ее прослеживаются в начале этого века или, возможно, на рубеже I —II вв., причем значительную часть II в. идет процесс формирования позднесарматской культуры[2]. Таким образом, появление этнонима «аланы» хронологически не совпадает с началом позднесарматской культуры, причем это несовпадение, например в Подонье, составляет целый век. Судя по письменным источникам, появление алан в Подонье можно отнести ко времени между 49 и 65 гг. [51, с. 15], а археологические признаки, свойственные позднесарматской культуре, например в некрополе Танаиса, отчетливо выступают только с третьей четверти II в. [52, с. 90—93].

[2] Общепринятая дата начала позднесарматской культуры — II в. н. э. Исключение составляет, пожалуй, только работа Т. Сулимирского [42, с. 142], в которой началом позднесарматской культуры считается середина I в. н. э. Однако Т. Сулимирский в определении начальной даты исходил не из археологического материала, а из появления этнонима «аланы».

Следовательно, прямо приписывать позднесарматскую культуру аланам — значит только упрощать исторический процесс в этом районе, который, видимо, отличался значительным динамизмом. Процесс «вызревания» алан из аорсской конфедерации племен не идентичен процессу формирования позднесарматской культуры. Появившись на исторической арене, аланы первоначально должны были являться носителями среднесарматской археологической культуры.

Л. Г. Нечаева, определяя гуннскую принадлежность подбойных погребений Нижнего Поволжья, исходила из сопоставления катакомбных погребений Северного Кавказа и позднесарматских подбойных погребений Поволжья, которые в археологической литературе в равной мере приписывались аланам. В результате этого сопоставления она пришла к выводу, что только катакомба как конструкция погребального сооружения может принадлежать аланам. Ретроспективно рассматривая историю погребального обряда алан, она тем самым устанавливает этническую принадлежность ранних катакомб Северного Кавказа. Из этого определения Л. Г. Нечаева делает вывод, что разные конструкции погребальных сооружений, располагающихся в различных районах в одно и то же время, не могут принадлежать одному и тому же народу. По ее мнению, подбойные погребения Нижнего Поволжья принадлежат гуннам [41, с. 157].

Однако с этой точкой зрения согласиться нельзя по следующей причине. Я уже отмечал, что в танаисском некрополе черты позднесарматской культуры (северная ориентировка погребенных, особенности их положения, искусственная деформация черепов, конструкция погребальных ям) появляются в третьей четверти II в. Эти новые явления Д. Б. Шелов связывает с переселением новой волны сарматов из Поволжья. Появление здесь нового этнического элемента было зафиксировано и танаисской ономастикой — наличием новых, не известных ранее не только в Танаисе, но и в других северопричерноморских городах иранских имен [52, с. 80—93; 34, с. 84]. Это свидетельствует о том, что носители позднесарматской культуры были иранцами. Известно много теорий о происхождении гуннов, но еще никто не считал их в основе своей иранцами [53]. Сама Л. Г. Нечаева и большинство других исследователей считают их тюрками [41, с. 157; 54, с. 56; 55, с. 43]. Анализ письменных источников показывает, что, кроме Птолемея, никто из античных авторов не локализует гуннов в Европе в столь раннее время. А известные ошибки Птолемея в нанесении на карту отдельных народов не позволяют и в данном случае абсолютно доверять этому автору [38, с. 191—211; 34, с. 82].

М. И. Артамонов, исходя из анализа свидетельств Дионисия Периегета, писавшего в 160 г. н. э., находит возможным поместить гуннов в местности, прилегающей к Аральскому морю [55, с. 42]. Это, видимо, наиболее правдоподобно, так как Иордан, описывая границы Скифии к моменту проникновения в Северное Причерноморье готов, локализует гуннов за Каспийским морем [56, с. 5].

Определение этнической принадлежности позднесарматской культуры — сложная научная проблема, ее нельзя однозначно разрешить с позиции сложившейся ранее автохтонной теории развития сарматской культуры, нельзя ее решение сводить и только к миграционным процессам. Археологический материал позволяет в настоящее время выделить два основных компонента, на базе которых формировалась позднесарматская культура, Это местные сарматские племена Поволжья и Приуралья, являвшиеся здесь носителями среднесарматской археологической культуры, часть которых входила с середины I в. н. э. в аланское объединение, и второй компонент — пришлое население из Средней Азии, во многом близкое местным сарматам и скорее всего вышедшее из среды кочевников, появление которых в Средней Азии было ознаменовано распространением во II в. до н. э. курганных могильников, обнаруживающих близкое сходство с сарматскими памятниками.

В течение большей половины II в. н. э. идет процесс формирования позднесарматской культуры. Причем этот процесс территориально и хро-

нологически развивался с востока на запад, как это уже отмечалось для прохоровской культуры, и завершился во второй половине II в. О роли местного компонента свидетельствуют хотя бы диагональные погребения, которые сохраняются в начальной стадии позднесарматской культуры, являясь одной из типичных черт погребального обряда среднесарматской культуры. Об определенной роли местного населения в формировании позднесарматской культуры говорит и факт сохранения старых традиционных связей с Нижним Доном, Кубанью и Северным Кавказом.

Д. Б. Шелов, отмечая прилив нового ираноязычного населения в Танаис в третьей четверти II в., принесшего с собой черты позднесарматской культуры, считал что это было «какое-то сарматское, скорее всего аланское, племя, передвинувшееся на Дон из Заволжья» [34, с. 84]. Исходя из общего состояния на сей день письменных и археологических источников, мы вправе предполагать, что какая-то часть носителей позднесарматской культуры, видимо достаточно значительная, входила в аланское племенное объединение, тем более что появившиеся новые иранские имена в надписях Танаиса с конца II в. проявляют значительную близость «к корням осетинского языка, именно его дигорского диалекта» [52, с. 89].

Но правомерно ли видеть во всех позднесарматских погребениях алан? Видимо, нет. Осторожно подходить к решению этого вопроса нас заставляют примеры из предшествующей истории сарматской культуры. Ни один из известных нам племенных этнонимов не покрывал полностью ни раннесарматской, ни тем более среднесарматской культуры.

Можно считать пройденным этапом в исследовании сарматских древностей попытки выделить те или иные сарматские племена по типам могильных ям: квадратные или широкие прямоугольные ямы с положением погребенных по диагонали — роксоланы, подбойные ямы — аланы. Такой подход к проблеме выявления этнической принадлежности сарматских памятников методически неверен по той причине, что под сарматскими этнонимами «роксоланы», «аорсы», «аланы» и др. скрываются, как правило, крупные племенные союзы, объединяющие различные близкородственные сарматские племена. На внешнеполитической арене такой союз выступает под именем наиболее могущественного племени-объединителя, племени-гегемона, скрывая другие племенные наименования. Это достаточно отчетливо видно из той же картины образования аланского племенного объединения, нарисованной Аммианом Марцеллином. Вряд ли можно прямо воспринимать его слова, что «с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение» [Amm. Marc., XXXI, 1, 2, 17]. Так, Плиний для периода господства сираков и аорсов в Предкавказье и в междуречье Волги и Дона называет большое число более мелких подразделений, возможно, отдельные племена [Plin., NH, VI, 21, 22]. Птолемей для более поздпего времени также называет целый ряд племен, живших между Уралом и Каспием [Ptolem. Geogr., VI, 14, 11]. Трудно предположить, что в рамках племенного союза,— а именно таковым было аланское объединение,— может произойти стирание всех племенных различий, утрата племенных названий. Известно, что даже в более развитых этнических общностях сохраняются родо-племенные различия.

Сходство развития социально-экономических отношений в среде сарматских племен в конечном счете приводит к наблюдаемой с времени прохоровской культуры нивелировке их материальной культуры и погребального обряда [57, с. 13]. Все это свидетельствует о том, что аланы, так же как роксоланы, аорсы и другие сарматские племена и объединения, не могут быть выделены не только по одной конструкции погребальной ямы, но и по сумме других археологических признаков. В решении этой проблемы мы в большей степени должны идти от общей исторической ситуации, выявленной по письменным источникам, территории и хронологических определений. Так, сарматские памятники между Днепром и Доном II—I вв. до н. э. должны принадлежать роксоланам, к во-

стоку от Дона — аорсам, а с середины I в. н. э.— аланам. Археологически же сарматские памятники этих районов мало чем различаются.

Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что, например, на территории современной Башкирии, где обнаружены позднесарматские памятники, обитали аланы. Большинство поздних сарматов Северного Причерноморья, Подонья, вероятно, входило в аланский племенной союз, что же касается Повóлжья и более восточных районов, то утвердительно ответить на этот вопрос гораздо сложнее. Письменные источники также не дают убедительного повода для размещения алан в этих местах. Аммиан Марцеллин дает весьма противоречивую картину расселения алан. М. И. Ростовцев, говоря о Марцеллине, отмечал, что его «экскурс об аланах сборный и по большей части составлен по литературным трафаретам» [58, с. 83]. Птолемей, который знал об аланах, на территории Азиатской Сарматии помещает множество различных племен, черпая свежие сведения, видимо, из путевых записок купцов, осуществлявших торговую связь между Средней Азией и Причерноморьем [38, с. 200, 201].

События середины III в. в Северном Причерноморье оказали влияние и на Азиатскую Сарматию. Активизация готского племенного союза привела к разгрому Танаиса, игравшего важную роль в экономической жизни местных племен. Ведущая роль алан в Северном Причерноморье была подорвана. Произошли изменения в среде варварских племен междуречья Волги и Дона. После середины III в. здесь в погребальном обряде и материальной культуре прослеживаются северокавказские традиции [59, с. 33]. В пределах Азиатской Сарматии значительная часть позднесарматских памятников конца III—IV вв. сосредоточена в Заволжье, на территории современной Башкирии, Южном Приуралье. На их материале прослеживается утрата связей с Причерноморьем и Северным Кавказом. В погребениях к востоку от Волги все больше распространяются вещи (посуда, зеркала и др.), имеющие обширные аналогии в Средней Азии и более восточных районах.

Есть все основания предполагать, что заволжские поздние сарматы, видимо, с течением времени включаются в гуннский племенной союз. По наиболее распространенному мнению, гуннский племенной союз формируется во II—IV вв. из пришлых с востока тюркоязычных гуннов и угорских племен Приуралья и Поволжья [55, с. 67]. Распространение позднесарматских памятников на обширной территории к востоку от Волги, их контакты с угорскими народами [39, с. 76] предполагают участие и ираноязычных сарматов в этом союзе. Допускал включение гуннов в сарматскую среду до их нашествия на Европу и А. П. Смирнов [61, с. 66].

Начало нашествию гуннов положили события 70-х годов IV в., когда гунны разгромили алан, которых, как отмечает Аммиан Марцеллин, обычно называли танаитами, и вторглись в готские владения Германариха [Amm. Marc. XXXI, 3, 1]. После этих событий позднесарматские погребения в пределах Азиатской Сарматии практически исчезают. Такое явление объясняется, видимо, уходом значительной части позднесарматского населения в составе гуннского племенного союза на запад. Заключение союзного договора гуннов с разгромленными аланами-танаитами, возможно, было облегчено вхождением в гуннский союз заволжских сарматов.

После гуннского нашествия если и осталась какая-то часть прежнего сарматского населения в пределах Азиатской Сарматии, то весьма незначительная. И. П. Засецкая, опубликовавшая целый ряд работ по гуннской проблематике, для Поволжья называет всего лишь пять погребений, относящихся уже к новой эпохе, но которые могут быть связаны с сарматами [62, с. 69, 70].

С появлением на исторической арене гуннов развитие сарматской культуры в Азиатской Сарматии фактически прекращается, на смену сарматам приходят тюркоязычные народы, которые в дальнейшем будут определять историческую судьбу этого района.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОАК за 1895 г. Спб., 1897.
2. *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния.— ЗРАО, 1896, т. VIII, вып. 1 и 2.
3. *Rau P.* Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.
4. *Смирнов К. Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья.— Доклады и сообщения ист. фак. МГУ. М., 1947, вып. V.
5. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, 1947, № 3.
6. *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия.— КСИИМК, 1950, XXXIV.
7. *Скрипкин А. С.* К вопросу о происхождении позднесарматской культуры.— В кн.: Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа: АН СССР, Башкирский филиал, 1976.
8. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4.
9. *Абрамова М. П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным.— М.: Советская Россия, 1971.
10. *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений).— СА, 1977, № 2.
11. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
12. *Раев Б. А.* Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин.— СА, 1979, № 1.
13. *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи.— СА, 1978, № 1.
14. *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1973.
15. *Жиров Е. В.* Об искусственной деформации головы.— КСИИМК, 1940, VIII.
16. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
17. *Трофимова Т. А.* Изображение эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968.
18. *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
19. *Тот Т. А., Фирштейн Б. В.* Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов.— В кн.: Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970.
20. *Трофимова Т. А.* Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-Гыр.— В кн.: Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974.
21. *Заднепровский Ю. А.* Изучение культуры кочевников Средней Азии древнего периода (от саков до тюрок).— Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию археологов Средней Азии. Л., 1968.
22. *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа. М.: Наука, 1973.
23. *Маловицкая Л. Я.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1965 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3429.
24. *Синицын И. В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4223.
25. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию.— МИА, 1966, № 136.
26. *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1976.
27. *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории древней и средневековой Ферганы.— В кн.: История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976.
28. *Мандельштам А. М.* Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
29. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972.
30. *Обельченко А. В.* Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса. Автореф. канд. дис. Ташкент: Ин-т истории и археологии АН УзССР, 1954.
31. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
32. *Мошкова М. Г.* Сарматы и Средняя Азия.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
33. *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977.
34. *Шелов Д. Б.* Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первые века нашей эры.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978.
35. *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
36. Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978.
37. *Грантовский Э. А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1975.
38. *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.: Наука, 1961.
39. *Смирнов К. Ф.* Ранние кочевники Южного Урала.— АЭБ, 1971, IV.
40. *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен в советской археологии.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

41. *Нечаева Л. Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.—В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1961.
42. *Sulimirski T.* The Sarmatians. New York — Washington, 1970.
43. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1963.
44. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
45. *Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966.
46. *Бичурин И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
47. *Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа.— СА, 1978, № 1.
48. *Абрамова М. П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Восточной Европы.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
49. *Абрамова М. П.* Письменные источники о кавказских аланах.— IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979.
50. *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892, B. III.
51. *Раев Б. А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I — III веков н. э. на Нижнем Дону. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1979.
52. *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики.— ВДИ, 1974, № 1.
53. *Иностранцев К.* Хунну и гунны. Л., 1926.
54. *Бернштам А. Н.* Очерки истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951.
55. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Наука, 1962.
56. *Засецкая И. П.* Гунны в южнорусских степях, конец IV — первая половина V вв. до н. э. (по археологическим данным). Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1971.
57. *Железчиков Б. Ф.* Ранние кочевники Южного Приуралья. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1980.
58. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
59. *Скрипкин А. С.* Некоторые вопросы хронологии памятников Азиатской Сарматии II—IV вв.— IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979.
60. *Гумелев Л. Н.* Хунну, Срединная Азия в древние времена. М.: Изд-во вост. лит, 1960.
61. *Смирнов А. П.* К вопросу о гуннских племенах на Средней Волге и Прикаспии.— Археологические исследования на юге Восотчной Европы.— М.: Советская Россия, 1974.
62. *Засецкая И. П.* Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья.— АСбГЭ, 1971, № 13.

A. S. Skripkin

2nd-4th-CENTURY ASIAN SARMATIA

Summary

The author discusses some chronological and ethnical problems related to the late Sarmatian culture of the Asian Sarmatia in the 2nd-4th centuries A. D. An analysis of archaeological data and written sources made the dates of the emergence of the culture and of the Alan tribal union more precise, which turned out to be not synchronous: it appeared that the Alans had not brought a new archaeological culture to the Don, the Northern Circumpontic area and the Caucasus. The early stages of the Alans' development were characterised by the mid-Sarmatian archaeological culture. In the 2nd century, the period of the late Sarmatian culture in the Volga and Circumpontic areas, most of the late Sarmatian tribes made part of the Alan tribal union, though not all late Sarmatian monuments should be associated with the Alans: according to ancient authors, there were other Sarmatian tribes in the area of the late Sarmatian culture which owed its emergence mainly to two components: an indigenious component connected with the mid-Sarmatian culture and an alien component associated with the Central Asian nomads characterised by shaft-and-chamber and catacombgrave burial rite and related to the Sarmatae. The burial rite itself was associated with the Sarmatae which had appeared in Central Asia in the mid-2nd century and were assimilated. In the 3rd-4th centuries A. D. the trans-Volga Sarmatae probably joined the Hunnu tribal union and together with it approached the western borders of the Roman Empire.

ФЕХНЕР М. В.

ШЕЛКОВЫЕ ТКАНИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В странах Востока и Средиземноморья в эпоху раннего средневековья шелк благодаря прочности своего волокна, тонкого, вместе с тем мягкого и эластичного, а также способности легко окрашиваться считался ценнейшим текстильным сырьем. Крупными центрами шелководства и шелкоткачества того времени, по данным письменных источников, являлись в Средней Азии — Самарканд, Бухара и Мерв, в Иране — Шираз, Иезд, Нишапур, Тебриз и Рей, в Византии — Константинополь, Солунь, Коринф, Фивы, в Испании — Альмерия, Кордова, Севилья, Мурсия, Малага и Гренада [1, с. 173—177, 180; 2, с. 70; 3, с. 70, 71; 4, с. 203; 5, с. 270; 6, с. 133, 134, 138; 7, р. 180—184; 8]. Продукция этих мастерских находила широкий сбыт в европейских и азиатских странах. Она состояла из различных сортов материй, однотонных и полихромных, узорных и гладких, из декоративной тесьмы, предметов одежды, из шелковых ниток для шитья узоров на тканях и коже, для крепления металлических украшений к одежде, для низания ожерелий, для подвески миниатюрных чашек весов к концам коромысла. Использовались шелковые нити и для изготовления тетив для сложных луков.

Шелковый текстиль являлся одним из важнейших объектов международной торговли. Им определялась стоимость других товаров, например рабов. Согласно договору Игоря с Византией 945 г., раб оценивался в два куска шелка, которые содержали количество материи для раскроя двух длиннополых платьев. Шелком уплачивались нередко государственные долги, награждали, одаривали царей и послов, выплачивали жалование наемникам [9, с. 856; 10, с. 86].

Во внешнеэкономических связях древней Руси шелк, как известно, играл тоже значительную роль. Об уровне шелкового импорта известное представление дают находки шелковых изделий, обнаруженных на территории русских княжеств более чем в 200 пунктах. Они сгруппированы в основном по бассейнам Волги и Днепра, т. е. по тем важнейшим путям сообщения, которые связывали Восточную Европу со странами Востока и Средиземноморья. На многих памятниках раскопками выявлено по несколько образцов различных сортов шелка.

Предлагаемая карта не отличается исчерпывающей полнотой, но даже то количество памятников с находками шелка, которое отмечено на ней, свидетельствует о большом распространении шелковых изделий среди населения средневековой Руси (рис. 1). Учитывая же плохую сохраняемость шелка в земле, несомненным является и то, что найденные фрагменты составляют лишь небольшую часть того множества шелковых тканей, которые обращались на русском рынке. Отсюда шелк частично реэкспортировался в Западную и Северную Европу — Польшу, Чехию, Южную Германию, Скандинавию и другие страны. Например, привезенный с Востока шелк найден в Финляндии, на северном берегу оз. Пюхаярви, в могильнике X в. Во французской литературе XII—XIII вв. шелковые ткани называются «русскими», видимо, потому, что во французское королевство они привозились русскими купцами [11, с. 209; 12, с. 84, 85, 90].

Несмотря на массовый характер шелкового материала, этого исключительного по значимости археологического источника для исследования ряда проблем по истории древней Руси как экономического, так и со-

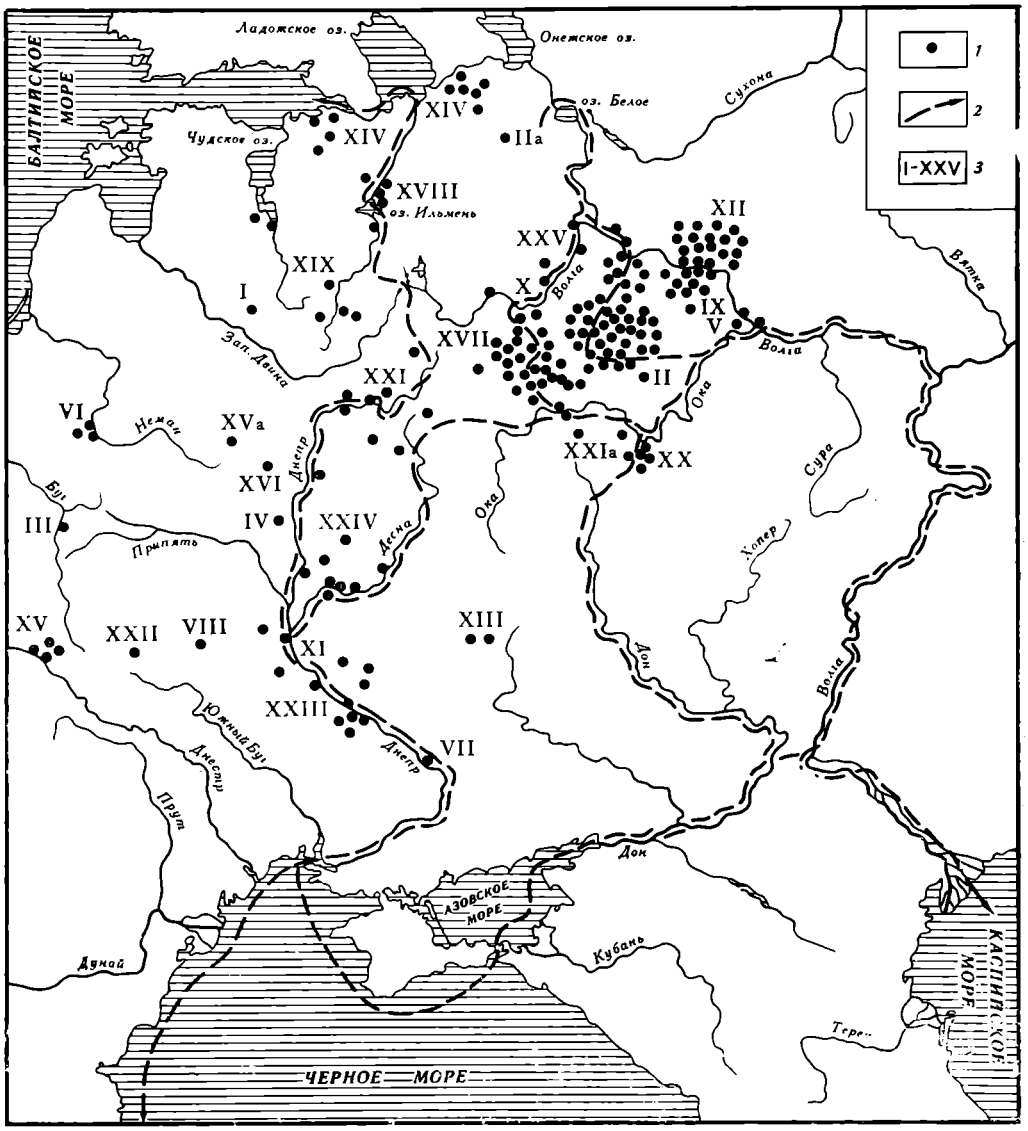


Рис. 1. Находки шелковых изделий X—XIII вв. на территории Руси: *1* — пункты находок; *2* — важнейшие торговые пути; *3* — области: I — Витебская; II — Владимирская; II*а* — Вологодская; III — Волынская; IV — Гомельская; V — Горьковская; VI — Гродненская; VII — Днепропетровская; VIII — Житомирская; IX — Ивановская; X — Калининская; XI — Киевская; XII — Костромская; XIII — Курская; XIV — Ленинградская; XV — Львовская: XV*а* — Минская; XVI — Могилевская; XVII — Московская; XVIII — Новгородская; XIX — Псковская; XX — Рязанская; XXI — Смоленская; XXI*а* — Тульская; XXII — Хмельницкая; XXIII — Черкасская; XXIV — Черниговская; XXV — Ярославская

циального порядка, он до последнего времени остался слабо изученным. Маленькие однообразного коричневато-желтого цвета обрывки тканей из раскопок не сведены воедино и не систематизированы, не выяснено время их бытования и место производства. Это отчасти вызвано тем, что изучение археологического текстильного материала требует предварительного проведения реставрационных работ. Только после промывки тканей, их закрепления, пропитки смягчающим составом можно определить характер пряжи, из которой они сработаны, систему переплетений, их плотность, выявить вытканный узор и следы украшавших их вышивок. Различия в строении тканей, характере и качестве пряжи дают возможность в ряде случаев выяснить вопрос происхождения шелковых изделий, поступавших в Восточную Европу в домонгольское время.

Большинство исследователей, опираясь на данные письменных источников, относят шелк к предметам роскоши, распространенным исключи-

тельно в княжеско-боярской среде. Действительно, в летописи упоминаются такие дорогие сорта тканей, поступавших из Византии, как фофудья, оловир грецкий, аксамит, которые применялись для парадной светской одежды, церковных облачений и использовались для убранства дворцов и храмов. Эти раскошные полихромные материи с крупным узором воспроизведены на фресках Киевской Софии с изображением семьи Ярослава, на миниатюре «Изборника 1073 г.» с групповым портретом семейства Святослава, на фреске церкви Спаса на горе Нередице, на которой представлен ее строитель новгородский князь Ярослав Владимирович в плаще из тяжелого шелка, обшитого золототканной тесьмой. Однако подобные шелка не являлись той массовой шелковой продукцией, которая поступала на внешний рынок. В Византии производство этих изысканных тканей являлось государственной монополией, и в X в. продажа их была запрещена иностранным купцам. Но и позже, в XI—XII вв., экспорт из Византии подобных материй был сильно ограничен, и они попадали в Западную и Восточную Европу преимущественно в числе посольских даров, в качестве военной добычи или торговых пошлин [13, с. 143].

На основании отрывочных сведений письменных источников не может быть решен вопрос, из каких сортов шелка складывался русский импорт. Только изучение археологического материала может дать конкретное представление об обращавшихся на русском рынке X—XIII вв. иноземных материях. По музейным коллекциям и архивным данным удалось зафиксировать более 400 находок шелкового текстиля. На территории Восточной Европы шелк обнаружен в 10 кладах, зарытых в Киеве, Старой Рязани, Владимире и на городищах Киевской Руси. В некоторых кладах предметы украшения были завернуты в кусок шелковой ткани, а в Киевском кладе, обнаруженном в 1903 г. на территории Михайловского монастыря, предметы шелкового одеяния — платье, расшитое золотом, фата и плащ из узорного плотного шелка вместе с украшениями были зарыты в землю.

Остатки шелка найдены в 33 погребениях феодальной знати, вскрытых в Киеве, Старом Галиче, Владимире-Волынском, Белгороде, Смоленске, Старой Рязани, Москве, Владимире, Новгороде. В фондах Новгородского музея-заповедника хранится обшлаг от одежды князя Владимира Ярославича — строителя Софийского собора, захороненного там в 1052 г. На червчатом шелке прекрасно сохранилось древнерусское золотное шитье, узор которого, как установлено реставрационными работами, заимствован с орнамента вытканного византийского пояса XI в., обнаруженного в той же гробнице. В музее Новгорода сохранились также поручи Варлаама Хутынского (умер в 1193 г.) с золотым шитьем по синему шелку и шелковая фелонь Антония Римлянина XII в.

Значительный интерес заслуживает находка 1967 г. в Белгороде Киевском, где близ древней дубовой церкви XI в. открыт саркофаг с останками белгородского епископа Максима (умер в середине XII в.) в шелковом облачении. Фрагменты шелка найдены и в культурных слоях XI — начала XIII в. Райковецкого и Изяславского городищ, разоренных Батыем в 1241 г., а также в культурных слоях Старой Руссы, Новгорода, Мстиславля, Гродно, Новогрудка. В Суздале обрывок шелка с золотной вышивкой, лежащий в берестяной коробочке, обнаружен в жилом комплексе XII—XIII вв.

Преобладающее же количество находок шелковых изделий — около 350 фрагментов происходит из рядовых курганных захоронений сельского и городского населения. Такое положение опровергает распространенный в исторической литературе взгляд на шелк как на товар редкого потребления, доступного лишь социальной верхушке древней Руси. Следует, правда, отметить, что шелк использовался сельским населением преимущественно в качестве отделки праздничного костюма, сшитого из шерстяной или льняной ткани. Чаще всего остатки шелка найдены в женских погребениях, при том более богатых по составу погребального инвентаря. Полосками шелка, обычно красного цвета, украшенными нередко золотной вышивкой или декоративной тесьмой, обшивали ворот

верхней одежды и обшлага рукавов. Шелк использовался и для женских головных уборов. Из шелка изготовляли чехлы для кожаных изделий. Так, в одном из курганов Московской обл., близ дер. Аниськино, находились фрагменты сафьянового кошелька в шелковом чехле, расшитом шелковыми и золотными нитями. В нескольких курганах, как, например, в погребении XI в. у дер. Елисеевичи Смоленской обл., шерстяные нитки, которыми были прикреплены к одежде металлические украшения, плотно обвиты для крепости шелковой ниткой [14]. Таким образом, условия находок шелковых изделий дают возможность определить социальный состав потребителей этих предметов массового ввоза.

Для изучения внешнеэкономических связей домонгольского времени важным является вопрос, из каких производственных центров шелковая продукция поступала в Восточную Европу, что позволит установить, с какими из восточных стран и стран Средиземноморья Русь поддерживала торговые контакты. Задача это чрезвычайно сложная. Большинство сохранившихся до наших дней обрывков шелка являются одноцветными безузорными тканями, что затрудняет определение места их производства. Но даже по узору не всегда удается выяснить происхождение той или иной ткани, так как рисунки византийских и восточных тканей близки между собой; порой даже в текстильном ораменте восточные и византийские мотивы сливаются в одно целое. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что иногда шелкоткацкие мастерские вырабатывали на тканях, специально предназначенных на экспорт, рисунки, которые свойственны были тем странам, куда их продукция поступала. В качестве примера можно привести камчатую ткань дальневосточного производства из крепости на горе Муг (Таджикистан) с узором в виде крупных медальонов, образованных двумя рядами перлов и растительным орнаментом, расположенном в промежутке между медальонами, т. е. узором, типичным для сасанидских и византийских тканей [15].

Что же касается техники изготовления шелковых материй, то благодаря оживленным культурным и экономическим связям между восточными странами и Средиземноморьем достижения в шелкоткацком производстве отдельных областей быстро становились всеобщими. Наряду с тканями простейших ткацких переплетений полотняного строения, когда нити основы и утка переплетаются между собой через нить, и саржевого, когда основные и уточные перекрытия располагаются со сдвигом на одну нить и образуют на поверхности ткани диагональные полосы[1], во всех шелкоткацких центрах уже в V—VI вв. приступили к выработке плотных двусторонних материй сложносаржевого переплетения (рис. 2). Характерной особенностью этого сорта тканей является наличие двух основ, из которых одна, коренная, создает структуру ткани, переплетаясь как с лицевым, так и с изнаночным утком, а вторая, внутренняя, не участвует в переплетении и свободно лежит между двумя утками; назначение ее состоит главным образом в том, чтобы уплотнить ткань, сделать ее более тяжелой и прочной. Каждый из утков имеет свое переплетение, в связи с чем эти ткани называются двухличными или двусторонними (рисунок ткани на лице и на изнанке неодинаков).

Однако, как показали исследования шелковых тканей последних лет, шелкоткацкие мастерские различных стран сохраняли вместе с тем и свои местные традиционные элементы. Например, в Византии ткачи вырабатывали материи в технике уточной саржи, это значит, что на лицевой стороне преобладали уточные перекрытия и плотность ткани создавалась за счет уточных нитей: на единицу измерения, т. е. на 1 см^2 уточных нитей, приходилось в полтора-два раза больше основных. Отличительной особенностью византийских материй было еще и применение для основ тонкой, сильно крученой пряжи, а для утков — более толстой, без крутки. Между тем на Востоке ткачи применяли некрученую пряжу или пряжу еле заметной крутки. Среднеазиатские мастера употребляли

[1] Если на лицевой стороне материи преобладают перекрытия нитью утка, то саржа называется уточной, если перекрытия нитью основы — основной.

относительно толстую некрученую пряжу почти одинакового качества для основы и для утка, а в шелкоткацких мастерских Ирана ткани вырабатывались из тонких слабо крученых нитей. Важнейшей же особенностью дальневосточных тканей являлось то, что они выполнялись в технике основной саржи, т. е. на лицевой стороне преобладали перекрытия нитями основы и на 1 см^2 приходилось в два раза больше основных нитей, чем уточных [16, с. 132, 136, 137; 17].

Итак, исходя из характера сырья, качества пряжи, из различий в строении тканей и их орнаментации, представляется возможным сгруппировать отдельные образцы материй и отнести их в ряде случаев к различным центрам текстильного производства, известным по письменным источникам.

В основу нашего исследования положена коллекция археологических тканей Государственного Исторического музея, которая систематически пополняется новыми находками и содержит в настоящее время 192 фрагмента тканей и лент X—XIII вв. из 49 пунктов. Эта коллекция в своем роде уникальна. Во-первых, это самое крупное в нашей стране собрание средневековых археологических тканей; во-вторых, в нее входят образцы шелка, в подавляющем большинстве точно датированные и происходящие из различных районов Восточной Европы, поэтому в коллекции достаточно полно представлен ассортимент тканей, бытовавших на Руси в домонгольское время. В настоящей работе использовано, кроме того, несколько тканей, представленных для определения из фондов Государственного Эрмитажа, музеев Московского университета, истории и реконструкции Москвы, Владимиро-Суздальского музея-заповедника, музеев Смоленска и Фрунзе. Привлечено также небольшое число тканей из фондов других музеев, технология изготовления которых известна. В результате наша источниковедческая база состоит из 225 образцов шелка.

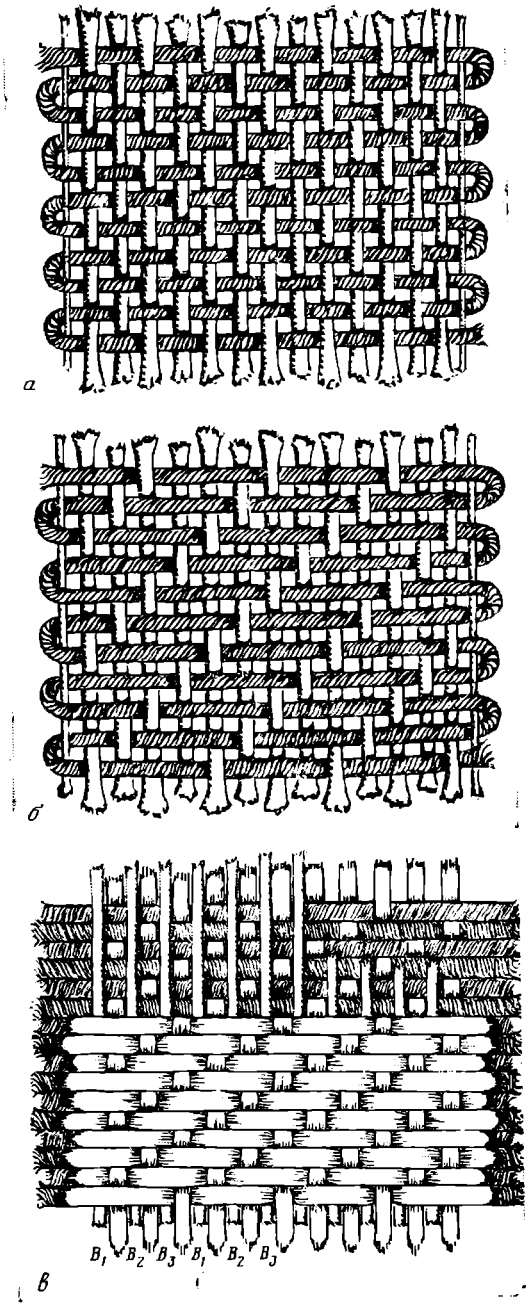


Рис. 2. Системы переплетений тканей: *а* — полотняное; *б* — саржевое; *в* — сложносаржевое

Исходя из данных структурного анализа, исследуемые нами ткани могут быть разделены по месту их производства на четыре группы[2].

[2] Структурный анализ всех исследованных тканей произведен ст. научным сотрудником Института художественной промышленности Н. Т. Климовой; определена система переплетений тканей, их плотность и характер используемой пряжи. Реставрация тканей проведена реставраторами ГИМ Т. Н. Никитиной и К. В. Мозжориной. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность товарищам за эту большую помощь, без которой данная работа никогда не могла быть завершена.

Первая из выделенных нами групп шелка, самая многочисленная, представлена 67 образцами — 53 кусками однотонных безузорных тканей и 14 фрагментами полихромных материй, преимущественно с вытканным узором. Характерной особенностью этих тканей является использование для основ тонкой сильно крученой пряжи. Они найдены в 36 различных памятниках древней Руси. В княжеских гробницах Успенского собора во Владимире, у Богословской церкви в Смоленске, во Владимире-Волынском, в составе Михайловского клада 1903 г. и в 32 могильниках на территории Витебской, Владимирской, Ивановской, Калининской, Киевской, Московской, Новгородской, Рязанской, Смоленской, Черкасской, Черниговской и Ярославской областей. Таким образом, ареал подобных тканей охватывает почти всю территорию Восточной Европы. Они обнаружены в трех захоронениях X в. (Тимерево и Гнездово), в восьми курганах XI в. близ Чернигова, у деревень Давыдково Владимирской обл., Волочек и Паново Смоленской обл., 48 обрывков шелка зафиксированы в погребениях различных областей Руси конца XI — начала XIII в. и восемь фрагментов в Михайловском кладе 1903 г. того же времени. За исключением шести кусочков полотняного строения, все остальные ткани данной группы являются двусторонними, отличительной чертой которых является также их выполнение способом уточной саржи. Это означает, что на лицевой стороне преобладают перекрытия нитью утка и во всех случаях плотность тканей создавалась за счет уточных нитей. Количество нитей на 1 см^2 по основе колеблется от 20 до 70, а по утку — от 36 до 120. Чаще всего плотность их составляет 24—35×60—80 н/см.

Полихромные материи данной группы, за исключением двух экземпляров, являются узорными. Фон и рисунок этих тканей имеют одинаковую систему переплетения, и орнамент образован за счет применения для основ и утков пряжи различных цветов [14].

Среди узорных тканей значительный интерес представляют остатки двух шелковых материй с синим узором в виде больших кругов с перлами на темно-красном фоне, которые найдены примерно в одном и том же районе и датируются концом XII — началом XIII в. Имеется в виду ткань из Михайловского клада и из богатого женского погребения близ дер. Россава (южнее Киева, на р. Роси). Точно такого же рисунка и качества шелк найден в тайнике Десятинной церкви в Киеве, разгромленной Батыем в 1240 г. [18, с. 131, рис. 96].

В женском захоронении близ Россавы найдены еще две узорные ткани, которые сработаны двумя основами и тремя цветными утками — фоновым и двумя узорными. Подобная же ткань обнаружена и в Чернигове в Троицкой курганной группе. На этих тканях цветные утки работали поочередно: когда один узорный уток кончал образование определенной формы орнамента, его снимали со станка и в работу пускали уток другого цвета. На одной из тканей из Россавы орнамент расположен полосами: на лице он состоит из красных и зеленых эллипсоидных фигур, на изнанке — из соединенных вершинами красных и зеленых треугольников. На двух остальных тканях рисунки полностью раскрыть не удалось из-за их фрагментарности.

Хорошо известная по многочисленным публикациям ткань из гробницы Андрея Боголюбского во Владимире выполнена двумя основами и четырьмя утками красного, зеленого, охристого и коричневого цветов. Постоянно в переплетении участвовали два утка, а в местах узора из розеток три — красный, охристый и зеленый. Коричневый же уток все время оставался на изнанке и создавал широкие полосы, которые перемежались с узкими.

Что касается тканей полотняного переплетения, входящих в эту группу и представленных шестью образцами, то в четырех случаях для основы и утка использована чрезвычайно тонкая, сильно крученая пряжа одинакового качества, а у двух тканей основа состоит из тонкой крученой пряжи, а уток — из более толстых некрученых нитей.

Среди тканей полотняного переплетения имеются фрагменты ярко-розового шелка типа фаты из Киевского клада 1903 г. При незначительной

плотности ткани (33×33 н/см) уточные и основные нити лежат на значительном расстоянии друг от друга, в результате чего образовались просветы, которые делают ткань прозрачной и легкой. На некоторых кусках материи сохранились следы орнамента в виде отдельно расположенных небольших треугольников, контуры которых вышиты золотными нитями. Видимо, эти обрывки фаты являются остатками платка (повоя или убруса), которым, как видно на миниатюре Изборника Святослава и на фреске с изображением княжеской семьи в Киевском Софийском соборе, женщины покрывали голову или носили поверх чепца (волосника). Прикрывая шею, концы повоя, перевязанного сзади, ниспадали на спину или свешивались на грудь [19, с. 113; 20, с. 40, 41, 46]. Аналогичная шелковая фата XII в. найдена и в женском погребении, открытом в 1967 г. под фундаментом Успенского собора в Московском Кремле. Тончайший шелк входил здесь в виде покрывала в состав богатого головного убора. Подобная же прозрачная ткань обнаружена в Гнездове в 1980 г. в погребении середины X в. (правобережная Ольшанская группа, курган 62) [21, с. 63; 14]. Несомненно, что ткани данной группы, сработанные из одинакового качества пряжи, а преобладающая часть и в одинаковой технике, поступали на Русь из одного производственного центра, ткацкое искусство которого достигло высокого развития. В связи с тем, что они выполнены из тонкой крученой пряжи, их нельзя отнести к текстильным изделиям Востока. Что же касается средневековых шелков Византии, то их сохранилось мало и немногочисленные полихромные узорные ткани VIII—XIII вв., хранящиеся в зарубежных музеях и ризницах соборов, не являются той продукцией шелкоткацких мастерских, которая поступала на внешний рынок. Эти роскошные шелка вырабатывались в императорских мастерских Константинополя и бытовали только среди верхушки феодального общества. Производство их являлось государственной монополией, и в XI—XII вв. экспорт из Византии подобных тканей был сильно ограничен.

Несмотря на то, что эти высокосортные материи не являлись массовой продукцией византийских мастерских, изучение технологии их производства, проведенное за последние годы западноевропейскими исследователями, представляет большой интерес. Располагая данными по 37 тканям, следует сделать вывод, что в византийских тканях доминирующим было сложное двухосновное саржевое переплетение. Узоры на тканях образованы утками различных цветов, в то время как основы создавали только структуру ткани и скрывали неработающие утки. Типичным для этих материй является и то, что плотность тканей создавалась за счет уточных нитей. На 1 см^2 приходилось от 60 до 120 нитей уточных и от 26 до 45 нитей основных. Наконец, характерной особенностью их является и то, что для основ применялась сильно крученая пряжа, а для утков — более толстая, без крутки. Важно также отметить, что при выработке узоров на этих великолепных тканях не применялись металлические нити. На некоторых тканях для большего декоративного эффекта отдельные элементы узора дополнялись вышивкой золотными нитями. Нередко золотное шитье покрывало всю поверхность ткани, как это видно на одежде папы Леона III, хранящейся в Ватикане [16, с. 137, 139; 22, p. 77, 80, 82].

В 1976 г. при раскопках византийского храма близ сел. Верхняя Тиберда (Ставропольский край) под полом здания в женском погребении обнаружены фрагменты шелка полотняного переплетения с основой из тонкой, сильно кручепой пряжи и утком из несколько более толстых нитей без крутки.

Сопоставлением результатов изучения тканей первой выделенной нами группы с тканями византийскими устанавливается большая близость между ними. Они одинаковы как по технике исполнения, так и по качеству используемой пряжи. Следует подчеркнуть, что гладкие ткани, найденные на территории Руси, являются несколько упрощенным видом многоцветных византийских шелков. Надо полагать, что они были значительно дешевле последних, так как работа с уточными нитями одного цвета значительно проще работы с утками различных цветов. Они, не-

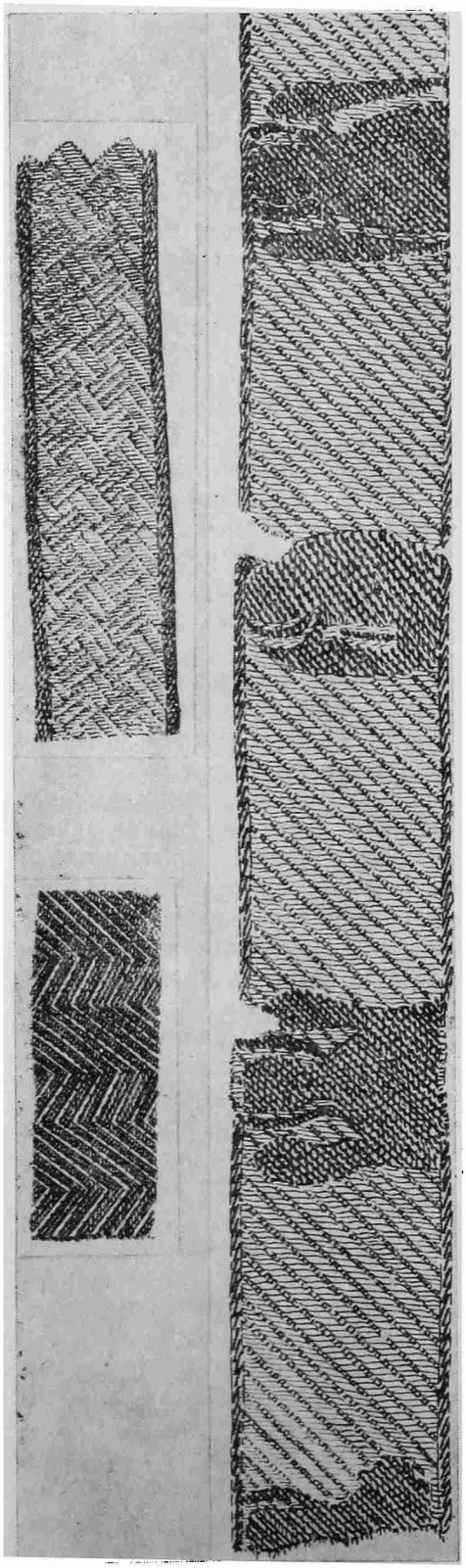


Рис. 3. Образцы декоративной тесьмы Византии

сомненно, были более широко распространены в Византии, чем роскошные узорные ткани, и из них, видимо, в основном складывался византийский шелковый экспорт.

Согласно письменным источникам, на Руси в обращении были византийские материи различных сортов — «паволоки», «оксамиты», «оловиры грецкие». Кроме оловира — пурпурного шелка, до сих пор не вполне ясно реальное значение этих наименований. По-видимому, прав В. Клейн, полагая, что термин «паволока», упоминаемый в летописи с начала X в., являлся первоначально общим наименованием для всех сортов шелка, поступавших из Византии. С течением же времени он наполнился другим содержанием и в конце XI—XII в., видимо, применялся к гладким однотонным материям, составлявшим основную массу импортного шелка. Что же касается термина «аксамит» в древнерусском языке, то он является прямым заимствованием из греческого. В Византии лучшие сорта многоцветных узорных шелков носили греческое название «examitos».

Под летописным аксамитом, одного из самых дорогих и изысканных шелков XII в., вероятно, следует понимать полихромную узорную ткань сложносаржевого переплетения, при выработке которой золотные нити не применялись. Эту ткань нельзя отожествлять с аксамитами XV—XVII вв.— парчевыми тканями, имевшими в переплетении золотные нити [16, с. 139, 140]. К аксамитам XII в. могут быть, вероятно, отнесены ткани с узором в виде кругов с перлами из Михайловского клада и из погребения близ Россавы, а также полосатая ткань с розетками из гробницы Успенского собора во Владимире.

Итак, золототканные материи в Византии не вырабатывались. Серебряные позолоченные ленты, спряденные на шелк, использовались в империи для вышивок и для производства декоративной ленты — тесьмы.

В русском импорте шелковая золототканная тесьма играла заметную роль. Мы располагаем 86 фрагментами тесьмы различной ширины (от 0,6—0,9 до 3,5—4 см) и различных узоров (рис. 3). Чаще всего встречаются зигзагообразный и плетеный орнаменты, реже — диагональный и ромбовидный в различных вариантах. На двух лентах из кургана XII в. у дер. Маклаково Рязанской обл. и из погребения в

Московском Кремле имеются поясные изображения святых [14]. В рассматриваемое время ткани с ликами святых известны только византийской работы, что дает основание всю эту группу золотной тесьмы отнести к изделиям византийских мастерских. Они вытканы двумя основами из тонкой крученой пряжи и двумя утками — шелковым из некрученой толстой пряжи и золотным, который накладывался на лицевую сторону тесьмы. Он плотно закрывал всю поверхность ленты, что является характерной чертой данной декоративной тесьмы. Золотная тесьма отличается большой плотностью. По основе приходится на 1 см² от 40 до 160 нитей, а по утку — от 40 до 80.

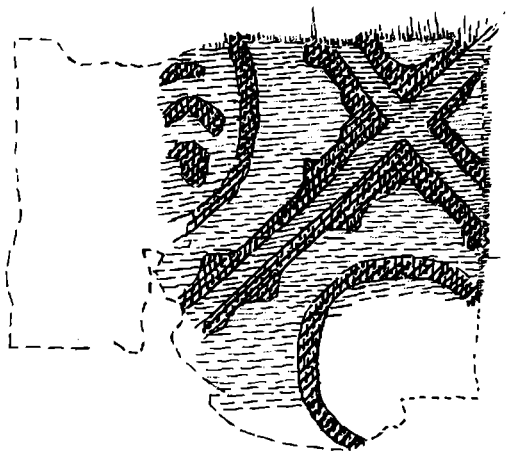


Рис. 4. Фрагмент узорной ткани из кургана у дер. Воробьево

Золототканные ленты были в обиходе у населения древней Руси в течение XI—XIII вв. Ими обшивали ворот платья и обшлага рукавов. Многие фрагменты найдены в погребениях на шейных позвонках скелетов, под нижней челюстью, на запястье рук и на лучевой кости. Так, в захоронении 18 братской могилы защитников Рязани 1237 г. обрывки золотной тесьмы с зигзагообразным орнаментом лежали на запястьях правой и левой руки погребенного. Во многих женских захоронениях зафиксированы налобные венчики из декоративной тесьмы. Следует отметить, что в памятниках X в. золототканные ленты до сих пор не встречены. Преобладающая часть находок лент, а также шелковых тканей византийского происхождения падает на конец XI и XII в., т. е. на то время, когда экономические, политические и культурные связи Руси с Византией были наиболее тесными [23, с. 547].

Вторая группа импортного шелка представлена 17 тканями, вытканными из пряжи некрученой или неясно выраженной крутки. Не только уточные нити этих материй, но и основные являются некрученными или имеют едва заметную крутку. Они сработаны из относительно толстой пряжи, причем для основы и утка использовались нити либо одинакового качества, либо в основе они были несколько тоньше, чем в утке.

Тринадцать образцов тканей данной группы найдены в погребениях десяти курганных могильников на территории Владимиро-Суздальской и сопредельных с ней землях, два — в бассейне рек Суджи и Ояти и два фрагмента — в Киевском кладе 1903 г. Эти ткани в большинстве своем одноцветные полотняного строения. Плотность их сравнительно низкая: в среднем на 1 см² приходится 35 основных и 30 уточных нитей. Одна из гладкоокрашенных тканей данной группы, выработанная саржевым переплетением, имеет вытканый узор, который получен сменой переплетения, т. е. диагональ рисунка выражена на лицевой стороне то основой, то утком. Эта ткань, выполненная из неравномерной по толщине некрученой пряжи, найдена близ дер. Воробьево Калининской обл. и датируется XI в. (рис. 4). Близ дер. Воробьево найден еще один образец узорного шелка, который выработан не путем смены переплетения, а применением двух утков различного цвета. На желтом фоне полосами расположен зеленый орнамент, который полностью реконструировать не удалось из-за фрагментарности ткани. Этот шелк является двухсторонним. Плотность плетения по основе составляет 70, а по утку — 40 нитей. Аналогичная полихромная ткань из некрученых нитей найдена еще в одном из курганов XI—XII вв. близ дер. Белогуровская Ивановской обл.

Два образца красного рыхлого шелка из курганов у дер. Старое Быково Владимирской обл. также являются двухсторонними, выполненными двумя основами и двумя утками одного цвета [14].

Итак, специфической особенностью данной группы тканей является, с одной стороны, применение некрученой пряжи или пряжи неясно выраженной крутки, с другой — выработка их из относительно толстой пряжи почти одинакового качества в основе и утке. Эта особенность резко отличает их от продукции мастерских Византии и указывает на иное происхождение. По сравнению с тканями византийскими они не такие плотные и более рыхлые, так как тканы из некрученых нитей. В результате исследований техники шелкоткачества последних лет установлено, что пользовавшиеся в VII—IX вв. мировой известностью шелковые ткани «занданачи», которые вырабатывались в селении Зандана в окрестностях Бухары, вытканы из некрученой пряжи [24, с. 8].

Для выяснения вопроса о происхождении тканей рассматриваемой группы исключительный интерес представляет материал из раскопок А. М. Фетисова на территории Киргизии. В погребениях XI—XII вв. под каменными насыпями в долине р. Кочкор им найдены в 1891 г. остатки шелковых гладких и узорных тканей, вытканных из сравнительно толстых некрученых нитей. Среди них несколько фрагментов имеют полное сходство с узорной полихромной тканью из кургана близ дер. Воробьево: эта двухосновная ткань исполнена в той же технике уточной саржи, имеет ту же плотность и ту же цветовую гамму [3]. Там же найдена ткань полотняного строения с нанесенным на нее красочным растительным узором. Аналогичная набойка обнаружена и в могильнике XI—XII вв. близ городища Хан-Дюбе (в 14 км к ЮЗ от пос. Бокомбаевское) на южном берегу Иссык-Куля, которая хранится в музее г. Фрунзе [4]. Любопытно, что кусок такой же набойки в 1980 г. при раскопках Гнездовского могильника был извлечен из погребения второй половины X в. [14].

Исходя из материала, обнаруженного в погребениях Средней Азии, и принимая во внимание, что роскошные ткани «занданачи» тоже выполнены из некрученой пряжи, представляется допустимым вышеописанную группу тканей с территории Руси отнести к изделиям среднеазиатского ремесла.

По характеру используемого сырья и качеству пряжи выделяется еще одна группа импортного шелка, которая состоит из 22 образцов гладкого однотонного шелка и одного фрагмента полихромного узорного, обнаруженных в 16 пунктах: при двух трупосожжениях (Черная могила и Безымянный курган) X в., в 15 трупоположениях X — первой половины XIII в., в двух кладах (Владимирский, 1865 г. и Киевский, 1903 г.), в культурном слое Белогорского городища и в горелом слое центрального городища Гнездова X в. Из них шесть образцов имеют полотняную структуру, два — саржевую, 15 фрагментов являются двусторонними тканями сложносаржевого переплетения. Все ткани выработаны из тонкой ровной пряжи слабой крутки, что разрешает объединить их в одну группу, несмотря на различия в способе переплетения [14].

Исследователь средневековых восточных тканей А. А. Иерусалимская отмечает, что применение ровной тонкой пряжи при выработке шелков является характерным для ткацких мастерских Ирана [25, с. 103; 26, с. 14]. Следует, правда, отметить, что при выделении тканей в третью группу импортного текстиля возникали в отдельных случаях затруднения, так как они близки к тканям среднеазиатским. Однако по своему качеству они превосходят последние: имеют гладкую блестящую поверхность и отличаются значительной плотностью. В среднем на 1 см^2 приходится от 40 до 60 нитей по основе и 36—100 нитей по утку. Предположительно мы считаем ткани рассматриваемой группы иранскими.

---

[3] Коллекция ГИМ, 28377/406.

[4] ГИМ. Архив ОАП. д. 323, № 128—130.

Среди различных ремесел Ирана текстильное производство X—XII вв. достигло наибольшего развития. В «Собрании редкостей» Низами (середина XII в.) сообщается о качестве узорных тканей Ирана, славившихся своим великолепием. Представление об этих дорогих материях дают полихромные узорные ткани саржевого и полотняного переплетений из тонкой пряжи слабой крутки, обнаруженные в кладе XI—XII вв. в г. Рей. По мнению Гастона Вие, исследователя этих материй, это, по-видимому, ткани местной работы [8; 27, с. 41].

В арабских источниках приводятся многочисленные названия различных сортов шелка, что свидетельствует о широком ассортименте выпускаемой продукции. Перевод этих наименований и определение их смыслового значения представляет значительные трудности. Спорным является, например, отнесение тканей «диба», «насадж», «мумаззадж» к материям парчевым, т. е. шелковым тканям, имевшим в переплетении серебряные позолоченные нити [28, с. 49]. Среди узорчатых восточных тканей этого времени, как и среди византийских, парча неизвестна. Производство парчевых иранских тканей — объярей, золотных бархатов и камки, байберекова (диба золотная), обращавшихся на русском рынке в конце XV и XVI в., началось, очевидно, не ранее XIV в.

Наконец, четвертую группу импортного шелка составляют ткани, обогащенные введением золотных нитей. Она представлена тремя фрагментами материй и 18 образцами декоративной тесьмы. К ним относится полотняного строения полихромная ткань из великокняжеской гробницы Владимирского Успенского собора. На красном фоне ее, заполненном геометрическим орнаментом, горизонтальными рядами выступает темно-зеленый контур рисунка из львов и попугаев, сгруппированных парами вокруг древа жизни. Морды львов и туловища птиц вытканы золотным утком, состоящим из обвитой серозной оболочкой кишек животных с золотой амальгамой, шелковой нити [29].

По использованию золотного утка при создании узора данная ткань близка испанским, у которых золотом выполнены также отдельные детали орнамента. Сходство с испанскими тканями проявляется и в построении четкого рисунка горизонтальными рядами, и в применении орнамента из парных животных и птиц по сторонам древа жизни (рис. 5, *а*) и в заполнении фона ткани геометрическим узором. В этом отношении большой интерес представляет шелковое облачение из церкви близ г. Бургос (северная Испания) первой половины XII в. На красном фоне материи расположены медальоны с изображением парных львов по сторонам древа жизни, причем золотом вытканы, как и на владимирской ткани, только головы зверей. На ряде образцов испанского шелка в фондах Музея изящных искусств Бостона, Метрополитен-музея Нью-Йорка, Национального археологического музея в Мадриде, в церкви св. Марка в Лионе даны парные изображения животных и птиц вокруг древа жизни, и только отдельные детали рисунка вытканы золотными нитками. При этом золотный уток состоял из шелковой нити натурального цвета, обвитой тончайшей кожицей с золотой амальгамой [30, с. 212, 215, 218, 219; 31, p. 54, 60; 32, p. 14, 15, 35, 36, ill. 3, 4, 22—27; 33; 34, p. 81, ill. 5; 35, S. 37; 36; 37, S. 72].

К четвертой же группе импортных тканей относятся фрагменты двустороннего полихромного шелка с вытканным узором от головного убора из богатого женского погребения конца XII — начала XIII в. близ дер. Россава Черкасской обл. (рис. 5,*б*). На красном фоне расположены четырехлепестковые цветы, сердцевины которых, так же как кружки на лепестках цветов и в промежутках между цветами, вытканы золотными нитями, такими же, как на владимирской ткани. Подобные кружки-точки, выработанные золотным утком, имеются на испанской ткани XII в. в церкви св. Марка в Лионе. Они расположены в центре звездообразных фигур с изображением львов.

Последняя ткань данной группы происходит из древнерусского города Ярополча-Залесского (Пирово городище Владимирской обл.). Она найдена в захоронении XI—XII вв. и служила обрамлением ворота одежды.

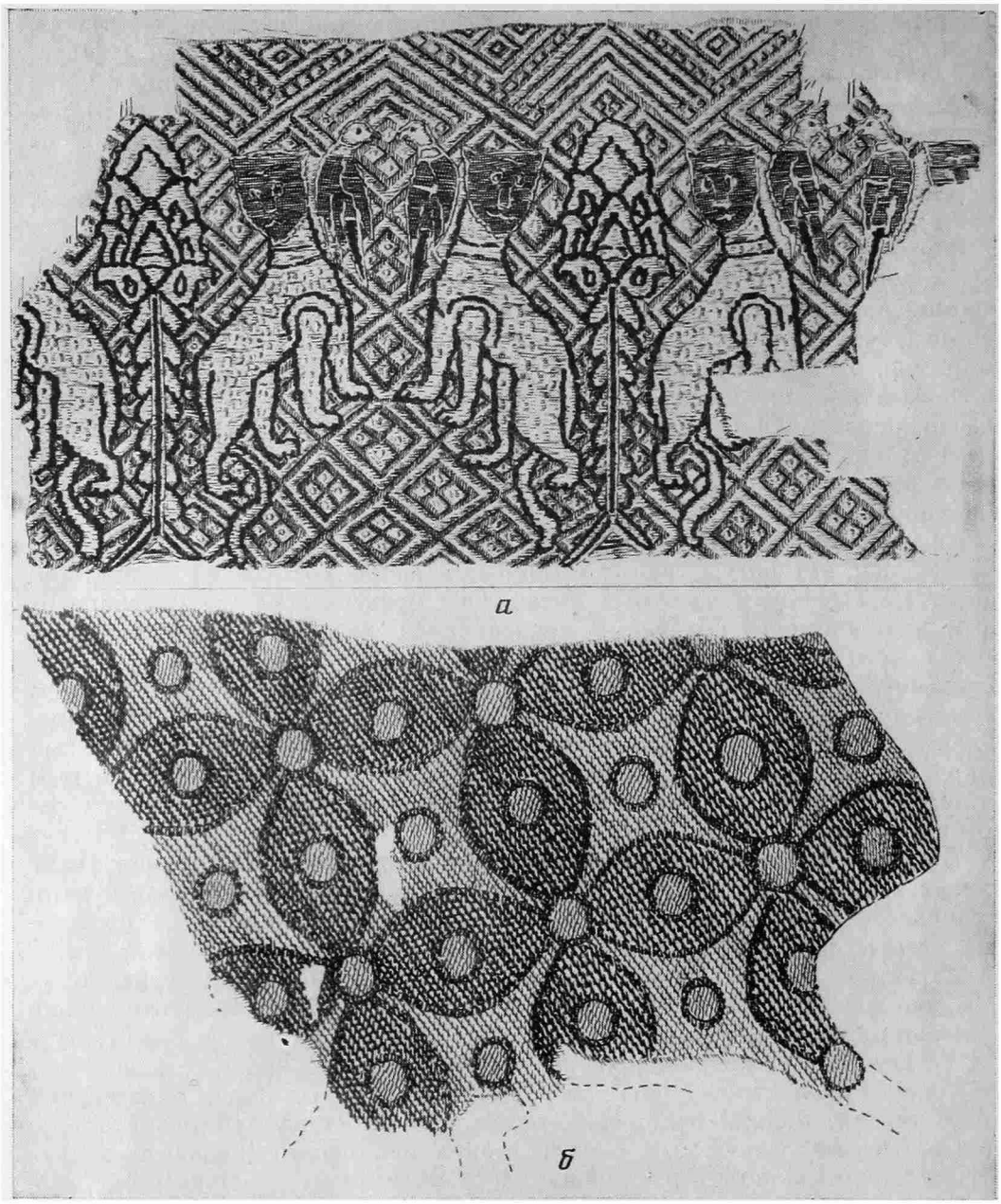


Рис. 5. Ткани испанские: *а* — Владимир, великокняжеская гробница; *б* — Россава, женское погребение

На матовом фоне ткани полотняного строения выткан геометрический узор золотными нитями саржевым переплетением. Эта ткань встречает аналогии в испанских тканях. В качестве примера можно привести тончайший испанский шелк великолепного качества XI—XIII вв. из ризницы церкви св. Ульриха в Аугсберге. Фон этого шелка выработан полотняным, а орнамент саржевым переплетением. Подобные же ткани имеются в собрании Кестнер-музея в Ганновере [14; 38, S. 59; 35, S. 39, Abb. 7—9].

Думается, что приведенные данные подтверждают предположение об испанском происхождении тканей четвертой группы. Входящие в эту же группу декоративные ленты резко отличаются от византийских по своему строению, плотности и орнаменту. Они сработаны одной основой из тонкой крученой пряжи и двумя утками — шелковым и золотным (рис. 6). Узорный золотный уток образует небольшие стежки на лицевой стороне тесьмы, четко выделяясь на ее матовом фоне в отличие от византийских, у которых лицевая сторона представляла сплошную блестящую золотную

поверхность. Они украшены геометрическим орнаментом или крестовидными фигурами. Орнамент их близок тканям владимирским и Пирового городища, по фактуре они менее плотные, чем византийские. На 1 см² приходится от 54—80 нитей основных и 50—60 нитей уточных. Эти декоративные ленты найдены в погребении XI в. Троицкой группы на Болдиной горе (Чернигов), в 13 курганах XI—XII вв.— у дер Авдотьино Московской обл., Кривовицы Псковской обл., великокняжеской гробнице во Владимире, в захоронении на Старорязанском городище и в разрушенной гробнице у церкви Иоанна Богослова в Смоленске конца XII — начала XIII в. Три фрагмента ленты входили в состав Старорязанского и Михайловского кладов того же времени.

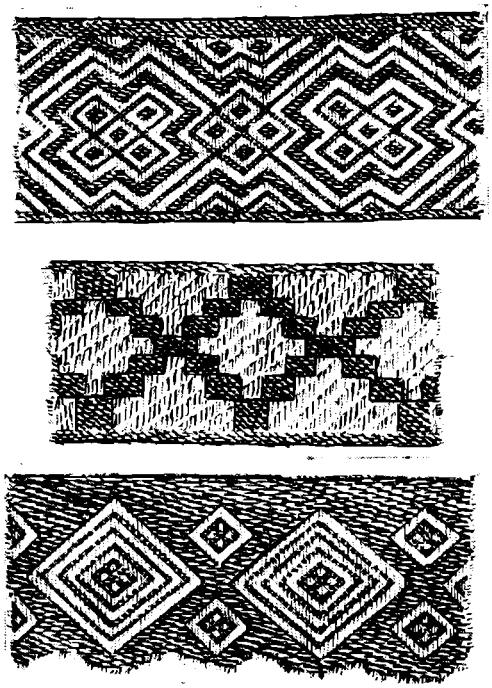


Рис. 6. Образцы декоративной тесьмы Испании

Итак, анализ текстильных изделий рассматриваемой группы подтверждает показание Абу Аль-Гарнати о существовании в эпоху раннего средневековья торговых сношений между Русью и Испанией.

Обширный объем информации, полученный при изучении фрагментов шелкового текстиля, обнаруженных на территории Восточной Европы, позволил представить широту охвата Руси в домонгольское время восточной и средиземноморской торговлей и на этом основании сделать следующие выводы.

Шелковые ткани и декоративная тесьма принадлежат к числу массовых находок на территории русских княжеств и представляют собой исключительный по значимости археологический источник для изучения экономических связей древней Руси.

Различия в строении тканей, характере и качестве пряжи дают возможность выяснить вопрос, из каких производственных центров шелковая продукция поступала в Восточную Европу, а следовательно, определить, с какими странами Русь поддерживала торговые контакты в X—XIII вв.

Исходя из данных структурного анализа, шелковые ткани разделяются по месту их производства на изделия византийского происхождения, среднеазиатского производства, а также импортируемые из Ирана и Испании. Более 70% импортного шелка относится к продукции шелкоткацких мастерских Византии.

Многочисленные находки шелка в рядовых деревенских и городских захоронениях дают основание не согласиться с господствующим в литературе утверждением, что изделия из шелка имели на Руси узкий рынок сбыта среди верхушки феодального общества.

Важное значение шелкового текстиля заключается еще и в том, что некоторые сорта (в частности, декоративная тесьма) могут быть использованы для датировки других категорий археологического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каждан А. П.* Византийские города в VII—XI вв.— СА, 1954, XXI.
2. *Сюзюмов М. Я.* Экономика пригородов византийских городов.— ВВ, 1956, XI.
3. Очерки по истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1954.
4. История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955.
5. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Изд-во АН СССР, 1973.

6. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.
7. Levi-Provençal E. L'espagne musulmane au Xeme siecle institutions et vie sociale. Larose.— Paris, 1932.
8. *Wiet G.* Soiries persanes. Kaire, 1947.
9. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1, Спб, 1895.
10. *Дьяконова Н. В.* «Сасанидские» ткани.— Тр. ГЭ, 1969, вып. X.
11. *Фехнер М. В.* Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси.— В кн.: История и культура Восточной Европы. М.: Советская Россия, 1971.
12. Пиркко-Лииза Лехтосало-Хиландер. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
13. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М.: Наука, 1976.
14. *Фехнер М. В.* Каталог. Находки шелковых изделий X—XIII вв. на территории Руси. 1979. Архив ГИМ, ОАП, д. 369.
15. *Бентович И. В., Гаврилова А. А.* Мугская и катандинская камчатные ткани.— КСИА АН СССР, 1972, № 132.
16. *Фехнер М. В.* Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси.— СА, 1977, № 3.
17. *Riboud K.* A Closer View of Early Chinese Silks.— In:Studies Textile History. In Memory of Harold B. Burnham. Rom, 1977.
18. *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева. Киев: Изд-во АН УССР, 1950.
19. *Кондаков Н. П.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. Спб, 1906.
20. *Лазарев В. Н.* Русская средневековая живопись. М.: Наука, 1970.
21. *Шеляпина Н. С.* Археологические исследования в Успенском соборе.— В кн.: Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Сов. художник, 1973, вып. 1.
22. *Ebersolt Y.* Les arts somptuaires de Byzance. Paris, 1923.
23. *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
24. *Иерусалимская А. А.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде.— В кн.: Средняя Азия и Иран. Л.: Аврора, 1972.
25. *Иерусалимская А. А.* «Челябинская» ткань (к вопросу о постсасанидских шелках).— Тр. ГЭ, 1969, вып. X.
26. *Иерусалимская А. А.* Новая находка так называемого сасанидского шелка с сенмурвами. СГЭ, 1972, XXXIV.
27. *Баевский С. И., Ворожейкина З. Н.* Собрание редкостей Низами Арузи Самаркандн как источник по истории культуры Средней Азии и Ирана в X—XII вв. (обычаи, реалии).— В кн.: Палестинский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1970, вып. 21(84).
28. *Кикнадзе Р. К.* Из истории ремесленного производства в Иране XIII—XIV вв.— В кн.: Ближний и Средний Восток. М.: Наука, 1968.
29. *Фехнер М. В.* Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире.— В кн.: Новое в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1972.
30. *Соболев Н. Н.* Очерки по истории украшений тканей. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1934.
31. *Moreno M. S.* Panteon Real de las Huelgos de Burgos. Madrid, 1946.
32. *May H. L.* Silk textiles of Spain. N. Y., 1957.
33. *Schepherd D., Vial G.* Le tissu aux paons.— In: Bulletin Liaison, 1965, № 21, Januar.
34. *Grube E.* Two Hispano-Islamic Silks.— In: The Metropoliten Museum of Art. Bulletin, 1960, November.
35. *Grönwoldt R.* Webereien und Stickereien des Mittelalters, Hannover, 1934.
36. Bulletin de Liaison du centre international d'étude des textiles anciens, 1970, t. II, № 32.
37. *Fischbach F.* Die Geschichte der Textilkunst. Leipzig, 1883.
38. Müller-Christensen S. Liturgische Gewander mit dem Namen des heiligen Ulrich. Bamberg, Yubiläumusschrift. Augusta 955—1955.

M. V. Fekhner

ARCHAEOLOGICAL DATA ON SILK FABRICS IN MEDIAEVAL EASTERN EUROPE

Summary

Silk fabrics and gold-woven braids are common archaeological finds in Eastern Europe dated to the 11th-13th centuries. They illustrate trade ties of ancient Rus with foreign countries. Silk fabrics were imported from Byzantium, Central Asia, Iran and Spain the place of production being determined by the structure of the fabric and the quality of the silk. It appears that more than 70 per cent of the silk fabrics came from Byzantium. They are often found in burials of common people both in town and countryside which disproves the current opinion that silk fabrics were used exclusively by the feudal upper strata.

Публикации

СМИРНОВ А. С.

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БРЯНСКОГО ПОДЕСЕНЬЯ

На левобережье р. Десны ниже г. Брянска расположен ряд неолитических памятников. Некоторые известны уже длительное время [1], многие открыты в последние годы [2—5]. Однако до сих пор они исследовались путем шурфовки и сборов подъемного материала[1]. В 1977 г. автором были произведены раскопки на трех поселениях[2] (рис. 1).

Стоянка Устье Свени II занимает мыс с превышением над уровнем поймы до 2 м, образованный слиянием левых коренных берегов рек Десны и Свени. Поверхность памятника заросла сосновым лесом, что и обусловило небольшие размеры раскопа (42 м²). Стратиграфия стоянки проста. Под слоем дерна (10 см) залегает почвенный горизонт (10—20 см), представленный гумусированной супесью, ниже которого находится желтовато-красная супесь (20 см), подстилаемая материком — светлым песком. Находки концентрировались в почвенном горизонте.

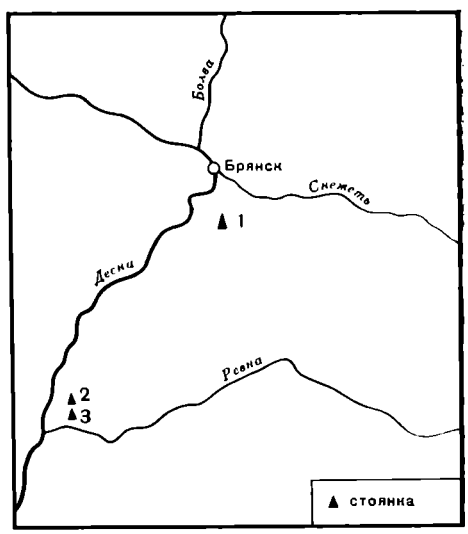


Рис. 1. Схема расположения стоянок. *1* — Устье Свени II; *2* — Устье Ревны II; *3* — Устье Ревны IV

На вскрытой площади обнаружены три ямы, вырытые в желтовато-красной супеси и заполненные темной гумусированной супесью. Они несколько вытянуты по направлению север—юг, имеют размеры от 160×125 см до 280×150 см при глубине 10—15 см.

В яме 1 обнаружены кремневые отщепы и орудия, а также развал сосуда (рис. 2, *1*). Это горшок с прямой шейкой и плавным переходом к округлым плечикам. Украшен горизонтальными лентами орнамента, состоящими из наклонных узких вытянутых вдавлений с отпечатками веревочки на дне. Этот сосуд относится к позднему этапу существования среднеднепровской культуры и находит свои аналогии на памятниках Среднего (поселения Капев, Исковщина [6, с. 13, 77]) и Верхнего Днепра (поселения Лучин, урочище Завалье [7, с. 24]).

В заполнении ямы 2 также имеются кремневые изделия и фрагменты неорнаментированного плоскодонного сосуда эпохи поздней бронзы. Аналогичные горшки встречены при раскопках курганного могильника Бесец выше по Десне [8, с. 40, 41]. В яме 3 найдены немногочисленные кремневые поделки.

В культурном слое памятника обнаружено около 1300 находок, представленных керамикой, кремневыми орудиями и отщепами. Подавляющее большинство относится к эпохе неолита.

Отличительной чертой керамического инвентаря памятника является явное преобладание фрагментов сосудов, орнаментированных отпечатками

[1] Ближайшая стоянка Черепеньки, раскопанная Ф. М. Заверняевым в 1949 г., находится в черте современного г. Брянска. Сейчас полностью уничтожена.

[2] Все три памятника открыты автором.

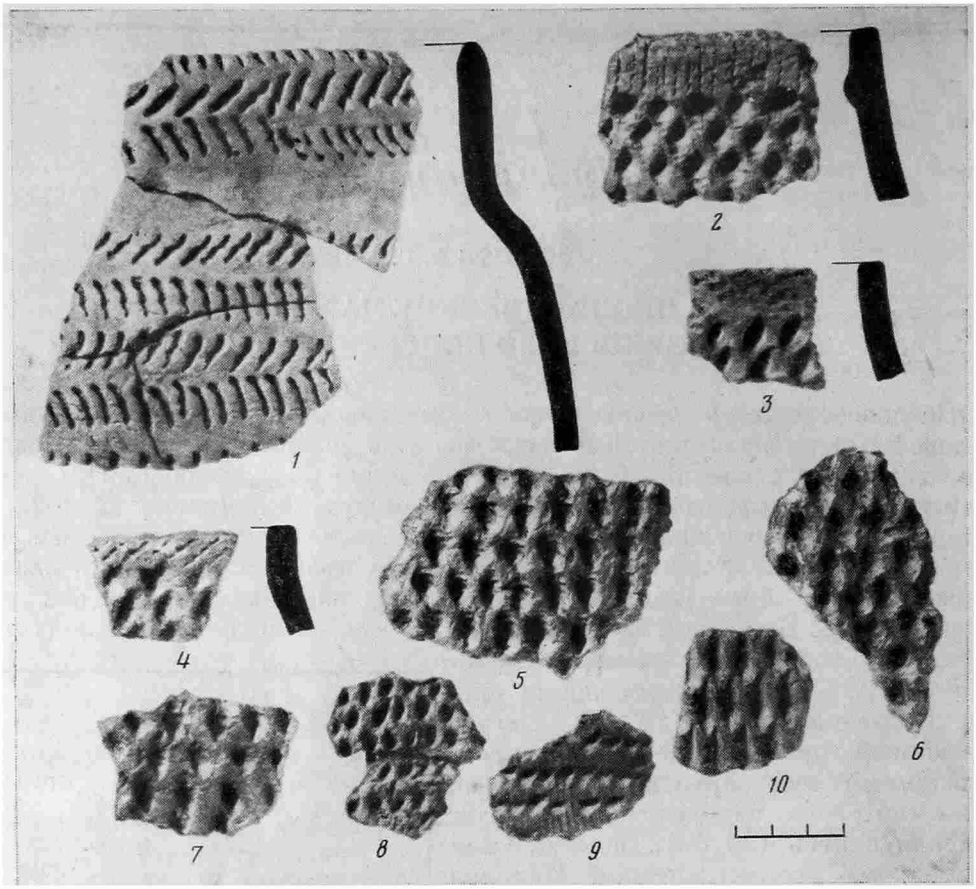


Рис. 2. Керамика стоянки Устье Свени II

палочки с веревочкой (78%), так называемым «лапчатым» штампом (рис. 2, *2—7*). Среди прочих типов орнаментации встречены ямки в виде сильно вытянутых ромбов (12%) (рис. 2, *10*) и небольшие глубокие наколы (10%) (рис. 2, *8*). Внешняя поверхность сосудов заглажена, внутренняя носит следы расчесов гребенчатым штампом. В качестве примеси использована дресва, шамот, немного растительных добавок, реже песок.

На памятнике встречено около 100 кремневых орудий, представленных следующими типами. Скребки — всего 38 шт. Из них 36 орудий — концевые скребки, два округлые скребки с ретушью по всей окружности (рис. 3, *7*). Концевые скребки имеют в большинстве случаев округлый рабочий край (рис. 3, *1*, *2*, *5*), в трех случаях прямой (рис. 3, *6*). Привлекает внимание аморфность отщепов-заготовок. Можно выделить лишь весьма ограниченную серию орудий (6 шт., в том числе одно кварцитовое), выполненных на подокруглых отщепах (рис. 3, *2*). В других случаях использовались заготовки случайной формы. Особняком стоит концевой скребок с округлым рабочим краем, изготовленный на хорошо ограненной ножевидной пластине (рис. 3, *3*).

Скобели (8 шт.) изготовлялись на крупных аморфных отщепах. В качестве скребел (12 шт.) использовались крупные, нуклевидного облика куски кремня с ретушью и следами использования по одной из сторон. Обнаружено орудие типа «ложкаря» (рис. 3, *4*).

Ножи (3 шт.) выполнены на тонких пластинчатых отщепах с приостряющей ретушью по одному или обоим рабочим краям (рис. 5, *3*). Имеется одно режущее орудие из массивной плитки кремня с округлой рабочей частью, оформленной грубой крупной ретушью с обеих сторон (рис. *5*, *12*).

Все найденные резцы (3 шт.) боковые (рис. 3, *11*). Встречено два накопечника стрел. Первый — двусторонне обработанный наконечник

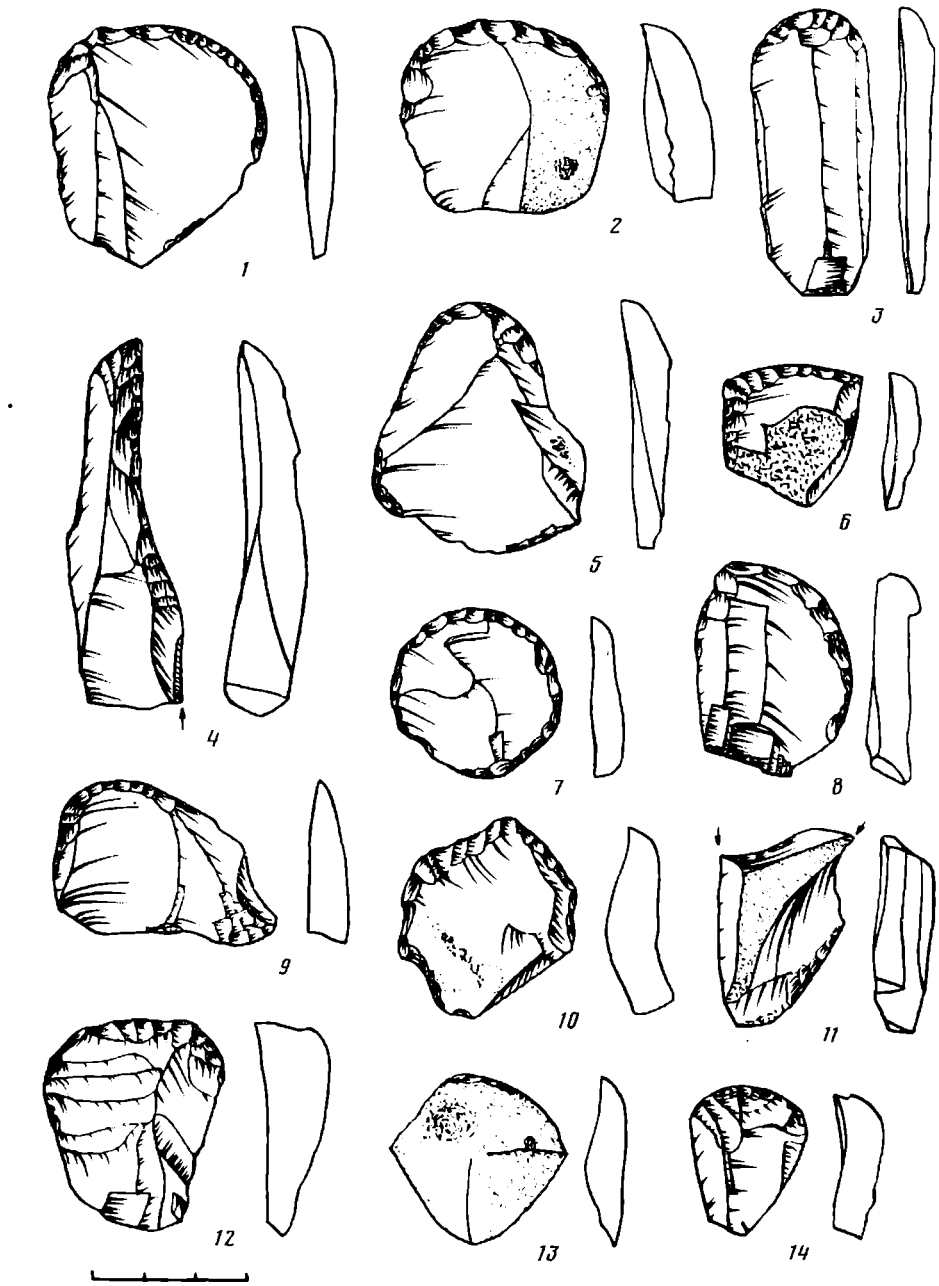


Рис. 3. Кремневые орудия стоянки Устье Свени II

миндалевидной формы с округлой черешковой частью (рис. 5, *1*). Второй представлен небольшим двусторонне обработанным обломком жальца.

Интересна серия клиновидных орудий (5 экз.). Их длина 42—66 мм. Все они обработаны с двух сторон грубыми сколами, в ряде случаев с дополнительной подправкой по краям. Верхняя часть их, как правило, плоская. Нуклеусы (3 экз.) аморфной формы, предназначены для получения отщепов (рис. 5, *11*). Кроме того, в коллекции имеется несколько кремневых изделий, типологически трудноопределимых, и ножевидных пластин со следами использования (рис. 5, *4*).

При впадении в Десну р. Ревны известно шесть памятников неолитического времени [3, с. 92]. Раскопкам подверглись два из них.

Стоянка Устье Ревны II находится у основания обширного мыса боровой террасы р. Десны, с его южной стороны. Превышение коренного берега над поймой составляет около 1 м. Раскоп площадью 55 м^2 охватил всю свободную от леса территорию. Стратиграфия элементарна. Под

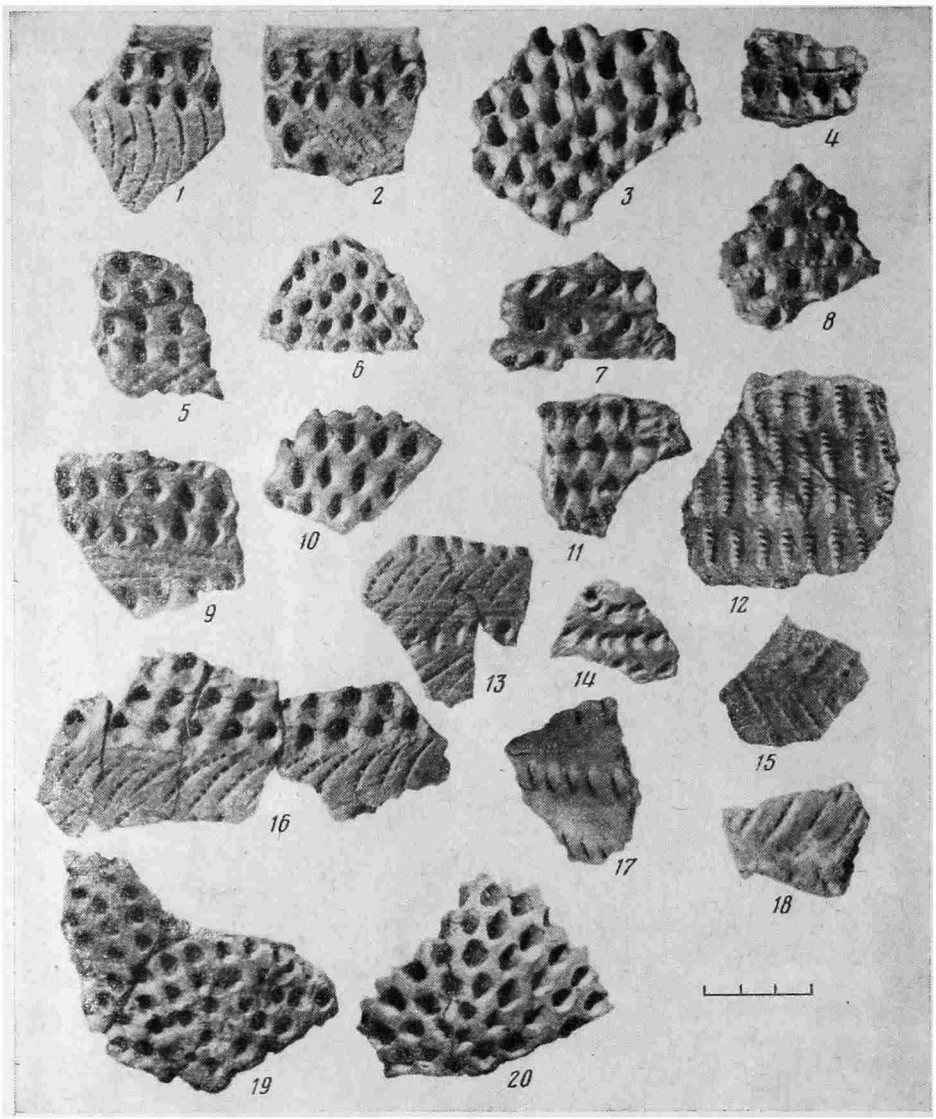


Рис. 4. Керамика стоянки Устье Ревны II

дерном лежит слой темно-серой супеси толщиной 10—15 см, подстилаемый светлой супесью мощностью 15—25 см, покоящейся на материке — чистом зернистом желтом песке. Находки залегали в темно-серой супеси. Это обломки горшков (595 фр.), кремневые отщепы и изделия из кремния (241 шт.).

Самая многочисленная на стоянке (219 фр.) керамика с ромбоямочной орнаментацией (рис. 4, *1*, *2*, *3*, *10*, *11*, *20*). Почти все фрагменты (190) принадлежат одному сосуду. Это остродонный горшок с округлым туловом и прямым венчиком. Ромбические вдавления покрывают все тело сосуда (рис. 4, *10*). Сама ямка нанесена несколько под углом, глубоко. На внутренней стороне черепков видны негативы. В верхней части сосуда в качестве дополнительного элемента использованы отпечатки гребенки (рис. 4, *2*).

Круглыми ямками орнаментировано 57 черепков (рис. 4, *5*, *6*, *8*, *19*). Ямка коническая, глубокая, дающая негативы на внутренней стороне. Имеется 13 фрагментов керамики (рис. 4, *7*), украшенных редкими ямками в сочетании с неглубокими наколами. Обе поверхности этих черепков заглажены.

На девяти обломках керамики отпечатки лапчатого штампа, расположенные в строчечном порядке (рис. 4, *9*, *16*). Два обломка покрыты ямчатыми вдавлениями, нанесенными в скорописной манере (рис. 4, *14*).

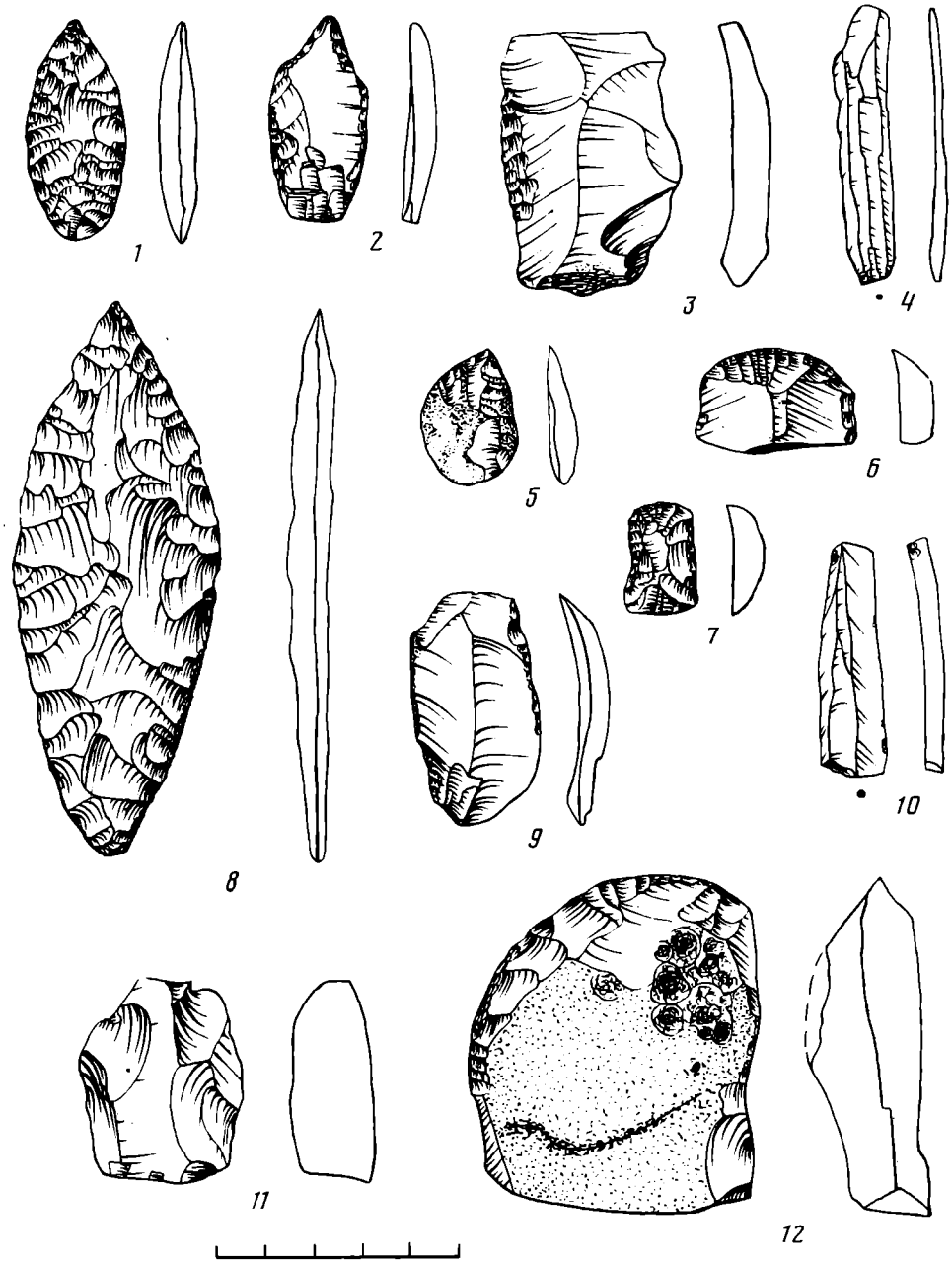


Рис. 5. Кремневые орудия стоянки Устье Свени II и Устье Ревны II. *1—4, 11, 12* — орудия стоянки Устье Свени II; *5—10* — орудия стоянки Устье Ревны II

Фрагменты керамики с гребенчатыми отпечатками делятся на две группы, во многом отличные друг от друга. К первой относятся фрагменты (31 экз.), орнаментированные длинными оттисками крупнозубого гребенчатого штампа (рис. 4, *15*, *18*). Вдавления неглубокие, часто составляют елочкообразный узор. Вторая группа (24 фр.) украшалась отпечатками короткого штампа (рис. 4, *12*), нанесенными строго вертикально и составляющими горизонтальные ленты. Вдавления глубокие, четкие.

Внутренняя поверхность неолитических сосудов, как правило, покрыта гребенчатыми расчесами. В тесте примесь песка, в незначительных количествах растительные добавки. Толщина стенок составляет 7—10 мм.

Комплекс кремневых орудий стоянки Устье Ревны II насчитывает 13 изделий, из которых три представлены обломками. Ножи (5 шт.) выполнены на пластинах (2 шт., рис. 5, *9*), пластинчатых отщепах (2 шт.)

и небольших отщепах. Мелкой приостряющей ретушью, нанесенной со стороны спинки, подправлены лишь рабочие края. В ряде случаев имеется незначительная ретушь со стороны брюшка.

Скребков два, оба концевые, с округлой рабочей частью. Один (рис. 5, *6*) изготовлен на обломке массивной пластины. Рабочий край оформлен крупной ретушью с длинными фасетками. Ретушь имеется и на боковых частях орудия. Второй скребок высокий (рис. 5, *7*), покрыт ретушью по всей поверхности. Рабочий край крутой, бока несколько вогнуты.

Наконечники представлены двумя орудиями. Первый (рис. 5, *8*) — двусторонне обработанный наконечник копья иволистной формы. Второй (рис. 5, *5*) — небольшой листовидный наконечник стрелы. Выполнен на первичном отщепе с сохранившейся меловой коркой. Обработан со стороны спинки плоской ретушью. С брюшка лишь подправлено острие и снят ударный бугорок.

Имеется кремневый клин, оформленный грубыми сколами с небольшой подправкой по лезвию. Обушковая часть плоская. Обушок, боковые поверхности и частично лезвие носят явные следы забитости. Встречено два аморфных нуклеуса.

Стоянка Устье Ревны IV расположена на мысу первой надпойменной террасы р. Десны, образованной слиянием долин Десны и Ревны. Площадка мыса, возвышаясь над поймой на 1 м, плавно понижается к юго-западу. Вскрыто 112 м^2 — основная площадь стоянки. Стратиграфия следующая. Под дерном залегает темная гумусированная супесь (10—13 см), перекрывающая слой светлой супеси мощностью около 20 см. Материк — светлый зернистый песок. Находки — фрагменты керамики, кремневые отщепы и орудия (всего 338 шт.), залегают в темной супеси.

В распределении керамики на площади стоянки прослеживается достаточно выраженная закономерность (рис. 6). На более пониженной части, у оконечности мыса, встречена керамика (41 фр.), орнаментированная исключительно ромбическим штампом (рис. 7, *1—6*). Вдавления на всех черепках, за исключением двух-трех, нанесены в шахматном порядке. Ромб средних размеров, со слегка заметной рубчатостью по одному краю. Обнаружен лишь один венчик. Он принадлежит закрытому сосуду (рис. 7, *1*). Верхний край украшен гребенчатыми отпечатками с идущим под ними рядом ромбических вдавлений с круглыми ямками в них. Ниже расположены ромбические ямки, составляющие с отпечатками гребенки какую-то композицию. Имеется кусок округлого донышка, украшенного изнутри ромбическими ямками.

Внешняя поверхность сосудов заглажена, на внутренней повсеместно расчесы гребенчатым штампом. Черепок плотный, тесто хорошее. В качестве примеси использован песок, немного органических добавок. Толщина стенок 7,5—9,2 мм.

На возвышенной части стоянки, у основания мыса, найдены фрагменты неолитических сосудов, украшенных лапчатым, гусеничным и прочими видами орнамента (рис. 7, *7—13*), всего 58 фр. (треть из них — мелкие черепки, не поддающиеся классификации). Наибольшее количество (19 фр.) покрыто лапчатыми отпечатками, как крупными (рис. 7, *7—9*), так и мелкими (рис. 7, *13*). Расположение отпечатков по преимуществу строчечное. Два черепка украшены гусеничным штампом, 11 — ромбическими вдавлениями (рис. 7, *10*, *12*). По своему облику они отличаются от вышеописанной ромбической керамики. Отпечатки гораздо менее четкие, различны по очертаниям, часто мелкие. Нередко строчечное расположение. Кроме того, имеются два черепка, орнаментированные гребенчатым штампом, и один — треугольными вдавлениями (рис. 7, *11*). Внешняя поверхность фрагментов обычно грубо заглажена, внутренняя носит следы расчесов гребенчатым штампом. В тесте примесь песка, растительные включения.

На стоянке обнаружено 20 орудий, два из них обломки. Наконечники (3 шт.) двусторонне обработаны. Самый крупный иволистной формы с прямо срезанной черешковой частью (рис. 8, *1*). Второй — небольшой

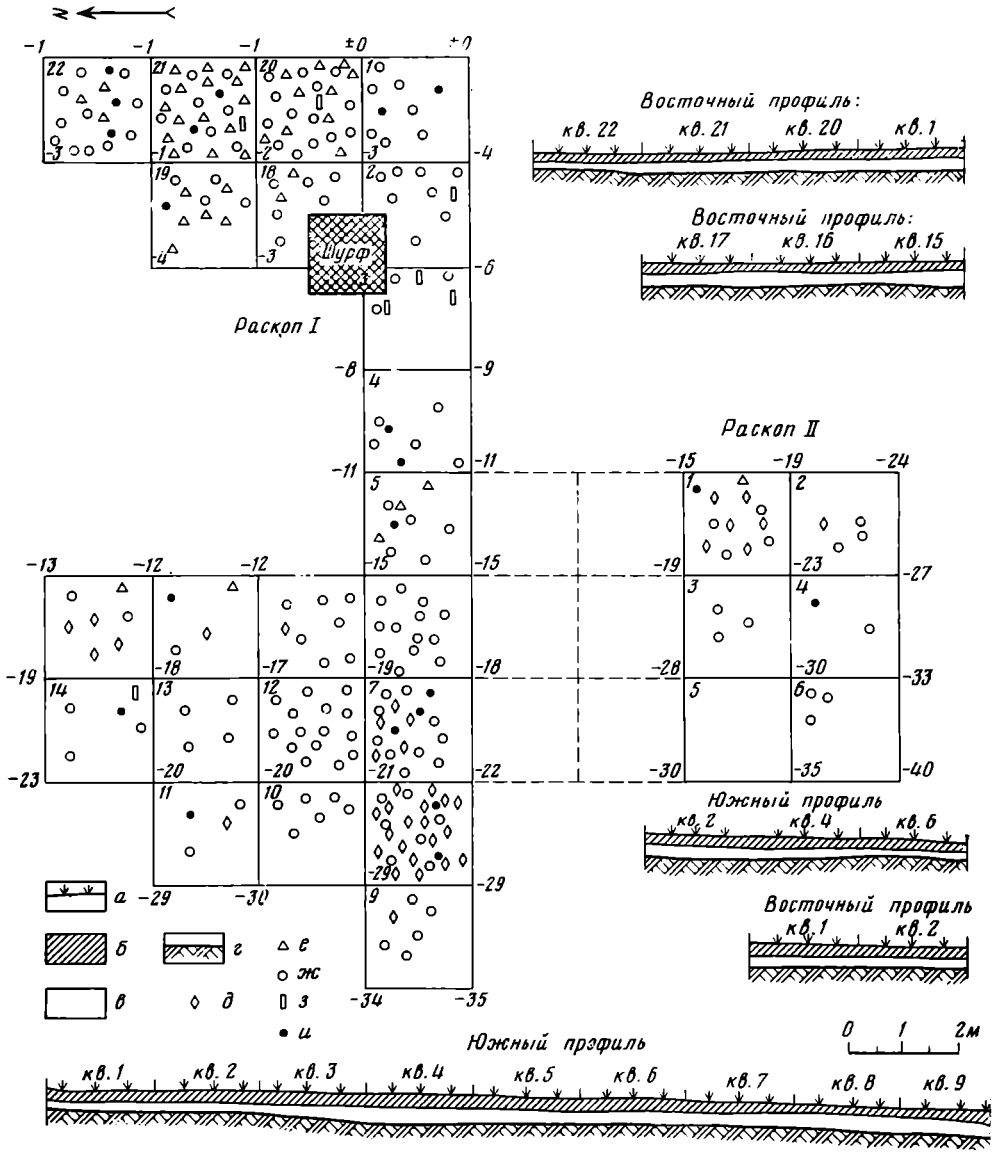


Рис. 6. План раскопа на стоянке Устье Ревны IV. *а* — дерн; *б* — гумусированная супесь; *в* — светлая супесь; *г* — материк; *д* — керамика с ромбической ориентацией; *е* — керамика с иными видами орнамента; *ж* — отщепы; *з* — ножевидные пластины; *и* — орудия

ромбовидный наконечник стрелы (рис. 8, *2*). Встречен обломок треугольно-черешкового наконечника стрелы (рис. 8, *3*).

Скребки (5 шт.) различны по своим типам. Первый — низкий скребок, выполненный на отщепе неправильной формы (рис. 8, *14*). Мелкой крутой ретушью оформлена рабочая часть, составляющая примерно половину периметра орудия. Второй скребок, точнее, это комбинированное орудие — скребок-резчик, выполнен на высоком отщепе подпрямоугольной формы, три стороны которого оформлены притупляющей ретушью. Один из углов несколько вытянут в виде жальца и слегка подправлен ретушью (рис. 8, *17*). Третий скребок вытянутой формы с острым верхним краем изготовлен на высоком отщепе (рис. 8, *11*). Рабочей частью являются боковые грани, оформленные ретушью. Один крупный скребок выполнен на нуклевидном куске кремня (рис. 8, *18*). Имеется заготовка крупного скребка.

Ножей два, оба выполнены на отщепах. Один из них овальной формы (рис. 8, *20*), второй миниатюрный (26 мм), листовидной формы (рис. 8, *9*). Обработан со стороны спинки ретушью по всей поверхности.

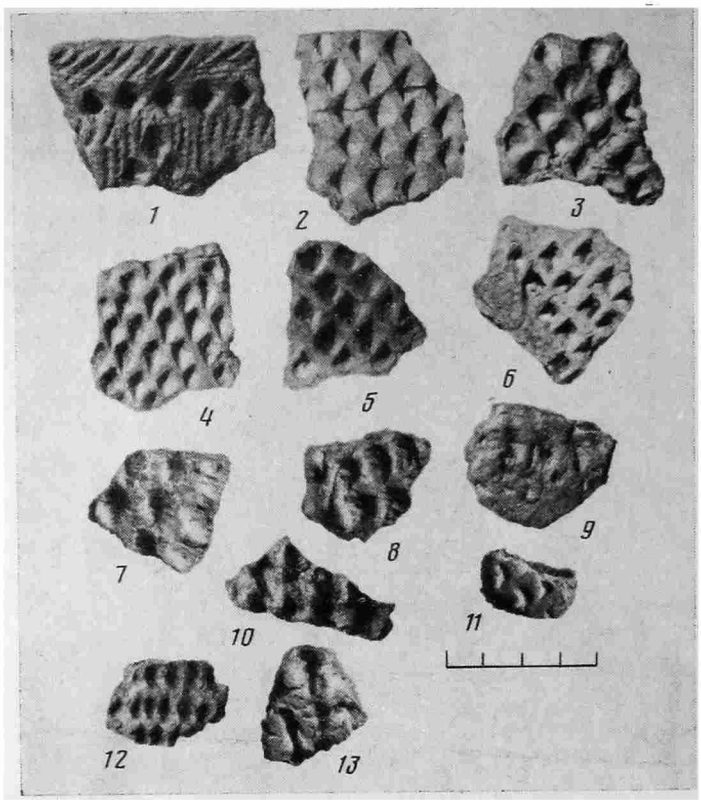


Рис. 7. Керамика стоянки Устье Ревны IV

Найдено двусторонне обработанное тесло, с несколько выгнутой рабочей частью и прямым обушком (рис. 8, *12*). Интересен миниатюрный топорик (29 мм) трапециевидной формы, с прямой рабочей частью и обушком (рис. 8, *13*). Ретушь в основном формирует края орудия.

Ножевидных пластин, трапециевидных и треугольных в сечении — 8 шт. (рис. 8, *7*, *8*, *15*, *21*). Нуклеусов 4 шт., все предназначены для получения отщепов. Два из них крупные, аморфные (рис. 8, *22*). Два поменьше призматические, с плоской ударной площадкой (рис. 8, *23*).

Кроме описанных выше орудий на памятнике имеется небольшая группа кремневых изделий, выделяющихся своим архаическим видом. Все они обнаружены в западной, пониженной части стоянки. Это два наконечника стрел и высокая трапеция (рис. 8, *6*). Первый наконечник — черешковый, асимметричный (рис. 8, *4*), выполнен на пластине. Подобные орудия известны в мезолите Верхней Волги [9, рис. 25, *4*; 10, рис. 28, *4*]. Аналогичные изделия встречены на мезолитических памятниках Верхнего Днепра, Сожа [11, с. 61; 12, с. 91, рис. 2, *15*]. Близкие по форме наконечники имеются на стоянке Песочный Ров [13, с. 48, рис. 9, *4*]. Асимметричные черешковые накснечники датируются поздним мезолитом [9, с. 90]. Второй наконечник (рис. 8, *5*) постсвидерского типа. Сходные наконечники встречены в окрестностях г. Брянска на мезолитической стоянке Лысая Гора [14, с. 26], Черепеньки [15, рис. 27] и на уже упомянутой стоянке Песочный Ров [16, с. 41, рис. 23, *3*].

Микролиты и наконечники постсвидерского типа имеют довольно широкие хронологические рамки и могли существовать в неолитическую эпоху. Однако данных, говорящих о доживании черешковых асимметричных наконечников до этого времени, нет.

Становится очевидным, что стоянка Устье Ревны IV заселялась неоднократно — в период позднего мезолита и в эпоху неолита. Причем и в неолите здесь существовало два поселения. Материалы первого представлены ромбоямочной керамикой, обнаруженной на пониженной части памятника. Она хорошо выделяется из общей массы как типологически,

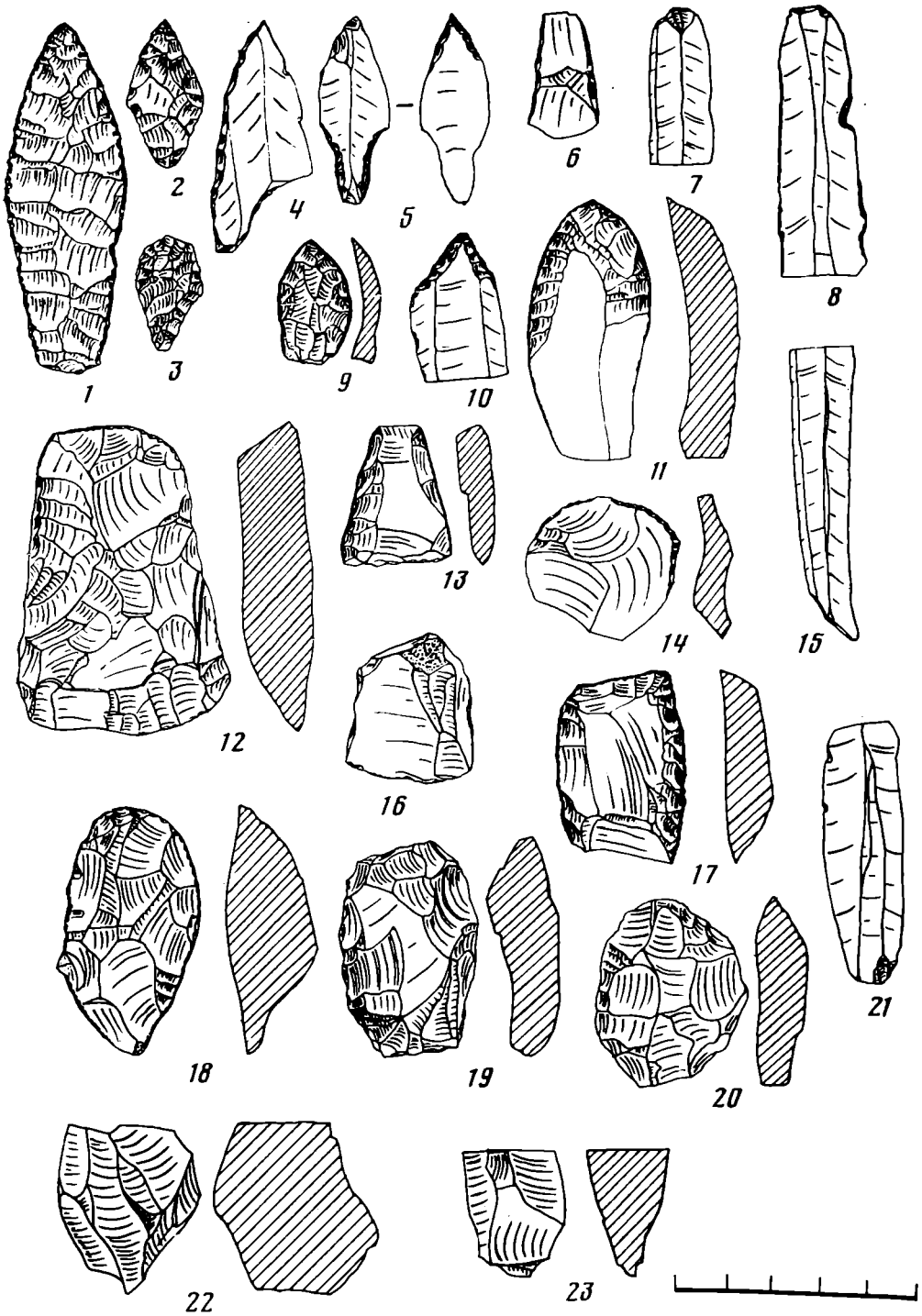


Рис. 8. Кремневые орудия стоянки Устье Ревны IV

так и планиграфически. К сожалению, с ней практически не обнаружено кремневых орудий. Почти все они залегают в возвышенной части памятника совместно с фрагментами сосудов, орнаментированными лапчатым, гусеничным и иными видами штампов. Подобная керамика и найденные с ней орудия характеризуют облик второго неолитического поселения. В дальнейшем мы будем именовать первую стоянку Устье Ревны IV А, вторую — Устье Ревны IV Б.

По ряду признаков обследованные памятники можно объединить в две хронологические группы. Более древними выглядят стоянки Устье Свени II и Устье Ревны IV А. Сосуды на этих стоянках украшались по преимуществу одним видом штампа — ромбическим или же палочкой

с веревочкой. Вдавления наносились в шахматном порядке. Сами элементы орнамента достаточно однообразны и неизменны.

На стоянках Устье Ревны II и Устье Ревны IV Б горшки орнаментировались различными видами штампов. Присутствует керамика круглоямочная, ромбоямочная, лапчатая, гусеничная, гребенчатая. Орнамент часто наносился небрежно, элементы менее четкие. Все это склоняет нас к мысли о более молодом возрасте двух последних стоянок.

К подобному же выводу приводит и сравнительный анализ кремневого инвентаря. На стоянке Устье Свени II он выглядит довольно архаичным. Скребущие орудия выполнены на отщепах случайной формы, ретушь затрагивает лишь рабочую часть. Наконечники стрел простой миндалевидной формы. Кремневый инвентарь стоянок Устье Ревны II и Устье Ревны IV Б представляется более развитым. На скребках ретушь активно формирует рабочий край, часто переходя на боковые грани. В ряде случаев она покрывает все тело орудия. Присутствуют скребки оригинальных форм. Имеются крупные листовидные и иволистные наконечники дротиков. Наконечники стрел ромбовидные, треугольно-черешковые. Встречены рубящие орудия хорошо выработанных форм.

В целом стоянки второй группы, Устье Ревны II и Устье Ревны IV Б, можно отнести ко времени развитого неолита.

В то же время достаточно выраженное различие в приемах орнаментации сосудов стоянок Устье Свени II и Устье Ревны IV А говорит об их разновременности. Причем ромбоямочная керамика должна датироваться более ранним временем. Керамика с лапчатым орнаментом широко представлена на памятниках развитого и позднего неолита данного региона, претерпевая, однако, известные изменения. Синхронная ей ромбическая керамика орнаментируется ямками, потерявшими свои четкие формы: вытянутыми (что имеет место на стоянке Устье Свени II), аморфными, мелкими подквадратными и т. п. Ромбическая керамика, аналогичная комплексу стоянки Устье Ревны IV А, обычно с лапчатой керамикой не встречается.

Наши выводы совпадают с точкой зрения И. Г. Розенфельдт, которая на основании стратиграфических наблюдений на стоянке Пиоренское выделила типологически однородный комплекс ромбоямочной керамики, датируемый, по ее мнению, ранненеолитическим временем [17, с. 166].

В то же время можно предположить существование и более ранней неолитической керамики. Наличие геометрического орнамента, состоящего из ромбов с гребенкой, на сосуде со стоянки Устье Ревны IV А, фрагменты, украшенные сочетаниями лежащих и вертикальных ромбов, разреженное нанесение вдавлений на ромбоямочной керамике стоянки Пионерское [17, рис. 4, *5—7*] говорит о достаточно развитых приемах орнаментации. Это склоняет к мысли о существовании неолитических памятников, предшествующих стоянкам типа Пионерское и Устье Ревны IV А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левенок В. П.* Неолит верхнего участка бассейна средней Десны.— КСИИМК, 1948, XXIII.
2. *Смирнов А. С., Пронин Г. Н.* Работы Деснинского Левобережного отряда.— АО — 1973. М., 1974.
3. *Пронин Г. Н., Смирнов А. С.* Работы Деснинского Левобережного отряда в 1973 г.— КСИА АН СССР, 1977, № 148.
4. *Пронин Г. Н., Смирнов А. С.* Работы Деснинского Левобережного отряда. АО — 1974. М., 1975.
5. *Смирнов А. С.* Работы в Брянском Подесенье.— АО — 1977. М., 1978.
6. *Бондарь Н. Н.* Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев.: Наукова думка, 1974.
7. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1967.
8. *Артеменко И. И.* Исследования в Брянской области.— АО — 1973. М., 1974.
9. *Кольцов Л. В.* Мезолитический слой стоянки Алтыново.— КСИА АН СССР, 1972, № 131.
10. *Крайнов Д. А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I.— КСИА АН СССР, 1972, № 131.
11. *Копытин В. Ф.* Мезолит юго-восточной Белоруссии.— КСИА АН СССР, 1977, № 149.

12. *Левенок В. П.* Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры.— МИА, 1966, № 126.
13. *Воеводский М. В., Формозов А. А.* Стоянка Песочный Ров на реке Десне.— КСИИМК, 1950, XXXI.
14. *Заверняев Ф. М.* Поселения мезолитического времени на Десне и Соже.— КСИИМК, 1957, № 67.
15. *Заверняев Ф. М.* Неолитическая стоянка Черепенько под Брянском.— КСИИМК, 1957, № 67.
16. *Воеводский М. В.* Важнейшие итоги Деснинской экспедиции в 1946 г.— КСИИМК, 1948, XX.
17. *Розенфельдт И. Г.* Стоянки близ села Неготино Брянской области.— СА, 1974, № 2.

A. S. Smirnov

NEWLY DISCOVERED NEOLITHIC MONUMENTS ALONG THE DESNA RIVER IN THE BRYANSK DISTRICT

Summary

The author publishes materials from three Neolithic sites on the left bank of the Desna, lower than Bryansk (the Mouth of the Sven II, the Mouth of the Revna II and the Mouth of the Revna IV).

Typological analysis of the flint industry and pottery has divided these monuments in two synchronous groups. Planigraphic investigation at the Mouth of the Revna IV site yielded pottery decorated with rhombic pitts, one of the few earliest Neolithic pottery complexes in the region.

Besides Neolithic material some late Mesolithic flint industry (micrilithic tools and arrowheards) were discovered at the same site.

ЦВЕТКОВА И. К., КРАВЦОВ А. Е.

КЕРАМИКА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ВЛАДЫЧИНСКАЯ-БЕРЕГОВАЯ I

Стоянка Владычинская-Береговая I находится на расстоянии около 1,5 км к ССВ от дер. Владычино Клепиковского р-на Рязанской обл. и расположена на левом берегу р. Пры, в высокой пойме.

Ее культурный слой тянется вдоль берега на протяжении около 150 м, полосой не шире 60 м, и частично уходит под воду. Ограничивающий площадь стоянки с востока уступ первой надпойменной террасы снивелирован культурными отложениями мощностью до 2,5 м.

Стоянка была открыта в 1926 г. О. Н. Бадером [1]. В 1926—1928 гг. им были проведены небольшие раскопки в прибрежной части стоянки. В 1970, 1974 и 1977—1978 гг. раскопки стоянки вел Мещерский отряд Рязанской археологической экспедиции Государственного Исторического музея под руководством И. К. Цветковой. За четыре года раскопок на стоянке была вскрыта площадь в 350 м^2.

Территория памятника долгое время подвергалась распашке, а его прибрежная часть разрушена рыболовецкими канавами. В 1974 г. верхний горизонт культурного слоя до глубины 0,6—0,7 м на всей площади стоянки был уничтожен бульдозером при сооружении пляжа пионерского лагеря.

Стоянка Владычинская-Береговая I является долговременным многослойным поселением. Определить его площадь в различные периоды заселения пока трудно, нижние горизонты культурного слоя прослежены при раскопках 1977—1978 гг. на площади в 88 м^2. В прибрежных участках, раскапывавшихся в 1970 и 1974 гг., интенсивная обводненность слоя не позволила четко проследить стратиграфию наслоений. Поэтому в настоящей статье использованы материалы раскопок 1977—1978 гг.

Стратиграфия культурного слоя памятника такова. Под тонким слоем дерна (I) прослеживается прослойка светлого насыпного песка (II), которым засыпан культурный слой при сооружении пляжа; ниже идет нарушенный бульдозером серый гумусированный песок (III), представляющий собой остатки верхнего горизонта культурного слоя, относящегося к позднему этапу развития рязанской культуры. Под этим слоем начинается коричневато-бурый гумусированный песок (IV) — культурный слой волосовского поселения. Мощность его колеблется от 0,5 до 1,2 м. В этом слое прослеживаются вкрапления светлого песка и углистые линзы. Ниже идет темно-серый гумусированный песок мощностью до 1,3 м (V). С глубины 2 м этот слой залегает ниже современного уровня воды в реке. На глубине 2,3—2,5 м залегает светло-серый иловатый гумусированный песок (VI), подстилаемый светлой материковой супесью.

При раскопках на стоянке было собрано большое количество костяных и кремневых орудий, подавляющее большинство которых относится к волосовскому горизонту культурного слоя[1]. Керамика стоянки очень разнообразна. Отдельные ее комплексы, относящиеся к разным периодам заселения памятника на протяжении длительного промежутка времени и расположенные в хронологическом порядке, приведены в табл. 1.

Ниже дается описание керамических комплексов 1—5. Они рассматриваются в хронологической последовательности, начиная с нижних го-

[1] Коллекции всех лет раскопок стоянки Владычинская-Береговая I хранятся в фондах ГИМ.

Таблица 1

№ п. п.	Керамический комплекс	№ слоя
1	Керамика верхневолжского типа с гребенчато-накольчато-прочерченным орнаментом	VI (встречается в V)
2	Древняя ямочно-гребенчатая керамика (ранний этап рязанской культуры)	V (встречается в VI)
3	Развитая ямочно-гребенчатая керамика (средний этап рязанской культуры)	V (встречается в IV)
4	Керамика протоволосовского типа	V (встречается в IV)
5	Керамика волосовского типа	IV (встречается в III)
6	Керамика позднего этапа рязанской культуры (встречается поздняковская и сетчатая керамика)	III и разрушенный верхний горизонт

ризонтов культурного слоя. Верхний, разрушенный горизонт слоя стоянки, относящийся к энеолиту и эпохе бронзы, в настоящей статье рассматриваться не будет.

1. **Керамика верхневолжского типа.** Сосуды изготовлены из глины с примесью птичьего помета и крупного шамота. Встречается также примесь мелко толченных раковин[2]. Обжиг сильный, цвет желто-коричневый. На некоторых фрагментах заметны следы охры. Внешняя поверхность заглажена до блеска; на внутренней — хорошо заметны «расчесы». Толщина стенок от 0,4 до 1,2 см, с преобладанием толщины 0,6—0,9 см. Венчики приостренные, суживающиеся к срезу, чаще со скосом внутрь; иногда встречаются двусторонне скошенные венчики или венчики с закругленным срезом. В двух случаях отмечены венчики с незначительным утолщением края. Срез венчика не орнаментировался (рис. 1, *А*; *1—11*). На некоторых фрагментах имеются круглые просверленные отверстия (см. рис. 3, *20*). Днища сосудов, судя по немногочисленным фрагментам, приостренные (рис. 1, *А*, *12*).

Орнаментацию керамики верхневолжского типа можно назвать гребенчато-накольчато-прочерченной. Орнамент часто разрежен. Основным элементом орнамента являются оттиски различных гребенчатых штампов: средне- и мелкозубчатые, пунктирные (рис. 2, *2*, *3—5*, *7—10*; 3, *1—8*). Нередко гребенчатые оттиски дугообразно изогнуты. В этом случае отпечатки коротких штампов очень близки к «ногтевым» вдавлениям (рис. 2, *4*; 3, *2*, *8*), также встречающимся в орнаменте керамики верхневолжского типа (рис. 3, *23*, *24*).

Поскольку ранненеолитическая керамика на стоянке относительно немногочисленна и в основном мелко фрагментирована, орнаментальные узоры во всем их многообразии восстановить трудно. В целом они представляются несложными. Для композиций с использованием гребенчатых штампов это параллельные горизонтальные пояски, образованные наклонными оттисками разной длины (рис. 2, *4*, *5*; 3, *2*, *6*, *8*), горизонтальный и вертикальный зигзаг (рис. 2, *3*; 3, *4*, *7*), решетка (рис. 2, *8*), горизонтальный и вертикальный елочный узор (рис. 2, *10*; 3, *3*). Широкий вертикальный зигзаг часто прорезан посредине одним или двумя рядами ямчатых вдавлений (рис. 2, *3*; 3, *7*). Реже встречаются прочерченные линии различной ширины, также образующие зигзаг, решетку, елочный узор (рис. 3, *10*). Тем не менее гребенчатые и прочерченные элементы орнамента не взаимозаменяемы, так как отмечены случаи их сочетания. Другим распространенным элементом являются неглубокие ямчатые вдавления или наколы округлой, овальной, каплевидной, подтреугольной и подчетырехугольной форм. Они самостоятельно образуют горизонтальные ряды (рис. 3, *18—22*), иногда с отходящими вниз фестонами (рис. 2, *11*), зигзаг (рис. 3, *17*), а также входят составными частями в более сложные

[2] Образцы керамики различных керамических групп стоянки для изучения рецептуры формовочных масс были подвергнуты микроанализу в лаборатории «История керамики» ИА АН СССР.

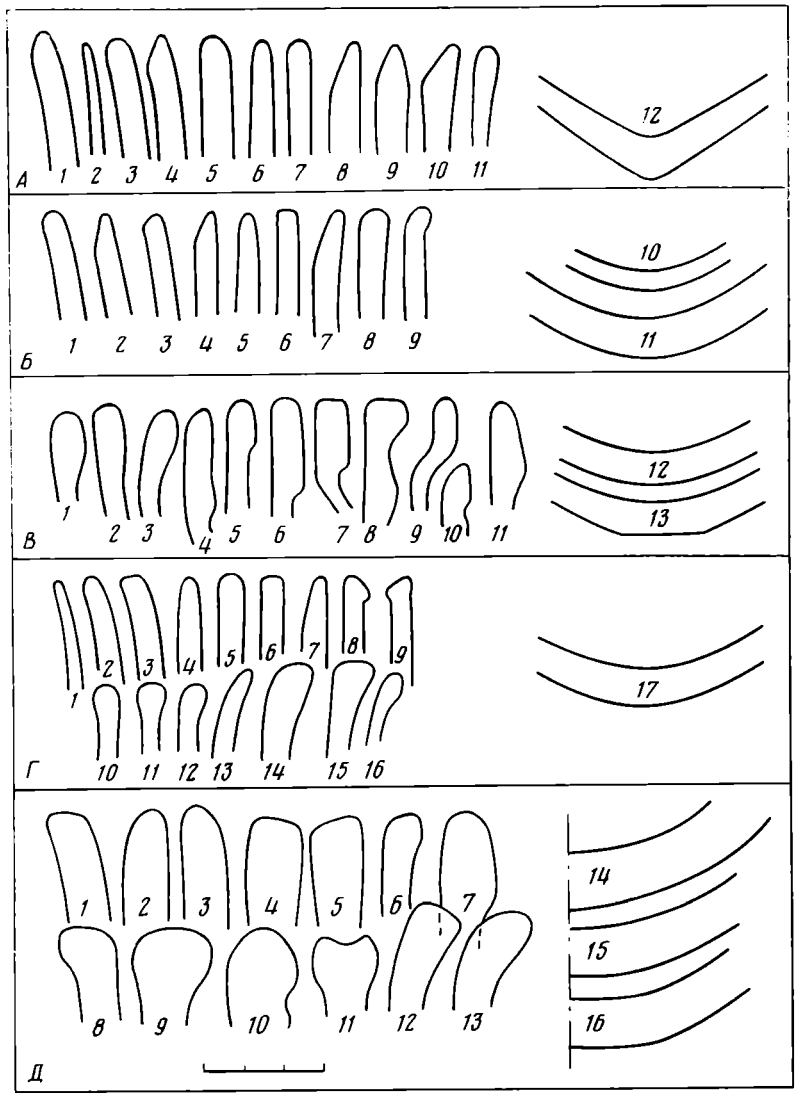


Рис. 1. Формы венчиков и днищ сосудов: *А* — верхневолжский комплекс; *Б* — комплекс древней ямочно-гребенчатой керамики; *В* — комплекс развитой ямочно-гребенчатой керамики («черногорского типа»); *Г* — комплекс керамики протоволосовского типа; *Д* — комплекс волосовской керамики

композиции с использованием гребенчатых и прочерченных элементов и отступающей лопаточки (рис. 2, *3*, *7*; 3, *7*, *12*, *13*). Следует отметить элемент орнамента в виде спаренных, разной глубины и формы ямчатых вдавлений и наколов, выполненных двузубым штампом (рис. 2, *2*, *3*, *15*). Многие сосуды орнаментированы в технике отступающей лопаточки. Ее оттиски иногда схожи с оттисками среднезубчатого штампа (нанесены прямо срезанным концом палочки — рис. 3, *15*), иногда имеют форму более или менее вытянутого овала с одной заглубленной стороной (нанесены круглым концом палочки — рис. 3, *14*), иногда треугольные (нанесены углом прямого конца палочки — рис. 2, *6*, *12*; 3, *16*). Последние часто образуют горизонтальные канавки (рис. 2, *12*; 3, *16*).

В технике отступающей лопаточки (палочки) выполнены и широко распространенные ложношнуровые оттиски (рис. 2, *1*, *13*; 3, *12*, *13*). Под венчиком и на тулове сосуда встречаются глубокие округлые ямочные вдавления с коническим или плоским дном (рис. 2, *1*; 3, *17*), очевидно играющие подчиненную роль разделителей орнаментальных зон.

2. **Древняя ямочно-гребенчатая керамика.** Сосуды этой группы изготовлены из глины с примесью крупной дресвы и птичьего помета. Обжиг сильный. Цвет желтовато-коричневый. Толщина стенок от 0,5 до 1,1 см,

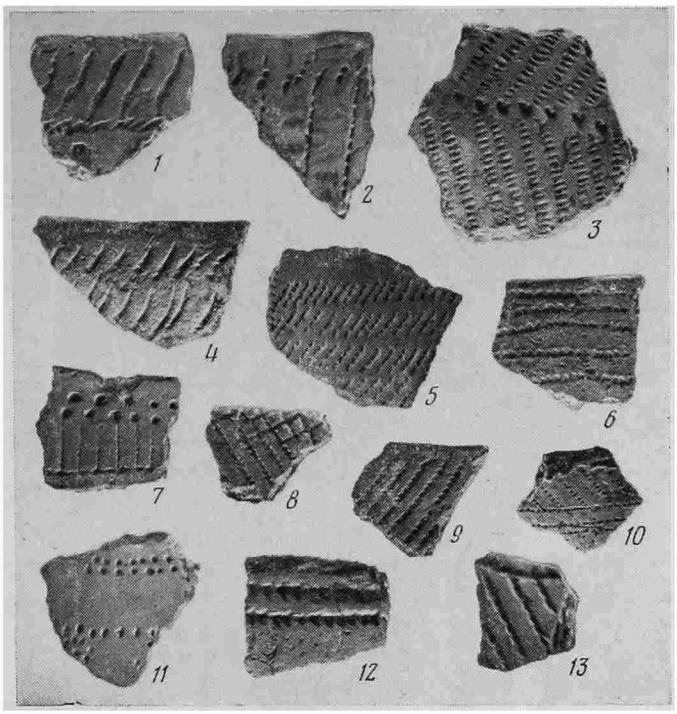


Рис. 2. Стоянка Владычинская-Береговая I. Керамика верхневолжского типа

с преобладанием толщины 0,6—0,8 см. Днища круглые (рис. 1, *Б*, *10*, *11*). Венчики скошены внутрь под разными углами, приостренные; встречаются венчики с округлым срезом и почти плоские (рис. 1, *Б*, *1—7*). Срезы, как правило, не орнаментированы. В небольшом количестве имеются формы, которые можно считать переходными от раннего типа ямочно-гребенчатой керамики к развитому типу. К ним относятся венчики с утолщением у среза или намечающимся узким воротничком (рис. 1, *Б*, *8*, *9*). Орнамент строго зональный ямочно-гребенчатый. Основным элементом орнамента является круглая, глубокая, обычно вертикальная ямка с коническим и иногда плоским дном. Ямки образуют горизонтальные пояски, разделенные наклонными, вертикальными и горизонтальными гребенчатыми оттисками (рис. 4, *1—3*; 5, *1—4*). Последние обычно короткие, несколько реже — длинные. Зубцы гребенчатых штампов часто скошены (рис. 4, *3*; 5, *2*); часты изогнутые гребенчатые оттиски, встречающиеся и в верхневолжской керамике (рис. 4, *1*; 5, *1*). К гребенчатым элементам орнамента функционально близки отпечатки веревочки, навитой на палочку (рис. 4, *6*, *7*; 5, *6*), и ложношнуровые линии (рис. 4, *8*; 5, *5*). Характерны сдвоенные ямчатые вдавления, образующие пояски, разделяющие зоны ямочных вдавлений (рис. 4, *4*, *5*; 5, *9*). Также следует отметить своеобразные наколы в виде следка водоплавающей птицы (рис. 4, *5*; 5, *8*), отмеченные нами только в орнаментации древней ямочно-гребенчатой керамики. Изредка встречаются нарезки или вдавления в форме овала с заостренным концом.

Эта керамика близка основному керамическому комплексу стоянки Владычинская-Боровая [2], относимой нами к раннему этапу развития рязанской неолитической культуры. Однако описываемый керамический комплекс, вероятно, относится к несколько более раннему времени. Об этом свидетельствует преобладание простейших приостренных, сужающихся к срезу венчиков, дугообразно изогнутые гребенчатые оттиски, большое количество оттисков со скошенными зубцами, немногочисленность композиций с использованием веревочных элементов.

Не исключена возможность сосуществования на каком-то отрезке времени двух ранненеолитических культур: верхневолжской и культуры, характеризуемой древней ямочно-гребенчатой керамикой. На стоянке

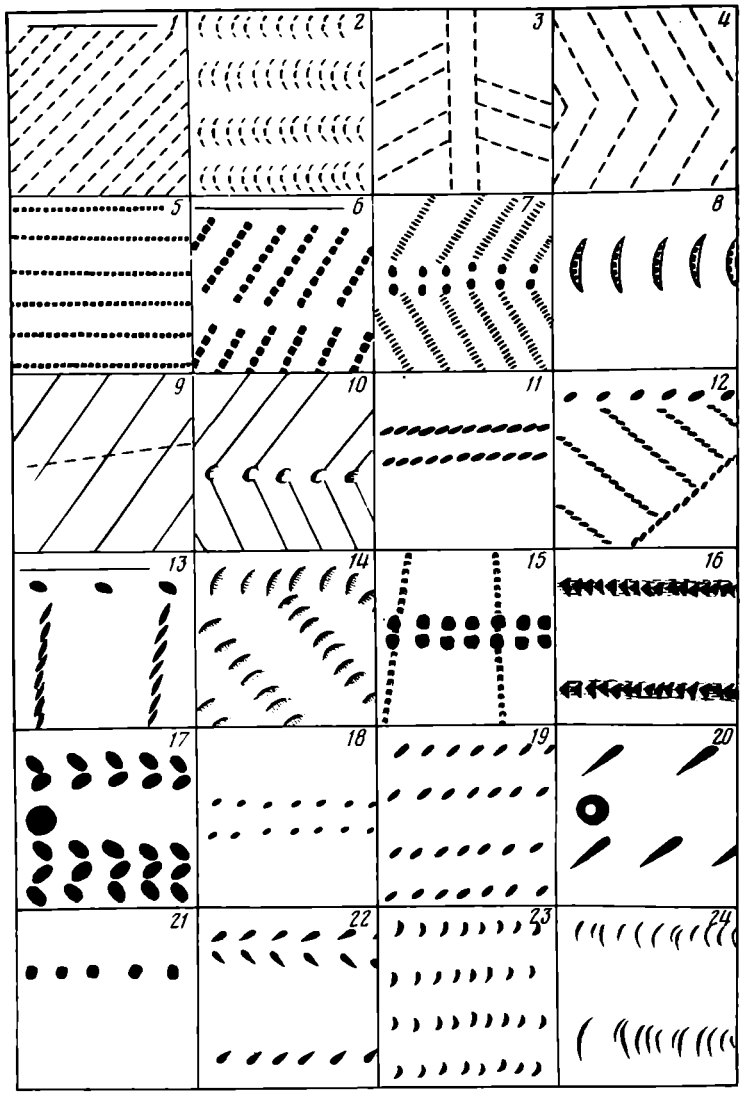


Рис. 3. Стоянка Владычинская-Береговая I. Орнаментальные узоры керамики верхневолжского типа (горизонтальной чертой обозначены венчики сосудов)

Владычинская-Береговая I два древних керамических комплекса залегают на одной и той же глубине, и разделить их стратиграфически невозможно. На стоянке Владычинская-Боровая основным керамическим комплексом является древняя ямочно-гребенчатая керамика. Однако среди этой керамики имеется небольшое количество керамики верхневолжского типа. Она встречается по всей толще культурного слоя. Нередко фрагменты верхневолжской керамики имеются среди скоплений ямочно-гребенчатой керамики. В 1979 г. на стоянке Владычинская-Боровая была вскрыта небольшая площадь, на которой каждый найденный предмет отмечался с помощью нивелира. Результаты нивелировки подтвердили залегание керамики обоих типов на одних глубинах. Кстати, кремневый инвентарь стоянки сохраняет некоторые мезолитические черты, как и кремневый инвентарь верхневолжских памятников [3].

3. Развитая ямочно-гребенчатая керамика. Сосуды изготовлены из глины с примесью мелкого песка и птичьего помета. Обжиг сильный. Цвет от коричневого до черного. Толщина стенок от 0,5 до 1,0 см, днища круглые. Только в одном случае имеется слабоуплощенное днище (рис. 1, *В*, *12*, *13*). Поверхность сосудов заглажена до блеска. Очень выразительны венчики. Исчезают простые устойчивые формы древней керамики, и появляются сложные и довольно разнообразные профилированные венчики. Срезы их обычно закруглены, иногда уплощены или слабо при-

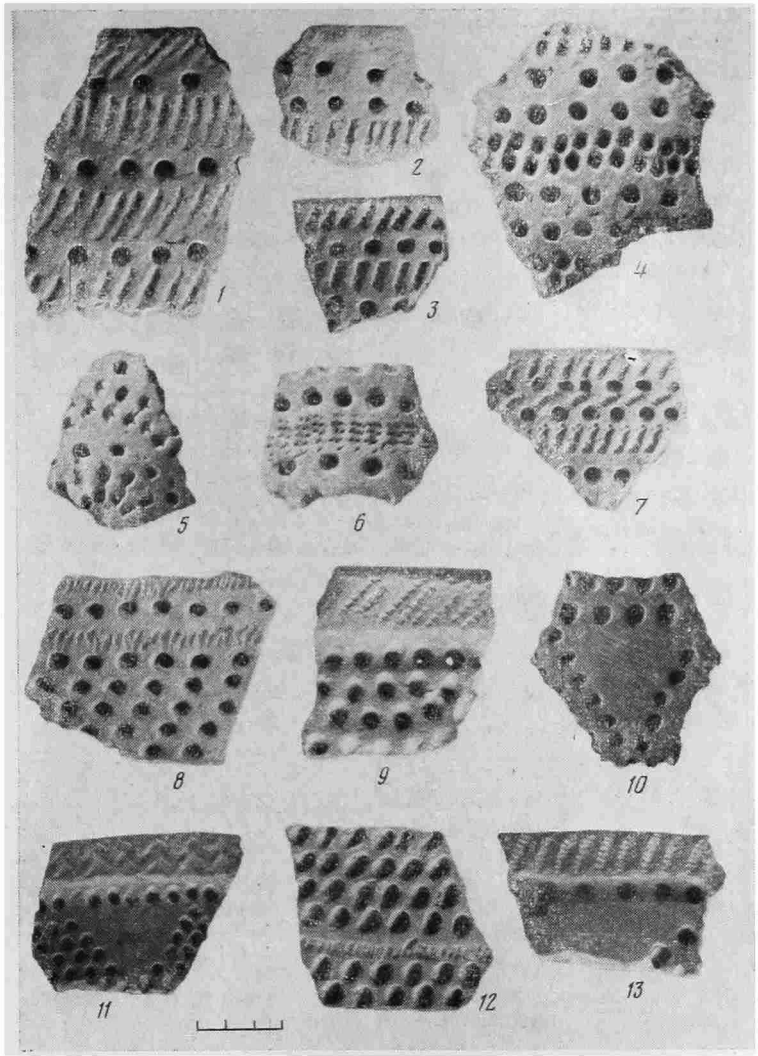


Рис. 4. Стоянка Владычинская-Береговая I. Ямочно-гребенчатая керамика; *1—8* — древнего комплекса; *9—13* — развитого комплекса

острены. Отгиб чаще наружу и очень редко внутрь (рис. 1, *В*, *1—7*, *9—11*). Характерны «воротнички» под краем горла. Иногда имеются выступы-валики, расположенные ниже «воротничка» (рис. 1, *В*, *8*).

По воротничку идут ряды гребенчатых, парезных, полулунных или рамчатых оттисков (рис. 4, *9*, *11*, *13*; 5, *10*, *17*). Иногда воротничок орнаментирован ромбической решеткой, образованной тонкими прочерченными линиями или оттисками зубчатого штампа (рис. 5, *15*).

Орнаментация тулова сосуда довольно разнообразна. Заполнение поля, как и на древней ямочно-гребенчатой керамике, обычно густое. Основным элементом орнамента является глубокая наклонная округлая или овальная ямка; коническая ямка исчезает, за исключением единичных случаев. Иногда встречается овальная ямка с ребристым дном (оттиск раковины или конца палочки с навитой веревочкой), оттиски веревочки и перевитого шнура (рис. 4, *12*; 5, *13*). Полностью исчезает косозубчатый штамп, характерный для древней керамики. Появляются своеобразные зубчатые оттиски с зубцами разной величины (рис. 5, *12*). Следует отметить неглубокие ямчатые вдавления различных очертаний.

При всем разнообразии гребенчатых и ямчатых элементов орнамента они выполняют лишь вспомогательную функцию разделителей зон, заполненных ямочными вдавлениями. Последние часто образуют геометрические фигуры: ромбы, прямоугольники, треугольники (рис. 4, *10*, *11*; 5, *19*, *20*), а также горизонтальный зигзаг. Этот керамический комплекс

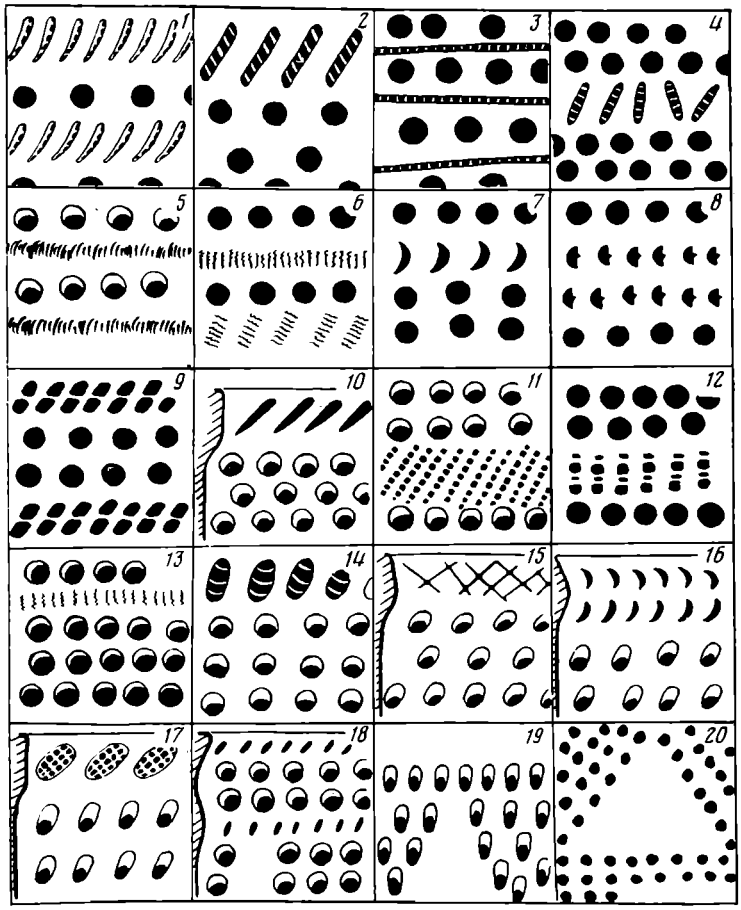


Рис. 5. Стоянка Владычинская-Береговая I. Орнаментальные узоры ямочно-гребенчатой керамики древнего (*1—9*) и развитого (*10—20*) комплексов

относится ко второму этапу развития рязанской неолитической культуры (так называемая керамика «черногорского типа») [4, с. 104, 106].

4. **Керамика протоволосовского типа.** Термин «протоволосовская керамика» был введен в археологическую литературу Д. А. Крайновым [5, с. 48]. В 1970 г. керамика этого типа была выделена на стоянке Владычинская-Береговая I и названа древневолосовской [6]. Тогда же выдвинута гипотеза о местном происхождении волосовской культуры. В 1977 г. на стоянке Владычинская-Береговая I древняя волосовская керамика была найдена в ритуальном погребальном волосовском сооружении, относящемся к III тысячелетию до н. э., где она является пережиточной (основная ее масса залегала в нижних горизонтах культурного слоя стоянки). На основании этих находок нами вновь было высказано предположение о наличии генетической связи верхневолжской раннеолитической и волосовской культуры [7].

Сосуды протоволосовского типа изготовлены из глиняного теста с примесью мелко толченной раковины и птичьего помета. Обжиг сильный. Цвет желтовато-коричневый или серый. Встречаются фрагменты со следами охры. На внутренней и, реже, на внешней стороне заметны «расчесы». Толщина стенок 0,4—1,1 см, с преобладанием толщины 0,5—0,9 см. Формы венчиков сосудов в большинстве случаев близки к верхневолжским и древним ямочно-гребенчатым. Края венчиков приостренные, закругленные или уплощенные со скосом внутрь и, реже, наружу. Толщина венчиков обычно равна толщине стенок, иногда венчик чуть утолщен к срезу. Срез венчика нередко орнаментирован, благодаря чему под краем среза образуется слабый выступ (наплыв) (рис. 1, *Г*, *1—16*). Днища всегда круглые (рис. 1, *Г*, *17*). Основным элементом орнамента являются

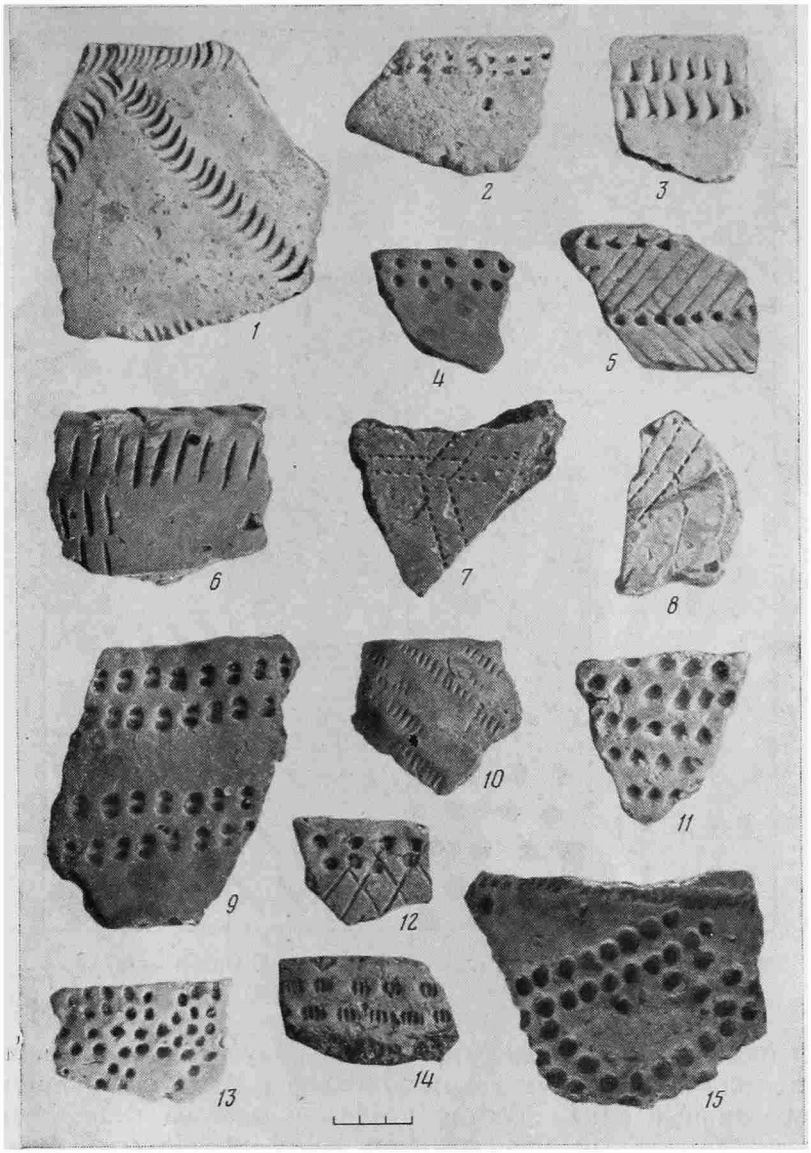


Рис. 6. Стоянка Владычинская-Береговая I. Керамика протоволосовского типа

округлые или овальные ямчатые вдавления с округлым или плоским дном (рис. 6, *11—13*, *15*; 7, *5*, *8*, *12*, *17*, *18*), различные наколы (рис. 6, *2—4*; 7, *9*, *13*, *14*), часто выполненные в технике отступающей лопаточки (рис. 6, *1*, *5*; 7, *6*, *10*, *11*), ложношнуровые линии (рис. 7, *7*, *8*, *12*). Характерны также нарезка (рис. 6, *6*; 7, *19*), прочерченные линии (рис. 6, *5*; 7, *3—6*) и разнообразные гребенчатые оттиски (рис. 6, *7*, *8*; 7, *1*, *2*), среди которых часты пунктирные (рис. 6, *8*; 7, *1*, *2*). Эти элементы орнамента образуют горизонтальные и наклонные ряды, вертикальный и горизонтальный елочный узор (рис. 6, *7*; 7, *2*), зигзаг (рис. 6, *5*; 7, *6*, *11*), решетку (рис. 6, *12*; 7, *5*), композиции из рядов косо поставленных оттисков зубчатых штампов. Нередко встречаются оттиски двузубого штампа (рис. 6, *2*, *9*; 7, *16*), характерные для древней ямочно-гребенчатой и верхневолжской керамики, и «ногтевые» вдавления (рис. 7, *15*).

Круглые и овальные ямчатые вдавления с гладким круглым или плоским дном, а также выполненные концом палочки с намотанной на него веревочкой (рис. 6, *14*; 7, *20*) иногда густо покрывают поверхность сосудов (рис. 6, *11*, *13*; 7, *17*, *18*, *20*) или образуют геометрические фигуры (рис. 6, *15*), что сближает орнаментацию протоволосовской посуды с орнаментацией керамики «черногорского типа». Изредка встречаются оттиски шнура и веревочки, навитой на палочку (рис. 6, *10*), и кружко-

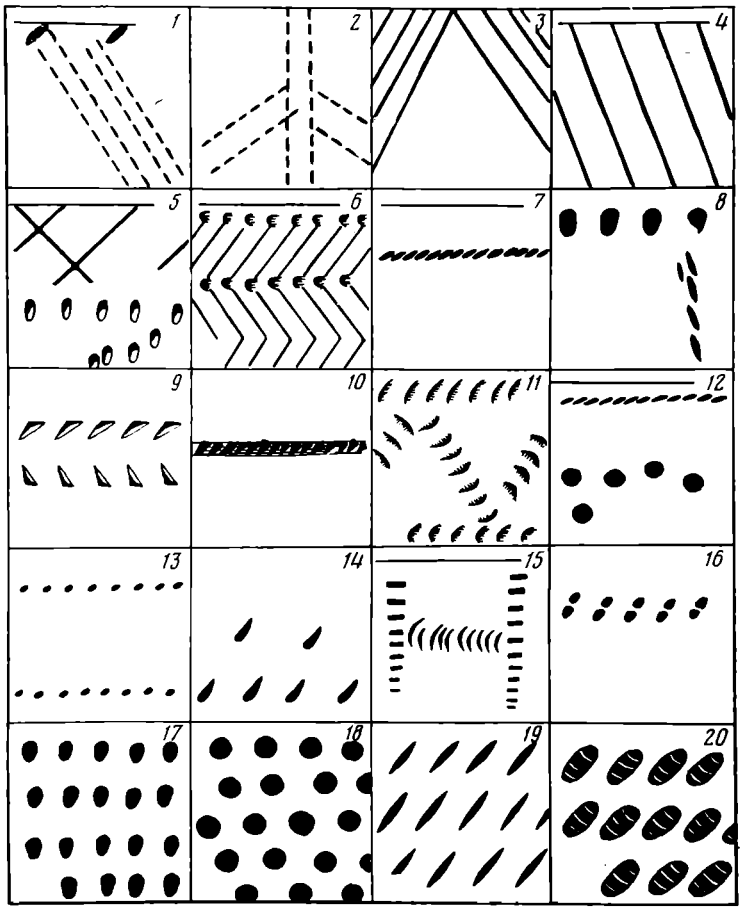


Рис. 7. Стоянка Владычинская-Береговая I. Орнаментальные узоры керамики протоволосовского типа

вые вдавления, нанесенные полым стеблем, получающие дальнейшее развитие в волосовском керамическом комплексе. Многие орнаментальные узоры, характерные для керамики протоволосовского типа — вертикальный или горизонтальный елочный узор, решетка, широкий горизонтальный зигзаг, а также композиции, выполненные небрежными ямчатыми вдавлениями, сохраняются на всем протяжении существования волосовской культуры. В то же время эти орнаментальные композиции характерны для керамики верхневолжского типа. Нередко бывает трудно отличить протоволосовскую керамику от керамики верхневолжского типа. Наряду с чертами, характерными для верхневолжской керамики, в орнаменте сосудов протоволосовского типа имеется много черт сходства с древней и развитой ямочно-гребенчатой керамикой.

5. **Керамика волосовского типа.** Керамика основного горизонта культурного слоя стоянки Владычинская-Береговая I является типичной керамикой волосовского типа. Сосуды изготовлены из глины с примесью толченой раковины. Цвет — от светло-коричневого до темно-серого. Толщина стенок сосудов 1,0—1,5 см. Формы венчиков различны: от простых, несколько отогнутых внутрь и прикрывающих горло сосуда, до приближающихся к Г-образным (рис. 1, *Д*, *1—13*). Днища округлые или, реже, округло-уплощенные (рис. 1, *Д*, *14—16*).

Вся поверхность сосудов покрыта довольно сложным, характерным для волосовской культуры орнаментом. Однако орнаментика владычинской керамики обладает некоторой спецификой. Весьма значителен процент прочерченного (рис. 8, *4*, *11*, *12*; 9, *16*, *17*) и ямчатого элементов орнамента, а также оттисков «гладкого штампа» (рис. 8, *11*; 9, *1*, *4*) и разнообразных нарезок (рис. 9, *2*, *3*). Рамчатых оттисков относительно мало (рис. 8, *5*, *10*; 9, *18*). Довольно хорошо представлены овальные и округлые наколы (рис. 9, *12*, *13*) и кружковые вдавления (рис. 9, *20*).

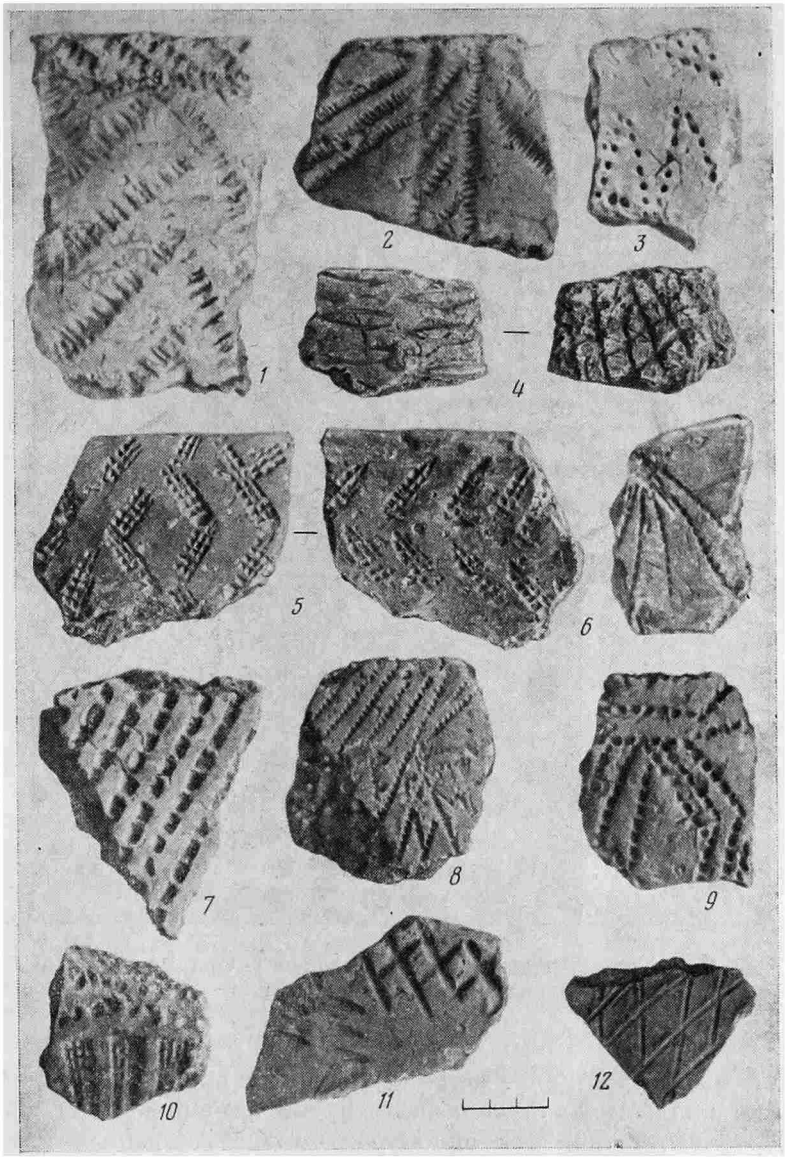


Рис. 8. Стоянка Владычинская-Береговая I. Волосовская керамика

Как и на всех волосовских памятниках, большую роль в орнаментации сосудов играют мелко-, средне- и крупнозубчатые гребенчатые оттиски (рис. 8, *6—9*; 9, *6—11*). Часто встречаются оттиски веревочки и перевитого шнура (рис. 8, *1*, *2*; 9, *4*, *5*). Перечисленные элементы орнамента образуют горизонтальные и вертикальные зигзаги (рис. 8, *3*; 9, *7*, *17*), решетку (рис. 8, *11*, *12*; 9, *8*, *16*), наклонные и вертикальные ряды и горизонтальные ряды, иногда с фестонами, образующие сложные орнаментальные композиции, восстанавливаемые лишь при реставрации сосудов. Иногда орнамент заходит на внутреннюю сторону сосуда (рис. 8, *5*). Обнаружены несколько фрагментов различных сосудов со схематическими изображениями рыб (?) на внешней стороне и прочерченным узором в виде рыболовной сети (решетка) с ромбической ячейкой — на внутренней (рис. 8, *4*). Обращают на себя внимание сосуды с чистым круглоямчатым орнаментом, густо покрывающим все орнаментальное поле (рис. 9, *19*). Один такой сосуд реставрирован. Он имеет близкую к котловидной форму (высота 44 см, диаметр 37 см). Другой круглодонный сосуд, с расширяющимися к горлу стенками, орнаментирован неглубокими вытянутыми овальными вдавлениями (высота 35 см, диам. 33 см). Надо заметить, что волосовский горизонт культурного слоя стоянки наслаивался в течение длительного времени и содержит разновременный материал. Некоторая перемешанность слоя IV заставляет рассматривать всю воло-

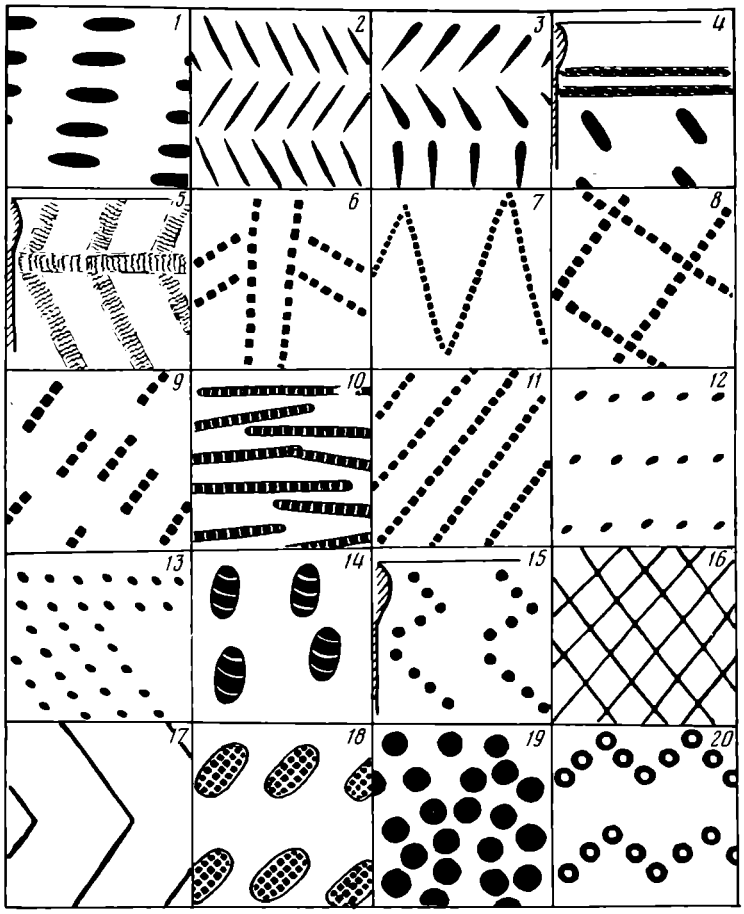


Рис. 9. Стоянка Владычинская-Береговая I. Орнаментальные узоры волосовской керамики

совскую керамику суммарно. Однако перечисленные выше особенности орнаментации владычинской керамики, преобладание простых форм венчиков сосудов, отсутствие хорошо выраженных Г-образных и тем более полное отсутствие Т-образных венчиков, округлая и лишь изредка уплощенная форма днищ позволяют относить описываемый керамический комплекс к раннему этапу развития волосовской культуры и сближают его с керамикой протоволосовского типа. Так же как не всегда возможно с уверенностью говорить о принадлежности некоторых фрагментов керамики к верхневолжскому или протоволосовскому комплексу, так и некоторые фрагменты волосовской керамики можно отличить от протоволосовских только по технологическим признакам — толщине стенок, обработке поверхности, силе обжига, при большом сходстве орнаментации. Это является лишним доказательством преемственности керамических комплексов и непрерывности процесса их развития.

В радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР для образца древесного угля с глубины 1,0—1,2 м из ритуального волосовского кострища [8] получена дата 4300±60 лет назад[3]. Эта дата является относительно поздней для волосовского комплекса памятника, так как культурный слой продолжается ниже до глубины не менее 1,6 м. Следовательно, нижний горизонт волосовского культурного слоя должен иметь несколько более раннюю датировку, которую можно ориентировочно определить как середину III тысячелетия до н. э.

---

[3] В статье В. И. Тимофеева, Е. Н. Романовой, Н. С. Малановой, Ю. С. Свеженцева «Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР» (КСИА АН СССР, 1978, вып. 153) допущена опечатка. Указанная на с. 16 нижняя дата для стоянки Владычинская-Береговая относится к стоянке Пегрема II.

Считая волосовский горизонт культурного слоя стоянки Береговая-Владычинская I одним из ранних волосовских памятником, мы не можем согласиться с мнением В. П. Третьякова, относящего его к четвертой из выделенных им пяти хронологических групп волосовских памятников [9, с. 6—10]. Такая поздняя дата аргументируется наличием на стоянке сосудов со сложными, стремящимися к Г-образным формам венчиками и отсутствием простых древних форм, а также наличием уплощенных и даже плоских днищ [9, табл. 1, рис. 1]. Подобные формы на стоянке имеются, но они характерны только для верхнего горизонта культурного слоя (слой III и разрушенный верхний горизонт), относящегося к энеолиту и эпохе бронзы. Кстати, следует заметить, что в волосовском слое стоянки Владычинская-Береговая I не встречено никаких следов металлургии.

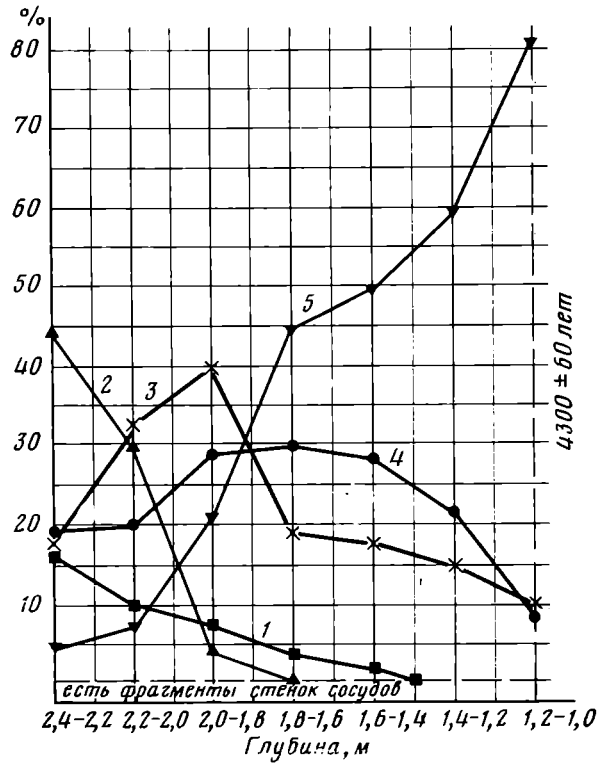


Рис. 10. Графики развития керамических комплексов стоянки Владычинская-Береговая I: *1* — керамика верхневолжского типа; *2* — древняя ямочно-гребенчатая керамика; *3* — развитая ямочно-гребенчатая керамика; *4* — керамика протоволосовского типа; *5* — волосовская керамика

Авторами статьи проведен типологический анализ и статистические подсчеты по керамическому материалу из раскопов 1977 и 1978 гг., содержавших все указанные выше горизонты культурного слоя. Статистические данные приводятся в табл. 2.

В результате типологического анализа керамических комплексов памятника и статистических подсчетов[4] построены графики их залегания по глубинам (рис. 10). Глубины, на которые приходятся пики графиков керамических групп, соответствуют отметкам дневной поверхности поселения, население которого производило определенный тип керамики. Древнейшими керамическими комплексами стоянки являются комплексы верхневолжской и древней ямочно-гребенчатой керамики. Пики их графиков приходятся на глубину 2,4—2,2 м. Максимум развитой ямочно-гребенчатой керамики («черногорского типа») зафиксирован на глубине 2,0—1,8 м. График развития протоволосовского комплекса не имеет четко выраженного пика. В интервалах 2,0—1,8, 1,8—1,6 и 1,6—1,4 м он соответственно принимает значения 29, 30 и 28%, резко падая в интервалах 2,4—2,0, 1,4—1,0 м. Это, очевидно, отражает переходный характер этой группы керамики. С глубины 1,6—1,4 м основным керамическим комплексом является керамика волосовского типа.

Полностью присоединяясь к выводу Д. А. Крайнова о сложении волосовской культуры на основе двух неолитических культур — верхневолжской и культуры, характеризуемой древней ямочно-гребенчатой керамикой [10, с. 61—62], мы считаем возможным поставить вопрос об удревнении протоволосовского этапа, датируемого Д. А. Крайновым первой половиной III тысячелетия до н. э. [10, с. 61], до конца IV — начала III тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют абсолютные датировки верхневолжской культуры, самые поздние из которых относятся к послед-

[4] При статистическом анализе для построения графиков использованы только венчики разных сосудов.

Таблица 2

Глубина, м	Всего фрагментов венчиков в пласте	Количество фрагментов венчиков в комплексах				
		верхневолжский	ямочно-гребенчатый		протоволосовский	волосовский
			древний	развитой		
2,4–2,2	68	12	30	11	12	3
2,2–2,0	114	11	33	38	23	8
2,0–1,8	28	2	1	10	8	7
1,8–1,6	31	2	–	6	9	14
1,6–1,4	27	1	–	5	8	13
1,4–1,2	28	–	–	4	7	17
1,2–1,0	33	–	–	3	3	27
Итого	329	28	64	77	67	92

ней четверти IV тысячелетия до н. э., а именно: для стоянки Языково I — 5280±130, а для стоянки Сахтыш I — 5150±40 лет назад [10, с. 58]. Кстати, на слои, давшие указанные даты, непосредственно налегали слои с керамикой протоволосовского типа [5, с. 48; 11, с. 63].

Понижение даты протоволосовского этапа волосовской культуры до конца IV тысячелетия до н. э. устраняет некоторый хронологический разрыв.

Ряд исследователей, отстаивающих гипотезу о восточном происхождении волосовской культуры, датировали ее временем от конца III до середины II тысячелетия до н. э. [12; 13]. Сложилось представление о смене неолитических культур, характеризуемых ямочно-гребенчатой керамикой, волосовской культурой эпохи бронзы. Новые данные позволяют утверждать принадлежность волосовской культуры на ее раннем и развитом этапах к эпохе неолита.

В связи с этим уместно поставить вопрос о сосуществовании в Волго-Окском междуречье волосовских племен на раннем и развитом этапах с племенами культур, характеризуемых ямочно-гребенчатой керамикой, на развитом и позднем этапах развития в пределах III тысячелетия до н. э. В этом отношении интересен факт совместного залегания в торфяном раскопе на стоянке Языково I протоволосовской керамики и керамики «льяловского типа». Горизонт, содержавший эти материалы, перекрывался шлейфом культурного слоя с поздней ямочно-гребенчатой керамикой [11, с. 63].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bahder O.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze in Okatale.— ESA, 1929, t. IV.
2. *Цветкова И. К., Фролов А. С.* Стоянки на р. Пре у дер. Владычино.— АО-1974. М., 1975.
3. *Цветкова И. К.* Отчет о работе Рязанской археологической экспедиции 1979 г. Архив ИА АН СССР.
4. *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры.– Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
5. *Крайнов Д. А., Хотинский А. Х.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.– СА, 1977, № 3.
6. *Цветкова И. К.* Стоянка и могильник у д. Владычино.— АО-1970. М., 1971.
7. *Цветкова И. К.* Стоянка Владычинская-Береговая на р. Пре.— АО-1977. М., 1978.
8. *Цветкова И. К.* Погребения стоянки Владычинская-Береговая.— Тр. ГИМ, 1980, вып. 51.
9. *Третьяков В. П.* Варианты волосовских древностей— СА, 1979, № 1.
10. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.— КСИА АН СССР, 1978, № 153.
11. *Хотинский А. Х., Гуман М. А., Романова Е. Н., Маланова Н. С., Свеженцев Ю. С.* Палинологические и радиоуглеродные датировки Языковских стоянок в Калининской области.— КСИА АН СССР, 1978, № 153.
12. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.
13. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.

I. K. Tsvetkova, A. E. Kravtsov

POTTERY FROM THE NEOLITHIC SITE VLADYCHINSKAYA-BEREGOVAYA I

Summary

The authors discuss pottery complexes from a multilevel Neolithic monument Vladychinskaya-Beregovaya I on the left bank of the Pra river in the Klepiki Region, Ryazan District. Typological and statistical analysis of five pottery complexes (Figs. 1-10) from different levels reveals archaeological continuity from the early Neolithic culture of the upper reaches of the Volga and ancient pitt-and-comb ceramics culture to the proto-Volosovo culture exibiting a lot of similarity with the pitt-and-comb and the upper reaches of the Volga ceramics, and then to the Volosovo culture. There is a hypothesis that throughout the 3rd millennium B. C. the Volosovo tribes then at their early and more advanced stages of development coexisted with the pitt-and-comb ceramics culture tribes at their advanced and late stages in the region between the Oka and the Volga. While subscribing to the opinion of D. A. Krainov that the Volosovo culture was a blend of the upper Volga culture and the ancient pitt-and-comb ceramics culture the authors are tempted to date the proto-Volosovo culture to the end of the 4th-early 3rd millennia B. C. and not to the first half of the 3rd millennium B. C. as is proposed by Krainov.

КОРЕНЕВСКИЙ С. Н., ПЕТРЕНКО В. Г.

КУРГАН МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ У ПОСЕЛКА ИНОЗЕМЦЕВО

В 1976 г. Ставропольская экспедиция ИА АН СССР[1] произвела доследование кургана на территории Иноземцевского отделения «Сельхозтехника» Железноводского р-на Ставропольского края. В 1954—1955 гг. курган был разрушен почти наполовину при строительстве дороги Минводы — Пятигорск. Разрушение кургана было остановлено в 1955 г. совместными усилиями ставропольских обществ по охране памятников и ИИМКА. Снятый тогда же Л. Н. Глушковым [1, с. 43—57] схематический план показывает, что курган находился в начале длинной узкой возвышенности. К западу от него по гряде располагались еще четыре небольших кургана, которые к настоящему времени полностью уничтожены застройкой. В 1955 г. большой курган имел диаметр 57 и высоту 7 м. В последующие годы разрушение его продолжалось при строительных работах. В результате в 1976 г. оставшаяся часть кургана имела диаметр около 50 и высоту 6 м (от материка). Северная и восточная части кургана были снесены и засыпаны строительным мусором (рис. 1, *1*).

Лет сто—двести тому назад курган был использован под мусульманское кладбище.

Нами вскрыто 34 погребения в узких могильных ямах, перекрытых деревом. В южной или юго-западной стенках ям прослеживались небольшие подбои.

Захоронения произведены по обряду трупоположения, погребенные лежали вытянуто на спине или на боку, иногда со слабо подогнутыми ногами, головой на восток или северо-восток. Инвентарь при костяках отсутствовал.

В результате всех разрушений и перекопов первоначальная насыпь кургана очень пострадала и полностью не реконструируется. Можно отметить только, что по мере возведения насыпь укреплялась камнем и бревнами, что фиксировалось нами в виде отдельных каменных вымосток, скоплений, обкладок типа стенок, древесных прослоек и бревенчатых настилов (рис. 2). Так, в юго-западном секторе часть слоя насыпи из темно-коричневого суглинка была укреплена камнем в виде стенки высотой до 140 см, в которой четко прослеживалась рядность в кладке (рис. 3). К югу от нее на глубине 250—300 см[2] расчищены участки, перекрытые деревом, на площади 6×3 м, с отпечатками бревен шириной до 40 см и длиной до 2,5 м, положенных в два слоя крест-накрест (рис. 1, *3*; 2).

Как выяснилось после раскопок, курган насыпан в несколько приемов (рис. 1, *2*; 3).

Первоначальная насыпь, перекрывавшая центральное погребение, состояла из коричневого суглинка с красноватыми железистыми прожилками. Следующий слой состоял также из темно-коричневого суглинка, но лишенного железистых прожилок. По верху этот слой укреплен камнем и деревом, он накрыл и большую часть малого кургана, находившегося к югу от центрального погребения и к этому моменту уже разграбленного. Этот курганчик находился в 11 м от центра большого кургана. Он имел диаметр около 13 м при высоте около 1,5 м. В центре его обнаружена

[1] Начальник экспедиции В. Г. Петренко. Деятельное участие в работе отряда приняли аспирантка ИА АН СССР Т. В. Мирошина и аспирантка МГУ Е. В. Переводчикова.

[2] Здесь и далее все отметки глубин даются от условного 0, за который принята наиболее высокая точка на сохранившейся части кургана.

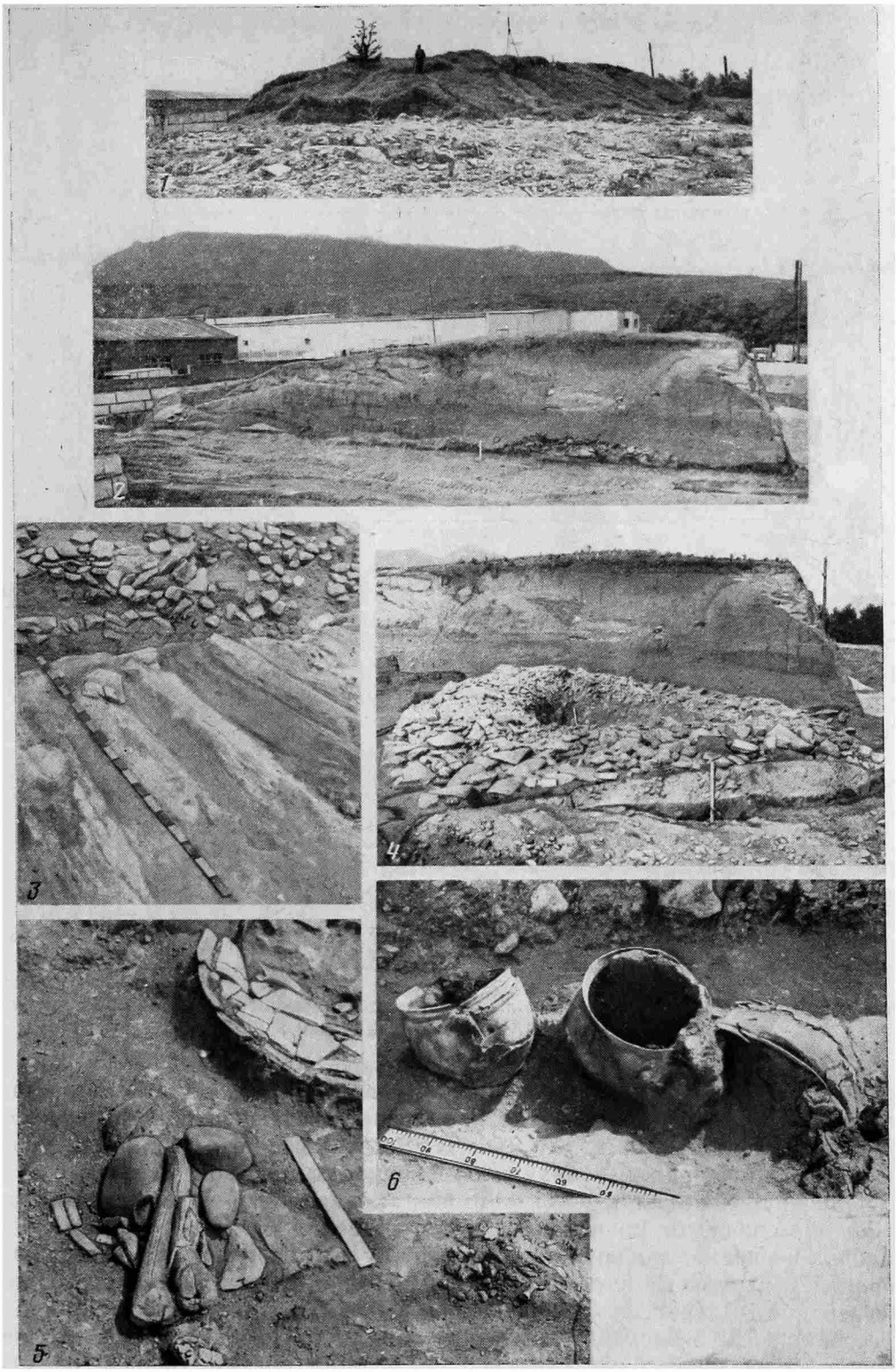


Рис. 1. Курган у пос. Иноземцево. Конструкция и находки. *1* — общий вид кургана с северо-востока до начала раскопок; *2* — восточный профиль бровки кургана; *3* — отпечатки бревенчатой вымостки в насыпи; *4* — вид с северо-востока до разборки; *5* — скопление каменных и костяных предметов в ногах погребенного (основное захоронение); *6* — бронзовые котлы в юго-восточном углу центральной могилы.

могильная яма прямоугольной формы, размером 2,5×2 м, глубиной 5,85 м, углубленная в материк примерно на 35 см, ориентированная С—Ю. В южной части ямы на глубине 5,50—5,59 м прослеживались остатки древесного тлена, вероятно, от сгнившего перекрытия. Погребение, обозначенное как 5А, оказалось полностью разрушенным и ограбленным. В за-

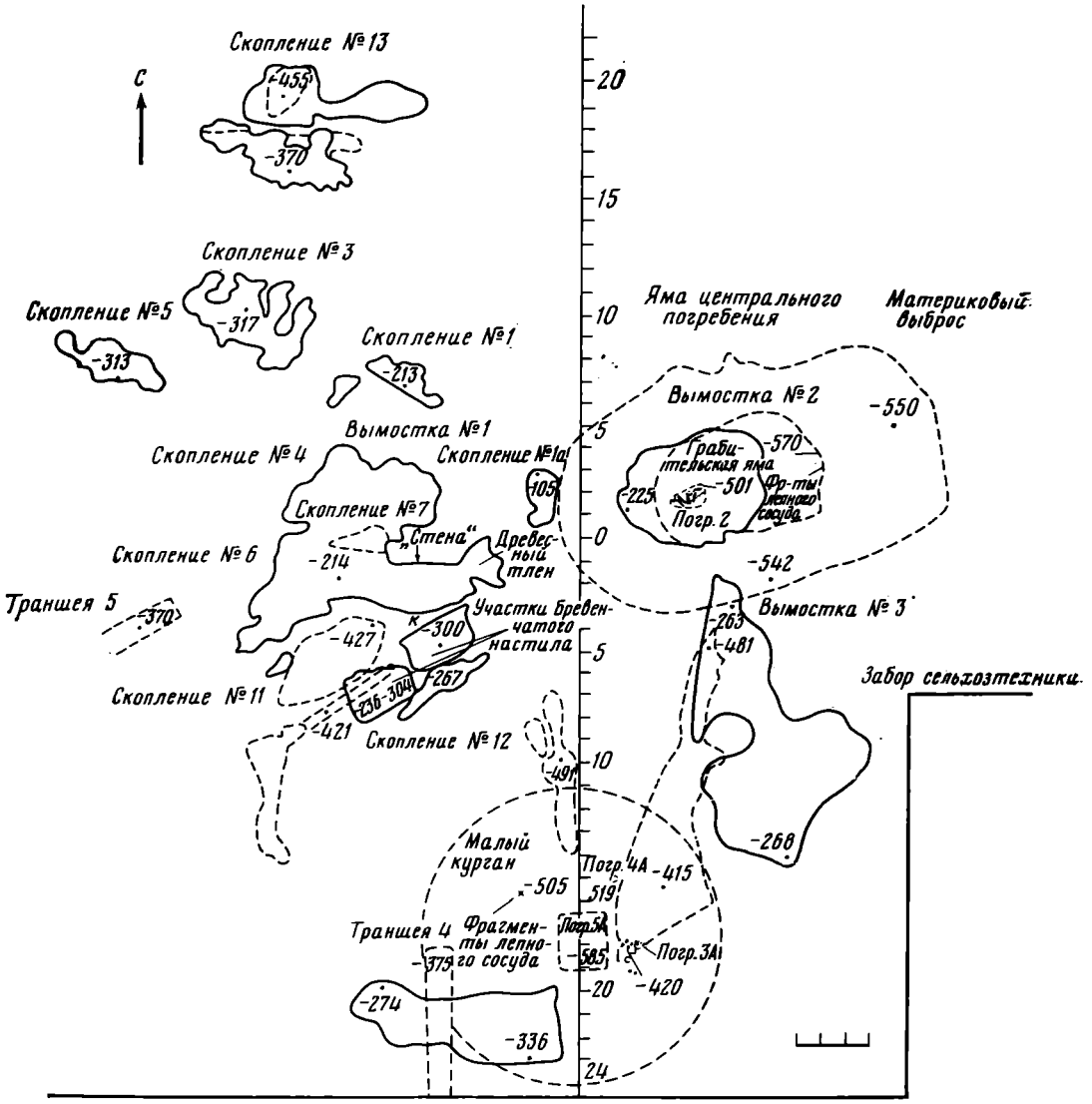


Рис. 2. Схематический план расположения каменных вымосток, скоплений и древесных настилов в насыпи Иноземцевского кургана

полнении ямы собраны разрозненные кости человеческого скелета, принадлежавшие мужчине 55—60 лет[3]. В 1,5 м от северо-западного угла этой могилы на глубине 5,05 м, что примерно соответствует в этой части уровню погребенной почвы, обнаружены фрагменты крупного лепного сосуда из мелкотрущейся глины розоватого цвета, близкого по характеру черепка к большим сосудам из центрального погребения большого кургана. Эта находка позволяет заключить, что и этот курган насыпан племенами майкопской культуры. В кургане обнаружено еще два впускных погребения. Погребение 3А (рис. 4, *2*) находилось в 0,5 м от восточной стенки ямы погребения 5А, в насыпи, на глубине 4,20 м. Погребенный был положен скорченно на левом боку, с сильно поджатыми ногами, головой на юго-запад. Руки его, перекрещенные в запястьях, согнуты в локте и положены перед лицом. Череп и кости позвоночника срезаны бульдозером. Никаких вещей при костяке не обнаружено. Погребение 4А (рис. 4, *3*) находилось на глубине 5,19 м в северо-восточном секторе кургана. Это было погребение ребенка возрастом около двух лет. Кости скелета почти полностью истлели. Ребенок положен скорченно на левом боку, головой на юго-восток, руки его согнуты в локтях и положены перед лицом. Вещей и при этом погребенном не найдено. Следующий слой насыпи представ-

[3] Все антропологические определения сделаны Т. С. Кондукторовой, за что авторы приносят ей благодарность.

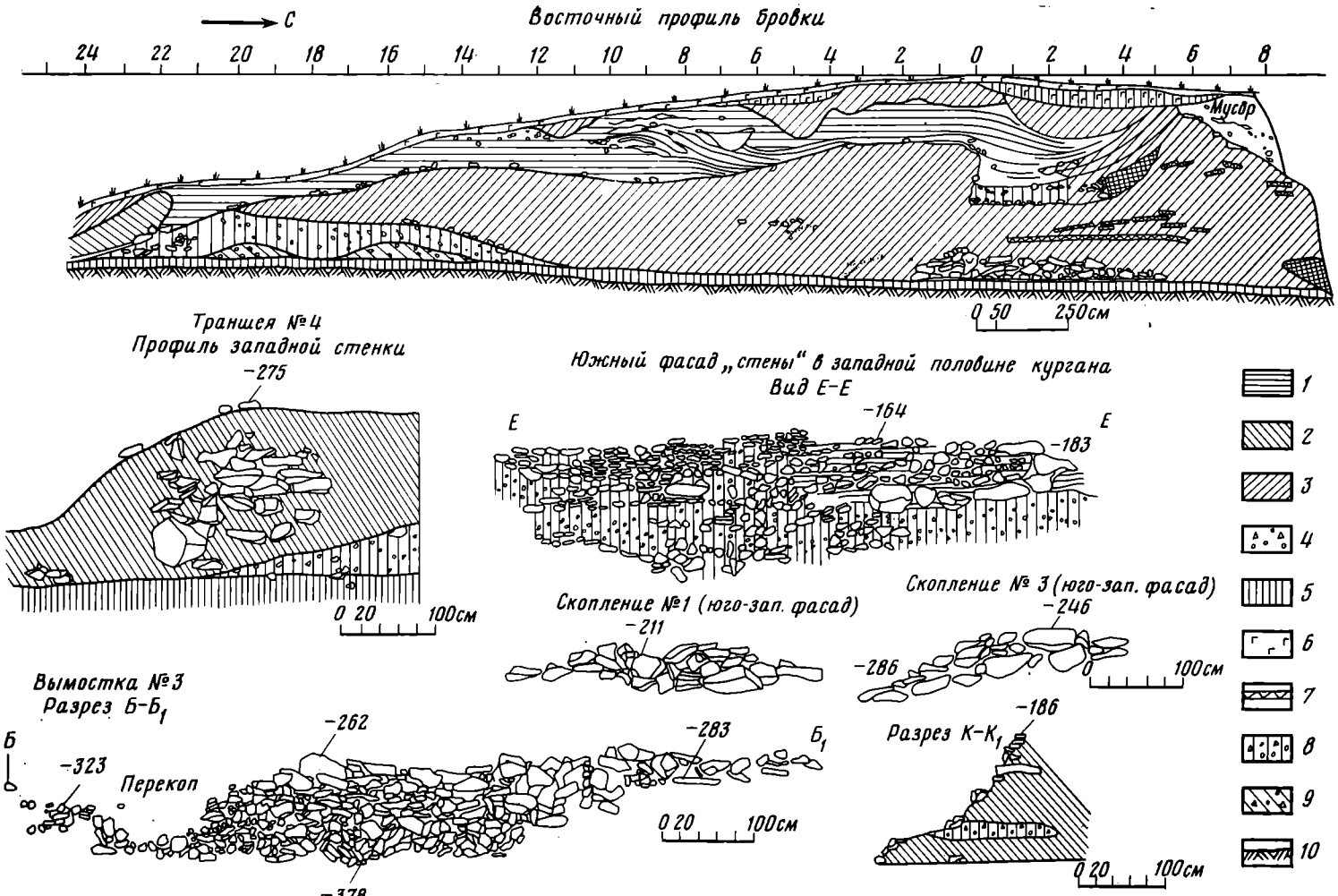


Рис. 3. Профили и разрезы. *1* — мешаный слой (желтая глина с почвенным слоем); *2* — желтая глина белоглазка; *3* — темно-коричневый суглинок; *4* — щебень; *5* — погребенная почва; *6* — гумус; *7* — железистые прослойки; *8* — темно-серая супесь со щебнем; *9* — материковый выброс; *10* — материк

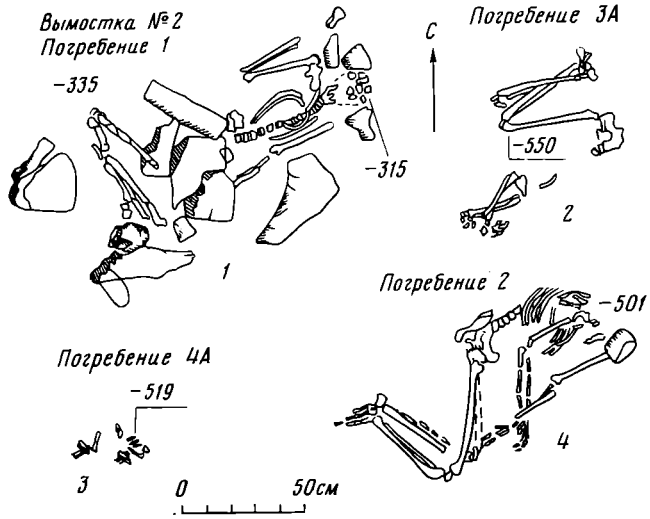


Рис. 4. Планы впускных погребений

лял собой смесь желтой глины с гумусом. Он полностью перекрыл насыпь малого кургана. У подошвы кургана этот слой состоял в основном из чистой желтой глины — белоглазки, включавшей большое количество крупных камней. На большей части площади камни были выбраны как при постройке заборов, так и местными жителями, что отмечалось еще Л. Н. Глушковым. Наиболее полно первоначальное расположение каменного панциря зафиксировано нами в юго-юго-западном секторе кургана, где слой желтой глины с большим количеством камня имел толщину до 1,2 м и фиксировался от основания насыпи до высоты 1,5 м (рис. 3). Были ли все перечисленные слои насыпаны одновременно или нет, в настоящее время сказать трудно ввиду разрушенности кургана и ограбленности погребений. Однако, судя по значимости основного погребения, вся насыпь возведена над ним (рис. 3).

В центре кургана к востоку от бровки с глубины 1,50 м в насыпи встречались отдельные крупные камни. На глубине 2,25—2,50 м расчищено скопление камней, лежавших в виде овала размером 5×6 м (вымостка № 2, рис. 2). При расчистке камней заполнения в восточном секторе обнаружены зубы лошади и мелкие фрагменты костей животных; в западном — на глубине 3,50 м найден небольшой фрагмент лепного красноглиняного сосуда и, наконец, в северо-восточном — между камнями обнаружено погребение 1 (рис. 4, *1*). Костяк человека лежал между камнями на восточном склоне ямы на спине, головой на северо-восток. Правая рука погребенного согнута в локте и поднята вверх, левая вытянута вдоль туловища, ноги подогнуты и упали на правую сторону, при этом они были сдвинуты относительно остатков таза на 25 см вниз. За стопами ног лежал на боку раздавленный лепной горшочек с петельчатой ручкой (рис. 6, *1*). По горлу горшочек орнаментирован горизонтальными рядами отпечатков тонкой веревочки, а по краю перехода горла в плечики — насечками, так же орнаментирована и ручка. Судя по форме и орнаментации сосудика, это погребение относится к северокавказской культурно-исторической общности эпохи средней бронзы. Как оно попало в грабительскую яму, сказать трудно; по-видимому, погребение было впущено в центральную часть насыпи, при ограблении нарушено и, возможно, сползло в грабительскую яму. Последняя первоначально заплывала или засыпалась землей с незначительным количеством некрупных камней, затем ссыпались крупные камни, между которыми попало погребение 1. Такой характер заполнения-заплыва грабительской ямы отчетливо выявляется в бровке (рис. 1, *3*). С глубины 4,75—5,00 м в центре кургана под бровкой и к востоку от нее обнаружились крупные камни, которые лежали в форме овала размером 16 м (СВ—ЮЗ)×10—11 м (ЮВ—СЗ) с земляным заполнением в центре (рис. 1, *4*; 2). Это была каменная

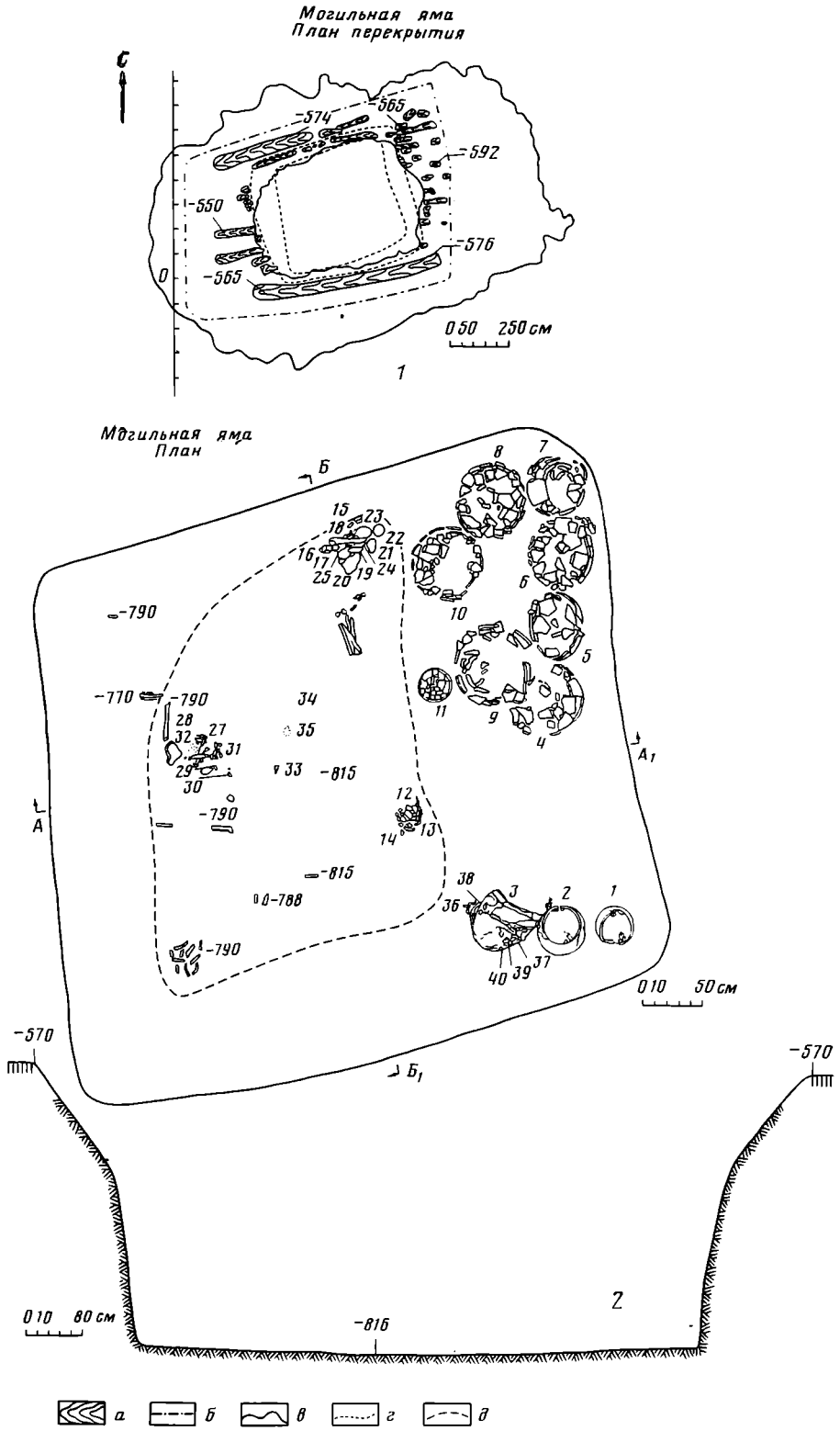


Рис. 5. План основного погребения. *а* — остатки бревен; *б* — граница камышового перекрытия; *в* — граница каменного перекрытия; *г* — контуры могильной ямы; *д* — участок, интенсивно окрашенный красной краской. *1—3* — котлы бронзовые; *4—10* — сосуды глиняные; *11*, *13* — миски глиняные; *12* — палочка костяная; *14* — кремневый отщеп; *15* — палочки роговые; (9 шт.); *16—18* — молотки роговые (3 шт.); *19* — оселок; *20*, *21*, *23*, *24* — кремни; *22* — терочник; *25* — плитка для растирания; *26* — предмет каменный; *27*, *28* — кинжалы бронзовые; *29* — нож кремневый; *30* — фольга серебряная; *31* — стрелы кремневые; *32* — бусы золотые; *33* — шило; *34*, *35* — бисер; *36* — вилообразный предмет; *37*, *40* — топоры бронзовые; *38* — вток костяной; *39* — тесло бронзовое

Рис. 6. Керамика и вещи из погребений: *1* — из погр. 1, *2—9* — из центральной могилы; *1*, *4—9* — керамика, *2* — кость, *3* — кремень

наброска над могилой, положенная поверх деревянного наката, состоявшего из бревен шириной 20—50 и толщиной около 10 см, перекрывавших могильную яму на уровне материка вдоль ее длинных сторон (рис. 5, *1*). Сверху бревна были покрыты толстым слоем камыша, к моменту раскопок имевшего толщину около 5 см, камышовое покрытие далеко заходило за край могильной ямы. Земляное заполнение в центре каменной наброски образовалось в результате ограбления. Грабительская яма захватила юго-западную часть могилы.

Над могилой на глубине 5,01 м обнаружено погребение 2. Скелет (без головы) взрослого мужчины (?) лежал на левом боку с подогнутыми ногами и перекрещенными в кистях, протянутыми вперед руками. Никаких вещей около скелета не было (рис. 2; 4, *4*). При разборке каменной наброски вокруг могилы у ее восточного края на глубине 5,80 м среди камней обнаружилось скопление черепков от сосуда, сделанного из глины темно-серого цвета с шероховатой поверхностью. Из черепков собрался сосуд с широко открытым низким горлом, отогнутым венчиком и яйцевидным туловом, в средней части которого располагались три маленькие петлевидные ручки (рис. 7, *1*). Между черепками лежали раскрошившиеся кости барана.

Могильная яма центрального погребения являлась основной в кургане (рис. 3, *5*). Она вырыта с уровня погребенной почвы до глубины

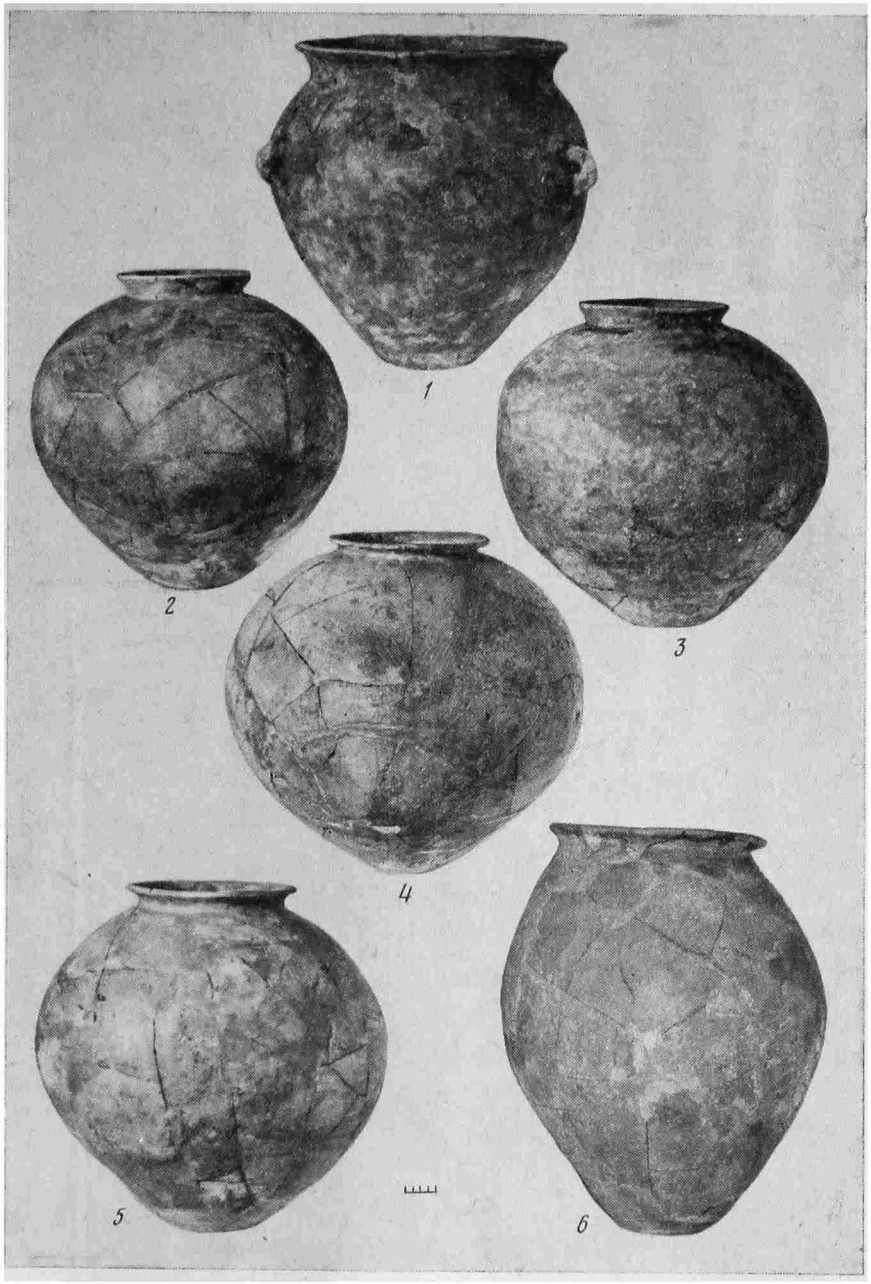


Рис. 7. Глиняные сосуды из центральной могилы

8,15 м в материке, который представлял собой желтую супесь с большим количеством камня разной величины. В плане по дну яма образовывала почти правильный квадрат с длиной сторон 4,70 м. Кверху стенки ямы на 1,5 м были почти вертикальными, а затем расширялись. На уровне погребенной почвы яма имела прямоугольные очертания с длиной сторон 6,50×5,50 м (ВВС—ЗЗЮ). Заполнение ямы делилось на две части. Западную и центральную часть ямы составлял мешаный слой, в котором встречались мелкие черепки от лепных сосудов, фрагменты костей животных. Часть ямы оказалась ограбленной. Восточная треть ямы сверху имела однородное темное заполнение с включением железистых прослоек. По краям могилы находилось большое количество камня и дерева от обрушившегося перекрытия, а с глубины 7,50—7,70 м и до дна камень и дерево встречались по всей площади этой части могилы. Обвалившееся перекрытие раздавило стоявшие в этой части могилы глиняные сосуды и бронзовые котлы (рис. 1, *5*, *6*). После расчистки дна ямы выявилась следующая картина (рис. 5, *2*). В северо-восточном углу ямы были поставлены семь крупных лепных сосудов и одна миска. В древности все сосу-

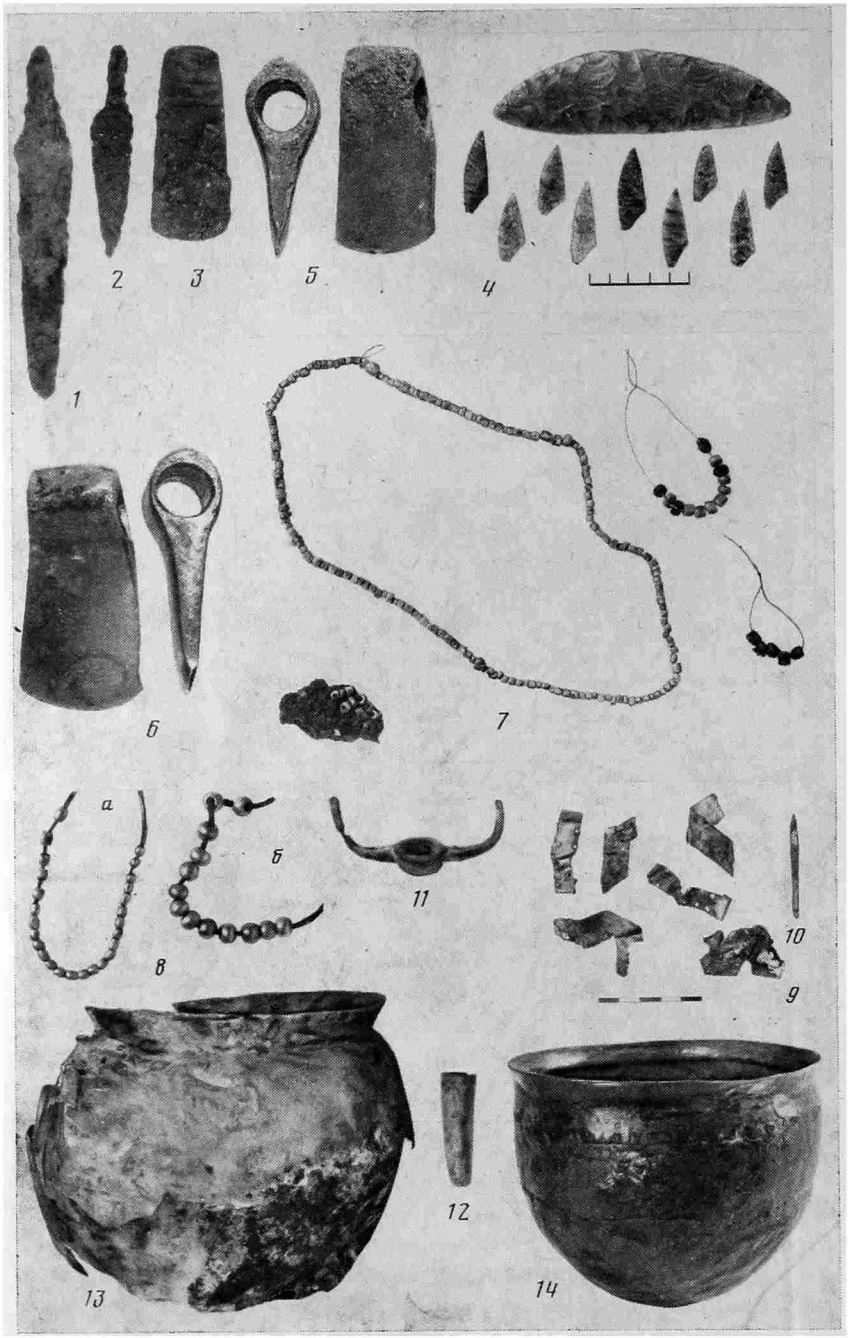


Рис. 8. Вещи из центральной могилы. *1—3, 5, 6, 11, 13, 14* — бронза, *4* — кремень, *7* — паста, *8* — золото, *9, 10* — серебро

ды, по-видимому, содержали растительную пищу, остатки которой сохранились в них в виде трухи, заполнявшей придонную часть.

В юго-восточном углу могилы поставлены три клепаных котла из тонкой листовой бронзы (рис. 1, *6*; 8, *13—14*; 9, *7—9*). Поверхность котлов сильно закопчена сверху донизу. Никаких следов пищи в них не обнаружено. Удалось проследить интересную деталь: котлы оказались оплетенными. Под дном одного из котлов расчищены прутья шириной около 1 см, располагавшиеся крест-накрест. Концы этих прутьев, вероятно, составляли вертикальную основу оплетки. На боковых поверхностях наружных стенок котлов в некоторых местах прослеживались рассыпающиеся при расчистке горизонтально расположенные прутья шириной 0,5—0,75 см. У верхнего края котлов с двух противоположных концов и внутри на дне были обнаружены фрагменты дерева шириной около 5 см,

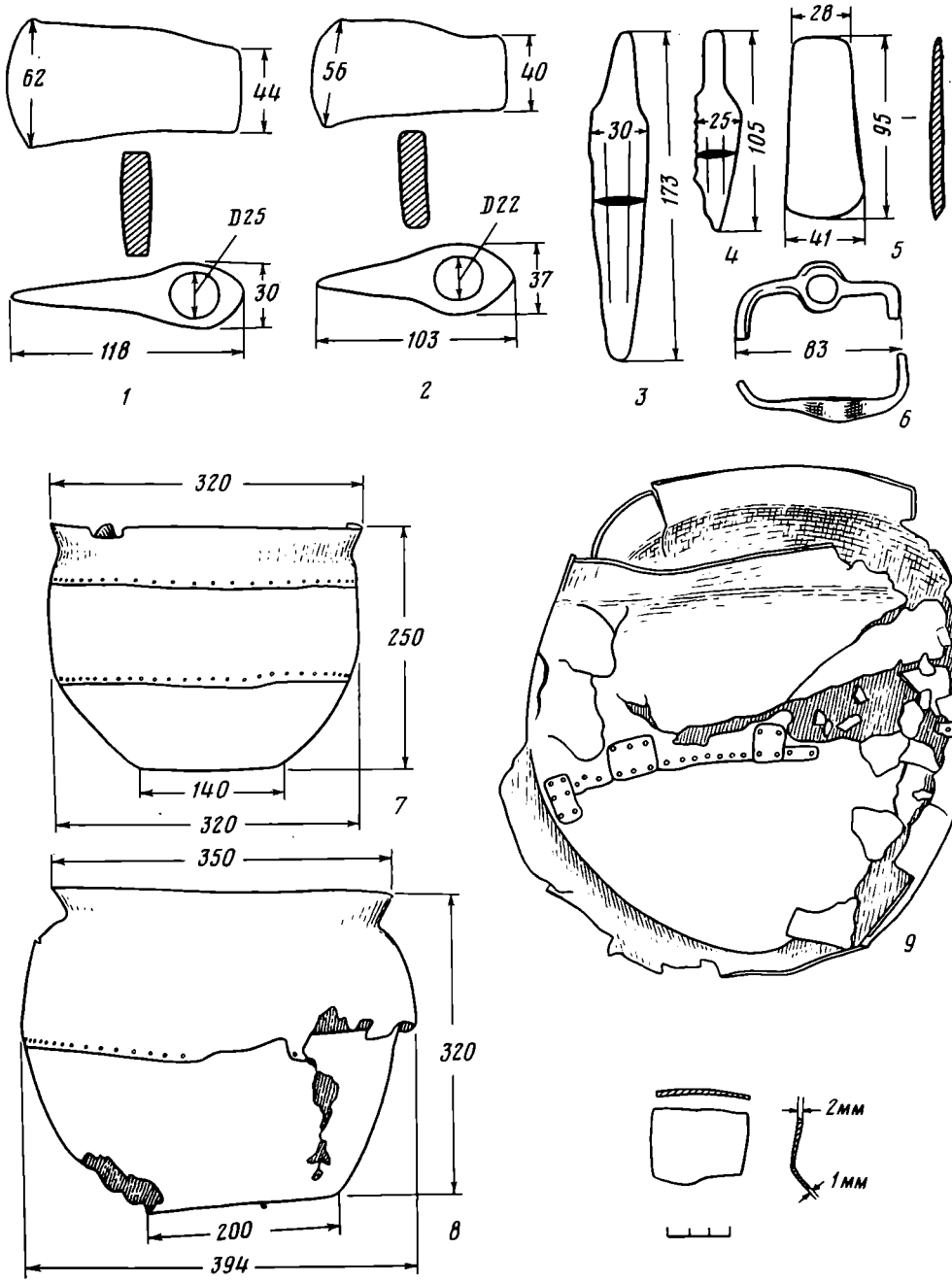


Рис. 9. Бронзовые изделия из центральной могилы

по-видимому, от примитивных ручек — палок. Котлы, как и сосуды, были раздавлены упавшим перекрытием. Больший из котлов упал и накрыл ряд предметов, положенных около него. Под ним оказались два бронзовых топора (рис. 8, *5*, *6*), бронзовое тесло (рис. 8, *3*), бронзовый вилообразный предмет (рис. 8, *11*) и костяной вток (рис. 8, *12*), вероятно, от рукоятки этого предмета.

Центральная часть дна могилы была покрыта циновкой, сплетенной из растительных волокон прямым плетением, и густо засыпана суриком (рис. 5, *2*). После ограбления в этой части могилы найдены только отдельные разрозненные кости взрослого человека, фрагмент челюсти лошади и некоторые вещи. Только небольшой участок пола, засыпанного суриком, к западу от сосудов, по-видимому, остался нетронутым. Здесь в ногах человека (очень плохо сохранившиеся части берцовых костей и костей плюсны, лежащих как будто in situ) расчищено очень любопытное скопление предметов (рис. 1, *5*). Его составили: четыре крупных

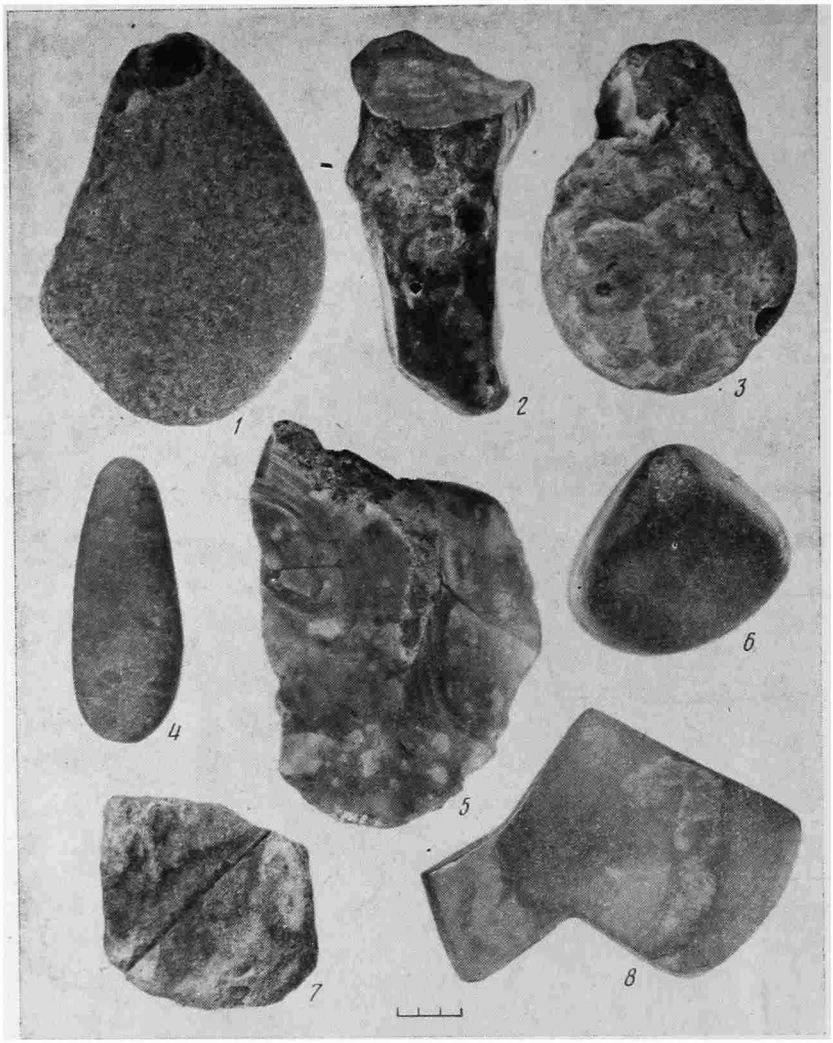


Рис. 10. Кремневые заготовки и каменные предметы из центральной могилы

кремневых желвака (рис. 10, *1—3*, *5*), три из них в корке, но имеющие по одному сколу, и один почти без корки, от которого уже неоднократно откалывались куски; разбитая пополам песчаниковая плитка с углублением в центре с одной стороны (рис. 10, *7*), служившая, вероятно, для растирания; каменные терочник округло-конусовидной формы (рис. 10, *6*) и оселок овальной формы (рис. 10, *4*). Кроме того, тут же лежали девять роговых палочек и три роговых молоточка (рис. 11). В 2 м к юго-западу от этого скопления была найдена раздавленная сероглиняная миска, сделанная на гончарном круге (рис. 5, *2;* 6, *4*). С одной стороны ее была положена костяная заостренная палочка (рис. 6, *2*), а с другой — кремневый скол (рис. 6, *3*). Эти предметы, по-видимому, также находились in situ. Остальные вещи были сдвинуты со своего первоначального места. Так, в западной части могилы в куче (рис. 5, *2*) лежали два бронзовых кинжала (рис. 8, *1*, *2*), обрывки серебряной фольги (рис. 8, *9*), кремневые нож и девять наконечников стрел (рис. 8, *4*), золотые бусы (рис. 8, *8б*) и каменный предмет топорообразной формы с углублением в центре (рис. 10, *8*).

В центральной части могилы к востоку и юго-востоку от этого скопления найдены серебряное шильце (рис. 8, *10*), мелкие золотые бусы (рис. 8, *8а*) и пастовый бисер, лежавший вразброс и низками в несколько рядов (рис. 8, *7*).

Судя по расположению вещей и отдельных костей человеческого скелета, погребенный скорее всего был положен скорченно, головой на

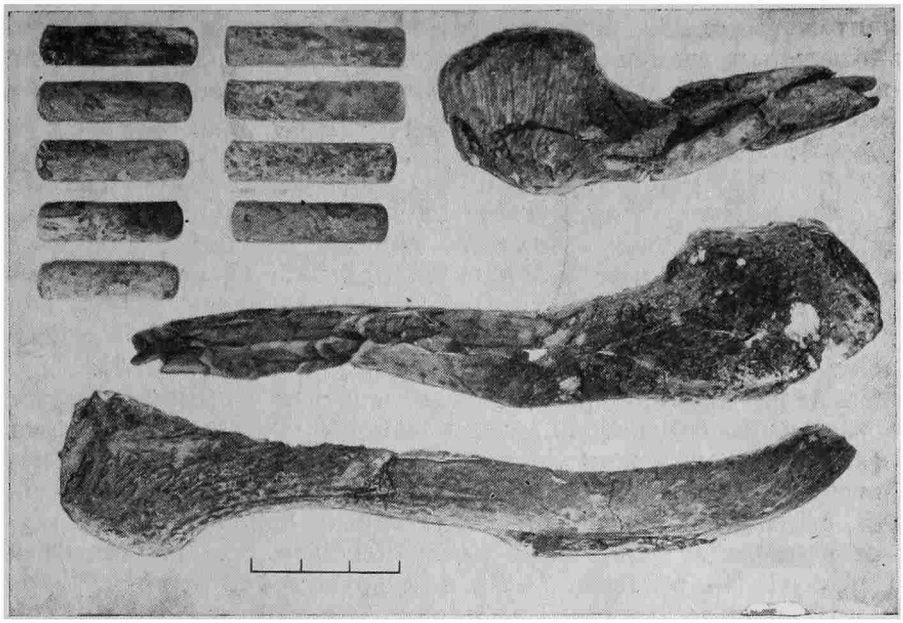


Рис. 11. Роговые предметы из центральной могилы

юг или юго-запад. Коротко остановимся на характеристике погребального инвентаря.

Набор глиняной посуды, обнаруженной в погребении, состоял из семи крупных горшковидных сосудов и двух мисок. Крупные сосуды сделаны без помощи гончарного круга из хорошо промешанной глины без искусственных примесей и имеют заглаженную поверхность розоватого или кирпичного цвета. Четыре сосуда (рис. 7, *2—5*) имеют шаровидное тулово, относительно небольшое уплощенное дно и короткое воронковидное горло с отогнутым или ровным венчиком. По плечикам и тулову всех этих сосудов широкой полосой нанесен пролощенный орнамент. В одном случае (рис. 7, *4*) это расположенные под острым углом друг к другу группы параллельных линий, свободное треугольное пространство между которыми заполнялось зигзагообразными линиями. В других случаях (рис. 7, *2*, *3*, *5*) на стенках удалось проследить только элементы орнамента (рис. 6, *6—9*), состоящие из елочки, косой сетки, заштрихованных полос. Пятый сосуд (рис. 6, *10*) имел реповидное тулово, узкое дно и цилиндрическое горло с отогнутым наружу венчиком.

На плечики и верхнюю часть тулова этого сосуда нанесен пролощенный орнамент, разделенный горизонтальной полосой на две зоны, каждая из которых образована расположенными под углом друг к другу группами полос, создающими видимость заштрихованных треугольников. Горло сосуда орнаментировано частыми вертикальными полосами и одной горизонтальной у его основания, прочерченными по сырой глине. Шестой сосуд (рис. 7, *6*) имеет яйцевидное тулово, маленькое дно и воронковидное устье. Форму седьмого сосуда восстановить не удается. Все найденные в погребении горшки крупные, высота их варьирует от 45 до 60 см, наибольший диаметр тулова от 42 до 52 см.

Лепная миска имеет полусферическую форму, уплощенное дно и загнутый внутрь край (рис. 6, *5*). Она слеплена довольно грубо из серовато-черной глины без заметных примесей.

Весь набор посуды находит аналогии в керамике могильника Чегем II и Бамутских курганов терского ареала майкопской культуры [2, с. 286 и сл., рис. 64, *19*, *20*, *24*, *65*, *66*, *69*]. Отличительной особенностью иноземцевской посуды является наличие пролощенного орнамента, до сих пор не отмечавшегося никем из исследователей на майкопской керамике.

Возможно, подобный орнамент был обнаружен на сосуде из кургана 29 у с. Чегем I, украшенном по тулову «вдавленным криволинейным

орнаментом» [2, с. 280, 281, рис. 61, *20*]. Кроме того, мы находим аналогии отдельным элементам орнаментальных схем среди инвентаря погребений майкопской культуры как в керамике с прочерченным орнаментом [2, с. 244, рис. 64, *24*], так и в узорах на металле [2, с. 250, рис. 53, *2*], в резьбе по камню [2, с. 268, рис. 59, *3*, *6*] и на тканях [3, с. 16, рис. 7]. Достаточно необычной является и сероглиняная мисочка (рис. 6, *4*), сделанная на гончарном круге, следы которого в виде строго горизонтальных концентрических полос отчетливо видны на ее верхней части. Миска имеет четко профилированный отогнутый наружу венчик и резкое ребро на переходе к донной округлой части. Наиболее близкую аналогию этой форме мы находим только среди металлической посуды Майкопского кургана [2, рис. 35, *2*].

Изделия из кремня представлены девятью асимметричными наконечниками стрел со скошенным основанием и пильчатой ретушью по краю (рис. 8, *4*) и ножом листовидной формы, один край у которого дугообразный, второй почти прямой (рис. 8, *4*). Вся поверхность ножа покрыта струйчатой ретушью. Аналогичные наконечники стрел были найдены в курганах у станицы Костромской [4, с. 16, рис. 61 и 62], у с. Чегем II [2, рис. 64, *2—9*] и в других памятниках [5, с. 170, 171] майкопской культуры. Несомненно, особый интерес представляет уникальный набор каменных и роговых предметов, положенный в ногах погребенного (рис. 10, *1—7*, *11*). Ничего подобного не было встречено ни в одном погребении майкопской культуры. Сочетание предметов для обработки каких-то материалов (оселок, плитка для растирания, терочник, возможно, и роговые молотки) с запасами кремня скорее всего говорят о производственной деятельности погребенного. Бусы сделаны либо из мелкого пастового бисера (рис. 8, *7*), либо из золота (рис. 8, *8а*). Первые имеют цилиндрическую форму при средних размерах 1,5—2×2 мм, цвет их утрачен вследствие плохой сохранности. 26 золотых бусин бочонковидной и округло-цилиндрической формы имеют уплощенные участки наружной поверхности со слабо выраженными гранями от ударов при окончательной доработке. Все золотые бусы — литые. Длина бусин 2—3 мм. Другие 13 бусин имели уплощенно-шаровидную форму, их диаметры 4—5 мм, высота 4 мм. Пастовые бусы иноземцевского кургана аналогичны бусам из кургана у станицы Костромской [3, с. 41, табл. XXIII], где их найдено более 500 штук, золотые же бусы аналогичных форм являются наиболее широко распространенным типом бус в майкопских памятниках [2, с. 243, рис. 47, с. 272, 273, рис. 60, *2*, *3*, с. 225]. Обрывки серебряной фольги имели вид ленты шириной 1,5 см или ленты шириной 1 см с дырочками для нашивания по краям (рис. 8, *9*). Серебряное шильце длиной 5,4 см имело четырехугольное сечение, один конец его заострен (рис. 8, *10*).

Бронзовых предметов в погребении было найдено девять; два ножа-кинжала, два втульчатых топора, три котла, вилка и тесло (рис. 8, *1—3*, *5*, *6*, *11*, *13*, *14*). Следует отметить следы обмотки лентой в верхней части тесла и отпечатки рукояток с выделенным перекрестьем на ножах-кинжалах. В лаборатории ИА АН СССР методом спектрального анализа был изучен состав металла восьми предметов (таблица). Топоры, тесло и ножи-кинжалы были изготовлены из мышьяково-никелевой бронзы так называемой I майкопской группы. Остальные предметы (вилка и два котла, № 1, 2) были отлиты из мышьяковой бронзы так называемой II майкопской группы. Оба эти вида металла в эпоху ранней бронзы широко использовались на Кавказе литейщиками майкопских племен. Но в данном комплексе обращает на себя внимание преобладание изделий из мышьяково-никелевых бронз. В целом весь набор металлического инвентаря иноземцевского погребения весьма типичен для памятников майкопской культуры. Два ножа-кинжала с узким лезвием, тесло со скошенным на угол острием, втульчатая вилка, отлитые в брюшко топоры, относящиеся к самому распространенному типу майкопских орудий этой категории — группе 2, находят многочисленные аналогии в памятниках раннебронзовых племен предгорий Кавказа [2, с. 247,

рис. 50; с. 249, рис. 52; с. 250, рис. 53; с. 254, рис. 56; 6, с. 20, рис. 6]. Бронзовые топоры были подвергнуты металлографическому исследованию, проведенному Н. В. Рындиной[4]. По ее заключению, меньший топор (рис. 8, *5*) после отливки был подвергнут проковке. Скорее всего она велась вгорячую. Особенно тщательной завершающей доработке подвергнута лезвийная часть орудия. В целом же проковка была связана с удалением пороков литья и не сопровождалась сильным обжатием металла, судя по наличию в структуре остаточных дендритов, литейных пор (ан. 636). Другой топор (ан. 637) также был подвергнут ковке после отливки. Ковка сопровождалась сильным обжатием металла и была направлена на выравнивание усадочной раковины изделия. Менее существенной доработке подвергалась обушная часть орудия. Ковке предшествовал длительный высокотемпературный нагрев заготовки изделия. Причем ее остывание после выдержки при этой температуре было замедленным (скажем, остывание вместе с горном, в котором велся нагрев). Заключительная проковка была начата, когда температура металла приблизилась к порогу его рекристаллизации (300—350°), и закончена уже вхолодную. При таком отжиге бронза становилась мягкой, пластичной, хорошо деформирующейся как в горячем, так и в холодном состоянии. Все это говорит о большом мастерстве и опыте литейщика, изготовлявшего топор.

Самой интересной находкой среди бронзовой утвари, безусловно, являются три котла. Они имеют шаровидное тулово. Два из них сохранили приближенные очертания форм, третий сильно деформирован. Уцелевшие котлы имеют одинаковую конфигурацию: сферическое тулово с плоским дном, аккуратно отогнутый венчик под углом примерно 28°. Один котел (№ 1) изготовлен из трех частей, соединенных заклепками (рис. 9, *7*), другой (№ 2) — из двух, скрепленных таким же способом (рис. 9, *8*). Венчик его при этом равномерно отогнут наружу. Его края неровные, но тщательно заглаженные. В донце заметно небольшое углубление внутрь. Оба котла были весьма вместительной тарой. Емкость первого из них можно приближенно подсчитать, используя

Шифр лаборатории	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
21062	Топор	Осн.		0,03			0,09	0,007	0,75	0,35	0,1		0,01
21063	»	»	0,0005	0,015			0,025	0,015	0,75	0,01	0,1		<0,001
21064	Тесла	»		0,001		0,002	0,025	0,01	5	0,01	1		<0,001
21065	Кинжал	»	0,001	0,01		0,008	0,03	0,003	0,75	0,2	1	0,004	0,001
21066	Лента			Мало		Есть	Осн.			Есть	Мало		Много
21067	Кинжал	»	0,001	0,01		0,004	0,02		1,8	0,2	0,1		0,001–0,003
21068	Котел № 1	»		0,05		0,001	0,04	0,015	1,5	0,01	0,015		<0,001
21069	Котел № 2	»		0,01		0,001	0,02	0,006	0,9	0,01	0,005		0,001–0,003
21070	Вилка	»		0,006		0,001	0,09	0,003	1,5	0,02	0,05		0,001–0,003

[4] Авторы выражают благодарность Н. В. Рындиной за помощь в изучении бронзовых вещей рассматриваемой коллекции.

формулу объема шара, вписанного в размеры сосуда ($V=\frac{1}{6}\pi d^3$, где V объем, d — диаметр, принимаемый за высоту котла, 250 мм). Она будет равна при этом условии 8 177 см³ или приближенно 8 л. Емкость другого котла можно вычислить тем же способом. За диаметр шара, вписанного в фигуру котла, можно принять его высоту 320 мм. Объем сосуда при этом будет равен 17 148 см³, что, грубо говоря, соответствует 17 л. Вместимость третьего деформированного котла, видимо, могла быть еще больше, так как его приближенная ширина по тулову равна 460 мм. Этот сосуд также был сделан из двух половинок, соединенных заклепками. Местами по шву видны металлические заплаты, следы многочисленных починок. Котел давал течь в стыке частей.

Помимо находки бронзовых котлов в кургане у пос. Иноземцево металлическая посуда была найдена еще в 11 комплексах майкопской культуры в количестве около 40 сосудов разнообразных типов: в Майкопском кургане (два золотых, 14 серебряных и один серебряный с золотыми ушками, а также медные чаша, ведерко с дужкой, два котла и раздавленный кувшин), в Старомышастовском кладе (серебряный сосуд), в кургане 1 у ст. Новосвободной (три медных котла и две чаши), в разграбленном кургане у ст. Ярославской (два медных котла), в Бамутском могильнике, в курганах 6 и 14 погр. 1 (по одному медному котлу), в Нальчикской гробнице (два котла из меди), в кургане 5, погр. 3, у с. Чегем I (один медный котел) [2, с. 216—221, 248, 255, 292, 301, 278, 274], в дольмене у с. Кишпек (один медный котел) [7, с. 21, рис. 6, *1*], в кургане у аула Кубина в Карачаево-Черкесии (один медный котел) [8, с. 39, рис. 7, *1*]. По конфигурации тулова наиболее близок к иноземцевским котлам маленький серебряный сосуд из Майкопского кургана с шаровидным туловом и отогнутым наружу венчиком [2, рис. 35, *5*]. Подобный тип металлической посуды был особенно близок керамике майкопской культуры, имеющей те же формы [2, с. 235, рис. 45]. Видимо, майкопские кузнецы старались изготовлять свою посуду наподобие привычного в употреблении глиняного горшка.

Металлическая посуда майкопской культуры древнейшая на Кавказе. Независимо от особенностей конфигурации и рода материала вся она обладает рядом черт, по которым мы можем судить об общей технике ее изготовления. Они включают строгую симметрию котлов, кубков, чаш относительно центральной оси сосуда, сферические круглые формы, в отдельных случаях с острорельефными переходами к венчику или от дна к тулову, чистую отделку поверхности, отсутствие каких-либо литейных швов или вертикальных швов скрепления. Лишь иноземцевские котлы отличаются тем, что изготовлены из двух-трех сферических частей, соединенных горизонтально заклепками и при этом точно подогнанных друг к другу. Мало вероятно, чтобы они отливались в специальных формах-опоках. Стенки котлов очень тонкие, около 1 мм, к примеру, у иноземцевских, майкопских, нальчикского котлов. Версия о выколотке из целого листа также не подходит, поскольку ею невозможно добиться такой строгой симметрии, геометрически правильных линий окружности, острорельефных переходов. Нет и явных следов удара молотка на поверхности. В. Ф. Баркая и Ф. Н. Тавадзе при анализе замечательных кубков из Триалети открыли способ изготовления металлической посуды методом давления по оправке на специальном станке [9, с. 361—367). Признаки такого способа совпадают с характерными общими чертами майкопских древностей. Металлографический анализ одного из иноземцевских котлов, произведенный Н. В. Рындиной (ан. 643), обнаружил структуру с сильно вытянутыми дендритами. На их фоне были видны различные полиэдрические кристаллы и двойники средней величины. Внутри кристаллов местами прослеживались многочисленные линии сдвигов. В то же время эта часть котла не сопровождалась сильным обжатием. Следов выколотки незаметно. По нашему мнению, структурный анализ подтверждает использование давильного процесса при изготовлении изделия. Другим свидетельством в пользу такого толкования способа производства служит постепенное нарастание толщи-

ны металлического листа (от 1 до 2 мм) в местах острорельефных переходов от тулова к венчику (рис. 9, *10*). Это свойство является одним из характерных признаков давильного процесса, по определению Ф. Н. Тавадзе и В. Ф. Баркая. Таким образом, давильный способ является наиболее вероятным в изготовлении майкопской металлической посуды. Он хорошо объясняет все ее особенности и устройство иноземцевских котлов, составленных из двух-трех точно подогнанных частей, каждая из которых была изготовлена отдельно и затем соединена заклепками по горизонтальным швам. Углубления в донце котлов, как и на новосвободненской посуде, котлах из Нальчикской гробницы, Кишпекского дольмена, могли служить местом зажима заготовки в станке. Оправка (модель) могла быть деревянной. Форма сосудов или их частей видимо выдавливалась специальным давильником из целого листа меди необходимых размеров, который первоначально должен был быть отлит и прокован. Древнейший токарный станок майкопских умельцев не был единственным механизмом в их обществе. Другим являлся гончарный круг, на котором изготовлялась великолепная керамика [10, с. 14—22]. Эти достижения техники мастеров раннего бронзового века Предкавказья подчеркивают высокое развитие производительных сил майкопских племен на заре бронзового века Кавказа и Европы.

Процесс изготовления майкопской посуды сам по себе был чрезвычайно сложен. Он требовал больших знаний и навыка. Например, для создания одного котла емкостью в 1,5 ведра медник с. Кубачи в Дагестане тратил 8 дней летом и 12 — зимой. При наличии листовой меди времени уходило меньше [11, с. 64]. Можно предположить, что бронзовые котлы были одними из самых дорогих вещей, изготовляемых майкопскими кузнецами, судя по затраченному труду и израсходованному объему металла. Котлы не были доступны всем. Погребения с ними довольно редки. Скорее всего они изготовлялись на заказ определенному лицу. За пределы расселения майкопских племен они не продавались. Помимо комплексов майкопской культуры, они нигде не обнаружены.

Бронзовые котлы майкопских племен, вероятно, выходили из рук особых специалистов-медников и были одним из наиболее ярких проявлений родового ремесленного производства майкопских кузнецов.

Погребение майкопской культуры в кургане у пос. Иноземцево, несмотря на частичное ограбление, входит по количеству и ассортименту бронзовых вещей в число самых богатых захоронений племен раннего бронзового века Предкавказья, которые характеризуются помещением в могилу нескольких экземпляров металлической посуды вместе с другой погребальной утварью и драгоценностями, таких, как Майкопский курган, Новосвободненские дольмены, Нальчикская гробница, разрушенный курган в ст. Ярославской. Насыпи над этими захоронениями огромны и отражают колоссальные затраты труда родовых коллективов.

Такие же внушительные размеры насыпи имел и курган у пос. Иноземцево. Его основное погребение по типам глиняной посуды, как уже отмечалось выше, тяготеет к кругу восточных, терских памятников майкопской культуры. По этим признакам оно отличается от прикубанских групп Майкопского кургана и дольменов у ст. Новосвободной, выделенных Д. А. Иессеном [5, с. 162—164]. Найденная в нем бронзовая утварь представлена наиболее массовыми формами орудий майкопского региона металлообработки более близких вещам из новосвободненских памятников, за исключением своеобразных котлов.

Исходя из периодизации Р. М. Мунчаева, погребальный ритуал кургана характеризуется как ранними, так и поздними чертами. К признакам ранней группы можно отнести устройство самой могильной ямы (глубокая, обширная групповая яма с камышовой (?) подстилкой на дне, перекрытая деревом и камышом), к признакам поздней группы — устройство насыпи (каменная наброска, курган над могилой, каменные обкладки промежуточных слоев насыпи) [2, с. 310—316]. Поэтому в настоящее время мы не можем с достаточной уверенностью отнести погребение в публикуемом кургане к определенному этапу раннего бронзового века

Предкавказья, тем более что обнаруженный в нем инвентарь может отражать локальные особенности майкопских памятников терского ареала, Отмеченные выше признаки погребального ритуала могут характеризовать как хронологические особенности, так и особое положение погребенного в нем лица.

Остатки утвари, и прежде всего металлические предметы, позволяют предположить, что Иноземцевский курган был сооружен над могилой весьма состоятельного соплеменника «майкопцев». При жизни, вероятно, он был вождем или во всяком случае лицом, почитаемым особо, чем можно объяснить огромные затраты человеческого труда в дань покойному. Вместе с тем погребенный был воином, возможно, жрецом, судя по набору оружия (кинжалов, топоров) и загадочных костяных палочек. В его обязанности при жизни, вероятно, входило устройство больших родовых трапез, о чем говорят вместительная керамическая тара и особенно дорогая бронзовая посуда, вилка для вынимания мяса из котлов. В то же время он был связан прямо или косвенно с производственной сферой, поскольку в могиле было обнаружено бронзовое тесло-резец, специализированный инструмент мастера деревообработки, а также набор предметов, указывающий на другие виды производственной деятельности, возможно, обработку кремня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Глушков Л. Н.* Отчет об археологических разведках по Ставропольскому краю в 1953—1955 гг.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1229.
2. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
3. *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной.— Тр. ГИМ, 1963, вып. 34.
4. ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
5. *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов».— СА, 1950, XII.
6. *Кореневский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры.— СА, 1974, № 3.
7. *Чеченов И. М.* Богатые захоронения раннего бронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
8. *Биджиев Х. Х.* Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
9. *Тавадзе Ф. Н., Баркая В. Ф.* Из истории обработки металла давлением по археологическим материалам Грузии.— СА, 1954, XX.
10. *Бобринский А. А., Мунчаев Р. М.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе.— КСИА АН СССР, 1966, № 108.
11. *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура.— ТИЭ, 1949, т. VIII.

S. N. Korenevsky, V. G. Petrenko

A MAIKOP-CULTURE MOUND AT INOZEMTSEVO

Summary

The authors publish materials from a Maikop-culture mound at Inozemtsevo in the Stavropol Area. Its primary burial is dated to the early Bronze Age, while the secondary burials are dated to the mid-Bronze Age and the Moslem period. The primary burial was robbed, the remaining objects are pottery of the eastern (Terek) region of the Maikop culture monuments type and bronze vessels characteristic of Maikop tribes both in their chemical composition (they are made of arsenic and arsenic-nickeliferous bronze) and the technology of production. There were also found some somewhat different cauldrons pressed out on a special machine-tool like all other Maikop vessels but made of two or three riverted parts. Precious metals are represented by gold beads, silver bands and an awl. Interesting bone and stone objects were also found.

The position of the primary burial and the presence of the mound point to a high position (a chief, a famous warrior or a priest) of the buried and his wealth, while the burial furniture points to his connection with the sphere of production.

МОГИЛЬНИКОВ В. А., КУЙБЫШЕВ А. В.

КУРГАНЫ «КАМЕНЬ II» (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)

по раскопкам 1976 г.

Проведенные в последние годы исследования археологических памятников в лесостепной части Верхнего Приобья, а также в Кулундинской степи [1, с. 222, 223; 2, с. 262, 263] позволяют по-новому взглянуть на этнокультурную карту междуречья Верхней Оби и Иртыша, существенно меняют представления о большереченской культуре [3, с. 44 сл.], которая претерпевает значительные изменения во второй половине I тысячелетия до н. э. в результате интенсивных воздействий с запада и юго-запада. Большой новый материал, полученный в ходе раскопок, остается пока в основном неизданным. Предлагаемая публикация частично восполняет этот пробел.

Курганный могильник Камень II расположен на коренной террасе левого берега р. Оби, возвышающейся над поймой на 18—20 м, в 3 км к ССВ от г. Камень-на-Оби Алтайского края, слева от тракта из г. Камень в Барнаул (рис. 1). С юга край террасы, на которой находится могильник, рассечен оврагом, заросшим березняком, а с севера отлого спускается к г. Камню, восточный ее край сначала отлого, а затем более крутым увалом обрывается к широкой пойме Оби, занятой заливными лугами, мелкими озерами и болотами.

Всего на памятнике выявлено и исследовано 26 курганов, в том числе 12 курганов раскопано в 1974—1975 гг. и 14 — в 1976 г. В прошлом общее число курганов здесь было больше; площадь памятника давно распахивается, и часть насыпей снивелировалась. Курганы стоят на поверхности без строго определенного порядка, хотя можно усмотреть отдельные группы-цепочки, ориентированные в общем направлении перпендикулярно краю террасы (рис. 1).

Насыпи всех 14 курганов, раскопанных в 1976 г., были распаханы и выделялись на темном фоне чернозема пахоты более светлыми суглинистыми возвышениями. Раскопки курганов производились на снос половинками, разделенными бровкой, ориентированной С—Ю. Все курганные насыпи имели округлую форму. Курган 13 относится к VIII—IX вв., остальные — к раннему железному веку. В данной статье остановимся на характеристике курганов эпохи раннего железа.

Курган 14, диаметр 10, высота 0,15 м. Под восточной полой выявлен ровик дугообразной формы шириной 25—30, глубиной 25—35 см, проходивший в 3,5 м от условного центра кургана. Под курганом находилось одно погребение в прямоугольной яме размером 2,7×1,5 м, глубиной 2 м[1], ориентированной с запада на восток. Стенки ямы вертикальные, дно плоское. На дне ямы помещался сруб, обкладка в один венец из сосновых плах, торцы которых срезаны «на угол». Размер сруба 2,4×1,3 м, высота 0,25 м. Поверх сруба устроено перекрытие из уложенных поперек сосновых досок, на которых сверху навален накат из семи рядов сосновых бревен. Между рядами бревен засыпка из речного песка. Верхний ряд бревен лежал на глубине 1 м. Покойник уложен в срубе на спине вытянуто, головой на запад, руки слегка согнуты в локтях и лежали вдоль туловища. Ноги вытянуты, стопы — пятками вместе, носками врозь. На костяке следы меловой подсыпки и растительного тлена. В изголовье, в юго-западном углу сруба, стояло деревянное блюдо раз-

[1] Глубины указаны от уровня 0 — наивысшей точки насыпи.

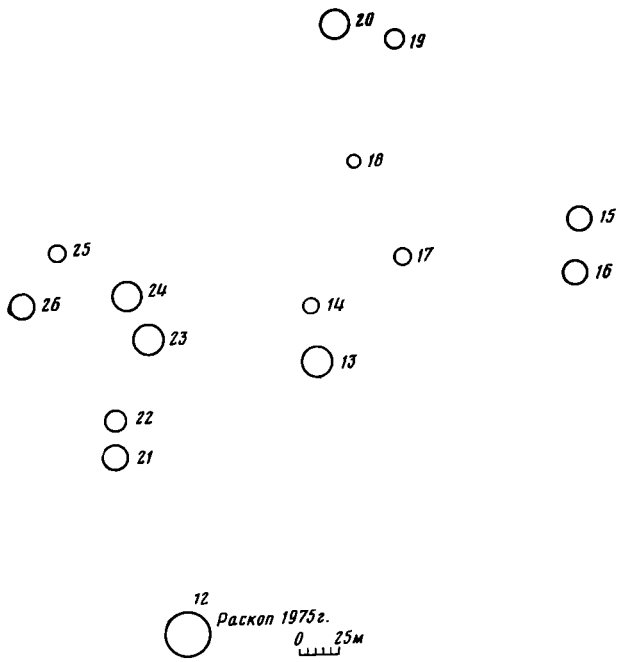


Рис. 1. Камень II. План группы курганов, раскопанных в 1976 г.

мером 50×30 см, подпрямоугольной формы, с закругленными углами и невысоким бортиком, сохранившееся фрагментарно (рис. 2, *1*). На блюде в анатомическом порядке лежали ребра лошади и кости ног барана. На конских ребрах лежал железный нож (рис. 2, *2*). В 40 см от черепа к северу находилось шесть астрагалов овцы.

Курган 15, диаметр 18, высота 0,31 м. Под насыпью вскрыто шесть погребений.

Погребение 1, мужчина, 30—35 лет[2], находилось у восточного края кургана в нижнем горизонте погребенной почвы, около уровня материка, на глубине 0,85 м от 0 (рис. 3). Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на север, лицо повернуто на восток. Ноги и руки вытянуты вдоль туловища. В 10 см к востоку от черепа лежали ребра, тазовая кость и позвонки барана.

Погребение 2, детское (7—8 лет), находилось в 4,4 м к востоку от центра кургана, на глубине 1,1 м. Границы могильной ямы в южной и восточной части четко не прослеживались. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на юг, лицом на запад. Справа таза — кости ног и ребро барана.

Погребение 3, детское (около 7 лет), располагалось в северо-западном секторе кургана, в прямоугольной яме размером 1,45×0,7 м, глубиной 1,4 м, ориентированной ССВ—ЮЮЗ. В придонной части ямы находилась обкладка из четырех сосновых досок шириной 15—16 см. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на ССВ. Носки стоп обращены на ЮЮЗ. На тазовых костях лежал плоский округлый необработанный камень. Костяк и дно ямы засыпаны меловой крошкой. У правой берцовой кости — галька.

Погребение 4 находилось под юго-западной полой кургана в подпрямоугольной могильной яме размером 3,4×2,1 м, глубиной 2,87 м, ориентированной ССЗ—ЮЮВ (рис. 3). На высоте 0,55 м от дна ямы по периметру ямы проходила ступенька шириной 15—25 см, на которую уложены плахи поперечного перекрытия погребальной камеры. В придонной части ямы устроен сруб в один венец из сосновых плах шириной до 40 см. В юго-восточном углу сруба в беспорядке лежали кости человека. Судя по сохранившимся в первоначальном положении берцовым костям

[2] Определения В. А. Дремова, Томский университет.

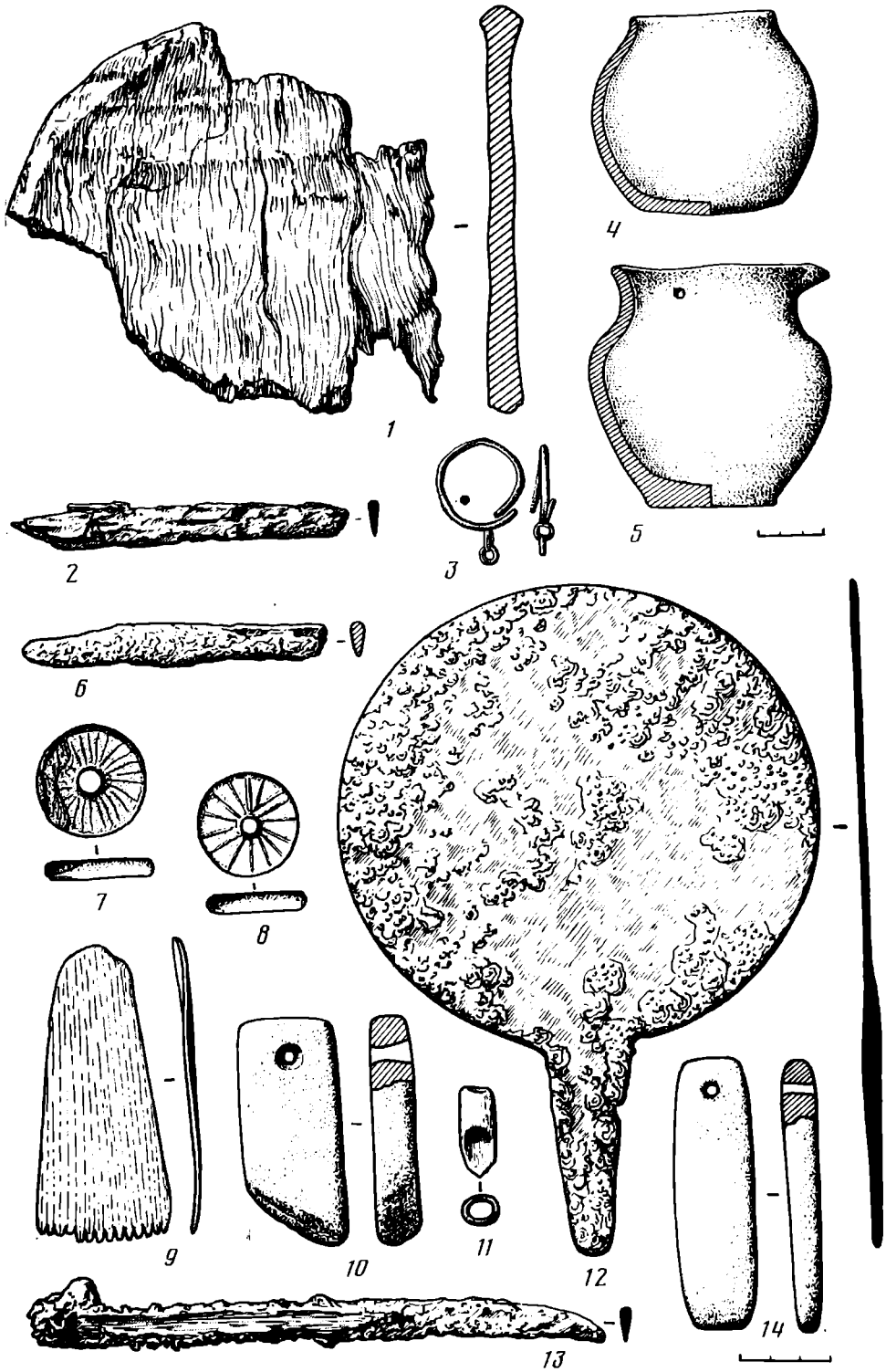


Рис. 2. *1*, *2* — кург. 14; *3—5*, *12—14* — кург. 15, погр. 4; *6* — кург. 17, погр. 1; *7* — кург. 23, погр. 4; *8* — кург. 16, погр. 4; *9* — кург. 18, погр. 1; *10*, *11* — кург. 16, погр. 5. *1* — дерево; *2*, *6*, *13* — железо; *3* — золото; *4*, *5* — глина; *7*, *8*, *10*, *14* — камень; *9*, *11* — кость; *12* — бронза

и костям стоп, покойник был уложен на спине вытянуто, головой на ССЗ, левая нога слегка согнута в колене. Слева в изголовье, в северо-западном углу сруба, помещались круглое бронзовое зеркало с ручкой (рис. 2, *12*), железный нож (рис. 2, *13*), оселок с отверстием для подвешивания (рис. 2, *14*), глиняный сосуд (рис. 2, *5*). Второй глиняный сосуд находился слева в погах (рис. 2, *4*). Около углов сруба в изго-

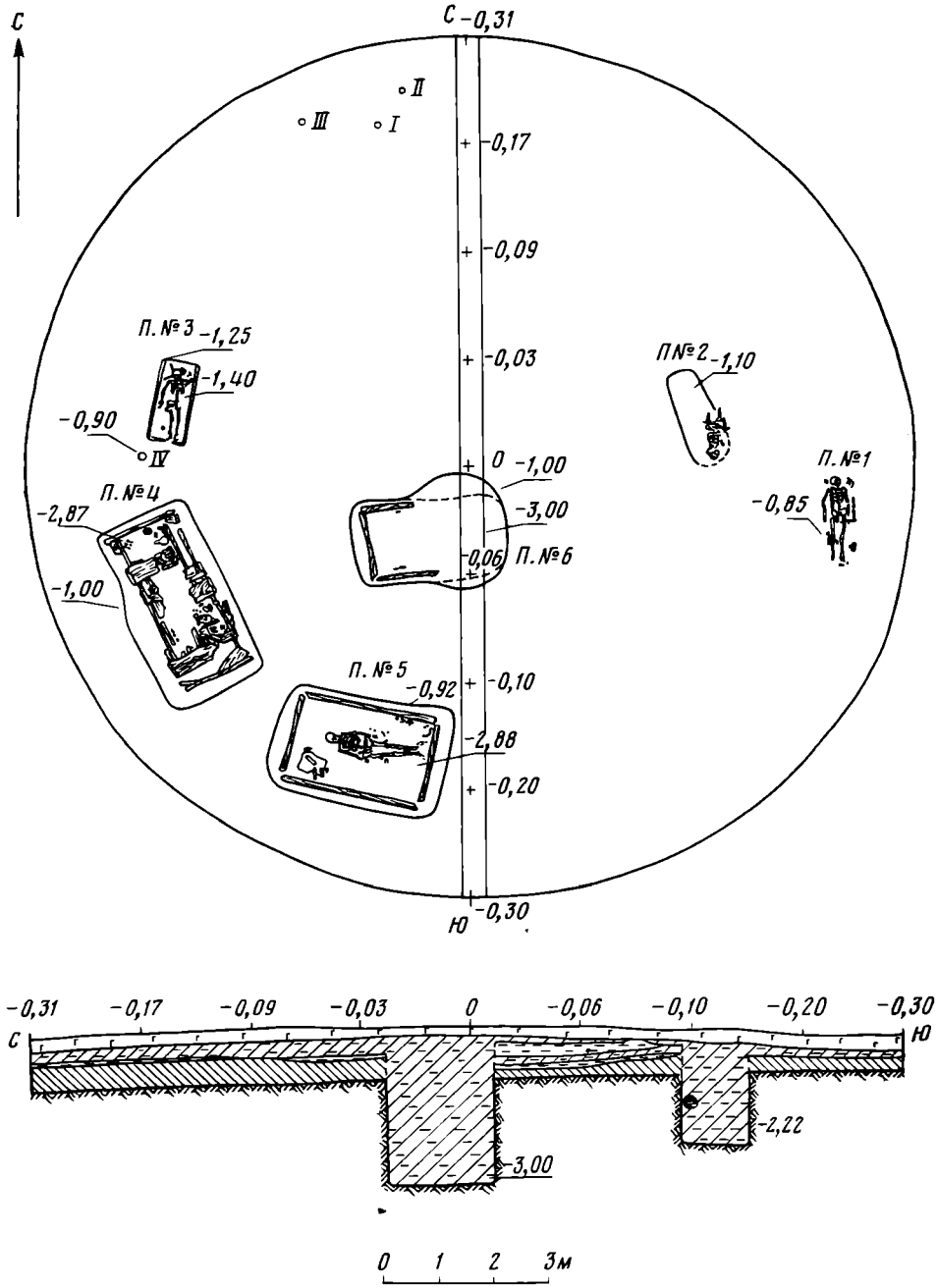


Рис. 3. Камень II, кург. 15, план и профиль

ловье справа и в ногах слева лежали кости барана. В перемещенном положении найдены фрагмент корродированного неопределенного железного предмета, необработанный кусок камня, дисковидное каменное пряслице, а в левом ушном углублении черепа — золотая серьга в 1¹/₄ оборота спирали с кольцевидным приемником (рис. 2, *3*).

Около стоп прослеживались следы охры, а на дне ямы встречались фрагменты сосновой коры, возможно, от подстилки под погребенным.

Погребение 5, мужчина 30—35 лет, располагалось под ЮЮЗ полой кургана, в прямоугольной могильной яме с округленными углами, размером 3,15×1,95 м, глубиной 2,82—2,88 м, ориентированной ЗСЗ—ВЮВ (рис. 3). На дне ямы установлен сруб в два венца высотой 0,63—0,69 м из сосновых плах, соединенных шпонками, а по углам — зарубками в четверть. Внутренние размеры сруба 2,46×1,55 м. На уровне верха сруба по периметру ямы шла материковая ступенька шириной 5—10 см, на которую уложены поперек ямы концы сосновых плах, накрывавших

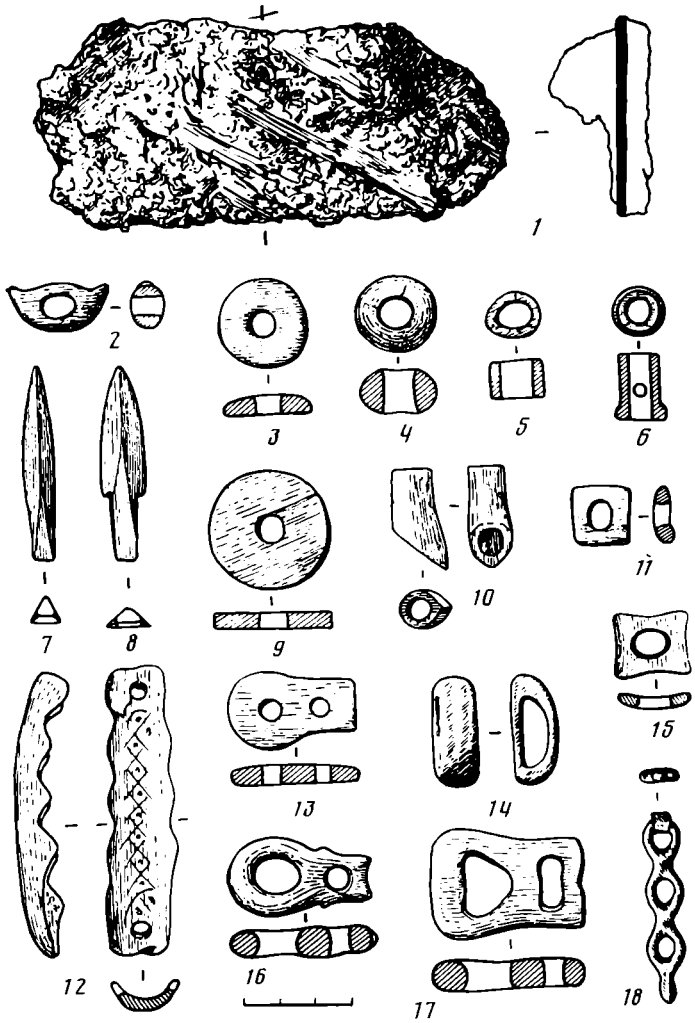


Рис. 4. Кург. 15, погр. 5. *1* — железо, бляха от пояса; *2—17* — кость; *18* — бронза

погребальную камеру. Вдоль южной стенки ямы поверх плах положено два бревна. На перекрытии в средней части найдены три речных раковины и фрагмент глиняного сосуда без орнамента, а в юго-западном углу — остатки ткани.

Погребенный уложен в срубе на спине вытянуто, головой на запад, с небольшим отклонением к северу. Лицевая часть черепа склонена к груди. Фаланги стоп обращены на восток. На погребенном одет пояс, украшенный раковинами каури и железными пластинами (рис. 4, *1*). Ряд из 30 раковин каури проходил между ребрами и тазовыми костями, а также под позвоночником вдоль пояса. Железные пластины, декорировавшие пояс спереди, лежали поверх позвоночника. Они сильно повреждены коррозией. К поясу справа, рукояткой вниз был подвешен железный чекан (рис. 5, *11*), лежавший под правыми локтевыми костями рядом с тазовой костью и прямоугольной железной поясной бляхой (рис. 4, *1*). Около чекана круглая синяя пастовая бусина. У правого тазобедренного сустава находилась костяная пряжка (рис. 4, *16*), а против правой бедренной кости — группа предметов, состоящая из железной булавки или шила (рис. 5, *3*), бляхи (рис. 5, *6*), костяной пряжки (рис. 4, *13*) и четырех пронизок (рис. 4, *3—6*). Слева к поясу, вероятно, был подвешен оселок, оказавшийся под левой бедренной костью (рис. 5, *2*). Около оселка железная полусферическая бляха (рис. 5, *5*), а вдоль левой бедренной кости бронзовый наконечник ремня (рис. 4, *18*). На левой кисти находилась подквадратная железная бляха и рядом

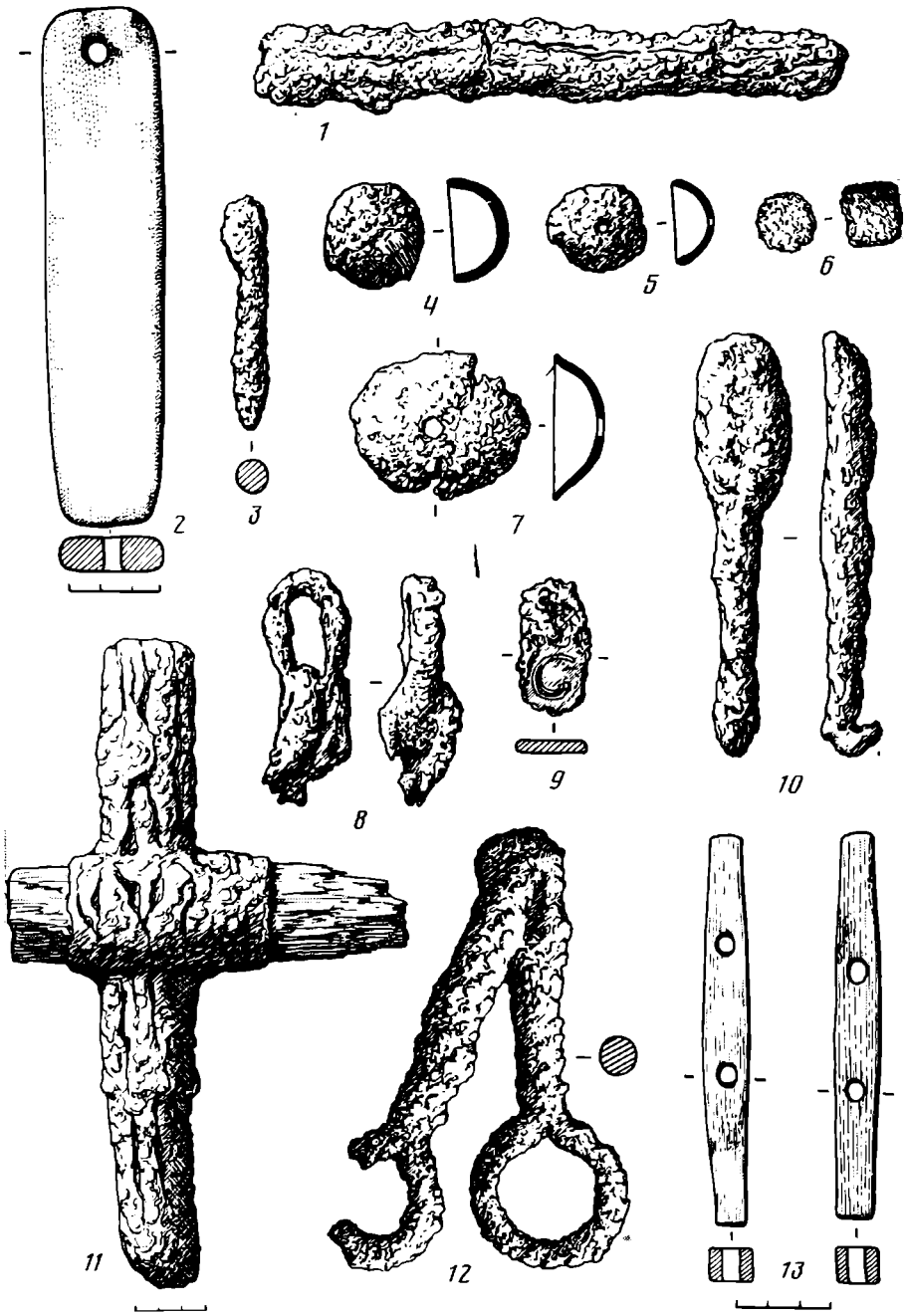


Рис. 5. Кург. 15, погр. 5. *1*, *3*—*8*, *10*, *12* — железо; *2* — камень; *9* — железо, золото; *11* — железо, дерево; *13* — кость

с ней бронзовая обоймочка (рис. 4, *14*) с остатками кожаного ремешка, а между средним и безымянным пальцами — пронизка (рис. 4, *4*). Левее, около кисти, помещались две полусферические железные бляхи (рис. 5, *4*, *7*), а у концов пальцев — железный крючок (рис. 5, *10*), около него — костяные пронизка (рис. 4, *11*) и кружок с отверстием (рис. 4, *3*). Крючок, возможно, был связан с колчаном, положенным, очевидно, слева в ногах, в северо-восточной части сруба. Здесь находились два костяных черешковых наконечника стрел (рис. 4, *7*, *8*), лежавшие жалами к ногам, а также черешок от такого наконечника и скопление коррозированных железных предметов, вероятно, черешковых наконечников стрел. Тут же находилась железная пластинка с золотой инкрустацией в виде спирали (рис. 5, *9*) и железный предмет вроде крючка или обоймы (рис. 5, *8*), а также костяные пряжка (рис. 4, *17*)

и диск с отверстием типа, представленного на рис. 4, *9*. На ноги погребенного положена уздечка, от которой сохранились железные однокольчатые удила с костяными двудырчатыми псалиями (рис. 5, *12*, *13*), лежавшими между берцовыми костями. Деталями уздечки, очевидно, являлись найденные около удил и левого коленного сустава костяной предмет с двумя отверстиями по концам и зубчатым краем, украшенный резной решеткой (рис. 4, *12*), костяные пронизка с кососрезанным концом (рис. 4, *10*), полулунная пронизка (рис. 4, *2*), 11 уплощенно-шаровидных пронизок и дисковидная пронизка типа, представленных на рис. 4, *4* и 4, *3*.

В изголовье справа, в юго-западном углу сруба, находились кости ног маленького барашка, железный нож (рис. 5, *1*), а под ними — остатки прутьев на площади 40×50 см. Возможно, мясо и нож в погребение были положены на плетеном блюде. Между ними и южной стенкой сруба лежал камень без обработки.

Дно ямы около костяка засыпано мелом.

Погребение 6, центральное, находилось в прямоугольной яме размером 2,9×1,6 м, глубиной 3 м, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. На дне ямы устроен сруб в один венец из сосновых плах шириной до 40 см. Поперечные плахи вставлены в пазы продольных плах. Толщина плах до 15 см. Сруб стенками углублен в материковый грунт дна ямы на 5 см. На уровне верха сруба вдоль южной, северной и западной стенок могильной ямы имелись ступеньки шириной 5 см, предназначавшиеся для укрепления на них поперечного деревянного перекрытия, разрушенного грабителями, деформировавшими также восточную половину могилы и выкинувшими костяк. Перекрытие сохранилось частично в западной трети ямы. Оно состояло из сосновых плах, уложенных поперек могилы на ступеньки и продольные стенки сруба. Поверх них был уложен продольный накат из пяти рядов тонких бревен. В восточной половине сруба лежал крестец человека, у северной стенки — кость ноги барана, а в юго-западном углу — железный нож.

Под западной полой кургана, на глубине 0,9 м, между погребениями 3 и 4, находились разрозненные кости детского скелета, представлявшие, вероятно, разрушенное детское погребение 7.

Под северо-западной полой кургана также находились три скопления фрагментов плохо сохранившихся, трудно определимых костей, возможно, остатков тризны.

Курган 16, диаметр 15, высота 0,4 м. Уровень материка находится на глубине 0,9 м от 0. В юго-западном секторе кургана на глубине 35 см обнаружен лепной глиняный круглодонный сосуд кувшиновидной формы. Под курганом вскрыто пять погребений.

Погребение 1, детское (6—8 лет), находилось у северо-западного края кургана, в прямоугольной могильной яме размером 1,7×1,1 м, глубиной 1,6 м. В придонной части на глубине 1,45 м по периметру ямы проходила ступенька шириной до 25 см, на которой лежало перекрытие из одного ряда продольно уложенных березовых бревен и кусков бересты. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на северо-запад, у правого плеча погребенного стоял миниатюрный плоскодонный лепной сосуд баночной формы, украшенный вдоль венчика двумя рядами наколов. У правого колена находился развал второго сосуда кувшиновидной формы с отверстиями для подвешивания и орнаментом из ряда наколов конца палочки по шейке (рис. 6, *4*). У правого и левого висков находилось по бронзовой проволочной серьге (рис. 6, *5*). На верхних ребрах, у позвоночника, лежало 10 зеленых круглых пастовых бусин. Около правого предплечья лежала окатанная галька.

Погребение 2, мужчина 50—60 лет, располагалось рядом с погребением 1 у юго—юго-западного края кургана, в прямоугольной с закругленными углами могильной яме размером 2,2×1,1 м, глубиной 1,65 м, ориентированной ЗСЗ—ВЮВ. На дне ямы вдоль западной и южной стенок сохранились плахи от обкладки или сруба. Погребенный лежал на спине вытянуто головой на запад — северо-запад. У левого локтевого

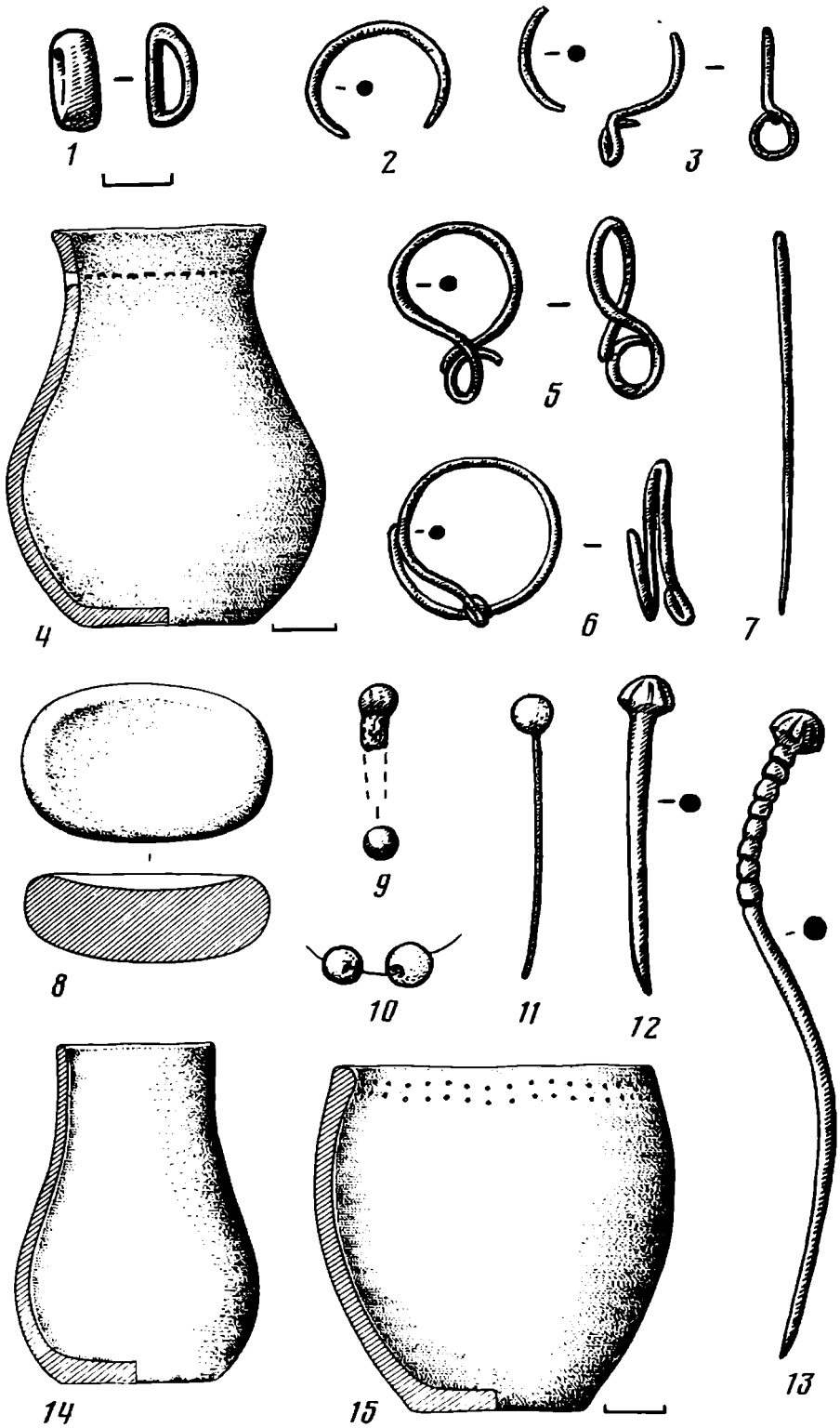


Рис. 6. *1* — кург. 17, погр. 1; *2*, *3* — кург. 19, погр. 1; *4*, *5* — кург. 16, погр. 1; *6*, *8*, *12—15* — кург. 16, погр. 4; *7* — кург. 19, погр. 2; *9* — кург. 25, погр. 2; *10*, *11* — кург. 18, погр. 1. *1—3*, *5—7*, *12*, *13* — бронза; *4*, *14*, *15* — глина; *8* — камень; *9* — железо, бронза; *10* — паста; *11* — бронза, паста

сустава сохранились остатки небольшого, испорченного коррозией железного предмета. Костяк засыпан мелом и сверху перекрыт берестой.

Погребение 3 располагалось под восточной полой кургана, в 2,2 м к востоку от центра, около уровня материка. Контуры могильной ямы нечеткие. Глубина ямы в изголовье 1,2, в ногах 1,05 м. Погребенный

лежал на спине вытянуто, головой на ССЗ. Стопы находились на 15 см выше головы, колени сдвинуты вместе. В 25 см от левого коленного сустава стоял лепной плоскодонный сосуд пиалообразной формы (рис. 7, *3*).

Погребение 4, женское, расположено в северо-западном секторе кургана, в прямоугольной могильной яме размером 2,57×1,57 м, глубиной 2,5 м, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. На высоте 40 см от дна по периметру ямы проходила материковая ступенька шириной 15 см, предназначавшаяся для опоры перекрытия погребения. В придонной части ямы был устроен сруб в один венец из широких (до 40 см) сосновых плах толщиной до 10 см, концы их у стыков срезаны «на угол». Сверху сруб перекрыт поперек сосновыми плахами, на которые уложен продольный накат в три ряда березовых бревен. Под вторым рядом наката лежали еще тонкие ветки березы. Погребенная лежала на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ. Под головой прослеживалась подсыпка из материкового песка. В погребении находились две бронзовых булавки с грибовидным навершием — одна у правого плеча (рис. 6, *12*), другая под левым крылом нижней челюсти (рис. 6, *13*). Под черепом лежала бронзовая проволочная спиралевидная серьга (рис. 6, *6*). У запястья правой руки стояла каменная курильница (рис. 6, *8*). В области левого плеча, на ребрах и в юго-западном углу сруба обнаружено 12 пастовых бусин, а у правой височной кости — еще 8 подобных бусин синего и зеленого цвета, а в районе пояса погребенной встречено 24 аналогичных бусины. В ногах погребенной стояло три глиняных лепных сосуда. Из них два сосуда находились в северо-западном углу сруба. Один из них довольно крупный баночный сосуд тагарского типа с орнаментом из оттисков крупного двузубого штампа вдоль венчика (рис. 6, *15*), второй — плоскодонный кувшиновидный сосуд красноватого цвета (рис. 6, *14*). Третий — плоскодонный маленький сосуд с оббитой горловиной — лежал между правой берцовой костью и стенкой сруба. Между костями левой стопы и восточной стенкой сруба обнаружено пряслице из зеленоватого сланца с резным радиальным орнаментом (рис. 2, *8*).

Погребение 5, центральное, располагалось в прямоугольной яме размером 2,85×1,7 м, глубиной 2,8 м, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. Стенки ямы вертикальные, на них прослеживались пятна обожженной глиняной обмазки. На высоте 0,4 м от дна по периметру ямы проходила ступенька шириной до 10 см для опоры перекрытия. В придонной части был устроен сруб в один венец из толстых сосновых плах шириной до 40 см. Концы плах в местах соединения срезаны «на угол». Сверху погребальная камера перекрыта поперек сосновыми плахами, на которые сверху уложен накат из шести рядов березовых бревен. Западная половина погребения разрушена грабителями.

Погребенный уложен на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ, с чуть подогнутыми ногами, завалившимися влево. У левой берцовой кости найден оселок с отверстием для подвешивания, сломанный в древности (рис. 2, *10*). У правого предплечья встречена костяная пронизка с кососрезанным концом (рис. 2, *11*), в области ребер — разложившиеся остатки пастового бисера, а в изголовье справа, в юго-западном углу сруба,— фрагмент железного ножа. Погребенный обильно засыпан мелом.

Курган 17, диаметр 12 м, по рельефу почти не выделяется, расположен на склоне, край южной полы кургана на 40 см выше северной. Под курганом два погребения — основное и впускное.

Погребение 1, впускное, женщина 25—30 лет, располагалось в 4,4 м к югу от центра кургана в прямоугольной яме размером около 2,7×1,2 м, глубиной 0,93 м. Точные контуры ямы не фиксировались, и размер ее установлен по величине перекрытия. На дне ямы находился сруб из березовых бревен в один венец размером 2,65×1,05 м, ориентированный ВСВ—ЗЮЗ, сверху перекрытый поперек плахами, а поверх последних накатом из двух рядов уложенных вдоль березовых бревен. В срубе под перекрытием лежал костяк погребенного на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ. В изголовье справа, в юго-западном углу сруба, лежали ребра ло-

шади (?) в анатомическом порядке, а поверх них тазовая и бедренные кости барана, а также железный нож (рис. 2, *6*). По обе стороны погребенного, против плечевых костей и коленных суставов, лежали кости четырех ног барана с копытами, уложенные параллельно покойнику по две с каждой стороны. У правого колена находилась бронзовая пронизка (рис. 6, *1*).

Погребение 2, центральное, находилось в прямоугольной яме размером 2,3×1,15 м, глубиной 1,95 м, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. В придонной части на высоте 0,48 м от дна ямы имелись остатки деревянного перекрытия, состоявшего из уложенных поперек ямы досок и продольного бревенчатого наката поверх них. Между бревен наката встречались куски обгорелого дерева. Обряд во многом идентичен погребению 1. Покойник уложен на спине вытянуто, головой на запад—юго-запад, череп лежал на затылочных костях. По обе стороны погребенного у локтей и колен лежали кости четырех ног барана с копытами, а в изголовье справа, в юго-западном углу ямы,— ребра лошади в анатомическом порядке с костью ноги барана на них. С левой стороны изголовья стоял небольшой плоскодонный кувшиновидный сосуд. В районе пояса справа, у тазовой кости, лежало точило. Под костяком прослеживались следы растительного тлена.

Курган 18, диаметр 8 м, высота 10 см, содержал одно погребение, женское, в большой прямоугольной яме размером 3×2,6 м, глубиной 1,8 м, ориентированной З—В. Стенки ямы слегка наклонные. На уровне древнего горизонта яма перекрыта продольным бревенчатым накатом. Покойник уложен по диагонали ямы на спине вытянуто, головой на СЗ. Череп лежал на затылочных костях и был наклонен к правому плечу. Справа от костяка, в юго-западном углу ямы, лежали ребра лошади в анатомическом порядке, а на них тазовая и бедренные кости барана, в 40 см к югу от черепа — копыто лошади. Рядом с черепом слева лежала кость ноги барана с копытом. Еще три таких ноги лежали в северо-восточном углу ямы под костями правой стопы и справа от костяка. На ребрах лошади находился фрагмент неопределенного железного предмета, вероятно ножа.

В изголовье, в 20 см к северо-западу от черепа, найдены две железных и две тонких бронзовых булавки с пастовыми навершиями (рис. 6, *11*). Слева от нижней челюсти и у левой ключицы обнаружены шаровидная и граненая сердоликовые бусины, а у левого плеча — две шаровидных пастовых бусины (рис. 6, *10*). Против правой стопы, у южной стенки ямы, лежал костяной гребенчатый штамп для керамики (рис. 2, *9*). Около черепа прослеживалась меловая подсыпка.

Курган 19, диаметр 12 м, высота 12 см, содержал два погребения — впускное (1) и основное (2).

Погребение 1 располагалось вблизи центра кургана в пределах контуров ямы основного погребения. Погребение находилось на глубине 0,43 м, контуры ямы не прослеживались. Захоронение женское. Погребенная лежала на спине вытянуто, головой на восток. Голова на правом виске, лицом к северу. У левой височной кости обнаружена бронзовая проволочная кольцевидная серьга (рис. 6, *2*).

Погребение 2 помещалось в подпрямоугольной могильной яме размером 3,1×2,65 м, глубиной 2,1 м, ориентированной З—В. Стенки ямы отвесные. На уровне горизонта погребенной почвы она перекрыта продольно сосновыми плахами шириной до 30 см. Погребенный уложен почти по диагонали ямы на спине вытянуто, головой на юго-запад. Череп лежал на затылочных костях. Справа от костяка, в юго-восточном углу ямы, находились ребра лошади в анатомическом порядке и кость ноги барана. Под правой лопаткой костяка помещались кости ноги барана с копытом, а под левой лопаткой и плечом — остатки тонкой доски (блюда?) размером 45×20 см, лежавшей в направлении З—В. У левого локтя была бронзовая тонкая булавка без навершия (рис. 6, 7).

Курган 20, диаметр 20, высота 0,3 м. По периметру кургана в материке проходил ровик шириной около 0,7, глубиной 0,55 м, трапе-

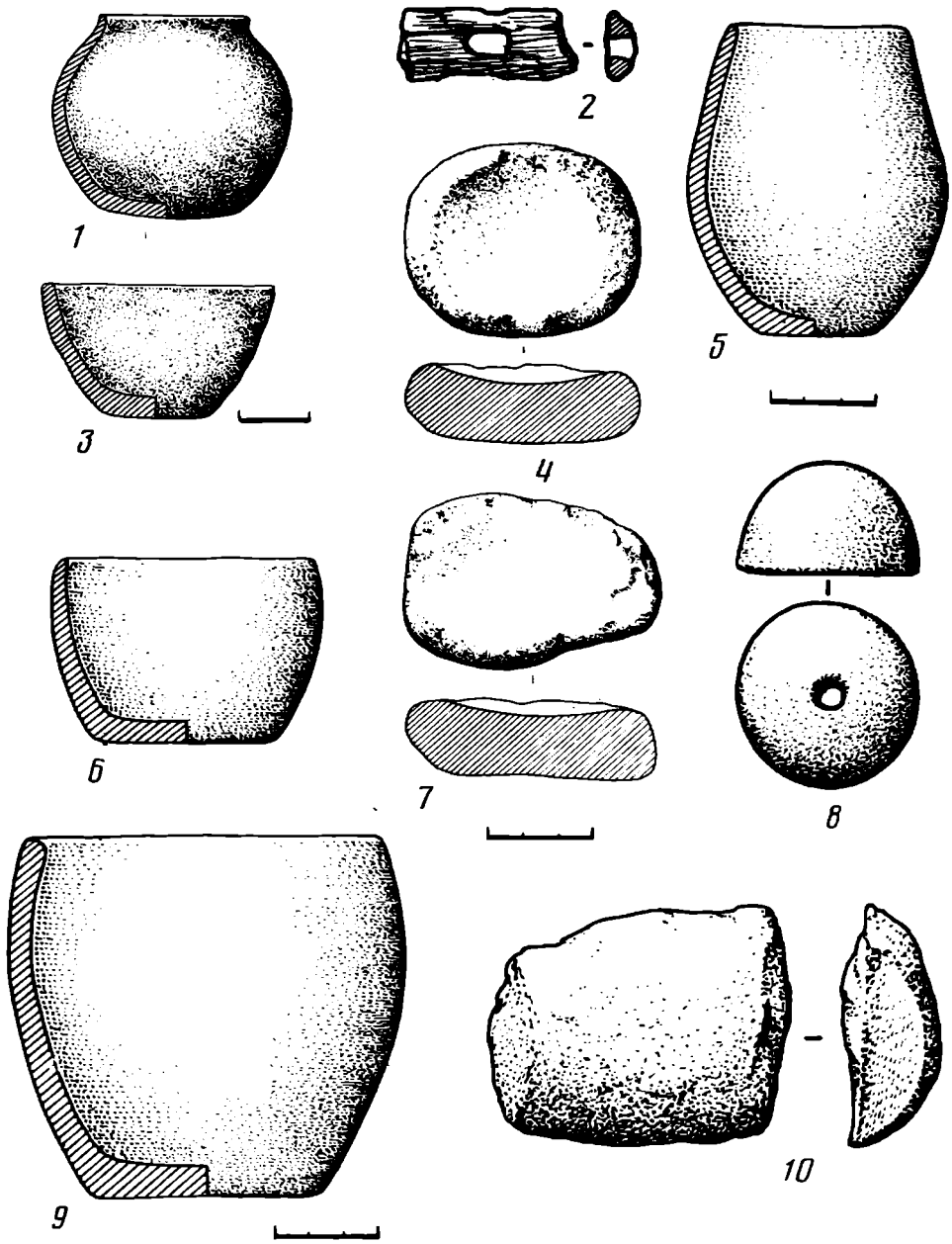


Рис. 7. *1* — кург. 21, погр. 3; *2* — кург. 20, погр. 4; *3* — кург. 16, погр. 3; *4* — кург. 20, погр. 5; *5* — кург. 21, погр. 6; *6* — кург. 20, насыпь, северо-западный сектор; *7* — кург. 21, погр. 3; *8* — кург. 20, погр. 2; *9* — кург. 20, погр. 1; *10* — кург. 20, траншея. *1*, *3*, *5*, *6*, *8*—*10* — глина; *2* — дерево; *4*, *7* — камень

цневидный в сечении, который ограничивал первоначальный диаметр насыпи, равнявшийся 16,2 (С—Ю) × 17 (З—В) м. С западной и восточной стороны ровик имел разрывы шириной соответственно 0,75 и 1,15 м. Насыпь сложена из чернозема с суглинком. В разрезе фиксировались прослойки суглинистого выкида из центрального погребения 5.

Под курганом вскрыто семь погребений, располагавшихся почти в ряд с севера на юг. В ровике найден обломок глиняного предмета (рис. 7, *10*).

Погребение 1, детское, находилось в юго-западном секторе, на глубине 0,45 м, контуры могильной ямы не прослеживались. В гумусированном слое насыпи и погребенной почвы встречены отдельные кости детского скелета (возраст до 5 лет), по которым установить ориентировку

погребенного невозможно. Около них находился небольшой лепной баночный сосуд (рис. 7, *9*), а также фрагмент пережженной кости. В насыпи же юго-западного сектора, в 2,5 и 3 м от указанного сосуда на запад — северо-запад, найдены разрозненные кости лошади, может быть, связанные с этим погребением или тризной.

Кроме того, в северо-западном секторе на глубине 0,45 м найден второй сосуд баночной формы (рис. 7, *6*), а в юго-восточном секторе, в 1,6 м к ВСВ от погребения 7, стоял еще один кувшиновидный сосуд (рис. 8, *6*).

Погребения 2 и 2-а расположены под северной полой насыпи и объединены в верхней части контурами одной ямы, имевшей на уровне материка размер 2,6×2,3 м, ориентированной ССЗ—ЮЮВ. На глубине 0,38 м от уровня материка она разделяется на две параллельные ямы, ориентированные З—В с небольшим отклонением западного конца к югу, перегородкой из материка шириной около 30 см.

Размер могильной ямы погребения 2 в верхней части 2,4×1,25 м, глубина 0,9 м от уровня древнего горизонта. На высоте 0,22 м от дна она имела заплечики вдоль продольных стенок шириной около 18 см, вследствие чего размеры ямы у дна сокращались до 2,4×0,87 м. На заплечиках было устроено перекрытие из плах, уложенных поперек ямы, и продольного наката из бревен или досок поверх них. На дне ямы скелет взрослого на спине, головой на запад, лицом несколько повернут влево, руки вдоль туловища, правая нога вытянута, левая слегка согнута в колене. В ногах справа стоял глиняный сосуд кувшиновидной формы, а слева лежало глиняное пряслице (рис. 7, *8*).

Погребение 2-а располагалось параллельно погребению 2, в 0,3 м к югу, в прямоугольной яме размером 2,3×1,2 м, глубиной 0,8 м от уровня древнего горизонта. Сверху яма перекрыта поперек горбылями или плахами шириной до 35 см, которые частично, преимущественно в западной части, обожжены. Одним концом они лежали на перегородке, разделяющей погребения 2 и 2-а, а вторым — на продольно положенном вдоль южной стенки могилы бревне. Поверх плах уложен продольный накат из березовых бревен толщиной до 15 см. На дне ямы на спине вытянуто, головой на запад лежал костяк мужчины (возраст около 40 лет), руки слегка раскинуты в стороны. Голова погребенного уложена на «подушечке» из материка линзовидной формы, высотой 7—10 см, вытянутой к западной стенке. Вещей нет.

Погребение 3 находилось в 2,6 м к СЗ от центра кургана в нижнем горизонте погребенной почвы, около уровня материка. Контуры ямы не прослеживались. Захоронение было совершено на уровне материка в в срубе или обкладке из отесанных сосновых бревен в один венец длиной 2 м, шириной около 1 м в юго-западном конце и 0,8 м в северо-восточном, ориентированном ЮЗ—СВ и перекрытом продольным накатом из двух рядов бревен. Бревна нижнего ряда лежали концами на торцовых бревнах сруба.

В срубе лежал костяк подростка на спине вытянуто, головой на ЮЗ, руки раскинуты. Череп потревожен и перевернут сводом вниз. Погребенный засыпан золистым слоем, который прослеживался также около бревен обкладки и под ними. Вещей нет.

Рядом с погребением 3, в 10 см к югу, на уровне перекрытия шел слой золы и углей размером 0,5×0,3 м, толщиной до 0,2 м, перемешанный с землей. Погребение было, очевидно, засыпано золой и углями из этого золисто-углистого скопления.

Погребение 4, мужчина, пожилой, располагалось в 2,8 м к ЮЗ от центра кургана, в прямоугольной яме размером 1,8×1,15 м, глубиной 0,5 м от уровня древнего горизонта, ориентированной СЗ—ЮВ. Придонная часть ямы имела обкладку из поставленных на ребро отесанных горбылей шириной до 32 см, длиной 1,75 м, ширина обкладки в изголовье 1,05 и в ногах — 1 м. Сочленение в углах не сохранилось. Сверху обкладка перекрыта продольным накатом из одного ряда березовых бревен толщиной около 10 см и одной плахи. Продольные бревна перекрытия

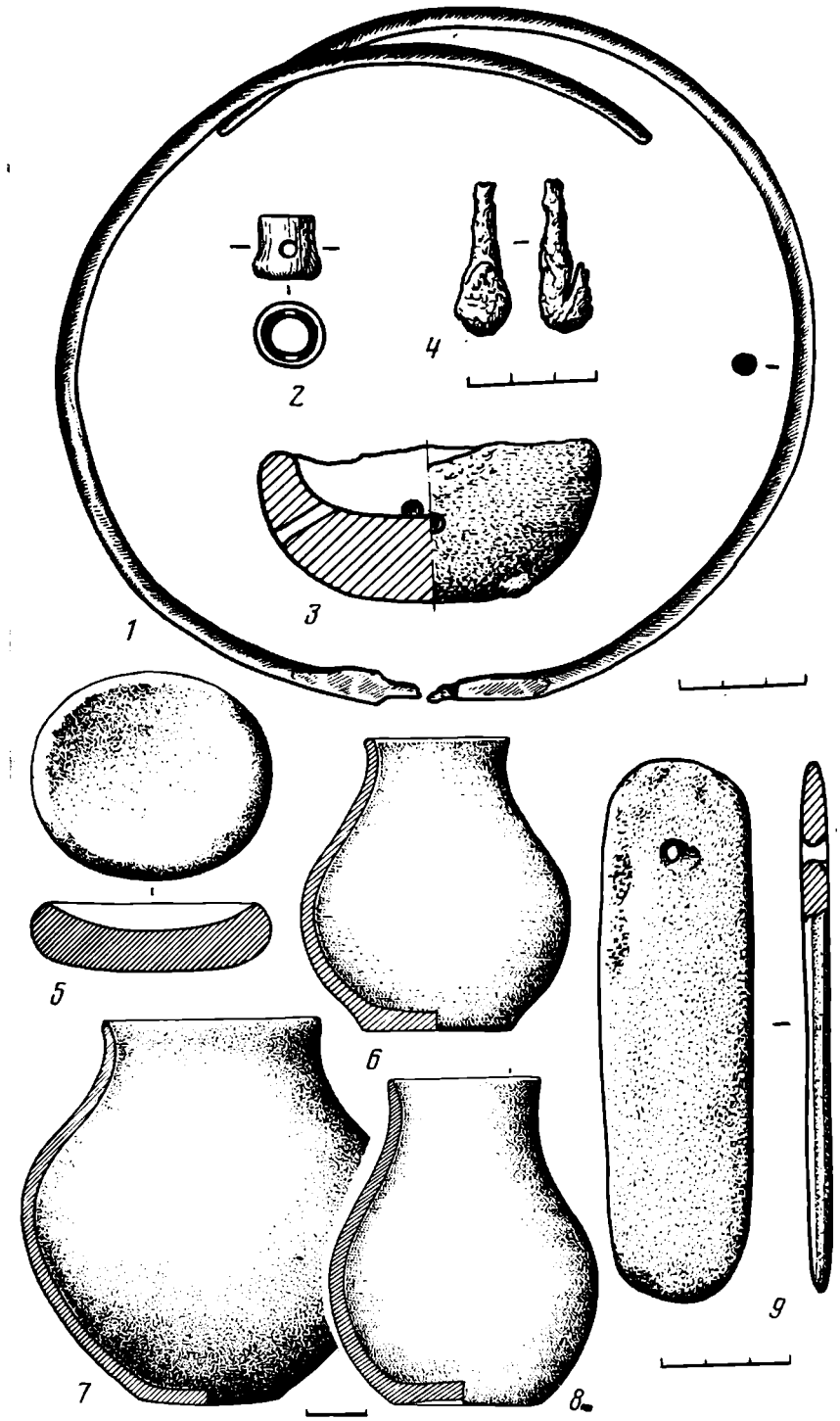


Рис. 8. *1—3* — кург. 25, погр. 2; *4*, *5*, *7* — кург. 24, погр. 4; *6* — кург. 20, насыпь, юго-восточный сектор; *8* — кург. 25, погр. 3; *9* — кург. 26, погр. 3. *1* — бронза; *2* — кость; *3*, *6—8* — глина; *4* — железо; *5*, *9* — камень

уложены концами на торцевые плахи обкладки. Покойник уложен на спине вытянуто, головой на СЗ, левая рука слегка откинута в сторону. Вещей нет, кроме обломка деревянного предмета с отверстием (рис. 7, *2*).

Погребение 5, мужчина 30—35 лет, располагалось в прямоугольной яме размером 2,6×1,2 м, глубиной 1,8 м от уровня древнего горизонта, ориентированной З—В с небольшим отклонением западного конца к югу. Заполнение ямы — чернозем с суглинком, в котором встречены кости ноги барана — обломки трубчатой, таранной и астрагал, лежавшие на

первом штыке заполнения, считая от уровня материка. На высоте 0,4 м от дна по периметру ямы шли заплечики шириной 6—10 см, на которых крепилось перекрытие погребения, состоявшее из досок, уложенных поперек могилы, и продольного наката из березовых бревен поверх них. Придонная часть ямы облицована прямоугольной обкладкой из тесаных горбылей шириной около 30 см. Дно ямы посыпано мелкими угольками. Покойник уложен на спине вытянуто, головой на запад. У черепа слева лежала каменная курильница (рис. 7, *4*), а в области чуть выше таза — круглая белая пастовая бусина с коричневатыми полосами и разводами, распавшаяся на части.

Погребение 6, женское (около 25 лет), находилось в 2,1 м к ЮЮЗ от центрального погребения 5, между погребениями 4 и 7, в подпрямоугольно-овальной яме размером 2,4×1,4 м, глубиной 1,6 м от уровня древнего горизонта, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. На высоте 30 см от дна по периметру ямы шли заплечики шириной 10—12 см у западной и восточной стенок и до 25—27 см вдоль северной и южной стенок, служившие опорой перекрытия в виде наката из одного ряда продольно уложенных березовых бревен толщиной до 20 см. На дне ямы обкладка в один венец из поставленных на ребро горбылей. С южной стороны она упала и перекрыла кости откинутой в сторону правой руки. Костяк лежал на дне ямы на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ. Руки слегка раскинуты в стороны. В изголовье с правой стороны положен бок лошади, для размещения которого заплечики в юго-западном углу ямы срезаны.

Погребение 7, мужчина, около 30 лет, находилось в 3 м к югу от центра кургана в прямоугольной яме размером 2,2×1,05 м, глубиной 0,55 м от уровня древнего горизонта, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ, рядом и почти параллельно с погребением 6. На дне ямы прямоугольная обкладка из горбылей размером 2,05×0,95 м, которая перекрыта поперек досками или горбылями шириной около 15 см, а поверх них продольным накатом из тонких березовых жердей толщиной 5—7 см. В погребальной камере покойник уложен на спине несколько под углом к оси ямы. Ноги подогнуты и раскинуты ромбом. Голова обращена на ЗЮЗ, под голову положена подушечка из обрубка дерева. Лицо при погребении посыпано красной краской, отчего череп приобрел розоватый цвет. Вещей нет.

Курган 21, диаметр 15, высота 0,1 м. По периметру насыпи проходил кольцевой ровик, углублявшийся в материк на 0,4 м и шириной 0,5—0,55 м. Он ограничивал первоначальный диаметр кургана, равный 12 м. В СВ и ЮЗ частях ровик имел разрывы шириной 0,6 и 1 м.

Под курганом находилось шесть погребений.

Погребение 1, женское, около 60 лет, находилось на глубине 0,45 м в погребенной почве, в юго-восточном секторе насыпи. Контуры могильной ямы не прослеживались, кости потревожены. Погребенная уложена на левом боку, головой на ЮЗЗ. Около ребер встречен необработанный кусок камня, а у черепа — мелкая речная галька.

Погребение 2, мужское, взрослый, располагалось в северо-западном секторе кургана, в прямоугольной яме размером 2,65×1,62 м, глубиной 1,9 м, ориентированной ЮЗ—СВ. Стенки ямы слегка наклонные. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на ЮЗ, череп — на затылочных костях, лицом вверх. Около левой бедренной кости с внутренней стороны лежал плоский необработанный камень, а у правой бедренной кости — фрагмент железного ножа. В ногах справа, в восточном углу ямы, стоял глиняный сосуд грушевидной формы с плоским дном и узкой горловиной.

Погребение 3, женское, 45—50 лет, находилось у юго — юго-западного края кургана, в прямоугольной яме размером 2,45×1,48 м, глубиной 1,55 м, ориентированной ЗСЗ—ВЮВ, с вертикальными стенками. В заполнении ямы на глубине 1,05 м встречались комки охры. Погребение потревожено. Покойник уложен на спине вытянуто, головой на ЗСЗ. В 20 см к югу от тазовых костей лежала каменная курильница (рис. 7,

7). В ногах слева, в СВ углу ямы, стоял плоскодонный сосуд с костями животных в нем.

Погребение 4 располагалось в юго-западном секторе кургана, в прямоугольной яме размером 2,12×1,06 м, глубиной 1,45 м, ориентированной СЗ—ЮВ. На дне ямы сруб из двух венцов сосновых плах, высотой от дна ямы 25 см. У СВ стенки сруб имел три венца и был высотой 37 см. Сверху сруб перекрыт поперек широкими плахами, поверх которых уложен продольный накат из одного ряда березовых бревен. В срубе покойник уложен на спине вытянуто, головой на северо-запад, правая рука слегка согнута, ноги несколько отклонены от оси позвоночника на юг, стопы — пятками вместе, носками на ЮЮВ. Поверх костяка прослеживались следы меловой подсыпки. Вещей нет.

Погребение 5, мужчина 30—35 лет, находилось под юго-восточной полой кургана, в прямоугольной яме размером 2,4×1,2 м, глубиной 2 м, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. На высоте 40 см от дна стенки ямы имели по периметру уступ шириной 10—20 см для опоры продольного перекрытия, состоявшего из уложенных друг на друга одного ряда сосновых и четырех вышележащих слоев березовых бревен. Под перекрытием сруб или обкладка ямы из одного венца сосновых плах шириной 35 см и сохранившейся толщиной 4 см. Погребенный в срубе лежал на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ. Череп и левые берцовые кости смещены. Череп лежал на левой плечевой кости, нижняя челюсть — у правого локтя. Инвентаря нет.

Погребение 6, центральное, мужчина 35—40 лет, находилось в прямоугольной яме размером 2,35×1,25, глубиной 1,45 м, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. На высоте 12 см от дна стенки ямы имели уступ шириной 15 см. На дне ямы находился сруб из одного венца березовых бревен. Сруб перекрыт поперек плахами, концы которых лежали на ступеньках и продольных бревнах сруба, а поверх плах уложен продольный накат из одного ряда березовых бревен. Погребенный лежал в срубе на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ, несколько по диагонали к оси сруба, отклоняясь головой к югу. Правая рука слегка согнута, череп лежал на затылочных костях. В северо-западном углу сруба, слева от головы, стоял глиняный сосуд (рис. 7, *5*). Справа у черепа — неопределенный железный предмет, вероятно нож, а к югу от правой стопы — три необработанных обожженных камня. Под костяком следы меловой подсыпки.

Курган 22, диаметр 14, высота 0,25 м. Под насыпью по периметру проходил кольцевой ровик в виде разомкнутой спирали шириной до 0,9 м, глубиной 0,35—0,5 м. В северо-восточной и юго-западной частях он имел разрывы шириной 0,4 и 0,8 м. Ровик ограничивал первоначальный диаметр кургана (около 11 м).

Под курганом — одно погребение, мужчина, взрослый, в прямоугольной яме размером 2,35×1,6 м (на уровне материка), глубиной 1,77 м, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. Ко дну яма несколько расширялась и на глубине 1,67 м, в 10 см от дна, имела ширину 1,75 м. На этом уровне по периметру ямы проходила материковая ступенька шириной 6—8см, на которую опирались концы продольного перекрытия в виде наката из пяти рядов березовых бревен. На дне ямы под перекрытием сруб из одного венца брусьев толщиной около 10 см. В срубе лежал погребенный на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ, руки несколько разведены в стороны. Стопы в положении «пятки вместе, носки врозь». Череп лежал на затылочных костях и несколько склонен к правому плечу. Верхняя часть туловища короткая в сравнении с длиной ног, грудная клетка узка и деформирована.

В изголовье справа лежали ребра лошади в анатомическом порядке и кости ног и таза барана на них. У левого локтя находилось семь бараньих астрагалов, а в 0,4 м к югу и северу от костей ног — нижние кости ног барана с копытами. В северном углу около них помещались фрагменты коррозированного железного предмета (ножа?).

Курган 23, диаметр 18, высота 0,3 м. По периметру проходит в материке кольцевой ровик шириной 0,5—0,6 м, глубиной в материке

0,23—0,32 м, ограничивавший первоначальный диаметр кургана — 16 м. В ЮЗ и СВ частях ровик имел разрывы шириной 0,6 и 0,9 м.

Под курганом находилось пять погребений.

Погребение 1, женщина, 40—45 лет, помещалось в юго-западном секторе в погребенной почве на глубине 0,58 м.

Границы могильной ямы не прослеживались. Костяк лежал на спине вытянуто, головой на ВЮВ. Вещей нет.

Погребение 2, женщина, около 25 лет, располагалось под юго-восточным сектором насыпи, в нижнем горизонте погребенной почвы и верхней части материка, на глубине 0,9 м. Контуры ямы нечеткие. Погребенная лежала на спине вытянуто, головой на запад—юго-запад. Ступни снесены впускным погребением 3.

У левого локтя женщины череп ребенка возрастом 5—6 лет. К ВСВ от черепа находились позвонки, несколько ребер; плечевая кость детского скелета лежала в 10 см к западу от черепа, а тазовые кости — у правого колена костяка взрослого, т. е. были перемещены, очевидно, грызунами. Инвентаря нет.

Погребение 3, мужчина, 50—60 лет, располагалось в прямоугольной яме размером 1,95×1,05 м, глубиной 1,15 м, ориентированной ЮЗ—СВ, с вертикальными стенками. Юго-западная стенка ямы прорезала погребение 2. Костяк человека лежал на спине вытянуто, головой на ЮЗ. Руки слегка разведены в стороны, правая нога чуть согнута в колене. Правая плечевая кость короче левой, туловище непропорционально коротко по отношению к длине ног. Позвоночник сильно искривлен. Череп покоился на левой височной кости. В области левой стопы лежал необработанный кусок камня. На дне могильной ямы прослеживался золистый слой, вероятно от подсыпки.

Погребение 4, женщина, около 50 лет, находилось под юго-западной полой кургана, в прямоугольной яме размером 2,15×1,35 м, глубиной 1,47 м, ориентированной ЮЮВ—ССЗ. Стенки ямы слегка наклонные наружу. На глубине 0,9 м, в 45 см от дна, по периметру ямы проходила ступенька шириной 15 см для укрепления перекрытия. Погребенная лежала на спине вытянуто, головой на ССЗ. Череп покоился на затылочных костях, лицо склонено к груди, кости стопы в положении «пятки врозь, носки вместе».

В 25 см правее правого коленного сустава лежало пряслице из зеленоватого сланца (рис. 2, 7). У левой стопы помещался глиняный сосуд пиалообразной формы с круглым дном. С правой стороны в углу, в изголовье, находились остатки железного предмета (ножа?), а напротив правой бедренной кости — кусок камня.

Погребение 5, центральное, мужчина, 25—30 лет, располагалось в прямоугольной яме размером 2,7×1,35 м, глубиной 2,7 м, ориентированной ЮЗ—СВ. Стенки ямы слегка расширялись книзу и на высоте 40 см от дна ямы имели длину 2,7, ширину 1,7 м. На дне ямы стоял сруб размером 2,3×1 м в один венец, сложенный из плах шириной 40 см и сохранившейся толщиной 6—7 см. Сочленение в углах не сохранилось. Сверху сруб перекрыт поперек широкими плахами, а поверх них продольным накатом в пять рядов березовых бревен.

Покойник уложен на спине, вытянуто, головой на ЮЗ. Череп лежал на затылочных костях, лицо склонено к груди и слегка повернуто влево. Кисти рук покоились ладонями вниз, стопы в положении «пятки вместе, носки влево». У левой стопы находился обожженный камень, под нижней челюстью — круглая зеленая пастовая бусина, а в изголовье справа, в южном углу ямы,— ребра лошади в анатомическом порядке, остатки от положенного в качестве заупокойной пищи бока коня.

Курган 24, диаметр 20, высота 0,45 м. По периметру насыпи в материке проходил кольцевой ровик шириной 0,7—0,9, глубиной 0,6—0,7 м, ограничивавший первоначальный диаметр кургана в 17 м. В СВ и ЮЗ частях ровик имел разрывы шириной 0,7 м. В насыпи около уровня древнего горизонта на глубине 40 см встречено много мелких углей, а на глубине 0,45 м, в 2,85 м к западу от центра,— остатки бревна или

плахи длиной 0,7 м, лежавшего в направлении СЗ—ЮЗ. В юго-восточном секторе на глубине 0,5 м обнаружен обломок нижней челюсти ребенка, вероятно, от разрушенного погребения.

Под курганом — четыре погребения.

Погребение 1 находилось под ЮЮЗ частью кургана, в неправильно-прямоугольной, подтрапециевидной яме с закругленными углами, размером 1,45×0,9 м, глубиной 1,6 м, ориентированной З—В. Стенки ямы слегка наклонены вовнутрь. На дне плохо сохранившийся скелет ребенка, уложенного на спине вытянуто, головой на запад. In situ сохранились только черепные и берцовые кости. Череп лежал на левой височной кости, лицом на север. В 10 см к СЗ от черепа в перемещенном состоянии находилась локтевая кость. Сверху захоронение перекрыто накатом из березовых бревен в один ряд, уложенных продольно. Вдоль южной стенки бревна перекрытия находились на 15 см выше, чем вдоль северной. Инвентаря нет.

Погребение 2, детское, около 1 года, находилось в 0,85 м к ВЮВ от погребения 1, в прямоугольной яме размером 1×0,7 м, глубиной 1,2 м, ориентированной З—В, стенки слегка наклоненные наружу. Погребенный уложен на спине вытянуто, головой на запад. Вещей нет.

Погребение 3, детское, 6, 7 лет, находилось в 3 м к северу от центра кургана, в прямоугольной с закругленными углами яме размером 1,45× ×1,15 м, глубиной 1,12 м, ориентированной З—В. Стенки ямы наклонены наружу, в результате чего в придонной части ширина ямы сужалась до 0,85 м. Погребенный уложен на дне ямы ближе к северной стенке на спине вытянуто, головой на запад. Череп лежал на затылочных костях. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4, центральное, мужчина (?), взрослый, находилось в могильной яме грушевидной формы длиной 2,6 м, шириной в западной части 1,75, в восточной — 1,4 м, стенки отвесные. Погребенный уложен на спине вытянуто, ногами на восток, череп отсутствовал. В 25 см от левого плеча, к северу, лежала краскотерка из серого гранита со следами красной краски на боку (рис. 8, *5*), у правого плеча и правой стопы два железных предмета неопределенной и крючковидной формы (рис. 8, *4*). В СВ углу ямы, на 20 см выше ее дна, лежал на боку, горловиной на ЮЗ глиняный сосуд с туловом сферической формы с уплощенным дном (рис. 8, *7*). На высоте 0,4 м от дна ямы сохранились остатки продольного перекрытия в виде двух сосновых бревен длиной 75 см, лежавших в центральной части ямы. В заполнении ямы с глубины 2,7 м прослеживались золистые пятна.

Курган 25, диаметр 12, высота 0,3 м. В центральной части насыпи проходила прослойка суглинистого выкида из центральной могильной ямы, толщиной до 10 см. Вблизи центра, в ЮЗ секторе насыпи, найден обломок трубчатой кости барана, лежавший на глубине второго штыка, выше слоя выкида.

Под курганом вскрыто три погребения. Погребение 1, женщина (?), 25—30 (?) лет, находилось вблизи центра, под ЮВ полой кургана, на уровне материка. Контуры могильной ямы в погребенной почве не прослеживались, перекрытие отсутствовало. Погребенная уложена на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 2, центральное, мужчина, 30—35 лет, находилось в широкой прямоугольной яме размером 2,2×1,55 м, глубиной 1,95 м от 0 или около 1,65 м от уровня древнего горизонта, ориентированной З—В. На высоте около 30 см от дна ямы сохранились остатки продольного перекрытия из массивных сосновых горбылей шириной около 40 см. Снизу перекрытие поддерживали столбы. В восточной части ямы обнаружены остатки двух столбов и в западной части — одного.

Погребенный уложен на спине вытянуто, головой на запад. Ноги находились под небольшим углом к оси позвоночника, отклоняясь к северу. Слева от стопы левой ноги лежала круглая глиняная курильница (рис. 8, *3*). На шее бронзовая гривна из двух связанных половинок круглого дрота с расплющенными концами (рис. 8, *1*). Около гривны с пра-

вой стороны лежал фрагмент железной булавки с шаровидной бронзовой головкой (рис. 6, *9*). В левой глазнице находился неопределенный фрагмент железного предмета, затащенный туда, вероятно, грызунами. К югу от правого колена, на 3—5 см выше дна ямы, лежали две костяные проникзки (рис. 8, *2*).

В заполнении могильной ямы выше перекрытия, на глубине около 0,8 м от уровня древнего горизонта, найдена кость животного, а в придонной части заполнения, над курильницей, в 0,2 м выше дна ямы, встречено ребро лошади (?).

Погребение 3 находилось под северным краем насыпи в прямоугольно-овальной яме размером 2,6×1,05 м, несколько расширенной у западного конца (в изголовье) и зауженной у восточного, глубина 2,27 м от 0, или около 1,95 м от уровня древнего горизонта, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ. Стенки почти вертикальные. В придонной части ямы следы истлевшего дерева от перекрытия. Костяк погребенного лежал на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ. Правая рука откинута в сторону. Костяк накрыт берестой.

Слева от стопы левой ноги, в 30 см выше дна могилы, стоял глиняный сосуд грушевидной формы (рис. 8, *8*). В нижней части заполнения могилы, состоявшего из чернозема с небольшим количеством суглинка, над перекрытием, слева от левой плечевой кости, лежало ребро барана и маленький обломок железного предмета (маленького ножа?), сильно корразированного.

Курган 26, диаметр 16, высота 0,25 м. По периметру насыпи проходит кольцевой ровик шириной 0,55—0,75, глубиной 0,5—0,6 м от уровня материка, ограничивавший первоначальный диаметр кургана, равный 13 м.

В СВ и ЮЗ частях ровик имел перемычки шириной 1,35 и 1,22 м.

Под курганом — три погребения. Погребение 1, детское (старше 2 лет), находилось под СЗ сектором кургана, в прямоугольной яме размером 1,04×0,7 м, глубиной 0,9 м, ориентированной З—В. Погребенный уложен на спине вытянуто, головой на запад. В ногах слева, в СВ углу ямы, в 8 см от дна, находились фрагменты плоскодонного лепного сосуда. Погребение повреждено грызунами.

Погребение 2, мужчина (?), 40—45 лет, располагалось в СЗ секторе кургана, в яме, глубиной 1,4 м, ориентированной ЗЮЗ—ВСВ, стенки отвесные. На дне ямы находился сруб в один венец, размером 2,45×1,2 м, сложенный из сосновых плах шириной 30, толщиной 15 см, которые в местах сочленения в углах срублены под 45°. Сверху сруб перекрыт сосновыми плахами, уложенными поперек, концами на продольные стенки сруба. На плахи вдоль ямы уложен ряд из тонких березовых бревен, а поверх них сосновый горбыль длиной 1,8 м, шириной 30—35 см, венчающий трехслойное перекрытие.

Костяк лежал на спине вытянуто, головой на ЮЮЗ. Череп покоился на левой височной кости, обращен лицом на запад. У западной стенки сруба против левой берцовой кости лежала курильница из серого гранита, а около нее два необработанных куска камня.

Погребение 3, центральное, мужчина, 40—45 лет, вдоль правой руки детский костяк 3—6 лет. Могильная яма прямоугольная, размером 2,5× ×1,35 м, глубиной 1,75 м, ориентирована ЗЮЗ—ВСВ, стенки вертикальные. На дне ямы остатки сруба из сосновых плах в один венец. В местах стыковки концы плах срезаны на угол. Сверху сруб перекрыт продольно уложенными березовыми бревнами в два ряда.

Костяк погребенного уложен в срубе на спине, головой на ЗЮЗ, ноги раскинуты ромбом, руки несколько разведены в стороны. Череп лежит на затылочных костях и склонен к правому плечу. Бедренные кости сильно разведены в стороны, берцовые сходятся под небольшим углом, почти параллельны. С внутренней стороны левой бедренной кости — каменный оселок (рис. 8, *9*).

Параллельно правой руке взрослого покоился костяк ребенка, уложенного на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ.

Всего в 13 курганах вскрыто 47 погребений. При этом в трех курганах (14, 18, 22) находилось по одному погребению, в двух (17, 19) — по два, в двух (25, 26) — по три, в одном (24) — четыре, в трех (16, 21, 23) — по пять, в одном (15) — семь и в одном (20) — восемь погребений. В семи курганах под насыпью по периметру прослежен кольцевой ровик. Кроме двух, все захоронения индивидуальны. Среди них 19 мужских, 12 женских и 10 детских. В двух погребениях — женском (кург. 22, погр. 2) и мужском (кург. 26, погр. 3) — вместе с взрослыми похоронено по одному ребенку.

Захоронения произведены в прямоугольных ямах размером от 1×0,7 до 3,15×1,95 м, глубиной от 0,43 до 3 м от 0, или до 2,3 м от уровня древнего горизонта. Два диагональных погребения совершены в широких, близких к квадратным ямах размером 3×2,6×1,8 и 3,1×2,65×2,1 м, с вертикальными стенками. В 13 погребениях могильные ямы имели в придонной части по периметру заплечики для укрепления деревянного перекрытия. В кургане 25, погребении 2 перекрытие опиралось на деревянные столбы. В 22 случаях захоронения совершены в деревянных обкладках или срубах, сложенных обычно в один венец из широких, до 40 см, горбылей, колотых пополам сосновых бревен, и только в отдельных случаях обкладки сделаны из березовых бревен. В двух погребениях сруб сложен в два венца. При этом в погребении 5 кургана 15 прослежено соединение венцов шпонками. Сверху сруб перекрывался поперек колотыми горбылями или плахами, поверх которых настилался продольный накат из березовых бревен в один или несколько рядов количеством до семи (кург. 14). При отсутствии поперечного перекрытия могила могла накрываться только продольным накатом из березовых бревен в один или несколько рядов числом до пяти. Остатки продольного перекрытия констатированы в 11 погребениях, в том числе в могилах, где остатки деревянного сруба или обкладки не выявлены. В трех погребениях для перекрытия использована береста, в том числе в двух случаях она сочеталась с продольным бревенчатым накатом (кург. 16, погр. 1; кург. 25, погр. 3). В 19 погребениях явных следов деревянных конструкций не прослежено. У некоторых они могли не сохраниться, а у части отсутствовали первоначально.

Как правило, погребенные уложены на спине вытянуто. В двух захоронениях (кург. 20, погр. 7; кург. 26, погр. 3) покойники уложены на спине с подогнутыми ногами, распавшимися впоследствии ромбом, а в одном — отмечено положение на левом боку с подогнутыми ногами (кург. 21, погр. 1). Преобладает ориентировка погребенных головой на запад. На запад с отклонениями от ЗСЗ до ЗЮЗ, преимущественно в сторону ЗЮЗ, уложено 28 захороненных, 5 погребенных лежало головой на ЮЗ, 4 — на СЗ, 5 — на север, 3 — на юг, 1 — на восток.

Следует отметить проявления культа огня. В двух случаях было обожжено дерево перекрытия. В восьми погребениях присутствовала меловая подсыпка, в трех — подсыпка золой, в одном — мелкие угольки, в двух — кусочки охры. В погребении 7 кургана 20 лицо покойника было посыпано красной краской, отчего кости черепа окрасились в розоватый цвет. В насыпи кургана 24 встречено много мелких угольков и золы. В одном погребении прослежена песчаная подсыпка под черепом. В отдельных могилах констатировались следы органической подстилки. Отмеченные атрибутации культа огня были не свойственны ранним погребениям большереченской культуры Верхнего Приобья [3, с. 57 сл.] и находят параллели в культуре савроматов и ранних сарматов [4, с. 94—97], кроме отмеченных у большереченцев остатков обугленных срубов, покрытий и единично — охры [3, с. 58, 82].

Большинство покойников снабжено ритуальной пищей в виде кусков мяса и жидкой — в сосудах. Кости животных, остатки заупокойной пищи обнаружены в 19 погребениях. В девяти из них — это бок крупного животного, вероятно лошади. При этом ребра лошади всегда лежали справа от погребенного, в изголовье. В 16 погребениях находились кости (таз, ноги, позвонки) барана. В 6 погребениях кости барана находились

вместе с костями лошади, иногда лежали поверх них. Около костей животных обычно находился железный нож. Мясо укладывали на деревянных блюдах, остатки которых сохранились в двух погребениях (рис. 2, *1*).

Глиняные сосуды обнаружены в 14 погребениях. Обычно в могиле находилось по одному сосуду, стоявшему преимущественно в ногах слева. Только в двух случаях (кург. 15, погр. 4; кург. 16, погр. 1) стояло по два сосуда — один в области головы, второй в ногах, а в погребении 4 кургана 16 помещалось три сосуда, стоявших в ногах,— два слева, один справа. Таким образом, можно отметить, что мясная пища укладывалась, как правило, в изголовье, а сосуды ставили в ногах. Расположение костей ног барана параллельно скелету погребенного (кург. 17, погр. 1, 2; кург. 18) позволяет предполагать, что покойника накрывали шкурой барана.

Глиняные сосуды плоскодонные или с уплощенным дном кувшиновидной (рис. 2, *5*; 6, *4*, *14*; 8, *7*, *8*), баночной (рис. 6, *15*; 7, *6*, *9*) и чашевидной (рис. 2, *4*; 7, *1*, *3*) формы. Изготовлены из глины с примесью песка и мелкого шамота довольно тщательно, поверхность гладко заглажена, обжиг средний. Поверхность сосудов светло-коричневая, иногда с оранжевым оттенком, с сероватыми пятнами от неравномерного прокала. Как правило, сосуды не орнаментированы, и только отдельные из них (рис. 6, *4*, *15*) имеют вдоль венчика поясок из наколов конца палочки или штампа. Один сосуд имел усеченно-биконическую форму (рис. 7, *5*).

Прочий погребальный инвентарь довольно беден и представлен глиняными и каменными курильницами (рис. 6, *8*; 7, *4*, *7*; 8, *3*, *5*), пряслицами, украшениями и предметами туалета, единично оружием и деталями конской сбруи, а также специально (вероятно, с культовой целью) положенными в могилы небольшими необработанными гальками и камнями. Последние обнаружены в 12 погребениях, в том числе в трех из них находились гальки. В двух погребениях камни были обожжены. Обычай помещения галек и необработанных камней в захоронения известен в большереченской культуре [3, с. 59], а также у савроматов [5, с. 28].

В 13 погребениях инвентарь отсутствовал полностью. Среди безынвентарных могил представлены мужские, женские и преимущественно детские.

К числу наиболее распространенных предметов в инвентаре относятся железные ножи. Почти всегда они находятся рядом с костями животных. Все ножи принадлежат к типу «ножей без выделенной рукоятки» (рис. 2, *2*, *6*, *13*) и часто очень плохой сохранности. Такие ножи бытовали длительное время. Они известны в памятниках тасмолинской культуры Казахстана [6, рис. 5, *9*; 66, 40], в Быстрянских курганах Алтая V—IV вв. до н. э. [7, рис. 3, *5*]. Ножи из Каменских курганов наиболее близки ножам из погребений III—II вв. до н. э. Быстрянского могильника [7, рис. 7, *17*].

Примечательно малое количество пряслиц, которые встречены всего в четырех могилах. Из них одно пряслице глиняное (рис. 7, *8*) и три — каменных сланцевых с радиальным орнаментом (рис. 2, *7*, *8*). Наиболее близкую аналогию сланцевым пряслицам дает могильник III—II вв. до н. э. Каменный Мыс в Новосибирском Приобье [8, табл. XVI, *12*].

Детали уздечки и оружие представлены только в одном погребении 5 кургана 15. Встреченные здесь однокольчатые удила с костяными брусковидными двудырчатыми псалиями (рис. 5, *12*, *13*) имеют параллели в раннесарматских памятниках IV в. до н. э. [9, табл. 21, *2*]. Костяные пронизки с кососрезанным краем (рис. 2, *11*; 4, *10*) находят аналогии в могильнике Каменный Мыс III—II вв. до н. э. [8, табл. XLVI, *37*], в материале Иволгинского городища [10, рис. 14, *37—41*], памятниках тесинского этапа тагарской культуры [11, рис. 3, *11*]. Возможно, эти пронизки связаны с деталями уздечки.

Оружие представлено остатками разрушенных коррозией железных наконечников стрел, костяными наконечниками стрел (рис. 4, *7*, *8*) и железным чеканом (рис. 5, *11*). По форме чекан имеет сходство с брон-

зовыми втульчатыми чеканами Тувы V—III вв. до н. э. [12, табл. II, *76*] и с железным чеканом из Быстрянского могильника [7, рис. 2, *2а*]. Там же имеются похожие небольшие костяные наконечники стрел [7, рис. 2, *24*, *25*]. Подобные наконечники обнаружены также в могильнике Леонтьевка в Павлодарском Прииртышье IV—II вв. до н. э. [13, табл. VII, *12*, *14*].

В одном комплексе с оружием находился железный крючок (рис. 5, *10*), очевидно от колчана. По форме он несколько напоминает раннесарматские крючки IV в. до н. э. [5, рис. 2, *37*].

Украшения и предметы туалета представлены бронзовым зеркалом (рис. 2, *12*), золотой (рис. 2, *3*) и бронзовыми серьгами (рис. 6, *2*, *3*, *5*, *6*), гривной (рис. 8, *1*), булавками — бронзовыми (рис. 6, *12*, *13*), бронзовыми с пастовой головкой (рис. 6, *11*) и железными с бронзовой головкой (рис. 6, *9*), а также немногочисленными бусами. Круглое плоское зеркало с боковой ручкой напоминает подобные савроматские и раннесарматские зеркала IV в. до н. э. [14, табл. 28, *6*], но встречено оно в комплексе с серьгой с приемником (рис. 2, *3*), которая имеет аналогии в усуньских памятниках III—II вв. до н. э. [15, табл. XI, *41*, *42*], и должно быть датировано этим временем. В усуньских памятниках и могильнике Леонтьевка находят аналогии также вышеуказанные булавки [15, табл. XI, *18*; 13, табл. V, *7—9*].

Курильницы (пять каменных и одна глиняная) находились в шести погребениях. Каменные курильницы (рис. 6, *8*; 7, *4*, *7*; 8, *5*) из серого гранита округлой формы подобны курильницам тасмолинской культуры [6, рис. 66, *37*]. Такого типа курильницы известны также в памятниках Алтая [3, табл. XXX, *8*; 7, рис. 7, *24*].

Глиняная курильница мисковидной формы с отверстием сбоку (рис. 8, *4*) несколько напоминает раннесарматские курильницы [9, табл. 11, *4*], также слеплена из грубого, плохо промешанного глиняного теста.

Приведенные аналогии датируют погребения курганов Камень II в пределах IV—II вв. до н. э. Погребальный обряд и вещевой инвентарь сближают их с памятниками березовского типа Верхней Оби и рядом других могильников Среднего и Верхнего Приобья второй половины I тысячелетия до н. э. [3, с. 92 сл.], характеризующих сформировавшуюся в третьей четверти I тысячелетия до н. э. культуру населения лесостепного междуречья Иртыша и Оби, соединившую в себе черты большереченской культуры и особенности культуры продвинувшегося сюда в V—III вв. до н. э. населения с запада и юго-запада из степей Казахстана. Наиболее западным памятником этой культуры является могильник Леонтьевка в Павлодарском Прииртышье [13], на востоке ее ареала расположен ряд памятников [16, с. 50; 17, с. 228], в число которых входит описываемый могильник Камень II. В лесостепном Приобье они расположены по обеим сторонам Оби. Не исключено, что в этническом составе населения, пришедшего с запада, имелся сарматский элемент, на что указывают такие черты в погребальном ритуале, как меловая подсыпка, диагональная поза отдельных погребений, снабжение покойника мясом (бок лошади), жертвенная пища в полуподбое в единичных могилах, зеркала сарматских форм, глиняные курильницы, что перекликается с погребальной обрядностью савромат и ранних сармат [4, с. 93, 94, 101]. Определенный вес имел также, очевидно, сако-усуньский этнический компонент, о присутствии которого могут свидетельствовать сходные формы керамики, западная ориентировка погребенных, сооружение погребальных камер из широких плах, конструктивно напоминающих каменные ящики сакских погребений Семиречья и Восточного Казахстана [15, с. 89; 18, табл. I, III; 19, с. 103].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медникова Э. М., Могильников В. А., Уманский А. П., Шемякина А. С., Сергин В. Я.* Работы Алейской экспедиции.— АО-1974. М., 1975.
2. *Могильников В. А., Уманский А. П.* Работы в Кулундинской степи.— АО-1975. М., 1976.

3. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
4. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
5. *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974.
6. *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры.— В кн.: Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1966.
7. *Завитухина М. П.* Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае.— АСб. ГЭ, 1966, № 8.
8. *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979.
9. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1-10. М., 1963.
10. *Davydova A. V.* The Ivolga gorodishche — a monument of the Hung-nu culture in the Trans-Baikal Region.— AAH, 1968, t. 20.
11. *Пшеницына М. Н.* Третий тип памятников тесинского этапа.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
12. *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы.— Вестн. МГУ, 1958, № 4.
13. *Арсланова Ф. Х.* Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша— ИАН КазССР, вып. 2(19). Сер. истор., археол., этногр. Алма-Ата, 1962.
14. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— СА, вып. Д1-9. М., 1963.
15. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.
16. *Уманский А. П.* О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае.— В кн.: Барнаулу 250 лет. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции (1—2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980.
17. *Кирюшин Ю. Ф.* Работы Алтайской экспедиции.— АО— 1978. М., 1979.
18. *Черников С. С.* Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции в 1948 г.— ИАН КазССР. Алма-Ата. Сер. археол., 1951, вып. 3.
19. *Черников С. С.* Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции.— КСИИМК, 1959, № 73.

V. A. Mogilnikov, A. V. Kuibyshev

1976 DIGGINGS OF THE KAMEN II MOUNDS (Upper Reaches of the Ob)

Summary

The authors publish materials from thirteen mounds (from one to eight graves in each, 47 burials in all) of the Kamen II burial on the left bank of the Ob, at Kamen-na-Obi town of the Altai Area. Some of the mounds were encircled with small moats, the dead were buried in rectangular graves, at the bottom of 13 of them there were small shoulders for wooden constructions, in 22 cases the dead were buried inside wooden frames. Extended burials (the dead placed on their backs oriented to the west) predominated, in two of the burials the dead were placed diagonally in broad graves.

Burial furniture is rather scarce being represented by pottery, faunal remains (the horse and the ram), iron knives, fragments of wooden dishes, a mirror, some ornaments and a censer. One of the burials contained a battleaxe, bone and fragments of iron arrowheads, curb-bits with bone parts.

The monument is dated to the 3rd-2nd centuries B. C. and attributed to the culture of the population of the forest-steppe zone between the Irtysh and the Ob rivers of the second half of the 1st millennium B. C. demonstrating the blend of the Bolsherechye culture and the culture bearing the Saka and Sarmatian features introduced to the region from the west.

АБРАМОВА М. П.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Разведочные раскопки последних лет, проводимые на катакомбных могильниках центральных районов Северного Кавказа, выявили ряд комплексов раннесредневекового времени.

Среди них наибольший интерес представляют погребения, открытые на юго-западной окраине Кисловодска. Здесь на левом берегу р. Аликоновки, на холме, получившем название «Директорская горка», в 1968 г краевед Н. Н. Михайлов открыл три погребения в катакомбах, два из которых были полностью ограблены, а третье — с непрослеженной входной ямой — содержало костяк человека с инвентарем, датируемым II—III вв.

В 1977 г. нами был заложен разведочный раскоп, несколько выше по склону холма от погребений, открытых Н. Н. Михайловым, рядом с двумя рядами грабительски раскопанных катакомб. Здесь было найдено шесть погребений, одно из них — захоронение коня в узкой яме, а пять — катакомбные могилы (рис. 1, *1*).

Все катакомбы обозначены на древней поверхности прямоугольными оградками из довольно массивных камней, положенных друг на друга в два-три ряда и ограничивающих камеру и входную яму во всю их длину (рис. 1, *2—10*). Эти каменные сооружения (размерами 3,6 — 3,7×1 м или 4,5 — 4,7×1,7—2 м) обнаруживаются прямо под дерном, причем в ряде случаев отдельные камни располагались и непосредственно над камерой. Довольно своеобразно выглядела кладка у погр. 6: она была сложена из массивных плит, образующих подквадратную раму размерами 2,4×2 м, внутренняя часть которой также была почти вся заполнена камнями (рис. 1, *11*). Камни располагались друг на друге в два-три ряда, образуя вид панциря над юго-восточной половиной входной ямы. Несколько мелких камней найдено и к северо-западу от них, однако эти камни были уже в пределах грабительской ямы, поэтому размещение их было, очевидно, случайным. У юго-восточной наружной стены кладки, непосредственно примыкая к ней, находилось скопление фрагментов керамики на глубине 0,35—0,40 м от поверхности, среди которых найдены кусочки угля. По-видимому, это были остатки тризны. Кусочки угля и участок обожженной почвы обнаружен в 0,5 м от юго-восточного края входной ямы погр. 2. Этот участок сверху был перекрыт камнями от оградки. Как остатки тризны можно рассматривать и фрагменты горла сероглиняного кувшина (рис. 2, *1*), найденного среди камней над входной ямой погр. 5.

Все катакомбные погребения имели однотипное устройство. Входные ямы, вытянутые по склону холма, были ориентированы с СЗ на ЮВ (рис. 1). Средняя длина их 2—2,5 м, лишь в погр. 2 — 1,6 м; ширина — 0,4—0,5 м в юго-восточном и 0,60—0,85 м в северо-западном конце, где имелся вход в камеру. Входные ямы рылись колодцем, т. е. не имели выхода на склон, однако благодаря значительной крутизне склона глубина ям в юго-восточном конце равнялась в среднем 0,6 м, что позволяло обходиться без сооружения ступеней. Глубина входных ям у входа в камеру достигала 1,5—1,8 м (лишь в погр. 2 — 0,95 м). Во всех входных ямах, в противоположных от входа в камеру концах, найдены разбитые глиняные сосуды (рис. 1, *2, 5, 7, 9, 11*), что можно также связывать с

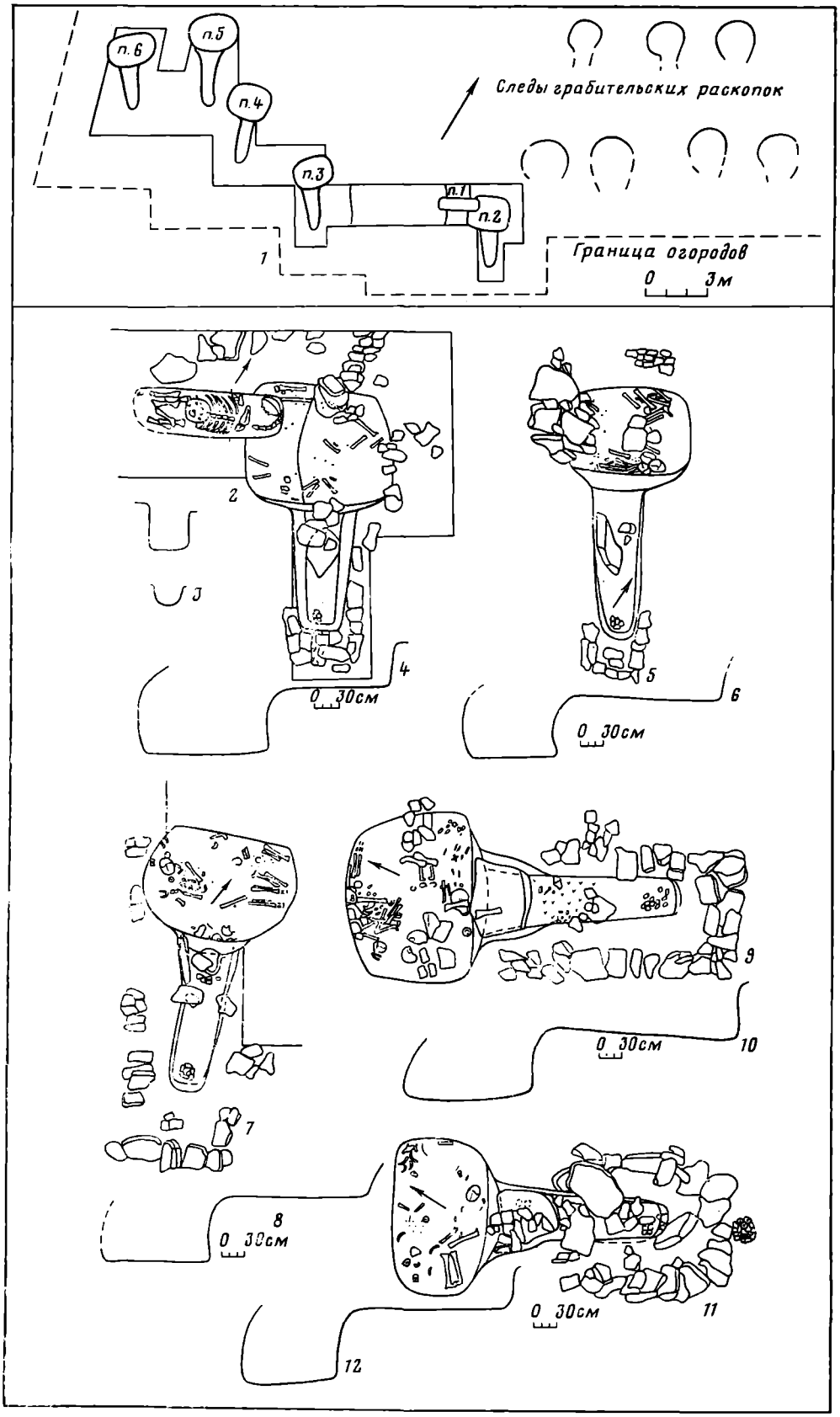


Рис. 1. Могильник «Директорская горка» близ Кисловодска, планы погребений. *1* — план раскопа; *2* — план погр. 1 и 2; *3* — разрез погр. 1; *4* — разрез погр. 2; *5*, *6* — план и разрез погр. 3; *7*, *8* — план и разрез погр. 4; *9*, *10* — план и разрез погр. 5; *11*, *12* — план и разрез погр. 6

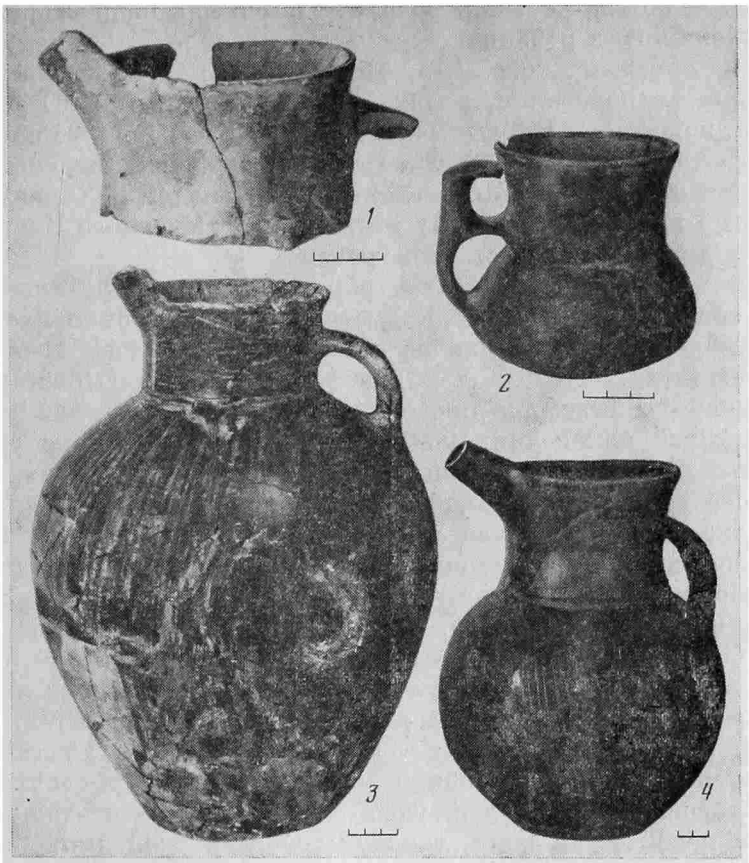


Рис. 2. Глиняные сосуды из погр. 5 могильника «Директорская горка»

тризной. Дно входных ям было горизонтальным, иногда слегка повышалось к камере (погр. 3,5). Камеры располагались выше по склону и были направлены перпендикулярно к длинной оси входной ямы. Вход в камеру находился примерно посредине одной из длинных ее сторон. Дно камер лежало на 0,85—0,95 м ниже дна входных ям. Общая глубина камер от поверхности почвы 3—3,6 м. Вход в камеры закладывался массивными каменными плитами, которые поддерживались более мелкими камнями. Камеры, как правило, имели подпрямоугольную форму и были ориентированы с СВ на ЮЗ. Длина их от 1,80 м до 2,25 м, ширина — от 1,2 до 1,7 м. В одном случае (погр. 2) камера была подквадратной формы. Вдоль юго-западной стены ее имелась «лежанка» шириной 0,60—0,75 м, на 0,1 м выше дна, отделяясь от него четким вертикальным срезом (рис. 1, *2*). Все катакомбы были ограблены в древности. Грабительские ямы прослежены в северо-западном конце (у входа в камеру) входных ям; в ряде случаев (погр. 4—6) грабительские ямы округлой формы срезали верхнюю часть стен входных ям (рис. 1, *7*, *9*, *11*) и разрушали входное отверстие.

Из-за ограбленности катакомб найденные в них человеческие кости лежали в беспорядке. Однако сохранившиеся в ряде случаев (погр. 4, 5) непотревоженные кости позволяют говорить о том, что погребенные лежали вытянуто на спине, головой на ЮЗ (т. е. головой слева от входа). Лишь в одном случае (погр. 2) имеющаяся у дна «лежанка», устроенная вдоль юго-западной поперечной стены камеры, позволяет сделать предположение, что в данной катакомбе направление костяков, возможно, совпадало с направлением входной ямы, т. е. они лежали ногами или головой ко входу.

Найденные в катакомбах разрозненные кости не позволяют говорить с определенностью о количестве погребенных в катакомбах. В двух случаях (погр. 2 и 6) можно предполагать индивидуальные захоронения, в одном (погр. 4) — парное погребение взрослого и ребенка и в двух

(погр. 3 и 5) — по три костяка: погр. 3 — детей или подростков, погр. 5 — мужчины, женщины и ребенка.

В трех катакомбах (погр. 2, 3, 4) на дне камер прослежены остатки темного тлена от подстилки, в двух случаях (погр. 5 и 6) обнаружена известковая подсыпка. Во всех катакомбах в засыпке входной ямы и камеры встречались кусочки угля, однако, поскольку все могилы были ограблены, угли могли быть оставлены и грабителями. Характерная для ряда катакомб других синхронных могильников Северного Кавказа угольная посыпка дна камеры здесь не встречена.

Наиболее интересное по деталям обряда (и по набору инвентаря) захоронение обнаружено в погр. 5. В юго-восточном конце входной ямы, как и в других катакомбах, найден разбитый кувшин. По всей северо-западной половине входной ямы у дна ее проходит насыщенный углями слой толщиной до 10 см. В пределах этого слоя у юго-западной стены найден железный наконечник копья с плоским пером (рис. 3, *41*), как бы воткнутый в землю (втулкой вверх). На этом же уровне у северо-восточной стены лежали железные стремена, фрагменты удил с псалиями и железная прямоугольная пряжка (рис. 3, *28*, *39*, *40*). В этом же углистом слое, преимущественно у юго-западной стены, найдены мелкие, частично обожженные фрагменты костяных пластин и серебряных позолоченных бляшек (рис. 3, *36*, *38*; 4), фрагменты бронзовых петель и заклепок, при помощи которых бляшки крепились к ремням, фрагменты железного ножа и мелкие фрагменты кожи. Во входной яме, однако только в пределах грабительской ямы, под каменной плитой, лежавшей у входа, найдены кости ног коня (над углистым слоем); кости ног, таза и несколько позвонков коня обнаружены и в верхних слоях насыпной земли в камере. Однако вряд ли во входной яме имелось первоначально захоронение целой туши коня, так как грабительской ямой была потревожена лишь незначительная прилегающая к камере часть входной ямы, где, возможно, и были положены части туши коня.

Близкие детали обряда мы видим и в погребении коня, совершенном в отдельной яме. Узкая длинная яма подпрямоугольной формы, один конец которой находился над камерой погр. 2, выше ее свода, была вытянута с ЮЗ на СВ, т. е. она была расположена параллельно не входным ямам катакомб, а их камерам (рис. 1, *2*). Длина ее около 2 м, ширина 0,6 м, глубина 1,6 м. Над центром ямы на глубине 0,9—1,2 м обнаружено небольшое скопление камней. Костяк коня лежал на дне в вытянутом положении на животе, головой на СВ (рис. 1, *2*). Над костяком коня, примерно в центре могилы, над позвонками найдены лежащие друг на друге стремена, частично деформированные (рис. 5, *1, 2*). У задних ног, где могила коня была нарушена перекопом, обнаружен фрагмент железного псалия с обломанными концами и кольца от удил (рис. 5, *3, 4*).

Прямо над стременами и непосредственно под скоплением камней в рыхлом слое засыпки обнаружена круглая яма (в разрезе коническая) диаметром до 0,3 м (рис. 1, *3*). Глубина ее от поверхности материка 0,25 м. Эта ямка была заполнена золой, углями, среди которых найдены фрагменты различных, частично обожженных предметов: обломки серебряных тисненых бляшек с рельефным узором (рис. 5, *6*), деформированные фрагменты бронзового колокольчика (рис. 5, *8*), фрагменты бронзовых штифтов (для скрепления ремней) и мелких костяных пластин, часть из которых имеет на концах отверстия (рис. 5, *5*, *9*), фрагменты железного предмета (пряжки? — рис. 5, *7*).

Фрагменты бляшек и костяных пластин, найденные в ямке над погребением коня и в углистом слое у дна входной ямы мог. 5, тождественны, что позволяет рассматривать оба эти случая как разновидность одного и того же ритуала, о котором подробнее будет сказано ниже. В обоих случаях сожжения связываются с захоронением коня, а найденные с

Рис. 3. Инвентарь погр. 5 могильника «Директорская горка». *1—27*, *29—35* — из камеры, *28*, *36—41* — из слоя с сожжением во входной яме

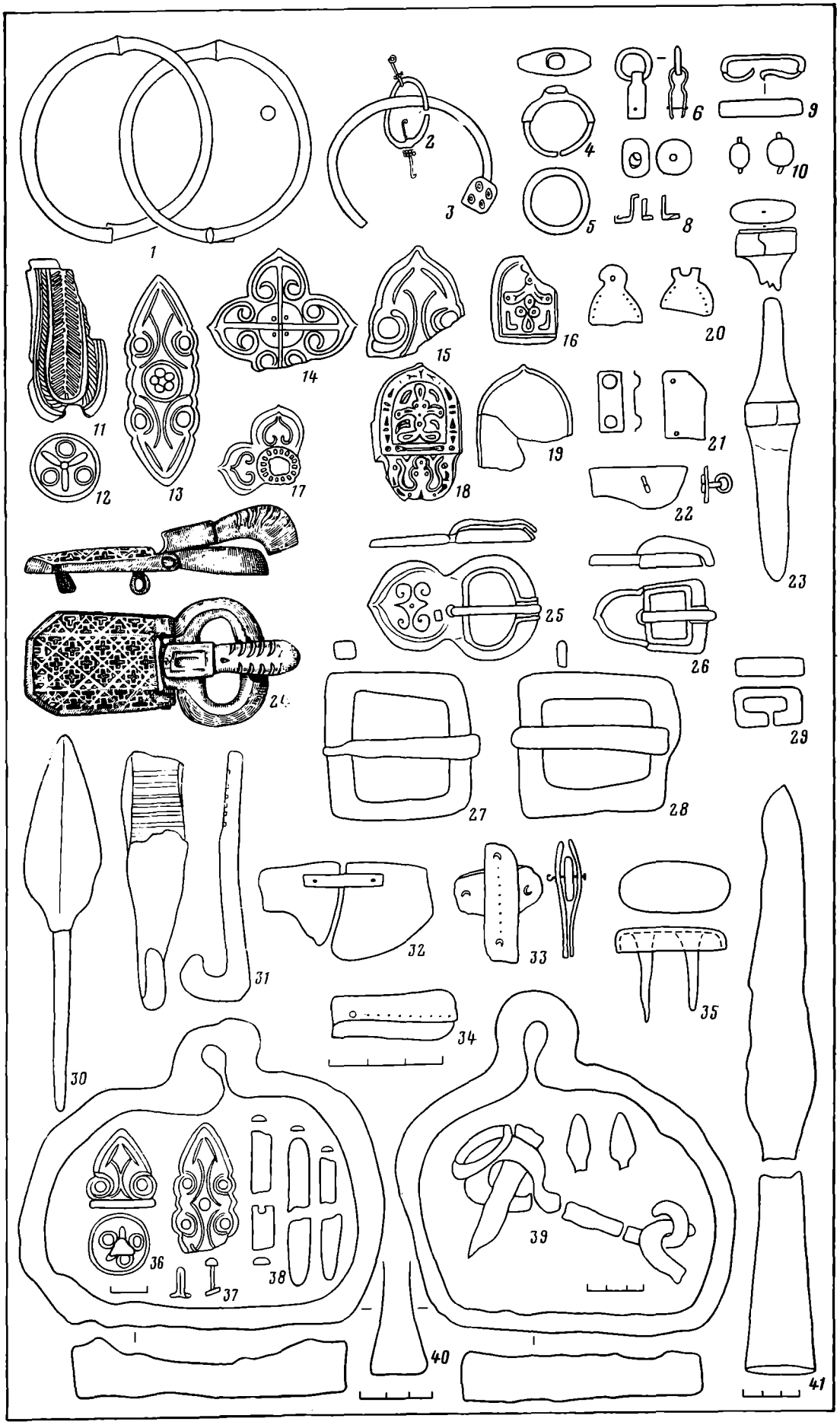

1
2
3
4
5
6
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41

Рис. 3

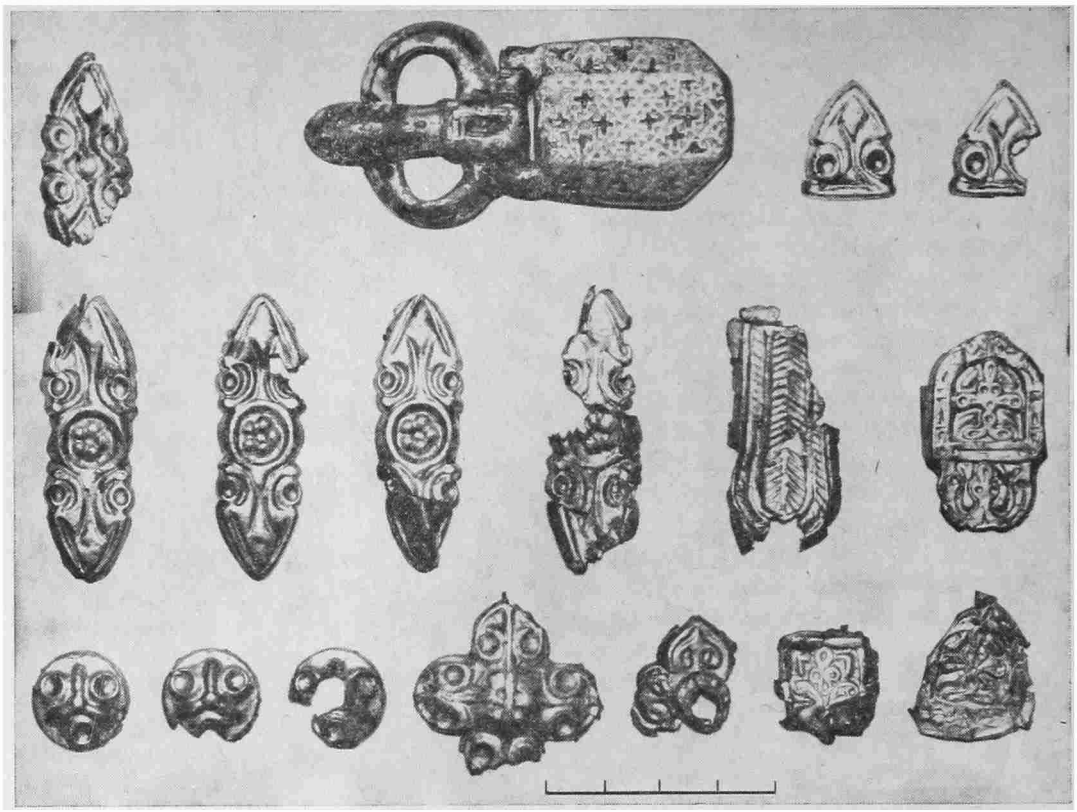


Рис. 4. Поясная пряжка и бляшки из погр. 5 могильника «Директорская горка»

ними предметы относятся к снаряжению коня: удила, стремена, обкладки седла, бляшки и пряжки.

Что касается захоронений людей, то из-за ограбленности всех камер сопровождавший их инвентарь сохранился лишь частично и в большинстве случаев в фрагментах. По этой же причине первоначальное местоположение предметов устанавливается лишь в единичных случаях. Так, в погр. 4 при костяке взрослого найдено: у правого плеча — бронзовая серьга (рис. 6, *33*), среди грудных костей — бусы и бронзовая обойма (рис. 6, *27—32*), справа у бедра и у смещенных костей таза — бронзовые бляшки (рис. 6, *21—25*). В погр. 5 сохранились in situ кости таза и правой руки ребенка. На запястье правой руки найден браслет (рис. 3, *1*), второй такой браслет лежал слева у таза. У фаланг пальцев правой руки — бронзовый перстень с золотой обкладкой (рис. 3, *4*), вдоль кости правой руки — железный нож с серебряными обоймами (рис. 3, *23*), под правой половиной таза — бронзовая пряжка (рис. 3, *25*).

Среди погребального инвентаря довольно полно представлена керамика: сосуды найдены во всех без исключения катакомбах, несмотря на их ограбленность. Каждая катакомба содержала по четыре-пять сосудов, причем все они, за исключением двух, были разбиты и от некоторых сохранились лишь отдельные фрагменты. В погр. 2, 4 и 5 было по четыре сосуда, в погр. 3 — пять, и лишь в погр. 6 сохранились фрагменты одного сосуда. Первоначальное местоположение сосудов установить нельзя, так как подавляющее большинство их найдено в фрагментах в пределах грабительской ямы и в камере у входа. Лишь в юго-восточном конце входной ямы (противоположном от входа в камеру) в каждой катакомбе, как отмечалось, были фрагменты разбитого кувшина, являющиеся остатками тризны.

Для некоторых катакомбных могильников, обнаруженных в окрестностях Кисловодска, характерно наличие сосудов, иногда разбитых (остатки тризны) на дне входной ямы у закладной плиты [1, с. 133]. Существовал ли такой обычай на данном могильнике, сказать трудно, так как в этой части входной ямы во всех катакомбах шел грабительский

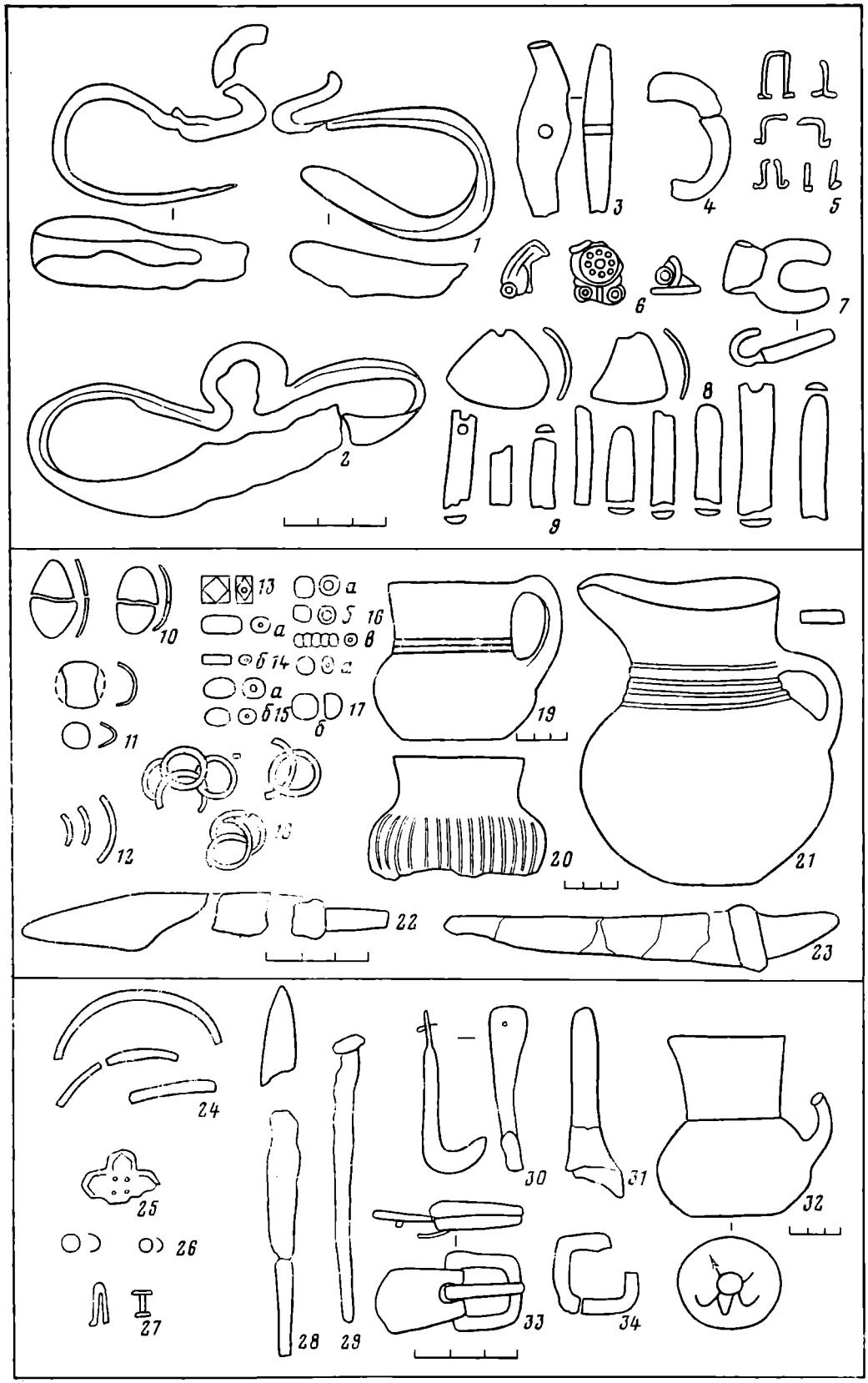


Рис. 5. Инвентарь погр. 1, 2, 6 могильника «Директорская горка». *1—9* — погр. 1; *10—23* — погр. 2; *24—34* — погр. 6

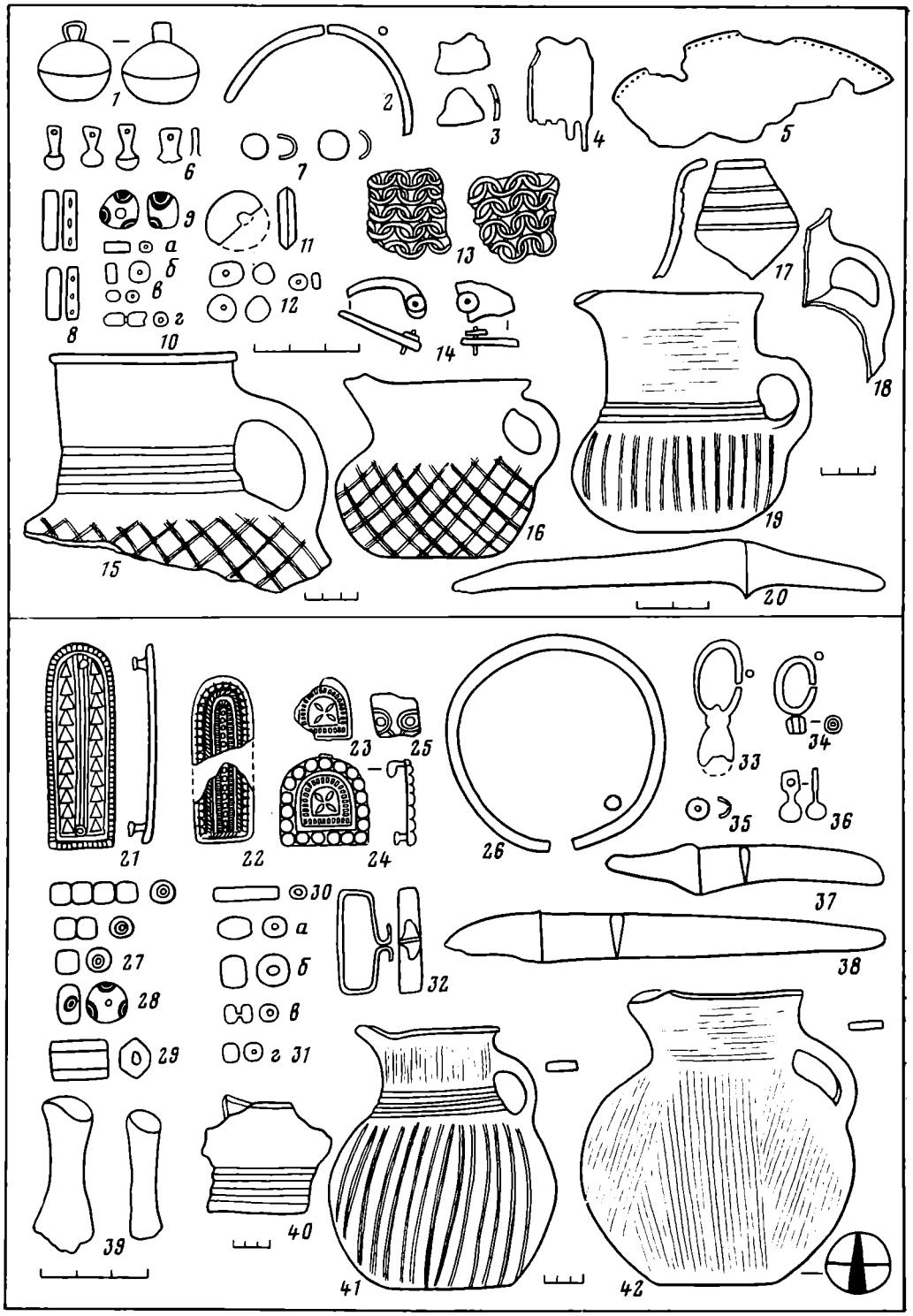


Рис. 6. Инвентарь погр. 3 и 4 могильника «Директорская горка». *1—20* — погр. 3; *21—42* — погр. 4

ход. Поэтому установить с определенностью, сколько и какие сосуды связаны с тризной, нельзя. Однако можно сказать, что, судя по пяти сосудам, найденным в юго-восточных концах входных ям и определенно связанных с тризной, они не имели каких-либо особенностей по сравнению с сосудами, связанными с захоронением в камере, так как среди них есть сосуды высокого качества с хорошим лощением (рис. 2, *4*) и, с другой стороны, грубо сделанные нелощеные сосуды (рис. 5, *19*; 6, *41*). По-видимому, для тризн здесь использовалась та же керамика, что и для самих захоронений: так, в погр. 5 (наиболее богатом, имеющем самую большую по размерам камеру и входную яму с остатками сожже-

ния и захоронением коня) все сосуды, включая тризну, были высококачественными (рис. 2, *1—4*), сделанными на гончарном круге; сосуды же из входных ям и камер погр. 2 и 3 в большинстве своем были лепными, имели небрежное лощение либо совсем не имели его (рис. 5, *19—21*; 6, *15—19*). Подавляющее большинство сосудов однотипно. Из 18 найденных сосудов форма восстанавливается для 16, которые можно с определенностью отнести к разряду кувшинов (из них 15 одноручных и один трехручный). Трехручный кувшин больших размеров (высота 38,3 см) с вытянутым яйцевидным туловом имел следы пролощенных полос — горизонтальных на горле и вертикальных на тулове (рис. 2, *3*). Близкие по форме сосуды известны с территории западных районов Центрального Предкавказья (верховья Кубани, окрестности Кисловодска, Кабардино-Балкария) [2, с. 220, рис. 23; 3, с. 241; 1, с. 136; рис. 2, *11*; 4, рис. 24, *13*]. У одноручных кувшинов форма восстановлена для 11, кроме того, в трех погребениях найдены фрагменты кувшинов (погр. 2 — фрагмент ручки, погр. 3 — фрагмент стенки с ручкой (рис. 6, *18*), погр. 4 — фрагмент цилиндрического горла с горизонтальными желобками в нижней части и со сливом (рис. 6, *40*) и слив от другого кувшина). Среди этих кувшинов выделяется группа кувшинов с округлым (в большинстве случаев шаровидным) туловом, коротким подцилиндрическим горлом со сливом и плоской ручкой. Среди них есть тонкостенные гончарные кувшины с хорошо залощеной поверхностью (рис. 2, *4*), есть сероглиняные грубой выделки кувшины сделанные на ручном круге и имеющие на дне клеймо (рис. 6, *42*), есть лепные сосуды (рис. 5, *21*). Почти все они имеют орнамент из глубоких горизонтальных желобков (от одного до трех) в нижней части горла, а также из пролощенных вертикальных полос на тулове (рис. 6, *42*), иногда довольно глубоких (рис. 6, *41*). У кувшина из погр. 5 кольцевые пролощенные полосы проходят и по закрытому сливу, а над горизонтальными канелюрами в нижней части горла расположен ряд косых насечек (рис. 2, *4*). Тулово кувшина из погр. 3 покрыто орнаментом из пролощенных линий в виде косой сетки (рис. 6, *15*). Кувшины этого типа достигают в высоту 21—24 см. Остальные кувшины имеют меньшие размеры — от 13—17 см (рис. 5, *21*; 6, *19*) до 9,5—10,5 см (рис. 2, *2*; 5, *19*, *32*; 6, *16*) разные пропорции (горло составляет примерно половину либо реже около $^2/_3$ (рис. 6, *19*) всего сосуда), однако приемы орнаментации их такие же, как у больших сосудов (пролощенные полосы).

Из остальных сосудов, форма которых полностью не восстанавливается, имеются фрагменты нелощеного сосудика с коротким горлом и округлым туловом, покрытым вертикальными пролощенными полосами (рис. 5, *20*), а также фрагмент миски или чаши с желобчатым краем (рис. 6, *17*).

Таким образом, найденная в погребениях керамика довольно однотипна: она представлена в основном кувшинами, большая часть которых сравнительно грубой выработки, неравномерного обжига, имеет пятнистую неровную или небрежно залощенную поверхность, сделана от руки либо на ручном гончарном круге, часто из грубой глины с большой примесью дресвы (кварца). Тонкостенные сосуды, в том числе почти все миниатюрные кувшинчики, делались из плотной отмученной глины с мелкими примесями, однако обжиг и у них был неравномерный, поэтому поверхность, хотя в ряде случаев и очень хорошо лощенная, была покрыта пятнами. Вся керамика и по формам сосудов, и по приемам орнаментации находит близкие аналогии в керамике аланских раннесредневековых могильников, открытых в районе Кисловодска [1, с. 136, 137, рис. 2]. Сложение форм этой керамики и особенностей орнамента происходило на этой территории еще в V—VII вв. [5, с. 8—10], что говорит о местных ее корнях. С другой стороны, некоторые типы находят близкие аналогии в керамике салтово-маяцкой культуры [6, с. 114—119, рис. 28—29], распространившейся в VIII—IX вв. на широкой территории, что подтверждает близость и родство этих двух культур.

Помимо керамики, большую и выразительную группу инвентаря открытых погребений составляют, как уже отмечалось, предметы конского

снаряжения, близкие наборы которого найдены в погр. 1 и 5. В обоих погребениях найдены восьмеркообразные стремена, обе пары стремян имеют небольшую (в погр. 1 — пластинчатую) круглую петлю. Стремена из погр. 1 (захоронение коня), имеющие более облегченный тип и, очевидно, более округлую форму, полностью деформированы (рис. 5, *1, 2*). Аналогично деформированные удила обнаружены и в одной из катакомб могильника «Мокрая балка» у Кисловодска [1, с. 138, рис. 3, *3*]. Стремена из погр. 5 более массивные (рис. 3, *40*), имеют некоторые признаки (угловатость вверху и внизу), позволяющие, по мнению А. К. Амброза, относить их к концу VII—VIII вв. и сближать их с аварскими стременами и стременами тюрков Сибири [7, с. 93]. В тех же погребениях найдены железные удила. Судя по сохранившимся невыразительным фрагментам, они были кольчатыми со стержневидными железными псалиями (рис. 3, *39*; 5, *3, 4*), возможно, с утолщениями на концах (рис. 3, *39*). У удил из погр. 5 имеются дополнительные кольца, которые, очевидно, продевались вместе с псалиями (рис. 3, *39*). Полная форма удил и псалий не восстанавливается. Обломки стержней, по-видимому от удил, найдены и в погр. 4 (рис. 6, *39*).

В пережженном слое погр. 1 и 5 найдены были фрагменты серебряных позолоченных тисненых блях (рис. 5, *6*; 3, *11—19*), а также обломки бронзовых штифтов, при помощи которых они прикреплялись к ремням (рис. 3, *8*; 5, *5*). Такие бляшки и ранее встречались вместе с удилами и стременами, что позволяло рассматривать их как принадлежность конской сбруи [8, с. 42—46, табл. III]. Однако тот факт, что вместе с ними было найдено и оружие, а также хрупкость бляшек и тщательность их отделки свидетельствует, по справедливому заключению С. А. Плетневой, о том, что они являлись украшениями одежды воина, а не убора его коня [6, с. 168]. Поэтому найденные ременные бляшки будут рассмотрены ниже, при описании поясных наборов.

В слое сожжений в погр. 5 и 1 найдены однотипные мелкие костяные накладки, частично пережженные. На то, что это не накладки на лук, указывают не только их меньшие размеры (ширина их 0,5—0,8 см). Некоторые фрагменты имеют сквозные круглые отверстия, расположенные не у одного из продольных краев, как у накладок от лука, а в центре пластины (рис. 3, *38*; 5, *9*). По-видимому, эти пластины являются фрагментами седельного канта. Подобные седельные канты известны в могильниках Алтая и Тувы VI—VII в. [9, с. 33, табл. XII, *13*; 10, с. 38, рис. 38].

В погр. 5 найдены две массивные подпружные железные прямоугольные пряжки (одна из них — во входной яме рядом с фрагментами удил) (рис. 3, *27, 28*). Такие пряжки известны в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья, Украины и Северного Кавказа (Дагестана) [6, с. 169, рис. 46, *1—2*; 8, с. 43, табл. II, *8*; 11, с. 47]. В камере погр. 5 найдены обрывки кожаных ремней, в том числе и перекрестных (рис. 3, *33, 34*), по-видимому, от уздечки. Ремни все узкие (ширина 1,2—1,5—2 см). Они состоят из двух слоев кожи, сложенных вместе, либо один слой кожи свернут вдвойне, так что стык располагается на обратной стороне ремня (рис. 3, *34*). На краях ремней имеются следы прошивки, а по центральной оси проходит ряд бронзовых заклепок, сделанных чаще всего в виде петли из тонкой проволоки с отогнутыми концами либо, реже, в виде штырей с заклепками (квадратной и круглой) на концах (рис. 3, *37*). При помощи этих заклепок к ремням крепились бляшки. Подобные ремни известны и среди материалов Верхнечирюртовского могильника [11, с. 46, рис. 16, *25*; 12, с. 10, рис. 2, *11, 19*].

Оружие представлено наконечником копья с плоским пером (рис. 3, *41*) и массивным железным трехлопастным наконечником стрелы (погр. 5, рис. 3, *30*). Остатками стрелы являются, по-видимому, и фрагменты железа, найденные в погр. 6 (рис. 5, *28*). В этих же погребениях (5 и 6) обнаружены железные колчанные крюки (рис. 5, *30*), один из которых инкрустирован с внешней стороны бронзовыми пластинками (рис. 3, *31*). Из погр. 5 происходит железное навершие в виде овального в пла-

не колпачка с двумя штырями (рис. 3, *35*), являющееся, возможно, навершием кинжала, а скорее всего, судя по размерам (длина 3 см),— боевого ножа. О существовании таких ножей у салтовцев писала С. А. Плетнева [6, с. 160]. Хорошо известны они в это время и на территории Дагестана [11, с. 42]. Железные ножи, чаще всего в фрагментах, найдены во всех катакомбах по два (погр. 2, 4, 5) или по одному экземпляру. Обычно они имеют прямое лезвие и прямую либо изогнутую спинку (рис. 5, *22*, *23*; 6, *20*, *38*). На некоторых имеются следы деревянных ножен. У ножа из погр. 4 сохранились остатки костяной рукояти (рис. 6, *38*). Длина большинства ножей 11—12 см. Но есть и совсем маленькие, длиной 7, 5—8 см (рис. 6, *37*). В погр. 5 такой нож лежал вдоль правой руки ребенка. Он был в деревянном футляре, от которого сохранились обоймы из тонких серебряных пластин — у основания рукояти и на навершии (рис. 3, *23*). Навершие крепилось к уплощенной, сужающейся книзу деревянной основе при помощи центрального железного штыря. Рядом были найдены фрагменты таких же пластин, украшавших, по-видимому, ранее эти ножны. В двух погребениях (2 и 3) найдены фрагменты железных кольчуг (рис. 5, *18*; 6, *13*). Железные кольчуги и панцири не характерны для памятников аланской культуры Центрального Предкавказья предшествующего времени, они появляются здесь лишь на рубеже VII—VIII вв., тогда как в Дагестане кольчуги получили широкое распространение в эпоху раннего средневековья, особенно в хазарское время, так как там, по сведениям арабских источников, было целое царство «кольчужных мастеров», продукция которых распространялась по всему Кавказу [11, с. 43]. Известны кольчуги и в памятниках кочевых племен Алтая [9, с. 27, табл. XXIV, *1*].

Особый интерес вызывают найденные в погребениях поясные бляшки. Все они тисненые, сделанные из тонкой серебряной, покрытой золотой фольгой, либо бронзовой пластины.

Серебряные бляшки (со следами огня) обнаружены в двух могилах с обрядом сожжения и захоронением коня; в ямке с сожжением над захоронением коня (погр. 1) (рис. 5, *6*); близкие по форме бляшки, покрытые золотой фольгой и также имеющие следы огня, найдены, как отмечалось, в пережженном слое у дна входной ямы погр. 5 (рис. 3, *36*), а также в камере этого погребения (рис. 3, *11—19*), в разных ее местах: среди сдвинутых костей у стены камеры напротив входа, непосредственно у входа в камеру и в восточном ее углу (справа от входа). Бляшки, найденные в камере и во входной яме погр. 5, аналогичны. Они имеют разную форму — круглые, крестовидные, овальные и др. (рис. 4), однако элементы их орнамента в целом однотипны, хотя имеется ряд бляшек со сложным узором (рис. 3, *16*, *18*). Общее количество бляшек установить нельзя из-за ограбленности могилы: часть их найдена в фрагментах, а кроме того, обнаружено много мелких фрагментов золотой фольги со следами тисненого узора. Больше всего (8 экз.) найдено вытянутых бляшек с подтреугольными концами и розеткой в центре (рис. 3, *13*), бляшек других форм найдено по 3—4 экз. Среди этих бляшек есть и наременные наконечники — орнаментированные (рис. 3, *11*) (один целый и фрагменты) и один гладкий, фрагментированный (рис. 3, *19*).

Рассмотренные бляшки по технике, форме и орнаменту составляют довольно своеобразную группу, уже известную в памятниках Юго-Восточной Европы, среди которых в первую очередь надо упомянуть погребение у с. Вознесенки на Днепре, где вместе с удилами, стременами и палашами в слое с сожжением найдено большое количество бляшек подобных форм [8, с. 46, табл. III]. Аналогичные золоченые бляшки известны и из района Кисловодска, где они также были обнаружены в ямке с сожжением и сопровождались находками стремян, удил, костяных обкладок лука, стрел и т. д. [13, с. 81, 82]. Серебряные бляшки близких форм обнаружены и в Верхнечирюртовском могильнике Дагестана [12, с. 25—27, рис. 8, 7, *8*].

В погр. 4 найден набор бронзовых тисненых блях в форме полуовалов и удлиненных наконечников (рис. 6, *21*, *22* — по 1 экз., *23*, *24* — 1 це-

лая бляшка и 2—3 в фрагментах). Близкие по форме и орнаменту бляшки известны из катакомбных погребений VII—VIII вв., открытых в районе Кисловодска [14, с. 104, 105, табл. V, *55*]. В погр. 6 найдена миниатюрная бронзовая тисненая крестовидная бляшка (рис. 5, *25*), кроме того, почти во всех погребениях обнаружены мелкие полушарные бляшки, серебряные (рис. 5, *26*; 6, *7*, *35*) или бронзовые (рис. 5, *11*), имеющие иногда отверстие в центре. В двух погребениях (4 и 5) обнаружены бронзовые прямоугольные обоймы от ремня, сделанные из узкой пластины концы которой отогнуты в разные стороны (рис. 6, *32*). Передняя часть обоймы из погр. 5 имеет обкладку из золотого листа (рис. 3, *9*). Из этого же погребения происходит небольшая ременная обойма из согнутой вдвое пластины, в которую продето кольцо (рис. 3, *6*).

Пряжки со щитками представлены 4 экз. Две из них квадратно-рамчатые: одна железная с подпрямоугольным щитком (погр. 6, рис. 5, *33*), вторая бронзовая односоставная с геральдическим щитком, заканчивающимся острием (погр. 5, рис. 3, *26*). В этом же погребении (5) найдены две бронзовые византийские пряжки, одна из них односоставная, овальнорамчатая с выемкой для язычка, с округлым щитком, заканчивающимся острием, имеющим гравированный орнамент из завитков (рис. 3, *25*). На обороте два штыря с остатками кожаного ремня. Найдена у пояса ребенка (справа под костями таза). Вторая пряжка обнаружена среди сдвинутых костей. Это массивная позолоченная бронзовая двусоставная пряжка, овальнорамчатая, с вытянутым щитком и массивным язычком с прямоугольным выступом, имеющим гнездо для вставки (из зеленой эмали?). Щиток имеет два продольных ребра, средняя грань щитка горизонтальная, боковые — скошенные. Вся поверхность щитка покрыта сложным пунсонным орнаментом, основу которого составляют миниатюрные углубленные треугольники, расположенные так, что золоченый гладкий фон образует орнамент в виде косой сетки. В центре каждой клетки помещена углубленная крестообразная (на горизонтальной средней плоскости) или Т-образная (на боковых гранях) фигура, заполненная синей эмалью. Все треугольные углубления заполнены зеленой эмалью (рис. 3, *24*; 4). Пряжка прикреплялась к ремню при помощи трех довольно массивных петель. Вся углубленная часть щитка с обратной стороны заполнена беловатой массой. На территории СССР пряжки византийского типа получают широкое распространение во второй половине VII и в VIII в., в первую очередь в памятниках Юго-Западного Крыма, как следствие усиления византийского влияния [15, с. 116, 117]. К этому же времени относится и распространение их в могильниках Северного Кавказа.

В двух погребениях найдены бронзовые пуговицы (погр. 3 — 3 экз., погр. 4—1 экз.— рис. 6, *6*, *36*). В погр. 3, кроме того, найден один шаровидный бубенчик без прорези (рис. 6, *1*). Бубенчики и пуговицы являются, по свидетельству А. К. Амброза, важным датирующим признаком VIII в. и позже [15, рис. 8, *47*; 16, с. 130].

В погр. 3 найдены фрагменты бронзового колокольчика (рис. 6, *3*), фрагменты деформированного колокольчика (рис. 5, *8*) обнаружены и в ямке с сожжением над погребением коня (погр. 1).

Найденные в погребениях немногочисленные украшения представлены серьгами, браслетами, перстнями и бусами. Из погр. 4 происходят две бронзовые серьги. Обе они проволочные в виде овального кольца. У одной из них внизу привеска из свернутой в трубочку ребристой пластины (рис. 6, *34*), у другой — отросток, заканчивающийся полой овальной бусиной (рис. 6, *33*). Серьги такого типа характерны для памятников VI—VII вв. Горного Алтая [9, табл. XXXI, *4*, *5*, *7*]. В могильниках юга Восточной Европы, в частности Северного Кавказа, они характерны главным образом для VII—VIII вв. [17, с. 15, 16; 15, с. 121, рис. 8, *31*, *32*]. В погр. 5 найдена золотая проволочная серьга в виде овального кольца с отростками в виде стержня, с загнутым в петлю концом, на который насажено подвижное колечко из зерни (рис. 3, *2*). Эта серьга была найдена с продетым в нее серебряным проволочным

кольцом диаметром 4 см, на конец которого насажена бочковидная желтая глухого стекла бусина с мелкими серыми глазками в светло-желтых ободках (рис. 3, *3*).

В этом же погребении найдены серебряные круглые бусины, насаженные на бронзовые стержни (рис. 3, *10*), также, возможно, являющиеся обломками серег или привесок.

В четырех погребениях обнаружены браслеты. Браслет из погр. 4 — круглопроволочный с несомкнутыми обрублепными концами (рис. 6, *26*). В погр. 5 — два круглопроволочных браслета с заходящими друг за друга утолщенными обрубленными концами и биконическим утолщением в средней части (рис. 3, *1*). Один браслет был найден на запястье правой руки детского костяка, второй — слева у таза. Подобные браслеты с расширением в средней части характерны главным образом для раннесредневековых памятников Северо-Восточного Кавказа, в первую очередь Дагестана, а также Закавказья, в частности Азербайджана и Грузии. Н. И. Апхазава датирует подобные браслеты из Грузии VII в., считая, что на других территориях Кавказа они доживают до IX в. [18, с. 120, табл. XXXVII, *19*, *20*]. В погр. 3 и 6 найдены фрагменты браслетов из тонкого овального в сечении бронзового прута (рис. 5, *24*; 6, *2*).

Бронзовый миниатюрный перстень с овально расширенным щитком найден в погр. 5 у пальцев правой руки детского костяка (с браслетами). Передняя расширенная часть перстня покрыта золотым листом с загнутыми на внутренней стороне краями. В центре — прорезь с чуть приподнятыми краями золотого листа, образующими гнездо с круглой вставкой сиреневого стекла (рис. 3, *4*). В погр. 2 найдены две тонкие бронзовые ромбовидные или овальные пластины, являющиеся, возможно, щитками от перстней (рис. 5, *10*). В погр. 6 обнаружен деформированный железный стержень с утолщением на конце, по-видимому, гвоздевидная **булавка** (рис. 5, *29*), длина ее 8,5 см.

В четырех погребениях найдены бусы (погр. 2—20 экз., погр. 3 — 17, погр. 4—18, погр. 5 — одна бусина). В основном это мелкие стеклянные одноцветные бусины разных форм: бочковидные белого (рис. 5, *15* — 2 экз.) и зеленого (рис. 6, *31а* — 1 экз.) стекла, цилиндрические из желтого (рис. 6, *10а* — 3 экз.), белого (рис. 6, *10а* — 1 экз.), зеленого (рис. 6, *31г* — 2 экз.), синего прозрачного (рис. 6, *10б* — 1 экз. и 6, *30* — 1 экз.) и красного глухого стекла (рис. 5, *14б* — 5 экз.). Есть шестигранные в сечении вытянутые бусины из глухого зеленого стекла (рис. 6, *29* — 2 экз.). В трех погребениях найдено по одной округлой бусине (рис. 5, *17*; 6, *10в*; 6, *31б*). В погр. 3 и 5 имеются бусы в виде столбика из двух бусин синего прозрачного (рис. 6, *31в* — 5 экз.) и желтого стекла (рис. 6, *10г* — 1 экз.). В погр. 3 найдены плоские пронизи из синего (3 экз.) и зеленого (1 экз.) стекла с тремя отверстиями (рис. 6, *8*). В двух погребениях имеются бусы с металлической прокладкой: в погр. 2 — семь округлых бусин и одна в виде столбика из четырех бусин (рис. 5, *16*); в погр. 4 — две округлые и три в виде столбика из двух и четырех (1 экз.) бусин — рис. 6, *27*. В трех погребениях найдено по одной глазчатой бусине: две из них из желтого глухого стекла с зелеными глазками в желтых ободках (рис. 6, *9*, *28*), одна — из голубого непрозрачного стекла с мелкими красно-белыми глазками с реснички (рис. 5, *7*). Из двух погребений происходят четыре сердоликовых бусины: одна плоская 14-гранная из темного блестящего сердолика (рис. 5, *13*) и три округлые неправильной формы из светлого с прожилками сердолика (рис. 6, *12*). В погр. 3 найдены фрагменты двух плоских круглых бусин из гешира (рис. 6, *11*).

В заключение необходимо упомянуть фрагменты кожаных и деревянных предметов. В погр. 3 найдены фрагмент кожи с отверстиями от прошивки по округлому краю, возможно остатки футляра от зеркала (рис. 6, *5*), и фрагмент деревянного гребня (рис. 6, *4*). В погр. 5 найдены фрагменты деревянной чаши, скрепленной у края двумя бронзовыми пластинками с заклепками (рис. 3, *32*), а также фрагменты тонких до-

щечек со следами красной краски, в одной из которых имеется бронзовая заклепка с продетым в петлю кольцом (рис. 3, *22*).

Исследованные погребения по своему инвентарю относятся ко второй половине VII — первой половине VIII в. Более вероятной их датой представляется первая половина VIII в.

Наибольший интерес вызывают детали погребального обряда: наличие каменных оградок на поверхности, а также сочетание остатков сожжений с предметами конской упряжи и захоронением коня. Что касается каменных оградок, то они наиболее характерны для поминальных сооружений тюркских племен Алтая и Тувы [19, с. 23 — 35; 20, с. 135—160; 9, с. 14—18], однако на Алтае известны и погребения с каменными выкладками на поверхности в виде овальных, реже прямоугольных рам (9, табл. XXXI). Для погребального обряда племен, живших на Северном Кавказе, такой обычай не характерен, тем не менее он дважды был зафиксирован А. П. Руничем в окрестностях г. Кисловодска, на могильниках «Мокрая балка» и «Острый мыс» [21, с. 248—257]. В обоих случаях оградками были обозначены на поверхности катакомбные могилы. В «Мокрой балке» близ Кисловодска было обнаружено еще одно сооружение, являющееся, возможно, погребением или поминальным сооружением с каменной кладкой, образующей оградку; в центре этого сооружения находилась ямка с золистым слоем, содержащим золоченые тисненые бляшки, близкие по форме и орнаменту бляшкам из могильника «Директорская горка». Комплекс из «Мокрой балки», описанный В. А. Кузнецовым [13, с. 81, 82] и содержащий, как отмечалось, стремена, удила, обкладки лука и стрелы, был, по-видимому, синхронен и близок по обряду погребениям, открытым на «Директорской горке».

Сооружение ямок или «тайников», покрытых плитами, аналогичных найденным в погр. 1 и содержащих обожженные предметы, главным образом предметы конской сбруи и украшения пояса, характерно для тюркоязычных племен Сибири VI—VIII вв. [22, с. 584—586; 9, с. 65, 66]. Интересно отметить определенную близость инвентаря рассматриваемых погребений и раннетюркских курганов Тувы, содержащих захоронения человека в сопровождении коня с удилами, стременами, золотыми сбруйными бляшками и другим инвентарем (седельные канты, деревянные гребни и др.) [10, с. 22—38, рис. 24, 29, 38; 23, с. 120—124, рис. 60]. Некоторые детали обряда и инвентаря находят параллели и в материалах аварских могильников Венгрии. Так, И. Ковриг отмечает, что зафиксированный в Южной Сибири и Северной Монголии обычай устройства тайников с предметами конской сбруи напоминает обряд сокрытия сбруи, наблюдаемый в аварских могильниках Венгрии [24, p. 192]. Среди аварских древностей находят аналогии золотая серьга (рис. 3, *2*) и некоторые типы бляшек из погр. 5 (рис. 3, *16*, *18*) и 4 (рис. 6, *24*) [25, Taf. XIV, *60—65*, XXVI, *13*, *49*, *50*; 26, p. 22, fig. 10, *112*, p. 53, tig, *2*, *1*, p. 317, fig. 2, *6*, pl. XXXIII, *3—8*; 15, с. 117, рис. *6*, *18*, *20*; 27, S. 126, Abb. 87].

Близкие аналогии исследованным погребениям, прослеживаемые в инвентаре и некоторых деталях обряда, мы находим в известном погребении у с. Вознесенки на Днепре, совершенном в яме, связанной с каменной (круглой) оградкой. В яме были сложены в кучу обожженные предметы (наконечники стрел, стремена, удила, пряжки, тисненые бляшки, аналогичные, как отмечалось, по форме и орнаменту бляшкам публикуемых комплексов). Здесь же были найдены три палаша, воткнутые в это скопление вещей [8, с. 37—63]. С. А. Плетнева считает, что Вознесенское погребение оставлено какой-то тюркоязычной группой, поскольку сооружение каменных, квадратных и круглых оградок вокруг погребений представляет одну из наиболее типичных деталей погребального обряда у многих тюркоязычных народов Сибири VI—XIII вв. [6, с. 102].

Найденные на Северном Кавказе немногочисленные погребения с оградками сосредоточены в районе Кисловодска («Директорская горка», «Мокрая балка», «Острый мыс»), отсюда же происходят и известные погребения со следами огня в сочетании с предметами конской упряжи

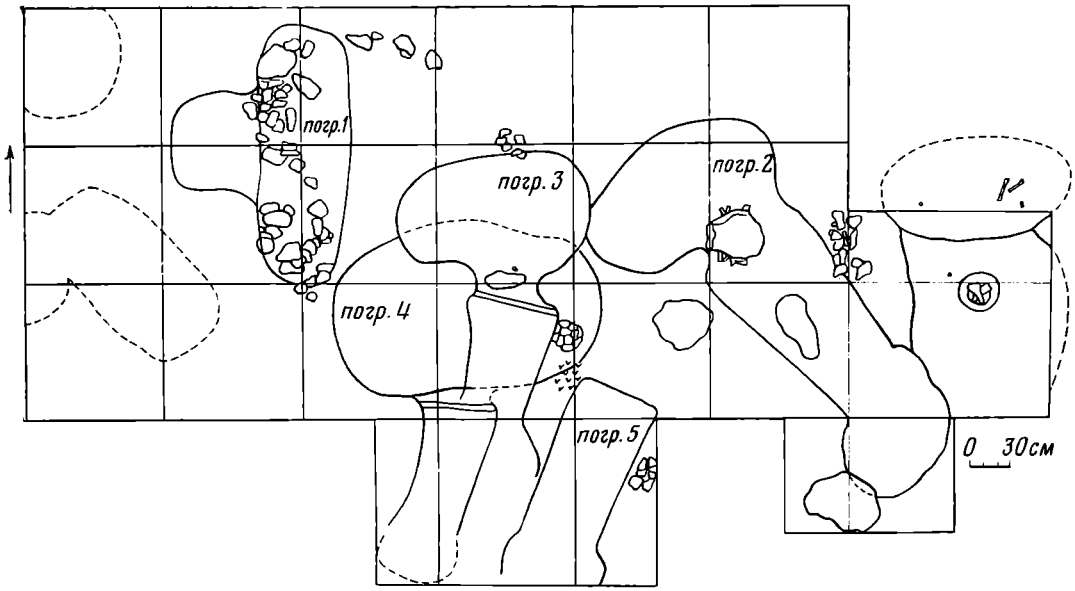


Рис. 7. Могильник Суаргом близ с. Чми, план раскопа

(«Директорская горка», «Мокрая балка»). Все эти комплексы датируются концом VII — первой половиной VIII в. Можно поэтому, по-видимому, говорить о том, что в это время среди аланского населения в районе Кисловодска прослеживается наличие тюркоязычных элементов, что подтверждается в первую очередь отмеченными выше деталями погребального обряда.

Верхней датой катакомбных могильников в районе Кисловодска является середина VIII в. [5, с. 20]. Однако в горных районах Кавказа такие могильники продолжают функционировать и позже, причем в материальной культуре второй половины VIII—IX в. прослеживаются особенности, сближающие погребения Кавказа этого времени с кругом памятников салтово-маяцкой культуры.

В этой связи представляют интерес погребения, открытые на могильнике Суаргом в Северной Осетии. Хорошо известный могильник Суаргом, расположенный у с. Чми на Военно-Грузинской дороге, исследовался неоднократно в 80-х годах XIX в., когда здесь было открыто 40 катакомб[1]. Общее число раскопанных на могильнике погребений достигало 150, причем более 100 могил было разрыто местными жителями. Следы этих раскопок сохранились до сих пор.

В 1979 г. нами был заложен разведочный раскоп (6×3 м), ориентированный с запада на восток в нижней части южного склона холма, где, как отмечали исследователи, было сосредоточено основное число катакомб. На этом участке, помимо выявленных уже раскопанных ранее погребений, было открыто три непотревоженные могилы: погребение коня в грунтовой яме и две катакомбы (рис. 7). Погребение 1, содержащее захоронение коня, было совершено в узкой овальной яме (1,85××0,65×2,60 м), вытянутой с С на Ю, т. е. имеющей то же направление, что и входные ямы катакомб. В яме на глубине 1,15 м от северного борта раскопа был обнаружен развал камней по всей площади могилы. Ко дну яма, резко сужаясь, имела в ширину 0,25 м. Северная стенка ямы, вертикальная в верхней части, имела уклон в сторону дна. В яме находился скелет коня, лежавший на животе, головой на север (рис. 8, *1*), мордой вверх. У черепа его найден фрагмент бронзовой бляшки (или бубенчика). С запада к могиле примыкал подпрямоугольный уступ, находящийся примерно в центре стены, на высоте 0,6 м от дна. Размеры его 0,65×0,75 м. По-видимому, здесь была ниша, свод которой обвалился при позднем перекопе. На дне ее на остатках темного тлена лежали

[1] Раскопки Д. Я. Самоквасова 1882 г., В. И. Долбежева 1887 г., А. А. Бобринского 1888 г.— см. [17, с. 10].

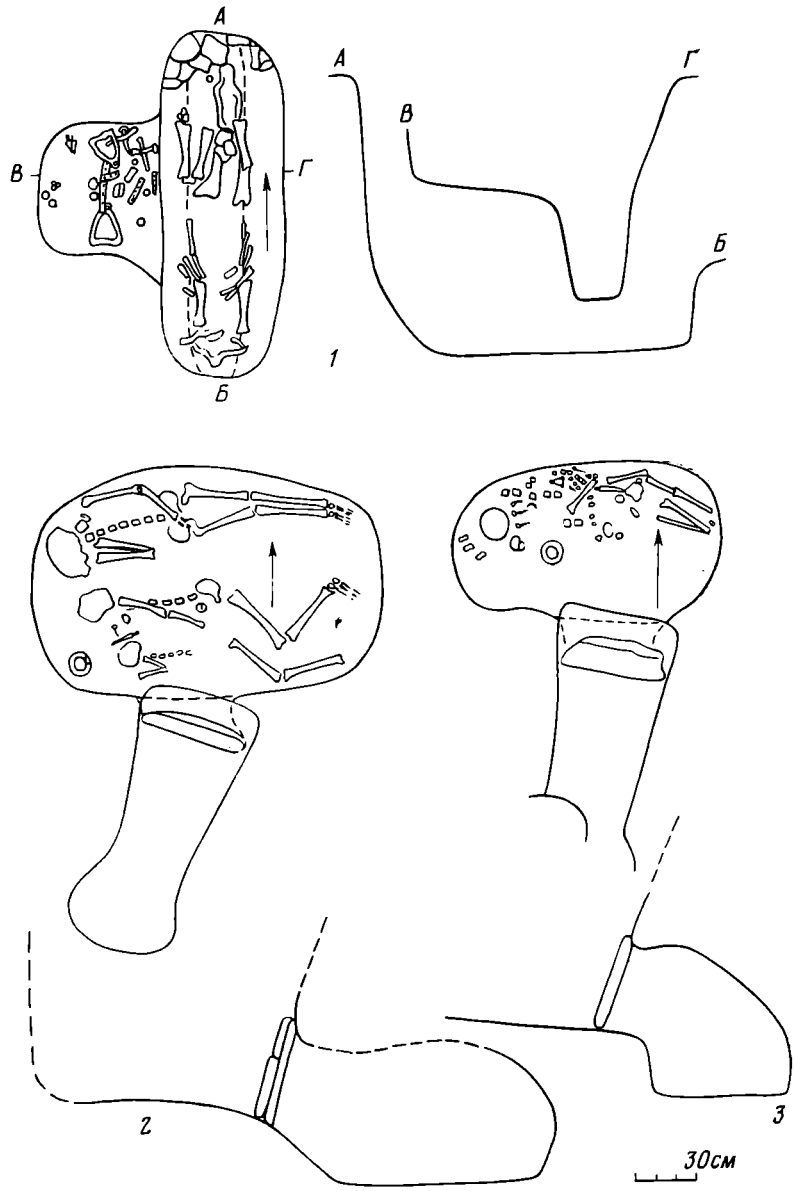


Рис. 8. Могильник Суаргом близ с. Чми, планы погребений. *1* — план и разрез погр. 1; *2* — план и разрез погр. 4; *3* — план и разрез погр. 3

предметы конской упряжи: по центральной оси — стремена (рис. 9, *15*, *16*), соединенные узким ремнем из светлой кожи с серебряными тисненными бляшками, сохранившимися в подавляющем большинстве своем в фрагментах (рис. 9, *2* — до 10 экз.; рис. 9, *3* — с орнаментом в виде окружности — 4—5 экз.; рис. 9, *5* — 1 экз.). У некоторых бляшек сохранилось заполнение полой части бело-желтой известковой массой, ниже которой шла, по-видимому, металлическая (серебряная) прокладка с одним или двумя отверстиями (типа рис. 9, *4*) от бронзовых заклепок (рис. 9, *12*), при помощи которых бляшки крепились к ремням. Квадратные основания этих заклепок видны на обратной стороне ремня (рис. 9, *8*), круглые крепились в известковой массе, заполнявшей бляшки.

Найденные ремни представлены фрагментами двух типов: шириной 1,2—1,4 см (рис. 9, *9*), общая длина их до 26 см, и шириной до 2 см (рис. 9, *8*), общей длиной около 24 см.

У середины ремня, соединяющего стремена, лежала круглая серебряная бляшка с рельефным изображением человека и двух фигур птиц, одна из которых, повернув голову назад, держит ветвь в клюве. Внизу бляхи пробито два отверстия (рис. 9, *а*). У крупной бляхи, так же как

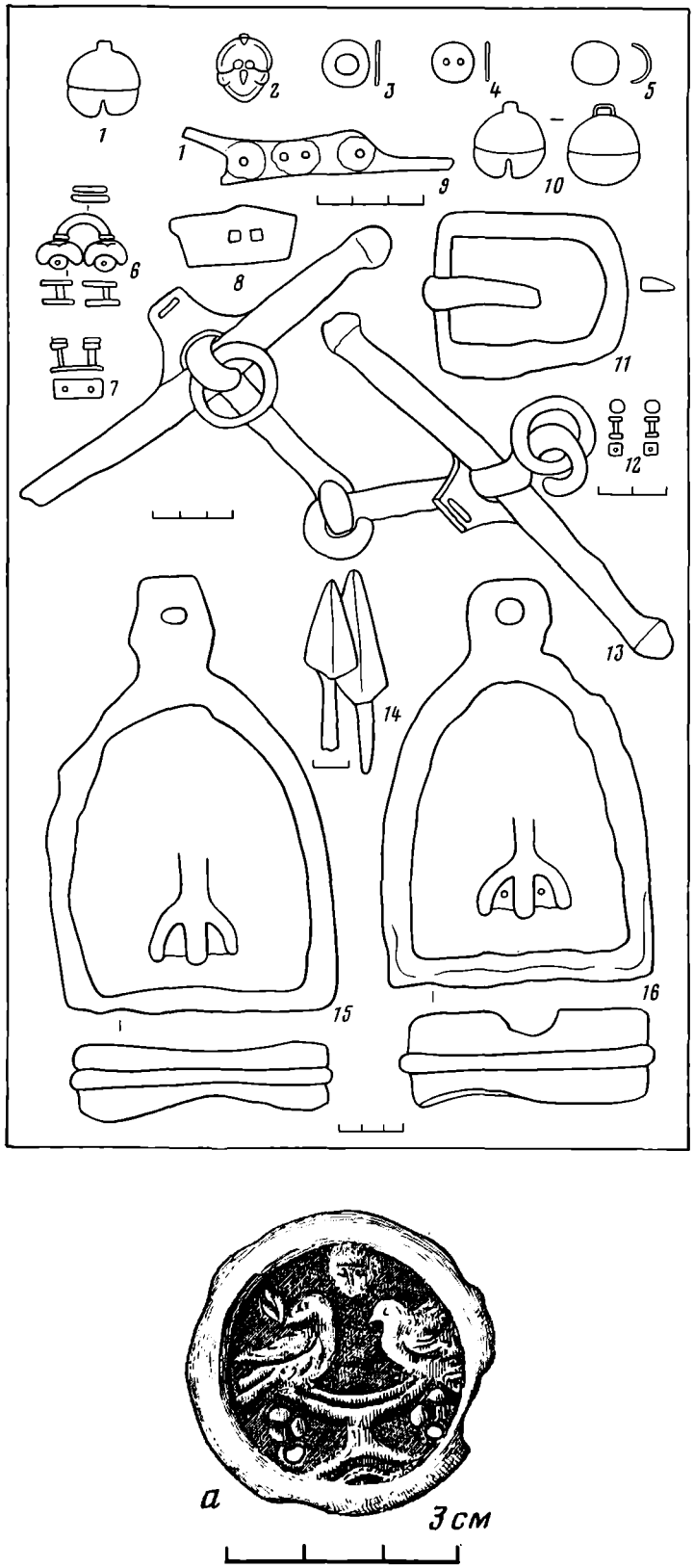


Рис. 9. Инвентарь погр. 1 могильника Суаргом: *а* — серебряная бляшка из погр. 1 могильника Суаргом

и у некоторых мелких, с обратной стороны сохранялась беловатая масса, заполнявшая их. По другую сторону от ремня лежала железная пряжка (рис. 9, *11*). В северной части ниши обнаружены железные удила с псалиями (рис. 9, *13*), рядом — два железных трехлопастных наконечника стрел (рис. 9, *14*). В разных местах ниши найдено восемь бубенчиков (рис. 9, *10*), у западной стены — бронзовая бляшка (рис. 9, *6*), у края ниши — фрагменты ремней с серебряными бляшками (рис. 9, *9*), а также кусок истлевшего дерева.

Две неограбленные катакомбы (3 и 4) имели короткие входные ямы, вытянутые с ССВ на ЮЮЗ и расширяющиеся к северу, где находился вход в камеру. Северные поперечные стены входных ям имели значительный наклон в сторону камеры, так что закрывающие входное отверстие тонкие каменные плиты также стояли наклонно (рис. 8, *2*, *3*). Пол входных ям был покатым, при переходе в камеру имелась ступень высотой 0,35—0,45 м. Камеры имели овальную форму и были вытянуты с СВВ на ЮЗЗ. Дно камер горизонтальное, потолок сводчатый, в погр. 3— равномерно повышающийся ко входному отверстию (рис. 8, *2*, *3*). Камеры не были засыпаны землей, все кости очень плохой сохранности.

В камере погр. 3 найдены истлевшие кости, частично смещенные, по-видимому, одного детского скелета, лежащего в вытянутом положении головой на ЮЗЗ (рис. 8, *3*). У правой руки стоял сероглиняный лощеный кувшин (рис. 10, *24*), у черепа — три бараньих астрагала, бронзовое зеркало (в двух фрагментах, рис. 10, *1*), две бронзовые серьги (рис. 10, *3*) и две бипирамидальные бусины (рис. 10, *18*). Среди смещенных к стенке позвонков и ребер найдены фрагменты кожи, бронзовая пуговица и бубенчик (рис. 10, *16*, *17*). Здесь же: треугольная пряжка с кольцевидными выступами на концах и с остатками ремня (рис. 10, *14*); бронзовая копоушка (рис. 10, *5*); низка крупных стеклянных бус, из них пять бипирамидальных из светлого прозрачного стекла (рис. 10, *18*), четыре 14-гранных из желтого прозрачного и синего и зеленого глухого стекла (рис. 10, 19*а—в*), две граненые бусины из глухого зеленого стекла (рис. 10, 19*г*, *е*), крупная цилиндрическая бусина из светлого прозрачного стекла (рис. 10, 19*д*), две округлые бусины из синего глухого стекла (рис. 10, 19*ж*, 23*в*), две дольчатые бусины из светлого прозрачного (рис. 10, *21а*) и глухого (рис. 10, *21б*) стекла, а также восемь полихромных бусин — две полосатые — из белых, красных, синих (рис. 10, *23а*) и серых, белых и синих (рис. 10, *23б*) полос и шесть глазчатых. Из них лишь одна светлая прозрачная с красно-желтыми глазками (рис. 10, *20б*), остальные темные (черные, синие и красные) с выпуклыми накладками (рис. 10, *20а*, *в*, *г*) либо плоскими красно- или сине-белыми глазками (рис. 10, *20д*, *е*). Здесь же была найдена одна сердоликовая бусина (рис. 10, *22*), а также бронзовый футляр с серебряными обкладками (рис. 10, *6*) и бронзовая копоушка (рис. 10, *4*). У пояса найден бараний астрагал, бронзовый браслет (рис. 10, *2*), ребристая бусина из светло-зеленого прозрачного стекла (рис. 10, *21*). Слева от пояса, у бедра — железный нож (рис. 10, *25*), рядом — кожаный мешок, в котором было семь бронзовых перстней (рис. 10, *7—13*), около мешочка — крупная стеклянная бипирамидальная бусина и крупный бронзовый бубенчик (рис. 10, *15*). У костей стоп лежала бронзовая пуговка (рис. 10, *16*). Под костями местами прослеживался темный тлен (от одежды?).

В камере погр. 4, на дне ее, на слое темного тлена от подстилки лежали три скелета, головой на ЮЗЗ (рис. 8, *2*). У северной стены — скелет взрослого человека в вытянутом положении на спине, руки согнуты так, что кисть правой руки лежала у правого плеча, а кисть левой руки — на правой половине тазовых костей. На многих костях сохранились фрагменты ткани в виде высохшего тлена. У левого плеча: фрагменты кожи, внутри которых лежали бусы (одна зеленая прозрачная с красными глазками в желтых ободках и одна сердоликовая — рис. 10, *35*, а также желтая прозрачная бусина с бронзовой спиралью — рис. 10, *31*); тонкий кожаный ремешок с надетой на него деревянной биконической бусиной (рис. 10, *33*) и два мелких металлических слитка — овальный из серебра

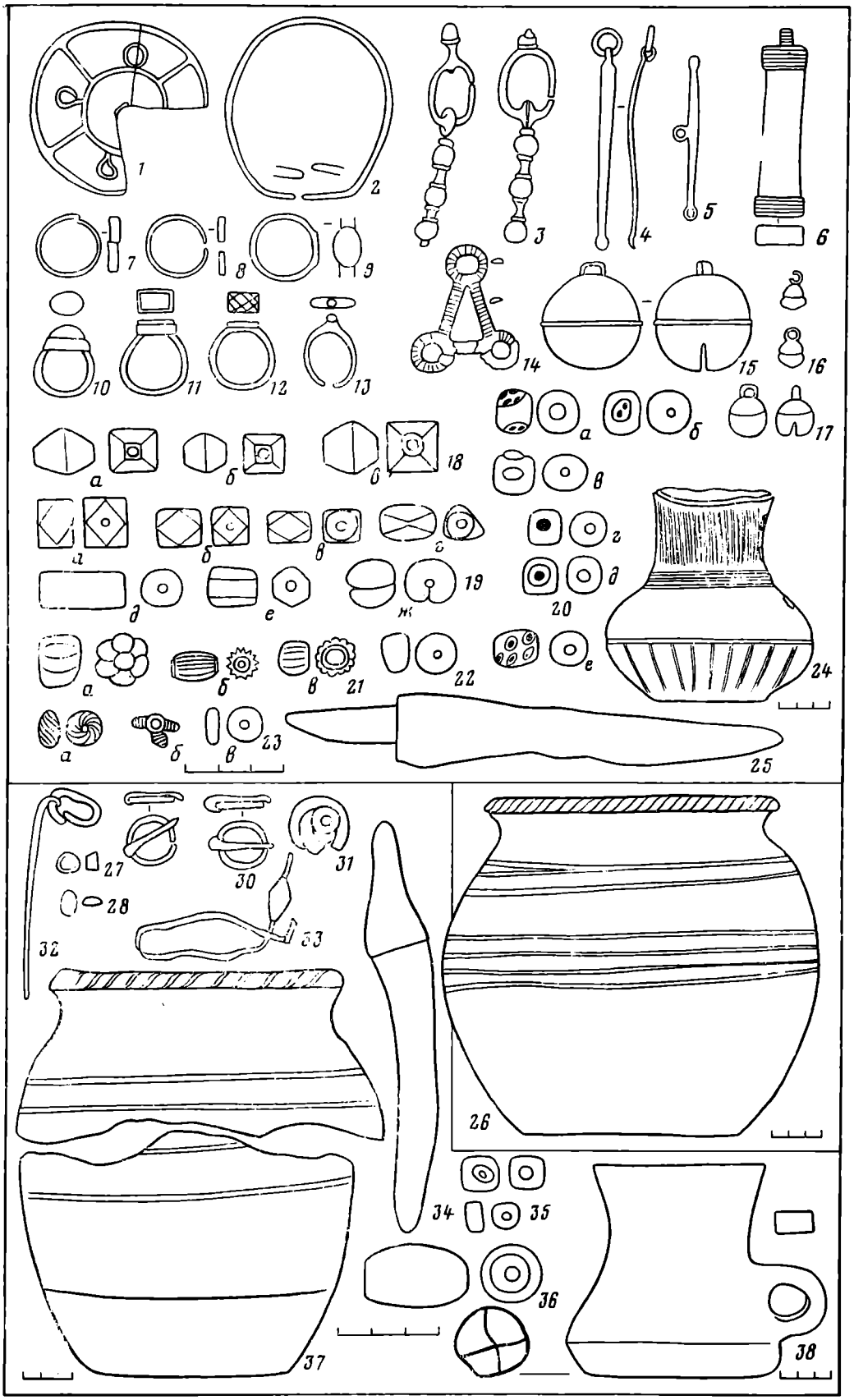


Рис. 10. Инвентарь погр. 3 и 4 могильника Суаргом. *1—25* — погр. 3, *26* — сосуд из тризны рядом с погр. 3; *27—38* — погр. 4

и плоский круглый из свинца (?) (рис. 10, *27*, *28*). Рядом у левого плеча найдена серебряная пряжка с бронзовым язычком (рис. 10, *30*).

В центре могилы лежал костяк на правом боку, руки вытянуты, ноги согнуты в коленях. У пояса найдена серебряная пряжка (рис. 10, *29*), перед черепом — крупная бочковидная светлоглиняная бусина (рис. 10, *36*), бронзовая копоушка на кольце (рис. 10, *32*) и железный нож (рис. 10, *34*).

Прямо у входа в камеру — скелет ребенка, также на правом боку. Кости ног не сохранились, руки подняты к лицу. У черепа его в юго-западном углу могилы стоял черноглиняный лощеный кувшин с приземистым туловом и клеймом на дне (рис. 10, *38*), фрагменты второго сосуда (в форме горшка, рис. 10, *37*) найдены на дне входной ямы у входа в камеру.

Над входным отверстием в камеру погр. 3 на глубине 0,3 м была врыта в землю вертикально стоящая плита (0,75×0,30 м), которой, очевидно, обозначалось на поверхности наличие здесь могилы (рис. 7). Рядом с ней найден бараний астрагал. Примерно на этой же глубине у северных границ камеры обнаружено скопление фрагментов трех крупных горшковидных и корчаговидных сосудов, по-видимому, от тризны. Такое же скопление фрагментов разбитого горшка (рис. 10, *26*) было к юго-востоку от вертикальной плиты, у восточных границ входной ямы. Вместе с фрагментами горшка найдены кости барана, рядом прослежен участок обожженной земли.

Все открытые погребения по характеру инвентаря (стремена, удила с псалиями, серьги, бубенчики, копоушки, перстни, некоторые типы пряжек и бляшек) находят близкие аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры, в частности в погребениях 1-й хронологической группы Дмитровского могильника, и могут быть датированы концом VIII — первой половиной IX в. [6, с. 142, рис. 36, 46].

Сходство с салтово-маяцкими памятниками прослеживается не только в характере инвентаря, но и в некоторых деталях обряда. Так, в Дмитровском могильнике были найдены захоронения коня в особых ямах, ориентированных по склону, как и входные ямы катакомб. Эти погребения С. А. Плетнева рассматривает как кенотафы [6, с. 84]. Один из кенотафов имел устройство, близкое суаргомскому погребению с конем: он также имел нишу в западной стенке, в которой лежали стремя, мотыжка, топорик, бубенчик и пряжка [6, с. 84, 85]. Для погребального обряда Дмитровского могильника характерно и наличие тризн, состоящих из глиняных сосудов и костей животных [6, с. 85].

Вновь открытые погребения в Суаргоме относятся к поздней группе известных ранее материалов из Чми, составляющей основную массу исследованных здесь могил и характеризующейся своеобразием в инвентаре и обряде (конские захоронения, предметы конского убора: удила, стремена, серебряные бляшки, железные пряжки и т. д.) [17, с. 17; 16, с. 130, 131]. Близость материалов этой группы к памятникам салтово-маяцкой культуры объясняется, по-видимому, усилением роли Хазарского каганата. Можно допустить, что в состав Хазарского каганата входили в это время не только равнинные и предгорные районы Северо-Восточного Кавказа, но и частично горные районы, возможно, районы Восточной Осетии. Подтверждают это и некоторые сведения письменных источников. Так, ал-Якуби, описывая поход арабов в страну алан в 727—728 гг., говорит, что Маслама ибн Абдулмалик совершил «поход против турок, захватил у них ворота Аллан и столкнулся с каганом» [28, с. 7]. По-видимому, к этому времени хазарам удалось взять контроль над Дарьялом в свои руки [29, с. 168, 169], что означает возможность вхождения этой территории в состав Хазарского каганата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рунич А. П.* Аланский могильник в «Мокрой балке» у г. Кисловодска.— МАДИСО 1975, III.
2. *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1950, вып. 2—3.
3. *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии.— СА, 1956, XXVI.

4. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
5. *Афанасьев Г. Е.* Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.
6. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
7. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4.
8. *Гр*І*нченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запорiжжi.— Археологія, 1950, т. III.
9. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как исторический источник по истории алтайских племен. М.—Л.: Наука, 1965.
10. *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) — Тр. ТКАЭЭ, 1960, т. 1.
11. *Магомедов М. Г.* К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника.— МАД, 1977, № 7.
12. *Магомедов М. Г.* Верхнечирюртовский курганный могильник.— МАД, 1977, № 7.
13. *Кузнецов В. А.* К вопросу о раннесредневековом жилище Северного Кавказа. VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978.
14. *Рунич А. П.* Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях.— МАДИСО, 1969, т. II.
15. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.
16. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 3.
17. *Куссаева С. С.* Археологические памятники Восточной Осетии (Чми и Балта) как исторический источник по древней Алании. Автореф. канд. дис. Л.: ГЭ, 1953.
18. *Апхазава И. И.* Материальная культура раннесредневековой Грузии. (Вопросы археологической хронологии по данным украшений). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
19. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Наука, 1969.
20. *Кубарев В. Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979.
21. *Рунич А. П.* Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины.— СА, 1977, № 1.
22. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, М.: Изд-во АН СССР, 1951.
23. *Грач А. Д.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге.— Тр. ТКАЭЭ, 1960, т. 1.
24. *Kovrig I.* Contribution au problème de l'occupation de la Hongrie par les avars.— AAH, 1955, t. VI, f. 1—4.
25. *Kovrig I.* Das awarenzcitliche Gräberfeld von Alattián. Budapest, 1963.
26. *Garam E., Kovrig I., Szabó J. Gy., Török Gy.* Avar finds in the Hungarian National museum. Cemeteries of the avar period (567—829) in Hungary. V. 1. Budapest, 1975.
27. *Jankó L.* Grabfunde aus der Awarenzeit zu Pápa.— AÉ, 1930, t. XLIV.
28. *Якуби.* История (Текст и пер. Жузе П. К.).— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927, вып. IV.
29. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Наука, 1979.

M. P. Abramova

NEW MATERIALS FROM EARLY MEDIAEVAL BURIAL GROUNDS IN THE NORTH CAUCASUS

Summary

The latest diggings in the central regions of the North Caucasus have revealed a number of early mediaeval monuments, the most interesting being burials in the Kislovodsk outskirts in the Direktorskaya Gorka (Figs. 1-6). In 1977, six burials were discovered: a horse burial in a ground pit (Figs. 1, *2*; 5, *1-4*) and five catacomb burials marked by small stone walls on the horizon. Two burials bear traces of a fire ritual: at the horse burial there is a conic pit containing ash and fragments of bronze plaques, bone saddle plates and a bronze bell (Figs. 1, *2*; 5, *5-9*). At the bottom of the entrance pit of the fifth burial in a coal layer we found sturrips, fragments of a bridle, silver plaques and bone plates similar to those at the horse burial, as well as a strap belt and a spearhead driven into the ground (Figs. 1, *9*; 3, *28*, *36-41*). In the robber trenches there were horse bones. Gold-plated pressed plaques, a massive bronze guilded buckle with blue enameled cross- and T-shaped hollows and green small triangular ones (Figs. 3, *24*; 4) are the most interesting among the objects found in the burial chamber of burial No. 5

All the burials were robbed but the remaining grave goods suggest the end of the 7th or early 8th century, the early 8th century seeming more probable. Some ritual details (small walls, fire traces, horse burial) can be connected with the influence of the Turkic ethnic elements on the Alan population.

In 1979, survey diggings of the Suargom burial ground were conducted in Northern Ossetia at Chmi village, in the region of the Caucasian Military Highway. Three burials untouched by robbers were found: a horse burial in a ground pit and two catacomb burials (Figs. 7-10). The grave goods suggest the end of the 8th-beginning of the 9th century and should be classed in the Saltovo-Mayak culture.

МИХЕЕВ В. К.

КОНЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА СУХАЯ ГОМОЛЬША

Раннесредневековое городище с каменными стенами, расположенное у с. Сухая Гомольша Готвальдовского р-на (бывшего Змиевского) Харьковской обл., известно по Книге Большому Чертежу. Составители географического описания Московской Руси дьяки Разрядного приказа Лихачев и Данилов отмечали, что «ниже Змеева городища речка Комолша, а на Комолше городище каменное, от Змеева верст з 10 подле Донца» [1, с. 74]. В указанном месте действительно имеется городище и селище к востоку от него, разделенные Княжим яром, которые относятся к памятникам салтовской культуры [2; 3, с. 29; 4, с. 213; 5, с. 275—280]. В результате исследовательских работ в 1973 г. возле городища был открыт обширный грунтовой могильник. Он расположен к югу от городища по обеим сторонам дороги, идущей из с. Нижний Бишкин в с. Сухая Гомольша, у начала правого отрога глубокой балки «Панская». Могильник занимает площадь более 5 тыс. м^2.

За время раскопок 1973—1980 гг. на этой площади было обнаружено и исследовано 304 трупосожжения. Места трупосожжений ничем не обозначены на поверхности земли и при раскопках выявляются, как правило, на глубине 20—40 см. Для всех погребений зафиксирован единый обряд захоронения — трупосожжение, которое совершалось на стороне.

По способу захоронения остатков кремации все трупосожжения могут быть разделены на две основные группы: 1) урновые, с остатками кремации, сложенными в сосуды-урны или накрытые ими; 2) безурновые, в которых остатки сожжения находятся непосредственно в земле, в грунтовых ямках различных конструкций. Ямки для урн и собственно погребальные ямки неглубокие, обычно 50—60 см. Погребальную урну ставили на дно ямки горлом вверх, иногда вверх дном и изредка на бок. Безурновые погребения представляют собой круглые, овальные и квадратные в плане ямки, наибольшие размеры которых очень редко превышают 100 см. Количество погребений в урнах и ямках почти одинаково.

В площади могильника погребения распределяются неравномерно и образуют шесть локальных групп: I — северную, II — западную, III — юго-западную, IV — центральную, V — восточную, VI — южную.

Каждая из групп характеризуется определенным соотношением урновых и безурновых погребений. В северной группе они распределены поровну, в западной, юго-западной и центральной преобладают ямные захоронения, а в восточной и южной — урновые (рис. I).

Рядом с некоторыми погребениями находились сложенные в особые ямки комплексы вещей, состоящие из предметов вооружения и конского снаряжения: сабель, боевых топориков, наконечников копий и стрел, удил, стремян и пр. Эти вещи побывали в огне, и часть из них преднамеренно испорчена. Всего таких комплексов обнаружено 16. Кроме того, в могильнике было открыто семь трупосожжений с характерными бронзовыми коньковыми подвесками, ранее совсем неизвестные в древностях салтово-маяцкой культуры.

Трупосожжение № 93 в кв. 49/Е$_1$. Остатки сожжения были помещены в глиняную урну на глубине 63 см. Урна поставлена устьем вверх и покрыта крышкой. В качестве урны использовался лепной горшок со следами вертикального заглаживания поверхности. Поверхность бугристая. Глина сильно шамотирована. Крышкой урны служила стенка салтовского

горшка-пифоса с ручкой. Кроме двух коньковых подвесок в урне находились две золотые серьги и разбитое бронзовое зеркало (рис. 2, *1*; 3, *1—5*).

Трупосожжение № 107 (кв. 53/Ж$_2$,) в ямке глубиной 40 см. Урна стояла вверх дном. В ней содержались две коньковые подвески, 12 бронзовых литых бубенчиков, сломанное бронзовое зеркало, аналогичное указанному выше из трупосожжения № 93, одна граненая и 11 круглых бус из яшмовидного кварца, 15 бус из синего стекла, 2 глазчатые и одна полосатая бусина, 15 бронзовых пронизей, бронзовый перстень с печаткой в виде креста, две бронзовые штампованные пуговицы и обломки бронзового и железного предметов, назначение которых определить трудно, так как вещи сильно испорчены огнем (рис. 2, *2*, *3*; 3, *6—15*).

Трупосожжение № 131 (кв. 49—50/3$_2$.) Погребальная урна стояла вверх дном в ямке глубиной 50 см. Сама урна представляла собой кухонный горшок салтовской культуры, сделанный из плотной глины с незначительными включениями шамота средних размеров. Край венчика урны украшен отпечатками зубчатого штампа, а тулово покрыто неглубокими горизонтальными рифлеными полосами. Вместе с коньковой подвеской в урне находились сильно обгоревшие бусины из яшмовидного кварца, из которых сохранилась только одна. Все остальные спеклись в комок так, что установить их количество трудно (рис. 2, *4*; 4, *8*).

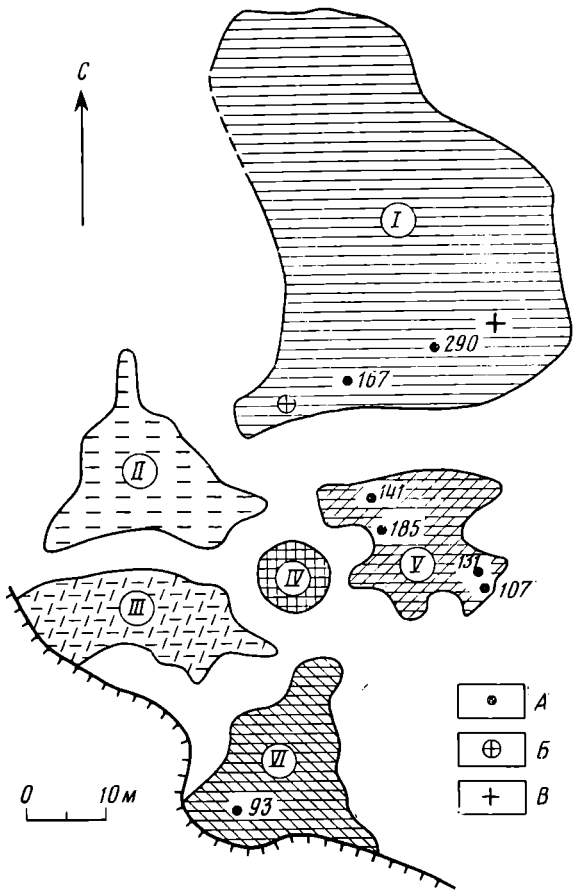


Рис. 1. План Сухогомольшанского могильника. I—VI — локальные группы могильника. *А* — места расположения урновых погребений с коньковыми подвесками; *Б* — место разрушенных в 1973 г. урновых погребений с коньковыми подвесками; *В* — место находки коньковой подвески в 1980 г.

Трупосожжение № 141 (кв. 34—35/Г$_2$). Верхний край урны находился на глубине 20 см от современной поверхности почвы. Урна — горшок, орнаментированный по венчику косыми насечками, по тулову — горизонтальным рифлением. В глиняном тесте урны содержится примесь дресвы. Устье урны было накрыто крышкой — нижней частью небольшого лепного горшка светло-коричневого цвета. Погребальный инвентарь состоял из двух подвесок с лошадиными головками, отлитых в одной литейной форме, двух костяных каплевидных подвесок, 35 бронзовых пронизей и их обломков, двух бронзовых бубенчиков, четырех обломков от бронзовых браслетов, разбитого бронзового зеркала, аналогичного зеркалам из трупосожжений № 93 и 107, расплавившихся бусин из синего стекла и нескольких фрагментов расплавившихся бронзовых украшений (рис. 2, *5*; 5, *1—4*).

Трупосожжение № 167 (кв. 22/О$_2$) находилось в урне, перевернутой вверх дном, поставленной в ямку глубиной 45 см. Дно ямки имело своеобразную подстилку из стенки раннесредневековой амфоры. Урна — большой лепной горшок с примесью шамота в тесте, украшенный по венчику

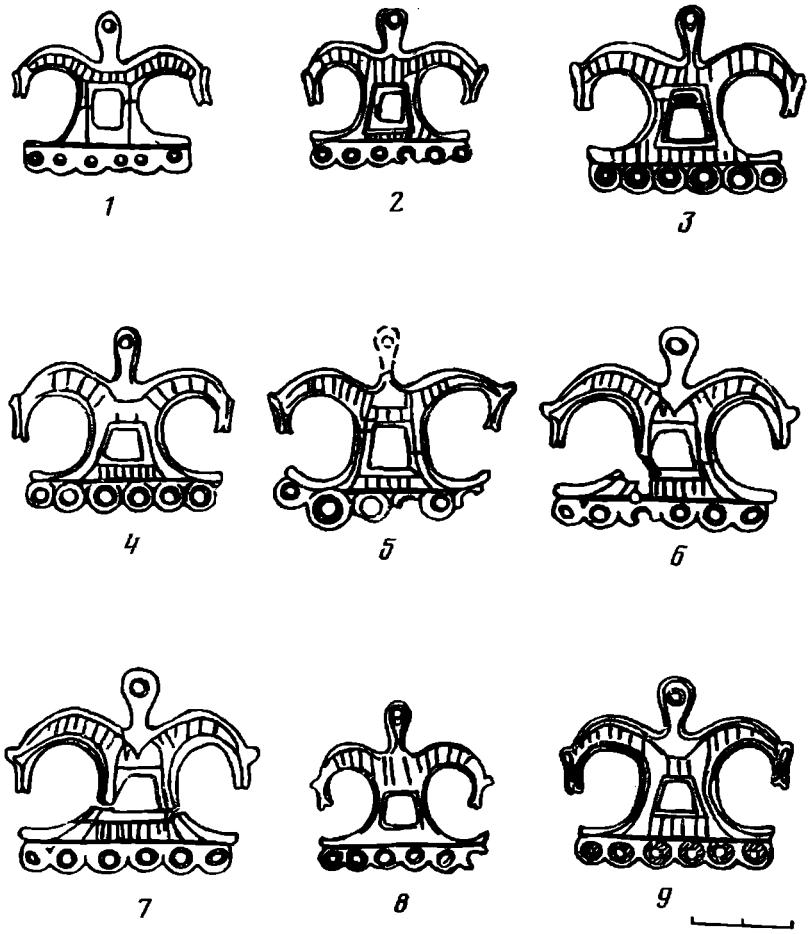


Рис. 2. Коньковые подвески из погребений 93 (*1*), 107 (*2*, *3*), 131 (*4*), 141 (*5*), 167 (*6*, *7*), 185 (*8*) и разрушенных в 1973 г. погребений (*9*)

зубчатым штампом и горизонтальными врезными линиями по тулову, пересекающимися косыми линиями, идущими от венчика к дну. Погребальный инвентарь состоял из пинцета, бронзовой пряжки, стеклянного разделителя от ожерелья, двух бронзовых пуговиц и их обломков, 14 стеклянных бусин с металлической прокладкой, 20 бусин из синего стекла, 24 бусины из яшмовидного кварца, 45 полосчатых бусин, 58 бронзовых пронизей, обломка колечка от золотой серьги, двух бронзовых колечек, четырех бронзовых перстней одного типа (со вставками из стекла и бронзы, крестообразно закрепленными четырьмя лапками), один из которых на металлической вставке имеет изображение в виде двух оленей или козлов, стоящих по обе стороны древа жизни, бронзовой обоймочки, трех туалетных бронзовых коробочек и обломка уховертки, четырех браслетов и двух подвесок с лошадиными головками, отлитых в одной литейной форме (рис. 2, *6*, *7*; 5, *5—19*; 6, *12—14*).

Трупосожжение № 185 (кв. 37—38/А—$А_2$). Урна стояла на глубине 60 см вверх дном. В качестве урны использовался груболепной толстостенный горшок больших размеров с примесью крупного шамота в тесте. Поверхность горшка бугристая, со следами заглаживания. Под урной имелась подстилка — нижняя часть салтовского кухонного горшка с клеймом в виде креста на дне. Кроме одной коньковой подвески в урне находились бусы, часть которых сильно оплавилась, бронзовая колесовидная подвеска, бронзовая туалетная коробочка, состоящая из двух половинок, одна бронзовая пронизь, свинцовое колечко (очевидно, пряслице), фрагменты бронзовых браслетов и сильно поврежденные огнем бронзовые украшения (рис. 2, *8*; 4, *1—7*; 6, *4*).

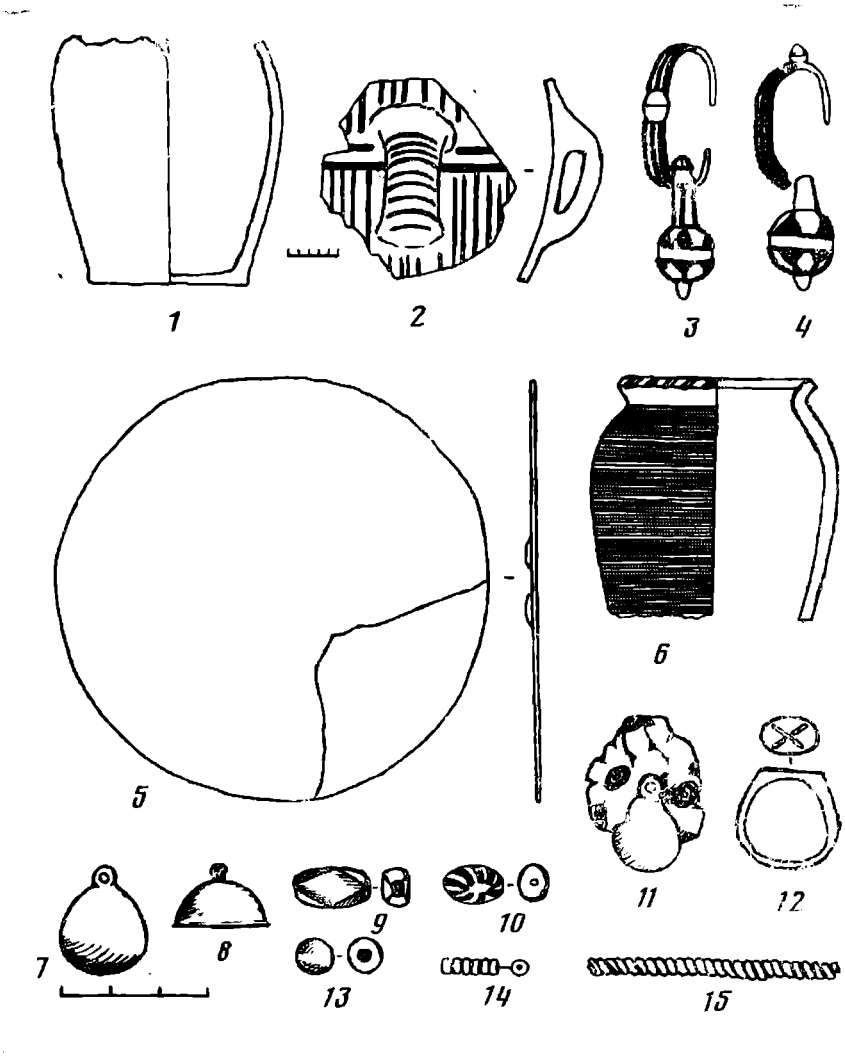


Рис. 3. Предметы, найденные вместе с коньковыми подвесками в погребениях 93 (*1—5*), 107 (*6—15*)

Трупосожжение № 290 (кв. 28/Э$_2$). Остатки трупосожжения находились в ямке глубиной 55 см, на дне которой лежал бок салтовского сероглиняного сосуда-пифоса, куда были ссыпаны кальцинированные кости и древесные угольки, а также многочисленный погребальный инвентарь. Все это было накрыто перевернутым горлом вниз горшком салтовской культуры с горизонтальным рифлением по тулову и жгутообразным венчиком. Вместе с двумя бронзовыми коньковыми подвесками в состав погребального инвентаря входили: один бронзовый литой бубенчик, железный нож длиной 11,4 см с приварившимся к черенку обломком бронзовой штампованной бляшки с розетчатым орнаментом, железная ложечка длиной 6,4 см с приварившимися к ней сильно расплавившимися бусинами, бронзовая туалетная коробочка из двух половинок, каждая из которых имеет продольный желобок между двумя отверстиями для подвешивания, два бронзовых перстня разных типов (один с подквадратным плоским щитком, другой с овальным щитком), две одинаковые золотые сборные серьги с ложнозерненым орнаментом и филигранью (рис. 6, *1*, *2*, *5—11*).

Три коньковые подвески происходят из разрушенных и случайно обнаруженных в 1973 г. урновых погребений. По имеющимся данным, остатки кремации содержались в трех перевернутых глиняных сосудах, вымытых на поверхность могильника во время дождя. Один из сохранившихся сосудов представляет собой лепной горшок. Вместе с пережженными человеческими костями и древесными угольками в сосудах были обнаружены две сломанные золотые серьги, один целый и обломки пяти

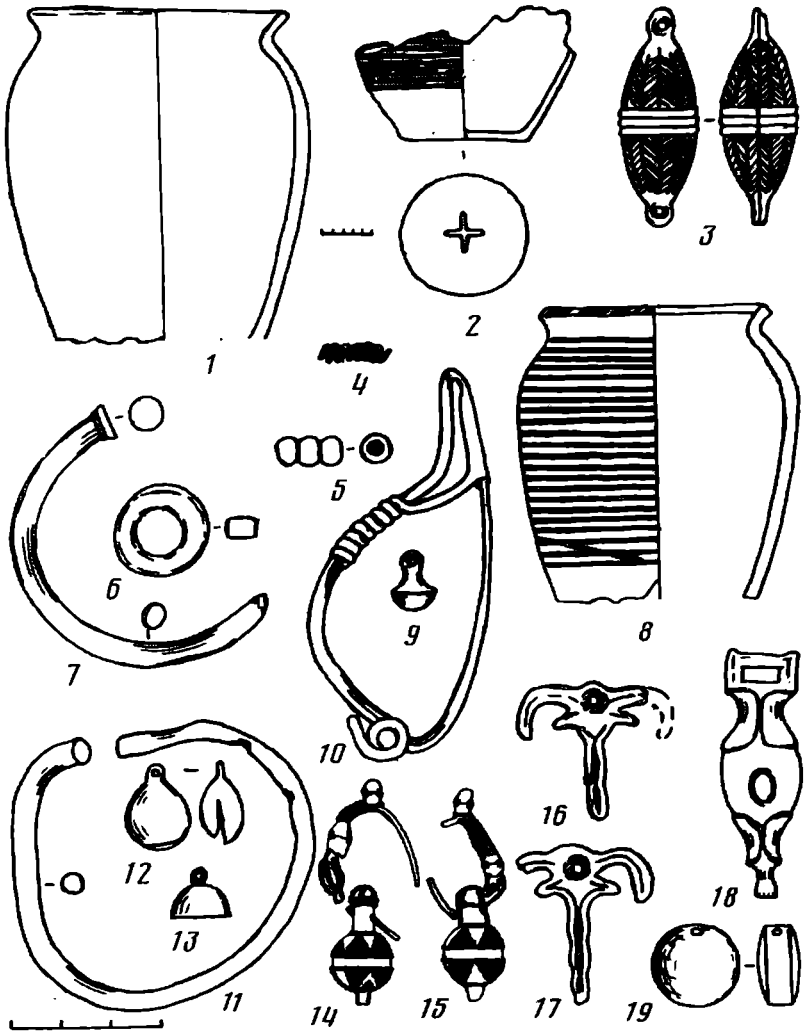


Рис. 4. Предметы, найденные вместе с коньковыми подвесками в погребениях 185 (*1—7*), 131 (*8*) и из трех разрушенных в 1973 г. погребений (*9—19*)

бронзовых браслетов, бронзовая фибула, подвеска-«самоварчик», пронизь, две подвески-копоушки в виде стилизованных голов барана, перламутровая подвеска, четыре бронзовых литых бубенчика, разбитое бронзовое зеркало, бронзовая пуговица, железный нож, ракушка с отверстием для подвешивания, кварцевые и полихромные бусы, большая часть которых оплавилась и превратилась в сплошной комок, кусочек войлока и скорлупа семечка тыквы (рис. 2, *9*; 4, *9—20*). Одна подвеска была найдена в культурном слое могильника в 1980 г. (рис. 6, *3*).

Коньки-подвески происходят из трех групп погребений могильника: северной, восточной и южной. В северной группе найдено 8 экз., в восточной — 6 и в южной — 2. При этом в южной группе подвески сопровождали одно трупосожжение (№ 197), в восточной — четыре (№ 107, 131, 141, 185) и в северной, очевидно, пять с учетом трупосожжений № 167, 290 и предположительно двух разрушенных в 1973 г., а также одного, к которому должна относиться подвеска, найденная в 1980 г. Подвески встречаются попарно в пяти, по одной — в двух погребениях. Маловероятно их наличие в одном погребении по три экземпляра. Все коньки-подвески носят следы действия огня разной степени воздействия. 12 из них преднамеренно сломаны. В комплексах вещей, спрятанных в тайниках, коньковые подвески отсутствуют. Характер сопровождающего материала указывает на то, что коньковые подвески были положены в

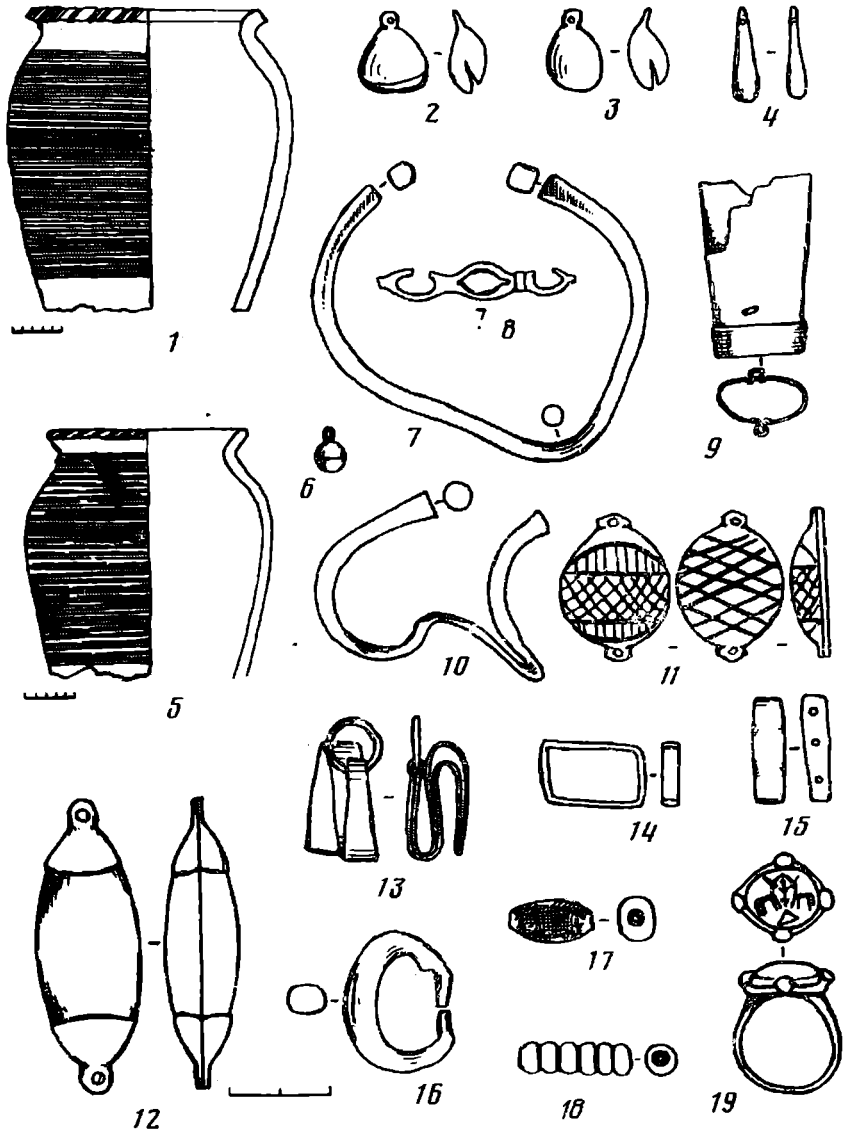


Рис. 5. Предметы, найденные вместе с коньковыми подвесками в погребениях 141 (*1—4*), 167 (*5—19*)

погребения и служили деталями ожерелий [1]. Из этого не следует, что все урновые трупосожжения могильника относятся к захоронениям женщин. В урны одинаково помещали кремационные остатки умерших обоих полов и различных возрастов.

По технике исполнения сухогомольшанские подвески литые. Они изготавливались в жесткой двухстворчатой разъемной форме с негативным изображением на одной или двух половинках. Коньки-подвески из трупосожжения № 141 отлиты в одной литейной форме. В трупосожжении № 167 одна из подвесок сделана по оттиску с другой, найденной в этом же погребении, что, очевидно, было связано с утратой одной подвески из состава ожерелья. В качестве материала для отливки брались оловянистые бронзы и многокомпонентные сплавы на медной основе (см. таблицу) [2].

---

[1] Определение костных остатков из погребения № 93, проведенное в Институте биологии в Познани, показало, что они принадлежат женщине.

[2] Анализы проведены в спектральной лаборатории исторического факультета Харьковского госуниверситета Л. П. Грубник и А. В. Дмитренко.

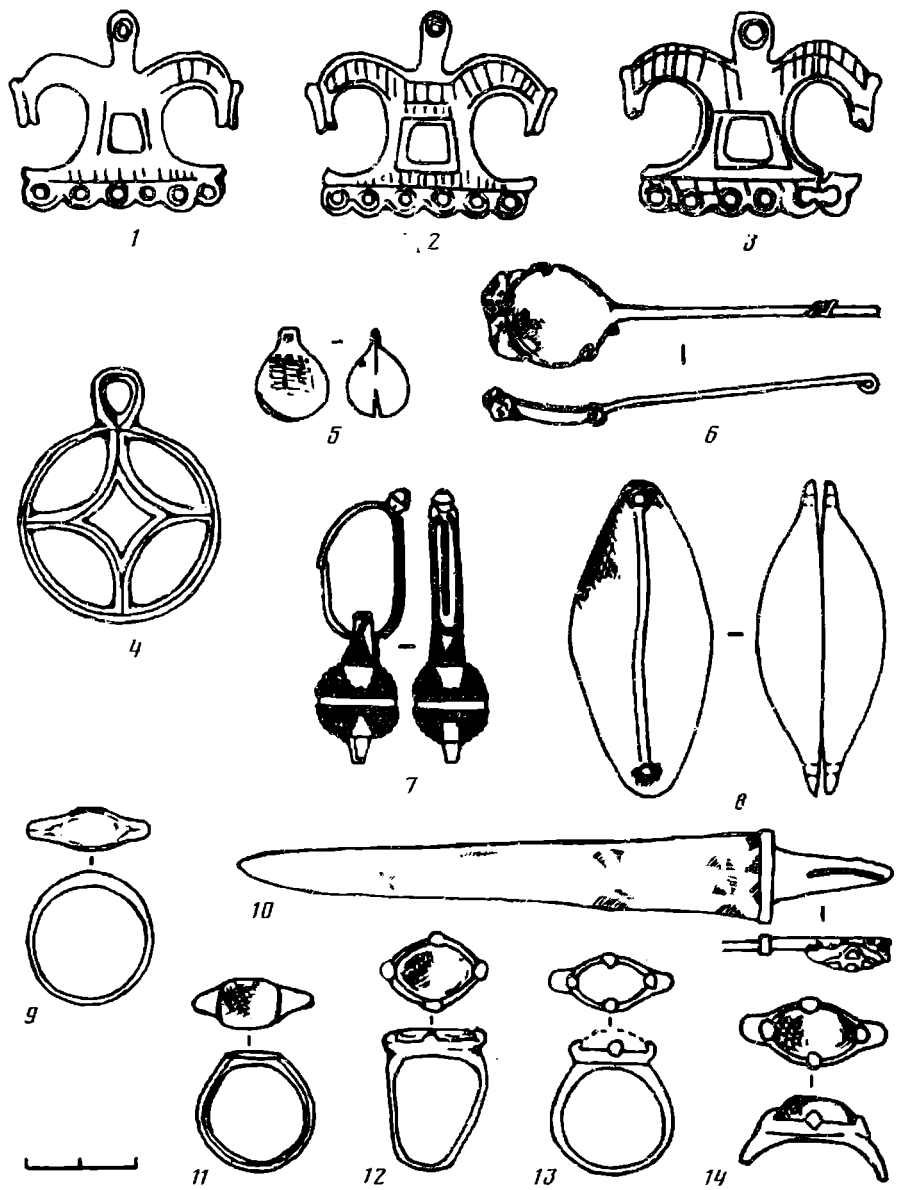


Рис. 6. Предметы, найденные в погребениях 167 (*12—14*), 185 (*4*), 290 (*1*, *2*, *5—11*), и коньковая подвеска из культурного слоя могильника (*3*)

Типологически все подвески из Сухой Гомольши могут быть отнесены к одному типу двуконьковых подвесок с сильно вытянутой петлей, прямоугольной или трапециевидной прорезью и шестью отверстиями для привесок. Такие подвески соответствуют первому типу второго варианта коньковых подвесок по классификации Л. А. Голубевой [6, с. 86, 87]. В качестве привесок использовались бронзовые бубенчики, которые не всегда выступают в захоронениях в необходимом количестве. В четырех погребениях они не встречены вообще, в одном их было 12 на две подвески (№ 107), в другом — два на две подвески (№ 141), в третьем — один на две подвески (№ 290), а в трех случайно обнаруженных — четыре на три подвески. Однако данное положение, очевидно, не отражает истинного соотношения подвесок и бубенчиков. Последние могли по каким-то причинам (например, не полная выборка остатков трупосожжения из пепелища погребального костра) не попасть в погребения. В связи с этим интересно отметить, что даже тогда, когда в погребении нет бубенчиков-привесок, а кольцо для шнура, на котором они подвешивались, было сломано, в подвеске имеется новое отверстие, специально

Номер анализа	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1172	Осн.	4,04	15,28	4,49	0,025	0,009	0,02	0,117	0,226	0,096	0,01	—	0,0002
1177	Осн.	2,604	9,39	0,025	0,018	0,024	0,014	0,023	0,226	0,05	0,006	—	—
1185	Осн.	4,04	22,64	—	0,06	0,038	0,334	1,703	0,027	0,008	—	—	0,0002
1196	Осн.	4,84	2,604	0,15	0,019	0,066	0,17	0,223	0,093	0,053	0,006	0,007	0,0001
1201	Осн.	7,88	5,64	7,08	0,019	0,085	0,024	0,16	0,277	0,077	0,136	—	0,0001
1203	Осн.	8,34	7,08	3,92	0,024	0,048	0,013	0,17	0,243	0,045	0,14	—	0,0001
1214	Осн.	6,11	3,13	0,025	0,025	0,087	0,117	0,037	0,026	0,006	0,006	—	—
1220	Осн.	4,27	0,788	0,73	0,014	0,082	0,009	0,023	0,1	0,078	0,006	—	0,0001
1226	Осн.	7,19	1,67	0,357	0,018	0,019	0,013	0,013	0,027	0,055	0,021	—	0,0001

Примечание. Номера анализов соответствуют изделиям на рисунках: 1177—2,*2*; 1185—2,*6*; 1196—2,*3*; 1201—2,*6*; 1203—2,*7*; 1214—2,*1*; 1220—2,*5*; 1226—2,*4*.

просверленное, что указывает на применение бубенчиков, даже если они не найдены в погребении (рис. 2, *6*).

Вопрос о дате и этнической принадлежности Сухогомольшанского могильника еще требует тщательной разработки на основании анализа погребального обряда, керамики и вещевых комплексов. Последние не всегда могут быть использованы для определения этноса, особенно если речь идет о времени, когда вещевые комплексы сильно унифицированы на территории целых регионов. Однако использование их в этих целях совсем не исключено. Инвентарь сухогомольшанских погребений с коньковыми подвесками находит многочисленные аналогии среди салтовских древностей юга Восточной Европы VIII — начала X в. Исключение составляют деформированная бронзовая лучковая подвязная фибула с расширяющейся ножкой из разрушенного погребения (рис. 4, *10*) и круглорамчатая бронзовая пряжка из трупосожжения № 167 (рис. 5, *16*). Пряжки этого варианта датируются III—VII вв. н. э. и, как отмечает В. Б. Ковалевская, не встречаются в погребениях VIII—IX вв. [7, с. 15]. В связи с этим необходимо обратить внимание на наличие в трупосожжении № 167 четырех перстней. Как отмечалось, все перстни из этого погребения относятся к одному типу: с четырьмя крестообразно расположенными лапками, закрепляющими вставки (у двух перстней они стеклянные, а у двух других — бронзовые). Такие перстни относятся к первому типу и датируются концом VIII — первой половиной IX в. [3, с. 137—143], что и определяет дату трупосожжения № 167. Что касается фибулы из разрушенного погребения, то она датируется второй половиной II — началом III в. н. э. [8, с. 51] и является явным архаизмом в материалах могильника. Время существования рассматриваемой группы трупосожжений определяется и коньковыми подвесками, которые, согласно типологии Л. А. Голубевой, датируются VIII—IX вв. [6, с. 87—89].

Кроме Сухогомольшанского могильника в бассейне Северского Донца аналогичные коньки-подвески найдены в Верхне-Салтовском могильнике (2 экз.). Одна из подвесок хранится в Харьковском историческом музее среди депаспортизованных материалов, оставшихся в коллекции музея из дореволюционных раскопок этого памятника, а другая найдена в одной из катакомб могильника Д. М. Березовцом[3]. Известно еще восемь пунктов, где найдены коньки-подвески первого типа второго варианта. Одна из подвесок известна по материалам Стерлитамакского (Левашовского) могильника VIII—IX вв. [9, с. 155, табл. 1, *1*]. А. П. Смирнов датировал эту находку IX в. К этому же варианту относится подвеска из Хусаиновского могильника VIII — начала IX в. [10, с. 47]. Н. А. Мажитов дает более узкую дату комплекса вещей из Хусаинова, определяя ее второй половиной IX в. [10*а*, с. 22, 28]. Аналогичные коньковые подвески в единичных экземплярах обнаружены в Больше-Тиганском и Чишминском могильниках. Большетиганская находка согласуется с общей датой

[3] Сообщение О. В. Сухобокова.

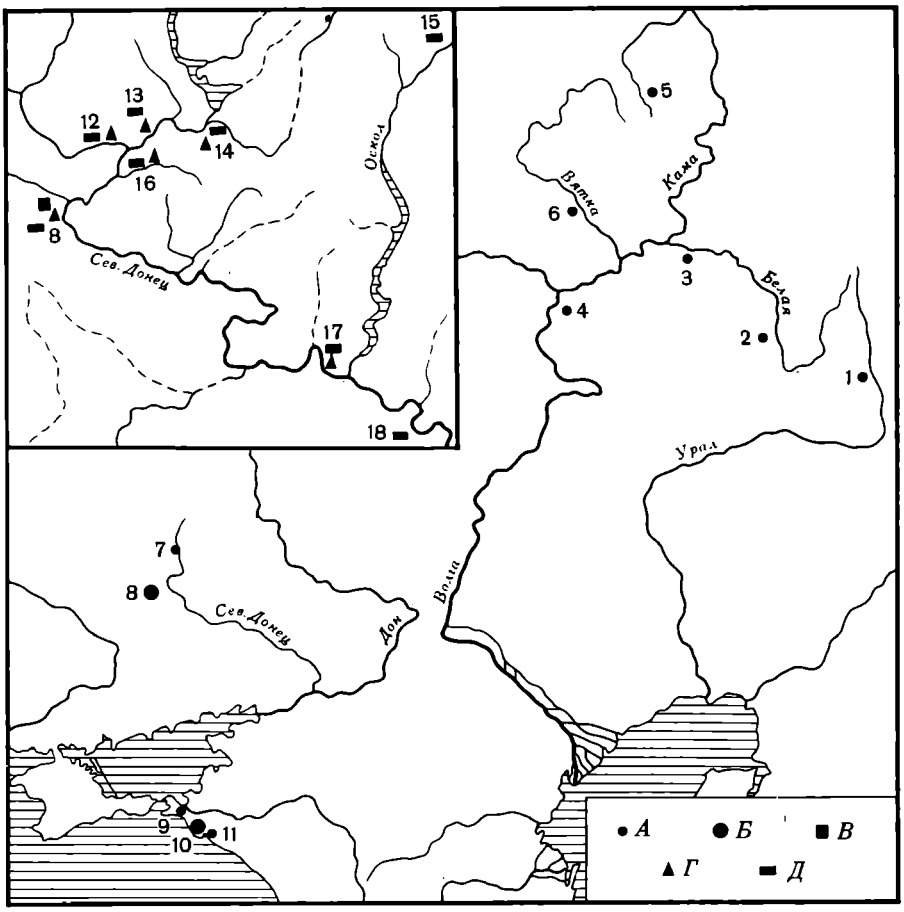


Рис. 7. Карта распространения коньковых подвесок VIII—IX вв. первого типа второго варианта и археологических памятников Сухогомольшанского типа в бассейне Северского Донца. *А* — коньковые подвески (единичные экземпляры); *Б* — коньковые подвески (более 10 экз.); *В* — каменная крепость; *Г* — кочевья и селища; *Д* — могильники и отдельные погребения с обрядом трупосожжения. *1* — Хусаиново; *2* — Стерлитамак; *3* — Чишма; *4* — Большие Тиганы; *5* — Тиминский могильник; *6* — Лопьял; *7* — Верхний Салтов; *8* — Сухая Гомольша; *9* — Гаркуша; *10* — Дюрсо; *11* — могильник возле г. Новороссийска; *12* — Новая Покровка; *13* — Кочеток; *14* — Пятницкое; *15* — Тополи; *16* — Мохнач; *17* — Бондариха; *18* — Маяки

могильника, предложенной Е. А. Халиковой (конец VIII — первая половина IX в.) [11, с. 167, рис. 8, 16, с. 178]. В рамках IX—X вв. датирует Чишминский могильник Е. П. Казаков [12, с. 22, рис. 5, *11*, с. 27]. Две подвески известны с территории бывшей Вятской губернии. Одна из них найдена у с. Лопьял, другая в женском погребении Тиминского могильника. Подвеска из Лопьял датируется VIII—IX вв., а из Тиминского могильника — концом VIII—IX в. [6, с. 87, 89].

Большое количество коньковых подвесок рассматриваемого варианта (не менее 10 экз.) происходит из кремационных погребений могильника второй половины VIII — начала IX в. на р. Дюрсо и одна — из аналогичного могильника возле Новороссийска, исследованных А. В. Дмитриевым[4]. Еще одна подвеска, датирующаяся концом VIII — началом IX в., найдена на Таманском п-ове у хут. Гаркуша [6, с. 89].

Как видно, обозначиваются три района распространения коньковых подвесок первого типа второго варианта: Волжско-Приуральский, ограниченный в основном лесостепью, Северодонецкий в пределах лесостепи и пограничья со степью и Северокавказский в районе Таманского п-ова (рис. 7).

Погребальный обряд Сухогомольшанского могильника имеет определенное сходство с традиционной погребальной обрядностью различных по

[4] Автор сердечно благодарит А. В. Дмитриева за дополнительные сведения о коньковых подвесках, найденных в районе Новороссийска [13, с. 55, рис. 2, *26*].

своему происхождению народов Евразии I тысячелетия н. э. Характерный для могильника обряд трупосожжения, так же как и наличие или отсутствие урны в захоронении, не могут пока служить этноопределяющими признаками. Такое сочетание, как отметил В. В. Седов, свойственно целому ряду археологических культур, в том числе и таким, многоэтничность которых не подлежит сомнению [14, с. 63]. Можно ли урновые и безурновые трупосожжения Сухогомольшанского могильника рассматривать как признак биэтничности, покажут дальнейшие исследования всех материалов могильника, полный анализ которых не входит сейчас в задачу автора. В качестве предварительных замечаний отметим, что в составе погребального инвентаря урновых и безурновых захоронений не обнаруживается существенных различий, если не считать того, что конькковые подвески встречаются только в урновых трупосожжениях. Тайники с набором оружия и конского снаряжения размещались возле погребений обеих групп, впрочем, безурновые они сопровождают чаще. Сосуды-урны с коньковыми подвесками представлены лепными формами и сделанными на гончарном круге. В общей массе сосудов этого назначения в рассматриваемом могильнике преобладает гончарная керамика. Она несомненно относится к салтовской культуре и имеет многочисленные аналогии в алано-болгарской керамике. Салтовскую принадлежность обнаруживают и сосуды-приставки в виде кувшинов и кружек, встречающихся в ямных и урновых трупосожжениях, а также керамика, разбитая во время тризны. Облик материальной культуры позволяет рассматривать Сухогомольшанский могильник как памятник салтовской культуры, но очень своеобразный, резко выделяющийся на фоне хорошо известных аланских и древнеболгарских, представленных катакомбными и ямными типами погребальных сооружений с обрядом трупоположения. Могильники и отдельные погребения, правда, не всегда такие яркие по набору вещевых комплексов, как в Сухой Гомольше, очевидно, в силу недостаточной исследовательности, а может быть, и по каким-то иным причинам уже выделены в особую группу салтовских памятников С. А. Плетневой, которая считает их не аланскими и не древнеболгарскими, а принадлежащими какому-то тюркскому населению. К этой группе памятников были отнесены расположенный в бассейне Северского Донца Новопокровский могильник, комплекс вещей у с. Тополи, трупосожжение в урочище Бондариха и др. [3, с. 100—102]. К этой же группе памятников относятся малоизвестные и слабо изученные на территории Чугуевского района Харьковской области могильник у с. Пятницкое [5], рядом с которым расположены кочевья с салтовской керамикой на поверхности, и комплекс вещей из пос. Кочеток, найденный случайно во дворе школы-интерната во время земляных работ. В 1 км от места находки комплекса, на южной окраине пос. Кочеток, расположено салтовское селище. Еще один комплекс обожженных вещей, характерных для воина-всадника, был найден на левом берегу Северского Донца возле салтовского городища у с. Мохнач Готвальдовского р-на. Погребения с трупосожжениями в круглых ямах обнаружены возле салтовского городища Маяки Славянского р-на Донецкой обл. (рис. 7).

Северодонецкие трупосожжения имеют большое сходство с погребениями третьей части Борисовского могильника и второй группы погребений могильника Дюрсо на Северном Кавказе. Этнос Борисовского могильника связывают с разными народами: зихами [16, с. 173—175], славянами [17, с. 84; 18; 19, с. 102], древними болгарами [20, с. 123], абазинами [21, с. 192—196]. Трупосожжения могильника Дюрсо А. В. Дмитриев склонен считать оставленными тюркоязычным населением [13, с. 56].

В решении вопроса об этнической принадлежности Сухогомольшанского могильника представляют большой интерес найденные в нем конькковые подвески. Они являются именно той категорией погребального инвентаря, которую со времен А. С. Уварова относят к важным этническим

[5] Краткую информацию о памятнике см. [15].

показателям [22, с. 6—9]. Коньки-подвески различных групп, типов и вариантов характерны для финноугорских народов, среди которых они были широко распространены и входили в круг их идеологических представлений и художественных вкусов. Своими корнями изображения двух повернутых в противоположные стороны лошадиных голов восходят к ананьинской эпохе [23, с. 66]. Подвески рассмотренного варианта прочно входят в эволюционный ряд этой группы изделий, отражающей угорский этнический элемент, вошедший в этногенез башкир, удмуртов, коми и народов Поволжья [6, с. 83]. Однако они не имеют повсеместного распространения в Волго-Уральском районе. Их находки сосредоточены в основном в бассейне Нижней Камы, р. Белой и в верхнем течении р. Урал. Эта территория была местом расселения древневенгерских племен и находилась в пределах «Великой Венгрии», восточные границы которой распространялись до Хусаиновских курганов [24; 25]. Отсюда коньки-подвески доставлялись на Вятку и в Верхнее Прикамье (Лопьяльский и Тиминский могильники) в результате тесных экономических контактов с населением Нижнего Прикамья и Приуралья.

В более отдаленные земли славян в качестве предметов обмена не только подвески первого типа второго варианта, но и вообще коньковые подвески с прорезной основой не проникали [22, с. 44].

Два из трех наметившихся районов распространения подвесок расположены далеко за пределами «Великой Венгрии» — в степях Восточной Европы — и отмечены отдельными гнездами находок: в бассейне Северского Донца и на Северном Кавказе. В каждом из них коньки-подвески найдены в значительно большем количестве, чем в Волго-Уральском районе, несмотря на то, что здесь они не имеют генетических корней.

Рассмотренные коньковые подвески, найденные в урновых трупосожжениях Сухогомольшанского могильника, являются археологическими свидетельствами пребывания угров в восточноевропейских степях на сложном историческом пути, который прошли многие полукочевые народы во второй половине I тысячелетия н. э. При этом речь может идти не о какой-то отдельной угорской орде, быстро прошедшей через степи, а об организованном и вооруженном этносе, находившемся в сферах влияния различных племен юга Восточной Европы, какое-то время совершавшего перекочевки и осевшего в среде алано-болгарского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга Большому Чертежу / Под ред. Сербиной К. Н. М.-Л., 1950.
2. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца.— КСИИМК, 1960, № 79.
3. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура.— МИА, 1967, № 142.
4. *Ляпушкин И. И.* Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, № 104.
5. *Михеев В. К., Дяченко А. Г.* Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомольша.— АДУ-1969. Київ, 1972, IV.
6. *Голубева Л. А.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья.— СА, 1966, № 3.
7. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки.— САИ, вып. Е1-2. М., 1979.
8. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966.
9. *Ахмеров Р. Б.* Могильник близ г. Стерлитамака — СА, 1955, XXII.
10. *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии.— МИА, 1957, № 58.

10а. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука. 1977.

11. *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник.— СА, 1976, № 2.
12 *Казаков Е. П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
13. *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо.— КСИА АН СССР, 1979, № 158.
14. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
15. *Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А.* Работы на новостройках Харьковской области.— АО-1977. М., 1978.
16. *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 годах.— ИАК, 1914, № 56.
17. *Смирнов А. П.* К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным.— Уч. зап. Кабард. НИИ, 1948, № 14.
18. *Рыбаков Б. А.* Славяне в Крыму и на Тамани: Тезисы доклада на сессии по истории Крыма (24 мая 1952 г.). Симферополь: Крымиздат, 1952.

19. *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, XVII.
20. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
21. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.
22. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров.— САИ, вып. Е1-59. М., 1979.
23. *Мольнар Э.* Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа.— Studia Historica. Budapest, 1955, t. 13.
24. *Халикова Е. А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья.— СА, 1976, № 3.
25. *Халикова Е. А.* Еще раз о проблеме происхождения венгров (в связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финноугроведов).— СА, 1978, № 3.

V. K. Mikheyev

PENDANTS WITH TWO SYMMETRICAL HORSE HEADS FROM SYKHAYA GOMOLSHA BURIAL

Summary

The author publishes bronze pendants-amulets with two symmetrical horse heads from a cremation Saltovo-culture burial at Sukhaya Gomolsha village, Gottwald Region, Kharkov District, and other artifacts from the same burial. The pendants were found in urn burials of women in three out of six local groups and were dated back to the 8th-9th centuries. Artifacts of this type are common in a vast region stretching from the Kama basin to the Seversky Donets basin and the north-western Caucasus which is subdivided into three sub-regions. These pendants had been brought to the south-eastern European steppe by Finno-Ugric tribes from the Kama basin and had become a common feature of cremation burials. The region where such monuments are most frequently met with, i. e., the upper and middle reaches of the Seversky Donets and the Oskol rivers, was, most probably, inhabited by semi-nomadic ancient Finno-Ugric population which had close contacts with the Alans and ancient Bulgarians of the Don region.

АФАНАСЬЕВ Г. Е., НИКОЛАЕНКО А. Г.

О САЛТОВСКОМ ТИПЕ СЫРОДУТНОГО ГОРНА

Вопросам ремесленного производства алано-болгарских племен салтово-маяцкой культуры посвящен ряд работ [1, с. 1]. Однако до сих пор оставалась неясной конструкция основы салтовского чернометаллургического производства — сыродутного горна, несмотря на то что остатки горнов были обнаружены в ряде пунктов.

В 1976 г. на левом берегу Дона, у с. Полянка (окраина райцентра Верхние Мамоны), на территории салтовского селища Д. Я. Телегиным обнаружено около 10 горнов. Все они были расположены на склоне берега, на расстоянии 2—5 м друг от друга и выделялись скоплением крупных кусков шлака. Один из горнов был раскопан, но, к сожалению, он плохо сохранился и его устройство проследить не удалось. Известно лишь, что печь имела округлую в плане форму (диаметр около 0,8 м) и была углублена в песок на 1 м [2].

Есть сведения о находке горнов для плавки железной руды на территории салтовского селища у с. Верхний Бишкин Харьковской обл., но данные об их конструкции также приведены не были [3, с. 119].

Не известно, как выглядели ямные горны, обнаруженные И. П. Костюченко и Н. Т. Евстроповым на салтовском селище близ г. Волчанска Харьковской обл. [4, с. 204—207], где в 1967 г. «вскрыты остатки железоплавильной печи наземного шахтного типа» [3, с. 67].

Другие остатки салтовского сыродутного горна были обнаружены на левом берегу Печенежского водохранилища, близ с. Старый Салтов, в 1970 г. Однако сведения о его конструкции не сообщались [3, с. 71].

В 1979 г. нами были обнаружены и исследованы остатки сыродутного горна близ с. Ютановка Волоконовского р-на Белгородской обл. в срезе дороги, ведущей из с. Афоньевка в пос. Волоконовку.

Открытая домница находилась между двумя крупными памятниками салтово-маяцкой культуры: Ютановским городищем и Ютановском катакомбным могильником, на территории обширного селища, спускающегося в пойму р. Оскол. Для исследования остатков горна на склоне террасы был заложен раскоп, начинающийся от среза дороги (рис. 1). Толщина гумусного слоя в этом месте достигала 0,75—0,96 м, ниже шел материковый суглинок с примесью меловой крошки.

При зачистке материковой поверхности были встречены три фрагмента сосудов. Один из них принадлежал кухонному горшку, украшенному линейчым орнаментом. Другой — крупному хозяйственному сосуду. Интересно, что в тесте этого сосуда была очень большая примесь железного шлака. Третий фрагмент принадлежал донцу лощеного кувшина. Все эти фрагменты типичны для керамических комплексов салтово-маяцкой культуры.

Уже при зачистке материка (рис. 2) были обнаружены компактные скопления железного шлака и мелкие кусочки железной руды, рядом с которыми на желтом фоне материка хорошо выделялись четыре округлых пятна. Расчистка восточного пятна показала, что это была круглая ямка диаметром 0,38 и глубиной 0,14 м. На дне ее находились кусочки древесного угля и железного шлака.

Три других пятна были связаны непосредственно с сыродутным горном (рис. 3). Наиболее крупное из них (размером 0,52×0,42 м) находилось в центре. Оно имело овальную форму и выделялось своим заполне-

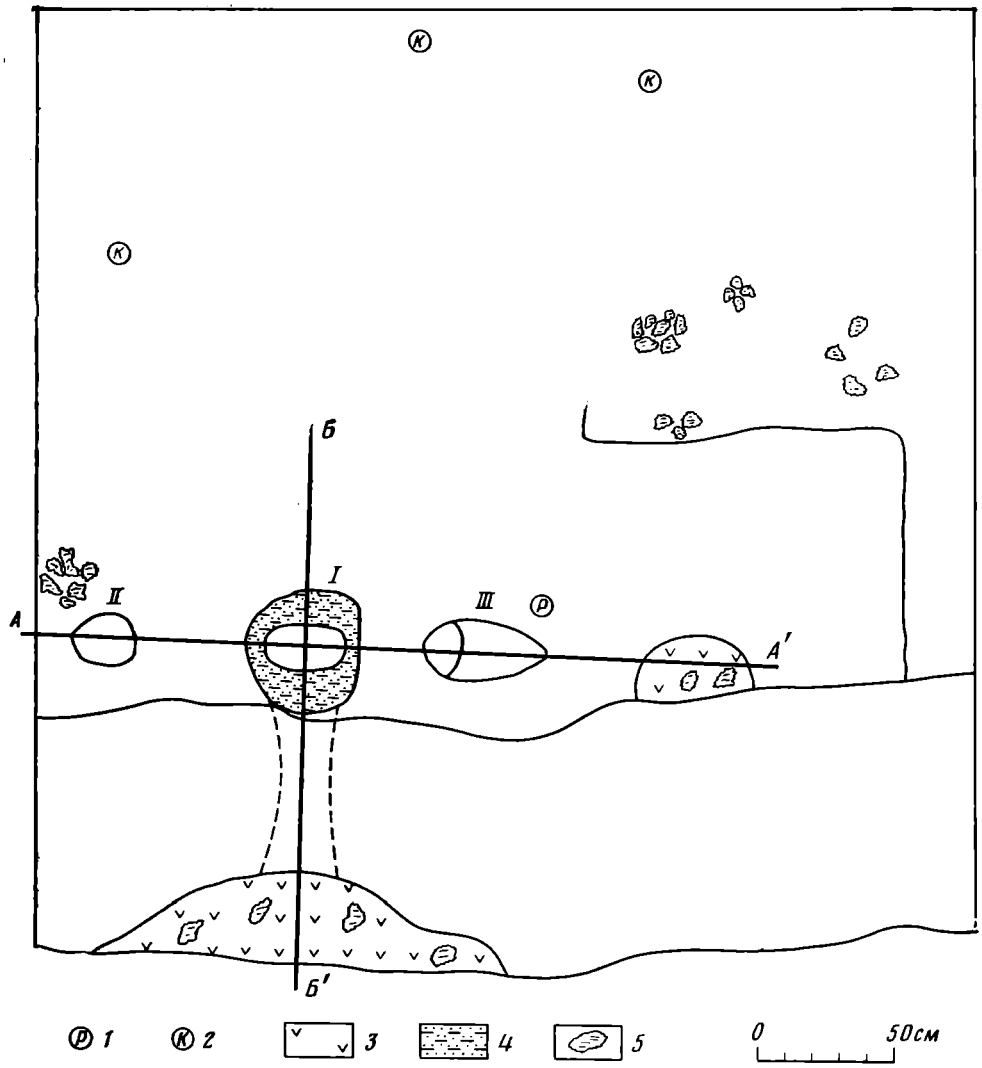


Рис. 1. Общий вид (план) раскопа. I — колошник; II, III — воздуходувные каналы; *1* — кусочки руды; *2* — керамика; *3* — уголь; *4* — темно-желтый песок с глиной; *5* — шлаки

лием — ярким прокаленным песком, в центре которого располагалось овальное черное гумусированное пятно размерами 0,3×0,12 м. Второе пятно размерами 0,23×0,2 м находилось на расстоянии 0,43 м от первого и выделялось заполнением из темно-серого мелкозернистого песка. Третье пятно размерами 0,45×0,22 м находилось на расстоянии 0,25 м от первого и также выделялось своим заполнением из темно-серого песка.

Раскопки позволили установить, что первое крупное пятно принадлежало колошнику горна, а два других, расположенные по бокам — воздуходувным отверстиям (рис. 4). Центральную часть горна занимала глиняная камера в виде колбы, покрытая изнутри шлаковой крустой. Сохранившаяся высота колбы 0,6 м, внутренние размеры в верхней части 0,22×0,15 м, в центральной части 0,4×0,15 м, в нижней части 0,27× ×0,15 м. Общая высота ямы горна 1 м. Таким образом, колба не доходила до колошника на 0,3 м и до лещади на 0,1 м. Вполне возможно, что эти части колбы могли просто не сохраниться (рис. 5). В пользу этого говорят находки мелких фрагментов колбы около колошника на поверхности материка. Снаружи колба была обложена мелкозернистым песком, выполнявшим роль футеровки, в котором отчетливо прослеживается слоистость. Первый слой песка, охватывающий колбу, имел желтый цвет и толщину 0,007 м, второй был сиреневого цвета и толщиной 0,01 м, третий — слой красного песка толщиной 0,012—0,007 м и, наконец, четвертый — желтый

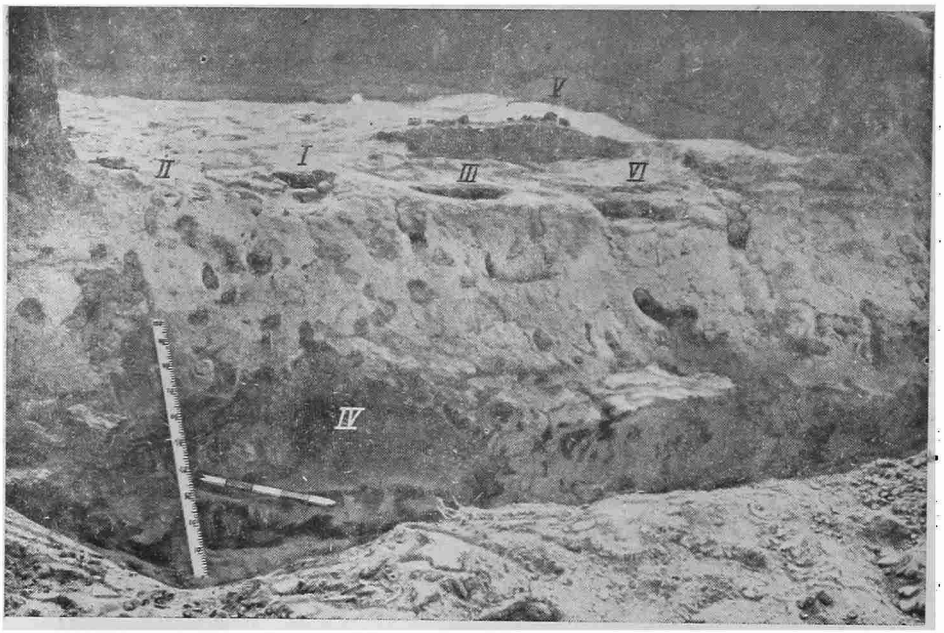


Рис. 2. Вид раскопа с северо-востока. I — колошник: II, III — воздуходувные каналы; IV — канал для выпуска шлака; V — куски шлака; VI — ямка с древесным углем и шлаком

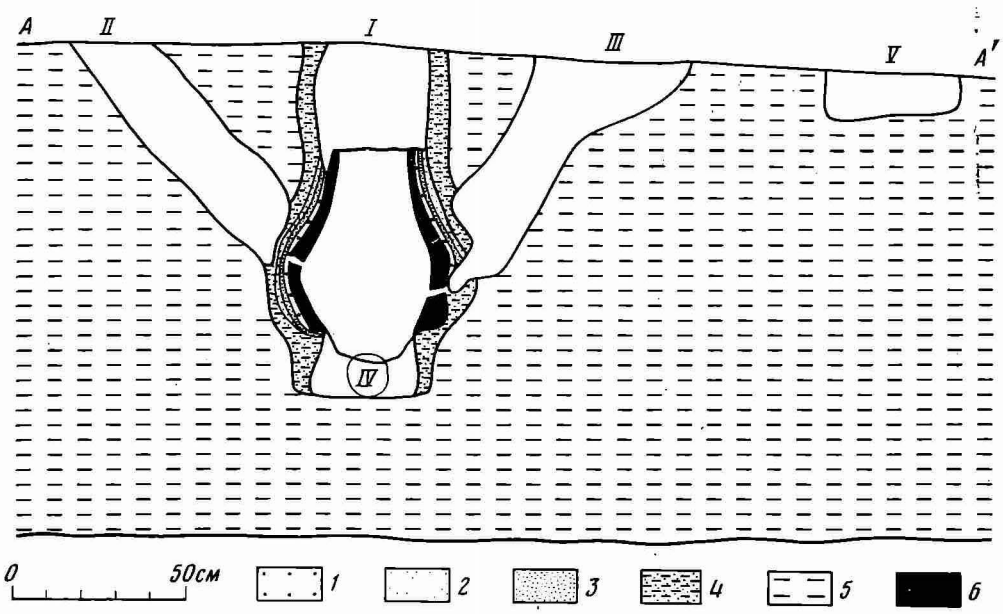


Рис. 3. Разрез домницы по линии А — А¹. I — колошник; II, III — воздуходувные каналы; IV — канал для выпуска шлака; V — ямка с древесным углем и шлаком; *1* — желтый песок; *2* — красный песок; *3* — сиреневый песок; *4* — темно-желтый песок с глиной; *5* — материковый суглинок; *6* — глиняная колба

песок толщиной до 0,15 м. Даже после последнего слоя песка материковая глина была довольно сильно прокалена.

Нижняя часть ямы горна имела небольшое расширение — 0,3×0,17 м, а лещадь переходила в желоб длиной 0,6, шириной 0,2—0,26 м с наклоном в 13°, выводящий в полукруглый подбой длиной 1,5 м (рис. 6). На дне подбоя лежали остатки древесного угля и куски шлака.

Слева от глиняной колбы находился первый воздуходувный канал. Он имел длину около 0,85 и средний диаметр 0,2 м, но в месте соединения с шахтой канал сужался, доходя до 0,03 м. В этом же месте в колбе имелось отверстие диаметром 0,02 м, вероятно, для сопла. Второй воздуходувный канал, находящийся с правой стороны, был таких же размеров,

но в 0,15 м от места соединения с колбой он переходил в трубку диаметром 0,05 м. Колба здесь также имела отверстие диаметром 0,02 м. Оба воздуходувных канала были заполнены темно-серым песком без признаков обжига.

Полученные данные позволяют нам восстановить процесс строительства горна и его функционирования. Первоначально на склоне террасы в материковой глине выкапывалась яма для будущего горна. Шахта была овальная в плане (наибольший диаметр 0,5, глубина 1 м). Затем из глины с песком формировалась колба, в нижней части которой по бокам делались два отверстия для сопл воздуходува (отверстия пробивались в еще сырой глине). Подготовленная колба устанавливалась в шахту, а пространство между стенками колбы и шахты засыпалось мелкозернистым песком. Внизу шахты на уровне лещади делалось отверстие и наклонный канал.

Рис. 4. Центральная часть горна — колба. I — стенки колбы; II — воздуходувный канал

Таким образом, перед нами сыродутная печь подземного типа. Ее загрузка производилась сверху через колошник, о чем свидетельствуют находки на материковой поверхности около колошника кусочков древесного угля и железной руды. Воздух подавался с двух сторон двумя мехами, что создавало непрерывный воздушный поток. После того как шлак собирался в достаточном количестве на дне горна, открывалось отверстие отводного наклонного желоба (рис. 3, IV) и шлак вытекал. Затем через это же отверстие доставали и крицу.

При выяснении генезиса описанного типа сыродутного горна было бы вполне естественно обратиться к аланским и болгарским памятникам предшествующего времени, исходя из современной концепции формирования салтово-маяцкой культуры. Однако здесь мы сталкиваемся с рядом трудностей. На Северном Кавказе пока не известны раннесредневековые сыродутные горны. Единственная железоплавильная печь была исследована в 1962 г. В. А. Кузнецовым на Нижнеархызском городище X—XIII вв. [5, с. 90—92]. Но она не имеет ничего общего с ютановским горном, так как представляла собой наземное трехкамерное сооружение из плоских камней.

Значительно лучше разработаны вопросы черной металлургии у тюркоязычных народов, и в частности у хакасов. Там благодаря исследованиям Я. И. Сунчугашева создана широкая картина развития железодобывающего ремесла в V в. до н. э. по XX в. н. э. [6]. Но и здесь прямых параллелей нашему горну нет. Правда, таштыкские сыродутные печи I в. до н. э.— V в. н. э. имеют ряд конструктивных особенностей, близких ютановскому горну. Это прежде всего относится к воздуходувному устройству: горн-яма имел наклонный, выводящий наружу канал для фурмы, а мех устанавливался на поверхности [6, с. 50]. Принципиальная разница между этими печами заключается в том, что в таштыкских горнах плавка руды производилась без выпуска шлака [6, с. 58], а ютановская железоплавильня для этой цели имеет на уровне лещади специальный наклонный канал.

Я. И. Сунчугашев приводит довольно интересные сведения, собранные К. А. Евреиновым, о сыродутных горнах у шорцев. Любопытно, что жители горной Шории использовали для варки железа вплоть до XX в. старые глиняные корчаги, кувшины и кринки, которые они зарывали в

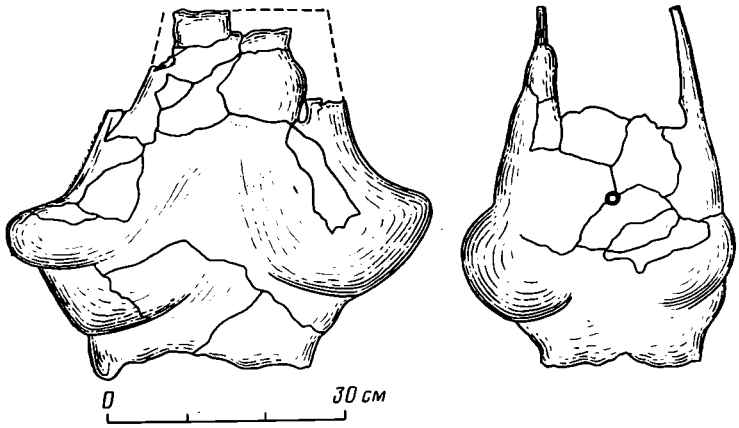


Рис. 5. Глиняная колба

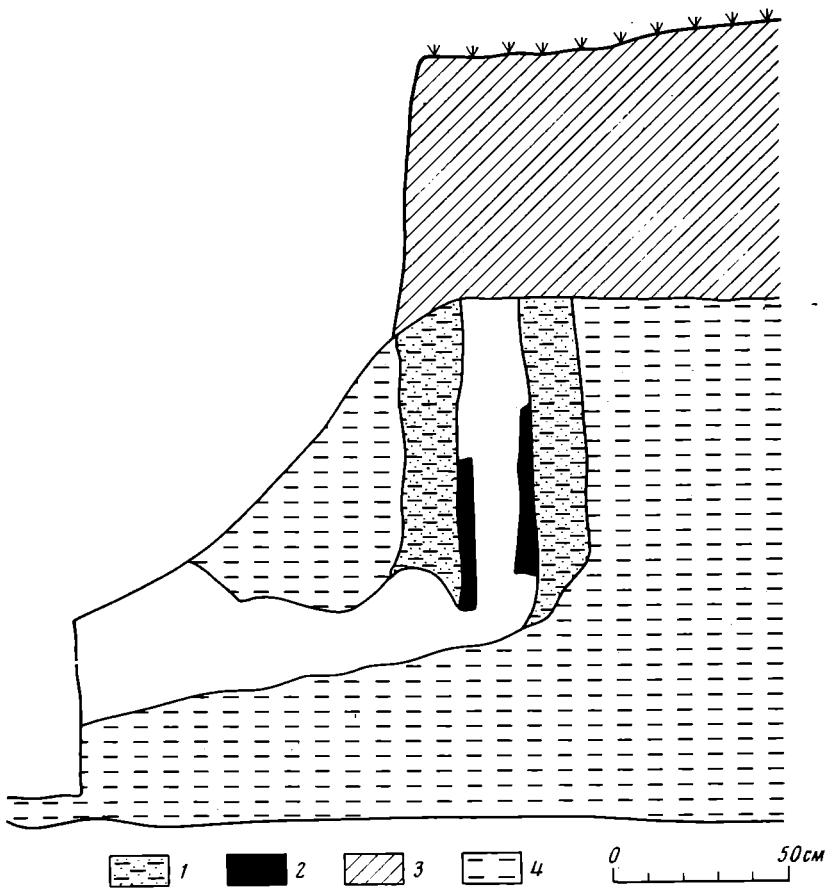


Рис. 6. Разрез домницы по линии Б — Б¹. *1* — темно-желтый песок с глиной; *2* — глиняная колба; *3* — гумус; *4* — материковый суглинок

землю, подводя сбоку сопла мехов [6, с. 158, 159], т. е. корчага в шорском горне выполняла ту же роль, что и специально сделанная глиняная колба Ютановского горна.

Нет прямых аналогий ютановскому горну и в круге славянских памятников VIII—IX вв., хотя отдельные конструктивные детали и имеют сходство. Например, славянские горны, раскопанные у с. Григоровка Винницкой обл., имеют также подземное расположение и коническо-грушевидную форму [7, с. 107—109]. Кроме того, они имеют довольно близкие размеры: высота около 0,7, верхний диаметр 0,2, нижний 0,4 м, а сопла расположены на 0,16 м выше лещади [8, с. 142]. Наряду с этим существенные различия наблюдаются в устройстве воздуходувов: у сла-

вянских печей из с. Григоровки устье находится со стороны склона, где в специально подготовленной яме помещались меха. Есть разница в устройстве пода, а лещадь ютановского горна имеет меньшие размеры, чем под григоровских печей.

Другая большая группа славянских горнов VI—VII вв. исследована на Южном Буге близ г. Гайворонов Кировоградской обл. [9, с. 123—144]. Но и эти горны не похожи на ютановский. Прежде всего, гайворонские домницы относятся к наземному типу, с другой стороны, они имеют и иное воздуходувное устройство.

Типологически близкие сыродутные горны были исследованы в 1950—1951 гг. у с. Желеховицы в Северной Моравии в Чехословакии. Близость проявляется в основных и самых важных конструктивных деталях. Прежде всего, желеховицкие печи — подземного типа, а строительные приемы напоминают ютановские: желеховицкие горны сделаны в лёссе и имеют песчаную футеровку [10, с. 47]. Здесь также имеется канал для выпуска шлака и выемки крицы и отдельный, идущий сверху воздуходувный канал. Довольно близки и размеры печей: высота горнов 0,85 м, диаметр колошника 0,27 м, диаметр кричного отверстия 0,28 м.

Разница между желеховицкими и ютановским горнами заключается в том, что первые имеют только один воздуходувный канал, да и он расположен у задней стены. Кроме того, желеховицкие печи не имели специальной внутренней колбы. В хронологическом отношении домницы в Северной Моравии одновременны ютановскому горну и датируются концом VIII — первой половиной IX вв. [10, с. 47]. В принципе сам тип подземных печей на территории Чехословакии, по наблюдениям Р. Плейнера, имеет глубокие исторические корни. Они появляются еще в латенскую эпоху, бытуют на протяжении всего римского и славянского периодов и доживают до Великоморавского времени [11, рис. 68].

Некоторую близость с ютановской сыродутной печью имеет горн № 2, исследованный Г. Ф. Чеботаренко на городище Калфа в Молдавии [12, с. 78, 79]. К сожалению, этот горн сохранился недостаточно хорошо. Однако здесь удалось зафиксировать ряд особенностей конструкции: камера горна была подземной, а в одной из боковых стен на высоте 0,1—0,15 м от дна обнаружено отверстие для сопла.

Единственной пока прямой и ближайшей аналогией ютановскому сыродутному горну является горн, раскопанный И. Ф. Левицким в 1936 г. у с. Новая Покровка Чугуевского р-на Харьковской обл. [13, с. 64—67; 14, с. 135, 136]. Это — печь подземного типа. Ее камера была вылеплена из глины с большой примесью песка и песчаной футеровкой. В вертикальном сечении она имела вид конуса, а в плане — вид овала. Размеры печи почти полностью повторяют ютановский горн. Проявляется сходство и в устройстве воздуходувов. У новопокровского горна с двух боковых сторон на высоте 0,15 м от пода были сделаны два отверстия для подачи воздуха. А в нижней части передней стенки имелось отверстие для выпуска шлака и выемки крицы.

Как видим, сходство абсолютно полное. Однако датировка этого горна до открытия ютановской печи была неясной. На этом памятнике исследователи фиксируют три культурных слоя: поздний бронзовый век, позднее скифское время, салтовский период. А. Т. Брайчевская датирует новопокровский горн концом I тысячелетия до н. э.— серединой I тысячелетпя н. э. Б. А. Шрамко склонен относить этот горн к позднему скифскому времени, приводя в доказательство то, что печь была перекрыта салтовским слоем. Такое объяснение датировки не представляется убедительным, поскольку новопокровский горн находился на склоне дюны и салтовский слой мог смываться сверху и переотлагаться внизу, перекрывая горн.

Нет сомнения в том, что остатки горна именно этого типа обнаружены В. К. Михеевым на территории селища № 2 близ Волчанского городища [15]. Фактически здесь был найден не сам горн, а остатки глиняной, сильно ошлакованной колбы, выброшенные на поверхность из ямы горна. Колба имела грушевидную форму высотой около 1,06 м и была

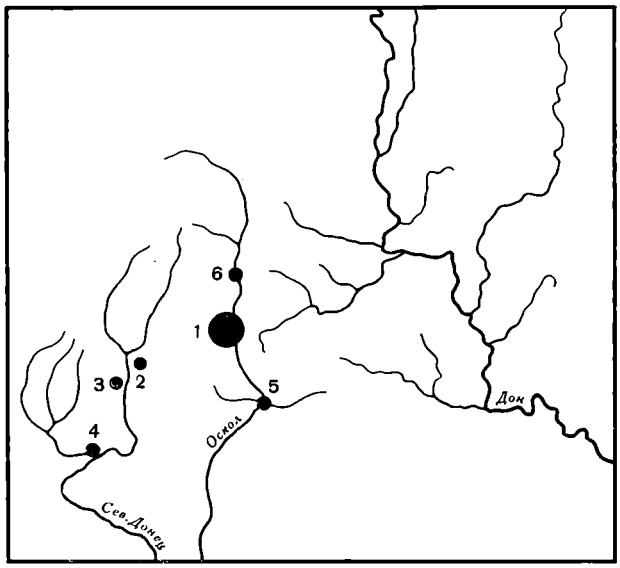


Рис. 7. Карта находок салтовских горнов и фрагментов ошлакованных колб. *1* — Ютановка, Афоньевка, Заломное; *2* — Волчанск; *3* — В. Салтово; *4* — Н. Покровка; *5* — Валуйки; *6* — Таволжанка

сделана из обожженной глины. Диаметр колошника 0,45 м. По бокам на высоте 0,12 м от основания имелись отверстия для сопл. Иными словами, колба полностью повторяет ютановскую и новопокровскую и, без всякого сомнения, связана с горном этого же типа. Однако находки фрагментов колбы на уровне древней дневной поверхности привели Б. А. Шрамко и В. К. Михеева к неправильному выводу о том, что горн из Волчанска принадлежал к типу наземных.

Приведенные данные показывают, что ютановский тип сыродутного горна не имеет прямых аналогий за пределами салтово-маяцкой культуры. Помимо перечисленных, находки фрагментов глиняных колб со шлаковой крустой известны на ряде других памятников салтово-маяцкой культуры, таких, как Верхнесалтовское городище [15, с. 80], Заломенское и Афоньевское селища в Волоконовском р-не Белгородской обл., Таволжанское селище в Новооскольском р-не Белгородской обл., селище близ г. Валуйки. Таким образом, можно прийти к выводу, что данный тип сыродутного горна характерен для салтово-маяцкой культуры (рис. 7). Петрографический анализ шлака из волчанского горна, по сведениям В. К. Михеева, показал очень небольшой выход железа в шлак, что свидетельствует о высоком уровне развития металлургического производства.

В заключение следует сказать, что раскопанная домница не является единственной на этом памятнике. Еще ранее при постройке дороги из Волоконовки в Ютановку на территории Ютановского селища встречались фрагменты ошлакованных глиняных колб от нескольких других горнов. Это в свою очередь позволяет предполагать существование здесь в раннем средневековье своеобразного локального железоделательного центра подобно открытым у с. Григоровка [7, с. 107—109], на Гочевском [16, с. 208] и Ленковецком [17, с. 257] городищах и проч. Более того, можно думать, что металлургические комплексы будут открыты и в других районах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. На это указывают крупные скопления металлургических шлаков в районе с. Верхние Мамоны и Волчанска. Любопытно, что металлургические шлаки использовались здесь в качестве примесей к глине при изготовлении сосудов. Фрагменты таких сосудов найдены на салтовских селищах близ Волчанска [4, с. 204—207], у с. Новая Покровка [14, с. 133], а также на целом ряде селищ в Волоконовском р-не Белгородской обл.: Афоньевском, Верхнеяблоновском, Заломенском, Евдокимовском, Нижнелубянском, Среднелубянском, Столбищенском и Ютановском. Вероятно, ис-

пользование шлака в качестве сырья в гончарном производстве могло возникнуть только при условии его значительного количества. А это косвенно может говорить о довольно большом объеме добычи железа, чему вполне соответствовала сырьевая база — это район распространения болотных руд [16, с. 93] и промышленной добычи руды в XV—XX вв. [18, с. 36, 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Михеев В. К.* Достижения ремесленников салтовской культуры. Харьков, Изд-во Харьковск. ун-та, 1968.
2. *Телегин Д. А.* Отчет о работе степной неолитической экспедиции за 1975 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5982.
3. *Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.* Справочник по археологии Украины (Харьковская область). Киев, Наукова думка, 1977.
4. *Евстропов Н. Т.* Городище и селища возле г. Волчанска.— СА, 1958, № 4.
5. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, Ир, 1971.
6. *Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Новосибирск, Наука, 1979.
7. *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1955, № 59.
8. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152.
9. *Бідзіля В. І.* Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі.— Археологія, 1963, т. XV.
10. *Pleiner R.* Výroba železa ve slovanske huti u Zelechovic na Uničovsku. Praha, 1955.
11. *Pleiner R.* Zaklady slovanského železářského hutnictvi v českých zemich. Praha, 1958.
12. *Чеботаренко Г. Ф.* Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, Штиинца, 1973.
13. *Брайчевская А. Т.* Железоплавильный горн из Новой Покровки.— КСИА АН УССР, 1956, № 6.
14. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, Изд-во Харьковск. ун-та, 1962.
15. *Шрамко Б. А., Михеев В. К.* До питання про виробництво заліза у болгаро-аланських племен салтівськоі культури.— ВХУ, 1969, № 35, вып. 3.
16. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., Изд-во АН СССР, 1948.
17. *Тимощук Б. А.* Ленковецкое древнерусское городище.— СА, 1959, № 4.
18. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32.

G. E. Afanasyev, A. G. Nikolayenko

A BLOOMERY FURNACE OF THE SALTOVO TYPE

Summary

The article tells of the diggings of a bloomery furnace at Yutanovka village, Belgorod District. It was a subterrenean construction. Iron was smelted in a clay bulb with two air intakes. Analogous furnaces are found at Volchansk (Kharkov District) and Novaya Pokrovka. Bloomery furnaces of this type and fragments of slagged clay bulbs are characteristic of the Saltovo-Mayak culture and found only in Saltovo-Mayak settlements of the 8th-9th centuries.

УМАНСКИЙ А. П., НЕВЕРОВ С. В.

НАХОДКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ IX—X вв. В ДОЛИНЕ р. АЛЕЯ НА АЛТАЕ

Картографирование археологических памятников последних веков I тысячелетия н. э. на территории Алтайского края показывает, что районы предгорий и Горного Алтая изучены значительно лучше, чем районы степного и лесостепного Верхнего Приобья. Достаточно указать на тот факт, что со всей этой обширной территории известно только два могильника: Ближние Елбаны и курганный могильник у с. Иня Павловского р-на [1, с. 54; 2, с. 45—74].

Правда, за последние 10 лет значительный материал, относящийся к VII—X вв. н. э., накоплен в результате работы Алейской археологической экспедиции, но, к сожалению, кроме кратких сообщений в «Археологических открытиях»и опубликованных тезисов доклада В. А. Могильникова о них ничего не известно [3, с. 17].

С этой точки зрения большой интерес представляют находки, сделанные археологической экспедицией Алтайского краеведческого музея у совхоза «Поспелихинский», а также у сел Нечунаево и Мало-Панюшово в 1962 г.

В 5 км к СВ от центральной усадьбы совхоза «Поспелихинский» экспедицией был доисследован курган, разрушенный в результате хозяйственных работ. Контрольные раскопки и опрос местных жителей показали, что курган имел земляную насыпь (с наброской из нескольких крупных камней в центре) диаметром около 15 м, высотой чуть более 1 м. Заложенная исследовательская траншея указала на наличие вокруг кургана ровика, из которого, по-видимому, брали землю для дополнительной подсыпки насыпи. Под насыпью кургана в центре оказалась одна могила, ориентированная по линии З—В. Внутри погребения имелась какая-то деревянная конструкция, разрушенная временем и грабителями.

На дне могильной ямы и в ее засыпке были обнаружены разрозненные кости человека и коня, а также ряд вещей: 1) бронзовая сердцевидная бляшка с полушарной выпуклостью в центре на лицевой стороне, разрезанной почти по диаметру неширокой прорезью. Бляшка крепилась к ремню двумя штырьками с шайбами. Край ее украшен рядком стершихся мелких выпуклин, имитирующих зернь (рис. 1, *1*); 2) две маленькие бронзовые бляшки с тупоугольным вырезом на одном и соответствующим острым выступом на другом конце. Крепились они при помощи небольших шпеньков. Способ их изготовления — штамповка. Поверхность бляшек украшена простейшим орнаментом в виде двух концентрически расположенных прямоугольников с одним закругленным углом, причем внешние фигуры имеют одну общую сторону (рис. 1, *2*, *3*); 3) длинная бронзовая бляшка с острым выступом переднего конца и фигурным вырезом на заднем. Способ украшения и крепления тот же, что и у малых бляшек (рис. 1, *4*). Все бляшки служили украшением сбруи. Отделка их грубая, небрежная; 4) обломки звеньев железных удил с большими свободно вращающимися кольцами (рис. 1, *5*, *6*); 5) железный однолезвийный черешковый нож (рис. 1, *7*).

Решение вопроса о датировке данного памятника не представляет особых затруднений.

Сердцевидные бляшки-бубенчики начинают распространяться на территории Западной Сибири, как считают С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова и Д. Г. Савинов, с IX в. н. э., конструктивно заменив собой бляшки-

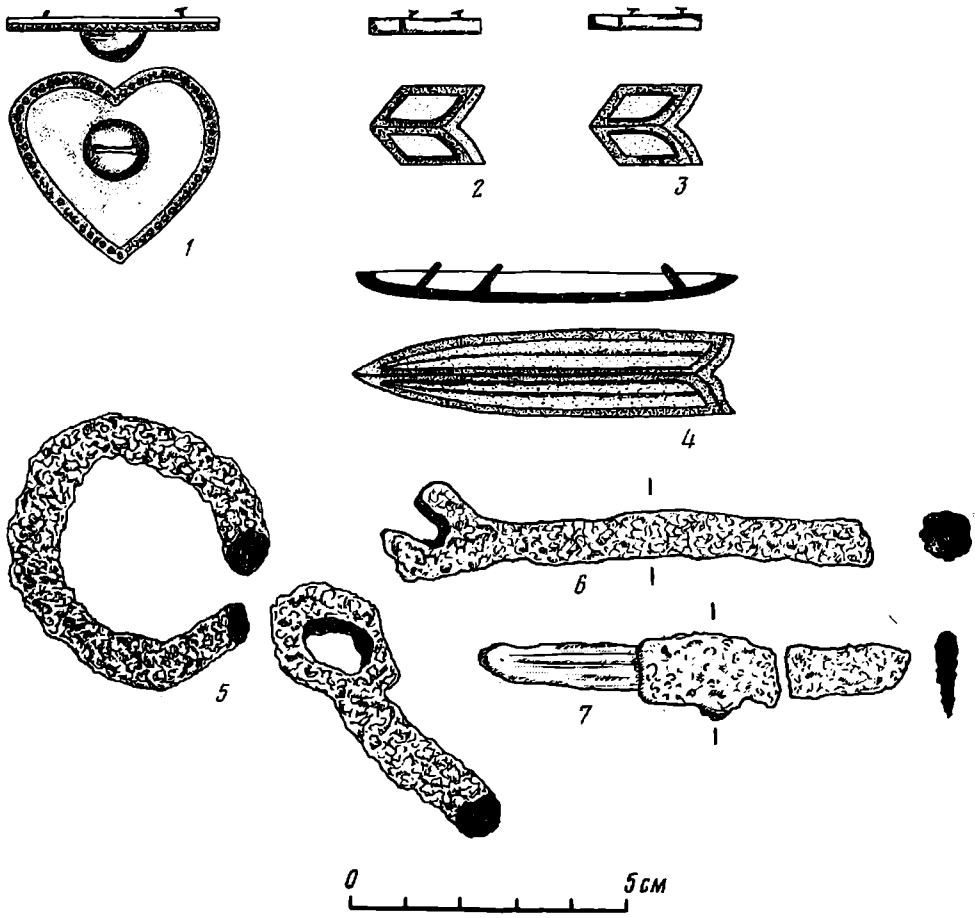


Рис. 1. Курган у совхоза «Поспелихинский». *1—4* — бронза; *5*, *7* — железо

лунницы, широко представленные в памятниках более ранних этапов эпохи сложения государств в Южной Сибири [4, с. 314; 5, с. 84; 6, с. 97]. Близкие по форме бляшки хорошо известны как в Хакасско-Минусинской котловине, так и в Горном Алтае и Верхней Оби [7, с. 103]. Подобные бляшки известны в коллекции Н. С. Гуляева, хранящейся в Горно-Алтайском краеведческом музее, а также из раскопок М. Д. Копытова в 1925 г. у с. Сростки и К. Ф. Ледебура на Чарыше (выше с. Усть-Кан) в 1826 г. [8, с. 85; 9, с. 51]. Аналогичные бляшки известны и с территории Восточного Казахстана (Бобровский могильник) [10].

Все названные выше комплексы, где были найдены бронзовые сердцевидные бляшки, датируются последними веками I тысячелетия н. э. Причем Д. Г. Савинов относит подобные бляшки к типу предметов, характерных для памятников сросткинской культуры [6, с. 97].

Аналогии другим трем бляшкам из кургана у совхоза «Поспелихинский» мы находим в погребениях выше названной культуры предгорной и горной зон Алтая (VII—X вв. н. э.) — Ближние Елбаны-6,8, Сростки-1, в коллекции Н. С. Гуляева (инв. № 1—83, 1—84, 1—85, 1—86, 1—87) [1, табл. 50, 51; 11, рис. 11—27].

Близкие по форме бляшки хорошо известны в памятниках Хакассии и Тувы (Тюхтятский клад, Капчалы-2) [7, с. 82].

На основе приведенных выше аналогий наши бляшки можно датировать второй половиной I тысячелетия н. э.

Удила с большими свободно вращающимися кольцами-псалиями распространяются в Западной Сибири не ранее IX в. н. э. [4, с. 310; 11, с. 88]. Д. Г. Савинов считает, что такие удила наиболее характерны для заключительного этапа сросткинской культуры Верхнего Приобья и Восточного Казахстана [6, с. 97].

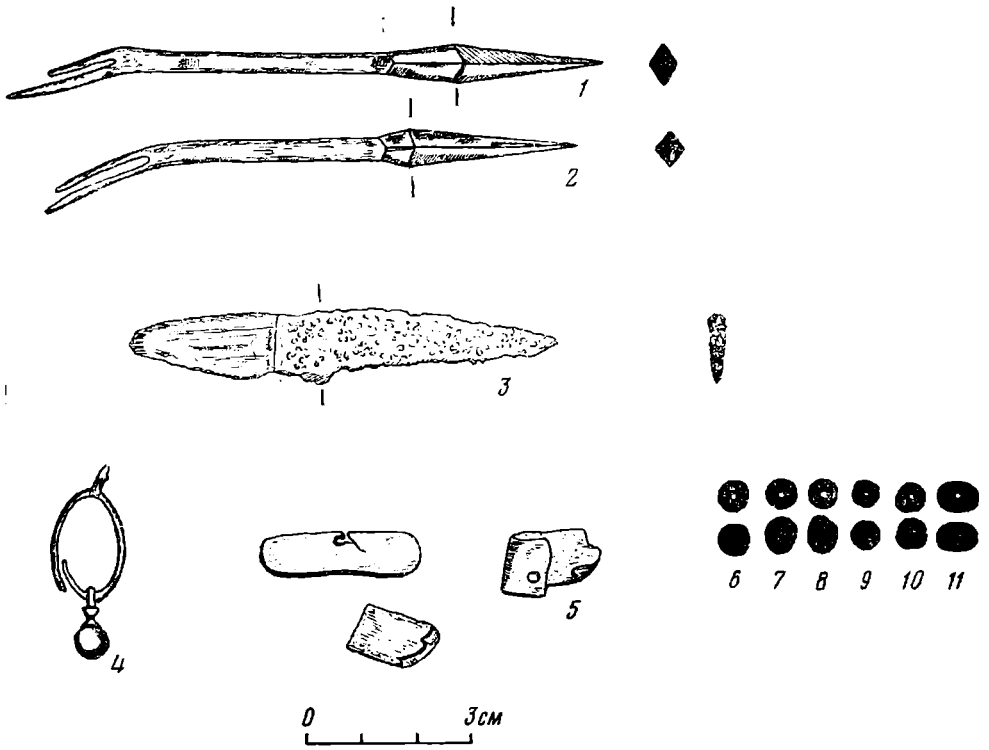


Рис. 2. Нечунаево. *1—3* — железо; *4* — бронза; *5* — серебро; *6—11* — стекловидная паста

Каменная наброска над могилой, широтная ориентировка погребения, захоронение по способу трупоположения с конем, наличие вокруг кургана ровика — все эти элементы погребального обряда являются характерными для памятников конца I тысячелетия н. э. Алтая и сопредельных территорий.

Итак, судя по времени сооружения, курган у совхоза «Поспелихинский» можно датировать IX—X вв. н. э. Нижняя хронологическая граница устанавливается на основе датировки бляшки-бубенчика и удил с большими свободно вращающимися кольцами. Верхняя дата не противоречит установленной хронологии сросткинской культуры [1, с. 151].

Экспедицией были вскрыты две могилы на песчаной дюне верхней террасы левого берега р. Алей, между селами Нечунаево и Кабаково, на кромке песчаного карьера.

В первой могиле был погребен мальчик лет пяти-шести. Глубина погребения 0,8 м, скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на юг. Под нижней челюстью скелета обнаружена бусинка из белой пасты, в области грудной клетки — сережка типично сросткинской формы, с подвешенным на стерженьке шариком и боковым отростком вверху (рис. 2, *4*). У правой руки лежал железный бронебойный наконечник стрелы с раздвоенным черешком. Сечение боевой части ромбическое (рис. 2, *1*). Около левого бедра найден небольшой железный черешковый однолезвийный ножичек (рис. 2, *3*), а между костей пястья обеих рук найдены черные пастовые бусины, которые, видимо, были нашиты на рукавах (рис. 2, *6—11*).

Но самой замечательной находкой является пояс, которым была подпоясана одежда погребенного мальчика. Он украшен бляшками типично сросткинских форм, две из них концевые, шесть — прямоугольные с фигурной прорезью, одна — овальная с отрезным сегментом (рис. 3).

Бляшки крепились к ремню с помощью заклепок и шайб, и только одна была пришита. Лицевая поверхность украшена растительным (побеги растений, бутоны, розетки) и линейным орнаментом (косыми насечками сплошь покрыты бортики большинства бляшек). Наиболее сложный

орнамент выгравирован на щитке пряжки и на лицевой оковке оконечника.

Пряжка отличается от бляшек бóльшими размерами. Щиток ее неподвижен, выполнен заодно с дужкой. Язычок подвижный, сделан из кости. Лицевая сторона его украшена резным орнаментом (насечки).

Дужка овальная, на лицевой стороне выгравирована руническая надпись орхоно-енисейского типа. Текст надписи пока не прочитан, но можно предполагать, что названо имя владельца пояса. Бляшки были равномерно распределены по всей длине пояса, охватывающего талию: по обеим сторонам пряжки (она была обращена дужкой к правой руке) были найдены прямоугольные бляшки, на правом боку и на спине еще четыре прямоугольных, на левом боку — две параболоидных, затем впереди на левой стороне — круглая с отрезным сегментом бляшка. Наконечник лежал на ребре рядом с ножом у левого бедра.

Все бляшки выполнены штамповкой с последующей гравировкой рисунка. Они изготовлены, как и сережка, из сплава бронзы с оловом.

Вторая могила обвалилась в карьер. В этом месте экспедицией были найдены обломки железного ножа, бронебойный железный наконечник стрелы с раздвоенным черешком, а также несколько прямоугольных бляшек, по форме и материалу аналогичных бляшкам из первой могилы.

При датировке погребений необходимо отметить, что инвентарь их характерен для последних веков I тысячелетия н. э. Это прежде всего серьги с отростками и неподвижными «подвесками» в виде капель или шаров. Серьги такого типа, как считают Л. А. Евтюхова и Н. Я. Мерперт, характерны для IX—XI вв. н. э. и широко распространены в это время в Евразии [5, с. 72—128; 12, рис. 92]. Так, конструктивно нашим серьгам близки серьги из Сросток, с Ближних Елбанов, из Горного Алтая, из Хакассии, из Ини, где они найдены в комплексах, надежно датируемых VIII—X вв. н. э., а также серьги каменных изваяний Южной Сибири, время которых Л. А. Евтюхова определяет VII—X вв. н. э.

Д. Г. Савинов считает такие серьги наиболее характерным женским украшением сросткинской культуры [13, с. 71].

Пряжки и бляшки, аналогичные

Рис. 3. Нечунаево. Пояс (бронза, кожа)

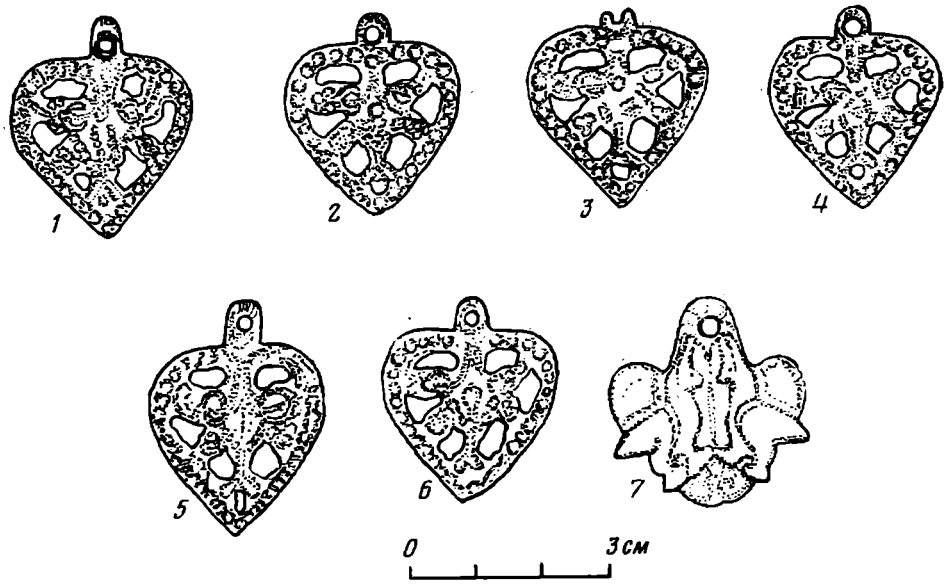


Рис. 4. Мало-Панюшово. Подвесные бляшки (бронза)

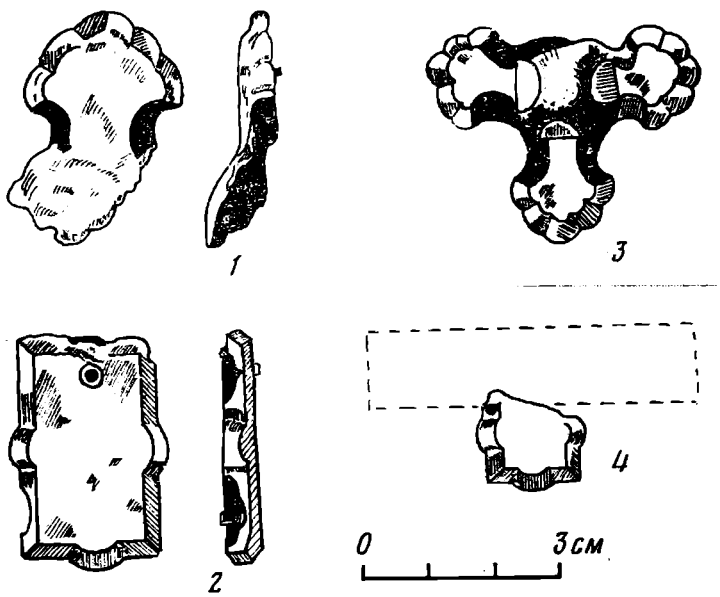


Рис. 5. *1. 2* — Мало-Панюшово, бронза; *3* — Шанчиг (раскопки Л. Р. Кызласова); *4* — реконструкция по А. А. Гавриловой

нашим, известны почти во всех памятниках сросткинской культуры Алтая, а также в фондах Горно-Алтайского музея в коллекции Н. С. Гуляева (инв. № 4—11, 4—12, 4—13 и др.).

Интересно, что бляшки из коллекции Н. С. Гуляева изготовлены из сплава бронзы с оловом. Подобные бляшки от поясных наборов повсеместно встречаются и в Хакасско-Минусинской котловине и в Туве (Тюхтятский клад), Капчалы-2, Шанчиг [7, рис. 35; 14, с. 89; 15, с. 108].

С. В. Киселев определяет бляшки, близкие нечунаевским по конструкции и орнаменту, как кыргызские, датируя их VIII—X вв. н. э., временем преобладания древних хакасов в Центральной Азии, когда орнамент и формы украшения кыргызского Енисея широко распространились по всей территории Южной Сибири [4, с. 328]. Орнаментика бляшек также свидетельствует о большой близости их материалам синхронных памятников Хакасско-Минусинской котловины и Средней Азии.

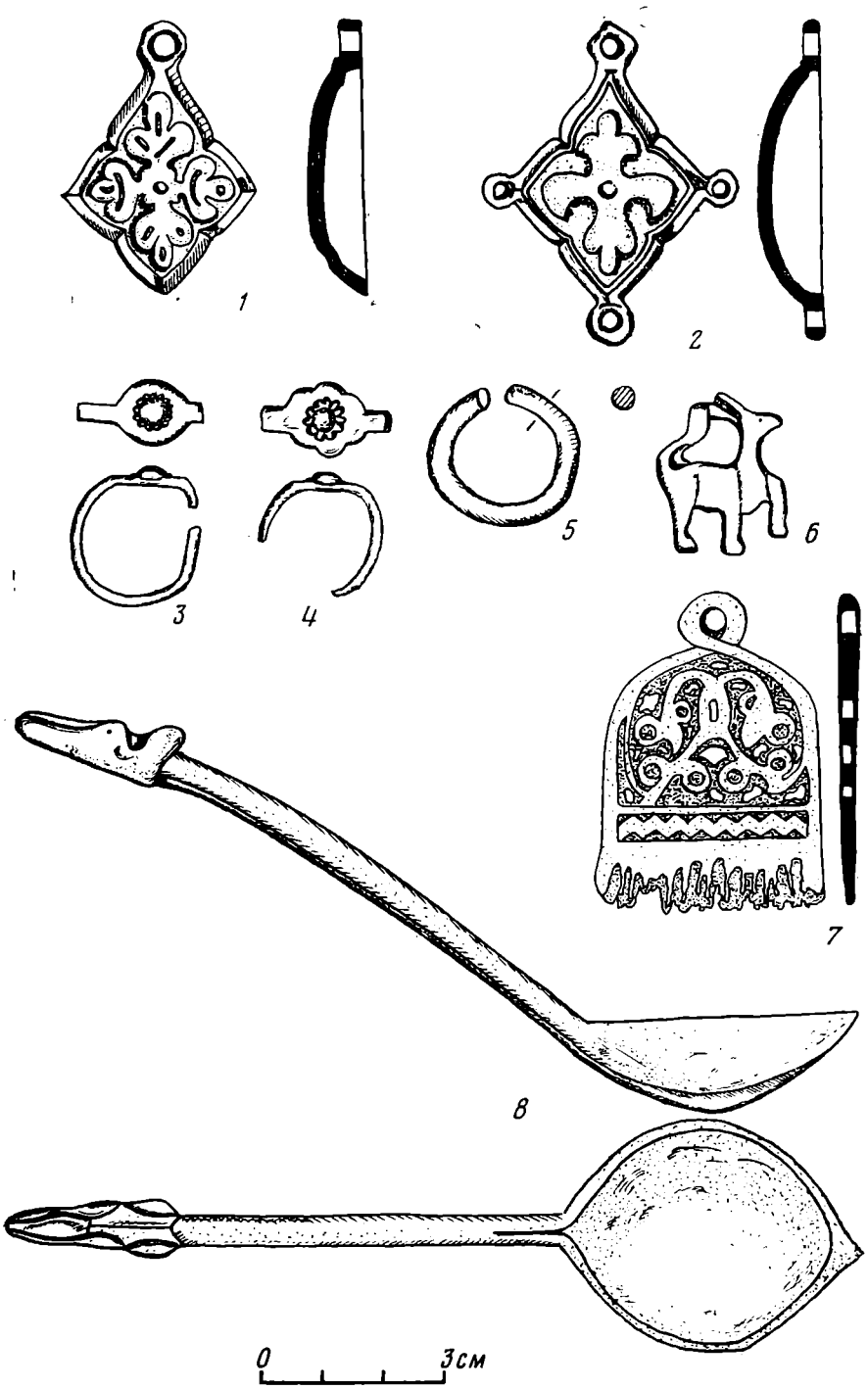


Рис. 6. Мало-Панюшово. *1—4* — бронза; *5* — железо; *6—8* бронза

Кстати, этот орнамент дает возможность датировать одну из случайных находок в с. Кабаково, что находится в 3—4 км от места раскопок,— меч с характерно срезанным и чуть выгнутым клинком, овальным перекрестием и яблоковидным навершием рукояти. Все бронзовые части его — перекрестие, обоймы рукояти, оковка навершия — украшены гравированными рисунками, близкими по изображению и способу нанесения их гравировке блях и пряжки пояса.

Большой интерес представляют железные наконечники стрел, особенностью которых является раздвоенный черешок. Сечение и общая форма острия позволяют отнести эти наконечники ко второй половине I тысячелетия н. э. [16, с. 85].

В целом инвентарь погребений позволяет датировать их IX—X вв. н. э.

Рис. 7. Мало-Панюшово. Оконечник подвесного ремня. Бронза

В тот же полевой сезон была доисследована одна из двух разрушенных в результате строительства могил в с. Мало-Панюшово. Удалось узнать, что в ней были похоронены по обряду трупоположения взрослый человек и ребенок.

Погребение имело какую-то конструкцию из дерева, проследить которую полностью не удалось. Некоторые вещи были утрачены, но основной комплекс все-таки удалось собрать. В него входят: 1) небольшой горшок ручной работы, несовершенной формы, с чуть отогнутым наружу округлым венчиком. Тесто в изломе — черное с примесью дресвы. Обжиг слабый; 2) шесть прорезных сердцевидных, с петельками для подвешивания бляшек. Обратная сторона их плоская, лицевая поверхность украшена «жемчужником», имитирующим зернь. На бляшках изображены бутоны лотоса и стилизованные изображения каких-то животных или птиц (рис. 4, *1—6*); 3) обломок сбруйной Т-образной прямоугольной бляшки-тройчатки, с выпуклыми выступами на трех бортиках. Крепилась к ремню двумя заклепками (рис. 5, *2*); 4) обломок сбруйной бляшки-тройчатки с фигурными лопастями, крепилась при помощи шпеньков (рис. 5, *1*); 5) подвеска, близкая к сердцевидным бляшкам по форме. Вся лицевая поверхность ее занята парным изображением птиц — предполагается фениксов — на позолоченном фоне. Ее лицевая сторона рельефна (рис. 4, *7*; 6) одна из половинок медальона ромбической формы с ушками на каждом углу. Внешняя поверхность покрыта рельефным узором в виде четырех пальметок, скрещенных попарно (рис. 6, *2*); 7) половинка от меньшего по размерам медальона ромбической формы, с одним ушком и таким же узором по лицевой поверхности (рис. 6, *1*); 8) два перстня с несомкнутыми кольцами, овальные щитки их украшены розетками (рис. 6, *3*, *4*); 9) кольцо с несомкнутыми концами из круглой проволоки, сечением 1,8 мм (рис. 6, *5*); 10) подвеска-амулет в виде барельефного изображения ослика, приподнявшего переднюю согнутую ногу и чешущего за ухом неестественно загнутой задней ногой (рис. 6, *6*); 11) маленький гребешок (всего 17 зубьев) — амулет. Ажурно резной обушок завершается петелькой (видимо, гребень носили подвешенным на поясе). Рельефный орнамент повторяется с обеих сторон обушка — побеги растений, бутоны. Фон, видимо, позолочен (рис. 6, *7*); 12) бронзовая литая ложка с острым носиком и ручкой, оканчивающейся головой животного с торчащими ушами. На выпуклой стороне ложечки по середине ее проходит бортик (рис. 6, *8*); 13) чрезвычайно любопытен оконечник подвесного ремня. Это скульптурное изображение двух рыб, весьма условное и стилизованное, хвостовой плавник лежит горизонтально, верхний и нижний обозначены выступами и т. п. Пасть рыбы широко открыта. Вся поверхность ее тела покрыта рельефным орнаментом в виде розеток, пальметок, побегов растений, бутонов с чашелистиками. Узор довольно сложен, он повторяется и на другой рыбе. Выпуклыми поясками, также с обеих сторон, обозначены глаза, хвостовой плавник (рис. 7).

Выше уже отмечалось, что сердцевидные бляшки распространяются на территории Алтая не раньше IX в. н. э. Более того, М. П. Грязнов и Д. Г. Савинов считают прорезные, ажурные украшения наиболее типичными для сросткинской культуры [17, с. 11; 13, с. 79].

Бляшки-тройчатки широко известны в памятниках VIII—X вв. н. э. в Горном Алтае и Хакасско-Минусинской котловине [11, с. 74, 75; 15, с. 105, 108]. Но если бляшки-тройчатки Т-образной формы датируются в пределах почти четырех столетий, то бляшки-тройчатки с фигурными лопастями в большинстве своем относятся к последним векам I тысячелетия н. э. [15, с. 105—107].

Ременные наконечники в виде скульптурного изображения рыб хорошо известны в кимакских погребениях Восточного Казахстана [6, с. 79, 80].

Другие вещи из погребения в с. Мало-Панюшово (ложка, перстни, половинки медальонов) также не представляют исключения и хорошо известны в памятниках VIII—X вв. н. э. Алтая и Восточного Казахстана.

Изобразительные мотивы и орнаментация мало-панюшовских вещей роднят их с одновременными материалами Восточного Казахстана и Средней Азии, а также Горного Алтая и Тувы в VII—XI вв. н. э.

Все это позволяет отнести данный памятник к IX—X вв. н. э. Нижняя хронологическая граница устанавливается по датировке подвесных ажурных сердцевидных бляшек-тройчаток, а верхняя — по подвескам-медальонам и бляшкам с изображением животных, датирующимся первыми веками II тысячелетия н. э. и не встречающимся в более раннее время в Верхнем Приобье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.— МИА, 1956, № 48.
2. *Уманский А. П.* Археологические памятники у с. Иня.— Изв. Алтайского отдела ГО СССР. Барнаул, 1970, вып. II.
3. *Могильников В. А.* Археологические исследования на верхнем Алее.— В кн.: Археология и краеведение Алтая. Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1972.
4. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9.
5. *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, 1952, № 24.
6. *Савинов Д. Г.* Расселение кимаков в IX—X вв. н. э. по данным археологических источников.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976.
7. *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Изд-во Хакасского НИИЯЛИ, 1948.
8. *Евтюхова Л. А., Киселев С. В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году.— Тр. ГИМ, 1941, вып. 16.
9. *Уманский А. П.* Раскопки Ледебура в Горном Алтае.— Уч. зап. ГАНИИИЯЛ, 1964, вып. 6.
10. *Арсланова Ф. Х.* Бобровский могильник.— Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1963, вып. 4.
11. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.— Л.: Наука, 1965.
12. *Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, 1949, № 36.
13. *Савинов Д. Г.* К этнической принадлежности сросткинской культуры.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973.
14. *Левашова В. П.* Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, 1952, № 24.
15. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
16. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел), VIII—XIV вв. М., САИ, вып. Е 1-36, 1966.
17. *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая.— В кн.: Материалы по изучению Сибири, № 2. Новосибирск, 1930.

A. P. Umansky, S. V. Neverov

FINDS FROM 9th-10-th-CENTURY BURIALS IN THE ALEI VALLEY

Summary

In 1962 an expedition of the Altai Local Lore Museum finished studying burials at the villages of Pospelikha, Nechunaevo and Malo-Panyushovo of the Pospelikha Region, Altai Area, which had been damaged in the course of construction works.

The most interesting among the finds is a belt decorated with rectangular, segment and two paraboloical plates (Fig. 3) found at Nechunaevo village, covered with floral ornament representing sprouts, palm leaves, rosettes, etc. The buckle bears an Orkhon-Enisey inscription. The plates testify to the affinity between the Nechunaevo burial and the 8th-10th-century A. D. monuments in the Khakassia-Minusinsk basin and Central Asia.

Finds at Malo-Panyushovo village dated back to the 9th-10th centuries A. D. are close to contemporaneous Tuvinian, Altai and Eastern Kazakhstan material.

Burial furniture (the decorated belt, heart-shaped openwork plates, Fig. 6, *1—6*, a heart-shaped plate with a bell, Fig. 1, *1*, iron curb-bits with large rings, Fig. 1, *5-6*, a Saltovotype ear-ring, Fig. 2, *4*, figured triple plates, Fig. 5, halves of medallions, Fig. 6, *1*, *2*) and the burial rite relate these archaeological monuments to the Srostki culture and date them to the end of the 1st millennium A. D.

ИСЛАНОВА И. В.

СЕЛИЩЕ ШУРСКОЛ II БЛИЗ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Средневековые поселения Северо-Восточной Руси еще слабо изучены. В Ростовском районе стационарные раскопки проводились лишь на селище близ Сарского городища [1, с. 73; 2, с. 63; 3, с. 72]. В 1978 г. Волго-Окской новостроечной экспедицией исследовалось еще одно поселение.

Селище расположено на пологом склоне западного коренного берега оз. Неро в 1 км к востоку от дер. Шурскол, на пахотном поле[1]. С севера ограничено речкой Мазихой, с востока — поймой озера. Перепад высот с запада на восток по склону в месте селища достигает 5—6 м. Протяженность культурного слоя с севера на юг около 300 м, с запада на восток 200 м. К западу от поселения находилась курганная группа, исследованная в 1854 г. П. С. Савельевым [4, с. 31, 172, 183, 207, 211, 215; 5, л. 44—46 об.]. П. С. Савельев раскопал здесь 101 курган: 34 кургана с погребениями по обряду сожжения и 67 — по обряду трупоположения.

В 1975 и 1977 гг. проведены разведочные шурфовки селища [6, л. 30; 7]. В 1978 г. в восточной части поселения был заложен шурф площадью 24 м², а в северной части — раскоп площадью 180 м².

Шурфовка восточной части показала, что культурный слой (мощностью 0,14—0,24 м) здесь распахан до материка. В южных квадратах был вскрыт край постройки. Из находок следует отметить обломок пластинчатого продольно-рубчатого перстня (датируется XII—XIII вв. [8, с. 266]), стеклянную светло-желтую с продольными коричневыми полосками пронизку (датируется X — серединой XI в. [9, с. 175; 10, с. 80]), железный нож (рис. 2, 7, *31*, *33*).

Основной материал был получен из раскопа (рис. 1). Исследование велось зачистками по пластам, параллельным дневной поверхности, толщина пласта I 0,2 м, пластов II—IV 0,1 м. Мощность культурного слоя в западной части раскопа 0,4—0,5 м, в восточной — 0,3—0,4 м. Состав слоя: темно-коричневая супесь с различными включениями. Верхние 0,2—0,3 м, которые подвергались интенсивной распашке, представляли собой рыхлую супесь, насыщенную мелкими угольками, кусочками обожженной глины, камнями, корнями растений. Толщина слоя, не потревоженного пахотой,— 0,1—0,3 м. Насыщенность углем верхних слоев в западной части раскопа и лучшая сохранность древних почвенных напластований (серый различного оттенка суглинок) объясняются большей «освоенностью» населением западного участка.

На раскопе были прослежены следы от шести разновременных наземных построек. Остатки построек 1 и 2, поврежденные распашкой, зафиксированы в верхних слоях под пахотой. Постройка 3 прослежена в слое сразу под пахотой. В предматериковых слоях и на материке обозначились остатки от построек 4, 5, 6. Яма, относящаяся к постройке 1, прорезала слои с остатками жилищ 3 и 4. Слои со следами постройки 2 находились над постройками 5 и 6, а пятно постройки 3 — над постройкой 5 (рис. 1, I, II). Детальная реконструкция жилищ затруднительна из-за сильной поврежденности верхней части слоя и из-за того, что большинство по-

[1] Первоначально селище было названо по расположенному в 1 км к востоку от него с. Львы.

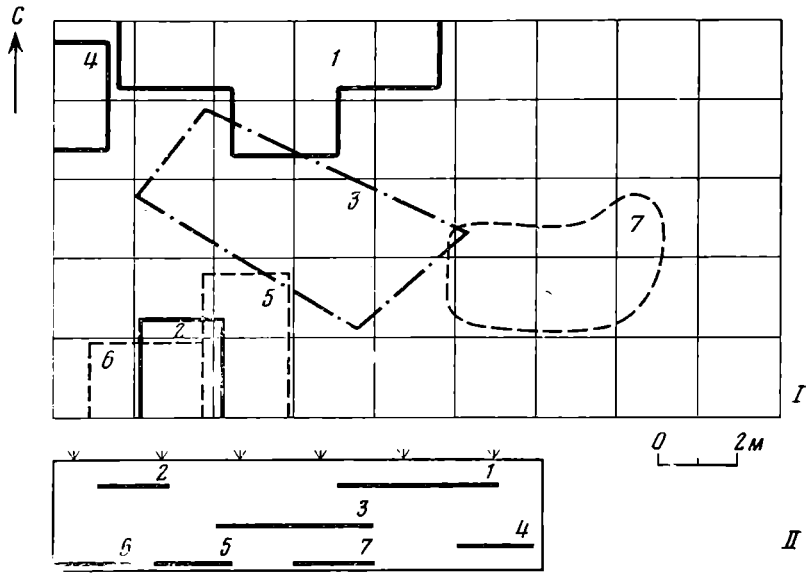


Рис. 1. Селище Шурскол II, I — схема расположения на раскопе остатков жилых и хозяйственных построек; II — схема стратиграфического расположения остатков жилых и хозяйственных построек. *1—6* — постройки № 1—6; *7* — остатки производственной печи

строек вскрыто неполностью. Сложно соотнести с каким-либо конкретным комплексом и открытые на селище столбовые ямы.

Судя по характеру культурных остатков постройки 1, можно говорить о ее перестройке по крайней мере один раз. В заполнении постройки расчищены обгоревшие плахи и две прослойки древесного тлена, возможно, остатки пола. Постройка имела углубленную в материк подпольную часть длиной с запада на восток 7 м, шириной (прослеженной в раскопе) 1,5 м, глубиной от 0,1—0,15 до 0,5—0,7 м. Здесь найдено много круговой и лепной керамики (рис. 3, *1*, *2*; рис. 4; *1*, *9*, *14*, *19*, *22*, *24*, *26*, *28*; рис. 5; *1—39*), костей животных, два пряслица из розового шифера (по диаметру внутреннего канала одно датируется второй половиной XI — первой половиной XII в., другое — второй половиной XII в. [11, с. 223]) (рис. 2, *25*, *26*), каменное (рис. 2, *27*) и костяное (рис. 2, *21*) пряслица, железные ножи и обломки ножей, костяные проколки (рис. 2, *17*), игольник (рис. 2, *18*) и обломок игольника (рис. 2, *19*), обломок костяного предмета (рис. 2, *28*), фрагмент стеклянного сосуда (рис. 2, *9*) и тигля, железный наконечник стрелы (рис. 2, *34*). Аналогичные найденному наконечники стрел были распространены с середины XI по XIV в. (тип 41, вариант 2) [12, с. 65].

Постройка 2 сильно разрушена распашкой. Зафиксирована лишь нижняя часть печи. Остатки постройки 3 были расчищены в центре раскопа. Это пятно темно-коричневой супеси, насыщенной углями, длиной с северо-запада на юго-восток 6—7 м, шириной около 3 м. С остатками постройки 3, видимо, связано пряслице из розового шифера с прочерченными знаками (датируется концом X — первой половиной XI в. [11, с. 223]) (рис. 2, *14*) и комплекс вещей, найденных недалеко друг от друга: железные удила (рис. 2, *36*), обломок составного одностороннего костяного гребня (датируется VIII—XI вв. [13, с. 98], группа I по О. И. Давидан) (рис. 2, *12*), бронзовая обойма (рис. 2, *29*). Был расчищен восточный край постройки 4. Здесь найдены обгоревшие плахи — остатки деревянных конструкций — и обломок железного ножа. От постройки 5 хорошо сохранилась нижняя углубленная в материк часть — овальная яма. Прослеженная длина ямы с севера на юг 2,5, ширина 1,2, глубина 0,16—0,20 м. Над ямой расчищены остатки печи, в яме найдена лепная керамика (рис. 4, *15*, *25*; рис. 5, *47—52*), костяная проколка (рис. 2, *20*), стеклянная голубая бусина в форме куба со срезанными углами (дати-

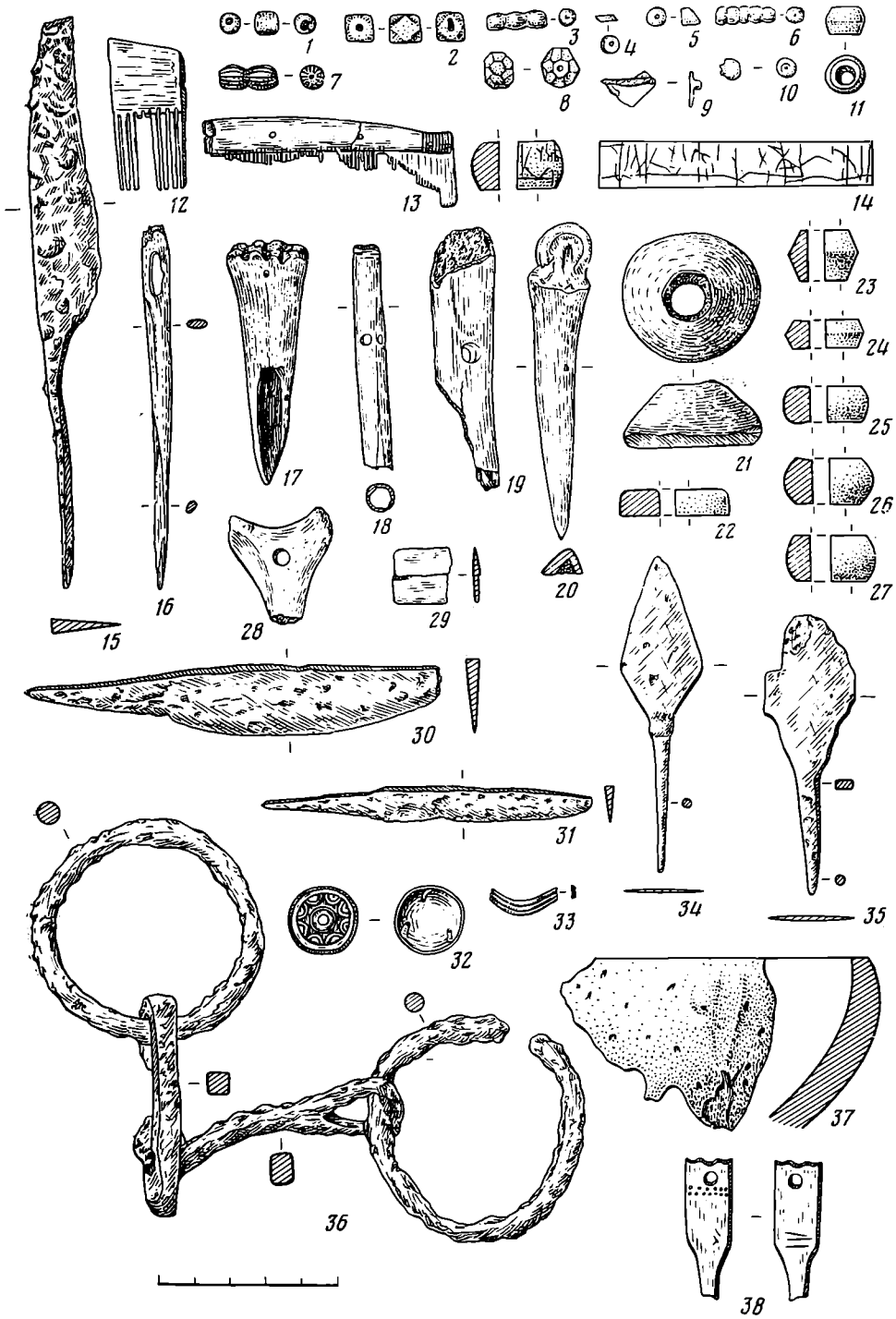


Рис. 2. Вещи из раскопок селища Шурскол II. *1—7*, *10* — стеклянные бусы; *8* — сердоликовая бусина; *9* — обломок стеклянного сосуда; *11* — глиняная бусина; *12*, *13* — обломки костяных гребней; *15* — обломок железных пружинных ножниц; *16* — костяная игла; *17*, *20* — костяные проколки; *18*, *19* — костяные игольники; *14*, *23—26* — шиферные пряслица; *21* — костяное пряслице; *22* — глиняное пряслице; *27* — каменное пряслице; *28* — костяная поделка; *29* — бронзовая обойма; *30*, *31* — железные ножи; *32* — бронзовая бляшка; *33* — обломок бронзового перстня; *34*, *35* — железные наконечники стрел; *36* — железные удила; *37* — обломок тигля; *38* — обломок костяной копоушки

руется 40-ми годами IX—X вв. [10, с. 90]) (рис. 2, *2*), цилиндрическая крученая синяя бусина (в Старой Ладоге такие бусы встречаются в основном в слое X в. [10, с. 78]) (рис. 2, *1*), трехчастная светло-синяя пронизка (датируется по материалам Старой Ладоги VIII—XI вв., преобладают в слое X в. [10, с. 88; 14, с. 95, табл. 4]) (рис. 2, *3*), шесть свет-

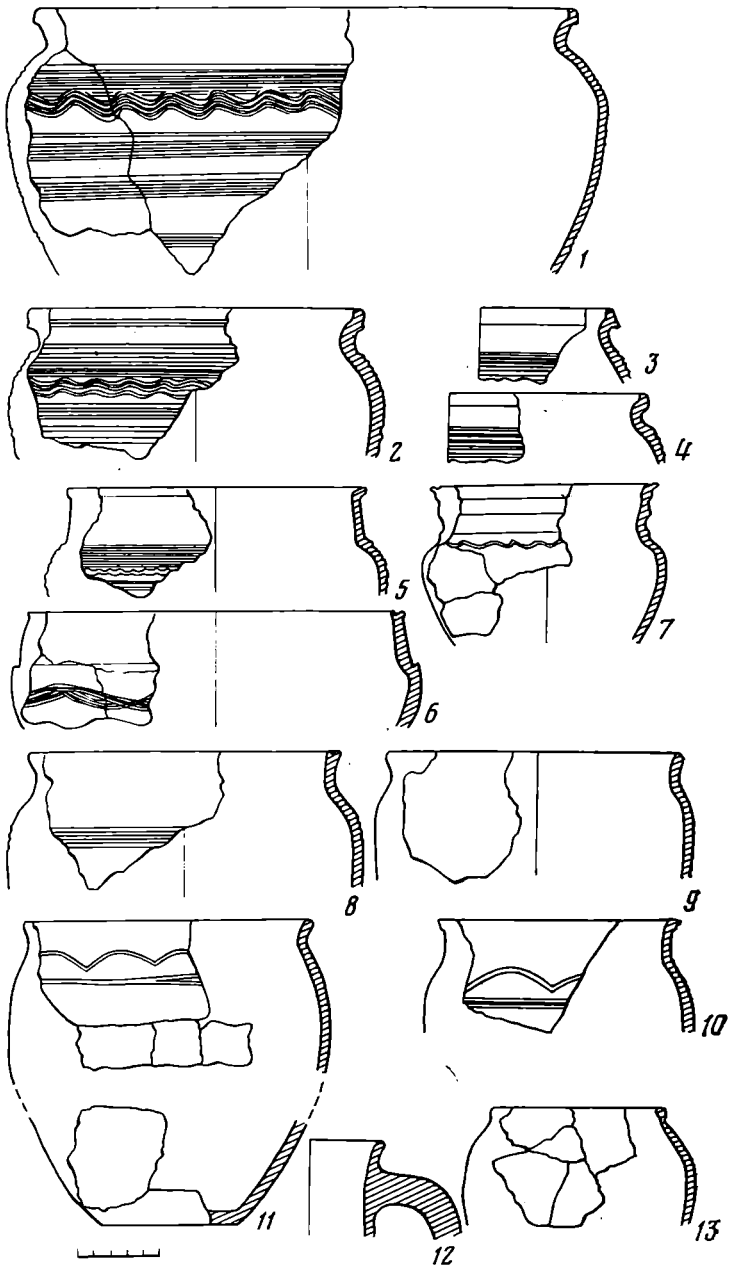


Рис. 3. Круговая керамика из раскопок селища Шурскол II. *1—4, 8* — группа I; *5—7* — группа II; *9* — группа III; *10—13* — обломки болгарских сосудов

ло-синих рубленых бисерин (датируются серединой IX — 70-ми годами XI в., в Старой Ладоге преобладают в слое X в. [9, с. 172, 173; 10, с. 87; 14, с. 96, табл. 6) (рис. 2, *4*, *5*). К западу от постройки 5 находилась постройка 6. От нее сохранилась нижняя часть печи. При разборке пятна печи обнаружена лепная керамика.

Особенностью жилых построек селища является то, что там встречены остатки разных по конструкции отопительных сооружений. В постройках 1 (ранняя часть), 2, 3, 5 прослежены глинобитные печи с небольшим количеством камней, на деревянном опечке. Форма печей овальная, поперечники 1—1,3 м. В постройках 4 и 6 находились глинобитные печи, их нижняя часть состояла преимущественно из прокаленного песка. Печи сооружены на материке. Форма овальная. В одном случае прослежен поперечник — 1,1 м. Нижняя часть глинобитной печи постройки 1 (поздняя) состояла из слоя камней, выложенных на прослойке суглинка.

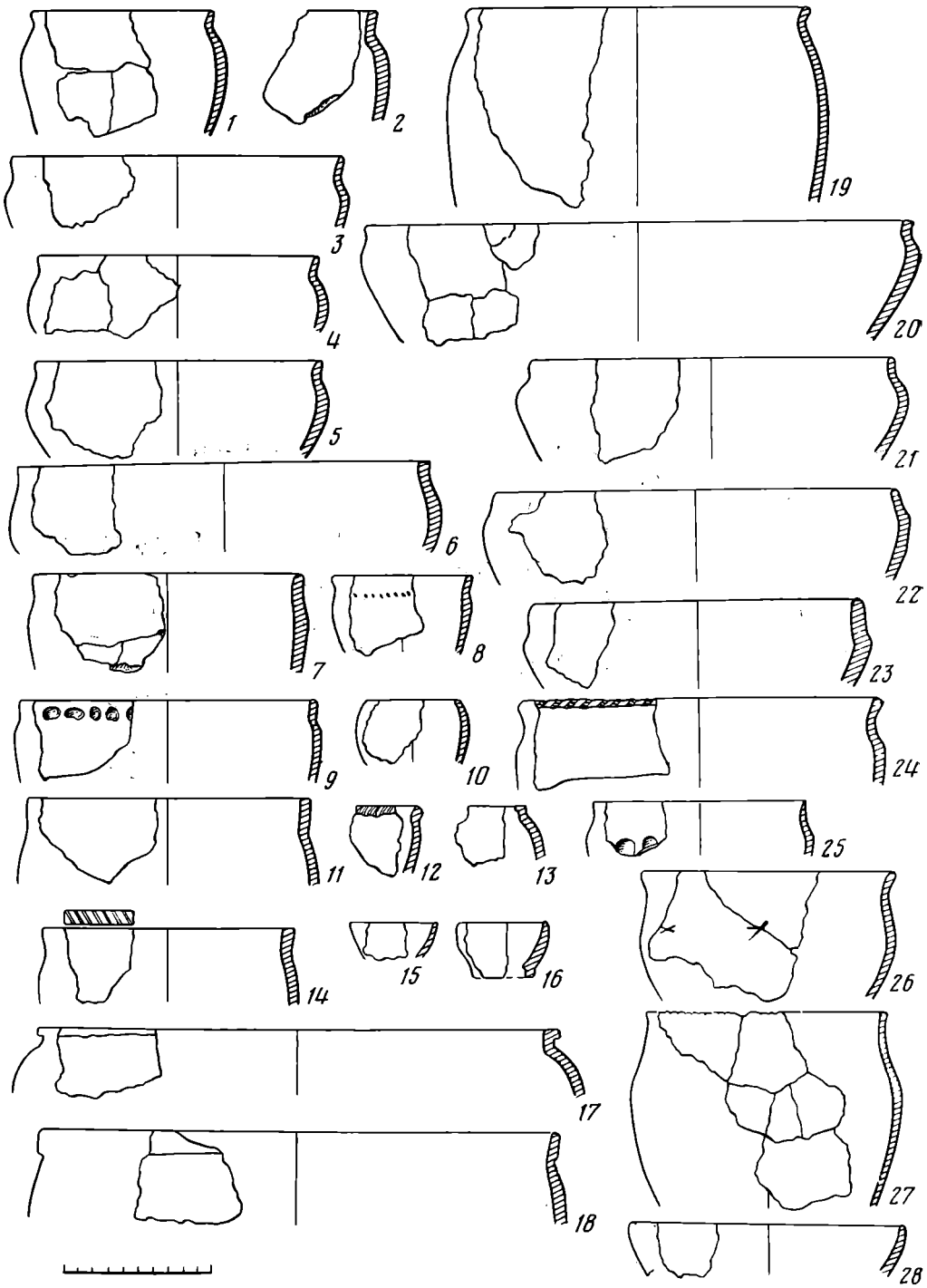


Рис. 4. Лепная керамика из раскопок селища Шурскол II. *1*, *2* — группа I; *3*, *4* — II; *5*, *6* — III; *7*, *9* — IV; *8* — V; *11*, *14* — VI; *13*, *17* — VII; *19* — VIII; *12*, *18*, *20—27* — индивидуальные формы, *22* — обломок сосуда из постройки 1; *10*, *15*, *16* — обломки миниатюрных сосудов; *28* — обломок миски

Над камнями обожженная глина частично была повреждена распашкой. Прослеженная длина этого слоя 2,2 м, ширина достигала 0,7 м.

Из вскрытых хозяйственных ям интересна своим заполнением овальная яма, расположенная в северной части раскопа. Яма была выкопана в культурном слое, когда его мощность достигала 0,2 м (у южного края ямы). Над ямой находилось деревянное перекрытие, фиксируемое по углистой прослойке. Ниже прослежен как бы изолирующий слой серого суглинка. Материковая часть заполнена темно-коричневой супесью с углями. В яме, особенно в верхних слоях, найдено много обломков круго-

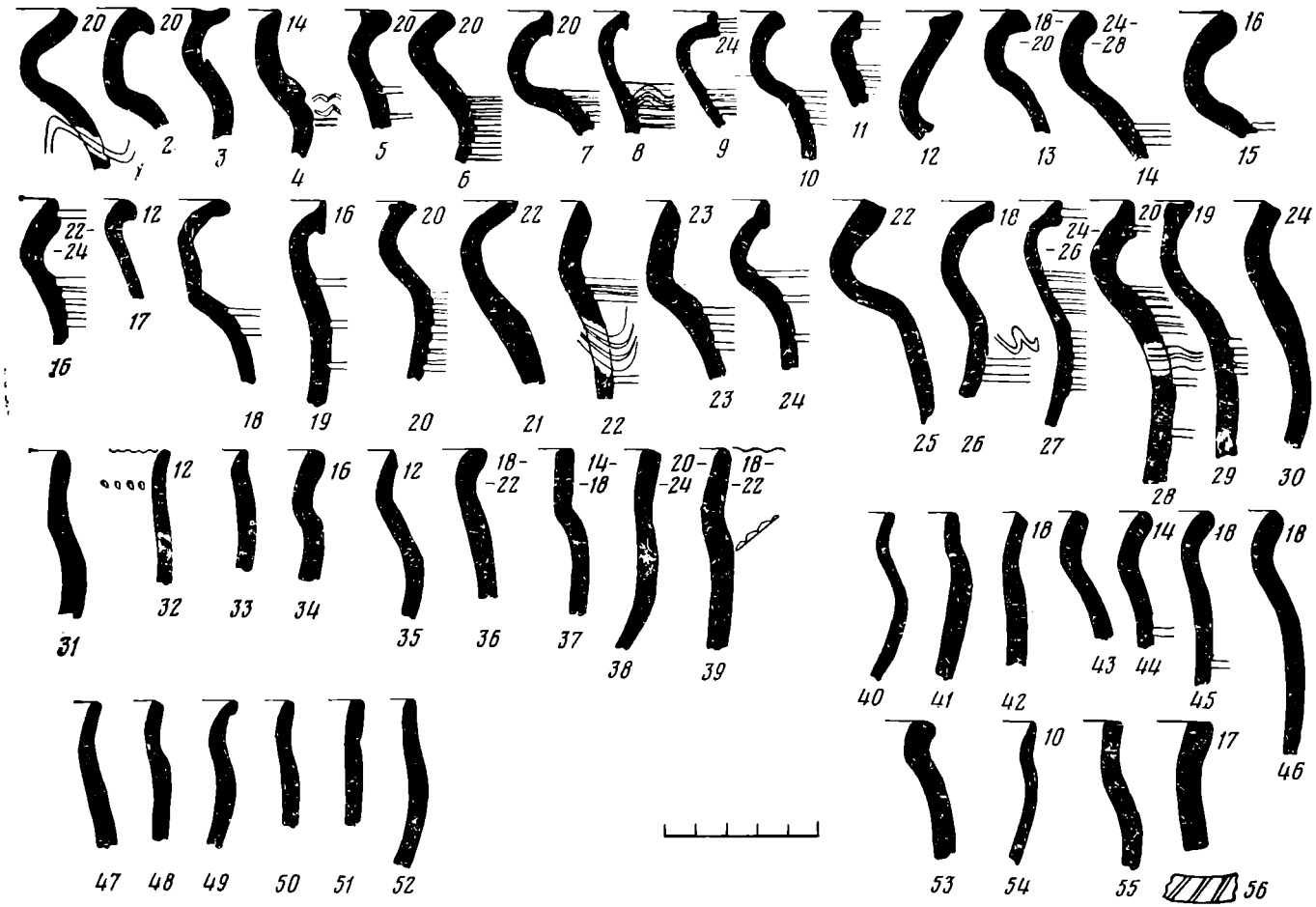


Рис. 5. Круговая и лепная керамика из раскопок селища Шурскол II. *1—39* — обломки сосудов из материковой ямы постройки 1, *40—46*, *53—56* — обломки сосудов из хозяйственной ямы в северной части раскопа, *47—52* — обломки сосудов из материковой ямы постройки 5 (справа от венчика цифрами указан диаметр устья сосудов)

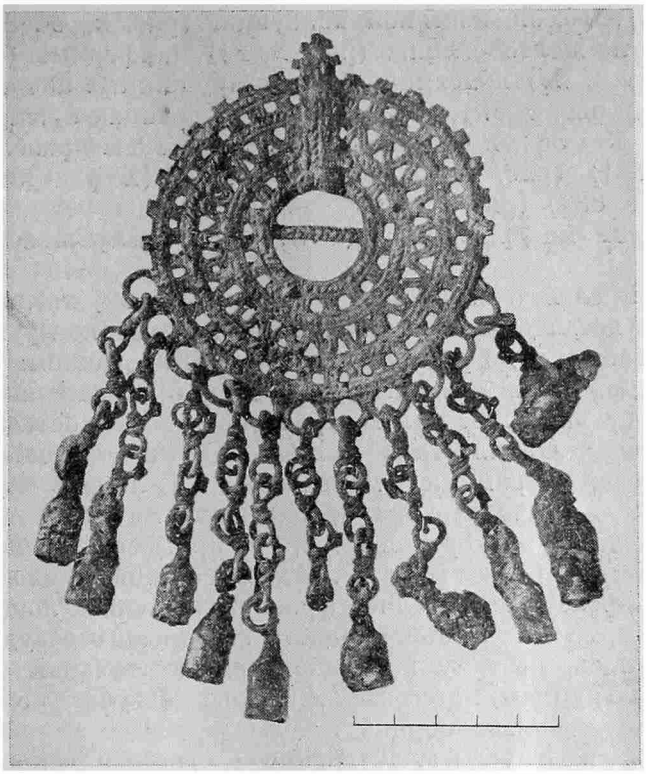


Рис. 6. Селище Шурскол II. Бронзовая пряжка с круглым ажурным щитком с шумящими подвесками

вых и лепных сосудов (рис. 3, *19*; рис. 4, *17*; рис. 5, *40—46*, *53—56*), костей животных, оселок, костяные игла (рис. 2, *16*) и острие.

Юго-восточную часть раскопа занимало большое пятно обожженной глины, прокаленного белого суглинка и песка, шлака, крупных углей. Общая длина пятна восток — запад 5,6, ширина достигала 2,5, мощность до 0,18 м. В центральной части пятна на участке 1,2×1,2 м находилось скопление крупных обожженных камней. В прокаленных слоях было найдено три обломка от тиглей (рис. 2, *37*) и обломок железного ножа. Пятно углей, обожженной глины, суглинка, песка и шлака, видимо, остатки печи, производственного характера. Реконструкция печи затруднительна, хотя можно отметить группировку отдельных камней. В напластованиях над печью найден железный наконечник стрелы (датируется серединой XI—XIV вв. [12, с. 68]) (рис. 2, *35*).

В слое над развалом камней в западной части раскопа обнаружена бронзовая пряжка с круглым ажурным щитком с шумящими подвесками (рис. 6) и светло-голубая бусина-«лимонка». Бусина датируется X — 70-ми годами XI в. [9, с. 174]. Близкая по типу круглая ажурная пряжка была найдена в кург. 37 у дер. Жуково в Мышкинском уезде Ярославской губернии[2]. Погребение (трупоположение) кургана, по бочонковидным золото-стеклянным бусам следует датировать не позднее 70-х годов XI в. [9, с. 171, 172].

В северо-восточной части раскопа был расчищен развал лепных и болгарских круговых сосудов (рис. 4, *5*, *11*, *21*; рис. 3, *10*, *11*, *13*), стеклянная пятичастная светло-синяя пронизка (середина VIII—XI в., в Старой Ладоге такие бусы преобладают в слое X в. [10, с. 88; 14, с. 95, табл. 4]) (рис. 2, *6*).

Ряд индивидуальных находок не соотносится с отдельными комплексами. Это бронзовая бляшка (рис. 2, *32*), обломок костяного одностороннего составного гребня (X — первая половина XI в. [15, с. 101])

[2] ГИМ, хр. Р 12/86.

(рис. 2, *13*), обломок костяной копоушки (рис. 2, *38*), биконическая бусина из светло-желтой глины (рис. 2, *11*), шиферные (рис. 2, *23*, *24*) и глиняное (рис. 2, *22*) пряслица, обломок пружинных ножниц (рис. 2, *15*), железный нож (рис. 2, *30*), сердоликовая 23-гранная бусина (X — начало XIII в. [16, с. 48—53], в Старой Ладоге такие бусы преобладают в слоях X в. [10, с. 82]) (рис. 2, *8*), желтая бусина (X в.— 30-е годы XII в. [9, с. 174; 10, с. 88]) (рис. 2, *10*).

Керамический материал селища Шурскол заслуживает особого внимания.

Культурный слой с остатками жилых построек, хозяйственные ямы были наиболее насыщены керамикой. Распространение круговой и лепной керамики в пластах и по раскопу также не было равномерным. Обломки круговых сосудов были найдены в основном в заполнении постройки 1, среди камней на западном участке раскопа и в хозяйственной яме, рассмотренной выше. От пласта I к пласту IV относительное количество находок круговой керамики уменьшалось, а лепной — увеличивалось. Лепные сосуды, встреченные в комплексе вместе с круговыми, как правило, были сделаны из хорошего теста с примесью мелкой дресвы. На остальных участках раскопа тесто лепных сосудов имело как крупную, так и мелкую дресву. Встречались фрагменты лепных лощеных горшков.

Целых форм, за исключением одного болгарского сосуда, реконструировать не удалось, поэтому возможна предварительная классификация (по отдельным группам) круговых и лепных сосудов по профилировке верхней части с учетом пропорций[3].

Круговая керамика. К группе I отнесена основная масса обломков круговых сосудов — это горшки с эсовидным профилем (рис. 3, *1—4*, *8*). Оформление верхней части венчика разнообразное. Орнамент линейный или линейно-волнистый. Данная керамика сходна с сосудами из Новгорода типов IIГ, IIIГ, IVВ, IVГ, датирующихся XI — началом XIII в. [17, с. 230, 231].

Горшки группы II — с высокой прямой или слегка наклонной наружу или внутрь шейкой. Сходны с новгородскими горшками XI — начала XII в.[4] Между собой сосуды группы II различаются по форме шейки. У горшков с ровной шейкой (6 экз.) край венчика срезан внутрь и имеет иногда внутри выступ (рис. 3, *5*). Орнамент линейный, линия с широкой волной, пересекающиеся волны. У других сосудов (5 экз.) в центральной части шейки утолщение, а в месте перехода шейки в плечико валикообразный выступ. Край венчика горизонтален или раздвоен (рис. 3, *6*). Орнамент линейный, пересекающиеся волны, в одном случае волной украшена шейка. У обломков от 11 сосудов шейка ребристая (рис. 3, *7*). Оформление венчика различно. Орнамент линейный или волнистый.

Обломки сосудов групп I и II найдены в основном в заполнении постройки 1 и среди камней в западной части раскопа.

Сосуды группы III (8 экз.) — с пологими плечиками, отогнутой наружу шейкой, край венчика скруглен или слегка заглажен (рис. 3, *9*). Горшки сделаны или подправлены на медленно вращавшемся круге. На трех фрагментах линейный орнамент. Эти раннекруговые горшки близки новгородским сосудам типов IA и IБ, которые датируются серединой X — началом 70-х годов X в. [17, с. 230]. За исключением одного, обломки сосудов группы III найдены в заполнении хозяйственной ямы в северной части раскопа.

Лепная керамика. Группа I представлена хорошо профилированными сосудами (13 экз.). Пологое плечико плавно переходит в округлое тулово, шейка короткая прямая или слегка оттянута наружу, иногда отсутствует, край венчика скруглен (рис. 4, *1*, *2*). Диаметр устья от 10 до 22 см. Внешняя поверхность горшков заглажена, у одного залощена.

---

[3] При классификации круговой керамики было использовано около 200 фрагментов верхней части сосудов из раскопа 1978 г., при классификации лепной — 88 фрагментов из раскопа 1978 г. и 3 фрагмента из шурфа 1977 г.

[4] Выражаю благодарность Г. П. Смирновой за консультацию по вопросам датировки керамики.

Тесто в основном с примесью мелкой дресвы. Орнамент для группы I не характерен, лишь один сосуд украшен по краю венчика вдавлениями узкой плоской палочкой. Сходная по профилировке верхней части керамика была найдена при раскопках в г. Ростове и на Сарском городище [5].

К группе II отнесены также хорошо профилированные горшки (7 экз.), но с более высокими плечиками, слегка отогнутой наружу шейкой, скругленным или заглаженным краем венчика (рис. 4, *3*, *4*). У трех сосудов плечико плавно переходит в тулово, у четырех сосудов в месте перехода — сглаженное ребро. Диаметр устья от 13 до 22 см. Тесто с мелкой дресвой, поверхность сосудов хорошо заглажена или несколько шероховатая. Один фрагмент лощеный. Орнамент, в виде округлых выпуклин по плечику, встречен на обломке от одного сосуда. Близкие по профилировке обломки горшков имеются в коллекциях керамики г. Ростова и Сарского городища [6].

Большинство горшков групп I и II найдено в заполнении постройки 1, один — в хозяйственной яме. Среди остатков постройки I также был расчищен развал четырех сосудов: двух круговых групп I и II и двух лепных группы I (рис. 3, *1*; 4, *1*).

К группе III принадлежат мисковидные сосуды (7 экз.). Тулово резко сужается ко дну, плечики округлые, венчик прямой или отогнут наружу, край венчика округлен или заглажен (рис. 4, *5*, *6*). Диаметр устья от 19 до 23 см. Тесто с примесью небольших зерен дресвы, внешняя поверхность заглажена. Два сосуда с лощением. Орнамента нет. Данные сосуды найдены в основном в комплексах только с лепной керамикой.

Сосуды группы IV банковидной формы (14 экз.). Плечико полого переходит в тулово, прямая или слегка отогнутая наружу шейка, скругленный край венчика (рис. 4, *7*, *9*). Диаметр у устья от 16 до 24 см. Тесто с примесью крупных зерен дресвы, внешняя поверхность шероховатая. У обломков от пяти сосудов встречен орнамент в виде пальцевых вдавлений: на одном по плечику, на остальных по шейке. Плечико одного горшка орнаментировано зубчатым штампом, а край венчика — вдавлениями плоской палочкой. Сосуды этой группы встречены и в слое с лепной керамикой и в слое, где лепная найдена вместе с круговой (постройка 1). Сходные сосуды есть среди керамики Сарского городища и селища [7].

Группа V (6 экз.) представлена слабопрофилированными сосудами с несколько сужающимися ко дну стенками, отогнутым наружу скругленным венчиком (рис. 4, *8*). Размеры горшков небольшие, диаметр устья 9—16 см. Диаметр устья равен или чуть больше наибольшего расширения тулова. Тесто с примесью небольших зерен дресвы. Орнамент в виде вдавлений заостренной палочкой встречен на двух фрагментах: на одном по плечику и венчику, на другом только по плечику. Сосуды группы V найдены как с круговой, так и с лепной керамикой.

У сосудов группы VI (12 экз.) пологое, слабо выраженное плечико переходит в округлое тулово, шейка прямая или чуть отогнутая наружу, край венчика косо срезан наружу или горизонтален и у большинства сосудов заглажен (рис. 4, *11*, *14*). Диаметр устья от 17 до 20 см. Тесто с примесью мелкой дресвы. Один фрагмент залощен. У обломков от двух сосудов орнамент по краю венчика: бороздки, нанесенные узкой палочкой. Большинство горшков группы VI найдено в комплексах, где была только лепная керамика (остатки производственной печи, подпольная яма постройки 5).

Горшки группы VII (12 экз.) имеют округлое тулово, короткую прямую или отогнутую внутрь шейку. На венчике выступы с внешней, внутренней сторон, край венчика горизонтален, а сверху горизонтален или чуть скруглен (рис. 4, *13*, *17*). Диаметр устья у промеренных обломков 20, 32 и 36 см. Тесто большинства сосудов с крупной дресвой, поверхность шероховатая. Орнамента нет. Сосуды группы VII найдены в за-

[5] РИАМ. Сар. 30/205, Сар. 30/201; Сар. 30/71, РМК-А 56/№ 205.
[6] РИАМ. РМК-А-56 № 858—884, № 507, № 939, Сар. 30/65.
[7] РИАМ. Сар. 30/11, Сар. 30/122. СГ-73 р. II, пл. 1.

полнении хозяйственной ямы и в слоях над остатками производственной печи.

К группе VIII отнесены горшки (6 экз.) с очень пологими плечиками, идущими сразу от венчика или от короткой шейки, венчик отогнут наружу, его край скруглен (рис. 4, *19*). Диаметр устья от 20 до 32 см. Встречены сосуды как с мелкой, так и с крупной дресвой. Орнамента нет. Обломки горшков найдены в комплексах с круговой и с лепной керамикой.

В остальных случаях зафиксированы фрагменты одного-двух лепных сосудов иной, чем в рассмотренных выше группах, профилировки.

В западной половине раскопа найдены обломки от двух сосудов с уступом в месте перехода венчика в плечико (рис. 4, *18*). В шурфе 1977 г. был расчищен обломок от большого горшка с усеченно-конической нижней частью, высокими плечиками, прямой шейкой и сглаженным краем венчика (рис. 4, *20*). В развале лепных и болгарских круговых сосудов найден фрагмент горшка с резко сужающимися ко дну стенками тулова, высокими плечиками и прямой шейкой (рис. 4, *21*). Близкие по форме горшки с менее резким переходом от плечиков ко дну есть в коллекции керамики г. Ростова и Сарского городища [8]. Среди остатков производственной печи найден фрагмент мисковидного сосуда. Тулово резко сужается ко дну, в месте перехода плечиков в тулово — слегка скругленное ребро, прямая шейка, округлый край венчика (рис. 4, *23*). В постройке 1 находились обломки от двух хорошо профилированных горшков с плавно отогнутой наружу шейкой, орнаментированным штампом краем венчика (рис. 4, *24*). В подпольной яме постройки 5 — обломок от небольшого сосуда со сглаженным ребром, чуть отогнутой наружу шейкой. Верхняя часть тулова орнаментирована пальцевыми вдавлениями (рис. 4, *25*). В материковом заполнении постройки 1 находился фрагмент «биконического» сосуда — наибольшее расширение в средней части тулова, пологие плечики и сильно отогнутая наружу шейка. Плечики украшены орнаментом (рис. 4, *26*). Близкий по форме сосуд найден при раскопках 1956 г. в Ростове [9]. Слабопрофилированный сосуд с наибольшим расширением в средней части тулова, высокой шейкой, чуть утолщенным краем венчика, украшенным вдавлениями палочкой (рис. 4, *27*). Фрагмент мисковидного сосуда с округлым отогнутым наружу венчиком, украшенным вдавлениями плоской палочкой (рис. 4, *12*), и миски (рис. 4, *28*). Обломки мисок есть и среди керамики Ростова и селища Сарского городища [10].

Среди Шурскольской керамики имеются четыре миниатюрных сосуда: у двух стенки загнуты внутрь (рис. 4, *10*), у двух отогнуты наружу (рис. 4, *15*, *16*).

Как уже отмечалось, в культурном слое поселения найдены также обломки болгарских домонгольских круговых сосудов [18, с. 131, рис. 31; с. 138, рис. 36]. Сосуды сделаны из глины с примесью песка, хорошо обожжены, внешняя поверхность имеет лощение в виде вертикальных полос. Фрагменты от трех горшков найдены вместе с развалом лепных сосудов (слои X в.), обломок от одного — в северной части раскопа (слои X—XII вв.), обломок от кувшина — среди камней в западной части раскопа (слои XI—XII вв.) (рис. 3, *10—13*).

Общая датировка культурного слоя раскопа 1978 г.— X—XII — начало XIII в. Ранняя дата устанавливается по бусам, обломкам костяных гребней, поздняя — по круговой керамике.

По стратиграфии, находкам круговой керамики и вещам определяется относительная хронология отдельных комплексов раскопа. Наиболее поздними являются остатки жилых построек 1 и 2. В заполнении постройки 1 найдена керамика, датирующаяся X — началом XIII в., и шиферные пряслица второй половины XI — второй половины XII в. В хозяйственной яме найдена раннекруговая керамика примерно конца X —

[8] РИАМ. РМК-А-56 № 595, Сар. 30/129.
[9] РИАМ. РМК-А-56 № 78.
[10] РИАМ. РМК-А-56 № шт. 2,8 кв. 32, СГ-73 р. III, пл. 2 кв. 3—5, 9—10.

начала XI в. Остатки построек 3, 4, 5, 6 и производственной печи относятся к более ранним слоям, примерно X в. (дробное хронологическое деление здесь затруднительно).

По относительной хронологии отдельных комплексов можно предварительно говорить и об определенных периодах бытования некоторых групп лепной керамики. Сосуды группы I и II были найдены в основном с круговой керамикой в слое XI—XII вв. Горшки группы VII встречены вместе с раннекруговыми, т. е. использовались в период появления на селище гончарного круга, примерно в конце X — начале XI в. Сосуды групп IV, V, VIII бытовали и до, и после появления круга. Керамика групп III и VI была распространена в основном до начала употребления на поселении круговых сосудов — в X в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев А. Е.* Работы на Сарском городище.— АО — 1972. М., 1973.
2. *Леонтьев А. Е.* Раскопки Сарского городища и разведки в Ярославской области.— АО — 1973. М., 1974.
3. *Леонтьев А. Е.* Работы Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976.
4. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
5. Черновой дневник археологических разысканий во Владимирской и Ярославской губерниях П. С. Савельева 1854 г.— Архив ЛОИА, ф. 8, № 5/1854.
6. *Леонтьев А. Е.* Отчет о работе Новостроечного отряда ВВАЭ в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5987.
7. *Леонтьев А. Е.* Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6838.
8. *Недошивина Н. Г.* Перстни.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
9. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65.
10. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения.— АСб. ГЭ, 1968, вып. 10.
11. *Розенфельдт Р. Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц.— СА, 1964, № 4.
12. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел VIII—XIV вв.— САИ. М., 1966, вып. Е1-36.
13. *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, 1964, вып. 4.
14. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. II. Происхождение бус.— АСб. ГЭ, 1970, вып. 12.
15. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2.
16. *Фехнер М. В.* Некоторые сведения археологии по истории русскovосточных экономических связей.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
17. *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55.
18. *Хлебникова Т. А.* Гончарное производство волжских болгар в X — начале XIII в.— МИА, 1962, № 111.

I. V. Islanova

SHURSKOL II SETTLEMENT AT ROSTOV THE GREAT

Summary

The author analyses the materials of 1978 diggings of the mediaeval settlement Shurskol II on the north-eastern bedrock coast of the Nero Lake. Remnants of six ground constructions dating from different periods and a furnace built for some production purposes were discovered at the settlement. Their relative chronology was determined stratigraphically (Fig. 1, *I*, *III*). Artifacts from the settlement and wheel-made pottery settle the date of the cultural layer between the 10th-12th and early 13th centuries.

Wheel-made pottery is represented by 10th-early 13th-century vessels (Fig. 3, *1-8*) and by imported 10th-early 12th-century ceramics from the Volga Bulgaria (Fig. 3, *10-13*). Investigations have made it possible to date some groups of modelled ceramics: Group I and II is dated to the 11th, or, possibly to the 12th centuries A. D. (Fig. 4, *1-4*), Group VII — late 10th-early 11th centuries A. D. (Fig. 4, *13*, *17*), Group III and VI — 10th century A. D. (Fig. 4, *5*, *6*, *11*, *14*).

ДАРКЕВИЧ В. П., ПУЦКО В. Г.

СТАРОРЯЗАНСКИЕ КЛАДЫ
(раскопки 1979 г.)

В 60 км к юго-востоку от Рязани (древний Переяславль Рязанский) на высоком крутом берегу Оки напротив г. Спасска раскинулось обширное городище в кольце величественных валов. У его подножия примостилась небольшая деревня Старая Рязань. 14 лет подряд экспедиция Института археологии АН СССР и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника проводит исследования на Старорязанском городище. Именно здесь в XII—XIII вв. стоял славный и богатый град Рязань — столица Рязанского княжества, полностью уничтоженная войсками Батыя в декабре 1237 г.

Многолетние раскопки большими площадями дали возможность представить внешний вид стольного города: рубленые стены на гребнях земляных валов опоясывали его со всех сторон, возле трех главных церквей шумели торговые площади, несколько магистральных улиц выводили к Пронским и Исадским воротам. Рязань имела свободную планировку: усадьбы бояр, купцов и ремесленников (кузнецов, ювелиров, резчиков по кости) были живописно разбросаны по территории города. Каждая усадьба, огражденная забором или плетнем, включала комплекс строений: жилую отапливаемую избу с подпольем, одну-две углубленные в землю мастерские, амбар или погреб для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря, сарай, хлева и конюшни, зерновые ямы. Лицо города определяли бревенчатые наземные дома-пятистенки под двускатными крышами, а не полуземлянки и землянки, как считали еще недавно. Возможно, где-то в прибрежной части, откуда открывается широкая панорама заливных лугов, пойменных озер и дальних лесов Мещерского края, находился княжеский двор.

За время работы экспедиции найдено восемь кладов, ядро которых составляет парадный убор из серебряных украшений — «женская кузнь» (всего из Старой Рязани происходит 12 кладовых комплексов). Совершенство ювелирной техники и изысканный вкус обнаруживают руку придворных мастеров высшей квалификации, которые обслуживали семьи рязанских князей, бояр и дружинников. Рязанские ювелиры-серебряники безукоризненно владели такими сложными техническими приемами, как зернь, скань, чернь, позолота. Усвоив киевскую и черниговскую традиции, они вносили свой вклад в развитие древнерусского декоративно-бытового искусства, обогащая орнамент новыми элементами или по-своему комбинируя уже известные.

Полевой сезон 1979 г. ознаменовался новыми открытиями. На раскопе № 20 площадью 10×10 м (начальник Л. Д. Шакулова) в 40 м к юго-востоку от фундаментов Спасского собора (рубежа XII—XIII вв.) обнаружены три клада[1]. Спрятанные во время штурма города татаро-монголами, они происходят из жилых построек, погибших в огне опустошительного пожара. Прежде чем навсегда покинуть свои дома, жители старались спасти наиболее ценные вещи. В кладах преобладают женские украшения из серебра, которые надевали только по праздничным дням и бережно хранили в ларцах, передавая по наследству.

Первый клад, вероятно, лежал в ларце с железными оковками. Он был скрыт на дне подпечной ямы в полностью сгоревшей избе, план которой выявить не удалось. В его состав входили:

[1] Клады хранятся в Рязанском музее.

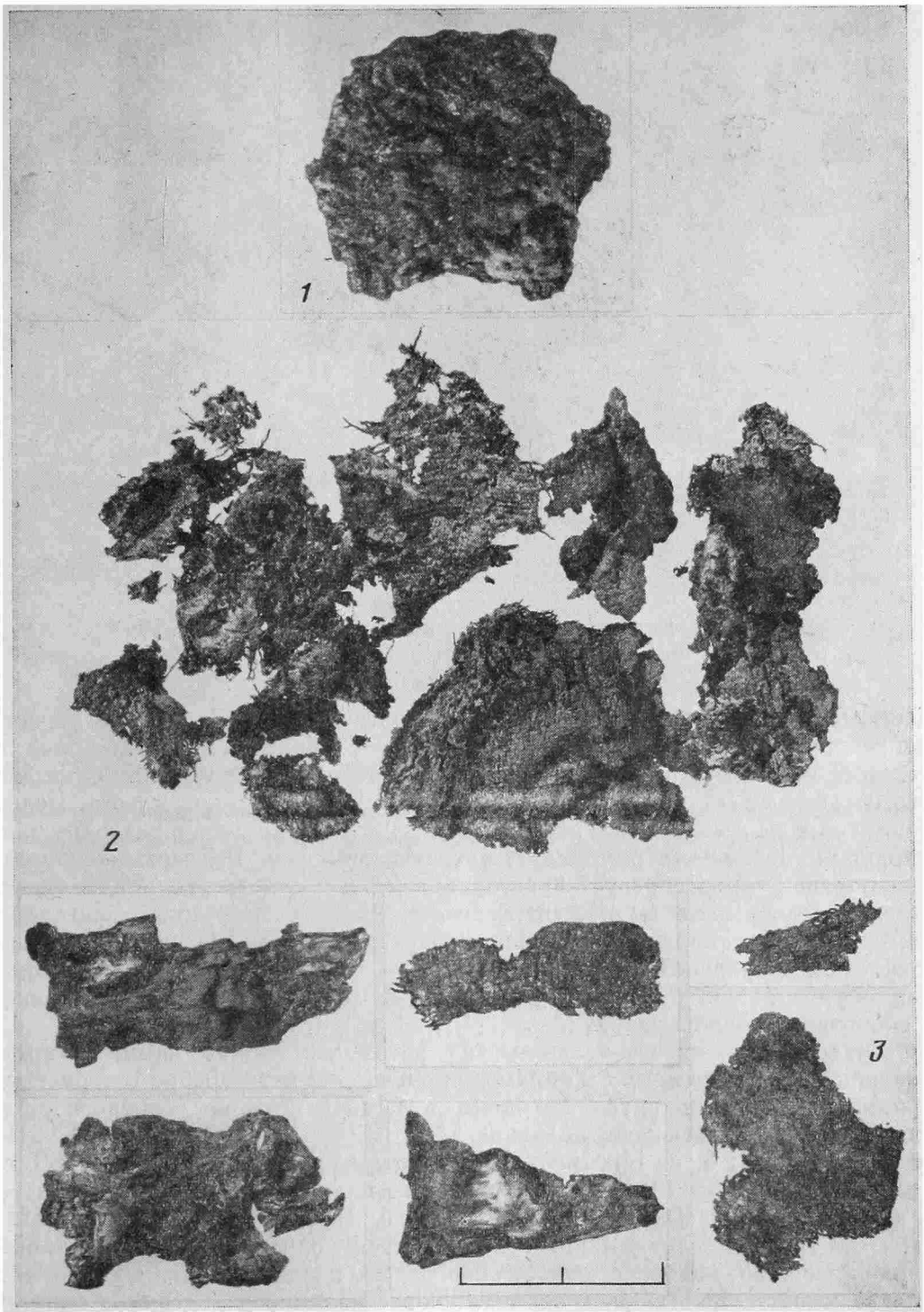


Рис. 1. Железная пластинка и шелковые ткани из кладов. *1* — железная накладка от ларца (клад 1); *2* — обрывки шелковой ткани (клад 2); *3* — обрывки бересты и шелковых тканей (клад 3)

1. Пластинка железная, сильно корродированная (фрагмент). Возможно, она служила накладкой деревянной шкатулки, в которой хранились украшения (рис. 1).

2. Крест-тельник из светло-зеленой яшмы с тонкими темно-зелеными прожилками и мелкими пятнышками того же цвета (рис. 2 и 3); размеры 4,8×3,8×1 см. Правая ветвь поперечной перекладины была отломана и соединена с основной частью при реставрации. Концы креста обложены тонкой серебряной пластиной, на которую по краям напаян скань-ный жгутик, как и по ребрам торцов. С лицевой стороны оправа украшена

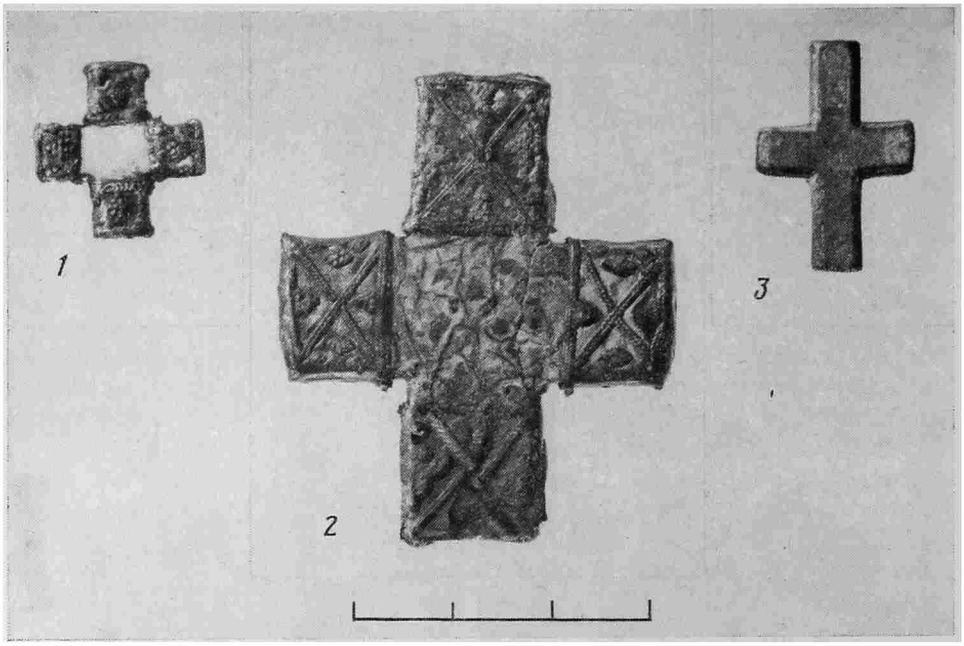


Рис. 2. Каменные крестики в серебряных оправах (клад 1). *1* — крестик из оникса; *2* — крест яшмовый; *3* — крестик из шифера

двойными сканными жгутиками, расположенными по диагонали крест-накрест; треугольные промежутки занимает орнамент, выполненный в технике зерни. В стремлении избежать однообразия мастер применил две схемы декора, соответствующие двум типам оправ концов креста. Более узкие оправы поперечной перекладины, не доходящие до средокрестья, украшены зерневыми ромбиками и треугольниками. На верхней и нижней оправах зернь образует крестовидные фигуры и треугольники. Здесь шарики зерни введены и в пересечения сканных жгутиков, благодаря чему возникает иллюзия, что они перевязаны узлом. В верхнем конце креста просверлено круглое отверстие для продевания шнура. Серебряная оправа дошла с утратами, наиболее значительными внизу, а также с оборотной стороны вверху.

Аналогичные кресты-тельники из различных пород камня (яшма, змеевик, серый мрамор) с концами, оправленными в серебро с зерневым орнаментом, неоднократно находили в Старой Рязани. Типологически близкими являются крест из клада 1887 г. [1, с. 79, 80, табл. XXVIII, № 5; 2, № 164; 3, с. 148, рис. 117], четыре креста из клада 1950 г. [3, с. 151, рис. 118 (8)], а также крест из клада 1970 г., обнаруженного в западной части Южного городища [4, с. 165, рис. 17; 5, № 24, с. 11, табл. XVI, *5*]. Последний крест по характеру орнаментации серебряной оправы зернью наиболее близок кресту из клада 1979 г. Однако его оправа имеет существенные отличия: пересекающиеся диагонали образованы двойным рядом зерни, заполнение зернью плоскости иное, орнаментация наконечника левого рукава креста другого типа. Большинство указанных крестов-тельников («корсунчиков») имеет серебряные наконечники с зерневым узором из ромбов и треугольников. В стилистическом отношении оправы образуют единую группу и явно связаны с деятельностью одной рязанской мастерской, если не одного мастера. Каменные же заготовки этих крестов были большей частью привозными, очевидно, из Крыма.

3. Крестик-тельник из оникса с концами, оправленными в серебро (рис. 2 и 3); размеры 1,8×1,7×0,5 см. С лицевой стороны оправа украшена зерневыми ромбами и треугольниками, а по краям — сканными жгутиками. В верхнем выступе креста отверстие для продевания шнура. Серебро сильно окислилось, с оборотной стороны внизу утрачена часть оправы.

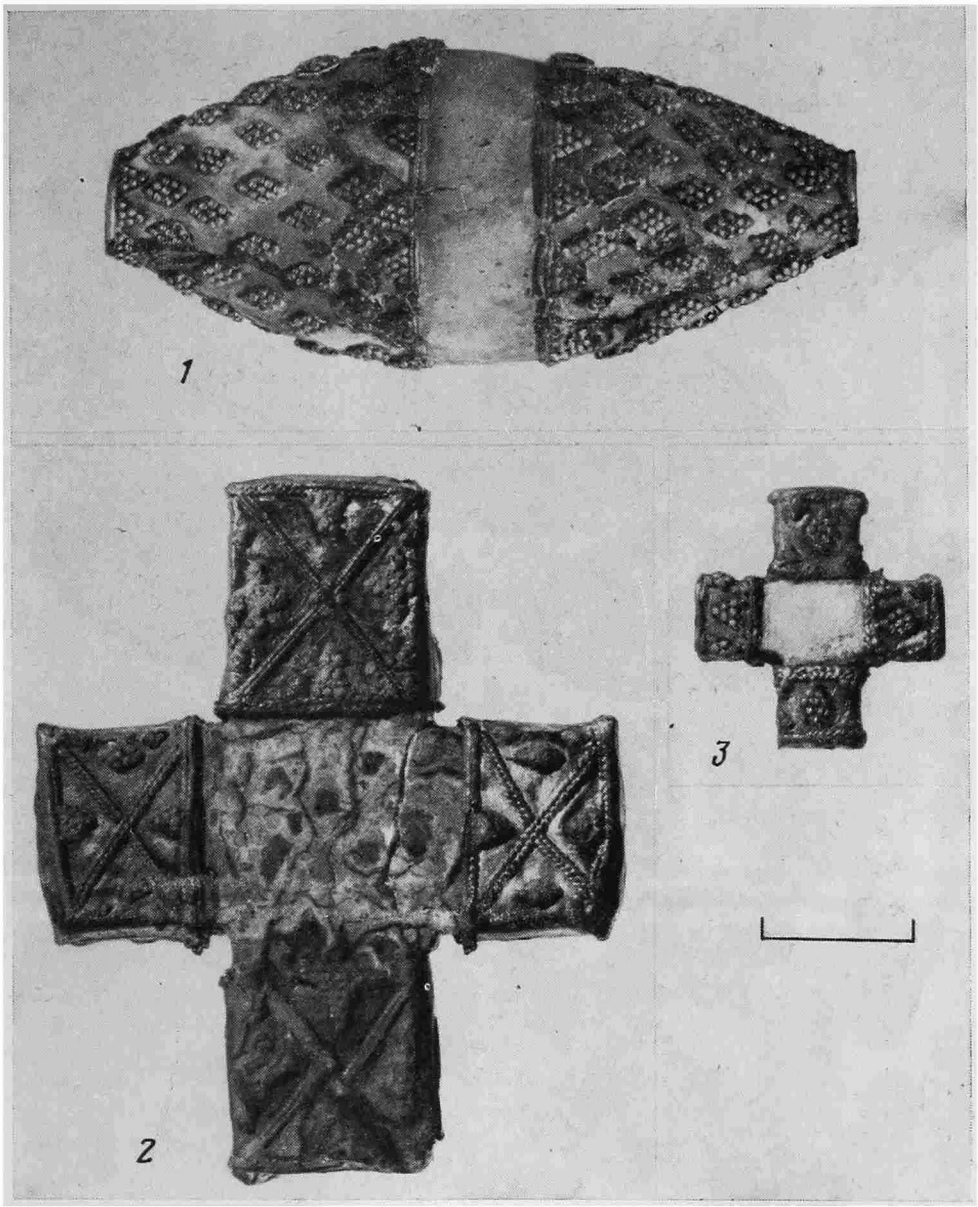


Рис. 3. Вещи из клада 1 (увеличены в два раза). *1* — бусина стеклянная в серебряной оправе; *2* — крест яшмовый в серебряной оправе; *3* — крестик из оникса в серебряной оправе

От предыдущего крестик отличается прежде всего малыми размерами, обусловившими и больший схематизм декора. Оправы крестов-тельников такого типа чаще встречаются гладкие. Из числа старорязанских находок наиболее близок по типу яшмовый крестик из клада 1970 г. [5, № 25, с. 11, табл. XVI, *6*].

4. Крестик-тельник шиферный, гладкий, с просверленным в верхнем конце круглым отверстием для продевания шнура (рис. 2); размеры 2,3×1,5×0,6 см. Подобные изделия обнаружены в различных городах Древней Руси; были широко распространены особенно в XII в. [6, с. 106].

5. Бусы серебряные овальные, слегка уплощенные (две). Длина 3,1 см (рис. 4). Они спаяны из двух половинок; отверстия обрамлены гладкими проволочными колечками. Поверхность покрыта чеканными углубленными линиями, которые образуют взаимопересекающиеся ромбы. Серебряные бусы с такой геометрической орнаментацией, обнаруженные в Старой Рязани впервые, в древнерусских кладах аналогий не имеют.

6. Бусы серебряные такой же формы (три). Длина 3,1 см (рис. 4). Состоят из двух половинок; на концах припаяны проволочные колечки.

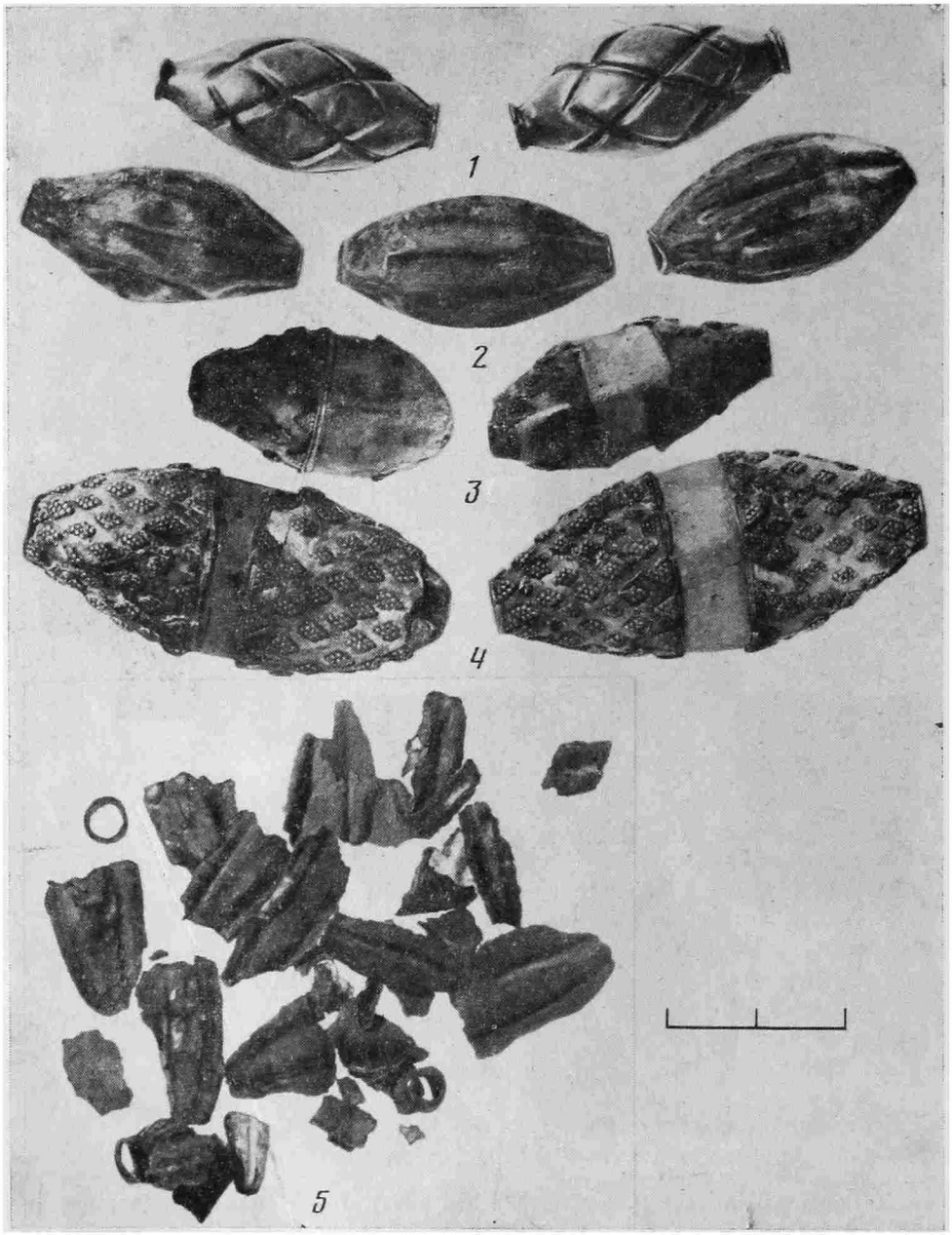


Рис. 4. Бусы серебряные и стеклянные в серебряных оправах (клад 1). *1* — бусы серебряные овальные с ромбическим узором; *2* — бусы серебряные овальные реберчатые; *3*, *4* — бусы стеклянные рыбовидные в серебряных оправах, украшенных зернью и сканью; *5* — фрагменты серебряных реберчатых бус

Бусы украшены гладкими продольными валиками, выполненными чеканкой. В кладе найдены фрагменты тождественных бусин — не менее двух (рис. 4). Сходной формы золотые бусы обнаружены в составе клада 1876 г. в Киеве на усадьбе И. Лескова [7, с. 116, табл. XV, *7*, *8*; 2, № 80, 103; 8, рис. 26], а аналогичные серебряные экземпляры происходят из киевского клада 1903 г. в ограде Михайловского монастыря. Подобные реберчатые бусы в других кладах Старой Рязани не известны.

7. **Бусы стеклянные рыбовидные четырехгранные (две).** Длина 3,4 см (рис. 4). Стекло синее с обесцвеченной поверхностью. Частично уцелели серебряные оправы, украшенные зерневыми ромбами и треугольниками. Края оправ обвиты сканью. Полоска стекла между ними оставалась открытой. Аналогичные бусины из синего стекла, оправленные с обоих концов гладкими серебряными наконечниками, входили в состав старорязанского клада 1887 г. [1, табл. XXVIII, *16—21*; 3, с. 150; 2, № 164].

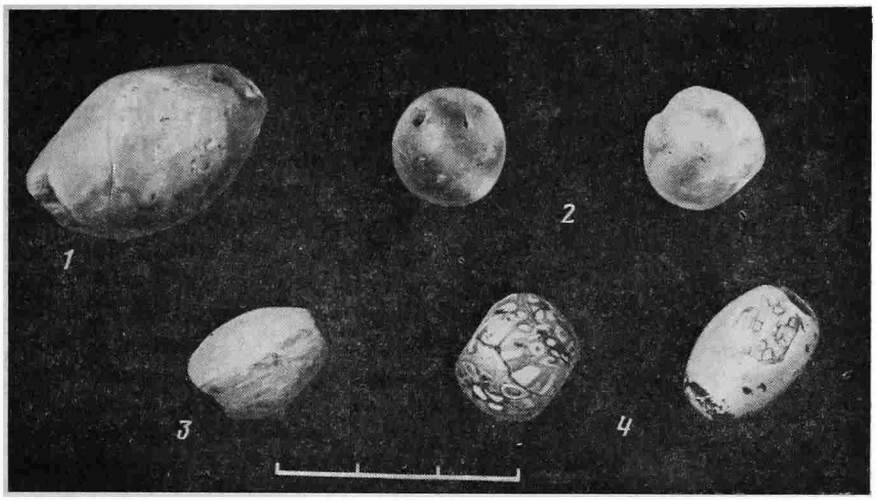


Рис. 5. Каменные и стеклянные бусы из клада 1. *1* — бусина из халцедона; *2* — бусы из горного хрусталя; *3* — бусина стеклянная рыбовидная; *4* — бусы стеклянные глазчатые

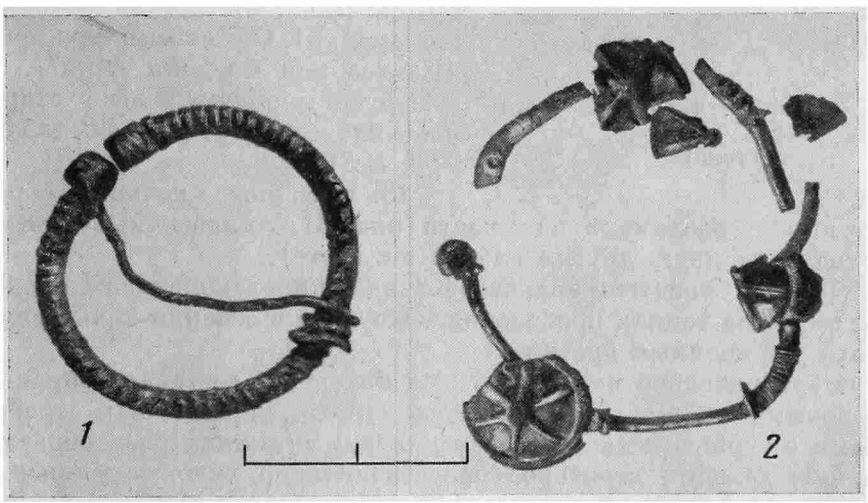


Рис. 6. Украшения из клада 1. *1* — бронзовая фибула; *2* — фрагменты трехбусинного височного кольца

8. Бусы стеклянные большие рыбовидные (две). Длина 5 см (рис. 3 и 4). Стекло синее с обесцвеченной поверхностью. Серебряные оправы на концах украшены зерневыми ромбами, расположенными правильными рядами. По внутреннему краю оправ напаян двойной сканный жгутик с примыкающими зерневыми треугольниками, возле отверстий гладкие проволочные колечки. Между наконечниками оставлена непокрытой широкая полоска стекла, синий цвет которого хорошо сочетался с серебром оправы. Тождественные бусы нигде не встречены. Стеклянные бусы, но с гладкими серебряными наконечниками обнаружены в старорязанском кладе 1887 г.

В стилистическом отношении стеклянные бусы с серебряными оправами, украшенными зернью и сканью (№ 7, 8), близки кресту-тельнику из яшмы (№ 2). Не исключено, что вместе с ним они входили в состав одного ожерелья.

9. Бусина из халцедона зеленоватого цвета (рис. 5). Она большая, овальная в продольном сечении, концы обломаны. Диаметр 1,7 см. Халцедон — привозной камень, возможно с Кавказа, где существовали его месторождения.

10. Бусы из горного хрусталя шаровидные (две) (рис. 5). В Старой Рязани нередки в культурном слое XII — первой половины XIII в. Об-

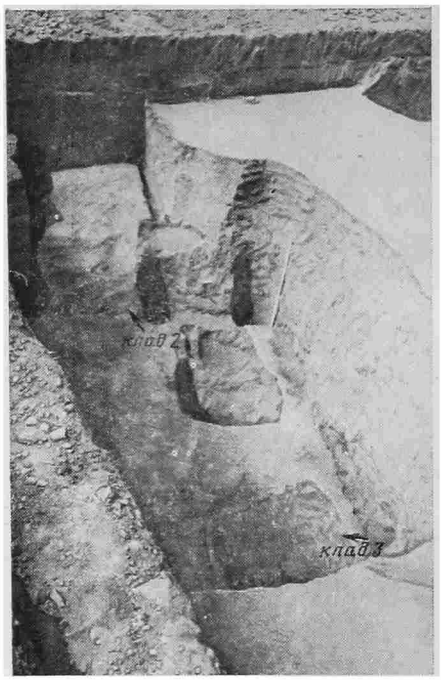


Рис. 7. Землянка, в которой были найдены клады 2 и 3 (вид с юго-востока)

работка горного хрусталя в X—XIII вв. была развита в Ираке (Басра), фатимидском Египте, в Средней Азии, Бадахшане, Кашмире [9, с. 171, 172]. В числе других камней он украшает знаменитые рязанские «бармы» [10, с. 12, табл. 1—3]. Хрустальные бусы, особенно распространенные на территории вятичей,— объект восточной торговли [11, с. 155].

11. Бусина из синего стекла рыбовидная четырехгранная (поверхность обесцвечена); один конец обломан (рис. 5).

12. Бусы стеклянные инкрустированные гладкие (две). Украшены вдавленными в поверхность глазками. Каждый из глазков сплошь испещрен мелкими включениями разноцветного стекла. Одна из бусин мозаичная, округлой формы (рис. 5), другая бочонкообразная (рис. 5). Оба экземпляра привозные (Кавказ или Средняя Азия?). Глазчатые бусины обнаружены в старорязанском кладе 1887 г. [1, с. 80, табл. XXIX, *1*, *2*, *4*, *5*].

13. Височное кольцо серебряное трехбусинное; разломано на части (рис. 6). Аналогичные экземпляры происходят из двух других кладов (см. ниже).

14. Фибула бронзовая подковообразная спиралеконечная (рис. 6). Диаметр 3 см. Игла тонкая проволочная. Круглая в сечении кольцевая основа перевита уплощенным дротом.

Этот сравнительно небогатый клад интересен составом вещей, прежде всего новыми типами бус из синего стекла, украшенных серебряными оправами с зернью и сканью. Заслуживает внимания разнообразие материала бус, дающих некоторое представление о художественных вкусах их владелицы, погибшей при разрушении города Батыем.

Второй и третий клады обнаружены на уровне пола жилища земляночного типа на глубине 1,8 м от поверхности материка. Сгоревшая постройка имела вертикальные обшитые деревом стены со столбами в углах, пол, выложенный плахами, глинобитную печь в противоположном от входа углу (рис. 7). Среди многочисленных вещей, найденных в землянке, интересны бронзовая пластинка от подсвечника (?), украшенная птичьей головкой, и фрагменты византийской поливной тарелки.

Клады прятали второпях, так что часть серебряных украшений рассыпалась по полу, в том числе перстень с фигурой птицы на щитке и три трехбусинных височных кольца. Одно из них составляет пару маленькому кольцу второго клада с крестовидно расположенными проволочными колечками на бусах (рис. 8). Два других аналогичны экземплярам, преобладающим в кладах землянки: бусины украшены сканными кольцами с радиальными сканными жгутиками в каждом кружке (рис. 8).

Второй клад нашли на сгоревшем полу у подножия материковой ступеньки входа в землянку. Очевидно, его скрыли под деревянной лестницей, которая не сохранилась. Клад не столь разнообразен, как первый. В его состав входят: 1. Височные кольца серебряные трехбусинные (11 экз.; рис. 8). 10 из них относятся к одному типу. Для них характерны проволочный стержень кольцевидной формы диаметром 3,7 см с насаженными на него тремя шаровидными полыми бусинами. Оба конца стержня расклепаны и согнуты в спираль. Промежутки между бусинами обвиты тонкой проволокой. Каждая бусина разделена на три части двойными или одинарными кольцами из витой сканной проволоки. От шарика

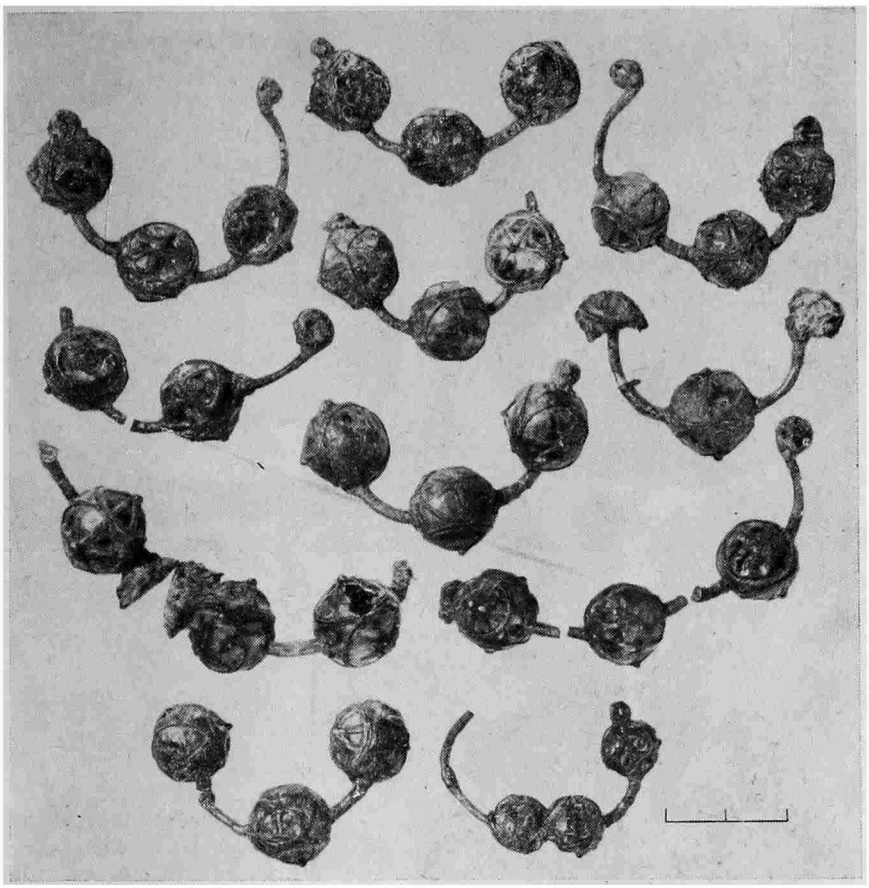


Рис. 8. Серебряные трехбусинные височные кольца двух типов из клада 2

зерни в центре каждого кольца отходят шесть «лучей», выполненных такой же сканью; треугольные промежутки между кружками украшены тремя сканными колечками, расположенными по углам. Некоторые экземпляры с дугообразной дужкой, по-видимому, могут быть определены как «аграфы». Височные кольца с аналогичными бусами в Старой Рязани известны по кладам 1887, 1967 и 1974 гг. [1, с. 79, табл. XXVIII, *14*, *15*; 3, с. 148, 149, рис. 117; 2, № 199; 12, с. 211, рис. 7; 13, с. 344—347, рис. 6]. Встречаются они также в кладах Киева, Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств [7, табл. IV, *14*, XII; 1, табл. XXVIII, *14*, *15*; 2, табл. XLVIII, *30*].

11-е трехбусинное височное кольцо имеет меньшие размеры (диаметр дужки 3 см). Каждая маленькая бусина разбита на три части сканными кольцами. Вокруг центра каждого кольца, отмеченного шариком зерни, крестообразно расположены четыре проволочных колечка (рис. 8). Внутри некоторых из них сквозные отверстия.

Височные кольца были прикреплены к полоскам шелковой ткани, от которых уцелели незначительные фрагменты (рис. 1). Отпечатки ткани видны возле петель на концах дужек, сквозь некоторые петли продеты кусочки тонкой проволоки для крепления к матерчатой основе.

2. Перстень серебряный с круглым, полым внутри щитком, украшенным гравировкой и чернью (рис. 9). В центре щитка (диаметром 2,2 см) неправильной формы пятиугольник с вогнутыми сторонами, обведенный гравированной линией и оконтуренный чернью. Внутри его выгравирован равноконечный крест на двуступенчатом подножии, символизирующем Голгофскую скалу. Остальная часть плоскости щитка, украшенного по краю черневым ободком, заполнена инкрустированными чернью стилизованными веточками. Они трактованы дугообразными линиями с завитками на концах и отходящими от них листочками в виде параллельных,

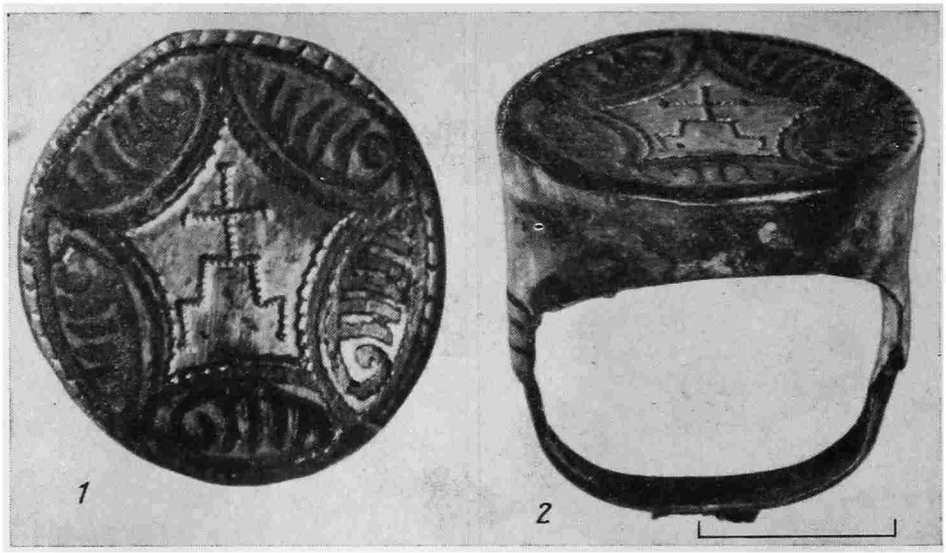


Рис. 9

Рис. 10

Рис. 9. Серебряный с чернью перстень из клада 2. *1* — щиток перстня; *2* — вид перстня сбоку

Рис. 10. Серебряный перстень с изображением птицы, найденный на полу землянки

слегка изогнутых штрихов. Это пальмовые ветви, обычно сопровождающие изображение креста в христианской иконографии.

Среди перстней, обнаруженных в составе русских кладов домонгольского времени, преобладают имеющие на щитке княжеские знаки, разнообразные орнаменты, а также изображения животных и птиц [7, с. 127, табл. V, *2*, *4*, *8*; 14 с. 144; 15, с. 102, рис. 17]. Весьма немногочисленны перстни с сюжетной религиозной тематикой [16, с. 374—378; 17, с. 235, рис. 1 (4а, б)], а также с изображением креста [2, № 84, 98, 117, 123, 144]. Судя по диаметру припаянной дужки, перстень был мужским и, возможно, принадлежал духовному лицу. Древний обычай ношения перстней даже представителями церковной иерархии удержался на Руси вплоть до XIV в., о чем свидетельствует перстень митрополита Алексея (1354—1378), происходившего из черниговских бояр [18, с. 171—185, табл. XXIII, *1*]. Надо сказать, что перстни со щитками, украшенные черневыми и гравированными изображениями, в большом количестве известны в кладах Киева и Среднего Приднепровья, но среди старорязанских находок крайне редки.

На полу той же землянки, между вторым и третьим кладами, был найден фрагмент другого серебряного перстня (рис. 10). Его полый внутри щиток, спаянный из нескольких частей, по форме приближается

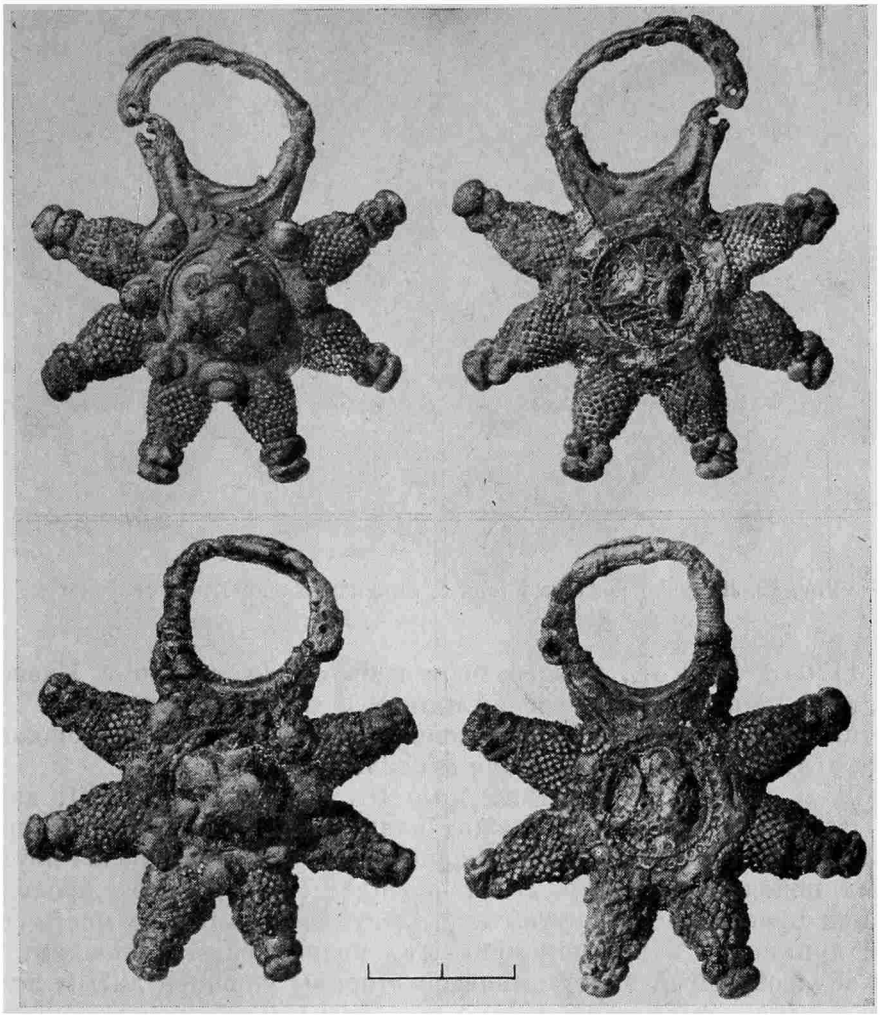


Рис. 11. Два серебряных лучевых колта из клада 3 (лицевая и оборотная стороны)

к квадрифолию, углы которого едва выступают из очертаний круга (диаметр 2 см); дужка сохранилась лишь частично. Судя по ее размерам, перстень принадлежал женщине. Щиток украшен гравированным изображением птицы в профиль, с поднятыми крыльями. Птица с тонкой длинной шеей и крупным клювом, голова по отношению к тулову несоразмерно велика. Левая ее лапа поднята, правая опирается на линию, очерчивающую один из четырех сегментов, окружающих фигуру птицы. Сегменты были заполнены чернью.

Изображение на щитке старорязанского перстня имеет стилистическое и техническое сходство с фигурами птиц на серебряном браслете из киевского клада 1893 г. [8, с. 40]. Возможно, первоначально контурный рисунок, как и на браслете, был заполнен чернью [8, с. 117]. Серебряный перстень, на круглом щитке которого изображена птица в профиль, с распущенными крыльями, обнаружен около 1911 г. в составе клада близ дер. Пискова Мещовского уезда Калужской губ. [2, № 156; 19, с. 11, 12, рис. 3]. Довольно близкую аналогию представляет перстень со щитком в форме квадрифолия с выполненной контурной чернью фигурой птицы из курганов близ Никонова в Подольском р-не Московской обл. [20, с. 322, рис. 84]. До тех пор пока не издана сводка золотых и серебряных перстней со щитками, украшенными различными знаками и изображениями, преждевременно делать какие-либо заключения относительно места изготовления обоих перстней из Старой Рязани.

Серебряные перстни с полыми щитками, декорированные чернью и гравировкой, связаны почти исключительно с группой кладов, зарытых

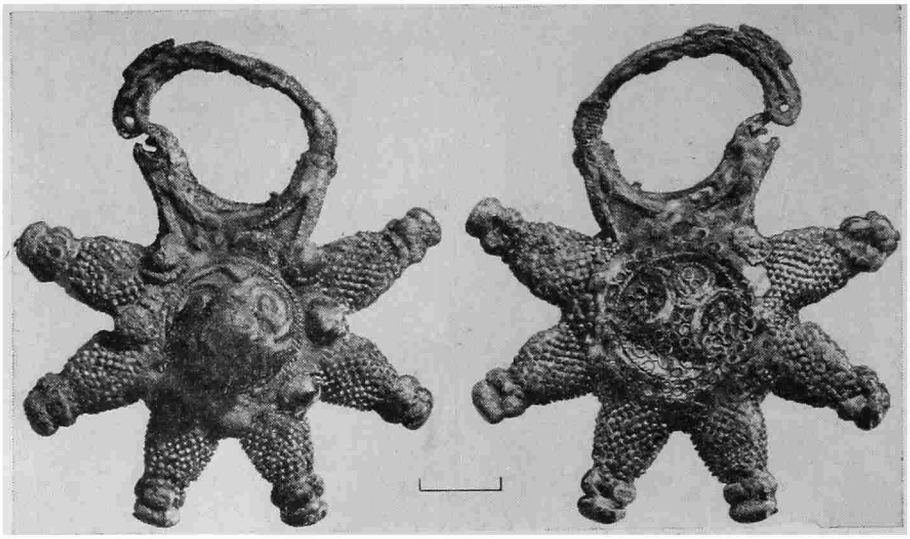


Рис. 12. Лучевой колт из клада 3, лицевая и оборотная стороны

между 1170 и 1240 гг., и встречаются преимущественно в Киеве и в местах, куда направлялся киевский импорт ювелирных изделий.

Третий клад найден на слое горелых досок пола в противоположном от входа углу жилища. В его состав входили:

1. Колты серебряные шестилучевые — пара (рис. 11 и 12), диаметр 5,5 см. Каркасом украшения служит кольцевидный барабан из серебряной пластинки, к которому сверху припаяна полая лунница из двух разрезанных пополам полусфер. Лучи скреплены с барабаном проходящей сквозь них проволокой, стянутой внутри лунницы. Швы на месте спайки лучей и лунницы с барабаном прикрыты полусферами с плоскими ободками. Конусообразный выступ лицевой стороны украшен литым полушариком в центре, тремя шариками по сторонам и ромбами из зерни в трех сканных овалах, между которыми помещены зерневые треугольники. Плоский ободок украшен семью обрамленными зернью полушариками. В центре оборотной стороны вытеснен трехлепестковый цветок-крин с двойными сканными контурами, заполненный мелкими проволочными колечками. На концах грушевидных лучей колта помещены литые полушарики с тремя меньшими шариками в основании. Лучи сплошь покрывает зернь, напаянная на мельчайшие проволочные колечки, аккуратно уложенные рядами. Грани лунницы выделены сканью. Впаянная в лунницу дужка с одной стороны расклепана и имеет отверстие. Мелкие шарики зерни и обрезки тонкой проволоки напаяны между лучами колта для их укрепления и достижения плавного перехода от зерни к гладким краям центральных полусфер.

Серебряные шестилучевые колты обнаружены на территории Старой Рязани не впервые. Они найдены в составе кладов 1950, а также 1974 гг. [3, с. 150, рис. 118 (2); 2, № 165; 13, с. 342, 343, рис. 1—4]. Звездчатые колты с пятью или шестью лучами встречены в кладах Киева [2, № 65 А, Г, 84, 103], Княжей Горы, Камнебродском (Киевской губ.), у дер. Лески (Орловской губ.), Тереховском 1876 г. у с. Кресты (Тульской губ.), старорязанских 1887, 1937, 1967, 1970 и 1974 гг., владимирских 1837 и 1896, тверском 1906 г. [2, № 121, 138, 153, 154, 157, 164, 165, 166, 168, 170; 12, с. 210; 5, с. 9, табл. IV—VIII; 13, с. 342, 343]. Каменные формочки для отливки серебряных колтов происходят из Киева [21, с. 383—384, табл. LV].

2. Височные кольца серебряные трехбусинные (14 экз.); диаметр дужки 3,7 см. Делятся на три типа. а) 10 из них идентичны описанным в составе второго клада (рис. 13 и 14); б) у двух трехбусинных височных колец каждая бусина разбита на три части двойными сканными коль-

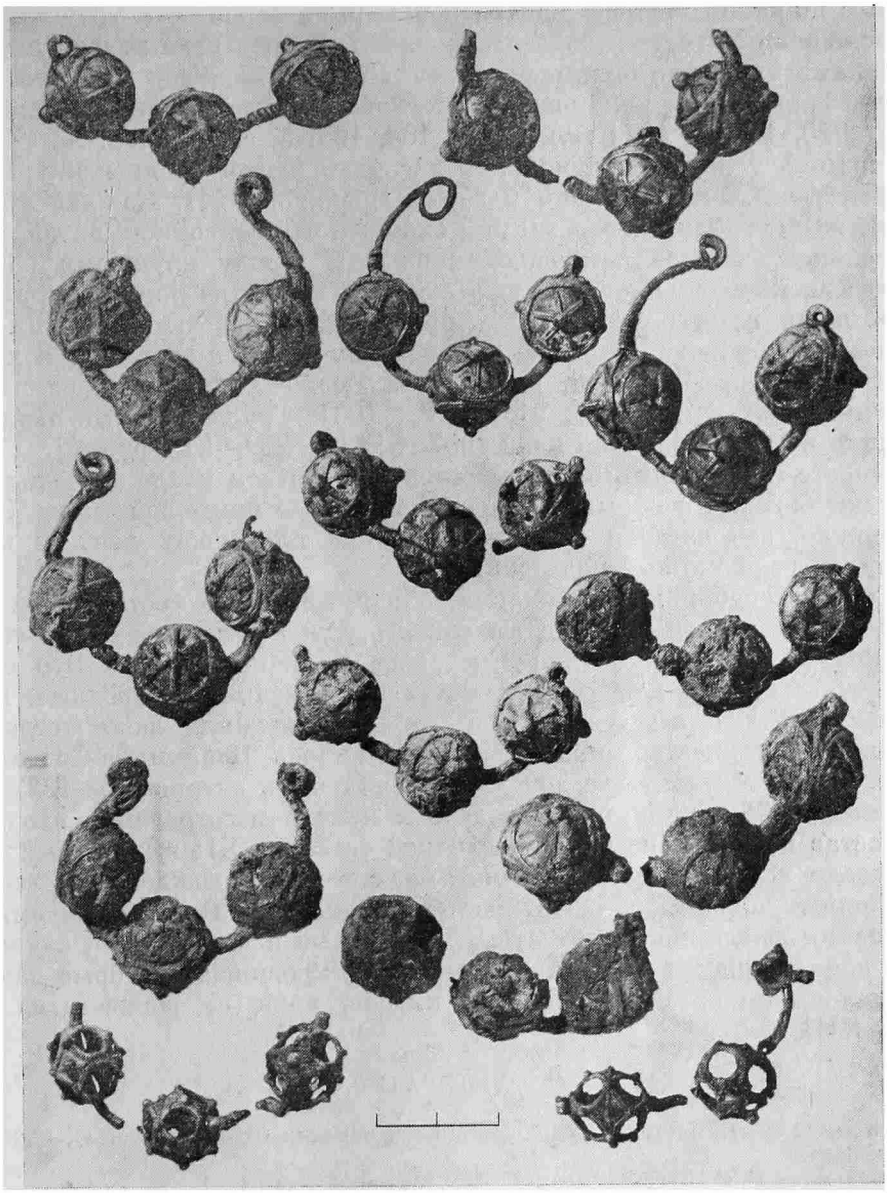


Рис. 13

Рис. 13. Серебряные трехбусинные височные кольца трех типов из клада 3

Рис. 14. Трехбусинные височные кольца двух типов из клада 3

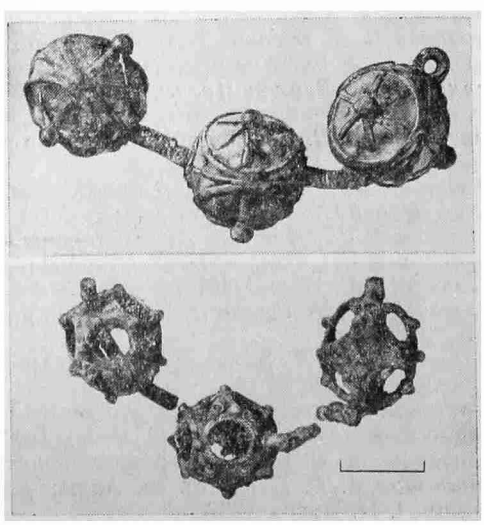


Рис. 14

дами с шариком зерни в центре и четырьмя зерневыми треугольниками, расположенными крестообразно (рис. 13). В треугольных фигурах между кружками припаяно по три проволочных колечка. Узор из треугольников зерни характерен для рязанских трехбусинных колец (клады 1887, 1937/1950, 1970 и 1974 гг.) [2, № 164, 165; 5, с. 10, табл. X; 13, с. 346, рис. 6]; в) у двух трехбусинных височных колец бусины ажурные, выполненные в технике скани и зерни (рис. 13 и 14). Каждая прорезана восемью круглыми отверстиями, окруженными двойной витой сканной проволокой. Четыре ромбовидных фигуры между кружками разделены надвое двойной сканной нитью. На углы и в центре ромбов напаяны шарики зерни в микроскопических проволочных колечках. Такими же колечками декорирована поверхность ромбиков. Ареал височных колец этого типа довольно обширный, но преобладающее число находок связано с Киевом [2, № 74, 79, 86, 91, 94, 97, 106]. Тождественные экземпляры входили в старорязанский клад 1967 г. [12, с. 209—210, рис. 4].

Вместе с серебряными украшениями в третьем кладе найдены мелкие кусочки бересты с обрывками нашитой из нее шелковой ткани (рис. 1). Возможно, это остатки головного венчика или узких лент, к которым крепили трехбусинные подвески.

Состав серебряных украшений, обнаруженных в составе трех кладов 1979 г., характерен как для Рязанского, так и некоторых других южнорусских княжеств, особенно Киевского и Черниговского. Это еще раз свидетельствует о культурных контактах Рязани со Средним Приднепровьем, прежде всего с Киевом, не ослабевавших даже тогда, когда Рязанское княжество полностью подчинилось Владимиро-Суздальскому [3, с. 26]. Поскольку все три клада могут быть датированы 1237 г., то в значительной степени предопределена и дата изготовления входящих в их состав изделий (не ранее последней четверти XII в.). Особый интерес вызывают вещи явно выраженного местного происхождения, а также два серебряных перстня с изображением на щитках. Все публикуемые произведения ювелирного искусства, уникальные и «серийные», служат ценным дополнением к тем старорязанским сокровищам, которые давно стали достоянием истории русской культуры поры ее расцвета на рубеже XII—XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси. X—XIII вв. Л., 1936.
2. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954.
3. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М.— МИА, 1955, № 49.
4. *Даркевич В. П.* Древняя Русь X—XIII вв.— В кн.: Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977.
5. *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Клад из Старой Рязани. М., 1978.
6. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2.
7. *Кондаков Н. П.* Русские клады. Т. I. Спб., 1896.
8. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1970.
9. *Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А. М. Беленицкого. Л., 1963.
10. *Мартынова М. В.* Драгоценный камень в русском ювелирном искусстве XII—XVIII веков. М., 1973.
11. *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959.
12. *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Старорязанские клады 1967 г.— СА, 1972, № 2.
13. *Даркевич В. П., Фролов В. П.* Старорязанский клад 1974 г.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
14. *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. V. Спб., 1897.
15. *Якубовський І. В.* Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницькоі області.— Археологія, 1975, № 16.
16. *Щепкин В.* Золотой перстень, найденный на Куликовом поле.— В кн.: Археологические известия и заметки. Т. V. М., 1897.
17. *Холостенко Н. В.* Клад у Борисоглебского собора в Чернигове.— СА, 1962, № 2.
18. *Орешников А. В.* Перстень св. Алексея митрополита.— In: Seminarium Kondakovianum, t. II. Прага, 1928.
19. Отчет имп. Российского Исторического музея в Москве за 1911 г. М., 1912.
20. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
21. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

V. P. Darkevich, V. G. Putsko

STARAYA RYAZAN HOARDS

Summary

Three hoards with female decorations were discovered during 1979 excavations in Staraya Ryazan, a town destroyed by Batu in December 1237. The hoards were found in burnt dwellings. The first of them contained stamped silver and glass beads in silver setting and small stone crosses with silver heads which came from different necklaces. The second and the third hoards contained head decorations of various types and two rings of nielloed silver, one of them with a cross, the other with an image of a bird. Those ancient Russian objects of applied art testify to the cultural ties with middle Dnieper region and to the existence in the 12th-13th centuries of an original local school of jewellery.

Заметки

ОМАНЖУЛОВ Т.

НОВЫЕ НАХОДКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕЗОЛИТА В РАЙОНЕ НУРАТИНСКИХ ГОР (УзССР)

За последние годы в Узбекистане была открыта и исследована целая группа мезолитических памятников: стоянка Кушилиш (Ташкентская обл.), Обишир (Ферганская обл.), Мачай (Сурхандарьинская обл.) [1; 2] и ряд местонахождений в Ферганской долине [3]. Однако в целом мезолит на территории республики все еще остается слабо исследованным.

В 1976 г. на северных склонах Нуратинских гор проводились разведки. Они осуществлялись Джизакским отрядом во главе с Д. Кабировым, работавшим в составе Учтутской экспедиции (рук. Т. Мирсаатов). Было открыто три пункта находок расщепленного кремня, в том числе — со вторичной обработкой. Все они расположены примерно в 40 км к юго-западу от районного центра Фариш в глубине ущелья Даррасай (рис. 1).

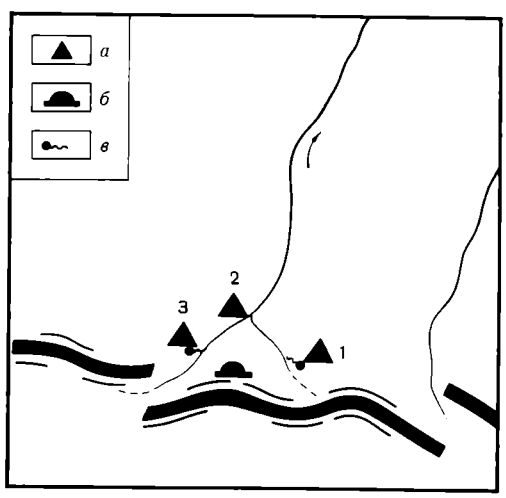


Рис. 1. Мезолитические местонахождения в ущелье Даррасай. *а* — местонахождение; *б* — пещерная стоянка Беш-Бармак; *в* — родник

Первое местонахождение связано с левобережьем верхнего течения ручья Даррасай. Кремень лежал на поверхности пологого склона, вокруг родника, на участке 15×15 м. Всего обнаружено 31 изделие, в числе которых имеются и законченные орудия. Это два скребка, один из них с рабочим краем, оформленным крупной ретушью, изготовлен из отщепа сероватого кремня (рис. 2, *13*). Второй скребок концевой, изготовлен из крупной пластинки (рис. 2, *14*). Имеется одно острие, оформленное на остроконечной ножевидной пластинке путем притупливающей ретуши по одному продольному краю (рис. 2, *16*). Из восьми пластинок две имеют ретушь по краю и на конце (рис 2, *15*). Кроме того, собрано 7 отщепов и 13 экз. обломков пластинок и осколков.

Второе местонахождение выявлено примерно в 300 м ниже по течению ручья Даррасай, тоже на левом его берегу. Кремень находился на небольшой площади (10×10 м), имеющей пологий склон к саю. Всего здесь собрано 28 изделий из камня, часть которых — с вторичной обработкой. К последним относится концевой скребок с выпуклой рабочей частью и ретушированным продольным краем (рис. 2, *1*). Имеется три выемчатых орудия, изготовленных из пластинок. В одном случае сомкнутые выемки образуют выступ — острие (рис. 2, *12*), в двух других — выемки расположены на обоих продольных краях (рис. 2, *10*, *11*). Найдено одно острие, оформленное на пластинке путем ретуширования продольных краев (рис. 2, *8*). В коллекцию входит удлиненная пластинка с ретушью по одному краю (рис. 2, *9*), а также 10 пластинок без ретуши, 5 отщепов с ретушью и 7 без ретуши.

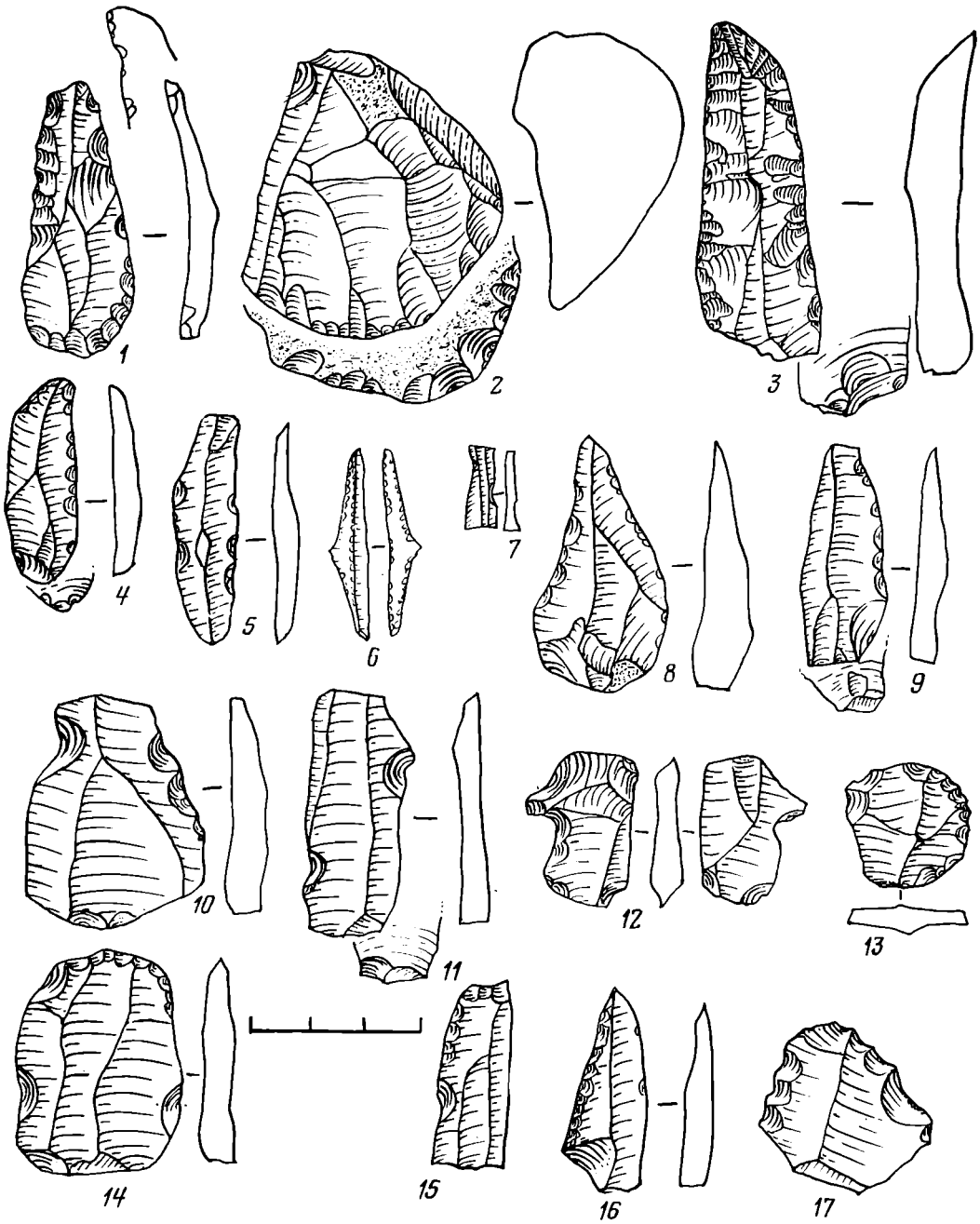


Рис. 2. *1* — концевой скребок; *2* — нуклеус; *3—5* — ножевидные пластины; *6* — изделие геометрических форм; *7* — микропластинка; *8*, *16* — острия; *9*, *12—15* — пластины с ретушью; *10*, *11* — пластины с выемкой; *17* — орудие с зубчатым лезвием

Третье местонахождение обнаружено на правом протоке ручья Дарасай, примерно в 350 м к юго-востоку от второго. Вокруг родника здесь собрано 26 каменных изделий. Выделяется призматический нуклеус с негативами снятых пластинок на половине его окружности (рис. 2, *2*). Имеется острие, изготовленное из ножевидной пластинки с тщательной ретушью по продольным краям (рис. 2, *3*), и одно орудие с мелкими выемками по краям, образующими зубчатое лезвие (рис. 2, *17*). Найдено одно острие подтреугольной формы с притупливающей ретушью по обоим продольным краям. Выделяются 5 микролитов, среди которых следует отметить одно изделие геометрической формы, тщательно обработанное мелкой ретушью (рис. 2, *6*). Это орудие служило, видимо, каким-то прокалывающим инструментом. Остальные микролиты не имели вторичной обработки (рис. 2, *7*). Помимо этого, имеются ножевидные пластин-

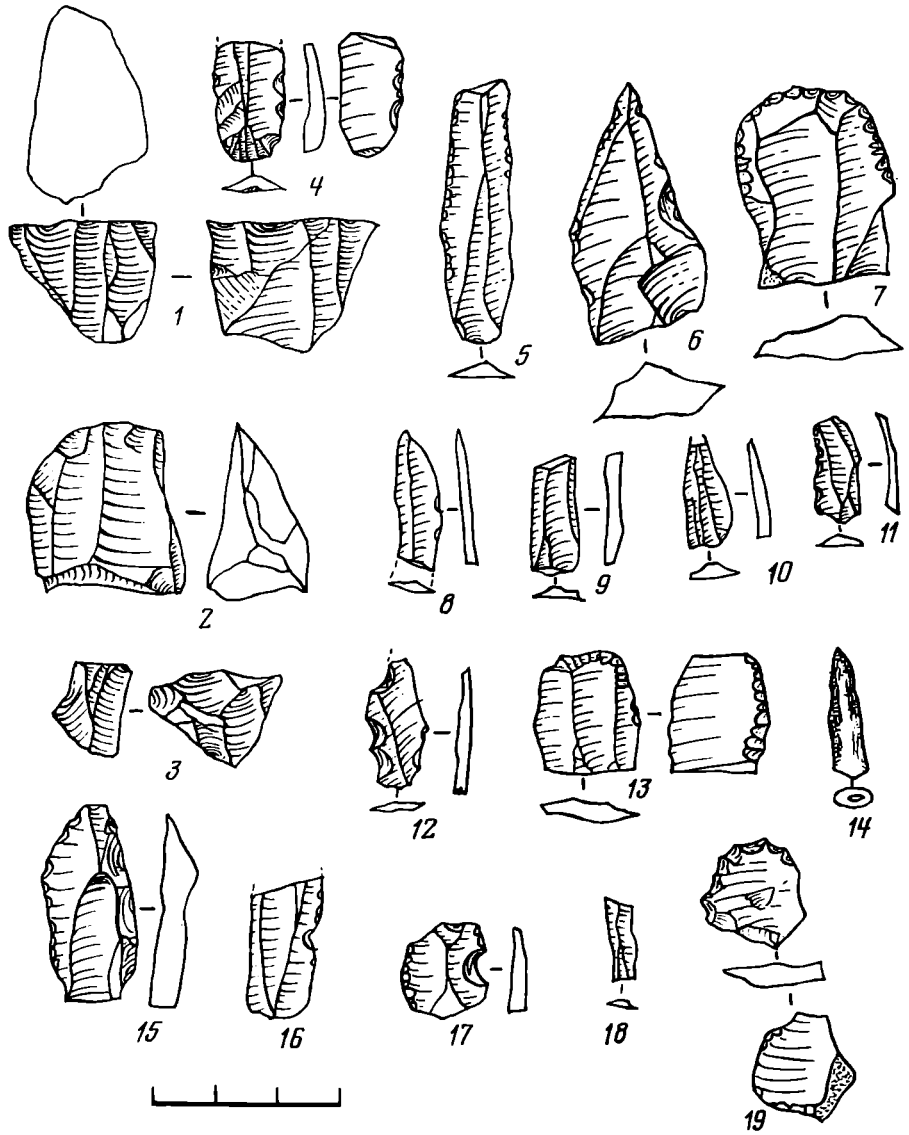


Рис. 3. *1—3* — нуклеусы; *4*, *5*, *16* — ножевидные пластинки с мелкой ретушью; *6* — острие; *7*, *13* — концевые скребки; *8—10* — микропластинки; *11*, *15* — ножевидные пластинки с обушком; *12* — изделие с зубчатым краем; *14* — проколка костяная; *17* — скребок с выемкой; *18* — фрагмент пластинки; *19* — скребок овальной формы

ки: 2 с ретушью (рис. 2, *4*, *5*), 1 с выемкой и 10 обломков, а также 2 отщепа и 1 продольный скол с нуклеуса.

В 1977 г. в этом же районе проводил работы Пайарыкский разведочный отряд (рук. О. М. Ростовцев). Одним из объектов исследований отряда явился грот Беш-Бармак. Памятник расположен в верховье урочища Даррасай, недалеко от описанных выше пунктов, но примерно на 50 м выше по склону. Глубина грота 18 м, ширина устьевой части 6 м, высота 7 м. Ориентирован он на северо-запад.

На широкой площадке у самого входа в грот был заложен шурф 1×2×2,3 м. По стенам шурфа прослеживалась следующая стратиграфия: 60—70 см — современный мешаный слой, 20—30 см — сероватый слой с мелкими плитками камня, 15—20 см — гумусированный слой с находками поливной керамики, 10—15 см — светло-желтая супесь с мелкой щебенкой, 60—70 см — светлый мелкощебенчатый слой, 10—15 см — темно-коричневый гумусированный горизонт, 30—35 см — красновато-бурый лессовидный слой. На глубине 2 м от поверхности в темно-коричневой гумусированной прослойке было обнаружено 68 расщепленных

кремней, 2 фрагментированных костяных изделия и немногочисленные фаунистические остатки в виде мелких неопределимых осколков.

Для изготовления орудий употреблялись кремень, кремнистый сланец и кремнистый известняк. В коллекции представлено 9 призматических нуклеусов (рис. 3, *1—3*). Самой многочисленной группой каменных изделий являются скребки (11 экз.), изготовленные из пластин и отщепов. По характеру заготовок и оформлению рабочего края их можно разделить на два подтипа. К первому относятся концевые скребки из пластинок и их обломков (рис. 3, *7*, *13*). Ко второму отнесены скребки различной величины из отщепов округлой формы (рис. 3, *17*, *19*). Один из них имеет небольшую выемку (рис. 3, *17*). Шестью экземплярами представлены ножевидные пластинки, оформленные мелкой ретушью по одному или обоим продольным краям (рис. 3, *4*, *5*, *16*). Имеется 2 ножевидные пластинки с обушком, у одной ретушированный край слегка вогнутый, а у другой слегка выпуклый (рис. 3, *11*, *15*).

В коллекции есть также три изделия с зубчатым краем (рис. 3, *12*), одно острие изготовлено из массивного треугольного отщепа, оформленного мелкой ретушью. Кроме вышеперечисленных каменных изделий имеются и пластинки, ретушированные частично, 10 пластинок без ретуши, 8 микропластинок, 6 фрагментов микропластинок (рис. 3, *8*, *10*). Найдено 2 костяных изделия, одно из которых могло служить в качестве проколки (рис. 3, *14*).

Как нам представляется, характер материалов грота Беш-Бармак, стратиграфические условия их залегания одновременно с материалами из трех других пунктов дают возможность отнести их к Ферганской группе памятников. Они сходны с материалами из пещеры Мачай [1; 4, с. 52—62] и стоянки Кушилиш, но некоторые изделия имеют черты, присущие изделиям со стоянки Джебел [5, с. 30—35].

По техническим показателям и архаичности отдельных черт комплекс из грота Беш-Бармак сходен с некоторыми изделиями Самаркандской стоянки [6], представляющими переходные формы от поры позднего палеолита к раннему мезолиту [7, с. 112; 8, с. 24, 25]. Эти параллели позволяют предполагать раннемезолитический возраст поселения в гроте Беш-Бармак. Материалы трех других пунктов, незначительно отличаясь друг от друга, вероятно, составляют с поселением единый культурный комплекс.

В результате проведенных разведочных работ можно сделать вывод о перспективности поиска памятников каменного века (в частности, мезолита) в районе Нуратинской горной долины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исламов У.* Мезолитическая стоянка «Кушилиш» под Ташкентом.— ОНУ, 1970, № 7.
2. *Исламов У.* Результаты раскопок 1971 года в пещерных стоянках Мачая и Обишир V.— УСА, 1972, № 2.
3. *Исламов И.* Мезолитические памятники Ферганской долины.— ИМКУ, 1972, № 9.
4. *Исламов И.* Пещера Мачай. Ташкент: Фан, 1975.
5. *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен.— ТЮТАКЭ, 1956, вып. VII.
6. *Лев Д. Н.* Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности.— Тр. Самаркандск. гос. ун-та, 1966, № 166.
7. *Коробкова Г. Ф.* Мезолит Средней Азии и его особенности.— КСИА АН СССР, 1977, № 149.
8. *Коробкова Г. Ф.* Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии.— КСИА АН СССР, 1970, № 122.

КОНОНЕНКО Н. А.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ТЕРОЧНИКОВ

(по материалам памятников Приморья III — I тысячелетий до н. э.)

Начиная с неолита в составе каменного инвентаря археологических памятников Приморья встречаются находки различных терочников, в том числе куранты и плиты. Большинство исследователей связывают функции этих орудий с обработкой продуктов собирательства и земледелия [1, с. 8, 9; 2, с. 174—207; 3, с. 201—245]. Некоторые авторы высказывают предположение об употреблении терок для растирания красок [4, с. 20]. Трасологическое изучение части терочников с поселения Валентин-перешеек позволило С. А. Семенову сделать вывод об использовании их при дроблении и растирании руды [5, с. 8, 9]. Нами было проведено трасологическое исследование более 400 курантов и терочных плит с поселений Валентин-перешеек, Мустанг, Чапаево, Малая Подушечка, датируемых периодом времени от неолита до раннего железного века. Это дало возможность на конкретном материале существенно дополнить вопрос о функциях терочников и связанных с ними отраслях хозяйства древних племен Приморья.

Для приморских памятников характерны два вида терочных плит — ступенчатые и «тарелкообразные». Куранты представлены архаичными трапециевидными, сегментовидными и ладьевидными [1, с. 8, 9]. На всех вышеназванных памятниках, кроме Валентин-перешейка, встречены те или иные типы курантов. На последнем же наблюдается большое разнообразие форм изделий, обусловленное характером сырья, используемого в качестве заготовок.

Основным сырьем для курантов и терочных плит поселения Валентин-перешеек служили гальки, окатанные обломки и галечные плитки разновидностей гранита и гранитоидных пород, в изобилии встречающихся в районе памятника [6]. Употребление галечника в качестве заготовок для терочников и отсутствие каких-либо признаков предварительной обработки поверхности явилось основной причиной отсутствия здесь четко выраженных типов курантов и плит. В плане гальки, используемые в качестве курантов, имеют трапециевидные, подпрямоугольные и яйцевидные очертания. Для плит подбирались односторонне выпуклые или плоские заготовки вытянутых подпрямоугольных и трапециевидных очертаний.

Во всей массе терочников Валентин-перешейка, насчитывающей к настоящему времени более 100 экз., не встречено ни одного куранта сегментовидной или ладьевидной формы, что указывает на ранний характер памятника. Это подтверждается и другими материалами поселения, прежде всего керамикой и датой по C^{14} — середина III тысячелетия до н. э.

Разнообразие форм и размеров терочников вызвало необходимость проведения классификации в функциональном аспекте, что не только способствовало выявлению более узких функций внутри той или иной категории орудий, но и указало на значимость таких признаков типологической классификации, как размеры и форма изделий.

В основу классификации положены следы изношенности: фактура линейных признаков, характер сработанной поверхности, выраженность рабочего участка и его площадь. Изучение поверхности курантов дало нам два вида изношенности: первый — ярко выраженные линейные следы в виде тонких глубоких рисок, перпендикулярных длинной оси орудия; шероховатая, слегка пришлифованная рабочая поверхность; четко локализованный рабочий участок, площадь которого варьирует в пределах 3—27 см^2. Фиксируется такой вид изношенности на курантах весом от 130 до 600 г и размерами от 9,5×5×2 см до 16×6, 2×2,5 см.

Второй вид изношенности характеризуется ярко выраженными линейными следами в виде грубых и глубоких бороздок и царапин, при-

Рис. 1

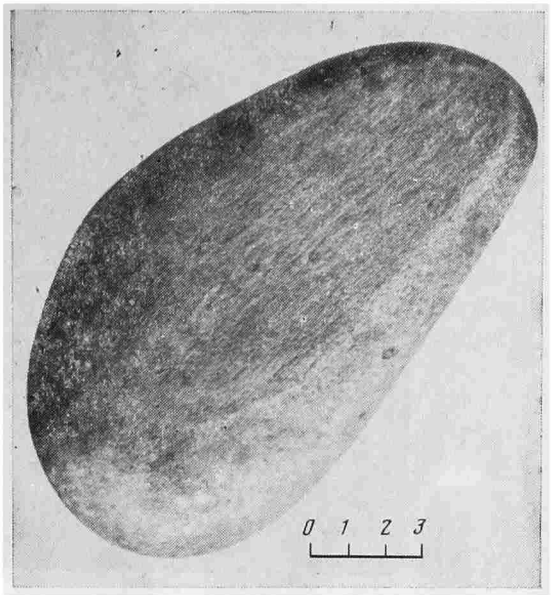


Рис. 3

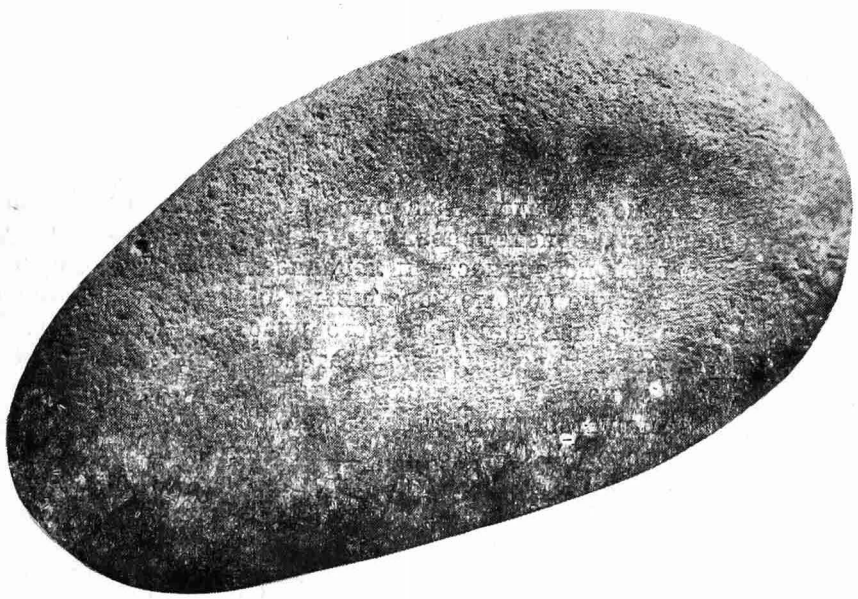


Рис. 2

Рис. 1. Износ рабочей поверхности терочной плиты с поселения Валентин-перешеек. Уменьшено в 1,5 раза

Рис. 2. Терочная плита с поселения Валентин-перешеек. Уменьшено в 1,5 раза

Рис. 3. Экспериментальная терочная плита, использованная для растирания руды

дающих сработанной поверхности некоторую гофрированность; площадь локализованного рабочего участка от 30 до 70 см². Такая изношенность наблюдается на больших по размерам курантах — от 15×7,5×4 до 25×5×5,6 см, весом 600—1300 г.

В целом изучение курантов позволяет сделать следующие выводы: 1) изношенность орудий характеризуется яркими линейными следами в виде рисок, царапин и бороздок, деформацией сработанного участка, легкой пришлифовкой или гофрированностью, локализацией изношенной

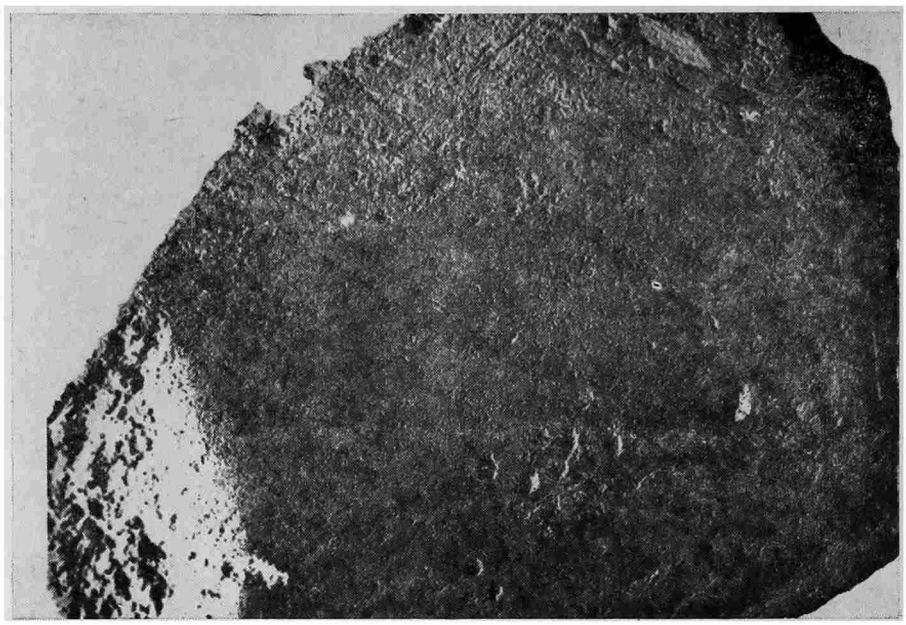


Рис. 4. Износ рабочей поверхности терочной плиты с поселения Мустанг. Уменьшено в 1,5 раза

части на фоне естественной поверхности орудия; 2) два вида изношенности свидетельствуют о том, что в пределах одной трудовой операции — растирания — употреблялись две группы курантов, различающиеся по размерам и весу. Форма изделий не играла существенной роли.

Общая картина износа на терочных плитах сходна с износом на курантах. Здесь также выявлено два вида изношенности: тонкие глубокие пунктирные риски, ориентированные вдоль оси плиты, легкая пришлифовка шероховатой поверхности и локализация сработанного участка в одних случаях; глубокие грубые царапины и бороздки, гофрированность поверхности износа, локализация рабочего участка — в других. При сопоставлении размерных и весовых показателей с выделенными типами изношенности также наблюдается их четкая корреляция: первый тип изношенности фиксируется на плитах размерами от 9×11×3,5 до 20×12,5×4,5 см и весом 440—2700 г., имеющих площадь сработанного участка от 30 до 120 см². Второй тип характерен для больших плит — от 18,2×12×3,6 до 33,5×16×5 см, весом 1900—5500 г, с рабочей площадью от 122 до 540 см².

Возникает вопрос: в результате растирания какого материала может образоваться описанная выше картина изношенности на курантах и плитах? Летом 1979 г. на поселении был поставлен ряд опытов по растиранию различных материалов. Изношенность, типичную для археологических терочников памятника, дали эксперименты по обработке сильно окисленной железной руды типа гематита и лимонита. Жильные выходы этой руды на дневную поверхность имеются в 200—300 м от поселения. Растиранию подвергалась предварительно раздробленная с помощью пестов рудная масса, имеющая зерна и угловатые обломки от 0,3 до 0,8 см в поперечнике. Твердые частицы массы с первых же минут работы вызывают деформацию галечной поверхности плиты и куранта, которая проявляется в стертости, перекрытой пунктирными параллельными царапинами и бороздками, указывающими на направление движений при работе. Неоднородность обрабатываемого материала оказывала двоякое действие на рабочую поверхность. С одной стороны, твердые угловатые частицы при соприкосновении с поверхностью орудий приводили к появлению глубоких и грубых бороздок, с другой — уже растертые до порошкообразного состояния частицы, оказывая абразивное действие, вызывали тем самым легкую пришлифовку рабочей поверхности.

Экспериментально также установлено, что для получения однородной порошкообразной массы материал необходимо подвергать растиранию дважды. Крупные зерна и угловатые обломки после дробления руды плохо поддавались растиранию на маленьких плитах с помощью небольших по размерам и весу курантов. Больший эффект получался при растирании на больших плитах курантами значительного веса и размеров. Однако масса, полученная после первичного растирания, оставалась достаточно неоднородной и требовала вторичного растирания. При этом было замечено, что изнашивание рабочих участков на курантах и плитах происходило быстрее. Причина этого заключалась в том, что сравнительно мелкозернистая структура материала при взаимодействии с поверхностями куранта и плиты вызывала появление царапин, а измельченная порошкообразная масса, оказывая абразивное действие, быстро пришлифовывала и несколько выравнивала рабочую плоскость.

При сопоставлении следов изношенности на археологических и экспериментальных терочниках выявилось их полное совпадение, что убедительно подтверждает выводы С. А. Семенова об использованных данных орудий при обработке руды. Причем, как показывают результаты трасологического анализа, подтвержденные экспериментами, руда подвергалась первичному и вторичному растиранию для получения мелкой порошкообразной массы (рис. 1—3).

В археологии известны факты использования подобных орудий для растирания минеральных красок — охры, гематита, железистых конкреций [7, с. 164—170]. Нередко на поверхностях таких орудий сохраняется краска, дополняя общую картину износа и подтверждая функциональную принадлежность. Следы краски сохранились и на некоторых терочниках Валентин-перешейка, что указывает на употребление данных предметов на поселении для растирания окисленной железной руды в целях получения минеральной краски.

Для выполнения иных функций предназначались сегментовидные куранты и терочные плиты на поселении Мустанг, датируемом II — рубежом II—I тысячелетий до н. э. [8, с. 72, 73], что четко отразилось в характере изношенности рабочих поверхностей. Терочные плиты памятника имеют гладкую рабочую поверхность с мягкой пришлифовкой, ослабевающей к периферии. Естественные неровности на сработанной плоскости в виде каверн и зерен материала стерты и сглажены. Линейные следы, представленные мелкими тонкими рисками, едва заметны и часто не имеют четкой ориентации. На некоторых плитах фиксируется искусственное насекание поверхности для придания ей шероховатости (рис. 4). Аналогичный износ наблюдается и на курантах. Динамика образования и характер подобных следов, как установлено экспериментально, связаны с растиранием мягкого материала — зерна, орехов, корений диких растений [9, с. 276—280].

В эпоху раннего железного века в Приморье земледелие получает свое дальнейшее развитие, о чем убедительно свидетельствуют находки зерен злаковых культур и комплекс земледельческих орудий из камня и железа [10, с. 236—242]. Основная масса терочников с поселений железного века Чапаево и Малая Подушечка имеет типичную картину износа от растирания мягкого материала (зерна). В то же время встречен ряд орудий, на рабочих плоскостях которых локализуется участок с относительно грубыми и четкими параллельными рисками и царапинами, перекрытыми сильной пришлифовкой. Внешне износ таких терочников имеет некоторое сходство с плитами и курантами Валентин-перешейка. Однако в отличие от последних кромки рисок и царапин сильно разношены, отчего сработанная плоскость у них приобретает вид сильно пришлифованной и гладкой поверхности.

Эксперименты показали, что подобный износ мог возникнуть при растирании гранита и других зернистых пород камня. В процессе работы твердые зерна типа кварца и др. вызывали появление царапин на плоскости орудий, а измельченная стекловатая масса, оказывая сильное абразивное действие, выравнивала и зашлифовывала рабочий участок.

Минералы руды даже в мелкой фракции не обладают столь сильной абразивностью, отчего износ терочников, употребляемых для обработки руды, существенно отличается от износа при растирании гранита степенью своей пришлифованности и выраженностью линейных следов.

Исходя из данных экспериментов, можно полагать, что часть терочников Чапаево и Малой Подушечки использовалась для растирания зернистых пород камня, употребляемых в качестве отощающей примеси при производстве глиняной посуды. Этому не противоречат данные петрографического анализа керамики раннего железного века, указывающих на присутствие в керамическом тесте измельченных частиц различных горных пород камня, причем преимущественно интрузивов ряда гранитоидов [11, с. 7—9].

Вполне возможно, что в памятниках III—II тысячелетий до н. э. Приморья также имеются терочники, не только использовавшиеся для переработки продуктов собирательства и земледелия, но и связанные с растиранием примесей для керамики. Однако для выявления подобных орудий необходим специальный анализ рабочих поверхностей.

Таким образом, исследование терочников с ряда памятников Приморья с помощью экспериментально-трасологического метода, разработанного С. А. Семеновым [7; 12, с. 55—60], позволяет сделать вывод о достаточно широком круге функций этих изделий, связанных с такими отраслями хозяйственно-производственной деятельности древних племен, как земледелие, собирательство, древнее горное дело и керамическое производство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия.— СЭ, 1969, № 2.
2. *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1973.
3. *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973.
4. *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч.— СА, 1958, № 4.
5. *Семенов С. А.* Каменные орудия эпохи ранних металлов.— СА, 1969, № 2.
6. *Белянский Г. С. и др.* Геологическое строение и полезные ископаемые бассейнов рек Имбиши, Корейской, Тяпигоу, Ты-Чингоуза, Се-Чингоуза и Валентиновки. Владивосток, 1970, т. 1, фонды Приморского территориального геологического управления.
7. *Семенов С. А.* Первобытная техника.— МИА, 1957, № 54.
8. *Гарковик А. В.* Поселение на сопке «Мустанг».— В кн.: История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1971.
9. *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л.: Наука, 1974.
10. *Андреева Ж. В.* Земледелие и скотоводство в эпоху железного века в Приморье.— В кн.: История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск: Дальневосточное кн. изд-во, Сахалинское отделение, 1973.
11. *Жущиховская И. С.* Керамика раннего железного века Приморья (I тыс. до н. э.). Автореф. канд. дис. Новосибирск: Ин-т истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, 1980.
12. *Коробкова Г. Ф.* Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии.— КСИА АН СССР, 1978, № 152.

ТЕРЕНОЖКИН А. И.

ЯГОРЛЫЦКИЙ КОТЕЛ

В ходе работ Каховской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1973 г. Н. Н. Чередниченко обнаружил на берегу Ягорлыцкого залива Черного моря остатки поселения греческих ремесленников VI в. до н. э. Внимание на этот выдающийся по своему историческому значению памятник обратил местный лесник Г. Н. Щербина, производивший на нем в течение ряда лет сборы находок, встречавшихся в большом количестве на развеянных дюнных всхолмлениях [1, с. 323; 2, с. 304; 3].

Приблизительно в 1 км на северо-восток от названного поселения при выравнивании песчаных бугров для загона скота на небольшой глубине

был найден бронзовый котел так называемого киммерийского типа [1].

Котел интересен во многих отношениях. Он составлен в отличие от других подобных сосудов не из клепаных, а отлитых в формах трех частей. Его корпус образован соединением двух ярусов — верхнего и нижнего, сращенных между собой на середине высоты частым рядом заклепок. Третьей частью служит поддон, прикрепленный снизу пятью заклепками. Качество литья высокое, тщательно выполнена и клепка (рис. 1—3).

Сосуд имеет вид глубокой чаши со слегка отогнутым наружу краем, подчеркнутым широким желобком, пропорционально выпуклым корпусом и небольшим уплощенным дном. На краях поднимаются две кольцевидные ручки. Поддон конический, низкий, широкий, несколько попорченный в настоящее время. По нему сверху проходят четыре ребра жесткости, такое же ребро проходит по нижнему краю поддона. Высота чаши котла 39,5 см, диаметр его венчика 50,8 см, диаметр корпуса 51, 6 см, диаметр поддона вверху 12,6 см, внизу 27 см, высота 6 см.

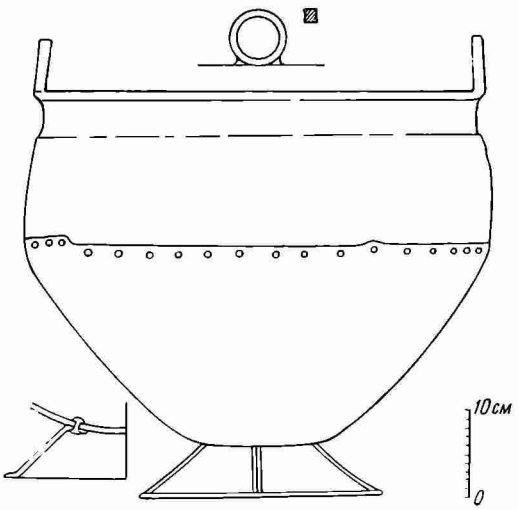


Рис. 1. Ягорлыцкий котел. Схематическое изображение

Рис. 2. Общий вид ягорлыцкого котла

Впервые клепаные котлы были названы «киммерийскими» В. А. Городцовым в 1928 г. [4, с. 56], так они и стали называться в литературе в последующее время. В его пору находки таких ценных изделий бронзового века насчитывались единицами. О. А. Кривцова-Гракова оперировала в 1955 г. в своем известном труде о позднем бронзовом веке на юге европейской части СССР пятью находками клепаных котлов [5, с. 133—135]. В 1962 г. мне удалось насчитать 12 таких котлов [6, с. 272—277], а В. С. Бочкареву в 1975 г. уже 17 экз. [7 с. 63—65]. По В. С. Бочкареву, они происходят из следующих мест: с. Антонины Заславского уезда Волынской губ., Подолия, Таращанский уезд Киевской губ., с. Молешты в Молдавии (два котла), с. Новопавловка Кировоградской обл., Дикий сад у Николаева, с. Михайловка Скадовского р-на Херсонской обл., Асканья-Нова в Херсонской обл., с. Ивановское близ Ростова-на-Дону, с. Старомихайловка около Ставрополя, р. Эшкакон в районе Пятигорска, станица Суворовская Ставропольского края, с. Лопас Красноярского р-на Астраханской обл., с. Домашки Утевского р-на в Самарской луке Куйбышевской обл., два котла с границы между Херсонской и Таврической губерниями. А. Л. Нечитайло сообщает о находке в 1963 г. клепаного котла близ станицы Сторожевой Карачаево-Черкесской обл., не получившего научного описания и утраченного в на-

[1] Сохранив эту ценную вещь, Г. Н. Щербина передал ее экспедиции, как и многие другие вещи из своих сборов на Ягорлыцком поселении, за что автор приносит ему большую благодарность. На месте находки котла нам встретились лишь нетипичные обломки керамики срубной культуры.

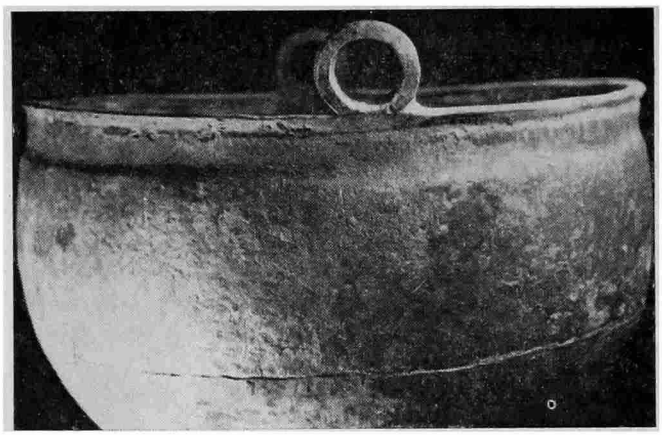


Рис. 3. Верхняя часть ягорлыцкого котла

стоящее время [8, с. 55]. Приведенный перечень дополняют наш ягорлыцкий котел и котел из дер. Булгар Чекмагушевского р-на Башкирской АССР, найденный в 1946 г. и опубликованный в недавнее время Н. Л. Членовой [9, с. 133—136]. Всего, таким образом, в нашем распоряжении имеются сведения о 20—21 бронзовом клепаном котле.

Вопрос о культурной принадлежности клепаных котлов был решен легко. Первые же сведения об их находках в Степном Поволжье и в Северном Причерноморье позволили прочно установить, что они принадлежат к срубной культуре. Все новые данные об ареале их местонахождения лишь подтвердили правильность такого заключения.

Исследователи разошлись между собой в другом — в установлении абсолютного возраста клепаных котлов и отчасти их происхождения. Так определились две тенденции: если одни археологи относили их в общем к поре срубной культуры, то другие — к самому ее концу, вплоть до VIII и VII вв. до н. э. Последнее мнение высказывалось преимущественно в связи со стремлением доказать, что скифские котлы ведут свое происхождение от клепаных котлов в степях Причерноморья. Названные расхождения были обусловлены в течение долгого времени главным образом отсутствием клепаных котлов в комплексных находках.

О. А. Кривцова-Гракова писала в 1955 г.: «Форма этих котлов позволяет с уверенностью предположить происхождение от нее скифских литых котлов, появившихся в VII—VI вв до н. э. Из находок клепаных котлов от Поволжья до низовий Днестра можно сделать вывод, что этот процесс одновременно происходил на всем пространстве европейских степей СССР» [5, с. 133—135]. Местное, срубное происхождение клепаных котлов никогда не вызывало сомнения у О. А. Кривцовой-Граковой — для нее это было совершенно очевидным.

Польский археолог В. Антонович в статье, опубликованной в 1958 г., попытался доказать, что киммерийские котлы ведут свое происхождение от италийских и гальштатских, тоже клепаных бронзовых сосудов Подунавья, в связи с чем датировал их периодами гальштата B—C по П. Рейнеке, в общем не ранее IX—VIII вв. до н. э. [10].

Такая концепция была оценена как несостоятельная, противоречащая более реальным данным в пользу срубной принадлежности и происхождения клепаных котлов и значительно более раннему их возрасту, чем это представлялось ее автору. Из-за острого недостатка соответствующих полноценных комплексных находок наша критическая аргументация в то время (1962 г.) носила еще предварительный характер. Я устанавливал, что клепаные котлы не могут быть моложе белозерской ступени, приблизительно XII—IX вв. до н. э. Свое мнение я обосновывал тем, что, по сведениям В. А. Городцова, в одном из котлов, найденном на границе Херсонской и Таврической губерний, кроме слитков бронзы были кельты, исчезающие из обихода в Северном Причерноморье в IX столе-

тии. В качестве старейшего среди клепаных котлов мы назвали сосуд из Михайловки Скадовского района, имеющий архаическую для срубной культуры баночную форму [6, с. 276].

Б. А. Шрамко, много потрудившийся над изучением технологии изготовления металлических изделий раннего железного века Восточной Европы, считает, что киммерийские клепаные котлы не могли появиться раньше кобанских клепаных сосудов, а следовательно, раньше начала VIII в. до н. э. [11, с. 67].

В. С. Бочкарев, сопоставляя ареал мест находок клепаных котлов с главными центрами металлообработки позднего бронзового века на юге Европейской части СССР (нижнеднепровский, прикубанский, кобанский и приуральский), заключил, что они не могут быть связаны ни с одним из них, а следовательно, клепаные котлы следует относить к последующему периоду — к VIII—VII вв. до н. э. Такую позднюю дату клепаных котлов он пытается подтвердить как формами и орнаментацией, так и технологией изготовления некоторых котлов. В последнем случае имеется в виду то обстоятельство, что на их выработке сказалось уже влияние приготовления литых котлов позднейшего предскифского (новочеркасского) периода [7, с. 68].

Решающее значение в освещении вопроса о клепаных котлах имело открытие А. Л. Нечитайло при раскопках курганов у станицы Суворовской в Ставропольском крае замечательного комплекса вещей. Напомним об этой выдающейся находке, которая до сих пор не привлекла к себе должного внимания. В погр. 2 кург. 4 встретилась неглубокая прямоугольная могила с захоронением человека, лежавшего в скорченном положении на боку. При нем были: клепаный котел, бронзовая мисочка, черешковый листовидный нож, тесло с широким лезвием, узкая длинная стамеска с костяной ручкой, шилья, иглы, пряслицевидная костяная поделка и другие менее характерные вещи (рис. 4, *1—8*).

Котел склепан из горизонтальных и вертикальных полос бронзы. Он имеет вид банки с высоко поставленными боками, плоским дном и вертикальными ручками, склепанными из листовой бронзы. Высота сосуда 31 см, диаметр 25 см.

Основные аналогии вещам из кургана приведены А. Л. Нечитайло совершенно правильно: мисочка с выступом у края сопоставлена с мисочкой из Усть-Гайвинского могильника сейменско-турбинского круга древностей; тесло оказалось ближе всего к теслу из Костромского клада бронз. Типичен и нож, свойственный по форме ножам катакомбной культуры. А. Л. Нечитайло отнесла суворовский комплекс к XIV—XIII вв. до н. э. [12, с. 71: 13, с. 50—58; 14 с. 26—28]. Эту же дату для находки из Суворово признал и А. М. Лесков [15, с. 39].

Такая датировка нуждается в некотором исправлении, она несколько омоложена. XIII век здесь явно ни при чем: ему в Северном Причерноморье соответствует сабатиновская ступень, а в Поволжье — срубно-хвалынская, тогда как в суворовской находке нет ни одного предмета, который соответствовал бы им, следовательно, она старше. Более правильно будет относить ее к XV—XIV вв. до н. э., в общем к середине II тысячелетия до н. э.

Во всем подобный котел, но лучшей сохранности, происходит из кургана у с. Старомихайловка близ Ставрополя, который был доследован Т. М. Минаевой в 1953 г. (рис. 4, *9*). Так как находка оказалась вне погребального комплекса, разрушенного при земляных работах, то она в свое время ничего нового не дала для выяснения вопроса о возрасте киммерийских котлов. Суворовская и старомихайловская находки одинаковы между собой и, очевидно, являются старейшими для срубной культуры. Они подтвердили наше предположение, высказанное в связи с описанием котла из Одесского археологического музея, что наиболее ранними среди клепаных сосудов являются те, которые имеют банковидную форму и плоское дно. Ныне это установлено точно. Никакими данными не подтверждена вероятность бытования клепаных котлов в позднейшее предскифское время, на черногоровской и новочеркасской ступе-

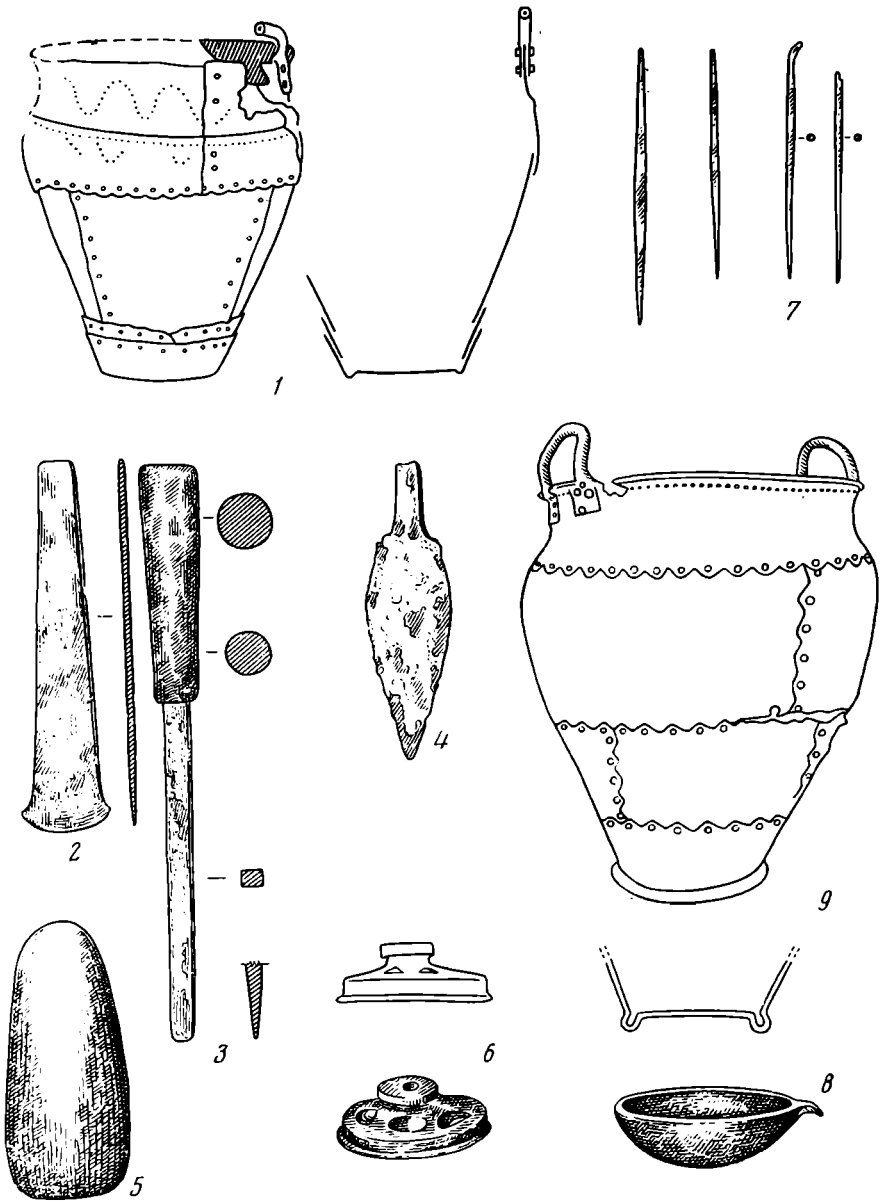


Рис. 4. Вещи из курганов бронзового века в Ставропольском крае: *1—8* — основные предметы из погр. 2 кург. № 4 у станицы Суворовской (по А. Л. Нечитайло); *9* — котел из кургана у с. Старомихайловка (по Т. М. Минаевой)

нях (IX—VIII вв. до н. э.), так что мысль некоторых исследователей (А. М. Лескова, В. С. Бочкарева), что скифские литые котлы связаны своим происхождением с клепаными киммерийскими котлами, оказалась несостоятельной [16, с. 163, 164].

А. М. Лесков считает позднейшими из киммерийских котлов те, в изготовлении которых применена не только клепка, но и литье. В этом его мнение совпадает со взглядами В. С. Бочкарева (о которых мы уже упоминали выше), что литье появляется в степи в связи с распространением литых котлов минусинского типа, в кладах новочеркасского времени на горе Бештау у Пятигорска [15, с. 39, 40]. К числу поздних он отнес котел из с. Лопас в Астраханской обл., верхняя полоса которого отлита вместе с ручками, котел из Дикого сада в Николаеве с нижней полосой, отлитой вместе с поддоном, и наш котел из района Ягорлыка.

Теоретически возможность такой эволюции котлов исключить нельзя. Однако при подходе к датировке клепаных котлов с применением литья может быть намечен и иной путь. Возможность применения при их из-

готовлении литья мне представляется в белозерское время маловероятной, так как все племена, обитавшие на юге Европейской части СССР в ту историческую пору, испытывали весьма острую нужду в бронзе (которой не хватало даже для изготовления главнейших видов вооружения, таких, как мечи, большие кинжалы и пр.), заменяя их в погребениях «миниатюрами». Тяжелый, отлитый из трех частей ягорлыцкий котел, если учесть это важное обстоятельство, вернее всего был изготовлен в сабатиновское время. Кстати, с нашим предположением согласуется и сообщение, что николаевский котел был найден на поселении сабатиновской ступени в Диком саду.

Бронзовые клепаные котлы всегда расценивались в качестве высших образцов мастерства, какое было достигнуто в срубной культурной среде, многие из них удивляли изящностью форм, а иногда и декором, который зачастую ошибочно считался заимствованным извне. Самым выдающимся по уровню технологии производства является ягорлыцкий котел, составленный клепальщиком из трех отдельно отлитых частей: очевидно, что мастера уже могли изготовлять цельнолитые котлы, но не делали их исключительно из-за недостатка металла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Островерхов А. С.* Ягорлыцкое поселение.— АО — 1973. М., 1974.
2. *Буйских С. Б., Островерхов А. С.* Работы на Ягорлыцком поселении.— АО — 1977. М., 1978.
3. *Островерхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V в. до н. э.): Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1978.
4. *Городцов В. А.* К вопросу о киммерийской культуре.— ТСА РАНИОН, 1928, т. II.
5. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
6. *Terenozkin A. I.* Der Bronzekessel des Odessaer Museums.— In: Mitteilungen der antropologischen Gesellschaft. Wien, 1962, B. XCII.
7. *Бочкарьов В. С.* Кіммерійські казани.— Археологія, 1979, № 5.
8. *Нечитайло А. Л.* Про одне з найдавніших кіммерійських поховань.— Археологія, 1975, № 15.
9. *Членова Н. Л.* Киммерийский котел из Башкирии.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
10. *Antoniewicz W.* Les chandieres préscythiques en bronze.— Archaeologia Polonia. Warszawa, 1958, t. I.
11. *Петриченко О. М., Шрамко Б. А., Солнцев Л. О., Фомін Л. Д.* Похожження і техніка лиття бронзових казанів раннього залізного віку.— В кн.: Нариси з історії природознавства і техніки. Вып. XII. Київ: Наукова думка, 1970.
12. *Нечитайло А. Л.* Раскопки курганов у станицы Суворвская.— АО-1966. М., 1967.
13. *Нечитайло А. Л.* Про одне з найдавніших кіммерійських поховань.— Археологія, 1975, № 15.
14. *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка, 1979.
15. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
16. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.

КОРЕНЯКО В. А.

ПОГРЕБЕНИЕ САВРОМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВОСТОЧНОМ МАНЫЧЕ

В предлагаемой работе публикуется погребение, которое стоит в определенном смысле особняком среди имеющихся сейчас материалов савроматской эпохи в каспийско-черноморских степях и представляет интерес для изучения древней этнической истории Северного Кавказа.

В 1976 г. Туркменский отряд Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР исследовал два кургана на территории совхоза «Красноманычский» в Туркменском р-не Ставропольского края [1, с. 104]. Насыпи располагались на орошаемом участке 3-го отделения сов-

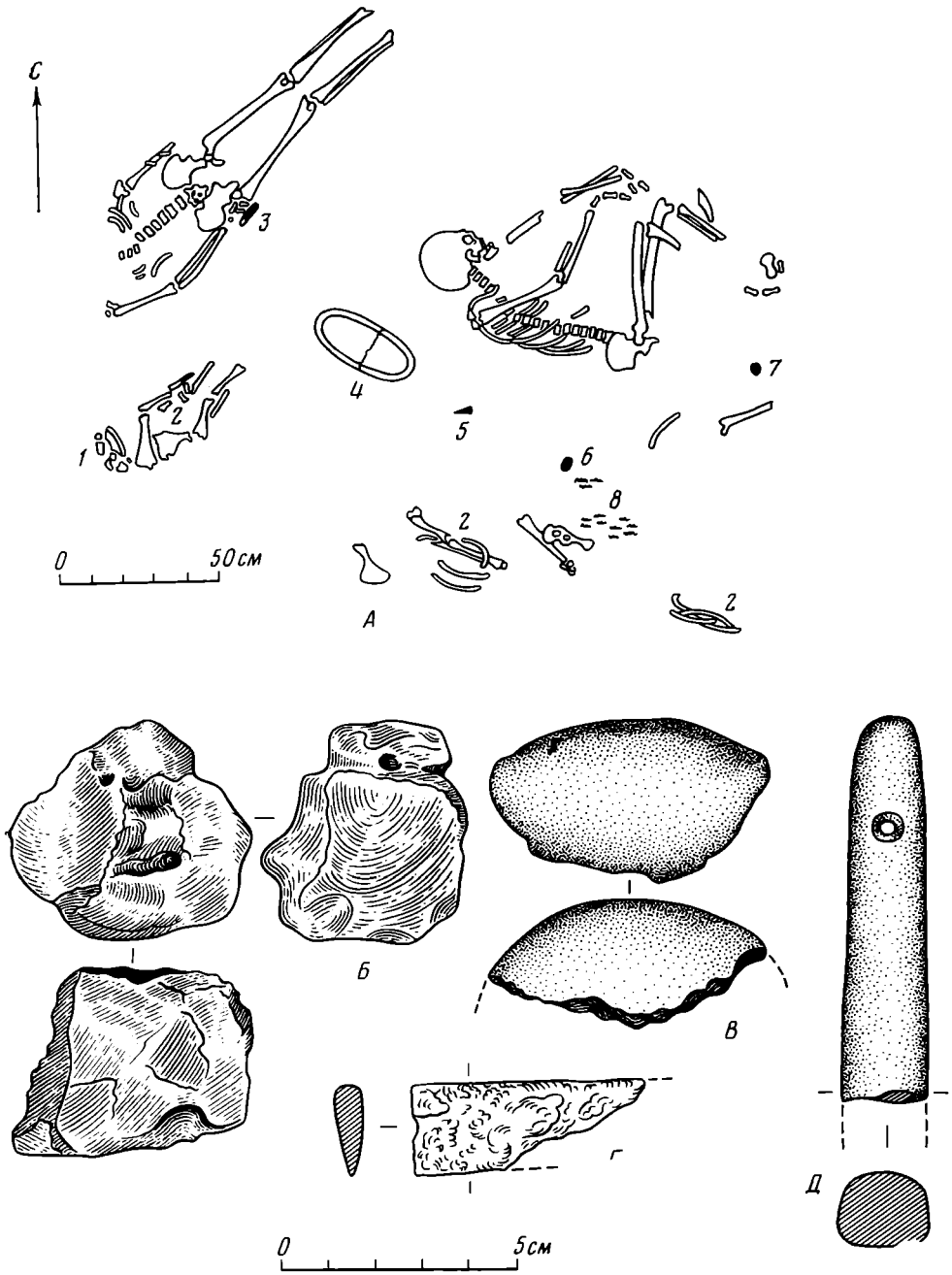


Рис. 1. План погребения и находки из него. А — план: *1* — обломки глиняного сосуда, *2* — кости животного, *3* — оселок, *4* — каменное блюдо, *5* — фрагмент ножа, *6* — обломок гальки, *7* — камешек, *8* — угольки; *Б* — камешек; *В* — обломок гальки; *Г* — фрагмент ножа; *Д* — оселок

хоза «Красноманычский» между речками Голубь и Рагули — притоками Восточного Маныча, впадающими ныне в Чограйское водохранилище. Курганы содержали захоронения эпохи средней бронзы, позднекочевнические могилы, одно погребение, хронологически неопределимое, и одно захоронение савроматского времени (погр. 3 в кург. 1).

Курган 1 представлял собой сильно расползшуюся земляную насыпь правильной формы, сооруженную в один прием без последующих досыпок. Диаметр кургана 49 м, высота 2,73 м. Погребение 3 (рис. 1) впущено в курганную насыпь в 2 м севернее условного центра на глубину 1,65 м от поверхности. Западная часть погребения потревожена бульдозером при снятии насыпи. Конструкция погребения не прослежена

в деталях. В западном фасе бровки фиксировались очертания могильной ямы, впущенной с поверхности курганной насыпи и имеющей почти отвесные, несколько сужающиеся книзу стенки. По фасу бровки ширина могильной ямы около 2,20 м. При разборке бровки над погребением установить очертания могильной конструкции в плане не удалось. Дно могилы покрыто черным тленом от подстилки, поверх которого наблюдались пятна посыпки белого вещества. В пределах пятна тлена встречались древесные угольки от тонких веточек. Тлен от подстилки, пятна белого вещества и угольки различались хорошо, но достаточно отчетливые границы могилы в плане по ним не прослеживались. Тем не менее установлено, что оба обнаруженных здесь скелета располагались в пределах описанного пятна и в пределах прослеженного в фасе бровки разреза.

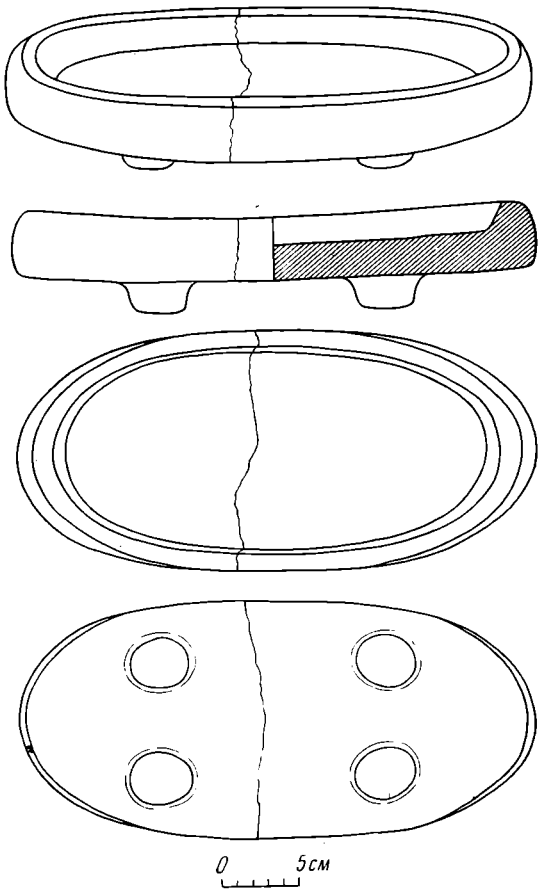


Рис. 2. Каменное блюдо. Рисунок

Западный скелет принадлежал молодому (эпифизы длинных костей не срослись) мужчине[1]. Костяк был сильно потревожен грызунами: мелкие фрагменты человеческих костей встречались в заполнении могилы, фрагменты черепной коробки — возле центрального репера кургана на глубине 0,30 м от поверхности. Судя по костям, сохранившим первоначальное положение, погребенный лежал на спине вытянуто, головой на юго-запад. Левая рука, видимо, была вытянута вдоль туловища. Правая рука была слегка согнута в локте, кисть ее лежала вплотную к тазу и бедру, может быть, частично перекрывала верхнюю часть правого бедра.

Южнее скелета были обнаружены остатки плохо сохранившегося глиняного сосуда, восстановить форму и размеры которого не представляется возможным (рис. 1, *А1*). Рядом, восточнее сосуда, лежали кости мелкого рогатого скота: кости двух ног с лопатками в слегка нарушенном анатомическом порядке (рис. 1, *А2*). У правой кисти находился обломок небольшого оселка из твердого темного камня, с двусторонним просверленным отверстием; длина его 8,0 см, сечение 1,9×1,4 см, диаметр отверстия до 0,7 см (рис. 1, *А5*; *Д*).

В 0,55 м восточнее первого скелета располагались остатки второго погребенного, также сильно разрушенные норами грызунов[2]. Погребенный лежал на левом боку скорченно, головой на ЗСЗ, лицом на север. Кости ног в тазобедренном суставе согнуты под углом 86°, в коленях — около 60°, т. е. скорченность была значительной. Правая рука слегка согнута в локте, левая вытянута, кисти обеих рук находились у коленей погребенного.

---

[1] Определение пола и возраста западного погребенного было сделано в поле автором, поэтому является условным (ср. следующую сноску).

[2] Автор определил в поле кости восточного скелета как принадлежавшие молодому мужчине (не вполне срослись эпифизы длинных костей, не полностью заросли швы на черепе). Антрополог Г. П. Романова (ИА АН СССР), осмотревшая позже остатки черепа, также определила пол индивида как мужской, а возраст — 30—40 лет.

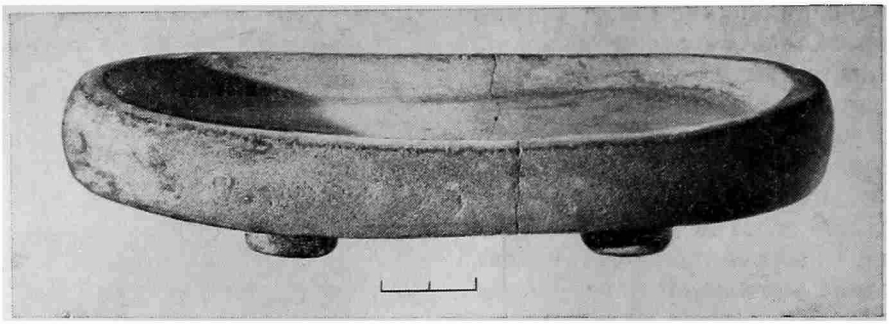


Рис. 3. Каменное блюдо. Фотография

Между человеческими скелетами и описанными выше костями мелкого рогатого скота стояло каменное блюдо, треснувшее под тяжестью земли (рис. 1, *А4*). Оно изготовлено из твердого плотного серого песчаника, имеет овальную форму, бортик, а на дне четыре небольшие округлые ножки. В дне блюда небольшое углубление и отчетливое красноватое пятно — след от растирания красной краски. Размеры блюда 34,0× ×15,9 см, высота 6,8, высота бортика 1,8, высота ножек 2,0 см. По своим пропорциям, совершенным очертаниям и тщательности обработки поверхности блюдо производит впечатление изделия, вышедшего из рук опытного мастера-камнереза (рис. 2, 3).

Юго-восточнее каменного блюда лежал небольшой (длина 5 см) обломок железного ножа (рис. 1, *А5*; *Г*). В 0,35 м южнее второго скелета обнаружен обломок гальки, а юго-восточнее — небольшой серый пористый камешек (рис. 1, *А6*, *7*; *Б*, *В*).

Южнее и юго-восточнее второго скелета лежали в беспорядке кости мелкого рогатого скота: ребра, лопатка, кости ноги, половина таза (рис. 1, *А2*). Здесь же фиксировались особенно значительные скопления древесных угольков (рис. 1, *А8*). Вероятно, к погребению 3 относились и два ребра мелкого рогатого скота, обнаруженные при расчистке расположенного вблизи и примерно на том же уровне позднекочевнического погребения 2.

Обряд погребения в целом невыразителен. Такие черты его, как ориентировка погребенных, вытянутое на спине положение одного из скелетов, наличие меловой посыпки и древесных угольков, типичны для степных культур скифского времени, в том числе для савроматов, населявших в VI—IV вв. до н. э. степи северо-западного Прикаспия. Вызывает интерес скорченное на левом боку положение восточного скелета. Этот ритуал в погребальной обрядности савроматов является наследием предшествующих культур степной бронзы. По подсчетам К. Ф. Смирнова, относительно небольшое количество погребений со скорченными скелетами фиксируется на протяжении всего савроматского периода [2, с. 92]. Хорошо известны и нередко анализировались исследователями скорченные захоронения в северопричерноморских могильниках раннего железного века [3, с. 112—127].

Безусловно, заслуживает особого анализа каменное блюдо, являющееся переносным алтарем-жертвенником, специфическим для самаро-уральской группы савроматских памятников. На Северном Кавказе это пока единственная в таком роде находка.

Как известно, в Юго-Восточной Европе в скифское время имелись две основные территории бытования каменных переносных алтарей-жертвенников — Среднее Приднепровье и Южное Приуралье. В Среднем Приднепровье встречены исключительно изделия без ножек [2, с. 166; 4, с. 36; 5, с. 93, 95—97, 99]. В савроматских памятниках самаро-уральской группы каменные алтари-жертвенники на ножках хорошо известны [2, с. 162—170]. По классификации К. Ф. Смирнова, красноманычская находка относится к типу III отдела А группы I: «овальные каменные блюда с невысоким бортиком на четырех коротких, круглых в сечении

ножках» [2, с. 163]. Дата изделий этого типа — V в. до н. э. [2, с. 163].

Каменные жертвенники на ножках в большинстве своем найдены в восточной части древнего скифо-сакского ареала. По данным, опубликованным в 1964 г. К. Ф. Смирновым, только в самаро-уральских памятниках VI—IV вв. до н. э. найдено 31 изделие этого облика, в том числе типа III — 2 экз. [2, с. 162, 163]. Основное количество аналогий I группе приуральских жертвенников (на ножках) рассеяно на пространствах к югу и юго-востоку от Приуралья: могильник Уйгарак [6, с. 39, 40, 86, 147, 156, табл. XV, *15*; XXIV, *1*], памятники тасмолинской культуры в Центральном Казахстане [7, с. 322, 391, 392, рис. 14, *2*], Семиречье [8, с. 106, 107, 156, табл. XL, *6*], Алтай [2, с. 163—166]. В последние годы эти аналогии пополнились находкой в кургане у с. Кенес (северо-восточный Казахстан) [9, с. 197, 199] и великолепной коллекцией из Актюбинской обл., опубликованной М. К. Кадырбаевым [10, с. 204—212].

Основываясь на таком распространении каменных переносных алтарей-жертвенников I группы, К. Ф. Смирнов предложил гипотезу, объясняющую их происхождение. Вся совокупность имеющихся материалов подкрепляет его мысль о том, что «политическая и экономическая ориентация одноязычных ранних кочевников самаро-уральской (дахи, исседоны?) и ... поволжской (савроматы) групп в савроматское и раннесарматское (прохоровская культура) время были несколько различными. Если первая была более тесно связана со Средней Азией и Передним Востоком, особенно ахеменидским Ираном, то вторая — со Скифией, городами Северного Причерноморья и меотами Прикубанья...» [11, с. 137].

До начала 1970-х годов к западу от самаро-уральских степей были известны лишь две находки изделий I группы, т. е. безусловно связанных с восточными соседями савроматов Геродота: обломок, найденный близ кургана Белый Мар у слободы Даниловка под Камышином [2, с. 366, рис. 74, *6*], и жертвенник на трех ножках из кургана у хут. Краснодворского под Новочеркасском (Донское Правобережье) [12, с. 207, рис. 1]. К. Ф. Смирнов считал, что «эти алтари, вероятно, попали сюда вместе с переселившимися на запад из Самаро-Уральской области отдельными представителями кочевого населения» [2, с. 170]. Позже были опубликованы два каменных блюда без ножек из нижнедонских погребений VI в. до н. э. При этом погребение из кургана на окраине Ростова-на-Дону [13, с. 54—57, рис. 20] связывается И. Б. Брашинским со степными скифами, а этническая интерпретация константиновского погребения пока затруднительна [14, с. 170—176, рис. 2, *4*]. Раскопки 1970-х годов открыли несколько каменных алтарей-жертвенников на ножках в Нижнем Поволжье. В 1972 г. был найден обломок такого предмета в ограбленном погребении под курганом 24 у с. Барановка [15, с. 26, рис. 66, 67]. В 1976 г. в курганах Кривой Луки было обнаружено несколько каменных жертвенников, в том числе на ножках [16, с. 299, 301, 312—314; 17, с. 143]. Оба пункта находятся в Астраханской обл., на правом берегу Волги. Эти находки до некоторой степени заполняют разрыв между Приуральем и юго-западным районом находок жертвенников на ножках (хут. Краснодворский, совхоз «Красноманычский»).

Трудно сказать, имеем ли мы дело с предметами торговли и обмена или за этими находками стоит проникновение далеко на юго-запад носителей восточного варианта савроматской культуры (исседонов? протоаорсов?). В пользу второго предположения может говорить наличие на красноманычском алтаре пятна красной краски — следа именно тех ритуальных действий, которые реконструированы К. Ф. Смирновым [2, с. 166, 167]. Но кем совершались эти действия: кочевниками Прикаспия или их восточными современниками? Отметим в этой связи отсутствие на публикуемом предмете следов длительного использования, на которые обращал внимание К. Ф. Смирнов [2, с. 166, 167]. И он, и другие авторы пишут о находках каменных алтарей-жертвенников исключитель-

но в женских погребениях [2, с. 166, 167; 6, с. 86, 87; 7, с. 391, 392], чего нельзя сказать определенно о красноманычском комплексе. Скорее всего вопрос о пути проникновения на Восточный Маныч каменного переносного алтаря-жертвенника может быть решен только после получения дополнительных аналогичных фактов.

Каменные алтари-жертвенники относятся к тем археологическим находкам, которые могут успешно использоваться как свидетельства культурных и этнических воздействий. Закономерен поэтому интерес к похожим изделиям, обнаруженным на Северном Кавказе [18, с. 50, 51; 19, с. 29—31, 35; 20, с. 48, 49, 52; 21, с. 13—16]. Находки эти пока немногочисленны, поэтому авторы, привлекающие их для обоснования «просавроматских дефиниций» [18, с. 51] северокавказских памятников, указывают одновременно на возможность заимствования их из культурных комплексов северокавказских аборигенов и Закавказья [18, с. 51; 21, с. 14]. Если говорить о северном источнике обряда помещать в могилы каменные плиты (жертвенники, алтари), то, кроме приуральского и приднепровского ареалов, подобных вещей в VI—V вв. до н. э. очень мало. На Северном Кавказе наибольший интерес представляет находка обломка каменного блюда с бортиком без ножек в кургане 3 у хутора «Красное знамя» [22, с. 13, рис. 29, 68; 23, с. 143, 144]. Близко ему по форме каменное блюдо из константиновского погребения, которое расположено вне Северного Кавказа (правый берег Дона), но имеет ряд «кавказских» черт [14, с. 171—176].

Красноманычская находка представляет интерес главным образом для решения проблемы взаимодействия поволжского и самаро-уральского вариантов савроматской общности. Накопление подобных материалов позволяет полнее изучить и древнюю этническую историю Северного Кавказа, поскольку в этом случае степной мир, взаимодействовавший с северокавказскими аборигенами, предстает перед нами в более сложном облике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кореняко В. А.* Раскопки курганов на Восточном Маныче.— АО — 1976, М., 1977.
2. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
3. *Масленников А. А.* Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов.— СА, 1976, № 3.
4. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. М.: Наука, 1967.
5. *Рабинович Б. З.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья.— СА, 1936, т. I.
6. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973.
7. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1966.
8. *Бернштам А. Н.* Опыт классификации археологических находок.— МИА, 1950, № 14.
9. *Хабдулина М. К.* Курган раннего железного века у села Кенес.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1976.
10. *Кадырбаев М. К.* Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана.— СА, 1977, № 3.
11. *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
12. ESA, XI, Helsinki, 1937.
13. *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону.— КСИА АН СССР, 1973, вып. 133.
14. *Княшко В. Я., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону.— СА, 1976, № 1.
15. *Федоров-Давыдов Г. А., Бусятская Н. Н., Шнайдштейн Е. В.* Отчет о раскопках Барановского могильника в Черноярском районе Астраханской области в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4709.
16. *Дворниченко В. В., Смирнов А. С., Федоров-Давыдов Г. А.* Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6719.
17. *Дворниченко В. В., Паромов Я. М., Смирнов А. С., Федоров-Давыдов Г. А., Чернов Ю. В.* Раскопки курганов на Нижней Волге.— АО — 1976, М., 1977.
18. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972.
19. *Виноградов В. Б.* Новогрозненский кобанский могильник VI—V вв. до н. э.— В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушский ин-т истории, социологии и филологии, 1979.

20. *Виноградов В. Б., Петренко В. А., Мялковский В. А.* К этнической истории северо-западного Прикаспия в I тысячелетии до н. э.— XVIII в. н. э. (предварительное обобщение).— В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1979.
21. *Дударев С. Л.* Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии.— В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1977.
22. *Петренко В. Г.* Отчет о работах Ставропольской экспедиции летом 1975 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6585.
23. *Петренко В. Г., Кореневский С. Н., Кореняко В. А., Михальченко С. Е.* Работы Ставропольской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976.

САГДУЛЛАЕВ А. С.

ЗАМЕТКИ О РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В Средней Азии железо как материал для ремесленной продукции распространяется позже, чем в Малой и Передней Азии, где уже в конце II — начале I тысячелетия до н. э. железные предметы получают широкое применение в хозяйстве [1, с. 17, 19]. Это документируется не только археологическими, но и письменными источниками [2, с. 366, 367].

Древняя история Средней Азии, крайне скудно освещенная памятниками письменности, не имеет аналогичных данных, и поэтому археологический материал является первостепенным для характеристики вопроса. Впервые в среднеазиатском регионе железные орудия были найдены при раскопках слоев Анау, датированных в пределах 1000—500 гг. до н. э. [3, с. 157, рис. 289, 290, 291]. Однако стратиграфия самих находок остается не совсем ясной. По В. М. Массону, серп из нижнего горизонта Анау IV датируется первой третью I тысячелетия до н. э., так как он происходит из слоев с керамикой типа Яз I [4, с. 106]. По предположению М. Г. Воробьевой, данный серп следует относить к более позднему, чем Яз I, времени — началу Яз II, т. е. к середине VII в. до н. э. [5, с. 155]. Фрагменты других железных изделий — ножи, серп из верхнего горизонта Анау IV — были отнесены В. М. Массоном к V—IV вв. до н. э. [4, с. 106].

Со времени начала раскопок Анау в 1904 г. список ранних железных изделий Средней Азии дополнен незначительно. К первой трети I тысячелетия до н. э., очевидно, относятся фрагмент ножа и шлаки железной руды из Дальверзина в Фергане, а также железные крицы и шлаки памятников архаического Дахистана [6, с. 180, 199, 200]. Эти факты исчерпывают список древнейших находок, причем предметы из Дахистана происходят не из стратифицированных слоев поселений, поэтому хронология дахистанских находок весьма условна. Названные выше предметы, видимо, свидетельствуют о первом знакомстве населения Средней Азии с железом, но не об интенсивном применении изделий из нового металла. Основная масса орудий — шилья, ножи, серпы, наконечники стрел, кинжалы и др.— изготовлена из бронзы.

Вопрос о начале в Средней Азии железного века более 20 лет назад специально рассматривался В. М. Массоном [4, с. 106, 108]. Находки железных предметов были известны тогда на 10 памятниках. В. М. Массон высказал предположение о том, что железные изделия проникли в Среднюю Азию через Иран, и, скорее всего, раннежелезный век начался в среднеазиатском регионе в период Яз I [4, с. 108]. Начало железного века на юге Средней Азии В. М. Массон отнес к первой трети I тысячелетия до н. э. и специально оговорил, что в VI—IV вв. до н. э. в оседлых среднеазиатских областях был уже развитой железный век [4, с. 108].

Таким образом, начало железного века, по хронологии Яздепе [4, с. 48], можно было ориентировочно датировать в пределах IX—VII вв. до н. э.— временем Яз I.

Стратиграфическая колонка и датировка Яздепе стала общепринятой и эталонной для других синхронных среднеазиатских комплексов, поэтому материалы типа Яз I, обнаруженные в том или ином районе Средней Азии, независимо от наличия в слоях памятников железных предметов, механически относились к эпохе раннего железа.

За последние десятилетия исследователи обобщили большой фактический материал первой четверти I тысячелетия до н. э. Благодаря широким стационарным и рекогносцировочным работам количество среднеазиатских комплексов, синхронных Яздепе, увеличено сейчас в несколько раз. Их детальная система хронологии основана на корреляции новых стратиграфических колонок, датировки которых заметно углублены. Все это вызвало необходимость уточнения и более конкретного решения вопроса о времени начала железного века в Средней Азии.

В известной сводной работе по археологии Средней Азии памятники архаического Дахистана, Яз I и чустской культуры фигурировали в разделах позднебронзового века [6, с. 199 сл.]. Но позже чустская культура и поселения юга Средней Азии начала I тысячелетия до н. э. вновь были отнесены к эпохе раннего железа [7]. Слои Кучук I и Тилля I в Бактрии, по мнению исследователей, приходятся на эпоху поздней бронзы и датируются соответственно концом XI — серединой VIII в. до н. э. [8, с. 17, 67] и 1000—800 гг. до н. э. [9, с. 110]. В данном случае для обозначения одной эпохи используются два различных термина — позднебронзовый и раннежелезный век.

Ю. А. Заднепровский предложил выделить раннежелезный век I (X—VIII вв. до н. э.) и раннежелезный век II (VIII—VII вв. до н. э.) [7, с. 32]. По периодизации В. И. Сарианиди, к раннежелезному веку относятся слои Тилля II — 800—600 гг. до н. э., а слои Тилля III 600—500 гг. до н. э. «полностью соответствуют ахеменидскому комплексу» [9, с. 110] [1]. Согласно А. А. Аскарову и Л. И. Альбауму, раннежелезный век следует датировать серединой VIII—V в. до н. э. и применительно к культурам Бактрии называть археологические памятники и материалы «древнебактрийскими комплексами», а рассматриваемое время — «древнебактрийским периодом» [8, с. 18, 84] [2].

Приведенное выше свидетельствует о различной трактовке хронологии раннежелезного века по отдельным областям Средней Азии, а также и об определенной терминологической путанице в периодизации эпохи раннего железа. Остается неясным, как осуществился переход от позднебронзового века к раннежелезному не только во времени, но и в пространстве и какие районы Средней Азии надо считать первоначальными очагами железного века. С другой стороны, недостаточно полно разработаны критерии археологической и исторической периодизации. Во всяком случае, время от последней четверти VI в. до н. э. до 330 г. до н. э.

[1] Термин «ахеменидский комплекс» является условным. Он обычно обозначает гончарную посуду цилиндроконических форм, получившую распространение в большинстве оседлых областей Средней Азии в середине I тысячелетия до н. э. Однако производство данной посуды в южных районах Средней Азии начинается задолго до образования Ахеменидской державы, что демонстрируют и археологические материалы Тилля III, которые едва ли следует полностью связывать с «ахеменидским комплексом».

[2] Термин «древнебактрийский комплекс», предложенный А. А. Аскаровым и Л. И. Альбаумом вместо термина «ахеменидский комплекс», может отражать лишь территориальную принадлежность археологических материалов Кучук-Тепе, но не устойчивые хронологические рамки их бытования. Первый термин можно распространять и на гораздо более древние либо поздние комплексы — древнебактрийскую керамику, жилище и поселение, учитывая их генезис, а также принадлежность к территории Бактрии. Остается неясным, почему «древнебактрийский период» следует датировать исключительно серединой VIII—V в. до н. э.? Разве в IV в. до н. э. слово «Бактрия» в письменных источниках заменяется другим названием? И насколько само понятие «древнебактрийский» отличается от таких, как «раннебактрийский», «позднебактрийский» период, комплекс и т. д.?

Следует отметить, что определение «древнебактрийский» является не только условным, но и весьма локальным, равно как и «древнесогдийский», «древнемаргианский» и т. п. К тому же вопрос об истории возникновения термина «Бактрия» и его хронологии требует специального анализа.

можно называть ахеменидским, а столетия, предшествующие ему, предахеменидским или доахеменидским временем.

Вопрос о начале железного века в Средней Азии нельзя решить сейчас окончательно, а тем более однозначно. Судя по публикациям, основная масса ранних железных изделий Средней Азии датируется в пределах VI—IV вв. до н. э. К V—IV вв. до н. э. отнесен клад железных орудий из Яздепе, в состав которого входят топоры и тесла, а также находки из Елькендепе и Чурнока [4, с. 106]. Серединой I тысячелетия до н. э. датированы втульчатый серп из слоя Афрасиаб I [10, с. 155] и фрагменты железных ножей из поселения Лалазар, расположенного к западу от Афрасиаба [11]. Ранее аналогичные ножи были найдены и на городище Афрасиаб [12, с. 52]. Игла и фрагмент ножа, датируемые VI—IV вв. до н. э., обнаружены на поселении Калаи Мир [13, с. 28]. В бассейне Сурхандарьи фрагмент железного ножа, датируемый VI—V вв. до н. э., найден на Газимулла-Тепе[3], а втульчатый серп с заклепками для закрепления рукояти — в слое IV в. до н. э. усадьбы Кызылча-Тепе [6], где также обнаружены мелкие железные шилья, штыри и заклепки [14, 15]. В 1980 г. однолезвийный железный нож был найден нами в слоях VI—V вв. до н. э. усадьбы Кызылча-Тепе 1[4].

Большой интерес вызывает находка железного ножа, сохранившегося в длину на 18 см, при раскопках оседло-земледельческого поселения Дара-Тепе в долине Кашкадарьи [16][5]. Орудие происходит из слоев с керамикой VII—VI вв. до н. э. и по существу является древнейшим из имеющихся железных изделий южного Узбекистана.

Шесть железных предметов — акинаки и ножи — обнаружены А. Н. Бернштамом в памирском могильнике Тамды, датированном V—IV вв. до н. э.; четыре боевых топора из могильника Акбеит отнесены исследователем к VI—IV вв. до н. э. [17, с. 125, рис. 4; с. 128, рис. 7]. Б. А. Литвинский дал характеристику железных топоров и кинжалов VI—IV вв. до н. э. из памятников Памира и Ферганы [18, с. 73, 80, 81]. К середине I тысячелетия до н. э. относятся железные ножи, пластины, браслеты и булавки Ак-Тамского могильника [19, с. 83], а также фрагменты ножей, иглы, пластины, браслеты и кольца могильника Дашти-Ашт в Фергане [20, с. 37].

В Хорезме и прилегающих к нему районах по публикациям известно более 30 железных предметов. Орудия, датированные VI—V вв. до н. э., обнаружены на городище Кюзели Гыр [21, с. 149, рис. 56, *17*; 22, с. 534], в Беркуткалинском оазисе и на усадьбе Дингильдже [5, с. 149 сл., рис. 45]. Из погребений VI—V вв. до н. э. могильника Уйгарак происходят ножи, кинжалы, молот и браслет [23, с. 70, 74, 81, 97, табл. V, IX, XV, XX, XXI]. Четыре железных ножа и несколько их фрагментов найдены на поселении Куюсай — VII—VI вв. до н. э. [24, с. 30, рис. 4].

Обращает на себя внимание, что большая часть железных изделий из опубликованных среднеазиатских коллекций обнаружена при раскопках памятников «степного» круга. Это свидетельствует о широком применении железных орудий и оружия в среде скотоводческих племен. В связи с этим вспомним сообщение Геродота, который писал о кочевниках Средней Азии: «Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране...» [1, с. 215]. Однако археологические факты демонстрируют обратное, и мнение древнегреческого историка показывает отсутствие у него соответствующей информации.

Изложенное позволяет заключить, что по археологическим находкам интенсивное применение железных изделий в быту и хозяйстве племен

---

[3] Раскопки Э. В. Ртвеладзе. Материал не опубликован, хранится в музейных фондах Института искусствознания имени Хамзы, Ташкент.

[4] Не опубликован, хранится в музейных фондах Института искусствознания имени Хамзы.

[5] Материал не опубликован, хранится в музейных фондах кафедры археологии Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина.

Средней Азии начинается как будто только в VI—IV вв. до н. э. Наиболее распространенными являются ножи, серпы, боевые топоры и кинжалы. Наряду с ними отмечаются украшения — браслеты, кольца или мелкие изделия типа пластин, игл, булавок и гвоздей. К середине I тысячелетия до н. э. восходят и первые железные наконечники стрел [18, с. 101, 102].

Однако ранние железные находки Средней Азии по данным Анау и Дальверзина несомненно древнее описанных выше изделий. Пока трудно судить об их абсолютной хронологии, разве что они могут быть датированы керамикой типа Яз I. Во всяком случае, очевидно, что в первой трети I тысячелетия до н. э. в Средней Азии постепенно распространяются орудия из железа. Поэтому правомерно ли относить этот период исключительно к позднебронзовому веку? Видимо, нет. Даже чисто в терминологическом аспекте.

К эпохе поздней или финальной бронзы относятся и археологические материалы Намазга VI, т. е. в данном случае одним временем связываются две резко отличные по хронологии культуры — Намазга VI и Яз I. Чтобы избежать терминологической путаницы, надо было бы разграничить эти два разных исторических периода. Характер сведений позволяет относить комплексы типа Яз I к переходному времени от позднебронзового века к раннежелезному, так как в слоях поселений уже отмечаются первые железные изделия.

По количественному соотношению металлических находок очень трудно определить и время начала железного века в Средней Азии, так как вплоть до V—IV вв. до н. э. бронзовые изделия преобладали над железными[6]. Это, естественно, не рассматривается в литературе как признак бронзового века. При раскопках усадьбы Кызылча-Тепе 6 нами обнаружены однотипные орудия — серпы, изготовленные из камня, бронзы и железа [15; 26, с. 8]. Сам факт свидетельствует не только об эволюции серпов, но и о сохранении архаичных типов орудия в пору развития металлургии железа.

Надо отметить, что степень развития социально-экономических и общественно-политических отношений у населения различных областей Средней Азии была неодинаковой. По этим показателям до VI в. до н. э. резко отличаются культуры южных и северо-западных или северо-восточных областей. Южные области, находившиеся в тесных контактах с развитыми цивилизациями Передней Азии, должны были раньше северных соседей познакомиться и с металлургией железа. Однако это обстоятельство фиксируется лишь в двух случаях — в Анау и на поселениях Дахистана.

Наши выводы затрудняются тем, что поселения рассматриваемого периода изучены в среднеазиатском регионе неравномерно. Давно уже нет сообщений о широких раскопках поселений юга Туркмении первой половины I тысячелетия до н. э. Дальнейшие исследования необходимы на Яздепе и Елькендепе. В Согде большинство поселений этого времени открыты сравнительно недавно. С точки зрения информационного базиса и накопления нового археологического материала довольно продуктивны раскопки в Хорезме и Бактрии.

Как видно из приводимых ниже данных, железные изделия ряда районов Средней Азии датируются близким временем (таблица).

В этом списке фигурируют памятники весьма отдаленных друг от друга районов, представляющие большинство областей Средней Азии. Из 22 памятников в 19 случаях железные предметы датируются не ранее VI—V вв. до н. э. Приводимые данные еще раз подчеркивают, что железные изделия получают широкое распространение в Средней Азии лишь в VI—V вв. до н. э. Тем не менее находки в нижних слоях Анау IV, на Дальверзине, Дара-Тепе и Куюсае свидетельствуют о том, что уже в VII в. до н. э. предметы из железа нашли применение в

[6] В этом отношении показательны материалы и поселений, и могильников. Так, бронзовых изделий из могильника Уйгарак значительно больше, чем железных [23, с. 133, табл. 1 сл.].

Таблица

Северная Парфия и Маргиана	Хорезм и сакские памятники
Анау – IX–VII вв. до н. э.	Кюзели Гыр – VI–V вв. до н. э.
Анау – V–IV вв. до н. э.	Дингильдже – V в. до н. э.
Елькендепе – V в. до н. э.	Куюсай – VII–VI вв. до н. э.
Яздепе – V–IV вв. до н. э.	Уйгарак – VI–V вв. до н. э.
Чурнок – V–IV вв. до н. э.	
Бактрия	**Фергана**
Калаи Мир – VI–IV вв. до н. э.	Дальверзин – VIII в. до н. э.?
Газимулла – VI–V вв. до н. э.	Ак-Там – V–IV вв. до н. э.
Кызылча 1 – VI–V вв. до н. э.	Дашти Ашт – V–IV вв. до н. э.
Кызылча 6 – V–IV вв. до н. э.	
Согд	**Могильники Памира**
Дара-Тепе – VII–VI вв. до н. э.	Акбеит – VI–IV вв. до н. э.
Афрасиаб – VI–IV вв. до н. э.	Тегермон Су 2 – VI в. до н. э.
Лалазар – VI–V вв. до н. э.	Тамды – V–IV вв. до н. э.
	Аличур 2 – V–IV вв. до н. э.

хозяйстве населения юга Туркмении, бассейнов Кашкадарьи и Зеравшана, низовий Амударьи и Ферганской долины. Это в основном железные ножи и серпы. По всей вероятности, они были известны также в Бактрии, хотя по археологическим материалам это проявляется недостаточно четко. Так, на широко раскопанном поселении Кучук-Тепе было обнаружено пять бронзовых ножей, шесть шильев, 26 бронзовых наконечников стрел, бронзовый кинжал и ни одного железного предмета [8, с. 43, 44, 46]. Железные орудия и оружие пока не обнаружены и на таком крупном поселении X—V вв. до н. э., как Кызыл-Тепе, которое состоит из трех частей, имеет цитадель и мощные оборонительные стены [25, 26]. Надо отметить, что в слоях поселений металлические изделия сохраняются значительно хуже, чем в погребениях. Далеко не случайно, что наибольшее число металлических предметов происходит именно из могильников. Например, в погребениях могильника Уйгарак железных изделий найдено больше, чем на всех изученных поселениях раннежелезного века долины Сурхана, причем здесь есть несколько полностью раскопанных поселений. Но погребения раннежелезного века в ряде районов Средней Азии не выявлены, и их «отсутствие» становится одной из актуальных проблем археологии.

На наш взгляд, до окончательного уточнения вопроса и во избежание терминологической путаницы, о чем выше уже говорилось, предпочтительнее и, видимо, относить X—VIII вв. до н. э. к переходному времени от позднебронзового века к раннежелезному, а VII—IV вв. до н. э. считать раннежелезным веком (согласно хронологии подавляющего большинства ранних железных изделий Средней Азии). С точки зрения исторической периодизации отдельные этапы развития металлургии железа в древнем ремесле данного региона относятся к предахеменидскому и ахеменидскому времени. Такой подход обусловлен характером и хронологией накопленного на сегодня археологического материала.

В приведенной выше обзорной таблице лишь находки Анау и Дальверзина позволяют ориентировочно относить памятники к IX—VIII вв. до н. э. Но отсутствуют ссылки на более ранние среднеазиатские железные изделия. Датировка начала железного века в Средней Азии X—VIII вв. до н. э. [7, с. 32] требует конкретной аргументации. В настоящее время из-за отсутствия достаточных сведений указанная дата остается весьма условной и для ряда среднеазиатских областей фактически неприемлемой. Между тем железный век начался здесь не сразу, поэтому необходимость выделения переходного периода связана с исторически объективным процессом. Удревнение хронологии раннежелезного века Средней Азии вплоть до рубежа II—I тысячелетия до н. э. свидетельствовало бы о том, что переход от бронзового века к желез-

ному осуществился здесь во II тысячелетии до н. э. Но это пока не документировано.

Таким образом, по археологическим данным железные изделия получают распространение в Средней Азии в первой трети I тысячелетия до н. э. Их абсолютную хронологию определить еще трудно. Небольшое число ранних находок, видимо, объясняется плохой сохранностью железных предметов в культурном слое и, наконец, действительной малочисленностью самих изделий. В VII—IV вв. до н. э. железные изделия получают в хозяйстве более широкое применение, но орудия из бронзы остаются ведущими и количественно преобладают над первыми.

В ремесленном производстве III—II вв. до н. э. железо как материал вытесняет бронзу. Процесс замены бронзы железом протекал в Средней Азии довольно поздно по сравнению с началом применения здесь железных изделий. Но несмотря на это, замена не была полной, так как бронзовые предметы продолжали использоваться в хозяйстве и быту.

Надо также отметить, что в раннежелезном веке (как и в бронзовом) широко использовались каменные орудия — серпы, ножи, зернотерки, ступки, песты, терочники и др. На ряде среднеазиатских поселений середины I тысячелетия до н. э. хозяйственный инвентарь в абсолютном большинстве представлен каменными орудиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М.: Наука, 1977.
2. *Авдиев В. И.* История древнего Востока. М.: Высшая школа, 1970.
3. *Pumpelly R.* Explorationsin Turhestan. Washington, 1908, v. 1.
4. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73.
5. *Воробьева М. Г.* Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме.— ТХЭ, 1973, вып. 9.
6. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы (Отв. редактор Массон В. М.) М.— Л.: Наука, 1966.
7. *Заднепровский Ю. А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. докт. дис. М.: ЛОИА АН СССР, 1978.
8. *Аскаров А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979.
9. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
10. *Тереножкин А. П.* Согд и Чач.— КСИИМК, 1950, вып. XXXIII.
11. *Бурякова Э. Ю.* Раскопки канала середины I тыс. до н. э. в округе Самарканда.— АО — 1976. М., 1977.
12. *Кабанов С. К.* Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб.— В кн.: Афрасиаб, 1973, вып. II.
13. *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган.— МИА, 1953, № 37.
14. *Сагдуллаев А. С., Хакимов З. А.* Работы Миршадинского отряда.— АО — 1977. М., 1978.
15. *Сагдуллаев А. С.* Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6.— СА, 1980, № 2.
16. *Сагдуллаев А. С.* Раскопки и разведки в долине Кашкадарьи.— АО — 1979. М., 1980.
17. *Бернштам А. Н.* Саки Памира.— ВДИ, 1956, № 1.
18. *Литвинский Б. А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время.— МКТ, Душанбе, 1968, вып. 1.
19. *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Ак-Тамский могильник.— КСИИМК, 1957, вып. 69.
20. *Салтовская Е. Д.* Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках».— УСА, 1975, вып. 3.
21. *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-топографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХЭ, 1958, т. II.
22. *Вишневская О. А.* Раскопки на городище Кюзели Гыр.— АО — 1971. М., 1972.
23. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII--V вв. до н. э.— ТХЭ, 1973, т. VIII.
24. *Вайнберг Б. И.* Памятник раннего железного века в Северной Туркмении.— КД, 1977, вып. V.
25. *Сагдуллаев А. С., Хакимов З.* Археологическое изучение городища Кызылтепе.— В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
26. *Сагдуллаев А. С.* Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1978.

ГАБУЕВ Т. А.

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ГОРОДИЩА ДЖЕТЫ-АСАР 2

При раскопках городища Джеты-асар 2, расположенного в Кармакчинском р-не Кзыл-Ординской обл. Казахской ССР, в 1973 и 1976 гг. [1, с. 471; 2, с. 517] в раскопах № 2, 3, 4 в забутовке помещений верхних строительных горизонтов памятника, погибшего не позднее III — начала IV в. н. э., а скорее в первых веках нашей эры, было найдено более полутора десятков костяных наконечников стрел, из которых 12 оказались довольно хорошей сохранности.

Наконечники изготовлены из трубчатых костей животных. Все наконечники черешковые и имеют ромбическое в сечении перо. В некоторых случаях одно из продольных ребер на середине лопасти пера выражено слабее, так как на это место приходится внутренняя часть трубчатой кости. Форма пера варьирует от ланцетовидной до подтреугольной. Как промежуточный вариант существует более закругленная форма острия. В этих случаях имеются дополнительные подтесы у самого острия. Длина пера (от максимального расширения до острия) колеблется от 4 до 10 см. Переход от пера к черешку у 3 экз. выражен в виде уступа (рис. 1, *1—3*), у остальных плавный, прямолинейный или слабо вогнутый. Плоская поверхность черешка у некоторых экземпляров сужается по мере удаления от острия (рис. 1, *4*, *5*, *12*), у других же она прямая (рис. 1, *1*, *3*, *9*, *10*) или слегка расширяется (рис. 1, *2*, *6*). Длина черешка у разных экземпляров разная (от 3 до 5,3 см). Широкая плоскость черешка резко переходит в ребро пера, образуя треугольник. Некоторые черешки имеют на своих плоскостях ножевые пересекающиеся диагональные насечки. Один из наконечников (рис. 1, *10*) имеет следы вторичной обработки после обламывания. Некоторые наконечники дошли до нас с обломанными черешками. На поверхности наконечников видны следы инструмента, очевидно, ножа. Поверхность очень хорошо зашлифована. Изготовление костяных наконечников стрел требовало от мастера использования ряда технических приемов (обрубания, обрезания, скобления, шлифования). Однако все эти операции не так уж сложны, и изготовлять стрелы мог без сомнения каждый охотник [3, с. 79].

Костяные наконечники существовали наряду с металлическими. Их принято считать оружием не боевым, а охотничьим [3, с. 115; 4, с. 87]. По мнению исследователей, такие наконечники могли иногда использоваться и как боевые. В подтверждение он ссылается на курган Д21 у с. Мариенталь, где был обнаружен покойник с глубоко сидящим в бедре костяным наконечником [5, с. 42]. Кроме того, в могильнике Кокэль обнаружены погребенные, убитые костяными наконечниками [6, с. 122, 159, 171, 178].

Как указывалось выше, наконечники найдены на разных участках городища. Все они обнаружены в слоях, материал которых представлен керамикой 1-го этапа джеты-асарской культуры, бытующей, по датировке Л. М. Левиной, от рубежа или первых веков до нашей эры по конец III — начало IV в. н. э. При этом Л. М. Левина считает, что нижняя дата 1-го этапа условна, так как памятники еще не раскопаны, а керамика 1-го этапа обнаруживает генетические связи с сосудами конца эпохи бронзы и раннего железа могильника Тагискен и городища Бабиш-Мулла 1 [7, с. 226]. В дальнейшем Л. М. Левина, основываясь на новых данных, полученных с джеты-асарского урочища, углубила нижнюю дату 1-го этапа, отнеся ее ко второй половине или середине I тысячелетия до н. э. [8, с. 45]. Два наконечника найдены с пастовой глазчатой бусиной — синей с белыми «глазками». Такие бусы характерны для сарматских погребений IV—II вв. до н. э. [9, табл. 30, 32, 41].

Костяные наконечники, подобные джеты-асарским, имели широкое распространение на территории лесной и лесостепной полосы Южной и Западной Сибири. Они известны в тагарской (VII—V вв. до н. э.)

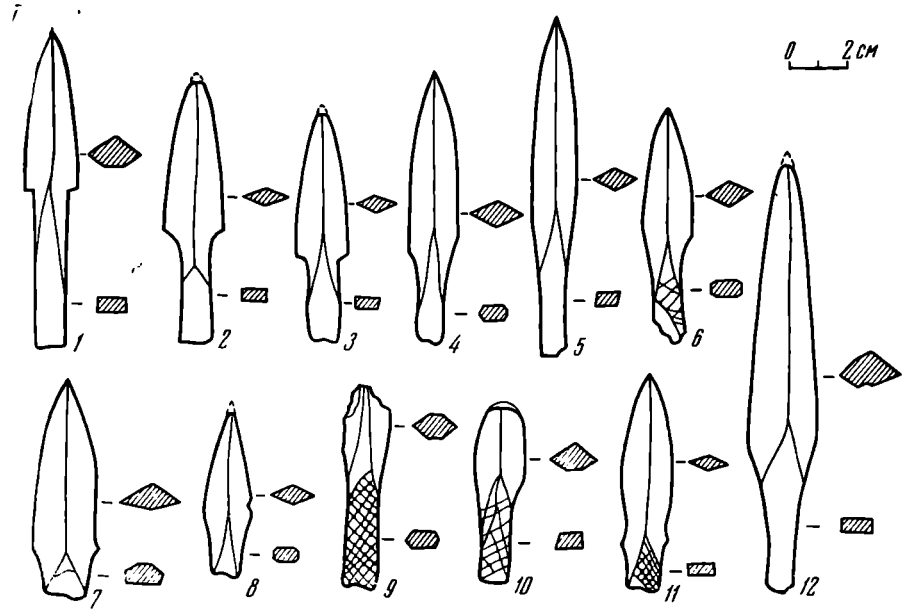


Рис. 1

[10, табл. XXVI, *18*; 11, табл. 14, 43, 44 и таштыкской (I в. до н. э.— I в. н. э.) [4, табл. 4, 6] культурах Минусинской котловины Южной Сибири, в материалах могильника Кокэль в Туве [12, табл. III, *1—4*; 6, табл. II, *1—3*, *5*], а также в памятниках усть-полуйской культуры Северо-Западной Сибири V—III вв. до н. э. [13, табл. I, *5*, *24*; 14, табл. I, *19*, *30*, *32*]. На Верхней Оби аналогичные костяные наконечники существуют начиная с VII—VI вв. до н. э. и бытуют до раннего средневековья [3, табл. IX, *3*; XV, *5*, *7*, *34*; XVIII, *5*, *6*; XXXII, *3*, *4*, *14*; XXXIII, *3*; XXXIV, *7*, *15*, *20*; XXXVIII, *6*, *7*; XLV, *18*, *9*; XLVII, *10*; LXI, *12*]. Такие же наконечники встречены в погребениях I в. н. э. Абатских курганов [15, с. 94, рис. 5, *7*, с. 99, рис. 7, *3*]. Широкое распространение костяные наконечники имели в памятниках VIII—VI вв. до н. э. ананьинской культуры Прикамья [16, табл. XIX, *23—26*; 17, с. 203, рис. 76, *23*, *24*].

Подобные джеты-асарским, костяные наконечники изредка встречаются в позднесарматских памятниках [18, с. 34, рис. 5, *B*, *C*; 5, с. 41; 19, с. 495, рис. 61, *4*, *5*, *10*].

В Средней Азии единичные костяные наконечники были встречены в сакских памятниках Памира [20, рис. 133] и в погребении позднего кочевника в могильнике Уйгарак [21, табл. XXIX, *3*]. Кроме того, несколько наконечников было найдено в Канкольском могильнике рубежа нашей эры в Киргизии [22, табл. XXIX]. В джеты-асарском урочище подобный наконечник был обнаружен в кургане около городища Алтын-асар [23, с. 248, рис. 122, *3*].

Таким образом, костяные наконечники стрел распространены на обширной территории начиная от VIII в. до н. э. до раннего средневековья. Однако наиболее широкое и длительное бытование подобных наконечников наблюдается в памятниках I тысячелетия до н. э. лесной и лесостепной полосы Евразии. В памятниках же степной полосы и в Средней Азии они встречаются с рубежа нашей эры и в небольшом количестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левина Л. М.* Работы в Джетыасарском урочище.— АО — 1973. М., 1974.
2. *Левина Л. М.* Исследования в Джетыасарском урочище.— АО — 1976. М., 1977.
3. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
4. *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960.

5. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
6. *Дьяконова В. П.* Большие курганы — кладбища на могильнике Кокэль.— ТТКЭ, 1970, т. III.
7. *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.— ТХЭ, 1971, т. VII.
8. *Левина Л. М.* Новые исследования джетыасарской культуры в восточном Приаралье.— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции. Л., 1975.
9. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1-10. М., 1963.
10. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
11. *Членова Н. Я.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
12. *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э.— первых веков н. э.— ТТКЭ, 1966.
13. *Мошинская В. И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя.— МИА, 1953, № 35.
14. *Мошинская В. И.* Археологические памятники Северо-Западной Сибири.— САИ, вып. Д3-8, М., 1961.
15. *Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири.— МИА, 1972, № 153.
16. *Збруева А. В.* История населения Прикамья.— МИА, 1962, № 30.
17. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
18. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья.— Уч. зап. Саратовск. ГУ, 1947, вып. XVII.
19. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
20. *Бернштам А. И.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая.— МИА, 1952, № 26.
21. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.— ТХЭ, 1973, т. VIII.
22. *Бернштам А. И.* Кенкольский могильник. Л., 1940.
23. *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХЭ, 1959, т. II.

МОРГУНОВ Ю. Ю.

ЛЕТОПИСНЫЙ ГОРОД ВЬЯХАНЬ

В августе 1147 г. Курское Посемье было захвачено сыном Юрия Долгорукого Глебом Юрьевичем, сразу разославшим по «городам» своих посадников. Вырь, Вьяхань и Попаш отказались признать его власть и остались верными переяславскому князю Мстиславу Изяславичу. Тогда объединенная рать Глеба, черниговских Ольговичей и половцев осадила эти крепости, но даже после подхода черниговского подкрепления Вьяхань выдержал осаду [1, стб. 355, 356].

Первое упоминание об этом населенном пункте дает основания для его локализации, показывает высокие оборонительные качества крепости, а весь комплекс сведений статьи 1147 дает возможность судить о том, что Вьяхань входил в состав Вырской волости [2, с. 96, 97]. Второй и последний раз город упомянут в Лаврентьевской летописи при описании событий июля 1149 г. [3, стб. 321; 4, с. 148].

Название населенного пункта имеет неясное иноязычное происхождение [5, с. 75]; с этим связана множественность вариантов именования (Вьяхань, Вьехань, Бьяхань, Бьехань, в более поздних текстах даже Бохань).

Первая попытка определения местонахождения Вьяханя предпринята И. Д. Беляевым в 1852 г.: анализ скудного летописного материала привел его к мысли о возможности поисков города в обширном регионе верховьев Сулы [6, с. 93]. В 1858 г. локализация конкретизирована Филаретом (Гумилевским) на основании актов 1638 и 1642 гг., где упомянуто Лехановское или Деханов ское городище на р. Терн [7, стб. 410, 592, 593] (правый приток Верхней Сулы, современное с. Городище). Итоги поисков подвел П. В. Голубовский [8, с. 93]; его локализация принята и советскими учеными [9, с. 30; 10, с. 229].

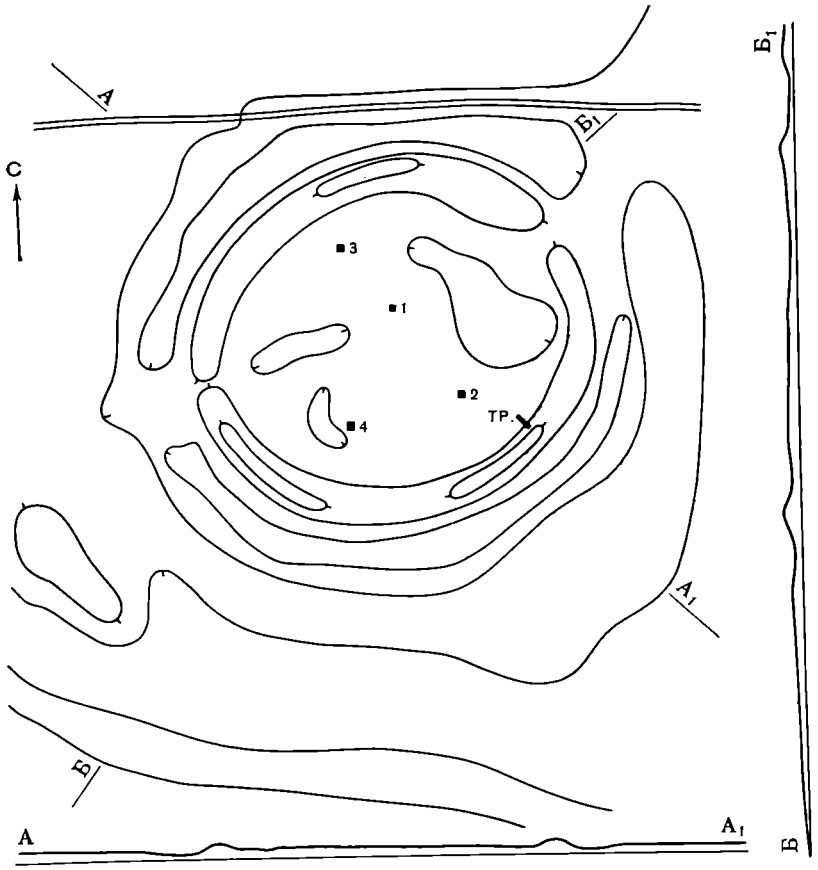


Рис. 1. План городища Вьяхань

Описание городища в с. Городище впервые сделано В. Г. Ляскоронским перед XI археологическим съездом [11, с. 410, 411], в 1946 г. укрепление обследовано Ф. Б. Копыловым [12, с. 20], а в 1959 г. памятник посетил В. А. Богусевич [13]. Первые итоги предварительного археологического изучения городища опубликованы И. И. Ляпушкиным [14, № 294, с. 329]. В 1971 г. поселение изучалось М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым [15], затем Посульской разведочной группой ИА АН СССР под руководством автора [16, с. 315].

Село Городище занимает всхолмление первой надпойменной террасы среди заболоченной поймы р. Терн. Останец возвышается над болотом на высоту до 3—4 м и пересекается посередине современным руслом реки; с запада он ограничен старицей. Вся площадь останца занята древнерусским селищем, размеры которого, по подсчетам В. А. Богусевича, достигают 50 га [13, с. 4] (рис. 1).

В центре села, на правом берегу реки, размещается городище, именуемое местным населением «городком». Площадка имеет форму овала размерами 160 (СВ—ЮЗ)×140 м (1,8 га), поверхность неровная, распахивается. Задернованный кольцевидный вал имеет высоту от уровня площадки 1,5—3,5 м, ширина основания 20—22 м; гребень шириной до 2 м по всей длине прорезан траншеей времен второй мировой войны.

В западной и северо-восточной частях вала проделаны два прохода, последний въезд наиболее древний [11, с. 411]; его ширина на уровне площадки 12 м. Вал опоясан заплывшим рвом глубиной от 1 до 2 м и шириной 15—20 м. В северной части ров сохранился плохо, а напротив древнего прохода расширяется почти до 30 м.

На площадке заложены четыре шурфа (2×2 м) и траншея (1×6 м) на внутреннем склоне вала. Культурный слой гумусированного чернозема имеет мощность 1,2—1,3 м, однороден, без перекопов. Материк — желтый суглинок.

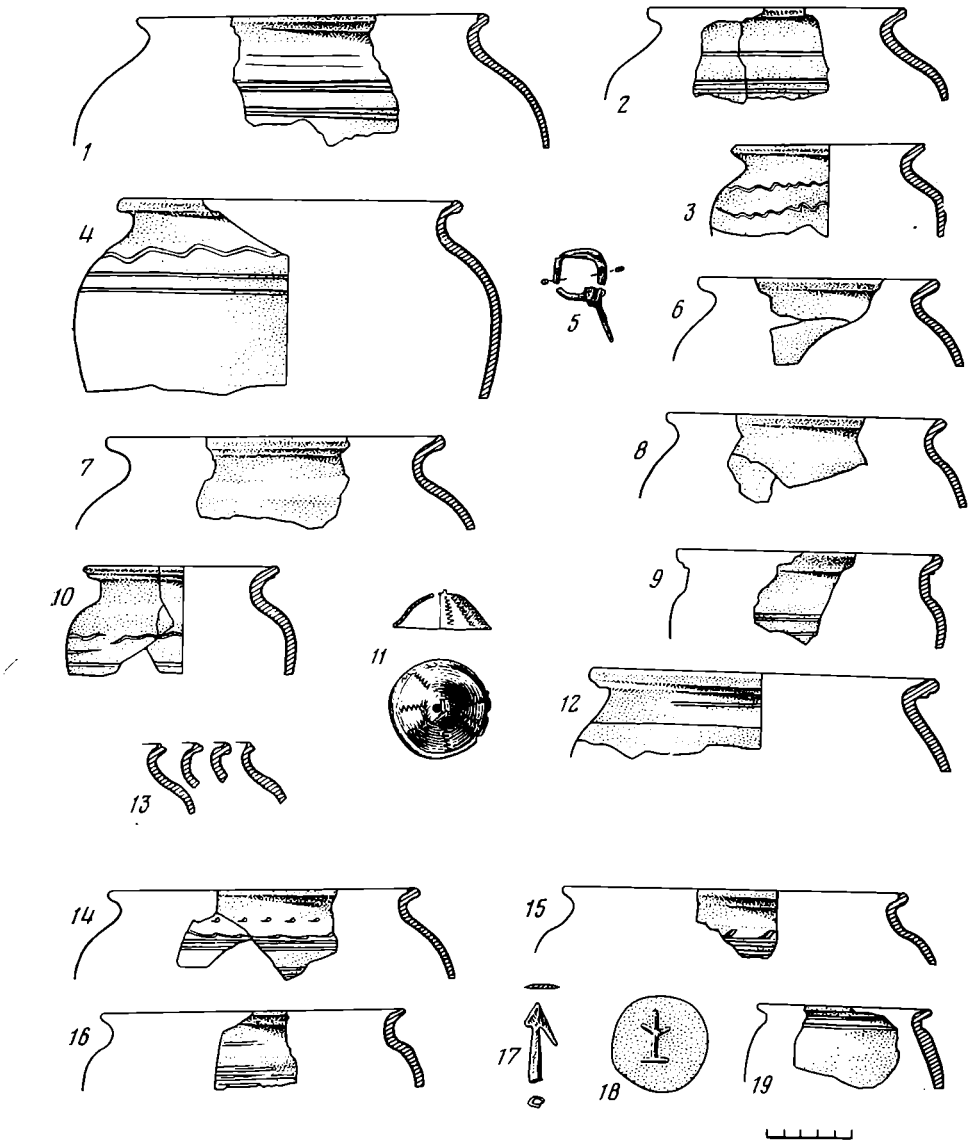


Рис. 2. Материалы городищ: *1—12* — Вьяхань; *13* — Боярское; *14—19* — Бабаковское городище

Керамический материал стратиграфически и типологически делится на два основных и два переходных типа круговой посуды. Наиболее ранняя керамика характеризуется более грубым тестом с включением крупных зерен кварца, толщина стенок 7—8 мм. Профиль венчика отличается резким отгибом наружу и рельефно моделированным утолщением края с внешней стороны (рис. 2, *12*). Подобная керамика на Левобережье датируется XI в. [17, с. 185; 18, с. 82, табл. X; 19, с. 25], на городище она представлена всего несколькими фрагментами.

Основная масса керамики относится ко второму типу, представленному венчиками тонкостенных сосудов из хорошо отмученной глины с небольшой примесью тонкофракционного кварцевого песка. Обжиг равномерный, черепок «звонкий», преобладает темная окраска наружных поверхностей. Профилировка типична: венчик плавно отогнут наружу, а его край скошен внутрь, образуя валик и желобок. Шейка сосуда значительно длиннее, иногда она почти вертикальна, а вдоль контура ее прикрепления к плечикам наблюдается утолщение со следами заглаживания. Орнаментация параллельными линиями, волнистым и ногтевым орнаментом позже дополняется или заменяется отпечатками зубчатого штампа. Керамика второго типа распространена шире и датируется вто-

рой половиной XII — первой половиной XIII в. [18, с. 82, табл. VII, X; 20, с. 105; 21, с. 114] (рис. 2, *1, 2, 4*).

Высокая насыщенность культурного слоя и отсутствие перекопов позволили выделить кроме хорошо известных на Левобережье типов посуды менее изученные переходные подтипы, которые отличаются профилировкой венчика. По качеству теста, обжигу и орнаментации они почти неотличимы от керамики второго типа.

Первый переходный подтип технологически более высокого качества, чем остальная массовая, но изученная лишь суммарно керамика XI в. В профилировке венчика наблюдается исчезновение рельефного моделирования и постепенное уменьшение наружного утолщения края; изгиб шейки становится более плавным и более округлым (рис. 2, *6, 8*). Стратиграфически эти венчики залегают выше по слою, чем керамика первого типа и, вероятно, относятся ко второй половине — концу XI в. [17, с. 185; 22, с. 191].

В вышележащем слое встречены фрагменты венчиков начала — первой половины XII в., известные по раскопкам на Средней Суле [23, с. 89, рис. III, *1—4*] и составляющие второй переходный подтип. Для него характерно дальнейшее сглаживание наружного утолщения, появляется бороздка на внутренней стороне края венчика (рис. 2, *3, 7*).

В траншее материал фиксировался индивидуально по трем параметрам и, таким образом, точно привязан к стратиграфии вала, сооруженного на материке. Северный, выходящий на площадку конец траншеи вскрыл часть котлована сооружения, углубленного в материке на 1 м.

Основа вала насыпана из очень плотного гумусированного суглинка, имеющего толщину в пределах траншеи 0,4 м; находок здесь нет. Со стороны площадки к нему примыкает и частично его перекрывает тонкий (0,24 м) язык чернозема — первоначальный культурный слой, образовавшийся после насыпки основы вала. В этой прослойке найдены лишь фрагменты стенок сосудов, но стратиграфически с ней связан и синхронен материал нижней части заполнения ямы: начиная от отметки «—80» см и до дна встречены венчики сосудов первого типа и первого переходного подтипа. Эта керамика датирует наиболее ранний этап формирования культурного слоя и время насыпки основы вала второй половиной XI в.

Поверх гумусированного суглинка прослежена тонкая (4 см) прослойка угля, а над ней круто поднимается вверх подушка желтой глины. Керамика в глине отсутствует, найдены фрагменты сильно коррозированной прямоугольной пряжки, датируемой в широких пределах (рис, 2, *5*). Выше перечисленных субструкций уложен слой чернозема с включением комьев глины; здесь встречены мелкие обломки амфорных стенок и венчики сосудов в основном второго подтипа (первая половина XII в.).

Основной массив вала отличается обильным содержанием в черноземе культурных остатков: угля, обломков печины, камней, кости и керамики. Стратиграфически этот массив перекрывает все предыдущие слои и частично котлован сооружения XI в. Хронологический диапазон обнаруженной здесь керамики — XII—XIII вв. (рис. 3).

Наконец, самая верхняя, тонкая черноземная прослойка, содержащая венчики только второго типа и фрагменты плечиков сосудов с штампованным орнаментом, составом находок и почвенной характеристикой полностью соответствует верхней части примыкающего культурного слоя площадки.

Подъемный материал городища представлен керамикой XII—XIII вв., медной крышкой сосуда (рис. 2, *11*) и вислой печатью Владимира Мономаха, датированной 1094—1113 гг. [24, с. 105]. Материал селища синхронен городищенскому. Таким образом, нижнюю дату летописного г. Вьяханя можно отодвинуть на конец XI в.

Представление о летописном центре было бы неполным без описания двух соседних городищ, вероятно тесно связанных с Вьяханем стратегически.

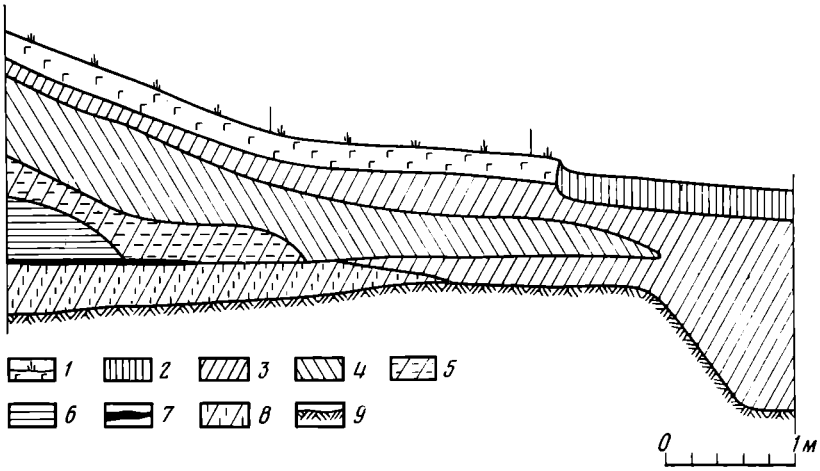


Рис. 3. Южный профиль траншеи городища Вьяхань: *1* — дерн; *2* — пахотный слой; *3* — чернозем; *4* — чернозем с включением печины, камней, глины; *5* — чернозем с комьями глины; *6* — глина; *7* — уголь; *8* — плотный гумусированный суглинок; *9* — материк

Заболоченная пойма Терна почти на всем протяжении имеет ширину до 2 км. В 3 км к северу от описанного городища она перегорожена останцовой грядой высотой до 10 м и длиной 1 км. Основание западной оконечности гряды (местное население называет ее «длинной горой») огибается заболоченным рукавом реки, а сразу за ним поднимаются крутые склоны Боярского городища. Восточное окончание гряды упирается в современное русло, омывающее подножие левобережного Бабаковского городища. Расстояние между укреплениями 2,5 км, с каждого из них просматривается городище Вьяхань.

Бабаковское городище, называвшееся в конце XIX в. «Лесиковой могилой» [1], известно по описанию и глазомерному плану В. Г. Ляскоронского [11, с. 414], упоминалось Д. И. Багалеем [25, с. 73], анализировалось И. И. Ляпушкиным [14, № 326, с. 344]. Археологически впервые обследовано Ф. Б. Копыловым [12, с. 19], затем автором [16, с. 315].

Памятник расположен в 0,2 км к северу от ст. Бабаково, на высоком (32 м над уровнем поймы) мысу левобережной третьей надпойменной террасы, образованном долиной р. Терн и впадающим в нее оврагом. Конфигурация стрелки мыса частично определила форму укреплений: северо-западной стороной площадка опирается на очень крутой склон мыса, ориентированного вдоль оси ЮЗ—СВ, с других сторон полукругом устроены искусственные оборонительные сооружения. Площадка имеет размеры 55×38 м, ее площадь 0,18 га. Поверхность поката к юго-западу и на $^3/_4$ занята современным кладбищем. Въезд прорезан в юго-восточной части.

С юго-западной стороны площадка защищена эскарпом высотой более 4 м. На юге эскарп переходит в двойную пунктирную дугу рвов и валов, опоясывающую площадку с юго-восточной и восточной напольных сторон. Высота внутреннего вала от уровня площадки не более 1 м. В северной части две дуги укреплений сходятся в один вал высотой 2 м и хорошо сохранившийся ров глубиной от напольного уровня 3 м и шириной 10—12 м (рис. 4).

Предположение о позднем происхождении сложной и стратегически не оправданной многовальной системы на городище высказывалось еще И. И. Ляпушкиным [14]. Укрепления подобного типа известны на Нижней Суле у сел Лящевка и Тарасовка; примечательно, что среди местного населения они известны как «бурты» [11, с. 426—428]; в литературе их связывают с переработкой оборонительных сооружений для получения селитры в XVI—XVII вв., с сооружениями типа майданов [26, с. 46, 58—59].

[1] Сейчас укрепление среди местного населения известно как «Батарея».

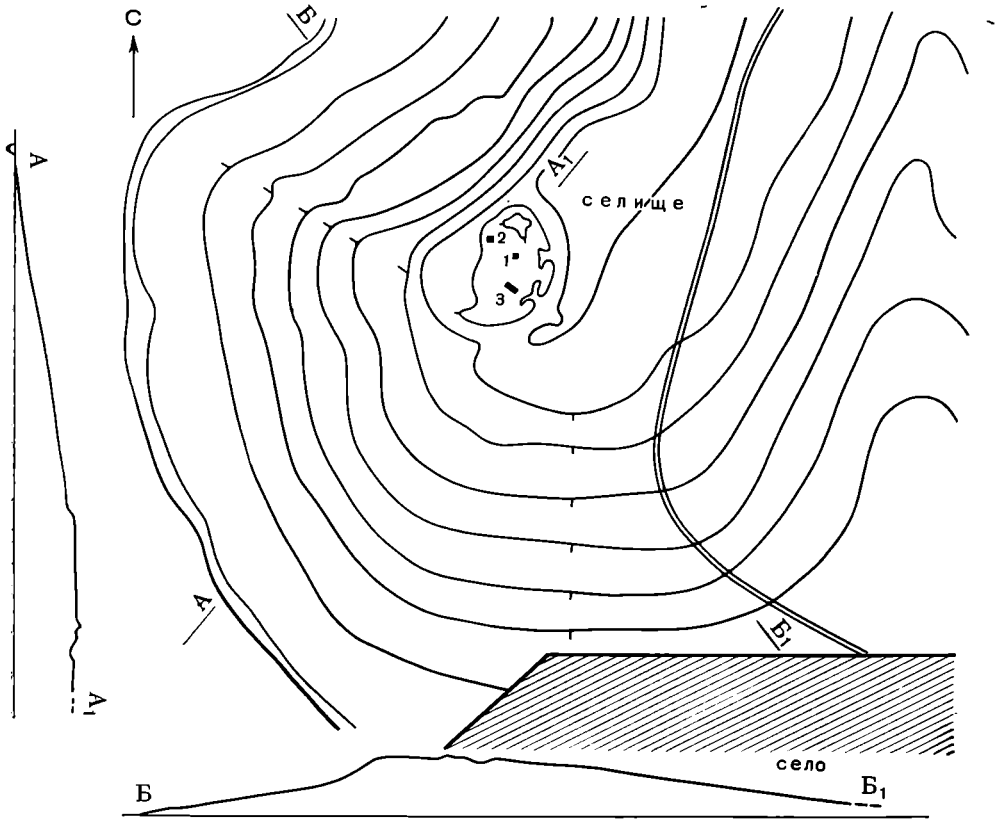


Рис. 4. План Бабаковского городища

В северной части площадки заложено 2 шурфа (2×2 м). Мощность культурного слоя 0,8—1,1 м, насыщенность слабая. Керамический материал датируется серединой XII — первой половиной XIII в.

Траншея 1×6 м заложена на внутреннем склоне вала рядом с въездом. Она показала, что основа вала возведена на желтом материковом суглинке и состоит из суглинка темно-коричневого цвета. Сверху насыпан слой чернозема с включением комьев глины. Поверх чернозема, ближе к центру вала, досыпана подушка из желтой глины. Все три субструкции плотные, без находок; они составляют основу вала. В нижней части культурного слоя, примыкающего к основе вала, встречены мелкие фрагменты венчиков середины XII в.

Слой, перекрывающий основу вала,— самый мощный, он состоит из рыхлого чернозема с комьями глины, печины, камней и костей животных; содержащаяся здесь керамика относится к середине XII— первой половине XIII в., найден также невыразительный фрагмент лепной стенки. Верхняя тонкая прослойка состоит из чернозема без заметных примесей с керамикой второй половины XII — первой половины XIII в. (рис. 5, II).

Зачистка торца вала и рва при въезде (рис. 5, I) показывает двукратное нарушение стратиграфии. Первое из них прослежено на внешнем склоне вала: непосредственно под дерном плавно изогнутое сочетание субструкций срезано почти прямой линией. Вершина подушки желтой глины образует с нижним контуром дернового слоя почти геометрически правильный угол. Это не могло произойти при намеренном сооружении двухвальной системы. Второе нарушение отмечено ниже по склону вала, где вся конструкция прорезана глубокой канавой с крутыми склонами, затекшей тонкой глиной лимонного цвета.

Разрез внутреннего склона вала и зачистка показали, что укрепление построено около середины XII в., а оборонительная система первоначаль-

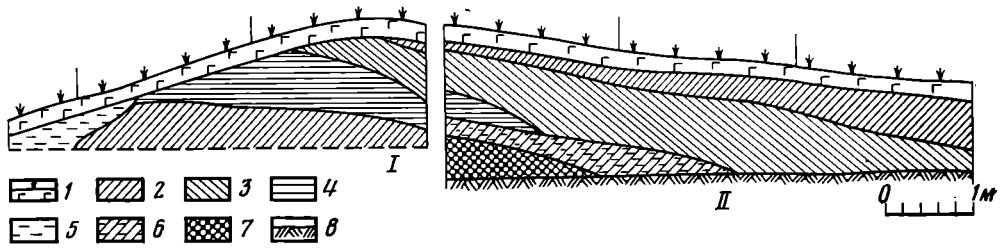


Рис. 5. Профиль траншеи (II) и зачистка торца вала (I) Бабаковского городища: *1* — дерн; *2* — чернозем; *3* — чернозем с включением глины, печины, угля и камней; *4* — желтая глина; *5* — лимонная глина; *6* — плотный чернозем с глиной; *7* — темно-коричневый суглинок; *8* — материк

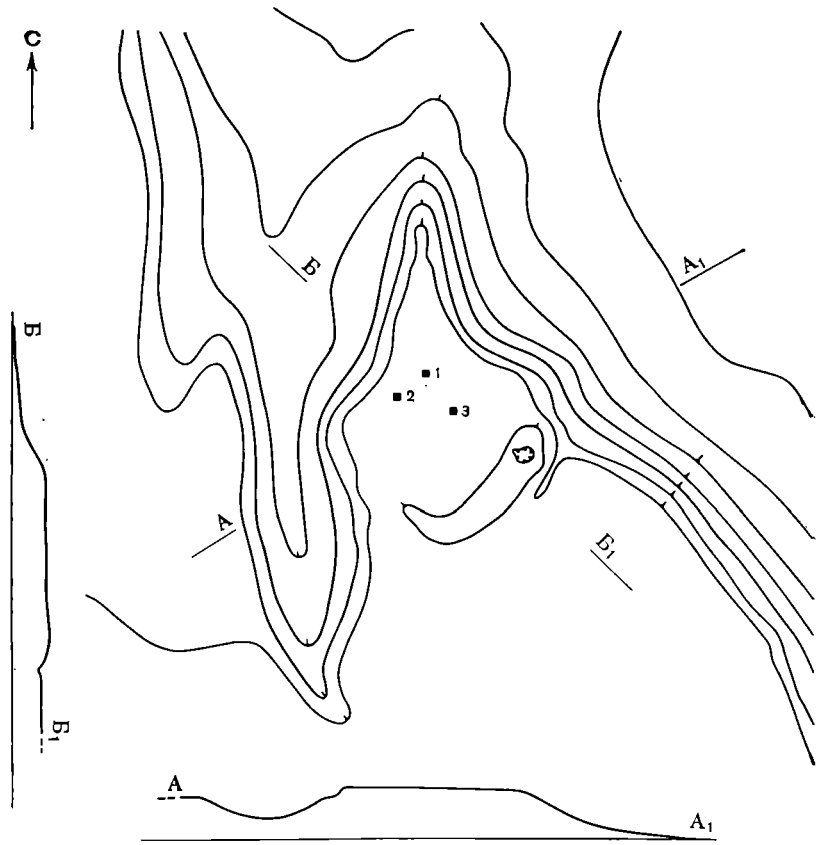


Рис. 6. План Боярского городища

но состояла из одного мощного вала и глубокого рва, остатки которых сохранились в северной части городища.

Керамика селища, примыкающего к укреплению с востока и северо-востока, синхронна найденной на городище. Среди подъемного материала встречены: оселок из мелкозернистого песчаника, два обломка крученых браслетов (фиолетовый и оливковый), двушипный втульчатый наконечник стрелы, датируемый XIII в. [27, с. 56, табл. 23, I (тип 2)], интересно донце с клеймом из сборов Ф. Б. Копылова (рис. 2, *14—19*).

Небольшая площадь укрепления, мощные оборонительные сооружения и хороший обзор широкой поймы позволяют предположить, что Бабаковское городище в XII—XIII вв. было сторожевой крепостью — «пригородом» Вьяханя.

Боярское городище, расположенное на правом берегу р. Терн (в 1,5 км к западу от с. Русовщина), также стало известно благодаря описанию и глазомерному плану В. Г. Ляскоронского, который отнес укрепление к типу «круглых нагорных» [11, с. 415]. Такое представление о форме городища перешло в публикацию И. И. Ляпушкина [14, № 327,

с. 345], а также оставило отпечаток на результатах обследования М. П. Кучеры и О. В. Сухобокова [15, с. 34, 35].

Городище устроено на стрелке мыса, образованного крутым склоном к долине и впадающим в нее оврагом. Мыс имеет высоту 25 м над уровнем поймы и ориентирован вдоль оси север — юг (рис. 6).

Площадка имеет в плане подпрямоугольную форму, размеры ее 80—90 (ЮЗ—СВ)×70—75 м. Северный угол ее (стрелка мыса) узким клином тянется еще на 60 м к северу и опускается здесь до высоты 21 м. Общая площадь 0,72 га, поверхность густо поросла лесом. С южной, напольной стороны площадка защищена дугообразным в плане валом высотой до 2 м [16] и остатками рва глубиной до 3 м. Древний въезд не прослежен, а современный прорезан около 20 лет назад бульдозером для вывоза срубленных деревьев.

Среди местного населения городище называется по-разному: уроженцы сел Бабаково и Русовщина именуют его «Боярское», в пос. Терны урочище известно как «Батарея», а название «Медведка», зарегистрированное В. Г. Ляскоронским, помнят только глубокие старики с. Городище.

Культурный слой вблизи вала отсутствует, прослежен отдельными пятнами под мощным дерном лишь в северной половине площадки. Три шурфа (2×2 м) показали, что толщина слоя не более 0,2 м, насыщенность крайне низкая: найдено всего несколько маленьких фрагментов венчиков круговых сосудов конца XII — первой половины XIII в. и один лепной скифского облика (рис. 2, *13*).

Селище, о наличии которого свидетельствуют М. П. Кучера и О. В. Сухобоков, не обнаружено.

Относительно большая площадь укрепления, отсутствие выраженного культурного слоя при наличии мощного оборонительного вала, вероятно, указывают на то, что в данном случае мы имеем дело с остатками убежища.

Присутствие на ограниченной территории трех связанных общим обзором и стратегически дополняющих друг друга укреплений, видимо, не случайно. Не исключено, что около середины XII в. в интересах защиты расположенного среди поймы летописного города создан специальный сторожевой Бабаковский пункт на доминирующей над местностью высоте. Бабаковское городище держало на замке водную артерию, визуально контролировало почти 10-километровый участок широкой поймы и прикрывало торную дорогу из летописного г. Вырь, по которой в 1147 г. приближалась рать Глеба Юрьевича. В конце XII в., возможно в связи с усилением половецкой активности, на другом берегу реки появилось и убежище для окрестного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПСРЛ, т. II. Спб., 1908.
2. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
3. ПСРЛ, т. I. Л.: Изд-во вост. лит., 1962.
4. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
5. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972.
6. *Беляев И. Д.* О географических сведениях в древней России. Спб., 1852.
7. ИСОХЕ, отд. III. М., 1857.
8. *Голубовский П. В.* Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
9. *Рыбаков Б. А.* Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси.— В кн.: История культуры древней Руси. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
10. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
11. *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы.— Тр. XI АС. Т. I. М., 1901.
12. *Копилов Ф. Б.* Звіт про роботу Посульскої археологічної експедиції в 1946 р. Архив ИА АН УССР, фонд экспедиций (далее — Ф. Э.), № 431.
13. *Богусевич В. А.* Разведка на городище Вьяхань.— Архив ИА АН УССР, Авторский фонд, № 3.
14. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, № 104.

15. *Кучера М. П., Сухобоков О. В.* Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону ІА АН УРСР за 1971 р.— Архив ИА АН УССР, Ф. Э., № 5994.
16. *Моргунов Ю. Ю.* Разведки на Сумщине. АО-1972. М., 1973.
17. *Раппопорт П. А.* Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века.— КСИИМК, 1954, № 54.
18. *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Давньоруське місто Воїнь. Киев: Наукова думка, 1966.
19. *Кучера М. П.* Давньоруські городища в західній частині Переяславщини.— Археологія, 1978, № 25.
20. *Кучера М. П.* Давньоруське городище в х. Миклашевському.— Археологія, 1962, XIV.
21. *Кучера М. П.* Давньоруські городища біля хутора Кизивер.— Археологія, 1964, XVI.
22. *Кілієвич С. Р.* Археологічні розкопки біля с. Жовнин.— Археологія, 1965, XIX.
23. *Пескова А. А.* Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле.— КСИА АН СССР, 1978, № 155.
24. *Моргунов Ю. Ю.* Новый вариант печати Владимира Мономаха.— КСИА АН СССР, 1975, № 144.
25. *Багалей Д. И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ.— Тр. XII АС. Т. I. М., 1905.
26. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, 1956, № 52.
27. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.— САИ, Е1-36, М., 1966.

КАВЕЛЬМАХЕР В. В.

О ВРЕМЕНИ ПОСТРОЕНИЯ ПЯТНИЦКОЙ ЦЕРКВИ НА ПОДОЛЕ В г. ЗАГОРСКЕ

Годом построения Пятницкой церкви на Подоле в г. Загорске все исследователи считают 1547 г. Основанием для такой датировки служит приписка на полях Следованной Псалтири из библиотеки Троице-Сергиева монастыря, в которой говорится о построении в этом году двух каменных церквей в приписном Троице-Сергиеву Подольном монастыре. О том, что в 1547 г. были построены именно монастырские церкви, указанная летописная запись прямо не сообщает, однако вторая редакция той же записи в так называемом «Кратком летописце Святотроицкия Сергиевы Лавры», и в особенности написанная через 14 лет после интересующих нас событий «Ставленная грамота архимандриту Элевферию», не оставляет на этот счет никаких сомнений: обе подольные каменные церкви возводились как монастырские здания, причем Введенская церковь была соборной, а Пятницкая — теплой трапезной церковью [1].

Две каменные церкви существуют под стенами Троице-Сергиева монастыря и поныне, однако в сегодняшнем своем виде они ничем не обнаруживают свою принадлежность столь древнему монастырскому ансамблю. Перед нами типичный для Средней России ансамбль летней и зимней приходских церквей. Роль холодной летней церкви играет перестроенная из древней высокая Введенская, роль теплой зимней — близко к ней поставленная приземистая Пятницкая церковь. Если принадлеж-

[1] Первая редакция известия: «ЛЕТА 7055 ПОСТАВЛЕН ХРАМ КАМЕН НА ПОДОЛЕ ВВЕДЕНИЕ СВЯТЫЯ БДЦЫ А СТАВИЛ ЕЕ ИВАН ХАБАРОВ. ТОГО ЖЕ ЛЕТА ПОСТАВИЛИ ЦВЬ КАМЕНУ НА ПОДОЛЕ ПЯТНИЦУ ВЕЛИКУЮ МОНАСТЫРЕМ ХРИСТОЛЮБЦЫ СДАВАЛИ» [1, с. 4]. Вторая редакция: «ЛЕТА 7055 ПОСТАВЛЕН ХРАМ КАМЕННОЙ **НА ПОДОЛЬНОМ МОНАСТЫРЕ** ВВЕДЕНИЕ ПРЕЧИСТЫЕ БДЦЫ А СТАВИЛ ЕВО ИВАН ХАБАРОВ. ТОГО Ж ЛЕТА ПОСТАВИЛИ ЦЕРКОВЬ КАМЕНУ НА ПОДОЛЕ ВО ИМЯ СВЯТЫЯ ПАРАСКЕВИИ НАРЕЧЕННАЯ ПЯТНИЦЫ МОНАСТЫРЕМ И ХРИСТОЛЮБЦЫ ЗДАВАЛИ (выделено мною.— *В. К.*) [2, с. 177]. Третий источник заключает в себе список приписных монастырей Троице-Сергиева монастыря 1561 г., сопровождающийся кратчайшей справкой о церквах и братии. В этом списке монастырь на Подоле стоит первым: «А ЧТО ТРОИЦКИЕ МОНАСТЫРИ И ВЕЛИКОГО ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ МОНАСТЫРЬ НА ПОДОЛЕ А В НЕМ ЦЕРКОВЬ ВВЕДЕНИЕ ПРЕЧИСТЫЯ БДЦЫ ДА ТЕПЛАЯ ЦЕРКОВЬ ПЯТНИЦА СВЯТАЯ И В НЕМ ИГУМЕН С БРАТИЕЮ» [2, гл. VIII — Степень монастыря и преимущества его настоятелей].

ность основного ядра Введенской церкви середины XVI в. сомнений не вызывает, то отнесение к этому столетию ныне существующей Пятницкой церкви более чем сомнительно.

Бесстолпная, без подклетов, одноглавая Пятницкая церковь построена «кораблем» — с круглым алтарем, трапезной и колокольней, расположенными строго по продольной оси здания. Глубоко ушедший в крыши четверик Пятницкой церкви ориентирован с севера на юг. Обращает на себя внимание отсутствие под Пятницкой церковью подклетов (в то время как под соборной церковью они есть), а также устройство трапезной не в виде квадратной одностолпной палаты, а в виде бесстолпной палаты, заложенной в створе с четвериком. Нет в этом здании и отдельной Раздаточной палаты. Подобное устройство монастырской трапезной для середины XVI в. представляется совершенно немыслимым. В полном противоречии с общепринятой датировкой церкви находится поставленная над западной папертью храма шатровая колокольня — восьмерик на четверике, опирающаяся на два столба и на западную трапезную стену, внутри которой для доступа на колокольню устроена внутристенная лестница. Относящихся к середине XVI столетия восьмигранных шатровых колоколен да еще по оси главного здания, мы не знаем.

То же можно сказать об архитектурных формах храма. Все они принадлежат второй половине — последней четверти XVII в. Исключение, и то чисто условно, можно сделать лишь в отношении четверика основной церкви, архитектура которого представляет собой синтез композиционных приемов ранних крестовокупольных храмов с бесстолпной конструкцией позднего типа (что ввело в заблуждение уже не одно поколение исследователей). Четверик Пятницкой церкви перекрыт невысоким сомкнутым сводом на двух перекидных арках. Аналогичную конструкцию (с коробовым сводом вместо сомкнутого) мы встречаем в четверике трапезной церкви Троице-Сергиева монастыря 1686—1692 гг. Архитектоническая сетка фасадов четверика, разделенных лопатками на узкие завершенные закомарами прясла полностью скрывают свод. Прямо на своде стоит ничем не украшенный, лишенный кокошников и декора церковный барабан. Под закомарами проходит лента утопленного в стену «ложного» карниза. В таком виде четверик Пятницкой церкви действительно производит несколько архаичное впечатление, тем не менее в архитектуре XVII в. подобные приемы, несомненно, имели место. Они знаменовали реакцию на получивший в XVII столетии повсеместное распространение тип бесстолпного храма с высоким сводом, покрытым ярусами кокошников. В качестве примера аналогичного ложного архитектурного решения можно привести Никольский собор в Зарайске 1681 г.[2]

Собственно декоративное убранство Пятницкой церкви (портал, оконные наличники, карнизы первого яруса и т. д.) без труда датируется второй половиной XVII в., а некоторые элементы колокольни даже более точно — 80-ми годами.

Сомнения в принадлежности Пятницкой церкви XVI столетию никогда не покидали исследователей древнерусской архитектуры. Начиная с И. М. Снегирева и кончая такими современными авторами, как М. А. Ильин, все они, признавая дату 1547 г. для данного храма правомочной, выражали при этом уверенность в глубокой перестройке всего здания в середине XVII в. [1; 2; 3, с. 86—96; 4, с. 11—13; 1; 5, с. 300, 301; 6, с. 172, 176—179, 187, 188, 191; 7, с. 31—33; 8, с. 56—58; 9, с. 146]. Исключение составляют только М. Красовский и В. И. Балдин, целиком принявшие упомянутую дату и «распространившие» ее на все архитек-

[2] «Ложные» архитектурные решения применялись в XVII в. также в прямо противоположных целях: например, в посадском строительстве Москвы храмам крестовокупольной системы придавался вид бесстолпных посадских храмов (храм Спаса Преображения на Песках в Конюшенном 1657 г. и др.)

турные формы памятника (кроме колокольни, для которой В. И. Балдин сделал нетвердую оговорку) [3].

Разностильность Введенской и Пятницкой церквей вызвала к жизни целую теорию, призванную объяснять указанный феномен из специфики местных исторических условий. Автором этой теории был библиотекарь Троице-Сергиева монастыря иеромонах Арсений (конец XIX в.). Работая с источниками, Арсений обнаружил, что Введенская церковь имела в XVI в. приход. Не входя в обсуждение архитектуры обоих зданий (разновременность которых он, конечно, не мог не видеть), Арсений сделал предположение о различном статусе этих церквей: Введенскую церковь он счел приходской церковью соседней Служней слободы, а Пятницкую — монастырской [1, с. 4, 5] [4]. То же самое, но с обратным значением, повторили М. Красовский, В. И. Балдин, а следом за ними и другие авторы [5]. Со времен иер. Арсения сделалось общим местом неправильное прочтение летописного известия 1547 г. в той его части, где говорится о построении обеих церквей на средства разных лиц, а Пятницкой еще и на монастырские средства. В известии называются не **заказчики**, а **жертвователи**. Никаких выводов о принадлежности церквей, а тем более об их форме на основании этого известия делать, конечно, нельзя [6].

Все исследователи, писавшие об архитектуре Подольных церквей, связывали разрешение накопившихся по этому вопросу многочисленных противоречий с будущими натурными исследованиями памятников.

Проведенные в процессе реставрационных работ в начале 70-х годов натурные исследования церквей на Подоле опровергли мнение о перестройке Пятницкой церкви и позволили получить неопровержимые свидетельства разновременного построения Введенской и Пятницкой церквей. За исключением незначительных переделок, связанных с растеской дверных и оконных проемов и изменением кровельного покрытия, Пят-

[3] Колокольня Пятницкой церкви не могла быть построена позднее трапезной, так как составляла одно с нею целое: ведь в стене трапезной устроена лестница на эту самую колокольню.

[4] Очень ценные наблюдения иеромонаха Арсения не совсем удачны только в одном отношении: церкви Введенская и Пятницкая **не разделялись** между Служней слободой и Подольным монастырем (который, кстати, носил название Введенский, т. е. по главной церкви, той самой, которую иер. Арсений — хотел он этого или не хотел — выделил из монастыря). Нам кажется, что иер. Арсений невольно «продлил» тот диссонанс, который он усматривал в этом церковном ансамбле, на организацию собственно церковной жизни в монастыре и ближайшей округе, излишне усложнив реальную картину. Многие древнерусские монастыри, особенно в глухих местах на окраине Руси, вынуждены были, в нарушение монастырского устава, держать приходы сначала по необходимости, а впоследствии и по обычаю. На общем статусе монастыря это обстоятельство никак не отражалось.

[5] Справедливости ради следует сказать, что эту точку зрения первым высказал все тот же иер. Арсений в ранней своей работе, посвященной главным образом Служней слободе и ее церквам [4, с. 12, 13]. Однако в дальнейшем, обнаружив в своих рассуждениях непоследовательность, иер. Арсений от своего мнения отказался [1]. Выступая с уточнением своей мысли, иер. Арсений не сделал в новой работе никаких оговорок, видимо, полагая, что самостоятельно работающие читатели произведут проверку его доводов сами. Однако этого не произошло. Следующее за Арсением поколение исследователей (начиная с М. Красовского) уже не работало с источниками, интересуясь преимущественно архитектурными формами. Совершенно естественно, что в применении к формам Пятницкой церкви ранее высказанная точка зрения иер. Арсения устраивала их значительно больше. Между тем в своих окончательных выводах иер. Арсений был точен: приход был все-таки за Введенской церковью.

[6] Обычно исследователи неправильно понимают слово «христолюбцы», видя в нем указание на социальную категорию жертвователей, в данном случае слуг — жителей Служней слободы. В действительности же «христолюбец» на языке монастырских документов — синоним «вкладчика». Основными же вкладчиками в монастыри до конца XVI в. были как раз бояре.

Таким же жертвователем, как и прочие «христолюбцы», являлся И. И. Хабаров, однако он взял на себя добровольно еще и организацию работ, заготовку материала, наем рабочих и т. д., что было в древности отнюдь не простым делом. За это, так же как и за размер вклада, он был почтен отдельным упоминанием. Аналогичные функции в отношении Пятницкой церкви взял на себя монастырь. Как видим, из того факта, что И. Хабаров был ктитором Введенской церкви, вовсе не вытекает, что он строил ее по своему вкусу. И Хабаров, и монастырь строили один ансамбль и, вероятнее всего, по замыслу одного архитектора.

ницкая церковь дошла до нас почти в нетронутом виде[7]. Все ее второстепенные объемы, как-то: алтарь, трапезная, колокольня, а также барабан — одновременны самой церкви, сложены на одном растворе, из кирпича одного размера (31—32×16×9—10 см) и имеют общую систему проемных и внутристенных кованных железных связей. Все основные декоративные элементы: оконные наличники, портал, карнизы и декор колокольни — изначальны храму и принадлежат второй половине и даже последней четверти XVII в. Система связей бесстолпной трапезной (ее проемные связи подвешены к потолку с помощью специальных кованных из полосового железа тяжей) характерна для конца XVII в. Фасады Пятницкой церкви имели изначальную полихромную окраску, что также свидетельствует о ее позднем происхождении.

Что касается рядом стоящей Введенской церкви (от которой сохранились подклет, четверик — по пяты второго яруса сводов, алтарь — до сводов), то она сложена из кирпича меньшего, чем кирпич Пятницкой церкви, размера (30×15—14—13,5×8 см), на ином растворе и, что самое главное, при ее значительной высоте и двухъярусности — сплошь на дубовых связях. Строительная техника Введенской церкви архаична: белый камень ее цоколя имеет исключительно вертикальную распазовку, причем для устройства креповок вырубались блоки с четвертями; при сооружении оконных арочных перемычек применялся кирпич меньшего, чем основной, размера — 12,5 см. Обе постройки демонстрируют совершенно разное техническое мышление: в то время как строитель Введенской церкви отказался от сооружения каменных папертей и крылец, при Пятницкой церкви была построена «висящая», с опорой на два столба колокольня. Архитектурные формы Введенской церкви стилистически не переходят рубежа середины XVI столетия[8].

На основании изложенного выше мы вправе сделать вывод, что дошедшая до нас древняя летописная запись о построении в 1547 г. двух каменных церквей на Подоле **к ныне существующей Пятницкой церкви не относится.**

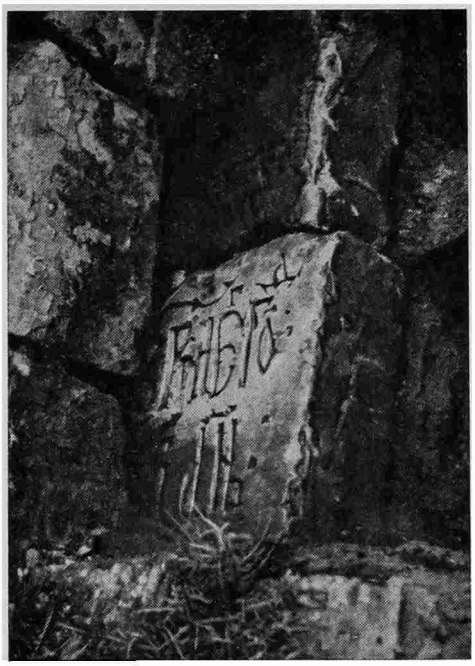
Не относится к ныне существующей церкви и опись Пятницкой церкви Подольного монастыря, сделанная в 1641 г.[9] Внимательное чтение этой описи позволяет убедиться, что в ней была описана другая церковь. Так, в Пятницкой церкви 1641 г. описывается однотябловый, в один ярус иконостас, в то время как в стенах ныне существующей церкви имеются изначально выложенные пазы для трехтяблового иконостаса. Иконостас церкви 1641 г. состоял, согласно описи, всего из 7 икон Деисуса, иконостас же ныне существующей церкви должен был иметь, судя по его пропорциям, не меньше 11—13 чиновых икон Деисуса и кроме них праздничный и пророческий ярусы. Под «сделанной» на Пятницкой церкви «колокольницей» опись 1641 г. подразумевает, по-видимому, настенную звонницу, а не нынешнюю шатровую колокольню, к которой выражение «зделана на церкви» может быть отнесено только с большой натяжкой. Знакомство с полным текстом описи 1641 г. (в ней кроме Троице-Сергиева и Пятницкого описано еще около десятка монастырей и слобод) убеждает нас, что не отметить факта существования в Пятницком монастыре шатровой колокольни выполнявшие опись писцы не могли. К сожалению, опись 1641 г. описывает Пятницкий Подольный монастырь предельно кратко и не содержит иных свидетельств существования здесь в середине XVII в. другой Пятницкой церкви — предшественницы нынешней.

---

[7] Никаких следов ремонтов и переделок ранее 30—40-х годов XVIII в. на памятнике обнаружено не было. В указанные годы переделывались окна по северному фасаду, менялись решетки и предпринимались противоаварийные работы по колокольне, которая, оторвав западную стену трапезной, наклонилась к западу.

[8] Формы Введенской церкви особенно архаичны: она построена вольным переводом с Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря 1476 г. [7, с. 32].

[9] Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 173, II (Собрание Московской духовной академии, дополнительное), № 225 (Опись Троице-Сергиева монастыря лета 7150-го сентября в 1 день), лл. 610—614.



Окончательные доказательства позднего происхождения Пятницкой церкви были получены в ходе археологических раскопок в зоне памятника летом 1977 г. [10]. Заложенный между Введенской и Пятницкой церквами раскоп показал, что фундаменты Пятницкой церкви вкопаны в культурный слой XVII — самое раннее середины XVI в., в то время как фундаменты Введенской церкви врыты в материк. Судя по стратиграфии раскопанного участка, к моменту сооружения Пятницкой церкви подклет Введенской церкви на значительную часть своей высоты уже находился в земле. В процессе археологических раскопок удалось найти еще одно доказательство позднего происхождения памятника. В кладке южной стены четверика между цоколем и булыжным фундаментом была обнаружена in situ уложенная здесь для выравнивания кладки могильная плита с надписью «ЛЕТА 7145-го...», т. е. 1637 г. (рисунок) [11]. Плита попала в кладку в поврежденном состоянии, из чего следует, что между временем погребения и временем сооружения церкви прошел не один десяток лет.

Под булыжным фундаментом ныне существующей Пятницкой церкви никаких остатков других, более древних фундаментов обнаружено не было.

Суммируя полученные сведения, мы приходим к окончательному выводу, что временем сооружения Пятницкой церкви на Подоле следует считать конец XVII в. и что древняя Пятницкая церковь 1547 г., в существовании которой нет оснований сомневаться, находилась не на месте ныне существующей церкви, а где-то рядом. Когда и при каких обстоятельствах произошла разборка старой церкви и сооружение новой и где было местоположение древней церкви? На эти вопросы в самых общих чертах мы, как нам кажется, могли бы ответить уже сегодня.

Старая монастырская трапезная церковь была разобрана, а новая построена после передачи зданий упраздненного Пятницкого[10] монастыря приходу Служней слободы Троице Сергиева Посада в 80—90-х годах XVII в.[11] Новая Пятницкая церковь была сооружена в качестве зимней теплой приходской церкви, о чем недвусмысленно свидетельствует весь ее облик. Причиной разборки старой церкви было ее ветхое состояние, а может быть, и малые размеры самого церковного здания (жалобы на тесноту древней Пятницкой церкви мы встречаем в рассказе о чуде с иконой Казанской божьей матери середины XVII в.). Что касается места древней церкви, то единственно возможным таким местом нам представляется территория на юго-запад от Введенского собора. Именно здесь целесообразно начать ее поиски.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иеромонах Арсений.* Введенская и Пятницкая церкви в Сергиевском Посаде Московской губернии.— ЧОИДР за 1894 г., кн. 4.
2. Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы лавры.— В кн.: *Горский А. В.* Историческое описание Святотроицкия Сергиевы лавры. М., 1890.

[10] До своего возобновления в 1611 г. монастырь именовался по главному престолу Введенским, после возобновления — Пятницким, так как Введенская церковь до 1622 г. оставалась в руинах.

[11] Ансамбль монастырских церквей стал приходским с великого поста 1679 г. Судя по Писцовой книге 1684 г., в середине 80-х годов никакого строительства там еще не велось; обе церкви описываются как бывшие монастырские [1, с. 18]. Стало быть, вероятные годы постройки — конец 80 — начало 90-х годов.

3. *Мартынов А. А., Снегирев И. М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества, год второй. М., 1859.
4. *Иеромонах Арсений.* Христорождественская церковь в Сергиевом Посаде.— ЧОИДР за 1891 г., кн. 3.
5. *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М.: ОИДР, 1909.
6. *Красовский М.* Очерк истории Московского периода древнерусского зодчества. М., 1911.
7. *Балдин В. И.* Архитектура.— В кн.: Троице-Сергиева Лавра. Художественные памятники. М.: Искусство, 1968.
8. *Ильин М. А.* Путь на Ростов Великий. М.: Искусство, 1975.
9. Памятники архитектуры Московской области. Каталог. В. 2 / Под общ. ред. Подъяпольской Е. Н. Т. I. М.: Искусство. 1975.
10. *Павлов В. А.* Отчет о проведении археологических раскопок на территории б. Пятницкого монастыря на Подоле в г. Загорске летом 1977 г.— Архив треста Мособлстройреставрации, инв. № 220-78.
11. *Павлов В. А.* Отчет о проведении археологических раскопок в Троице-Сергиевой лавре в г. Загорске в полевой сезон 1979 г.— Архив треста Мособлстройреставрация, инв. № 889-81.

МАМАЕВ Х. М., ЧАХКИЕВ Д. Ю.

ШЛЕМ ИЗ СЕЛЕНИЯ ЯРЫШМАРДЫ

(Чечено-Ингушетия)

В 1968 г. у горного чеченского селения Ярышмарды в разрушенном каменном ящике местным жителем Д. Ахматовым были найдены железные шлем и наконечник копья. Тогда же вещи поступили в Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей [1].

Шлем высотой 13 и диаметром 20,7 см с повреждениями: отбита верхушка, обломаны нижние края. Он имеет коническую, несколько уплощенную форму и скован из 12 тонких железных пластин (рис. 1). Вес шлема 0,8 кг.

Клепка корпуса произведена таким образом, что шесть внутренних как бы составляющих каркас шлема подтреугольных пластин стянуты сверху еще шестью аналогичными железными полосами, имеющими волнообразно вырезанные края. Пластины соединены между собой железными заклепками, укрепленными на каждом «мыске» и имеющими массивные конические головки. Последние расположены на корпусе 12 вертикальными рядами, радиально расходящимися от верхушки шлема, что придавало боевому наголовью своеобразный вид (рис. 2).

Необходимо отметить, что с лицевой стороны под железную пластину с волнообразно вырезанными краями подложена тонкая бронзовая (?) патинированная пластинка подтреугольной формы таким образом, что ее края, орнаментированные рядами шишечек, выступают из-под верхней пластины по бокам на 1 см. Интересно, что конические головки заклепок здесь изготовлены из бронзы. Очевидно, декоративное оформление предназначалось для украшения железного шлема.

Край шлема стягивался широким обручем, густо усаженным железными заклепками с коническими головками. В его нижней части заметны редко расположенные небольшие отверстия, очевидно, для крепления бармицы. Хотя верхняя часть боевого наголовья и повреждена, однако заметно, что пластины шлема были некогда собраны под круглую розетку, возможно, увенчанную втулкой.

Наконечник копья или дротика длиной 19 см имел ножевидное граненое перо и круглую в сечении, слегка расширяющуюся у основания об-

---

[1] Фонды Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея, ОС 7510—7511. Более подробных сведений об условиях находки документы музея, к сожалению, не содержат.

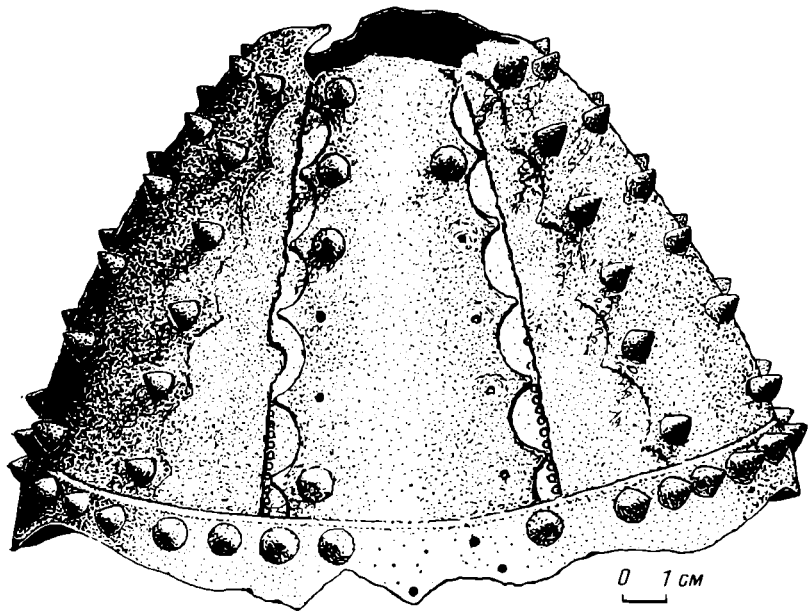


Рис. 1. Шлем из сел. Ярышмарды

ломанную втулку, переход между которыми был отмечен едва заметными полукруглыми утолщениями (рис. 3).

Шлем из сел. Ярышмарды является уникальной находкой, не находящей прямых аналогий в средневековых древностях Северного Кавказа [1, с. 64; 2, с. 140—157; 3; 4, с. 176, 177].

Близкие по форме и деталям оформления (характерные бронзовые и железные заклепки с коническими головками, использование отдельных бронзовых пластин в декорировке) шлемы, местное происхождение которых не вызывает сомнения, обнаружены в погребениях Бежтинского могильника VIII—X вв. в Дагестане [5, с. 174—177].

Вместе с тем отдельные особенности ярышмардинского шлема находят параллели среди хорошо изученных древнерусских боевых наголовий X—XIII вв. Речь идет о железных пластинах корпуса с волнообразно вырезанными краями, заклепках на каждом «мыске», обруче, стягивающем край шлема. А. Н. Кирпичников отмечает, что часть этих деталей имеет восточное (центральноазиатское) происхождение [6, с. 24 сл.] [2].

Вышесказанное приводит к выводу о весьма вероятном северокавказском происхождении находки из Ярышмарды. Но ярышмардинский шлем относится к более позднему времени, чем его дагестанские прототипы, что подтверждается, на наш взгляд, уменьшением массивности пластин шлема с одновременным увеличением их числа, сделавшим конструкцию более жесткой. Элементы же сходства с древнерусскими шлемами объясняются возможным знакомством мастера, его изготовившим, с изделиями русских оружейников.

Активные контакты населения бассейна Терека с Древней Русью берут свое начало в X в., не прерываясь, вопреки существующему мнению, и в эпоху монголо-татарского господства в Восточной Европе [7; 8; 9, с. 120—124]. Напротив, они получили своеобразный импульс вследствие появления значительных контингентов русских невольников на северокавказских кочевьях Золотой Орды в 30—40-х годах XIII в. Позднее (в конце XIII—XIV в.) русское присутствие на золотоордынской территории расширялось за счет князей и их свит, дружинников, духовенства,

[2] Последнее явление, кажется, известно и для древнерусских шлемов [6, с. 32]. Для улучшения защитных качеств при отражении сабельного удара наша находка снабжена таким же обилием конических шипов-заклепок.

купцов, новых рабов, среди которых, как и раньше, было много ремесленников [10][3]. Этот процесс сопровождался притоком большого количества изделий древнерусского ремесленного производства[4] и появлением у местного населения образцов, выполненных не без влияния последнего[5]. Тогда и мог сложиться на Северо-Восточном Кавказе тип шлема[6], найденного у сел. Ярышмарды, чему не противоречит и тип наконечника копья[7].

Ярышмардынский шлем — не единственная находка этой категории защитного средневекового доспеха на территории Чечено-Ингушетии. Об-

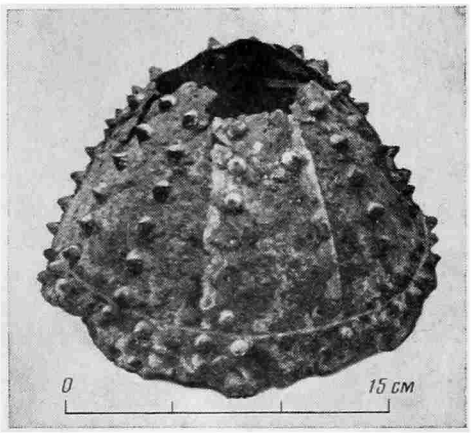


Рис. 2

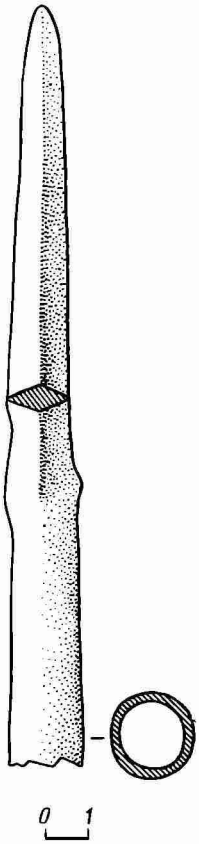


Рис. 3

Рис. 2. Шлем из сел. Ярышмарды (вид спереди)

Рис. 3. Наконечник копья из сел. Ярышмарды

ломки шлемов ранее были обнаружены в склепах XIV—XV вв. у сел. Верхний Лейми и Оздик [14, с. 23; 16, с. 80], однако они не дают представления о типах боевых наголовий вайнахов этого времени в силу своей фрагментности[8]. Целый шлем случайно был найден у сел. Кулары[9]. Он утерян, но сохранившийся схематический рисунок позволяет сопоставить находку с московскими шишаками XVI в. [18, с. 31—33, рис. 10][10].

Таким образом, использование шлемов вайнахами XIII—XVII вв. в ратном деле очевидно[11], хотя до сих пор боевые наголовья этого времени

---

[3] Для Северного Кавказа такой факт уже отмечался [11, с. 169—183; 12, с. 62—70].

[4] Эта ситуация, видимо, объясняет появление в склепах Шуана (Мохде) и Верхнего Лейми железных булав и шестопера [13, табл. III, *15*; 14]. Аналогии см. в книге А. Н. Кирпичникова [15, с. 52]. А. Н. Кирпичников, видимо, имеет в виду булаву из Шуана [15, с. 52, сноска 40].

[5] Это явление подмечено, например, и при изучении украшений средневековых вайнахов [16, с. 60; 17, с. 156—162]. Однако эта тема требует специального изучения.

[6] А. Н. Кирпичников, которому мы признательны за ценные замечания, обратил наше внимание на упоминание в «Задонщине» (около 1380 г.) — поэтическом произведении древнерусской литературы — «шлемов черкасских» при описании золотоордынского войска, в чем, видимо, отразилось своеобразие северокавказских шлемов на общем фоне восточноевропейских боевых наголовий этого времени, подмеченное автором «Задонщины» — современником событий.

[7] Он близок наконечнику XIV в. из Новгорода [18, табл. II, *1*].

[8] Ясно лишь, что они относятся к иному типу, чем шлем из Ярышмарды.

[9] Авторы признательны Р. А. Даутовой за сообщение об этой находке.

[10] Любопытно отметить, что письменные источники сообщают о приобретении посольством Батай-Мурзы Окуцкого в начале XVII в. в Москве «...шеломов и шапок железных» [19, с. 113]. Кстати, чеченские и ингушские посольства побывали в Москве за 100 лет (середина XVI — середина XVII в.) не менее 10 раз [19, с. 111].

[11] Наличие шлемов в комплексе оборонительного вооружения горцев подтверждается данными фольклора [20, с. 229].

практически не были известны в литературе [21, с. 139][12]. Однако массового распространения они не получили, а с появлением на Северном Кавказе мисюрки[13], более простой и удобной в горных условиях, кованые металлические шлемы постепенно вообще исчезли из обращения[14]. Правда, в течение определенного периода боевые наголовья этого типа сосуществовали с мисюрками[15], более того, на Северном Кавказе в боевой обстановке последние могли одеваться под шлемы[16], как это имело место в России [21, с. 56]. Однако такая ситуация продолжалась недолго, и к XVIII в. господство мисюрки в комплексе защитного вооружения горцев Центрального и Северо-Восточного Кавказа определилось четко[17].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семенов Л. П.* Шлемы из Северной Осетии.— КСИИМК, 1955, № 57.
2. *Стрельченко М. Л.* Вооружение адыгейских племен в X—XV веках.— В кн.: Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, 1960, вып. 1.
3. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессия. Ставрополь, 1971.
4. *Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Городище Бургусант, или Рим-гора.— МИСК, 1976, № 14.
5. *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.: Изд-во Дагестанск. фил. АН СССР, 1963.
6. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3.— САИ. Вып. Е1-36. Л., 1971.
7. *Гриценко Н. И.* Истоки дружбы. Грозный: Чечено-Ингушск. кн. изд-во, 1975.
8. *Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.* Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979.
9. *Магомадова Т. С., Голованова С. А.* Находки древнерусских предметов в бассейне рек Кумы и Терека (X—XV вв.).— В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушск. кн. изд-во, 1979.
10. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.
11. *Кучкин В. А.* Где искать ясский город Тютяков.— Изв. СОНИИ, 1966, т. XXV.
12. *Виноградов В. Б.* Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «Славном граде Ясском Дедякове».— Уч. зап. ЧИГПИ, № 26. Сер. истор., 1968, вып. 7.
13. МАК, 1888, вып. 1.
14. *Семенов Л. И.* Отчет об археологической работе в Чечено-Ингушской АССР в 1937 г.— Архив ЧИРКМ, оп. 5, папка 7.
15. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, вып. Е1-36. М.— Л., 1966.
16. *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1977.
17. *Даутова Р. А.* О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII—XVIII веков горной Чечено-Ингушетии.— В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: Изд-во Чечено-Ингушск. ун-та, 1979.
18. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси. XIII—XV вв. Л.: Наука, 1976.
19. *Магомадова Т. С.* К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей с русскими и Россией в XVI—XVII вв.— В кн.: Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушск. кн. изд-во, 1977.
20. *Алироев И. Ю.* Название оружия в нахских языках.— АЭС, 1976, т. IV.

[12] В отношении Северного Кавказа это положение почти не изменилось до сих пор. Одной из причин была дороговизна. По данным С. И. Макалатия, у хевсур, например, шлем оценивался «в одну корову» [22, с. 127].

[13] В «Описании черкесов» Джиовани Лукка (составлено около 1634 г.) в качестве защитного головного убора назван «кольчатый шишак, покрывающий лицо» (т. е. мисюрка). Очевидно, этот же доспех имеет в виду Дортелли д'Асколи под названием «шишак». Его описание относится к чуть более раннему времени, чем данные Джиовани Лукка [23, с. 61—72].

[14] Во всяком случае, широкое распространение мисюрок в комплексе защитного вооружения горцев Северо-Восточного и Центрального Кавказа начиная с XVII в. ни у кого не вызывает особых сомнений [24, с. 142, 143; 25, с. 343—356; 1, с. 64; 26, с. 53, 54].

[15] Видимо, поэтому Эвлия Челеби (данные третьей четверти XVII в.) при описании войска кумыкского шамхала называет и шлемы, и стальные шишаки, защищающие голову [27, с. 112].

[16] В связи с этим интересно сообщение Карла Коха (30-е годы XIX в.), который отмечает: «В прежние времена, когда огнестрельное оружие еще не было повсюду распространено, а употреблялся лук со стрелами..., носили панцырь. Весь панцырь состоит из панцырной рубашки... большого и малого шлема...» [23, с. 601, 602].

[17] Например, в погребении типичного ингушского воина XVII—XVIII вв. обнаружена мисюрка [28, с. 47]. См. также изображение чеченца на рисунке Я. Потоцкого конца XVIII в. [29, с. 16].

21. *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русск. оружие. (Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков). М.: Изд-во Комитета по делам культ. просвет. учрежд. при Совете Министров РСФСР, 1953.
22. *Макалатия С. И.* Хевсуретия. Тбилиси, 1940.
23. Адыги. балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / Сост. Гарданов В. К. Нальчик: Эльбрус, 1974.
24. *Радде Г.* Хевсуретия и хевсуры. Тифлис, 1881.
25. *Чолокашвили К. К.* Грузинское вооружение. Шлем.— ВГВГ, 1957, т. XIX-А; XXV-В.
26. *Даутова Р. А., Чахкиев Д. Ю.* Защитное вооружение у позднесредневековых вайнахов.— В кн.: IX Крупновские чтения. Элиста, 1979.
27. *Челеби Э.* Книга Путешествия. Вып. 2. М.: Наука, 1979.
28. *Семенов Л. Н.* Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал.— Изв. ЧИНИИИЯЛ, Грозный, 1960, т. II, вып. I.
29. Моя Чечено-Ингушетия, Сб. Грозный, Чечено-Ингушск. кн. изд-во, 1970.

ВОРОНОВ Ю. Н., ВОЗНЮК А. С., ЮШИН В. А.

МОГИЛЬНИК XIV—XVI ВВ. В ОКРЕСТНОСТЯХ СУХУМИ

Публикуемый ниже материал получен в результате сборов, произведенных в 1967—1969 гг. на склонах холма Ахул-абаа, расположенного в 3 км северо-восточнее Сухуми. Здесь и прежде находили фрагменты глиняной и стеклянной средневековой посуды [1, с. 124, 125; 2, с. 32, рис. 24]. В центре распаханного поля прослежено пятно (диаметром до 5—6 м), отмеченное скоплением железных гвоздей (рис. 3, *16*, *17*), угольков и золы. Вокруг этого пятна, где, вероятно, в древности возвышалось какое-то деревянное строение (часовня?), концентрировались захоронения, ориентированные, судя по доследованным остаткам их в разрезе дороги, головой на запад или юго-запад. Могильник занимает площадь свыше 500 м^2 — после плантажа на поверхности этого пространства оказалось большое число обломков человеческих костей и различных предметов.

Из керамических изделий интересны пять местных одноручных лепных кувшинов, изготовленных из глины красного обжига и довольно богато орнаментированных многорядной волной, насечками по валику вертикальными или горизонтальными врезами зубчатым штампом (рис. 1, *1—4*, *7*). Ручки кувшинов орнаментированы также продольными врезами (рис. 1, *1*, *4*, *8*). Один из сосудов еще в период использования в хозяйстве утратил горло и ручку, взамен чего были сделаны отверстия для подвешивания его на веревочке (рис. 1, *8*). Обломки кувшинов близкой формы хорошо представлены в местных памятниках развитого и позднего средневековья (замок Баграта и др.) [3, фиг. VII, *7*; 4, табл. XII, *3*]. Еще два кувшина (рис. 1, *5*, *6*), по-видимому, импортные — их характеризуют гофрированные горлышки и светло-красная, хорошо промешанная глина с обильной пироксеновидной примесью. Здесь же найдены донья (рис. 1, *9*, *10*) и стенки с налепным валиком (рис. 1, *12*) от красноглиняных пифосов, обломки кухонных горшков (рис. 1, *11*), фрагмент миски с белым ангобом и зеленой поливой.

Стеклянная посуда представлена рядом форм. К первому типу отнесены сосуды с высоким узким горлом и округлым туловом (рис. 2, *1—9*, *13*). Поверхность одного такого сосуда (рис. 2, *1*) обвита тончайшими нитями белого стекла, между которыми нанесены четыре прожилки черного и красно-коричневого цвета, крестообразно сходящиеся на дне; на шейке сосуда два воротничка из прозрачного стекла. Второй сосуд (рис. 2, *3*), изготовленный из зеленого стекла с мелкими вытянутыми пузырьками, имеет в средней части шейки стеклянный витой воротничок. Третий сосуд (рис. 2, *5*) по форме близок к последнему, но вместо воротничка его шейка имеет узкое поперечное вздутие; стекло зеленое с синеватым оттенком. На внутренних стенках сосуда из прозрачного бесцветного стекла (рис. 2, *2*) сохранились остатки коричневого осадка от

Рис. 1.

какой-то жидкости. Сложная конструкция поддона отличает два сосуда (рис. 2, *8*, *9*) от второго и третьего; стекло бесцветное прозрачное, шейки гофрированные. Посуда этого типа широко представлена во многих пунктах Кавказа (Тбилиси, Ереван, Шемаха, Карагаджи, Махческ и др.), где она датируется XVI — началом XVII вв. и связывается с иранскими мастерскими (Исфахан, Шираз и др.) [5, с. 196, табл. XXVIII, *2*; 6, с. 222, табл. I, II]. Близкие изделия в последнее время стали известны и в могильниках XIV — начала XVII вв. в Цебельде (Вороновский храм, крепость Цибилиум) [7, табл. XLVII, *20*; 8, с. 478].

Ко второму типу отнесены фляговидные сосуды (рис. 2, *10*, *11*, *14—16*). Один такой сосуд изготовлен из голубоватого стекла (рис. 2, *14*). Другой сосуд имел крупную гофрировку корпуса с поперечным наплывом на короткой шейке (рис. 2, *11*); стекло цвета изумрудной зелени. Два сосуда с гофрированными горловинами и туловами изготовлены из золотисто-коричневого (медового) (рис. 2, *10*) и зеленоватого (рис. 2, *16*) прозрачного стекла. Обломки таких сосудов известны в окрестностях Сухуми [3, с. 29, фот. VI, *9*] и из Тбилисской крепости [6, табл. III, *2*], где они также датированы XVI—XVIII вв.

Третий тип стеклянной посуды из рассматриваемого могильника характеризуется стакановидными сосудами, от которых сохранились обломки закраин молочного (рис. 2, *6*) и темно-зеленого (рис. 2, *4*) цвета. Четвертый тип представлен бокалом на высокой полой ножке, изготовленным из белого полупрозрачного стекла; стенки его оформлены сотовидным орнаментом (рис. 2, *15*). К пятому типу отнесен гюлабдан

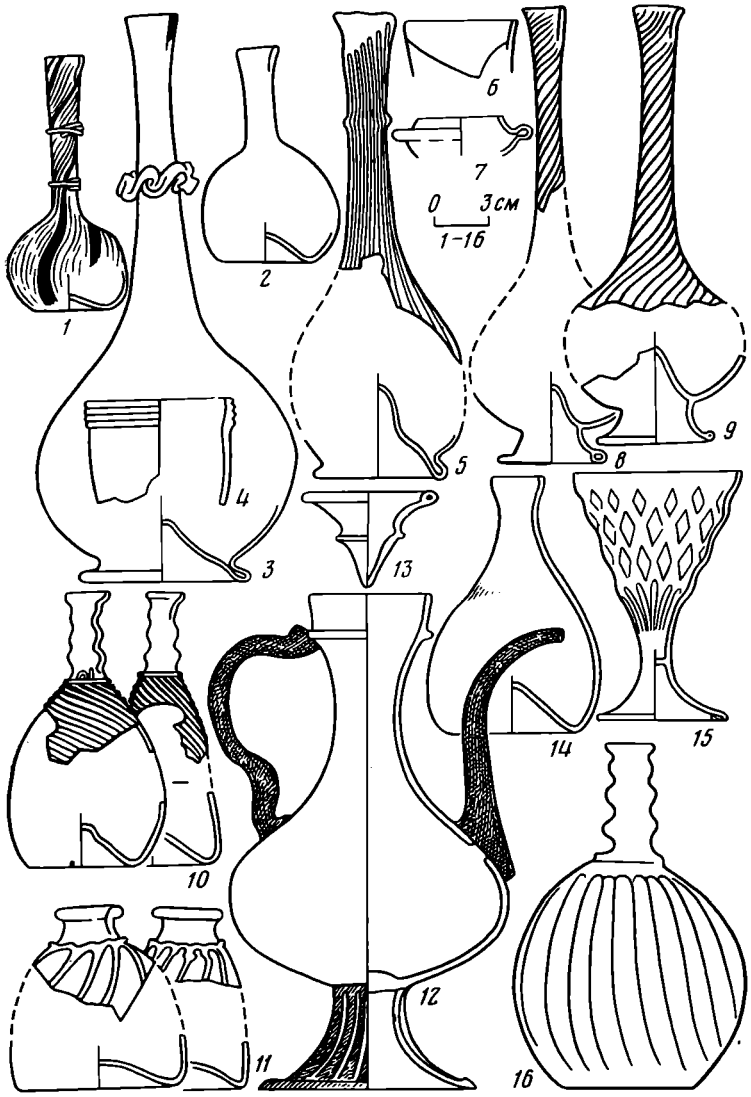


Рис. 2.

(кувшин для розовой воды), изготовленный по типу иранских металлических сосудов, широко распространенных в XVI—XVIII вв. [9, с. 44, 45, табл. IV]; стекло полупрозрачное молочного (тулово) и коричневого (носик, ручка и донная часть) цвета (рис. 2, *12*). Крышкой гюлабдану служило донышко стеклянного сосуда первого типа (рис. 2, *13*).

Помимо описанных экземпляров, большинство которых удалось восстановить из обломков, в коллекцию входит множество фрагментов от по меньшей мере 15 стеклянных сосудов, либо соответствующих описанным типам, либо принадлежащих сосудам, форма которых неясна. Среди последних венчик (рис. 2) из прозрачного стекла с молочным оттенком, обломки сосуда кобальтового цвета, а также молочного цвета со следами вытравленного на наружной поверхности узора.

Железное оружие представлено саблями и ножами. Сабли имеют прямой клинок (рис. 3, *1—4*). Обкладка их рукояток деревянная на двух или трех железных штырях. Вдоль лезвия часто наблюдаются продольные борозды (рис. 3, *2*). Ножи по форме близки к современным (рис. 3, *5—12*). Деревянная обкладка рукояток держалась на железных или бронзовых штырях числом от трех до пяти. Переход от ручки к лезвию образован обычно плавным срезом угла планок (рис. 3, *9*), реже оформлен бронзовой обоймочкой (рис. 3, *10*). В одном случае тыльная сторона рукояти имела бронзовое навершие (рис. 3, *12*). Из хозяйственных орудий интересен обломок пилы (рис. 3, *18*), по своей форме близкой

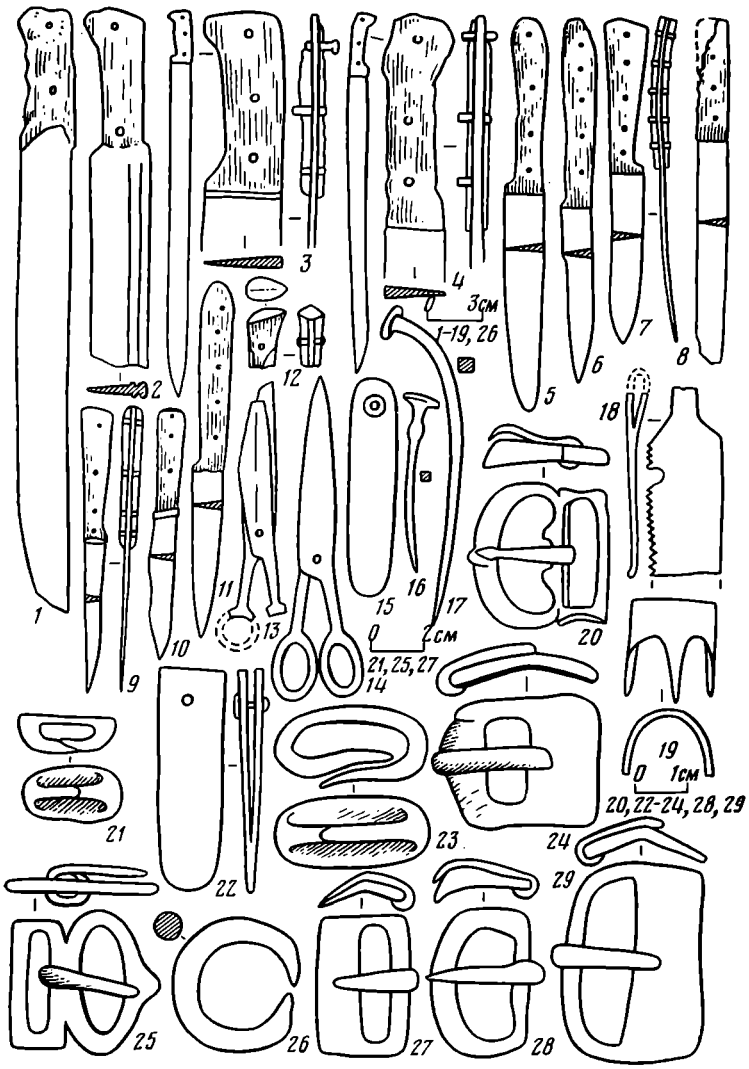


Рис. 3.

к пилам из курганов XIV—XV вв. у Новороссийска [3, с. 29, фот. VI, *9*], и железный предмет с тремя шипами неясного назначения (рис. 3, *19*). К бытовым предметам относятся железные ножницы (рис. 3, *13*, *14*) и каменные оселки (рис. 3, *15*).

Поясной набор представлен железными (рис. 3, *24*, *25*, *27—29*) и бронзовой (рис. 4, *20*) пряжками, железными обоймами (рис. 3, *21*, *23*) и ременным наконечником (рис. 3, *22*). Украшения включают навершие серебряной булавки с изображениями петушков (рис. 4, *2*), серебряные (рис. 4, *3*, *4*) и бронзовые (рис. 4, *8*) серьги с серебряными шаровидными трехъярусными подвесками, кольцевидные серьги из серебряной (рис. 4, *5*) и (по рассказам местных жителей) золотой проволоки четырехгранного сечения, пластинчатые бронзовые подвески (рис. 4, *6*), золотое колечко (рис. 4, *7*), белые стеклянные призматической формы бусы с кобальтовой глазурью (рис. 4, *12—15*), сердоликовую шестигранную бусину (рис. 4, *10*), бусину из стекла медового цвета (рис. 4, *11*). Интересны бронзовое зеркало (рис. 4, *1*) и парадное серебряное кольцо для натягивания тетивы с черненым узором на щитке (рис. 4, *9*) также, вероятно, иранского происхождения [10, с. 26]. Подобные изделия получили распространение на Кавказе после монгольского нашествия (XIII—XIV вв.) [11, с. 259]. Особняком стоит массивное бронзовое кольцо (рис. 3, *26*) неясного назначения.

В коллекцию находок с территории рассматриваемого могильника входят две серебряные монеты — местные подражания трапезундским аспрам (кирманеули):

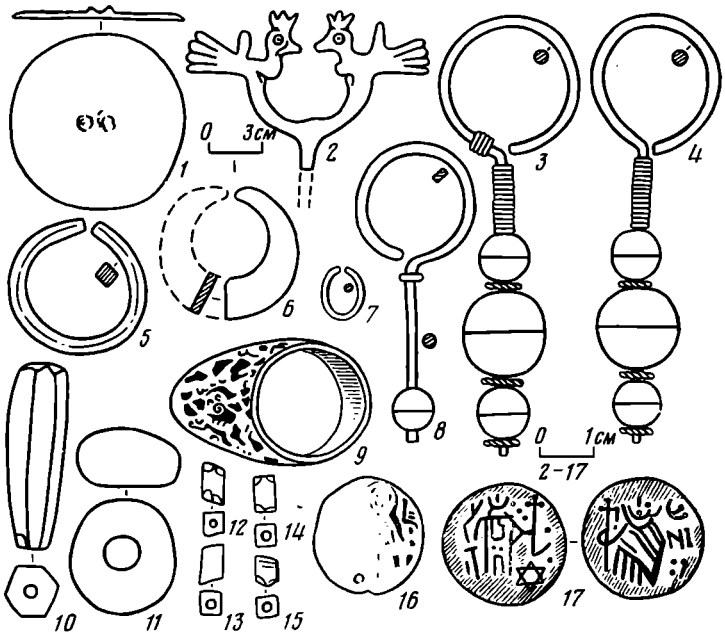


Рис. 4

№ 1 (рис. 4, *16*). AR. 1,7 г. Имеется отверстие для подвешивания.

Av. Сильно стертое изображение стоящего царя.

Rv. Сильно стертое схематичное изображение св. Евгения.

№ 2 (рис. 4, *17*). AR. 1,57 г.

Av. Схематическое изображение стоящего царя, опирающегося правой рукой на лабарум, у левой руки крест. Слева у ног шестиконечная звезда — «печать Соломона». Следов надписи почти не сохранилось.

Rv. Схематическое изображение покровителя Трапезундской империи св. Евгения. У левой его руки греческие буквы Є и NI — сокращенное написание имени Евгений.

Обе рассмотренные монеты, судя по стилистическим особенностям, размеру и весу, датируются XIV в. [12, с. 95—98].

Пространственная близость находки отдельных предметов открывает некоторую возможность частичной реконструкции комплексов. Так, одна сабля (рис. 3, *2*) найдена с пряжкой (рис. 3, *27*), другая (рис. 3, *4*) с бусиной (рис. 4, *11*), третья (рис. 3, *1*) со стеклянным сосудом (рис. 2, *14*), монета (рис. 4, *16*) с кольцом (рис. 4, *9*), серьга (рис. 4, *8*) с бусами (рис. 4, *12—15*) и кусочком серы. Оба привозных кувшина (рис. 1, *5*, *6*) находились рядом, стеклянный сосуд (рис. 2, *2*) найден с железным ножичком (рис. 3, *10*), еще один стеклянный сосуд (рис. 2, *10*) рядом с монетой (рис. 2, *14*) и другим стеклянным сосудом (рис. 2, *11*), бронзовое кольцо (рис. 2, *26*) вместе с днищем пифоса (рис. 1, *9*). Наконец, навершие булавки (рис. 4, *2*), зеркало (рис. 4, *1*), две серьги (рис. 4, *3*, *4*), ножницы (рис. 3, *14*) и гюлабдан (рис. 2, *12*) с крышкой (рис. 2, *13*) были найдены в срезе дороги рядом с черепом.

Исходя из приведенных выше сопоставлений хронологические рамки могильника на холме Ахул-абаа могут быть определены предварительно XIV — началом XVII вв. Столь выразительного набора находок этого периода на территории Абхазской АССР пока не выявлялось. Обращает на себя внимание совмещение в могильнике отдельных черт языческого (отсутствие нательных крестов, богатый инвентарь) и христианского (ориентировка костяков) погребальных обрядов. Описанные материалы свидетельствуют о зажиточности погребенных, широких торговых и культурных контактах местного населения с далекими странами. Не исключено, что эти материалы отражают тот период расцвета, пережитый городом Сухуми — средневековым Севастополем, о котором, в частности,

Афанасий Никитин оставил следующую запись: «А в Севастьей губе, да в Грудзыньской (т. е. в Севастопольской и Грузинской бухте.— *Авт.*) земле добро обильно всем» [13, с. 74]. Раскопки еще не разрушенных горизонтов рассмотренного могильника несомненно обогатят наши представления об облике материальной культуры Абхазии позднесредневекового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьев Л. Н.* Диоскурия — Севастополис — Цхум.— ТАГМ, I, 1947.
2. *Воронов Ю. Н.* Ахул-абаа — поселение античного времени в окрестностях Сухуми.— МАА, 1978.
3. *Сизов В. И.* Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии.— МАК, II, 1889.
4. *Бгажба О. Х.* Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII—XIV вв.). Сухуми: Алашара, 1977.
5. *Ломтатидзе Г. А., Мамайашвили И. Ф., Чхатарашвили М. Н.* К вопросу о культурных связях средневековой Грузии с Ираном (по археологическим материалам).— Искусство и археология Ирана: Доклады Всесоюзной конференции (1969). М., 1971.
6. *Чхатарашвили М. Н.* Стеклянная посуда позднефеодального периода из Тбилисской цитадели.— Археологические памятники феодальной Грузии. II. Тбилиси, 1974.
7. *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
8. *Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х. и др.* Исследования в Цебельдинской долине.— АО — 1977. М., 1978.
9. *Асадуллаева С. Х.* Произведения иранских мастеров в собрании Государственного музея искусств им. Р. Мустафаева.— Искусство и археология Ирана: Доклады Всесоюзной конференции (1969 г.). М., 1971.
10. *Иванов А.* Кольцо Шах-Джахана.— СГЭ, 1972, XXXIV.
11. *Абакаров А. И.* Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана.— Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
12. *Капанадзе Д. Г.* Грузинская нумизматика. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
13. *Баранов Л.* Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию. Калинин, 1939.

Критика и библиография

Jayaswal V. Palaeohistory of India (A Study of the Prepared core technique). Adam Kala Prakashan, Delhi, 1978, 243 p., 53 tab.

После открытия Б. Футом в 1863 г. орудия палеолитического облика близ Мадраса на территории индийского субконтинента были открыты и изучены многочисленные палеолитические памятники, исследование которых особенно продвинулось за последние десятилетия. Наиболее фундаментальные сводки накопленных данных принадлежат перу Б. Суббарао [1] и Х. Санкалия [2]. Их выход в свет отделен друг от друга на 15 лет, и за это время, как это и отражено в работе Х. Санкалия, произошел дальнейший сдвиг как в увеличении числа известных памятников, так и в расширении масштаба раскопок. Несколько лет назад были опубликованы сводки радиокарбоновых дат для разных хронологических этапов палеолита [3, 4]. Новая книга С. Гупты демонстрирует интерес, который индийские исследователи проявляют к результатам изучения палеолита в других районах, в частности на территории южных областей СССР [5]. Таким образом, индийский палеолит, можно считать, получил не только достаточно полное описание и геолого-стратиграфическую характеристику, но и в сравнительном плане рассмотрен довольно детально.

И все же рецензируемая книга привлекает пристальное внимание даже на фоне этих несомненных успехов. Это диссертационная работа, защищенная в 1973 г. на степень доктора философии, но опубликованная с дополнениями, учитывающими новейшие находки и результаты их обработки. Однако молодая исследовательница и до появления этой книги была известна в палеолитоведении своими статьями, из которых наиболее важными являются работы о применении статистических методов при изучении кремневого инвентаря, влиянии характера материала на форму каменных орудий и вообще о технике обработки камня в разных палеолитических памятниках Индии [6; 7; 8]. Она самостоятельно проработала все сколько-нибудь значительные коллекции по индийскому палеолиту в хранилищах многочисленных университетов и археологических научно-исследовательских лабораторий со специальным упором на изучение техники обработки орудий, и поэтому книга представляет собою не только крупное технологическое руководство по индийскому палеолиту, но и доведенный до современности каталог и обзор памятников с информацией об их географическом положении, геологической датировке, местонахождении коллекций и другими важными техническими сведениями, например численности коллекций.

Структура монографий отражает широкий диапазон ее содержания и большое внимание, уделяемое автором вопросам изучения палеолитической техники. В первой главе, которая является вводной, излагается история исследования палеолита в Индии начиная с третьей четверти прошлого века и обосновывается методология авторского подхода к конкретному описанию палеолитических орудий, рассматриваются выделяемые типы нуклеусов, с которых скалывались пластины, кратко характеризуются используемые статистические приемы. При малочисленности многих коллекций достаточно сложные статистические методы, все шире входящие сейчас в археологию, неприменимы, и автор ограничивается подсчетом процентного соотношения разных типов орудий и представлением полученных результатов на диаграммах, отражающих хронологическую динамику, т. е. изменение соотношения разных типов в зависимости от стратиграфических горизонтов внутри тех или иных памятников. Последняя часть введения посвящена терминологии. В этой части обосновано использование европейской шкалы для характеристики хронологических периодов индийского палеолита (целесообразность употребления таких понятий, как нижний, средний и верхний палеолит по отношению к палеолиту Индии), а также подробно изложено, что автор с типологической и технической стороны понимает под тем или иным типом орудий. Это проиллюстрировано двумя специальными таблицами со схе-

матическими, но очень ясными инструктивными рисунками. Широко использована типологическая схема Ф. Борда, хотя в нее и внесены некоторые модификации.

Вторая глава представляет собою упомянутый выше каталог палеолитических стоянок и местонахождений с подъемным материалом. Характеризуя географическое местоположение, географическую стратиграфию и палеогеографическую обстановку, автор предупреждает, что эта характеристика целиком основана на первичных и полных оригинальных описаниях и что она сама не вносит в характеристику ничего оригинального; это как бы хрестоматия результатов полевых наблюдений на каждом памятнике, имеющая значение сводки первоисточников. Материал сгруппирован по восьми крупным районам, как правило (хотя и не обязательно), тяготеющим к долинам крупных водных артерий: 1) район, лежащий к югу от долины р. Кришны; 2) долина р. Кришны и прилегающие области; 3) долина р. Годавари и прилегающие области; 4) долина р. Тапти и прилегающие области; 5) долина р. Нармада и округ Райзен; 6) северные районы Индии; 7) восточная Индия, включая плато Чотанагпур, Ориссу и Ассам; 8) пригималайский район, включая высокогорные области Джамму и Кашмир. Эти восемь крупных районов подразделены дальше на подрайоны в соответствии с географическим принципом. К сожалению, изложение не сопровождается крупномасштабной картой, на которой были бы продемонстрированы местоположение всех памятников и их географическая группировка,— число упоминаемых памятников превышает 130, и остается неясным, в какой мере они самостоятельны, а в какой происходящие из них коллекции образуют сборные серии.

Третья глава посвящена анализу материалов из нижнепалеолитических коллекций. Автор отдельно рассматривает три группы памятников, классифицируя их по преобладающим формам найденных на каждом памятнике орудий. Первая группа — это памятники с чопперами и чоппингами, географически охватывающие обширное пространство от пригималайского района на севере до Кералы на юге, но концентрирующиеся преимущественно в центральных областях. Если говорить о памятниках с достаточно многочисленным инвентарем и вообще изученных сколько-нибудь подробно, то к этой группе относится практически не больше пяти местонахождений. Следующая группа представлена памятниками с типологически смешанным инвентарем, в котором имеются как рубящие орудия типа чопперов, изготовленные часто из грубых нуклеусов, так и двусторонне обработанные ручные рубила, число которых, однако, во всех случаях составляет меньшинство. Число памятников в смешанной группе значительно больше, чем в первой (около 20), а географически они занимают центральные, восточные и южные районы Индии, не концентрируясь особенно ни в одном из районов. Не очень ясно, почему автор, картографируя памятники с разными технологическими традициями, в этом случае на значках карты продемонстрировала вопреки сути дела и своему собственному тексту резкое преобладание двусторонне обработанных орудий над чопперами. Третью группу составляют местонахождения ручных рубил и кливеров. Местонахождений немного (всего четыре), но они располагаются на крайнем севере, крайнем западе, крайнем востоке и крайнем юге Индии. Любопытно отметить, что если выбирать памятники, в которых представлены резко контрастные типы инвентаря, то такие памятники концентрируются преимущественно в центральных районах, захватывая и южную Индию, что иллюстрируется специальной, достаточно выразительной картой. Создается впечатление, если исходить из гипотезы смешения разных технологических традиций на территории Индии, что это смешение имело место в первую очередь в центре Индии и уже потом смешанные памятники распространились на юг. Суммируя все эти наблюдения, автор приходит к справедливому выводу, что «невозможно наметить два различных района (рис. 1) для традиций изготовления рубящих орудий (peble tools) и рубил и кливеров (handaxes, cleavers), как это делалось раньше» (с. 86).

В четвертой и пятой главах соответственно рассматриваются накопленные к настоящему времени материалы по среднему и верхнему палеолиту. Как это ни кажется парадоксальным, материалов этих значительно меньше, чем по нижнепалеолитической культуре, особенно для верхнего палеолита. Частично это объясняется меньшим вниманием, которое уделяли индийские археологи и зарубежные специалисты, работавшие в Индии, поздним памятникам по сравнению с ранними, а частично проистекает за счет обычного положения памятника на более низких террасах, интенсивно обжитых в более поздние эпохи, в том числе и в настоящее время. Все это лишает возможности столь четко выявить географическую дифференциацию тех-

нологических традиций в разных памятниках, как это оказалось возможным в нижнепалеолитической индустрии.

Автор, как и в предыдущем случае, подробно описывая технику сколов и формы орудий, очень осторожно формулирует вывод и воздерживается от того, чтобы предлагать определенное географическое районирование, хотя и не отрицает, что дальнейшее накопление данных полевых наблюдений и раскопок, а также их более углубленный анализ могут выявить географическую специфику разных групп памятников. По отношению к среднепалеолитическим культурам окончательный вывод сформулирован следующим образом: «Хотя наш технико-типологический анализ и предполагает наличие небольших вариаций, в высшей степени сомнительно, могут ли они быть отнесены к определенным районам. Как указывалось ранее, кажется, что эти вариации представляют собою результат влияния более ранних традиций. Может быть, целесообразно напомнить, что даже внутри нижнепалеолитической фазы для нас оказалось невозможным увязать выявленные типолого-технические вариации с определенными областями субконтинента» (с. 167). Сходным образом звучит и итоговый вывод по отношению к верхнепалеолитической культуре: «Хотя наш анализ предполагает возможность типолого-технологических вариаций внутри верхнепалеолитической фазы на субконтиненте сейчас невозможно фиксировать эти вариации с определенностью» (с. 193).

Две последние главы — шестая и седьмая — носят обобщающий характер и подводят главные итоги предшествующему изложению. Обе они представляют собою фактически критический комментарий к нескольким таблицам, содержащим данные о частоте встречаемости отдельных форм инвентаря. Частота встречаемости приведена для типов ретуши, формы ударной площадки, углов схождения плоскостей ретуши, размеров и формы сколов. Отмечено, что в ряде случаев, как, например, в Белане, материал, доступный для изготовления орудий, оказывал значительное влияние на характер технологии. В Белане материал мог добываться только в форме крупных блоков кварца, и изготовление орудий в этом случае проходило через два этапа, четко выявляемых при технологическом анализе,— первичное расчленение этих блоков и изготовление орудий уже из расчлененных кусков. Так называемая леваллуазская техника вообще явно преобладает при изготовлении орудий из кварца.

Все изложенное чрезвычайно важно для правильной современной оценки всех проблем, связанных с трактовкой «линии Мовиуса» и самими доказательствами ее реальности. Как известно, концепция Х. Мовиуса о существовании двух нижнепалеолитических культур вызвала оживленную дискуссию и имеет в настоящее время как защитников, так и противников. Совершенно очевидно, что концепция эта не может быть принята в таком виде, в каком она была изложена Х. Мовиусом 35 лет тому назад. Открытие П. И. Борисковским нижнепалеолитической стоянки на горе До с ручными рубилами, как и паджитанская индустрия с нижнепалеолитическими рубилами, свидетельствуют о том, что «линия Мовиуса» не может рассматриваться как географическая граница между двумя реально существовавшими технологическими традициями с определенными ареалами. Открытие сосуществования двух традиций — изготовление чопперов и ручных рубил — в западных пригималайских районах расширяет число конкретных наблюдений и фактов, заставляющих отказаться от признания «линии Мовиуса». Но остаются преобладающие тенденции преимущественного изготовления ручных рубил на западе, а чопперов — на востоке Евразии на заре палеолитического времени. Тенденции эти отчетливо видны и на территории Индии, и рецензируемая книга расширяет фактическую базу — число и характеристику памятников с преобладанием того или иного основного типа орудий. Было бы хорошо, если бы мы располагали подобными продуманными и тщательно составленными сводками по другим ключевым территориям азиатского материка.

Подведем итог. Несмотря на отдельные высказанные выше замечания, рецензируемая книга представляет собой крупный вклад в литературу предмета, и без учета представленных в ней фактов теперь невозможна будет сколько-нибудь серьезная разработка вопросов изучения палеолита Южной Азии.

В. П. Алексеев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Subbarao B.* The personality of India. Pre- and protohistoric foundation of India and Pakistan. Baroda, 1958.
2. *Sankalia H.* Prehistory and protohistory of India and Pakistan. Poona, 1974.
3. *Agrawal D., Ghosh A.* (eds.). Radiocarbon and Indian archaeology. Bombay, 1973.

4. *Agrawal D., Kusumgar S.* Prehistoric chronology and radiocarbon chronology in India. Delhi, 1974.
5. *Gupta S.* Archaeology of Sowiet Central Asia and the Indian borderland. Vol. I—II. Delhi, 1979.
6. *Jayaswal V.* A note on the influence of raw material on blank-detaching technique.— Puratattva. Delhi, 1972—1973, № 6.
7. *Jayaswal V.* Some aspects of technique in the old stone age cultures of India: a comparative review.— Eastern anthropologist, Lucknow, 1974, v. 27, № 3.
8. *Jayaswal V., Pant P.* Statistical studies with reference to technique of manufacture of palaeolithic artefacts.— In: Agrawal D., Ghosh A. (eds.) Radiocarbon and Indian archaeology. Bombay, 1973.
9. *Movius H.* Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia.— In: Papers of the Peabody museum of Amer. Archaeology and Ethnology. Cambridge, Massachusetts, 1944, v. XIX, № 3.

Petsas Ph. Pella: Alexander the Great's Capital. Thessaloniki. Institute for Balkan Studies, 1978.

Эллинизм и эллинистическая культура определяются как результат взаимодействия эллинских и восточных (главным образом азиатских) элементов, происходившего в конкретных условиях, создавшихся после завоевания государства Ахеменидов Александром Македонским. И это совершенно справедливо. Однако при этом невольно совершается некоторая подмена понятий. Когда говорят о завоевании Востока Александром, об армии, которую он вел, о политической структуре возникших после его смерти государств, постоянно употребляют двойное понятие: греко-македонское завоевание, греко-македонская армия, власть греко-македонян. Но когда переходят к рассмотрению проблем культуры, македонский компонент полностью исчезает из поля зрения исследователей. На этот недостаток в самом подходе к изучению эллинистической культуры уже указывалось в современной литературе [1, с. 45]. Можно думать, что отчасти этот недостаток объясняется сравнительно малой археологической изученностью Македонии. Однако в последнее время на территории Македонии были сделаны важнейшие археологические открытия, выявлены новые чрезвычайно интересные памятники конца эпохи классики и начала эллинистической эпохи, которые (помимо всего прочего) важны для постановки проблемы собственно македонского вклада в эллинистическую культуру. К числу их в первую очередь относятся предполагаемая гробница Филиппа II [2, p. 31—42] и предшествующие ей (по времени исследования) раскопки в столице македонских царей — Пелле.

Рецензируемая книга, принадлежащая перу Фотия Пецаса, руководителя раскопок в Пелле, представляет собой сборник уже ранее публиковавшихся статей, являющихся либо предварительными отчетами о раскопках, либо публикациями отдельных категорий находок. Поскольку до сего времени нет полного отчета о раскопках Пеллы, этот сборник до некоторой степени должен заменить его (что отнюдь не означает, что исчезла потребность в настоящем археологическом отчете).

Книга включает следующие статьи: «Открытие столицы Александра Македонского», «Новые открытия в Пелле: в городе, где родился Александр и где была его столица», «Пелла: литературная традиция и археологические исследования», «Некоторые образцы эпиграфических памятников из Пеллы», «Мозаики из Пеллы», «Десять лет в Пелле», «Пелла», «Археологическая хроника 1951—1965 гг.», «Археологическая хроника 1966—1967 гг.», «Археологическая хроника 1968—1970 гг.».

Литературные свидетельства о Пелле (хотя она и играла огромную роль как столица Македонского царства) довольно ограничены. Впервые о ней упоминает Геродот как об одном из пунктов на пути армии Ксеркса во время персидского нашествия. Фукидид говорит о Пелле дважды. Особенно важно сообщение о том, что македонский царь Архелай перенес столицу из Эдессы в Пеллу. С того времени Пелла неоднократно мелькает в текстах античных авторов, однако, как правило, эти сообщения очень кратки. Кроме того, в таких сообщениях чаще всего говорится о некоторых моментах культурной жизни Пеллы: о том, что для украшения дворца Архелай пригласил известнейшего греческого художника Зевксиса, о том, что в Пелле провел последние годы жизни великий трагик Еврипид, о приглашении сюда известного музыканта Тимофея и т. п.

Материалы по истории собственно города содержат только немногие из сообщений античных авторов. Так, Ксенофонт в «Греческой истории» пишет, что в его время

Пелла была крупнейшим из городов Македонии. Единственное сколько-нибудь полное описание города имеется только у Ливия (видимо, заимствование из Полибия). Оно связано с рассказом о захвате македонской столицы римлянами после битвы при Пидне в 168 г. до н. э.

На базе этого описания путешественники конца XVIII—XIX вв. смогли примерно определить местонахождение Пеллы, но их представления о плане города весьма разнились между собой, что объясняется очень небольшим количеством находок на поверхности. Первые раскопки на территории Пеллы были проведены профессором Г. Ойкономосом в 1914 г. Тогда были обнаружены остатки домов греческого типа с перистильными двориками и подземными цистернами, некоторое количество вещевого материала. После этого археологические работы возобновились только в 1951 г.

Археологические исследования, проведенные Ф. Пецасом, включали в себя значительное количество небольших разведочных раскопов и траншей по всей территории городища и один большой раскоп в центре его. В результате этих работ было выявлено, что древнейшее поселение на месте Пеллы относится к «доисторическому» времени, оно расположено на острове Факос (упоминаемом античными авторами) посреди некогда существовавшего озера. Правда, в настоящее время благодаря мелиоративным работам, проведенным в 30-е годы, это озеро осушено и остров ныне представляет собой небольшую возвышенность среди равнины. Видимо, именно это поселение носило название Βούνομος (как сообщает Стефан Византийский). Еще одно поселение того же времени выявлено в окрестностях Пеллы. Вдоль дороги, ведущей из Фессалоник к Пелле, расположено несколько курганов. Ранние исследователи насчитывали их девять, однако работы Ф. Пецаса показали, что одно из возвышений, принимавшееся ранее за курган, в действительности представляет собой остатки «доисторического» поселения. Можно полагать, что на о. Факос жизнь продолжалась непрерывно со II тысячелетия до н. э. вплоть до римского времени. Ф. Пецас обнаружил здесь остатки мощной стены и часть здания с перистальным двориком. Литературные свидетельства говорят о том, что на острове располагались царская сокровищница и тюрьма. Кроме того, остров с его мощными укреплениями служил своего рода передовым форпостом, защищавшим город с юга.

Общая площадь города Пеллы достигала в момент наивысшего расцвета 2×1,5 км. Древнейшей частью собственно города оказалась территория на холме с двумя вершинами, находящемся к западу от современной деревни Палайа Пелла. В более позднее время на этом холме располагался акрополь. Небольшие разведочные раскопки, проведенные здесь, показали наличие фундамента мощной стены (толщиной 2,2 м), выложенного из каменных блоков на специально выровненной поверхности скалы. Возможно, это остатки укреплений акрополя, хотя не исключено и другое предположение — о том, что мы имеем дело с остатками стены дворца. Обнаружены остатки и второй стены — длиной более 40 м, для сооружения которой были использованы архитектурные детали более ранних зданий: дорийские и ионийские капители, метопы, капители пилястр и др. Третья стена, выявленная в этой части города, видимо, является задней стеной стои. Она также включала в себя во вторичном использовании архитектурные детали (характерно использование деталей очень крупных размеров: стволы колонн диаметром до 1 м, абака дорийской капители со стороной в 1,2 м). Литературная традиция говорит о расположении на акрополе Пеллы дворца царя Архелая и храма Афины Алкидемы. По мнению Ф. Пецаса, те небольшие по размерам раскопки, которые были проведены на холме если не подтверждают прямо этих свидетельств, то по крайней мере не противоречат им.

Во время Филиппа II и Александра город «спустился» с холма и занял обширную территорию на равнине. Наибольшие по масштабам раскопки были проведены в центре равнинной части города. Здесь были обследованы (все частично) остатки шести кварталов. Бесспорно ясно, что город (или во всяком случае его центральная часть) был спланирован в виде регулярной сетки кварталов. Все кварталы имели примерно одинаковые размеры: 45,65—47,00×111,50 м. Они ориентированы строго по странам света, длинными сторонами на север. Более широкие улицы (до 9 м шириной) идут с запада на восток, более узкие (до 6 м) — с севера на юг. Вдоль улиц проходили водостоки, связанные с отдельными домами. Наиболее полно исследован квартал № 1 (неизученной осталась только самая южная часть его вследствие того, что здесь проходит дорога Фессалоники — Эдесса). Видимо, весь квартал в данном случае занимало одно здание, при этом вполне возможно, что оно имело общественный характер, поскольку практически полностью отсутствовали находки бытового ха-

рактера (в то время как при раскопках в других кварталах они были достаточно многочисленны).

Сохранность архитектурных остатков не очень хорошая. Как правило, камни, из которых складывались стены, были выбраны местными жителями. На месте остались только фундаменты и иногда нижние части стен. Лучше сохранились остатки колонн, большая часть барабанов колонн осталась на месте, так что некоторые из колонн удалось восстановить полностью, а основную часть — частично. Было также найдено большое количество фрагментов черепицы, антефиксы и фрагменты гипсовых расписных карнизов, украшенных пальметками (использовались следующие цвета: серый в качестве основы, а поверх его для рисунка — пурпурный, белый, черный и желтый).

Основной особенностью архитектурного решения всех выявленных комплексов является ведущая роль перистильного двора. В квартале № 1, видимо, как уже отмечалось, представлявшем единое здание, имелось три перистиля, вокруг которых располагались все остальные комплексы (колонны — ионийского ордера). Кварталы № 2, 4 и 5 вскрыты только на очень небольшой части, поэтому об устройстве их судить нельзя, но в нескольких более полно исследованных кварталах (№ 3 и квартал в секторе IV) также обнаружены перистильные дворы, в одном случае — один, в другом — два.

Наиболее яркими находками, сделанными в ходе раскопок Пеллы и привлекшими наибольшее внимание специалистов, были мозаики. Они покрывали полы многих помещений тех зданий, которые были обнаружены в центре города. Интересной особенностью этих находок в Пелле было то, что здесь представлены все существовавшие в Элладе и Македонии того времени типы мозаик.

Простейший тип покрытия пола, не являющийся, в сущности, мозаикой,— покрытие из битой керамики и фрагментов черепицы. Более сложным типом можно считать покрытие пола, в котором использованы кусочки мрамора. Наконец, первым видом собственно мозаичного пола служит тот, в котором в цементную основу помещаются небольшие гальки разного цвета, составляющие отдельные цветовые пятна. Подобного же типа (технически) — мозаичные полы с геометрическим рисунком. Последним и, естественно, наиболее сложным видом мозаик являются мозаичные полы из галечных камешков различного цвета, составляющих фигурные композиции. Удалось выявить некоторые особенности техники их изготовления. На основу накладывался слой цемента, на котором процарапанными линиями наносились контуры рисунка. Поверх вкладывались камушки, причем иногда пространство между ними было довольно велико; это пространство также заполнялось цементом. У всех фигур отсутствуют глаза, по-видимому, они были выполнены из полудрагоценных камней. Иногда контур фигур очерчивался тоненькими свинцовыми пластинками. Фигурные панно в некоторых случаях окружались своего рода широкой рамкой с растительными мотивами. В одной мозаике к ним добавлены и изображения животных – кабанов и пантер.

Всего при раскопках Пеллы обнаружено семь мозаик с изображениями: Дионис, сидящий на спине пантеры; сцена охоты на льва; пара кентавров; орлиноголовый грифон, нападающий на оленя; похищение Елены Тезеем; сцена амазономахии; сцена охоты на оленя. Все эти произведения относятся к лучшим образцам античного искусства мозаики. Одну из сцен Ф. Пецас считает воспроизведением исторического сюжета: он полагает, что в сцене охоты на льва, где представлены два человека, изображен момент, когда Кратер убивает льва, напавшего на Александра Македонского. В сцене с изображением кентавров Ф. Пецас обращает особое внимание на то обстоятельство, что впервые в греческом искусстве кентавриссу изобразил именно Зевксис, работавший в Пелле примерно веком раньше. В мозаике, где представлено похищение Елены Тезеем, над головами участников камешками же выложены их имена: Форбас, Тезей, Елена, Деянира. В мозаике с изображением охоты на оленя примечательна надпись (также выложенная галькой) в верхней части сцены — ΓΝΩΣΙΣ ΕΠΟΗΣΕΝ («сделал Гносис»). Первые четыре мозаичные картины Ф. Пецас датирует концом IV в. до н. э., последние три — самым началом III в. до н. э.

Среди других находок, сделанных при раскопках Пеллы, необходимо отметить большое количество терракотовых статуэток и форм для их изготовления, керамику, фрагменты мраморной черепицы, железное оружие, более 100 монет (времени от Филиппа II до римского завоевания), несколько скульптур (в том числе изображение собаки, датируемое 460—450 гг. до н. э.— случайная находка). В большинстве

случаев эти находки не описываются сколько-нибудь подробно, только иногда о них сообщаются некоторые сведения, например отмечается, что среди керамики встречаются формы, очень сильно напоминающие формы сосудов «доисторического» времени.

Представляют интерес и эпиграфические памятники Пеллы. Все памятники лапидарной эпиграфики происходят не из раскопок, а являются результатом случайных находок. Из их числа необходимо отметить: посвящение Асклепию; посвящение Великим богам, сделанное Кратоном, сыном Кратера, из Магнесии на Меандре; несколько надгробных надписей. Среди последних интересны двухязычные, где одно и то же содержание передается на греческом и латинском языках. Среди памятников керамической эпиграфики — штампы на черепице ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ, встречающиеся на многих экземплярах; штамп ΠΕΛΛΗΣ и монограммы, которые могут быть расшифрованы как Лисимах, Еварх, Сосий, Николай; штампы на керамических трубах водопровода. Здесь в большинстве случаев встречаются монограммы, некоторые из которых можно расшифровать как Βασιλέως φιλίππου («царя Филиппа»). Кроме того, известны также штампы ΔΗΜΟ(ΣΙΟΣ) («общественная»), ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ («царская»), ΠΕΛΛΗΣ («принадлежащая Пелле»). Аббревиатура ΗΜΑ, согласно Ф. Пецасу, должна быть расшифрована ΗΜΑ(ΘΙΑΣ), т. е. как указывающая на принадлежность к производству Ематии (район Македонии, в который входила Пелла). Штампы на ручках амфор представлены большим количеством экземпляров (более 500): Фасос, Книд и др.

Из общих наблюдений руководителя раскопок отметим два: после римского разгрома в 168 г. до н. э. основная часть территории города (за исключением холма акрополя) не обживалась; среди находок в Пелле нет ничего, что было бы связано с Востоком (так сказать, «персидской добычи», поступившей от Александра во время его похода).

В целом работу Ф. Пецаса, безусловно, можно оценить как весьма нужную. В удобной форме в ней представлено все, что было ранее опубликовано автором раскопок в Пелле, и это весьма полезно как для исследователей, занимающихся археологией и искусством Греции и Македонии, так и для ученых, работающих над проблемами эллинизма. Вместе с тем эта работа, как уже отмечалось, не заменяет настоящего полного археологического отчета, который необходим. Очень нужны публикации керамики, полное описание найденных монет, точные обмеры архитектурных деталей и т. д.— словом, все то, без чего нельзя получить полного представления о характере жизни города. Будем надеяться, что такой отчет скоро появится.

Однако уже и имеющиеся материалы заставляют пересмотреть некоторые устоявшиеся представления о самой Пелле и даже о Македонском государстве в целом.

Даже самые скромные находки проливают некоторый свет на важные проблемы. Например, штампы на керамических трубах и на черепице ясно показывают, что Пелла пользовалась какой-то степенью автономии в рамках Македонского государства и под контролем органов городского самоуправления находились даже некоторые мастерские. Другое дело, что степень этой автономии на таком материале установить нельзя. Интересно также, что местные территориальные округа были не только административными органами, но имели под своим контролем и ремесленные предприятия.

Особый интерес с точки зрения истории градостроительства имеет то обстоятельство, что Пелла в IV в. до н. э. обладала регулярной системой планировки. Это интересно не только потому, что расширяется число примеров, говорящих о распространении этой прогрессивной системы организации городского пространства и на Македонию, но и потому, что несколько по-иному заставляет взглянуть на истоки и причины широчайшего применения ее на Востоке в эллинистическое время: таким образом, не только греческий, но и собственно македонский опыт был одной из причин принятия этой системы в качестве модели для градостроительства эллинистических царей. При этом необходимо, как нам кажется, обратить внимание на примерное совпадение размеров кварталов в ряде построенных на эллинистическом Востоке городов, например, Берои (Алеппо) и Лаодикеи Приморской [1] с размерами кварталов Пеллы. Вряд ли это случайно [2].

---

[1] В Алеппо размеры кварталов — 120×45 м [4], в Лаодикее — 112×57 м [5, с. 101—106].

[2] О системе городской планировки во вновь основанных городах на эллинистическом Востоке см. [6, с. 3 сл.].

Чрезвычайно интересны, конечно, и мозаики из Пеллы [3, с. 133 сл.]. Мы не будем входить в рассмотрение всех вопросов, связанных с ними. Отметим только некоторые обстоятельства. Насколько нам известно, никто из писавших о мозаиках Пеллы не обратил внимания на то, что композиция трех панно («Охота на льва», «Охота на оленя», «Амазономахия») построена совершенно одинаково: два активных участника действия (Александр и Кратер в первом случае, два охотника — во втором и сражающиеся друг с другом грек и амазонка — в третьем) расположены симметрично вдоль боковых граней картины, центр же композиции опущен несколько вниз. В двух случаях этим центром служит изображение объекта действия (лев и олень в сценах охоты), в третьем таким центром является раненая, полулежащая на земле амазонка, рядом с которой идет борьба. Интересно, что эта схема композиции достаточно редко встречается в античной живописи (и особенно мозаике). Учитывая то, что существует достаточно значительная разница между первым панно и двумя остальными, а также значительная разница и в исполнении этих сцен («Амазономахия» явно выполнена мастером более низкой квалификации), можно (хотя бы в самой предположительной форме) высказать мысль о наличии особой школы мозаичистов Пеллы. Единство технического исполнения может служить подтверждением этого тезиса.

Изучение мозаик Пеллы интересно также для понимания некоторых особенностей развития искусства эллинистического Востока. Отметим прежде всего, что искусство мозаики в общем было мало распространено на эллинистическом Востоке. Мозаичные полы только изредка появляются здесь, например в Тарсе [7, с. 10] и Ай Ханум [8, с. 175—180] (естественно, мы не имеем в виду мозаики римского времени, такие, как, например, замечательные панно из Антиохии на Оронте). Крайне показательным является то, что технически они чрезвычайно близки мозаикам Пеллы. Эта близость заключается в том, что они выполнены из галечных камней, помещенных в цемент; имеется довольно значительное пространство между отдельными камешками. В то же время в мозаиках Ай Ханум не использованы некоторые прогрессивные методы исполнения мозаик, уже известные мастерам в Пелле: например свинцовые проволочки, очерчивающие контур. Показательна и бедность репертуара изображений на мозаиках в Ай Ханум по сравнению с мозаиками Пеллы. Можно с уверенностью говорить об определенном «провинциализме» мозаичного искусства Ай Ханум в общеэллинистической перспективе этого вида искусства.

Подводя итоги, необходимо сказать, что сборник статей Ф. Пецаса является весьма полезным. Представленный в нем материал позволяет надеяться, что издание полного отчета о раскопках в Пелле даст еще больше материала для изучения истории и культуры как самой Македонии, так и эллинистического Востока.

Г. А. Кошеленко

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кошеленко Г. А.* Эллинистическая эпоха в современной науке (Некоторые проблемы).— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М.: Наука, 1978.
2. *Andronikos M.* The Royal Tomb of Philip II.— Archaeology, 1978, vol. 31, N 5.
3. *Сидорова Н. А.* Новые открытия в области античного искусства. М.: Искусство, 1965.
4. *Sauvaget J.* Alep. Essai sur le development d'une grande ville syrienne des origines au milieu du XIXe siecle. Paris, 1941.
5. *Sauvaget J.* Le plan de Laodicee-sur-Mer.— In: Memorial Jean Sauvaget. T. 1. Damas, 1954.
6. *Кошеленко Г. А.* Градостроительная структура «идеального» полиса.— ВДИ, 1975, № 1.
7. *Goldman H.* Excavations at Gözlu Kale, Tarsus. V. I. Princeton, 1950.
8. *Bernard P.* Campagne de fouilles 1974 à Ai Khanoum (Afghanistan).— Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus, 1975.

Fülep F. Roman Cemeteries on the territory of Pécs (Sopianae). Из серии «Fontes Archaeologici Hungariae». Budapest: Akademiai Kiado, 1977

Рецензируемая работа вышла в серии «Археологические источники Венгрии», что определяет характер подачи материала, его компоновку и описание. Детальное историческое исследование и определение того места, которое занимают некрополи в изучении римской Сопианы, Ф. Фюлеп вынес в специальную монографию уже сданную в печать (с. 7). Это должно определить те критерии, которые могут быть применены при оценке рецензируемой книги.

Открывает книгу небольшое введение (с. 7). Здесь автор описывает характер источников, определяет задачи работы. По сообщению автора, от ранних раскопок не сохранилось чертежей с привязкой обнаруженных могил к городским ориентирам и некоторые вещи оказались депаспортизированными. Во многих случаях идентификации могил помогли архивы музеев, в частности книги поступлений. Из дальнейшего текста видно, что работа в архивах дала очень много. Далее Ф. Фюлеп дает краткую историческую справку о древней Сопиане (с. 9, 10). Во второй части этого раздела используются выводы, сделанные при изучении некрополя. Но на этом остановимся позже.

Основное место в книге занимает описание могил (с. 11—57). Могилы сгруппированы по современным ориентирам: гробницы около собора (гл. II, с. 11—17), гробницы в других частях современного города (гл. III, с. 23—54; внутри этого раздела — по отдельным улицам), могилы в пригородной зоне (гл. IV, с. 55—57), вещи из неопределенных мест (с. 57). Описание каждой могилы включает обычно точную локализацию, год открытия, глубину и характер залегания в грунте, конструкцию, положение захороненного человека, размеры могилы и костяка, указание на характер захоронения и описание вещей со ссылкой на их положение в могиле. Вещи характеризуются следующим образом: указываются материал, особенности и назначение предмета, размеры, местоположение в могиле.

Определения монет вынесены в отдельные таблицы (с. 18—22).

Книга снабжена списками сокращений (с. 58—59), старых и новых названий улиц (с. 60) и списком использованной литературы (с. 61—62). В конце книги помещен указатель, в котором указаны топография могил, год их раскопок и страницы в книге, где дано описание могил. Там же помещены 50 таблиц, на которых частично в рисунках, частично в фотографиях воспроизведены все обнаруженные в могилах вещи. В качестве приложения помещены два плана: один — центральной части города, второй — окраин и пригородов, на которые нанесены все могилы.

Итак, автором подобран весь материал, начиная от первых раскопок в конце XVIII в. и кончая работами конца 60-х годов XX в. Особенно сложным оказалось использование материалов первых раскопок. Основная трудность заключалась в отсутствии необходимой фиксации. Но тщательная и кропотливая работа в архивах позволила восстановить — хотя бы частично — и характер захоронения, и погребальные комплексы.

Удачной является и подача материала. Читатель без особого труда может почерпнуть из книги любую фактическую справку о каждой могиле, открытой на территории г. Печ. В тех случаях, когда каких-то данных нет,— это результат состояния источников, которыми пользовался автор. Жалко только, что в книге мало чертежей могил, и не ясно — не воспроизведены они, или же чертежи не сохранились вообще. Классификация могил по типу их устройства могла бы уточнить и углубить выводы, которые делает автор. В целом же материал собран полно и хорошо организован, что делает его «легким» в использовании для многих исследовательских целей. Так как речь в большинстве случаев идет об опубликованном материале, давно введенном в научный оборот, то аналогии и ссылки на него отсутствуют. Но это и не входило в задачу автора — хронологические и прочие определения материала даны в первичных публикациях, на которые имеются ссылки. Это освободило текст от многих излишних в данном случае справок и ненужного загромождения уже известными сведениями.

Уместно поставить вопрос, а стоило ли отрывать публикацию материала от исследования? На наш взгляд, ответ может быть только положительным. Дело в том, что доведение разрозненных, разбросанных по многим хранилищам дневниковых записей, чертежей и рисунков, самого археологического материала до уровня полноценного исторического источника — это большая и сложная научная работа, имеющая самостоятельную научную ценность. Достаточно упомянуть, что, по словам автора, из 321 изданных в книге могил 250 пришлось восстанавливать по архивным данным, после кропотливой и многотрудной работы во многих музеях и архивах. А получить 250 цельных археологических комплексов с полным набором инвентаря, с четкой локализацией и привязкой, хронологическими рамками для одного города — это великое дело!

В публикации некрополь римской Сопианы доступен исследователю, занимающемуся самыми разнообразными вопросами истории этого крупного римского города, от отдельных вещеведческих «штудий» до вопросов организации социальной жизни.

К первому этапу жизни города (Сопиана была основана в начале или в середине

II в. до н. э.) в упомянутом историческом очерке автор относит участок некрополя с захоронениями по обряду трупосожжения. Эти могилы составляют единую группу. Некрополь III в., по мнению автора, разрастался в северном и северо-восточном направлении и характеризуется наличием вооружения у мужчин и богатых украшений у женщин, причем к концу века инвентарь становится богаче. Чаще всего это групповые могилы, обложенные кирпичом. При Диоклетиане Сопиана становится столицей провинции Валерия (в 293 г.), в городе появляется новая социальная прослойка, что также находит отражение в материале некрополя: появляются большие монументальные погребальные сооружения, инвентарь могил становится богаче.

После 313 г. Сопиана превращается в один из крупных центров христианства. С христианством Ф. Фюлеп связывает участок некрополя около нового собора. Самыми выразительными для раннего христианства здесь, по мнению автора, являются расписные погребальные камеры. Таким образом, материалы некрополя раскрывают, уточняют, оживляют те крупицы истории Сопианы, которые известны из письменных источников.

В книге Ф. Фюлепа нет концепций, атрибуции, оценок, с которыми можно было бы соглашаться или спорить. Автор в данной работе и не ставил перед собой такой цели. Но зато в результате проделанной Ф. Фюлепом огромной работы некрополь римской Сопианы стал полноценным историческим источником.

В заключение хочется отметить, что очень ценные материалы из дореволюционных раскопок некрополей античного времени на нашем юге (Херсонес, Пантикапей, Ольвия, скифские курганы) во многих случаях остаются не доведенными в публикации до уровня исследования Ф. Фюлепа. С ними предстоит еще большая и интересная работа.

С. А. Беляев

Lashkari-Bazar. Une résidence royale ghaznevide et ghoride. Mémoires de la Délégation archéologique français en Afghanistan. T. XVIII. Paris, 1978

В течение нескольких сезонов в 1949—1951 гг. Французская археологическая миссия в Афганистане под руководством Д. Шлюмберже вела исследования одного из замечательнейших памятников средневековья в Афганистане — резиденции правителей Газневидов и Гуридов, известной под названием Лашкари-Базар и города Буст, расположенного в нескольких километрах от нее. Город Буст, лежащий на торговом пути через горы Афганистана в юго-восточном направлении, известен с древности. В раннем средневековье его значение отмечали арабские географы. В XI—XII вв. он стал «второй столицей» Газневидов, а затем Гуридов, о чем, в частности, свидетельствует строительство специальной резиденции — комплекса дворцов, усадеб знати, гвардейских казарм. Общая площадь города Буста и Лашкари-Базара составляет несколько квадратных километров, конечно, не сплошь застроенных.

Развалины Лашкари-Базара и ряда усадеб между городом и резиденцией имеют неожиданно хорошую сохранность — стены стоят на высоту нескольких метров, в ряде случаев включая нижнюю часть второго этажа зданий. Именно такая сохранность и определила характер работ французской экспедиции: зафиксированы и обмерены руины, получены планы сооружений, изучена сохранившаяся их декоровка. Раскопки велись в главном — Южном дворце и голубятне. В нескольких других зданиях были проведены только небольшие расчистки. В городе Бусте небольшие раскопочные работы проведены только в одном из самых больших зданий, тоже усадебного типа, так что город как таковой, сохранность которого несравненно хуже, практически остался неисследованным.

Полученные французскими археологами данные имеют огромный объем. Видимо, из-за этого в течение многих лет они оставались неопубликованными, за исключением предварительных отчетов и публикации керамики и монет [1, 1949, с. 173—175; 1950, с. 46—53; 1951, с. 109—111; 1952, с. 66—68; 2, с. 250—271; 3]. Наконец, в рецензируемом издании дана наиболее полная сводка результатов этих работ, состоящая из трех книг: 1А) описание архитектуры; 1В) описание нефигуративного декора и надписей; 1А, В) альбом фотографий, чертежей, рисунков.

Надо отметить, что этот том вышел после смерти (в октябре 1972 г.) руководителя работ Д. Шлюмберже, который не успел закончить рукопись. Публикация подготовлена его коллегами, причем в первой книге, посвященной архитектуре, в ряде

случаев разделы представлены планами соответствующих глав, сохранившимися в бумагах Д. Шлюмберже, предварительными набросками, в некоторых случаях — выписками из полевых дневников (с небольшими добавками других участников экспедиции, главным образом архитектора М. Ле Берра). Так, только планами представлены разделы «Декор» и «Идея строительства», а также заключительная глава «Лашкари-Базар и газневидское искусство», где, по-видимому, должно было проводиться исследование росписей, сохранившихся в Южном дворце.

В приложениях даны: I — хронологическая таблица по истории Буста и Лашкари-Базара; II — археологические наблюдения в Бусте; III — описание изображений на стенах аудиенц-зала Большого южного дворца (выполненное Женевьевой Казаль); описание работ по снятию со стен живописи, штуковых и терракотовых резных панно (выполненное М. Ле Берром).

После общего описания поля руин — города Буста и Лашкари-Базара (описание развалин усадеб в промежутке между ними не сделано) и изложения истории города (собственно, написана лишь история города до Газневидов, по более позднему времени есть только сведения в хронологической таблице в приложении) Д. Шлюмберже переходит к подробному описанию памятников Лашкари-Базара, начиная с общих соображений о строительных материалах, главными из которых являются пахса (битая глина) и сырцовый кирпич, применявшийся в ответственных местах построек: в кладке проемов, башен, а также для облицовки пахсовых стен.

Жженый кирпич применялся ограниченно. Из него делались самые ответственные конструкции — купола, айван аудиенц-зала, арки верха портала центрального двора, арки, несущие перекрытия второго этажа, колонны и столбы главной мечети и т. п., а также вымостки, облицовка канала и др. Он употреблен при более поздних ремонтах и перестройках арок, дверных проемов. Из специально сделанного, а не вторично использованного, как при ремонтах, жженого кирпича построена в более позднее время молельня при бане. Особо рассмотрены типы и размеры жженого кирпича, применявшегося для вымосток и облицовок.

Дерево как конструктивный материал употреблялось очень мало — есть доски, горизонтально вложенные в кладку аудиенц-зала. Кроме того, есть концы горизонтальных опор лесов, а также куски облицовок, резных и расписных консолей и т. п.

Затем описываются некоторые конструкции. Арки все без исключения слегка стрельчатые. В слепых аркатурах, декоративных нишах — главном украшении внешних стен и интерьеров — у арок высота больше пролета между опорами. Форма этих арок — подковообразная со стрельчатым завершением (Д. Шлюмберже называет ее «ракеткообразной»),— видимо, характерна для Сеистана, так как обследование многочисленных развалин в южном Афганистане (историческом Сеистане), проведенное Французской археологической делегацией в 30-х годах, обнаружило большое количество арок этой формы [4].

Чрезвычайно разнообразны перекрытия. Не говоря уже о широко распространенных плоских, в Лашкари-Базаре есть несколько типов сводчатых покрытий и куполов. О форме куполов ничего сказать нельзя, поскольку они не сохранились. Установлены они на квадратных помещениях, углы которых системой постепенно повышающихся арок сведены к восьмиугольнику.

Сводами, стрельчатыми, как и арки, перекрыты многие помещения разного размера, от узких коридоров до больших айванов, а также лестницы и пандусы, где своды в некоторых случаях идут наклонно, а в других — представляют «лестницу» горизонтальных отрезков, повышающихся с подъемом пола.

У ряда прямоугольных помещений (например, аудиенц-зала, двух больших айванов и мн. др.) перекрытия были утверждены на арках, перпендикулярных длинной оси. Концы этих помещений между крайними арками и торцовыми стенами были покрыты частью купола, причем углы помещений под основание этих завершений перекрыты такой же системой повышающихся арок, как под купола.

Большой интерес представляют покрытия на пересекающихся арках. Эти арки в одних случаях переброшены под углом 45° к стенам квадратного помещения, и образующиеся между ними квадратные отсеки перекрыты крестовыми сводами, треугольные — половинками их, а в углах — ниши с арочным покрытием. В других случаях арки расположены параллельно стенам. В этих помещениях квадратные отсеки по углам перекрыты крестовыми сводами, прямоугольники между арками и стенами — обычными стрельчатыми сводами, а в центре между арками, как предполагает архитектор экспедиции М. Ле Берр, помещался круглый световой люк или фонарик.

Затем Д. Шлюмберже дает довольно подробное описание Большого южного дворца, начиная с фасада, входного айвана и прилегающих помещений. Вслед за описанием центрального двора с четырьмя айванами и помещений вокруг него (практически не раскапывавшихся) он переходит к основной части дворца, где располагался аудиенц-зал, перед которым находились несколько больших помещений. Раскопки двух больших комплексов с дворами к востоку и к западу от аудиенц-зала были предприняты в первую очередь для выяснения вопроса о подводе воды в бассейн в аудиенц-зале. В последнюю очередь описываются пристройки в северо-восточной части (баня), северо-западной и западной части и, наконец, малая мечеть в юго-западном углу.

При описании всех помещений большое внимание уделяется архитектурному декору, причем, поскольку почти все раскопанные части дворца подвергались перестройкам, описывались сохранившиеся части как плана, так и декора ранних этапов жизни помещений. Даты перестроек Д. Шлюмберже пытался определить, исходя из истории города Буста и Лашкари-Базара, относя их ко времени после взятий этого города в ходе военных действий.

К сожалению, глава об истории дворца, которая должна была завершать эту часть, осталась ненаписанной.

В следующей части тома описаны другие сооружения Лашкари-Базара: садовый павильон, центральный и северный дворцы и голубятня (раскопки производились только в ней, в других зданиях — лишь небольшие расчистки и шурфы), а также большая мечеть и базар. Этот последний состоит из двух сотен лавок, одинаковых как по планировке, так и по оформлению фасадов, которые вытянуты по обеим сторонам прохода. Никакой специализации лавок установить не удалось. Судя по очагам, в них торговали съестным — кебабом и т. п. Материал, обнаруженный в раскопанных лавках, позволил выяснить, что, будучи построен в правление Махмуда Газневи, базар с концом его царствования перестал функционировать и только некоторые помещения использовались в более позднее время. Во всяком случае, во второй период расцвета жизни Большого дворца — середине XII в.— базар не возродился.

Затем следует описание нескольких усадеб, расположенных между Лашкари-Базаром и Бустом, выполненное по сохранившимся развалинам. Одна страница посвящена общему обзору города Буст.

Как уже говорилось, итоговая глава книги осталась ненаписанной.

Пожалуй, наиболее примечательной находкой в Лашкари-Базаре, если не считать самого факта обследования царской резиденции XI—XII вв., является открытие живописи на стенах аудиенц-зала. Д. Шлюмберже считает изображенных персонажей гвардейцами и связывает традицию изображения гвардии с рельефами ахеменидских дворцов в Персеполе и Сузах. Костюмы тюркской гвардии Газневидов, которая изображена на стене зала, по мнению Д. Шлюмберже, находят аналогии в живописи Восточного Туркестана, где многочисленные донаторы одеты в кафтаны с отворотом на одной стороне и носят такого же типа пояса с подвесками, на которых прикреплены среди других предметов характерные сумочки. Таких одежд среди изображений сасанидского Ирана он не находит. Надо сказать сразу, что серьезное исследование живописи, которое Д. Шлюмберже собирался дать, так и осталось не выполненным. Чрезвычайно краткий ее обзор, приведенный в книге, написан еще в 1952 г., когда ученому не были известны замечательные находки росписей в Средней Азии, в первую очередь в Самарканде и Пенджикенте. Поэтому он дает отсылку к живописи Омейядских замков в Сирии — почти современной самаркандской и пенджикентской, но не ссылается на устоявшуюся живописную традицию сопредельной Средней Азии, где она продолжала существовать вплоть до X—XI вв., что доказывает открытая в 1912 г., но не сохранившаяся роспись во дворце Саманидов на Афрасиабе и обнаруженная в 1978 г., но еще не расчищенная живопись в Хульбуке в Южном Таджикистане.

Большой дворец в Лашкари-Базаре имеет очень важное значение для изучения средневековой архитектуры Ближнего и Среднего Востока. Ведь в основном ее исследование базировалось на культовых памятниках, так как гражданские сооружения сохранились только в редких случаях (можно вспомнить несколько караван-сараев, торговых сооружений, а из дворцовых построек — дворцы в Самарре и Мадинат-аз-Захра около Кордовы, которые на два века раньше Лашкари-Базара). Д. Шлюмберже убедительно показывает тесную связь плана и общего облика Большого дворца в Лашкари-Базаре с замком Ухайдир в Ираке [5, с. 192—198] и дворцами в Самарре

[5, с. 260—266], в то же время подчеркивая временные и местные особенности архитектуры Лашкари-Базара: планировку двора с четырьмя айванами, характерную для Хорасана [6, с. 75] и, прибавим, Средней Азии; узорную кладку кирпичом, более ранний образец которой представляет мавзолей Саманидов в Бухаре; специфическую форму арок и т. п. Особенностью архитектурного декора дворца Д. Шлюмберже считал отсутствие цветных поливных изразцов, получивших широкое распространение в Иране (и в Средней Азии) в XI—XII вв.

Следует, пожалуй, обратить внимание на некоторые частности, быть может, имеющие определенное значение для истории архитектуры этого региона. Во-первых, надо отметить систему перекрытия продолговатых помещений, которое установлено на перпендикулярных длинной оси арках, причем концы помещений между крайними арками и торцовыми стенами покрыты частью купола (до $^1/_3$ или даже чуть больше). Подобная система была, видимо, мало распространена. Ее следует связать с сырцовым сооружением IX в. Кырк-Кыз около Термеза [7, с. 123, илл. 35, рис. 35]. Во-вторых, что важнее, перекрытия квадратных помещений на перпендикулярно пересекающихся арках с круглым световым люком или фонариком в центре, может быть, представляют начальный этап той конструкции (купол на пересекающихся арках), которая получила столь эффектное воплощение в XV—XVI вв. во многих постройках на территории Афганистана, Ирана, Средней Азии (здания, созданные зодчим Каввам ад-Дином в Герате [8, с. 148—162 и соответствующие иллюстрации], Ишрат-хана в Самарканде [7, с. 277, 278, илл. 275, рис. 75] и др.

Вторая книга — «Исследование нефигуративного декора и надписей», выполненная в последние годы, содержит скрупулезное рассмотрение архитектурного убранства с учетом большого сравнительного материала, опубликованного вплоть до 70-х годов, хотя автор неоднократно подчеркивает предварительный характер своей работы из-за неполноты и недостаточности этого сравнительного материала. Ж. Сурдель-Томин внимательно изучает общую композицию декора внешних стен и интерьеров дворцов и усадеб, а затем переходит к отдельным элементам узора с учетом материала, в котором выполнен соответствующий орнамент: резьба по сырой глине, штуку, терракотта, узорная выкладка кирпичом, резной кирпич, роспись. При этом она привлекает довольно широкий круг аналогий из современных построек на территории Афганистана в первую очередь, но также Ирана и в несколько меньшей степени Средней Азии. Ее среднеазиатские аналогии базируются на работах Г. А. Пугаченковой [9], А. М. Прибытковой [10], статьях Г. А. Пугаченковой и Л. И. Рempеля в XII томе трудов ЮТАКЭ, однако более всего на известной книге Л. И. Рempеля [11] [1]. Последняя названная книга дает не только сводку значительной части материала, но и серьезное исследование орнаментальных схем и многих ведущих элементов декора, их происхождения и развития. Однако необходимо отметить, что, как и всякие обобщающие работы, указанные книги приводят далеко не весь известный конкретный материал, и для издаваемого исследования полезно было бы более широкое знакомство с советской литературой, посвященной памятникам архитектуры и их декору [2].

Культурные и художественные связи Средней Азии с Хорасаном и Сеистаном — центральными областями державы Газневидов — были чрезвычайно тесными (во всяком случае начиная с IX в.), пожалуй, более крепкими, чем взаимоотношения с Центральным и Западным Ираном, не говоря уже о более западных областях.

Исследование надписей, прежде всего их шрифта, проведено с практически полным привлечением известного материала из соседних областей и может считаться в своем роде образцовым. Некоторые сомнения вызывает только возможность в принципе дать такую точную датировку — до десятилетий и даже до годов — по особенностям шрифта. Даже если учесть относительно очень высокую скорость распространения любого нового художественного или технического приема в этих странах, необходимо иметь в виду такие субъективные моменты, как то, что заказчик, как

[1] Кроме указанных ею упоминаются еще несколько работ советских ученых, главным образом еще довоенных. Подбор их имеет случайный характер и очень неполон.

[2] В частности, весьма интересной для исследовательницы, которая старается проследить происхождение отдельных мотивов и композиционных схем, является книга И. Ахарова и Л. И. Рempеля [12], где дается публикация резного декора сооружения X в. Особенно важно было для нее привлечение материалов раскопок в Хульбуке в Южном Таджикистане, памятнике того же времени, где обнаружен орнаментальный и эпиграфический декор [13; 14; 15; 16; 17].

и мастер, выполнявший надпись, мог иметь все-таки собственный вкус, наконец, у мастера могла быть «набита рука» на определенный шрифт. Надо учесть также удаленность Газневидской резиденции от главных культурных центров Ближнего и Среднего Востока. Конечно, все это могло привести к появлению «устаревшего» или «сверхнового» в шрифте надписей. Думается, что в этом отношении следовало проявить несколько бóльшую осторожность.

Те датировки, в которых есть расхождения у Д. Шлюмберже и Ж. Сурдель-Томин, как кажется, более обоснованы у последней. Д. Шлюмберже, не имея археологических оснований для датировки времени перестроек [3], базировался на наиболее крупных известных исторических событиях. Ж. Сурдель-Томин, исходя из исследования орнамента, предлагает несколько другие даты, не связывая их именно с теми же событиями. Однако все эти расхождения в датах весьма невелики — в пределах одного-двух десятилетий – и соответственно принципиальной важности не имеют.

Подводя итог, хочется выразить противоречивые чувства. Во-первых, радость, что, наконец, появилась более или менее полная публикация комплекса, имеющего огромное значение для исследования средневековой культуры Афганистана, Ирана, Средней Азии и шире — всего Среднего и Ближнего Востока. Во-вторых, неполнота публикации, может быть, и объяснимая смертью Д. Шлюмберже, огорчает. Учитывая огромные знания и серьезность покойного исследователя, можно только пожалеть, что ему не удалось довести работу до конца.

И наконец, следует отметить, что французские археологи смогли затронуть раскопками только небольшую часть даже дворца, не говоря уже обо всем комплексе в целом. В этой связи хочется обратить внимание на аналогичные раскопки в других местах. Пожалуй, параллелью Лашкари-Базару можно считать исследование дворцов в Самарре в Ираке (последний город специально построен в IX в. в качестве резиденции халифов и ставки их войск и заброшен через несколько десятилетий), которое вела немецкая экспедиция еще в первой четверти нашего века, и менее известной резиденции испанских халифов Омейядов Мадинат аз-Захра около Кордовы (X в.). Больше ни одной резиденции такого масштаба нет. Своего рода «дачи» — замки омейядских халифов (первая треть VIII в.) в Сирийской пустыне (Хирбат ал-Мафджар, Мшатта, Каср ал-Хайр аш-Шарки, Каср ал-Хайр ал-Гарби, раскопанный также Д. Шлюмберже, и др.), а также замок Ухайдир в Ираке (IX в.) [5, с. 111—150] не могут сравниться с ними по масштабу.

С сожалением можно констатировать, что французские археологи даже не ставили своей задачей изучение города Буста. Именно изучение города как такового дает возможность прояснить такие аспекты истории средневековья, которые хуже всего отражены письменными источниками. И тут нужно сослаться на опыт советских археологов [4], которые ведут работы именно такого характера, раскапывая маленький город Байлакан в Азербайджане, довольно большой провинциальный город на торговом пути Отрар в Казахстане, один из крупнейших и знаменитейших городов Переднего Востока Самарканд. Все это средневековые города, как и Буст. И надо отметить, что и казахские, и узбекские археологи поставили своей задачей изучить городище Отрара и Афрасиб — городище предмонгольского Самарканда в значительной мере. Только такое многолетнее изучение всего города или хотя бы значительной части его территории позволит решить целый ряд вопросов социальной и экономической истории, поставить, не говоря уже о чисто археологических, градостроительных и искусствоведческих аспектах, многие проблемы ремесленного производства, товарно-денежных отношений, взаимоотношений города и сельской округи и т. п. И тут нельзя не вспомнить еще один город, несколько более ранний и несравненно меньший по масштабу,— Пенджикент в Таджикистане. Раскопки там ведутся уже больше 30 лет, и результаты их заставили сильно изменить существовавшие представления об истории, культуре и даже уровне социального развития Средней Азии до арабского завоевания.

С. Б. Борисов

---

[3] Такие датировки могло дать внимательное изучение стратиграфии, которое, по-видимому, не проводилось, судя по тому, что ни один стратиграфический разрез завала помещений дворца не воспроизведен. Точно так же не изучена с этой точки зрения обнаруженная при раскопках керамика, которая могла бы дать определенные основания для датировок, особенно при учете монетных находок и стратиграфии.

[4] Следует отметить небольшие по масштабу раскопки города Фустата (арабской столицы Египта до Каира), которые велись французскими археологами в 20-х, а затем американскими в 60-х годах [18; 19; 20].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schlumberger D.* Les Fouilles de Lashkari-Bazar.— In: Compte rendus de l'Academie des inscriptions. Paris, 1964.
2. *Schlumberger D.* Le palais Ghaznevide de Lashkari-Bazar.— Syria, 1952, t. XXIX.
3. *Gardin J.-C.* Lashkari-Bazar, une residence royale Ghaznevide. II. Les trouvailles: Céramiques et monnais de Lashkari-Bazar et de Bust.— MDAFA, 1963, t. XVIII.
4. *Hackin J., Meunié Carl J.* Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933—1940).— MDAFA, 1959, t. VIII.
5. *Cresswell K. A. C.* Earli Muslim Architecture. Penguin Books, London, 1958.
6. *Godard A.* Khorasan.— Athar-e Iran, 1949, t. IV.
7. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965.
8. *Пугаченкова Г. А.* Искусство Афганистана. Три этюда. М.: Искусство, 1963.
9. *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Искусство, 1958.
10. Памятники архитектуры Средней Азии. Фотоальбом. (Автор текста Прибыткова А. М.). М.: Планета, 1971.
11. *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Ташкент: Гос. изд. худ. литературы УзССР, 1961.
12. *Ахраров И., Ремпель Л.* Резной штук Афрасиаба. Ташкент: Изд. литературы и искусства. 1971.
13. *Литвинский Б. А., Давидович Е. А.* Предварительный отчет о работе Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г.— Доклады АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1954, вып. 11.
14. *Давидович Е. А.* Раскопки Хульбука — столицы Хутталя.— В кн.: Археологи рассказывают. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1959.
15. *Гулямова Э.* Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г.— Тр. АН Тадж. ССР, 1961, т. XXVII.
16. *Гулямова Э.* О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г.— Тр. АН Тадж. ССР, 1961, т. XXXI.
17. *Гулямова Э.* Раскопки в Хульбуке в 1961 г.— Тр. АН Тадж. ССР, 1964, т. XLII.
18. *Bahgat A., Gabriel A.* Fouilles d'al-Foustat. Paris, 1921.
19. *Scanlon G. T.* Fustat Expedition. Preliminary Report, 1964.— JARCE, 1965, v. IV.
20. *Scanlon G. T.* Fustat Expedition. Preliminary Report, 1965.— JARCE, 1966, v. V.

Weithmann Michael W. Die slavische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel. München, 1978. 350 S.

О расселении славян на территории Греции в раннем средневековье имеются довольно многочисленные, но отрывочные указания византийских авторов VI—VII вв. На них обратили внимание еще исследователи прошлого столетия. В начале XX в. знаменитый чешский славист Л. Нидерле проанализировал свидетельства исторических источников и пришел к выводу о том, что расселение славян на территории Греции началось в 578 г. и завершилось в 30-х годах VII в. До конца VIII в. в Греции господствовали славяне, и лишь в IX — начале X в. на этой территории была восстановлена власть Византии. Постепенно славяне были ассимилированы греческим этносом. При этом славянский язык оказал заметное влияние на греческий [1].

О пребывании раннесредневековых славян в Греции говорят также материалы языкознания и топонимики. Лингвистические данные и географические названия, главным образом упомянутые в византийских и других средневековых письменных источниках, были специально исследованы М. Фасмером [2]. В последние десятилетия были собраны и археологические данные, позволяющие несколько конкретизировать процесс славянского заселения территории Греции.

В рецензируемой книге немецкого исследователя М. Вайтманна вопрос о расселении славян в Греции исследован многосторонне: со стороны исторической, лингвистической, топонимической и археологической. Это первое монографическое исследование проблемы инфильтрации раннесредневекового славянского населения на территорию Греции.

Во вводном разделе автор знакомит читателей с историей изучения проблемы, начиная с работы Я. Фалльмерайера, относящейся к 30-м годам XIX в., в которой утверждалось, что современные греки — это грекизированное славянское население, расселившееся на территории Греции в раннем средневековье. Дискуссии в этой связи, имевшие место в течение XIX и начала XX в., во многом зависели от политической обстановки на Балканах и Пелопоннесе и в меньшей степени от фактических

материалов, которых в распоряжении исследователей было слишком мало. Вместе с тем велись поиски источников, постепенно накапливались данные, которые позволили поставить решение вопроса о расселении славян на территории Греции и их роли в истории греческого народа на научную основу.

Во вводном же разделе рецензируемой работы дается также всесторонняя характеристика письменных источников, как прямо рассказывающих об отдельных моментах славянского пребывания на территории Греции, так и отражающих это событие косвенно, как современных расселению славян, так и более поздних, но в какой-то степени сообщающих об этом факте.

Основная часть рецензируемой книги подразделена на три главы. В первой излагается история славянского расселения исключительно на материалах письменных источников. М. Вайтманн сначала весьма обстоятельно характеризует историческую ситуацию, сложившуюся в Юго-Восточной Европе накануне славянской миграции в Грецию, показывает большую роль Аварского каганата в расселении славян в южном направлении. Далее подробно исследуется процесс славянского расселения по всему Греческому полуострову.

На основе комплекса данных исторических источников автор разделяет миграционный процесс на две фазы. Ранняя фаза относится к концу VI в. Начинается она в 587/588 г., но особенно интенсивное движение славян в Грецию имело место в 581—586 гг., когда был взят Коринф, дважды осаждались Фессалоники, славяне стали оседать на Пелопоннесе. К этому периоду принадлежат славянские топонимы в хронике Monemvasia и некоторых других источниках VI в.

Вторая фаза славянского освоения Греческого полуострова датируется первыми десятилетиями VII в. Теперь новые волны миграции славян охватили почти всю территорию Греции, проникли славяне и на острова Эгейского моря, в том числе на Крит, и, очевидно, достигали побережья Малой Азии. Славяне господствовали над всей территорией Греции. В исторических источниках названы славянские племена — белегезиты, езериты, ваюниты, милиниты и др.

Вместе с тем на территории Греции сохранилось значительное количество греческого населения. Период VII—VIII вв. характеризуется совместным проживанием на одной территории греческого и славянского населения. Если такие греческие города, как Фессалоники, Афины, Акрокоринф, Ларисса, Фебы и др., пришли в запустение при славянском расселении, то многие менее крупные городские поселения греков продолжали функционировать; оставались в основной массе, очевидно, не тронутыми славянами земледельческие деревни. Начался процесс аккультурации славян, расселившихся среди греческого населения, а когда Греция вновь вошла в состав государственной территории Византии, славяне были в течение IX—X вв. ассимилированы.

Во второй главе книги рассматриваются данные топонимики и лингвистики, которые подтверждают и конкретизируют выводы и наблюдения, построенные на основе исторических источников. Так, топонимика отчетливо свидетельствует, что славянское расселение на территории Греции было весьма широким и достаточно массовым — на Пелопоннесском полуострове обнаруживается около 400 географических названий славянского происхождения, в Эпире — также около 400, в Фессалии — свыше 100, в районе Фессалоник и Халкиды — около 150. Целый ряд топонимов был образован от славянских племенных названий (сербы, хорваты, езериты, милиниты и др.), очевидно, указывая на то, что расселение славян осуществлялось более или менее крупными группами, происходящими из различных регионов. Зафиксированы в Греции и географические названия, производные от этнонимов авары и болгары, говорящие об участии тюркоязычного населения в славянской миграции. Выявлены исследователями и топонимы греческо-славянского облика, свидетельствующие о том, что славяне здесь были ассимилированы местным населением.

Лингвистический анализ новогреческого языка выявляет заметное воздействие славянской речи. М. Вайтманном собраны воедино все данные по этой теме. Интересно наличие в греческом языке славянской лексики, отражающей сельскохозяйственную деятельность, а также флористической и фаунистической терминологии. Это очевидно свидетельствует о том, что в среде славянского населения, расселявшегося в Греции, были не столько воины-дружинники, жаждущие добычи в богатых византийских городах, но в основном земледельцы.

Третья глава книги целиком посвящена обзору материалов археологии. Автор отмечает, что специальных исследований по изучению славянского освоения Грече-

ского полуострова археологами еще не производилось. Поэтому в работе анализируются как прямые, так в основном косвенные данные археологии, в той или иной степени говорящие об этом историческом событии.

Прямых археологических свидетельств славянского расселения на территории Греции пока немного, поэтому М. Вайтманн предпочел сначала охарактеризовать косвенные данные. К числу последних прежде всего относятся наблюдения, полученные при археологических раскопках классических античных поселений. Так, при изучении культурных напластований Коринфа выявлены следы пожарищ и разрушений, а также гибели части населения этого города, относящиеся к концу VI в. По времени это совпадает с завоеванием Коринфа славянами, которое, по сообщению Михаила Антиохийского, имело место в 581—585 гг. Напластования VII—VIII вв. в Коринфе выявляют варваризацию культуры населения города.

Следы вторжения иноплеменного населения и разрушений, относящиеся к концу VI или началу VII вв., отчетливо фиксируются также при раскопках других греческих городов — Афин, Фессалии, Эвбеи и Локриса.

Другим фактором, косвенно свидетельствующим о вторжении славян в Грецию, является запустение целого ряда поселений. Последнее зафиксировано по восточной и южной прибрежным полосам Греческого полуострова и на некоторых островах. Эти поселения имеют культурные отложения с позднеримской и ранневизантийской керамикой и прекращают функционирование в конце VI — начале VII в. Представляется несомненным, что это могло быть обусловлено лишь славянской миграцией. Интересно, что таких памятников нет в западной части Пелопоннеса, где жизнь населения протекала спокойно.

О вторжении больших масс нового населения на территорию Греции говорят клады монет, зарытые в конце VI — начале VII в. Нумизматика фиксирует здесь для VII—VIII вв. перерыв в денежном обращении. Исследования монет позволяют выделить два этапа славянской миграции: первый относится ко времени правления византийского императора Фоки, второй — ко времени Гераклиоса. На славянское вторжение указывает и отсутствие в культурных напластованиях VII—VIII вв. поселений Греции следов византийского военного и церковного строительства.

Прямыми археологическими свидетельствами славянского расселения в Греции являются находки глиняных сосудов пражского типа, пальчатых фибул с маскообразным основанием, металлических зооморфных или антропоморфных фигурок, выполненных в гротесковой фабуле, а также пока единичных женских украшений.

Керамика пражского облика найдена в одном из захоронений по обряду кремации в Олимпии и среди трупоположений VII в. в Коринфе. Из последнего могильника происходит также пальчатая фибула с маскообразным основанием. Такие фибулы найдены еще в могильнике с захоронениями по обряду ингумации в Неа Анхиалосе, в Спарте и на побережье Малой Азии. Последние находки связываются исследователями со славянскими морскими походами в Эгейское море.

В последней небольшой части рецензируемой книги ее автор ставит вопрос о возможности славянизации какой-то части местных греков и об ассимиляции расселившегося в Греции славянского населения.

В приложении публикуется Монемвазийская хроника и приводится краткий очерк о поисках следов славян в антропологическом строении греческого народа.

Таким образом, в рецензируемой книге М. Вайтманна подводятся итоги многолетним поискам ученых в изучении процесса славянского расселения в Греции в эпоху раннего средневековья. Выполненный анализ разносторонних источников, которым располагает наука, позволяет утверждать, что эта монография отражает современный этап наших знаний по рассматриваемой проблематике.

К недостаткам работы следует отнести полное отсутствие в ней картографического материала, который мог бы взять на себя не иллюстративную, а исследовательскую нагрузку, конкретизировав в ряде случаев отдельные детали процесса славянского расселения на территории Греции. Такие карты позволили бы избежать повторений, которые имеются в книге. Уже при характеристике расселения славян на основе письменных источников автор вынужден привлекать археологические или топонимические материалы, которые анализируются в особых главах. Затем при рассмотрении топонимики или археологии приходится обращаться повторно к тем же данным письменных источников и т. п. Исторические, археологические и топонимические карты позволили бы органически объединить все разнохарактерные источники по исследуемой проблеме.

Археология еще не сказала своего слова относительно деталей славянского расселения на территории Греции и пока в силу полной неисследованности собственно славянских памятников конца VI—VIII в. в этом регионе (к IX в. в Греции всюду восстанавливается византийская культура, и этот период изучается археологами) является второстепенным источником. Рецензируемая книга нацеливает археологов-славистов на скорейшую ликвидацию этого пробела.

Несколько мелких замечаний можно сделать по археологическому разделу исследования М. Вайтманна. Так, ошибочно утверждение автора, что керамика пражского типа является глиняной посудой южных и западных славян, в то время как в восточнославянских областях была распространена керамика корчакско-житомирского типа. Последняя не является восточнославянской и абсолютно не отличима от пражской керамики Великопольши, Силезии, Среднего Подунавья и верхнего течения Эльбы. Пражской керамикой, вслед за И. Борковским, исследователи называют всю раннесредневековую славянскую глиняную посуду. Она подразделяется на несколько групп. В частности, румынские археологи, исследующие процесс славянского освоения нижнедунайских земель, различают группы: Прага — Корчак, Прага — Пеньковка, Прага — Колочин. И если в этой связи анализировать славянскую керамику из памятников Греции, то ее следует отнести к пражско-пеньковскому типу. Этот факт дает основание утверждать, что проникновение славян в Грецию осуществлялось в основном из северо-западных и западных причерноморских земель — из региона антов и их потомков.

Ошибочно утверждение М. Вайтманна, что присутствие обрядов кремации и ингумации в славянских могильниках бассейна Вислы отражает провинциально-римское влияние. В славянских могильниках VI—VIII вв., известных в бассейне Вислы, захоронений по обряду трупоположения просто нет. Вместе с тем, по-видимому, следует отказаться от мысли, проводимой вслед за И. Вернером автором рецензируемой книги, согласно которой раннесредневековым славянам были характерны исключительно захоронения по обряду кремации умерших. Встречаемость сосудов пражского типа и пальчатых фибул с маскообразными основаниями не только в захоронениях по обряду сожжения, но и в трупоположениях показывает, что какой-то части славянского населения в VI—VII вв. (антской) был свойствен биритуализм, по-видимому, унаследованный от римской эпохи. В этой связи становится понятным, почему относимые к славянам многие погребения конца VI — начала VII в. на территории Греции совершены по обряду ингумации.

Книга М. Вайтманна является заметным вкладом в изучение истории раннесредневековых славян и греко-славянских взаимоотношений. Она не только подводит итоги исследования проблемы славянского расселения на территории Греции, но и является импульсом в активизации ее изучения археологами-славистами.

В. В. Седов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Niederle L.* Slovanské starožitnosti, II. Původ a počatky slovanů jižnich. Praha, 1910.
2. *Vasmer M.* Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, 147 с, 1 карта

Монография трех ленинградских археологов посвящена, как свидетельствует ее название, древнерусским археологическим памятникам IX–XI вв. Книга состоит из краткого введения и пяти глав. Введение и глава V написаны авторами совместно. Глава I — Среднее Поднепровье — принадлежит перу В. А. Булкина и Г. С. Лебедева. Глава II — Верхнее Поднепровье и Подвинье — написана В. А. Булкиным, глава III (Северо-Запад) – Г. С. Лебедевым, а IV – (Северо-Восток) – И. В. Дубовым.

Выход в свет коллективного исследования, с археологической точки зрения рассматривающего узловые проблемы становления и развития древнерусского государства в IX–XI вв., не может не вызвать повышенного интереса у самых широких кругов читателей. Свою задачу авторы видят в попытке соотнести археологическую картину развития восточнославянских племен лесостепной зоны древней Руси с

результатами изучения этого процесса в лесной полосе. Опираясь на анализ наиболее ярких (ключевых) археологических памятников, они стремятся к созданию «широкой и связной системы представлений, включающей всю совокупность древностей лесной зоны» (с. 4). Этому не противоречит форма изложения: в виде очерков, посвященных отдельным историко-географическим регионам.

Однако интересные, хотя во многом и спорные, наблюдения исследователей обедняются почти полным отсутствием иллюстраций. Нет планов важнейших памятников при постоянном обращении к их социально-исторической топографии, особенности которой служат немаловажным звеном в общей системе доказательств. Не представлены опорные комплексы погребальных древностей. Единственная карта – Восточная Европа в эпоху образования Древнерусского государства (с. 5) – составлена достаточно небрежно. Ареалы археологических культур, например роменско-боршевской и салтовской, очерчены весьма приблизительно. Новгород попал на место Городца под Лугой. Гнездовский комплекс – на другой берег Днепра, Ростов – в бассейн Нерли Клязьминской, на место Суздаля. Среди городов на карте отмечена Рязань, о которой в тексте не сказано ни слова, но исчезли Вышгород, Белгород, Любеч, Витичев, Суздаль и десятки других, в том числе полностью города Юго-Западной Руси. Показаны государственные территории со ссылкой на данные А. Н. Насонова, которые в действительности отсутствуют. Наконец, обозначена граница Киевской Руси неизвестно какого времени, но никак не совпадающая с «государственными» территориями. Словом, данная карта призвана проиллюстрировать некоторые выводы исследователей, и только. Есть еще одно замечание, касающееся всей работы. Объявленный верхний хронологический рубеж работы – XI в., но памятники этого столетия почти не затрагиваются авторами. Точнее было бы озаглавить книгу – «Некоторые археологические памятники древней Руси IX – начала XI в.»

Глава I состоит из двух разделов. В первом (славяне VI–X вв.) сжато охарактеризованы основные концепции происхождения и расселения восточных славян. Авторы присоединяются к взглядам И. И. Ляпушкина, М. И. Артамонова, М. А. Тихановой, Д. А. Мачинского и И. П. Русановой, впрочем далеко не всегда совпадающим. Поскольку эпоха VI–VIII вв. не составляет предмет специального исследования в рецензируемой работе, отсутствие самостоятельной теории происхождения восточных славян не является недостатком. Не вызывает возражений и итоговый вывод о генетической связи археологических памятников славян VIII–X вв. в Среднем Поднепровье с достоверно славянскими древностями VI—VII вв. (с. 10). Однако рассуждения о возвращении склавинов-славян с Дуная в пределы северо-восточной прародины в конце VI — начале VII в. не находят подтверждения в современных археологических данных (с. 8).

Второй раздел главы – «Киев и „Русская земля„ IX – начала XI в.» – посвящен в основном Киеву. Значительно меньше внимания уделено Чернигову. Одним предложением охарактеризован Переяславль. Бегло упомянуты некоторые другие города, среди которых нет Любеча и Сновска (Седнева) с их курганными некрополями. Среди крепостей Владимира не отмечен Новгород Малый (Заречье) на Стугне. Из изложения исчезла сама «Русская земля». Ее территория, история сложения, происхождение названия остались вне поля зрения авторов.

Относительно подробно исследуется историческая топография раннего Киева. Не совсем ясно, почему поселения, окружившие в IX – первой половине X в. Старокиевское городище, были непременно торгово-ремесленными (с. 12). В качестве особого сюжета рассмотрены поселение и могильник близ него на Лысой горе. Авторы отождествляют этот комплекс с загадочным Самватом, упомянутым Константином Багрянородным. Предложенная гипотеза представляет несомненный интерес, но ей противоречит значительная удаленность Лысой горы от устья р. Почайны, исторически зафиксированной гавани Киева. Кроме того, неразработанность топографии киевского некрополя не позволяет признать условно выделенный «могильник II» решающим аргументом для сделанных выводов. Ссылаясь на одну из версий «Повести временных лет» о погребении князя Олега в Киеве, авторы никак не реагируют на сообщение предшествующего «Начального свода» («Новгородская первая летопись младшего извода») о могиле Олега в Ладоге. Без детального анализа всего фактического материала гипотеза о Самвате повисает в воздухе.

Традиционное противопоставление в социально-политическом плане Старокиевской Горы и Подола археологическими наблюдениями не подкреплено. Часть

вскрытых раскопками на Подоле усадеб по своему облику и находкам отнюдь не производит впечатления принадлежавших социальным низам Киева [1, с. 40–79].

В итоге глава I выглядит «облегченно» сконструированной, понадобившейся авторам для публикации нескольких интересных мыслей о происхождении славян и исторической топографии Киева и Чернигова.

Глава II посвящена историческим судьбам населения Верхнего Поднепровья и Подвинья. В первых трех разделах кратко изложены концепции заселения славянами Смоленского Поднепровья, выдвинутые И. И. Ляпушкиным, П. Н. Третьяковым, В. В. Седовым, излагаются материалы тушемлинской культуры, длинных смоленских курганов. Логическим продолжением этих разделов является часть, посвященная вопросу преемственности в развитии культур Верхнего Поднепровья второй половины I – начала II тысячелетия н. э.

В. А. Булкин полностью принимает выводы Е. А. Шмидта о характере размещения памятников второй половины I тысячелетия н. э., их культурной принадлежности и этапах существования. Добавлением является анализ размеров длинных курганов (с. 22–23). Круглые курганы с трупосожжением, относимые автором вслед за И. И. Ляпушкиным к достоверно славянским, рассматриваются в общих чертах. Подробно эти памятники были недавно рассмотрены в специальной статье И. В. Белоцерковской [2, с. 53–65]. Выводы авторов в данном случае совпали: отмечается отсутствие преемственности между длинными курганами и курганами XI в., генетическая связь круглых курганов с сожжениями, содержащих лепную и круговую керамику, с курганами XI–XII вв. Раздел, посвященный курганной культуре этого времени, опирается на материалы Харлаповской группы (с. 24—25). Не привлечены материалы других курганных могильников (Ступенки, Бочарово, Мошевое и др.), хотя при анализе этих памятников выявляются несколько иные этапы существования «курганной культуры» [3, с. 21–39]. Материалы поселений древнерусской поры практически не используются, отсутствует даже краткая их характеристика, которая была бы очень уместной.

Особенно много внимания уделено Гнездовскому археологическому комплексу. Дана подробная топография известного памятника, историография его изучения, разбирается погребальный обряд курганов, хронология, освещается этническая и социально-экономическая история поселения.

Рассуждая о начале Гнёздова, видимо, следует обратить внимание на то, что между материалами третьей четверти I тысячелетия н. э. и «классическим» периодом его истории существует разрыв в материалах поселения. Балтская культура и культура эпохи сложения древнерусского государства здесь (как, впрочем, и в большинстве других случаев) не смыкается.

Правомерность проекции блоков признаков, выделенных В. А. Булкиным по гнездовским курганам, на отдельные курганные комплексы (с. 38) вызывает сомнение, так как признаки определены на материалах все тех же курганов, содержащих датирующие вещи: фибулы скандинавских типов, мечи, арабские монеты, лепную и круговую керамику. Однако в ряде случаев в одном комплексе встречаются как ранние, так и поздние вещи. К тому же часть монет IX в. переделана в подвески, что не позволяет учитывать их даты. Не получился ли здесь порочный круг? Вехи абсолютной хронологии и эволюции погребального обряда, предложенные в главе, остаются недоказанными, поскольку все аргументы изложены более чем кратко (с. 36). Отсылка читателей к специальной статье, посвященной нижней дате гнездовских курганов, не совсем правомерна, так как там автором была предложена дата – начало IX в., в отличие от второй половины IX в., указанной в данной работе. Считать, что А. А. Спицын уточнил нижнюю дату, сведя ее к концу IX в., едва ли правильно, так как этот вывод был сделан ученым чисто умозрительно, без аргументации [4, с. 18]. Заметим также, что рассматривать обряд ингумации только как хронологический признак (с. 38) применительно к Гнёздову не совсем правильно. Нельзя забывать о возможности социальной и этнической интерпретации таких погребений.

Со времени публикации разведочных работ А. Н. Лявданского в литературе установилось мнение о 15–16 га площади Гнёздовского поселения. Недавно Е. А. Шмидтом определена площадь наиболее ранней части поселения – 4 га. И А. Н. Лявданский, и Е. А. Шмидт делали свои подсчеты на основании подъемного материала, поэтому данные о размере поселка в тот или иной период его истории могут быть сугубо предположительными.

Отметив ошибку Д. А. Авдусина в интерпретации материалов поселения в 50-х годах, автор почему-то не считает нужным вспомнить, что им же в публикации раскопок 1957–1961 гг. был сделан вывод о принадлежности культурного слоя поселению, синхронному курганам [5, с. 241, 242]. Эта публикация появилась раньше работы Е. А. Шмидта, на которую по данному вопросу ссылается В. А. Булкин.

Особое внимание привлекают два раздела: «Проблемы этнической и социальной истории Гнёздова» и «Закономерности образования дневнерусских городских центров в области Верхнего Поднепровья и Подвинья». Нельзя не согласиться с В. А. Булкиным в том, что применение системы процентных соотношений признаков для определения этнических групп населения по курганным материалам не может полностью удовлетворить исследователя, поскольку полученные данные будут отражать лишь «некое статическое состояние групп» (с. 46). Можно добавить, что в целом ряде случаев определить этнос погребенного невозможно. Так, практически не распознаются курганы с трупосожжением на месте, содержащие малое число невыразительных предметов (нож, стрелы и т. д.). С одинаковым успехом погребения могут оказаться и славянскими, и скандинавскими. Правда, в данном случае выводы автора об этническом составе населения Гнёздова не отличаются от выводов других исследователей, за исключением решения вопроса о времени появления здесь норманнов, которое определяется в работе второй половиной IX в. (с. 47). Эта дата в значительной степени обусловлена предложенной автором шкалой абсолютной хронологии Гнёздова. Время возникновения Гнёздова – большой и серьезный вопрос, связанный с принципами выбора критерия и методики работы и требующий специального разбора. На наш взгляд, при системе, предложенной В. А. Булкиным, датировка останется спорной.

В работе предложен вариант прочтения динамики социального состава гнездовского торгово-ремесленного поселка (с. 49), намечены черты развития общества от относительно социально-однородного к сложному, со складывающейся дружинной иерархией. Особых возражений эта схема не вызывает. Можно высказать лишь несколько замечаний. Во-первых, остается непонятным, почему Гнёздово начинается с военного лагеря норманнов (!) («Немногочисленные военные отряды, в основном скандинавского происхождения, оседают, в частности, на берегу Днепра в устье р. Свинки», с. 49). Результаты раскопок И. И. Ляпушкина и И. И. Авдусина свидетельствуют о славянском типе построек и керамики на раннем этапе существования поселка (эта же картина сохраняется до конца функционирования Гнёздова [6, с. 44; 7, с. 14]). Славянская керамика есть и в ранних скандинавских курганах Гнёздова и Новоселок, свидетельствуя о том , что скандинавы не были единственными «насельниками» и вряд ли первыми. Во-вторых, известный материал не позволяет противопоставить в социальном плане население городища и селища. Состав вещевых находок и характер построек сходен в обеих частях поселения. На городище найдены остатки ювелирного и косторезного производства, аналогичные находкам на селище. В то же время все достоверные гнездовские клады обнаружены вне укреплений, а три из них происходят из культурного слоя селища. Видимо, традиционное противопоставление аристократической цитадели и посада не всегда правомерно. Вызывает возражение решительное отрицание занятия земледелием какой-то части населения Гнёздова. Материалы не дают для этого основания. Говорить об обособлении ремесла и появлении строго специализированного торгово-ремесленного поселка в IX–X вв. преждевременно. В целом же отличия между Гнёздовом и округой выявлены вполне убедительно. Следует заметить, что это первый опыт по сопоставлению материалов гнездовских курганов с другими памятниками этого района.

На примере трех поселений – Гнёздова, Полоцка, Витебска – автор рассматривает два пути развития города: из племенного центра и открытого торгово-ремесленного поселения. В. А. Булкин рассматривает Полоцк, опираясь на сообщение летописи и мнения исследователей памятника, как центр одной из кривических группировок. В то же время, отождествляя Гнёздово с ранним Смоленском, он не учивывает летописное сообщение, согласно которому Смоленск также являлся кривическим центром [8, ч. I, с. 13]. В этом случае трактовка Гнёздова (Смоленска), предложенная на страницах книги, вступает в противоречие с сообщением летописи и требует дополнительной аргументации. Трудно допустить (если мы верим летописи), что поселок кривичей был основан варягами и существовал только благодаря транзитной торговле.

По-прежнему неясной остается социально-экономическая характеристика племенного центра как основы будущего города, в отличие от торгово-ремесленного поселения. Нечетко определяются понятия «раннегородской», «предгородской центр»--

в тексте они в ряде случаев заменяют друг друга, хотя подразумеваются как будто стадиально разные образования. Эта терминологическая неопределенность характерна для всей книги (встречается еще термин «протогородской центр» в гл. IV, V). Чрезмерное значение в процессе становления городов придается транзитной торговле (с. 54–56 и др.), тогда как факторы социально-экономического развития территории складывающегося государства остаются неосвещенными. Их анализ подменен общими фразами. Странной непоседливостью и страстью к наживе отличалось гнездовское население: часть его перебирается с берегов Свинца на Ольшу, затем переезжает на 12 км вверх по Днепру – и все из-за стремления контролировать волоки, из-за выгод транзитной торговли восточным серебром! Действительно, удаленность Ольшанской группы требует каких-то объяснений. Однако для предложенного нам решения этого вопроса нет веских доказательств. Кстати, отмеченные особенности в расположении курганов Ольшанской и Днепровской групп объясняются в значительной степени особенностями рельефа: курганы расположены на узких длинных грядах, вдоль которых тянутся ложбины, часто заболоченные. Вполне естественно, что насыпи здесь вытянуты цепочкой.

Достижение «момента истины» в истории Полоцка (с. 58) несколько натянуто: едва ли правомерно связывать пожар в слое второй половины X в. непременно со «сватовством Владимира»– это увлекательно, но недоказуемо.

Несомненный интерес представляет этюд о водном пути Западная Двина – Днепр – Ока – Волга (с. 52–54), с которым связывается становление Гнёздова [1]. Находки вещей западного и восточного происхождения на отдельных участках вдоль указанного направления подтверждают возможность существования такого пути в IX–XI вв. Вопрос о направлении путей, об уточнении их отдельных участков является вполне самостоятельным, здесь многое предстоит уточнить. Для Гнёздова, в частности, имеет значение хронологическое соотношение путей по Лучесе и Каспле. Есть данные, позволяющие считать, что луческий был более известным в IX в., а касплинский приобрел значение в X в.

Важной частью раздела является сопоставление судеб трех центров Верхнего Поднепровья и Подвинья. Впервые Гнёздово – торгово-ремесленный центр, не ставший городом,– сравнивается с другими раннегородскими центрами – Полоцком и Витебском. В данном случае для решения вопроса о путях образования города в Верхнем Поднепровье и Подвинье материал используется выборочно. Дается картина развития не всего очерченного района, а трех названных поселений. И если материалы Полоцка и Витебска даются со ссылками на авторов раскопок, публикаций и исследований, то интерпретация Гнёздова построена в основном на собственных работах при опускании ряда статей других авторов. Как ни досадно, приходится констатировать очевидную направленность подобного метода подачи материала.

Глава III посвящена археологическим древностям северо-запада Руси. Особое внимание уделено проблеме выделения достоверно славянских памятников второй половины I тысячелетия н. э. Решение поставленного вопроса прямо зависит от обоснованной этнической интерпретации длинных курганов и сопок. Г. С. Лебедев сжато рассматривает существующие точки зрения на происхождение и племенную принадлежность указанных погребальных памятников. Автор привлекает материалы раскопок последних лет и приходит в выводу, что «длинные курганы, сопки и жальники нельзя рассматривать как достоверно славянские памятники» (с. 74). Однако для столь ответственного заключения достаточных данных нет.

Одним из самых спорных моментов в изучении длинных курганов и сопок является вопрос об их происхождении. До сих пор исследователям не удавалось генетически связать их с какими-либо памятниками предшествующей поры на Северо-Западе. Г. С. Лебедев полагает, что в первой половине I тысячелетия н. э. в бассейнах Чудского и Псковского (западное побережье) озер, р. Великой, р. Ловати, среднего течения р. Мсты и верхнего течения рек Западной Двины и Волги существовала единая (или несколько близкородственных) археологическая «предкурганная культура» финно-угорского круга. Исследователь обратил внимание на несколько фактов. Во-первых, в очерченном ареале сопки и длинные курганы появляются одновременно (VI–VII вв.). Во-вторых, найденный в тех и других ранних насыпях инвентарь практически одинаков. В-третьих, и длинные курганы, и сопки сосуществуют на одной

[1] О том, что Гнёздово связано с путем Днепр — Западная Двина, писал Д. А. Авдусин [9, с. 86].

и той же территории. Отсюда следует вывод об этническом единстве населения, сооружавшего длинные курганы и сопки. Автор выдвигает тезис о принадлежности «предкурганной культуры» чуди Иордана, т. е. «финно-угорскому, возможно, с балтскими элементами населению» (с. 64). Никак, однако, не выражено отношение к уже существующему в науке мнению о связи «чуди» Иордана с культурой эсто-ливских каменных могильников Эстонии, Северной Латвии и запада Новгородско-Псковской земли [10, с. 107–122; 11, с. 17, 18].

Возвращаясь к различию между сопками и длинными курганами, автор стремится объяснить распространение курганного обряда «без гипотезы о смене населения, а как результат взаимодействия соседних культур лесной зоны Восточной Европы» (с. 65). При этом Г. С. Лебедев противоречит сам себе. Появление сопок – результат импульса с юго-востока, из области мощинской культуры, а длинных курганов – аналогичного импульса с северо-запада, от носителей культуры каменных могильников. Какова же должна быть сила культурного воздействия (без притока нового населения), заставившая на огромной территории решительно изменить погребальный обряд? Нельзя также не отметить, что наиболее отчетливо финские черты фиксируются в сопках, а балтские – в длинных курганах. Если следовать взглядам Г. С. Лебедева, естественно было бы обнаружить обратную картину. Гипотеза о «культурных импульсах» не может удовлетворительно объяснить сочетание в одних и тех же могильниках хронологически близких захоронений в сопках, длинных курганах и «сопкообразных» насыпях. Столь остро направленная избирательность в восприятии культурного воздействия населения одной местности, а вероятно, и одной общины, когда часть людей перенимает юго-восточные традиции, а другая – северо-западные, исторически неубедительна.

Много внимания в работе уделено «распаду» сопочной традиции погребений, переходу к захоронениям в жальниках и полусферических курганах с индивидуальными трупосожжениями и трупоположениями. Автор склоняется к гипотезе А. А. Спицына – Н. К. Рериха о «крутом» переходе, по крайней мере в ряде областей, от сопок к жальничным захоронениям. Однако без детальной хронологии тех и других, без сплошного картографирования памятников различного типа подтвердить или опровергнуть высказанное мнение трудно.

Придерживаясь мысли о неславянском характере сопок, длинных курганов и жальников, Г. С. Лебедев все же отмечает, что «они отразили в общих контурах процесс формирования древнерусского земледельческого населения Северо-Запада» (с. 74). Именно смешанные могильники, по мысли автора, явились следствием расселения славян. Но начальный этап массовой колонизации славян связан «с появлением особой группы могильников, состоящих только из круглых курганов» (с. 74). Если бы действительно удалось на имеющемся материале разработать типологию и хронологию северо-западных круглых курганов с сожжениями и твердо увязать их с бесспорно славянскими памятниками, изложенные взгляды получили бы серьезное обоснование. Пока же эти могильники не нашли определенного места среди прочих погребальных древностей Северо-Запада. Поэтому одинаково спорно как их помещение в эволюционном ряду между сопками и длинными курганами, с одной стороны, и жальниками и курганами с трупоположениями – с другой, так и утверждение об одновременном сосуществовании тех и других или же перемещение круглых курганов с сожжениями в начало эволюции курганного погребального обряда. Ответ на поставленный вопрос упирается в слабую изученность исследуемого района.

В последующих разделах главы III рассматриваются поселения и городища славян, крупнейшие центры Северо-Запада и общие вопросы становления «Верхней Руси» как раннегосударственного образования. Остроумна попытка автора привлечь данные о городищах с лепной керамикой Полужья и Поильменья для определения первоначальной территории расселения в IX–X вв. ильменских славян (с. 77–81). Однако идея повисает в воздухе без сопоставления материалов исследованных памятников между собой и с синхронными городищами соседних территорий. Ареал ранних городищ никак не коррелируется с ареалом круглых курганов с трупосожжениями, славянская принадлежность которых признается Г. С. Лебедевым.

На одном этюде – «Псковские кривичи» (с. 81–85) стоит остановиться подробнее. Он не занимает центрального места в тексте главы, но имеет принципиальное значение для всех логических построений автора. Вывод исследователя: «псковские кривичи» – научная фикция, «результат контаминации различных редакций „варяжской легенды" и построений, родившихся на заре отечественной историографии» (с. 83–

34). Если это так, то историческое зерно легенды о призвании князей сводится лишь к факту появления на севере Руси норманнов. Культура длинных курганов не имеет отношения к славянам. Сомнительной становится федерация северных племен IX в. и т. д. Словом, и этническая, и политическая история Северо-Запада должны рассматриваться в новых аспектах. Но внимательное знакомство с приведенными аргументами заставляет сомневаться в правоте автора.

Действительно, летописи псковичей кривичами не именуют. Заметим, однако, что и никакой другой этноним для них не известен. Лишь сравнительно поздний Архангелогородский летописец называет Изборск некогда большим городом в кривичах. Г. С. Лебедев отстраняется от этого факта как от результата «своеобразной историографической переработки летописей» (с. 83). Но прямые свидетельства письменных источников нельзя опровергнуть без их анализа. Следует показать, в чем заключалась «историографическая переработка» текстов ранних летописей составителем Архангелогородского летописца и почему под его пером Изборск превратился в город кривичей, тем более что в Летописце Переяславля Суздальского Смоленск назван третьим городом кривичей [8, ч. II, с. 222]. Если считать, согласно летописи, вторым кривическим городом Полоцк, первым мог быть только Изборск. Конечно, появление кривичей в войске Олега во время его похода на Киев из Новгорода и взятия Смоленска тоже можно объяснить позднейшим осмыслением устного предания о варягах. Однако как быть с известием о нападении Владимира Святославича Новгородского на Полоцк с варягами, словенами, чудью и кривичами [12, с. 125]? К пресловутой легенде данное сообщение отношения не имеет. Но на основании племенного состава войска Владимира нетрудно установить связь с тремя тысячами новгородского войска Ярослава Мудрого и далее с Новгородцами, Псковичами и Ладожанами, как именовались военные силы Новгорода в XII в. Так какие же кривичи представлены в новгородских дружинах? Утверждение автора об отсутствии в письменных источниках конкретных свидетельств о «псковских кривичах» не соответствует действительности.

Что касается археологических данных, то здесь опять дело выглядит иначе. Для подсчета урновых захоронений в круглых курганах с трупосожжениями на Смоленщине и Полотчине Г. С. Лебедев берет сведения В. В. Седова, а для аналогичных выкладок по Псковщине – И. И. Ляпушкина (с. 82). Результат кажется разительным: против 45% урновых погребений в первом случае одно захоронение в одиночном кургане во втором. Казалось бы, различие в погребальной обрядности кривических территорий налицо. Но по данным В. В. Седова 1974 г. картина совершенно другая. Урновых захоронений на Псковщине 18 (17,9%) против 22 (47,8%) на Полотчине и 49 (54,4%) на Смоленщине [13, с. 37]. Кажется естественной необходимость детального анализа всех черт сходства и различия погребального обряда и инвентаря псковских курганов и синхронных памятников Полоцко-Смоленской земли. Однако этого не сделано, и выводы автора теряют свою доказательную силу.

Наконец, при общей недостаточной изученности псковских говоров, при хорошо известном расхождении карты распространения диалектов великорусского языка с картой расселения древнерусских (восточнославянских) племен лингвистические соображения не являются решающими для отрицания кривической принадлежности псковских славян. В связи с высказанными замечаниями этюд о «Псковских кривичах» нельзя признать удачным, а принятую в науке точку зрения поколебленной.

В других разделах главы можно принимать или оспаривать некоторые «интерпретационные» выводы автора (например, о путях становления Новгорода). Но состояние источниковедческой базы остается пока неудовлетворительным, что подчеркивает и сам Г. С. Лебедев. Поэтому для дискуссий по ранней истории Северо-Запада, для выдвигания взаимоисключающих гипотез и предположений имеется широкое поле деятельности. Именно в таком свете читатель и воспринимает данную работу.

Глава IV монографии посвящена археологии Северо-Восточной Руси. Рассматриваемая территория охватывает Ростово-Суздальскую и Муромскую земли – от Белоозера до Мурома. Во вступлении дается краткая историография ранней истории края, намечены основные проблемы, требующие изучения. В круг этих проблем входят вопросы материальной и духовной культуры местных племен (веси, мери, муромы), хронология и характер древнерусского освоения Северо-Востока, возникновение и развитие городов, племенные центры и критерии их выделения. Как особую проблему И. В. Дубов выделяет становление древнерусской государственности, подчеркивая, что «все темы должны рассматриваться в единой системе». Поставленные вопросы

безусловно актуальны. В какой-то мере ответы на них автор пытается дать в рассматриваемой работе. Глава насыщена новыми идеями.

В отдельных очерках характеризуется предыстория региона, где дан краткий обзор дьяковской и городецкой культур, проблемы археологии веси, мери, муромы, история и археология отдельных областей и памятников: Белоозера, Ярославских курганов и Тимеревского селища, Сарского городища, владимирских курганов, города Мурома. Новые данные приведены в разделе о ярославских памятниках, которые автор исследовал в течение ряда лет. Археология остальных районов освещена по материалам, уже известным в первую очередь из работ П. Н. Третьякова, Е. И. Горюновой, Л. А. Голубевой, Н. Н. Воронина. Удивляет отсутствие специальных разделов, посвященных основным центрам Северо-Восточной Руси: Ростову и Суздалю. Без учета данных по этим городам невозможно решить большинство поставленных вопросов.

Некоторые замечания вызывают первые разделы главы. Так, при характеристике дьяковской культуры не учтены данные, позволяющие выделить в особую группу памятники восточной части Волго-Окского междуречья [14; 15, с. 193, 194; 16, с. 32, 33, рис. 3]. Материалы указанных публикаций помогли бы автору более глубоко осветить вопросы ранней истории мери.

И. В. Дубов подчеркивает трудности выделения памятников летописной веси, считая единственно достоверными грунтовые могильники X–XIV вв. Мысль кажется справедливой, однако не стоит отказываться от анализа курганных древностей, среди которых, как показывают работы Л. А. Голубевой, Н. В. Тухтиной, С. В. Кочкуркиной, можно выделить элементы весской материальной культуры и погребальной обрядности. Тем более, что археология другого летописного племени – мери рассматривается в монографии только на основе материалов курганов. Общий вывод таков, что «в древнерусских памятниках старые мерянские традиции проявляются сильнее, чем в собственных, относящихся к более раннему времени или синхронных с русскими» (с. 111). На наш взгляд, вывод действительно «парадоксален», как характеризует его автор, но парадокс вызван не общими проблемами в изучении финно-угорских материалов или их недостатком, а слабым использованием этого материала в разбираемой работе. Ведь собственно мерянским древностям отведено лишь полстраницы, где дан неполный перечень мерянских могильников и самая общая характеристика погребального обряда. В таких же общих чертах охарактеризована и мурома.

Основные разделы главы посвящены периоду IX–XI вв. В своем взгляде на пути освоения славянами Северо-Востока автор придерживается распространенного и обоснованного многими историками мнения о новгородских истоках колонизации. Отметим, что материал, которым оперирует автор, позволяет судить только о части обширного региона – о севере Волго-Окского междуречья, в первую очередь о Поволжье. На наш взгляд, роль Тимерева как центрального пункта в освоении огромных пространств в указанных автором границах преувеличена и материалами не подтверждается. В пользу предложенной версии о заселении района Белоозера в IX в. со стороны Ярославского Поволжья якобы говорит сходство керамики и общие типы вещей: гребни, бусы, предметы вооружения, изделия из кости (?), глины (?) (с. 129–130). Но, во-первых, в Белозерье нет твердо датированных древностей IX в., а в ярославских курганах датирующими являются только скандинавские фибулы (с. 116), во-вторых, вещи всех перечисленных категорий имеют настолько широкое распространение, что не могут служить аргументом в пользу высказанного предположения. Отмеченное сходство керамики весьма относительно и наблюдается среди не славянских, а финских форм. Остается также непонятным, что может подтвердить авторское утверждение о замедленном развитии г. Белоозера в X–XI вв. и «провинциальном характере» его «материала» (с. 130–131).

Неясен вопрос о характере древнерусского освоения Северо-Востока (в тех же глобальных географических рамках), в котором принимали участие славяне, «уже ославянившаяся северо-западная чудь и небольшие группы скандинавов». На с. 118 указано, что расселение осуществлялось племенами, на с. 119 – «небольшими группами свободных общинников» (от чего или от кого свободных? – *А. Л.*). Это взаимоисключающие формулировки. В истории известны обе указанные формы переселений, но они характерны для разных эпох. Отметим, что археологические источники не позволяют отыскать следы новых племен славян, «северо-западной чуди» и скандинавов в Северо-Восточной Руси в IX–XI вв.

Принципиально важным для выяснения динамики исторических процессов является вопрос хронологии. И. В. Дубовым хронологическая шкала разработана на

основе материалов ярославских курганов. Автор выделяет ряд этапов: IX в., начало – середина X в., вторая половина X в. и, насколько можно понять, конец X–XI вв. (с. 115–124). Именно эта шкала позволяет автору свободно оперировать в исторических построениях указанными периодами, в частности говорить о IX в. в целом.

Выявление относительной хронологии курганных комплексов ярославских могильников – важное и перспективное для дальнейших исследований достижение. Но насколько верна предложенная абсолютная хронология, и в первую очередь датировка первого этапа – IX в. в целом? В публикации курганных материалов М. В. Фехнер датировала ранние комплексы концом IX в. [17]. Основой послужили находки хорошо изученных фибул скандинавских типов. Клад Тимеревского селища позволяет несколько расширить предложенную дату – последняя треть IX в. Основой для выделения первого этапа существования курганных групп по И. В. Дубову являются находки тех же фибул, известных по публикации М. В. Фехнер (с. 116). Но среди них нет экземпляров, существовавших в первой половине – середине IX в. Датировка этим временем комплекса трупосожжения из Тимерева (курган 95) [18, с. 82–86] не является бесспорной, так как все типы найденных в погребении вещей существуют более долгое время, а сопровождающие монеты второй половины VIII в. хронологически сопоставимы с экземплярами из тимеревского клада. Таким образом, современные данные не позволяют пока определить нижнюю дату ярославских курганов ранее последней трети IX в. Окончательное решение может дать анализ материалов Тимеревского селища. Общая характеристика этого интересного памятника дана в работе. Характер поселения в целом определен как протогородской.

Одной из авторских идей является существование на северо-востоке Руси племенного княжения славян и мери. Хронологические рамки этого этносоциального образования – IX–X вв. (с. 132). Территория неясна, но, по-видимому, в нее входит район устья Которосли с Тимеревским селищем (с. 120) и окрестности оз. Неро с Сарским городищем (с. 132). Формулировка самого понятия «племенное княжение» отсутствует – читатель отсылается к статье В. В. Мавродина, где в качестве племенных княжений рассматриваются славянские летописные племена со свойственной им «зародышевой формой государственности в полупатриархально-полуфеодальной Руси» [19, с. 46–55]. Это положение И. В. Дубов применяет к истории Северо-Восточной Руси. Однако при этом не учитывается весьма существенный момент: племенные княжества, если принимать это понятие, одноэтничны и у В. В. Мавродина соответствуют отдельным племенам. Другими эти княжения быть не могут именно в силу своей племенной основы, представляя собой единую этносоциальную общность [2]. Летописи знают мерю – племя, находившееся в союзных и даннических отношениях с Русью. Не логичнее ли предположить, коль скоро об этом зашла речь, существование мерянского племенного княжения в IX – начале X в., нежели создавать искусственную конструкцию, из-за которой становление древнерусского государства в Ростово-Суздальской земле начинается, насколько можно понять автора, только в XI в.? (с. 125).

В работе уделено внимание Сарскому городищу. Отмечается, что памятник является ценным источником «изучения перерастания племенного центра в протогород, упадка последнего и превращения его в феодальный замок» (с. 131). Автор допускает неточность: городище в замок не перерастает [21, с. 85—96]. История Сарского городища в монографии рисуется следующим образом. Возникший в VI–VII вв. мерянский поселок в IX в. превращается в протогород с многоэтничным населением, в X в. переживает расцвет, далее следует упадок в связи с усилением Ростова. Разноплеменное население занималось ремеслом и торговлей, получало сельскохозяйственные продукты из округи.

В данном случае анализ источников заменен авторской схемой, причем характеристика Сарского городища совпадает с характеристикой Тимеревского селища — те же составные части в той же последовательности: многоэтничность, ремесло, торговля и т. д. В переломные века перехода к классовому обществу, когда среди прочих изменений ломаются этнические границы, растет ремесленное производство, расширяются торговые связи, подобная трактовка приложима к любому крупному поселению, особенно в зонах этнических контактов. Поэтому сама характеристика малоинформативна: подчеркивая общие моменты, она не дает представления об особенностях. Сарское и Тимерево имели, пожалуй, больше различий, нежели сходства, и в

[2] Племена ЭСО (этносоциальные организмы) по терминологии, предложенной Ю. В. Бромлеем [20, с. 127].

социально-экономической структуре, и в своей исторической судьбе. Их типологическое различие отмечено и авторами монографии (с. 138—139). И еще одно замечание. До И. В. Дубова ни один исследователь Сарского городища не селил здесь славян в IX в. Причина одна — отсутствие данных.

При рассмотрении курганных материалов много внимания уделено такой детали погребальной обрядности владимирских и ярославских курганов, как глиняные лапы и кольца. Обычай класть эти предметы в погребение автор считает местным, мерянским по происхождению. Давно отмеченное сходство с глиняными лапами Аландских островов объясняется одинаковыми особенностями культа, единым этносом (финно-угры), ступенью развития, фауной (с. 134) [3]. Вся концепция держится только на этом умозаключении, так как далее в тексте признается, что подобные вещи в собственно мерянских памятниках неизвестны, а распространение глиняных лап и колец в курганах соответствует водным путям, по которым шло древнерусское заселение края. К этому можно добавить, что находки лап и колец с мерянскими древностями в курганных комплексах коррелируются еще слабее, чем со скандинавскими (последнее отмечено автором) или общедревнерусскими вещами. Появление лап и колец в памятниках Залесской земли – одна из маленьких загадок археологии. Ее решение, предлагаемое в работе, нельзя признать удачным, так как оно противоречит материалу.

Лапы и кольца, по мнению И. В. Дубова,– один из признаков ярославской группы мери (с. 135), которая выделяется только по курганным материалам. Если суммировать все признаки обряда и инвентаря, то сюда войдут также «домики мертвых», «бомбовидные» сосуды с округлым дном, амулеты из клыков медведя, костяные поделки (копоушки?) (с. 111) и, очевидно, немногочисленные шумящие украшения из ярославских курганов. Но керамика с округлым днищем, тем более «бомбовидных» форм, вообще не характерна для финно-угорских племен Поволжья: сосуды у них плоскодонные. Амулеты из клыков медведя распространены широко, и не только у финно-угорских народов [23, с. 59–61]. Копоушки появляются лишь в эпоху курганов. Что касается шумящих украшений из ярославских курганов, то они отнюдь не самые характерные для мери (есть у муромы, мордвы, встречаются на других территориях) и слишком незначительны по количеству. Приведенные данные позволяют обоснованно сомневаться в существовании особой «ярославской» группы мери [24, с. 37; 25, с. 11].

Специально следует остановиться на так называемых «домиках мертвых». Следами таковых автор считает деревянные обожженные плахи кострищ в курганах, интерпретируя их как остатки сооружений (с. 122–123). Не забывая о том, что подобные плахи могут быть просто остатками хорошо сложенного костра, можно допустить и существование каких-то конструкций. Но связывать их с «домиком мертвых» дьяковского березняковского городища, как это делает И. В. Дубов, невозможно. Слишком велик хронологический разрыв (VI — начало VII в. Березняковского городища и середина X в. ярославских курганов). Не менее велико и различие культур, между которыми нет генетической связи. В мерянских памятниках подобные сооружения отсутствуют. Наконец, по своей идее дьяковский «домик» не имеет ничего общего с курганными конструкциями. Он был помещением для хранения кальцинированных костей и специально никогда не сжигался, что при кучной городищенской застройке было бы равносильно стихийному бедствию. На курганных кострищах картина противоположная: в огне ритуального костра сгорал покойник вместе с сооружением, а уж потом его останки укладывались в сосуд или кострищные ямки.

Заключая обзор главы IV, отметим, что широко очерченной географии и обширному кругу охватываемых проблем не соответствует узкая источниковедческая база, отчего многие авторские идеи не подтверждаются материалами. Библиография некоторых разделов близка к минимуму. В тексте встречаются досадные ошибки. Так, Дурасовское городище IX–X вв. почему-то отнесено к числу дьяковских (с. 106), а курганная группа у дер. Кустерь перенесена с берега оз. Неро на р. Нерль Клязьминскую (с. 134). Географическая терминология не конкретна. Границы часто упоминаемого в тексте Ярославского Поволжья не оговорены, хотя это необходимо, так как само название по происхождению не столько историко-географическое, сколько административное. «Волго-Окское междуречье» в контексте соответствует Волго-Клязьминскому, так как памятники между Клязьмой и Окой автор не рас-

[3] На Аландских островах не было ни медведей, ни бобров [22, с. 37].

сматривает (за исключением Мурома). Наконец, вызывает удивление термин «Владимиро-Суздальское ополье» (с. 102, 103, 114, 144). До сих пор в отличие от княжества ополье было Суздальским, как оно и значится в источниках и географической номенклатуре. Владимир расположен в иной ландшафтной зоне.

Глава V монографии подводит итоги всего исследования. В сжатой конспективной форме изложены взгляды авторов на основные проблемы ранней истории Руси. Наиболее интересен раздел, посвященный истории города. Авторы впервые в отечественной историографии выделяют новый тип предгородских центров IX – начала XI в.– открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП), аналогичные по своей специфике североевропейским викам. К их числу отнесены Старая Ладога, Рюриково городище, Гнёздово, Тимерево. Открытые торгово-ремесленные поселения рассматриваются как центры «надплеменного значения», способствовавшие формированию таких институтов, как дружина и купеческие объединения, развитию торговли и ремесла. Специфической чертой ОТРП является многоэтничный характер населения и широкие по сравнению с другими поселениями международные торговые связи. Выделение ОТРП представляется закономерным: все упомянутые выше памятники отличаются от окружающих синхронных памятников целым рядом особенностей, что неоднократно в самой различной связи отмечалось в литературе. Однако для строгого обоснования характеристики ОТРП необходим сравнительный анализ с другой группой предгородских поселений — племенными центрами. Последние в работе только упомянуты (Киев, Полоцк, как вероятные – Псков, Изборск, Сарское).

Интересные, хотя и не во всем бесспорные, идеи выдвинуты в разделе «Дружина». На археологических материалах прослеживается динамика развития княжеского войска, становление дружинной иерархии, отмечаются характерные черты «дружинной культуры».

Одна из идей раздела о путях сообщения и кладах – существование собственной монетной системы на Руси в эпоху княжения Святослава и Владимира Святославича. Подтверждением служат граффити на дирхемах в виде «знака Рюриковиче» (рис. на обложке). Сюжет о граффити на куфических монетах сам по себе очень интересен, но едва ли правильно рассматривать процарапанные на некоторых монетах трезубцы в качестве символа «государственной единицы» (с. 144). Какова доля меченных таким образом монет среди тысяч дирхемов восточноевропейских кладов?

В разделе о формировании государственной территории авторы в развитие и подтверждение идей А. Н. Насонова подчеркивают внутреннюю неоднородность Руси IX – начала XI в., географическую разобщенность отдельных ее территорий. По археологическим материалам становление государственности определяется распространением «дружинно-городских элементов археологической культуры IX–XI вв.» (с. 146–147). Здесь на последних страницах раскрывается тайна карты, помещенной в начале книги, где обозначены «государственные территории» в виде отдельных районов, тяготеющих к своим центрам: Киеву и Чернигову, Полоцку, Смоленску, Новгороду и т. д.

Подведем итоги. Именно стремление авторов по-новому взглянуть на некоторые представления о сложных этносоциальных процессах, изменивших на рубеже I–II тысячелетий н. э. этнический и социально-исторический облик лесной зоны Восточной Европы, является основным достоинством рассматриваемой работы. Она приглашает исследователей к спору, акцентирует внимание на слабо разработанных проблемах. Недостатком книги оказываются не столько новые, порой остро дискуссионные гипотезы, сколько система (или отсутствие таковой) их аргументации. Во многих случаях неполна историография рассматриваемых проблем и в связи с этим кратка библиография, хотя для монографий подобного рода подробный справочный аппарат представляет самостоятельную научную ценность.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга представляет безусловный научный интерес.

А. В. Куза, А. Е. Леонтьев, Т. А. Пушкина

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гупало К. М., Толочко П. П.* Давньокиївський Поділ у світі нових археологічних досліджень– В кн.: Стародавній Київ. Київ: Наукова думка, 1975.
2. *Белоцерковская И. В.* К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли.– Вестн. МГУ, Сер. истор., 1975, № 5.

3. *Белоцерковская И. В.* Некоторые черты погребального обряда курганов Смоленской земли XI–XII вв.– В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1976, вып. V.
4. *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.– ИАК, 1905, вып. 15.
5. *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957–1961 гг.– МИСО, вып. VII. Смоленск: Московский рабочий, 1970.
6. *Ляпушкин И. И.* Новое в изучении Гнёздова.– АО – 1967. М., 1968.
7. *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). Автореф. канд. дис. М.: Кафедра археологии МГУ, 1974.
8. Повесть временных лет. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950, ч. I, II.
9. *Авдусин Д. А.* Скандинавские погребения в Гнёздове. Вестн. МГУ. Сер. истор., 1974, № 1.
10 *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии.– В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин: Эстгосиздат, 1956.
11. *Седов В. В.* Новгородские сопки.– САИ, вып. Е1-8, М., 1970.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего взводов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
13. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.– САИ, вып. Е1-8, М., 1974.
14. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971.
15. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры.– В кн.: Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
16. *Седов В. В.* Гидронимические пласты и археологические культуры центра.– В кн.: Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974.
17. Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: Советская Россия, 1963.
18. *Дубов И. В.* Новые раскопки Тимеревского могильника.– КСИА АН СССР, 1976, № 146.
19. *Мавродин В. В.* О племенных княжениях восточных славян.– В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л.: Наука, 1971.
20. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
21. *Леонтьев А. Е.* «Город Александра Поповича» в окрестностях Ростова Великого.– Вестн. МГУ. Сер. истор., 1974, № 3.
22. *Мейнандр Карл Ф.* Биармы.– В кн.: Финно-угры и славяне. М.: Наука, 1979.
23. *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье XI в.– Краеведческие записки. Ярославль, 1960, вып. IV.
24. *Мальм В. А.* Изделия ювелирно-литейного производства.– В кн.: Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: Наука, 1963.
25. *Рябинин Е. А.* Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X–XI вв. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1974.

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, 147 с., тираж 5485 экз.

Даже беглый просмотр рецензируемой книги убеждает в том, что она представляет собой нечто более значительное, нежели просто сводку археологического материала, объединенного территориально-хронологическим единством, как это могло показаться по ее названию. Правда, сами авторы уклонились от четкого определения задач, стоявших перед ними. Все же, вероятно, не будет большой натяжкой считать, что книга была задумана как один из этапов в осуществлении той стоящей перед отечественными археологами задачи, которая во «Введении» формулируется следующим образом: «К настоящему времени советские ученые раскрыли внутренние предпосылки и закономерности образования Древнерусского государства. Однако изучение этого процесса в этнически сложной среде северных русских земель требует не только детального анализа наиболее ярких археологических объектов, но прежде всего *создания широкой и связной системы представлений, включающей всю совокупность древностей лесной зоны и сопоставимой с картиной развития славянского мира в лесостепи VIII—IX вв.*» (курсив наш — *И. Ш., Д. М.*)

Археологический материал, рассматриваемый в книге, относится к промежутку времени с VI по XIII в., однако особое внимание уделяется анализу тех кардинальных изменений социально-экономического характера, которые наиболее ярко прослеживаются в некоторых узловых центрах, расположенных на речных путях Восточной Европы, где возникают особого типа ремесленно-торговые поселения и сопутствующие им могильники, существующие как самостоятельные и своеобразные организмы с конца VIII по начало XI в. По археологическим данным, впервые суммированным в настоящем исследовании, эти изменения, начинающие собой период формирования древнерусской государственности, прослеживаются в Ладоге и ее окрестностях с конца VIII – начала IX в., в Ярославском Поволжье, районах Новгорода и Смоленска – со второй половины IX в., в Киеве, Чернигове и их окрестностях – с начала X в.

Специальное и пристальное рассмотрение социально-экономического и этнокультурного аспектов процесса сложения древнерусской государственности является несомненной заслугой авторов книги. При этом узловые для понимания сути происходящих изменений памятники рассматриваются не только сами по себе, но и в связи с тщательно, хотя и обобщенно проанализированным иным археологическим материалом, образующим как бы фон и обстановку того исторического «действа», на котором сосредоточено главное внимание. В отдельных главах анализ массового археологического материала даже выходит на первый план (глава III. Северо-Запад).

Следует отметить тщательность и осторожность, плодотворно сочетающиеся со смелостью и новизной, при рассмотрении ряда традиционных и вновь поставленных «трудных проблем» изучаемой эпохи.

Авторы не боятся отчетливо провести границы наших знаний на современном этапе и выявить в них зияющие лакуны, оконтуривание которых весьма своевременно. Так, в работе (на карте и в тексте) выявлены обширные регионы, явно заселенные (по данным смежных дисциплин) в интересующий период по преимуществу славяноязычным населением, которые, однако, либо лишены археологических памятников этой поры, либо обнаруженные здесь археологические объекты малочисленны и не объединяются в отчетливые «культуры». Внешняя неяркость «сельской» славянской культуры лесной зоны приводит к тому, что «зоны археологической трудноуловимости» занимают довольно обширные пространства с VIII по XIII в. «Долги» наших археологов перед отечественной историей обнажаются в итоге весьма явственно.

Исследователям удалось выявить две отчетливые «волны» серьезных перемен в жизни восточнославянского населения лесной зоны, предшествующие окончательному оформлению Древнерусского государства. Особенно хорошо эти «волны» выявлены на территории Смоленщины (глава II).

Первая «волна» прокатывается около рубежа VII–VIII вв. и в первой половине VIII в. и связана с возникновением тех «курганных» культур, которые позднее «врастают» в процесс сложения древнерусской государственности. Эта эпоха характеризуется серьезными перемещениями населения и далеко распространяющимися культурными импульсами, идущими в двух направлениях: с запада на восток (распространение носителей культуры смоленских длинных курганов, вероятно, славянизирующихся балтов) и с юга на север (появление на Волхове носителей культуры сопок,— возможно, смешанного балто-финно-славянского населения) [1]. В это же время в лесной зоне появляются и немногочисленные памятники «чистых славян», продвигающихся с юга и запада. Любопытно отметить, что и движение неславянского или же «балтославянского» населения (культура смоленских длинных курганов и волховские сопки) совпадает по направлению с движением славян при их расселении по восточноевропейской равнине, как оно намечено в «Повести временных лет», являясь, вероятно, частью единого миграционного процесса.

Вторая, хронологически последующая «волна решающих изменений» прокатывается с севера на юг, от Приладожья до лесостепи, между концом VIII в. (Ладога) и началом X в. (Киев, Чернигов) и связана со включением живущего на этой территории населения в широкую систему экономических и культурных «международных» связей между Арабским халифатом и Хазарским каганатом, с одной стороны, западноевропейским миром (представленным на раннем этапе, в основном, скандинавами), с другой стороны, и с Византией – с третьей. Этот хронологически выявляемый рубеж примерно соответствует известному по «Повести временных лет» периоду «варяжской» и «хазарской» дани, с последующим освобождением славянских племен от нее и организацией первых походов на Византию и Каспийское море.

Несомненной заслугой авторов является выделение ими особой категории «протогородских» центров, родственных скандинавским «викам» и возникающих в результате определенных внутренних социально-экономических процессов и внешних связей. Авторы называют эти центры открытыми торгово-ремесленными поселениями и причисляют к ним Ладогу, Рюриково городище, Тимерево, Гнёздово. Авторы не ставят вопроса о том, к какой категории «протогородских» центров относятся поселения и могильники на Лысой Горе в Киеве и в Шестовицах, однако сопостав-

[1] Весьма важно, что авторы отказались от долго существовавшего мнения, согласно которому длинные курганы безоговорочно приписывались балтам, а сопки — словенам, и, учитывая данные новейших исследований, говорят о сложном и во многом еще неясном происхождении этих памятников.

ление последних с северными открытыми торгово-ремесленными поселениями напрашивается само собой. Выделение особой категории социально-экономических организмов, характерных именно для изучаемой эпохи, исчезающих или перерождающихся впоследствии, следует признать весьма плодотворным.

Тщательный анализ материала приводит авторов к созданию такой картины возникновения Древнерусского государства, в которой, при несомненной «славянской основе» протекающих процессов, значительную роль играют различные «черты интернационализма», проявляющиеся на различных уровнях. К ним относится и более явственное выявление балтийского и финского этнических субстратов, игравших наряду со славянским большую роль в сложении древнерусской народности. Отметим в связи с этим наблюдение о большой роли «чудского элемента» в формировании культуры псковских длинных курганов. Сюда же причислим и углубление представлений о большой роли сквозных путей, связавших Восток и Запад в конце VII–IX вв. и проходивших по территории Древней Руси.

Наконец, весь приведенный в книге материал говорит и об известной «полиэтничности» той формирующейся раннегосударственной надплеменной аристократии, которая концентрировалась возле таких центров, как Новгород, Смоленск, Киев. Особенно в этом отношении показательны результаты изучения Тимеревского поселения и других археологических памятников Ярославского Поволжья И. В. Дубовым, где и погребальные комплексы, и рунические надписи на монетах определенно говорят о существенной роли скандинавского компонента в тех процессах, которые во второй половине IX — начале X в. приводят к сложению государственных организмов в среде восточнославянского и соседствующего с ним балтского и финского населения.

Выявление подобных «интернациональных» субстратов, связей и компонентов еще более подчеркивает мощь и жизненность того славянского «ствола», который, сумев впитать различные «питательные соки» и принять некоторые «прививки», переработал все это в единый и своеобразный организм древнерусской государственности и народности.

Хорошо, что авторы сосредоточили свое внимание на материалах IX–XI вв. и не стали глубоко вдаваться в предысторию этой важнейшей исторической эпохи, не стали углубляться в освещение сложной и вызывающей острейшие дискуссии проблемы происхождения восточнославянских племен и их развития в VI—VII вв.[2]

Будучи специалистами по археологии северной половины восточнославянских земель, именно этой территории авторы уделили основное внимание. Среднее Поднепровье освещается довольно бегло (и то главным образом полянская земля с Киевом). Совсем кратко охарактеризован Чернигов и Вышгород, для других южнорусских городов не нашлось места; не освещены Галицко-Волынская земля, Тмутаракань, Саркел.

Значительно более подробно представлена в книге археология Смоленской земли и ее древнего центра – Гнёздова, глубоко и на основе новейших данных охарактеризован такой важнейший памятник, как Гнездовский могильник. Однако, к сожалению, в главе не изложена давно волнующая ученых дискуссия по вопросу о том, где возник и находился древнейший Смоленск – на месте современного города или в Гнездове; не отмечен даже имеющий решающее значение для этой проблемы факт отсутствия на территории Смоленска культурного слоя IX—X и начала XI в.

Новым и заслуживающим серьезного внимания является мнение авторов об ошибочности традиционного представления о принадлежности славянского населения Псковской земли к племени кривичей. Авторами показано, что и письменные, археологические данные, поддерживавшие традиционное мнение, при ближайшем рассмотрении оказываются не очень убедительными. Поставленный вопрос требует специального исследования[3].

---

[2] К сожалению, авторы не всегда точно излагают мнения отдельных ученых по данной проблематике: так, на с. 85 неточно изложена точка зрения Д. А. Мачинского. В действительности, он отнюдь не утверждает, что «славяне в лесной зоне появляются не ранее конца VII, а скорее в VIII в.», а наоборот, считает лесную зону Восточной Европы «прародиной» славяноязычного населения, полагая, что лишь севернее Западной Двины и восточнее бассейна Десны исторические славяне впервые появились не ранее конца VII в.

[3] Тут же отметим, что, к сожалению, авторы в двух местах книги (с. 77, 80) высказались в пользу давней гипотезы, согласно которой славянское население северо-запада Руси будто бы переселилось по морю из западнославянского Поморья. Гипоте-

Особенно удачными представляются разделы, посвященные Приладожью и бассейну Волхова. Здесь авторы успешно обобщили результаты произведенных в последние 15–20 лет многочисленных исследований советских археологов, занимающихся данной проблематикой. Интересна попытка на основе археологических данных наметить «первоначальную племенную территорию словен ильменских – ядро и основу государственной территории Новгорода» (с. 81). Отметим лишь, что вряд ли стоило столь решительно отрицать (с. 99) принадлежность племени весь обширной курганной культуры юго-восточного Приладожья. Подобная атрибуция давно принята большинством ученых (Н. Е. Бранденбург, Н. И. Репников, Я. В. Станкевич, В. В. Пименов, И. П. Шаскольский, С. И. Кочкурина) и подкрепляется данными топонимики: несогласие с общепринятым мнением требовало основательной аргументации (для которой у авторов не хватило места).

К числу недостатков книги надо отнести отсутствие необходимых в каждом археологическом исследовании иллюстраций, таблиц, малое число (одна!) карт; правда, это вина не авторов, а издательства Ленинградского университета, оказавшегося не в состоянии издать книгу на достаточно высоком полиграфическом уровне. Следует также отметить известную разностильность отдельных глав, разную степень глубины освещения материала в главах.

Очень важная для понимания рассматриваемой авторами эпохи и ее археологических памятников норманская проблема освещена с достаточной долей объективности, с учетом новых находок и исследований. Однако авторам следовало указать, что между советскими и зарубежными буржуазными учеными уже в течение десятилетий существует острая дискуссия по вопросу о значении скандинавских археологических находок на Руси, следовало вкратце рассказать о сущности норманизма в археологии и дать его критическую оценку.

Не слишком убедительна гипотеза, согласно которой древнее киевское поселение на Лысой Горе и связываемый с ним могильник отождествляются авторами с загадочным Самватом (Самватасом), киевской крепостью, упоминаемой Константином Багрянородным; доказать точное местонахождение Самвата на территории древнего Киева вряд ли когда-нибудь удастся из-за скудости сведений в источниках.

Интересная гипотеза о существовании «открытых торгово-ремесленных поселений» как протогородов восточнославянской земли нуждается в коррективах. Вряд ли все поселения этого рода окажутся «открытыми» – ведь на одном из них, подробно исследованном И. В. Дубовым Тимеревском поселении, уже обнаружено укрепление (мощный частокол), окружавшее его древнейшую часть (с. 120). Возможно, подобные укрепления были и на других поселениях, не говоря уже о родственных им южнорусских поселениях – городищах на Лысой Горе и в Шестовицах. Кроме того, хотелось бы, чтобы в названии подобных объектов как-то было отражено их административное и военное значение, которое явственно вырисовывается из всей суммы археологических и письменных данных. Думается, что жители этих торгово-ремесленных поселений были в первую очередь причастны к тому вооруженному насилию, которое являлось «повивальной бабкой истории».

Хотелось бы, чтобы авторы были более осторожны в утверждениях вроде: «В середине X в. обозначился новый этап древнерусской дружины. Выделяется *в качестве основной боевой силы* конное войско» (курсив наш.– *И. Ш., Д. М.*). Конное войско отнюдь не было основной боевой силой еще около 970 г., как это явствует из описания войны Святослава с греками у Льва Диакова и в «Повести временных лет». Кони стали постоянным средством передвижения княжеской дружины (наряду с ладьями), но бой русские предпочитали вести по-прежнему пешими.

Однако подобные и некоторые другие замечания не умаляют значения большого, полезного и своевременного труда, проделанного тремя ленинградскими учеными.

Представляется, что основная стоявшая перед ними задача выполнена. Сделан один из первых шагов на пути качественно нового, широкого и углубленного изучения археологического материала IX–XI вв., что в сочетании с углубленным изучением исторических и лингвистических данных позволит в ближайшем будущем нарисовать еще более подробную и достоверную картину важного в истории нашей страны этапа, который носит название «возникновение древнерусской государственности и народности». *Д. А. Мачинский, И. П. Шаскольский*

за эта, отстаиваемая всерьез в последние десятилетия лишь одним В. Б. Вилинбаховым, базируется на немногих, совсем случайных языковых и археологических аргументах и не может приниматься всерьез.

Хроника

АРСЕНЬЕВА Т. М., КАЗАКОВА Л. М.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС»

Ценность памятников истории и культуры в настоящее время бесспорна. Методы их сохранения и пропаганды имеют первостепенное значение. Лучшим способом, решающим эту задачу, является музеефикация памятников. В соответствии со статьей 20 закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», те из них, которые «представляют особую историческую, научную, художественную или иную ценность, могут быть объявлены решениями Совета Министров СССР или союзной республики историко-культурными заповедниками» [1, с. 628]. Если для комплексов историко-архитектурных и архитектурных памятников накоплен немалый опыт организации музеев-заповедников и музеефикации отдельных объектов, то создание музеев-заповедников на основе археологических памятников и музеефикация археологических объектов в силу их специфики остаются еще в стадии поисков. Для практического решения этой проблемы многое дает опыт работы археологических музеев-заповедников, открытых в ряде наших республик. В последнее время и на территории РСФСР успешно проводится музеефикация таких важных в научном отношении археологических памятников, как Великие Болгары, Биляр, Горгиппия, стоянки Костенки, Сунгирь, объектов в древнем Пскове, Старой Ладоге и др. [2, с. 141]. Большое внимание уделяется разработке принципов создания археологических заповедников и обобщению опыта работы уже существующих [2—4]. В 1977 г. Министерством культуры РСФСР, Центральным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Институтом археологии АН СССР была организована специальная конференция по вопросам сохранения, изучения и музеефикации памятников археологии [5]. В 1978 г. на Всесоюзной конференции в Ереване рассматривались вопросы охраны памятников археологии в населенных пунктах [6]. В этой связи приобретает большое значение опыт музеефикации конкретных археологических памятников и создание на их основе музеев-заповедников. Первым из археологических заповедников на территории РСФСР был созданный в 1961 г. музей-заповедник «Танаис».

Основой для его организации послужили работы Нижнедонской экспедиции Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения, проводимые с 1955 г. под руководством Д. Б. Шелова, а затем Т. М. Арсеньевой на Недвиговском городище — древнем Танаисе (Мясниковский р-н Ростовской обл.), самой северной точке греческого мира в Северном Причерноморье. Время существования города — III в. до н. э.— начало V в. н. э. История изучения городища и создания заповедника освещена в статье Д. Б. Шелова [7, с. 321 сл.].

Отождествление недвиговских развалин с городом Танаисом было сделано еще в 1823 г. А. И. Стемпковским. Во второй половине XIX в. и в первом десятилетии XX в. здесь неоднократно проводились и археологические исследования. Траншеи, оставшиеся следы этих раскопок, и многочисленные ямы камнедобытчиков, использовавших развалины города как каменоломню, в значительной степени исказили поверхность городища, повредили его верхние слои и многие городские сооружения. Одно время даже существовало мнение о бесперспективности проведения здесь археологических работ. Однако итоги первых лет исследований, проведенных Нижнедонской экспедицией, открыли хорошей сохранности строительные комплексы и мощные оборонительные сооружения. Был получен большой вещественный материал, дающий наглядное представление о культуре, хозяйственной жизни города и его связях с окрестным миром. Все это привело к мысли о необходимости сохранения раскопанных объектов и их широкого показа путем создания археологического музея-заповедника как филиала Ростовского областного музея краеведения. С этой инициативой выступили Д. Б. Шелов и заместитель директора Ростовского областного музея краеведения, ныне покойный С. М. Марков. В 1958 г. было принято решение Ростовского облисполкома о создании заповедника, а в августе 1961 г. он был открыт для посещения.

В связи с музеефикацией городища Танаис предусматривалось: 1) экспонирование объектов на раскопах, т. е. создание экспозиции под открытым небом; 2) выставка находок, полученных во время раскопок; 3) создание базы для хранения материалов и работы экспедиции; 4) пропаганда самого памятника, археологических и исторических знаний. Это и определило основные направления деятельности заповедника: научно-экспозиционную, фондовую, работу с посетителями и по пропаганде памятника.

Главной составной частью экспозиции музея является само городище. Танаис — памятник многослойный: город с некоторым перерывом просуществовал около восьми веков. Не все его строительные сооружения удается выявить и использовать для показа, ряд объектов в ходе исследований, после проведения фиксации, подвергается разборке для выявления залегающих ниже более ранних построек. Как правило, наиболее значительные в научном отношении или с точки зрения экспозиционного показа сооружения сохраняются. В первые века после основания города в начале III в. до н. э. Танаис занимал часть площади основного четырехугольника (240×215 м), где жизнь продолжалась и в последующие века, и примыкающее к нему западное крыло. Между собой эти участки были разделены оборонительной стеной. Ранние городские постройки обнаружены главным образом на западном крыле. После разгрома города боспорским царем Полемоном этот участок был заброшен и не восстанавливался, жизнь в городе сосредоточилась на территории основного четырехугольника. Поэтому для показа ранних городских строений демонстрируются кварталы, открытые на западном участке городища и, вероятнее всего, принадлежавшие местному варварскому населению — танаитам. Это небольшие жилые и хозяйственные постройки без правильной планировки, с изогнутыми округлыми стенами и обычно мощеными двориками, с извилистыми и узкими переулками шириной от 1 до 2 м. Имелась и оборонительная стена, защищавшая западный городской район с севера и северо-запада. В своей нижней части она сохранилась на высоту 1—1,3 м. На территории основного четырехугольника городища из ранних сооружений демонстрируются оборонительные стены с башнями, открытые с западной и южной стороны города. Эти сооружения сложены достаточно тщательно, на угловых участках положены подтесанные каменные блоки, иногда обработанные под руст. Остальные ранние постройки были в значительной степени повреждены интенсивными строительными работами, проводившимися во II — первой половине III в. н. э., и дошли до нас во фрагментарном состоянии. Поэтому ряд из них, если их и удается проследить на отдельных участках над сооружениями II—III вв. н. э., фиксируется и чаще всего засыпается до горизонта II в. н. э. Отдельные сооружения I в. н. э., возникшие сразу же после полемоновского разгрома,— жилые и хозяйственные помещения относительно правильной планировки с мощеными двориками и небольшими подвалами — раскрыты на одном из участков, примыкающих снаружи к оборонительной стене на юго-западном углу городища. Стена в это время была разрушена. Постройки I в. н. э. просуществовали до восстановления старых и возведения новых оборонительных сооружений во II в. н. э. Уже в древности они были частично разобраны и срезаны при строительстве рва, а затем засыпаны до уровня жизни II в. н. э.

На основном четырехугольнике городища сохраняются для обозрения главным образом сооружения II — первой половины III в. н. э.— времени расцвета города, прервавшегося полным его разгромом в середине III в. н. э. племенами готского союза. От этого времени сохранились мощные оборонительные укрепления: ров около 8 м глубины и 10 м ширины, стены шириной до 5 м, открытые с западной стороны городища и частично на небольших участках с восточной и южной, башни, выступающие от западной стены на 8—12 м, небольшие ворота, сохранившиеся в нижней своей части между башнями. Рядом с воротами в 1965 г. найдена большая мраморная плита с надписью, в которой говорится о восстановлении ворот. Плита теперь выставлена в музее-заповеднике.

От наземных сооружений обычно сохраняются только нижние части стен, но и по ним удается восстановить планировку отдельных городских кварталов и усадеб с помещениями, группирующимися вокруг внутренних двориков, обычно вымощенных каменными плитами, плотно пригнанными друг к другу. В центре двориков находятся глубокие водосборные цистерны со стенками, выложенными камнем. Иногда под вымосткой дворика удается выявить водосток, ведший к цистерне. Под многими наземными помещениями открыты большие и глубокие подвалы, в которых хранились различные товары и запасы (рис. 1).

Основная часть музеефицируемых объектов расположена сравнительно компактно, что позволяет создать цельную экспозицию под открытым небом и интересно строить их экскурсионный показ. Вопрос о такой экспозиции не может ставиться без разрешения проблем сохранения раскопанных объектов, внешнего оформления раскопов и приведения их в экспозиционное состояние.

Первая задача решается заповедником на основе проведения ежегодных консервационных работ, начатых в 1966 г. Их необходимость вызвана тем, что постройки в Танаисе сооружены из камня (известняк, песчаник) на глиняном растворе. Через несколько лет без проведения защитных мер они начинают быстро разрушаться. Первоначально за основу разработок приемов консервации в Танаисе был принят опыт, накопленный сотрудниками Херсонеса, с учетом особенностей танаисских сооружений. Был разработан план первоочередных консервационных мероприятий (разборка завалов, укрепление наиболее пострадавших участков, очистка раскопов от обвалившегося грунта и мусора, уничтожение растительности) и планы консервационных работ на последующие годы. Перед их началом ведется значительная предварительная подготовка, связанная не только с решением организационных вопросов, но и с проведением научных исследований на планируемых к закреплению объектах. Ежегодный план мероприятий обсуждается руководством экспедиции и администрацией музея. До 1970 г. основные работы по консервации проводились бригадой из трех-четырех человек во главе с опытным каменщиком из местных жителей под наблюдением специалиста-археолога. В 1970 г. студентами исторического факультета Ростовского государственного университета был создан реставрационный студенче-

Рис. 1

ский отряд. Первые два года отряд работал совместно с мастером-каменщиком, а затем, получив статус постоянно действующего научно-образовательного кружка, он стал проводить работы собственными силами. Под руководством сотрудников экспедиции и музея студенты теоретически изучают основы реставрационного дела, практически осваивают приемы консервации, участвуют в обсуждении и разработке планов работ, составлении научных отчетов. В отряде соблюдается преемственность: студенты старших курсов передают свой опыт младшекурсникам. Все это значительно повышает продуктивность проводимых работ. Большую помощь заповеднику в организации и проведении консервационных мероприятий, в их финансировании постоянно оказывают Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и его Ростовское областное отделение. Однако проведение работ связано с целым рядом трудностей. Прежде всего, это отсутствие производственной базы и специализированной реставрационной организации. Хотя в Ростовской области уже несколько лет существует научно-производственная мастерская объединения «Росреставрация», она не берется за выполнение работ в Танаисе и они проводятся через местные строительные управления, которые не имеют ни нужных материалов, ни достаточного количества оборудования.

Вторая проблема — разработка научно обоснованных рекомендаций по консервационным приемам. Современное понятие консервации архитектурно-археологических памятников — понятие сложное. Оно включает в себя не только комплекс мероприятий по предотвращению разрушений памятника, но и вопросы сохранения и организации его территории, создания условий для его лучшего восприятия, музейного показа и пропаганды. В каждом конкретном случае для каждого памятника эти вопросы должны решаться индивидуально, с учетом общих существующих рекомендаций и разработок.

За последние годы наметился значительный сдвиг в разработке методов консервации и реставрации руинированных археологических объектов. Общие принципы требований к ним сформулированы в резолюции совещания-семинара «Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР» [8], в решениях ряда совещаний, проведенных Министерством культуры РСФСР и Центральным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры за последнее десятилетие. С 1975 г. группа сотрудников отдела научно-реставрационных исследований Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината под руководством Б. Л. Альтшуллера проводит исследования и практические работы по консервации архитектурно-археологических сооружений Пантикапея и Херсонеса. Ею также были выполнены физико-химические исследования растворов и строительного камня в Танаисе и на их основе разработаны некоторые рекомендации по составам консервационных растворов и способам их применения. Объединение «Росреставрация» разрабатывает предложения по музеефикации археологических объектов Горгиппии. В 1979—1981 гг. здесь проведено экспериментальное внедрение нового материала для консервационных целей на основе кремнийоргсиликата и различных наполните-

лей, разработанного Московской специальной научно-реставрационной производственной мастерской № 1 треста «Мосреставрация». В 1981 г. эти работы будут продолжены в еще большем масштабе. В Танаисе также планируется апробирование нового метода. Но всего этого явно недостаточно. Для успешного, научно обоснованного проведения консервационных работ на руинированных археологических памятниках, в том числе подобных Танаису, необходимы коллективные усилия архитекторов, археологов, реставрационных организаций, органов охраны памятников. В связи с этим назрел вопрос о создании единого союзного методического центра по проблемам реставрации и консервации археологических памятников.

Как показывает опыт заповедника, на объектах, аналогичных Танаису, наиболее целесообразно проведение именно консервационных работ. Видимо, в какой-то мере допустимо применение частичной реставрации, но ни в коем случае проведение на раскопах реставрации с элементами реконструкции. В этой связи явно неудачной была попытка реставрации и частичной реконструкции одного из помещений III в. н. э., осуществленная в Танаисе в 1968—1969 гг. С экспозиционной точки зрения такая попытка может быть оправдана. По первоначальному замыслу, все найденные комплексы вещей в реконструированном помещении предполагалось сохранить in situ. Но на практике осуществить этот замысел оказалось сложным из-за отсутствия постоянной охраны. Видимо, гораздо перспективнее в этом плане создание на строго научной основе и документальных данных макетов в натуральную величину или в уменьшенном масштабе вне раскопов. Введение последних возможно и в стационарную экспозицию. Такие макеты в заповеднике созданы на территории усадьбы музея: реконструированы часть оборонительных укреплений (рис. 2) и примыкающих к ним жилых комплексов II—III вв. н. э. (макет выполнен в масштабе 1 : 10) и дом из камыша и глины, характерный для округи Танаиса. Он построен в натуральную величину с интерьером на основе материалов Подазовского городища [9, с. 213]. Макеты пользуются большой популярностью, так как дают представление об облике одного из участков городища и его отдельных объектов. В экспозиции зала музея, рассказывающей об экономической жизни Танаиса первых веков нашей эры, воссоздан интерьер помещения земледельца с найденными в нем зернотерками, жерновами, амфорами с зерном. Не меньшее значение могут иметь графические реконструкции, размещенные как на самих раскопах у реконструируемых объектов, так и в музейной экспозиции.

Третья проблема — общее благоустройство территории экспозиции под открытым небом и оформление раскопов. Здесь прежде всего должны быть решены вопросы создания подходов к раскопам, смотровых площадок, переходных мостиков и лестниц, общих принципов и характера наглядности на раскопах у экспонируемых объектов. Все это не может быть осуществлено без генерального проекта архитектурно-планировочного благоустройства заповедника. Этот проект должно было сделать по поручению Министерства культуры РСФСР объединение «Росреставрация», но до сих пор ничего не сделано.

Четвертое: комплекс мер по сохранению памятника требует решения вопросов организации его территории, связанной с установлением охранной зоны. Городище, примыкающий к нему с севера, запада и востока курганный и грунтовый некрополь, а также припортовая часть, занятая современным хутором, в несколько раз превышают площадь 20,3 га, отведенную заповеднику. Поэтому неоднократно возникала угроза разрушения ряда участков в результате строительных, дорожных и особенно сельскохозяйственных работ. Сотрудники заповедника осуществляют постоянный контроль за этими работами, организуют спасательные исследования. Эта сторона деятельности музея долгое время была затруднена из-за отсутствия утвержденной охранной зоны, проект которой несколько лет выполнялся объединением «Росреставрация» и был, наконец, получен в 1980 г. На территории охранной зоны все работы, не связанные с деятельностью заповедника, запрещены. В зоне регулирования застройки, менее насыщенной древними культурными отложениями, работы разрешены только при согласовании и под наблюдением археологов, организующих при необходимости специальные исследования. Большую помощь в организации этих работ оказывают заповеднику партийные и советские органы Мясниковского района, сельский Совет.

Постоянная деятельность заповедника в этом направлении способствует не только сохранению памятника, но имеет и большое воспитательное значение: требования закона об охране памятников и их обязательное выполнение постепенно становятся здесь нормой.

Вторая часть экспозиции заповедника — стационарная экспозиция в помещении музея. Здание музея недостаточно приспособлено для экспозиционных целей, так как оно строилось для временного размещения экспонатов и не отвечает современным требованиям. В настоящее время решается вопрос о создании нового проекта здания музея. Главной задачей первоначальной экспозиции был показ не только истории Танаиса, но и других древних поселений дельты Дона, одной из наиболее заселенных в древности территорий Нижнего Дона. В ней выделялось четыре раздела: 1) памятники эпохи камня и бронзы; 2) город Танаис; 3) некрополь Танаиса; 4) поселения округи Танаиса. В какой-то мере такой характер экспозиции был продиктован отсутствием ряда материалов, позволяющих осветить определенные стороны истории самого Танаиса. В настоящее время, когда Нижнедонская экспедиция отметила уже свой 25-летний юбилей, полученные материалы позволяют перестроить экспозицию в другом аспекте. Основными в нем становятся сам Танаис, его история, особенности экономического и политического развития.

Рис. 2

В музее есть и особый выставочный зал, где демонстрируются сменные экспозиции отдельных категорий находок, материалов, полученных во время работы экспедиции за раскопочный сезон, произведения донских художников и мастеров прикладного искусства, посвященные Танаису и другим памятникам.

Одним из главных направлений работы любого музея является фондовая работа, задача которой — сохранение и паспортизация музейных экспонатов. За годы работы Нижнедонской экспедиции найдено несколько сотен целых светлоглиняных амфор, десятки красноглиняных крупных амфор и амфор редких типов, сотни целых лепных, краснолаковых и серолощеных сосудов, огромное количество обломков керамики, множество изделий из железа и бронзы, камня и стекла. Трудно перечислить весь колоссальный материал, который теперь собран в музее и составляет его фонды. При этом коллекции массового материала формируются по отдельным категориям находок, каждая из которых подвергается индивидуальной обработке. Это позволяет выделить типы вещей, уточнить их хронологические изменения, составить типологические ряды. Одновременно наиболее хорошо сохранившиеся и важные в научном отношении комплексы (погребения, отдельные жилые и хозяйственные помещения, цистерны, хозяйственные ямы и т. д.) выделяются для особого хранения. Такой принцип раскладки коллекции выработался на основе многолетних поисков как наиболее целесообразный. Он позволяет увидеть каждую категорию находок целиком, во всех изменениях хронологических и типологических, облегчает возможность быстрого ознакомления с нею. В то же время выделение определенных комплексов дает возможность проследить сосуществование различных типов материалов в определенных хронологических рамках.

На основе этого принципа обеспечивается более удобное хранение различных категорий археологического материала (керамики, железа, стекла, монет, кости, камня и др.), многие из которых требуют специальных условий хранения. Это особенно важно, так как фондовые помещения в Танаисе все еще имеют недостаточную площадь и условия, не всегда отвечающие основным требованиям.

Еще одна сторона деятельности любого музея — это работа с посетителями.

Заповедник открыт для посещения с мая по ноябрь. За сезон его обычно посещает 15—17 тыс. человек. В основном это жители г. Ростова-на-Дону, Таганрога и других городов и поселков Ростовской области. Примерно две трети посетителей — школьники. Число желающих познакомиться с Танаисом могло быть гораздо большим: он находится всего в 2 км от оживленной автотрассы. Но преодолеть эти 2 км порой трудно из-за отсутствия нормальной автодороги. Главная форма знакомства с заповедником и его экспозицией — экскурсии. Проводятся тематические и обзорные экскурсии по заповеднику в целом, по городищу и музейным залам. Однако возможности музея «Танаис» в этом плане очень слабо используются областными туристско-экскурсионными организациями. Введение специального маршрута по археологическим памятникам с Танаисом в качестве главного объекта посещения вызвало бы огромный интерес и способствовало бы еще большему развитию туристско-экскурсионного дела на Дону. Сотрудники музея ведут большую работу по привлечению в заповедник посетителей и пропаганде знаний о Танаисе и других археологических памятниках. Выступления по радио, телевидению, чтение лекций для населения, публикации в местной периодической печати, создание фильма о Танаисе — формы этой пропаганды. Не менее важное значение имеет организация работы по выпуску значков и различных сувениров, связанных с Танаисом и другими археологическими сюжетами. Около 50 видов таких сувениров демонстрировалось на проведенной в 1978 г. в заповеднике выставке «Танаис в искусстве». Однако не всегда обеспечи-

вается из-за отсутствия нормальной производственной базы их высокое качество, выпуск многих сувениров в небольшом количестве явно недостаточен. Необходимо усилить наглядную пропаганду: выпуск печатной сувенирной продукции — буклетов, путеводителей, наборов открыток, рекламных листовок. Однако решение этих вопросов в настоящее время является почти неразрешимой проблемой. Гораздо шире могли бы использоваться формы монументальной пропаганды в близкорасположенных городах и населенных пунктах: создание здесь постоянных рекламных щитов, стелл-указателей с использованием тематики заповедника. В решении всех этих проблем значительную помощь могли бы оказать творческие союзы художников и архитекторов области. Контакты с ними постепенно укрепляются. Коллектив заповедника считает, что музей должен проводить и более широкую работу [6, с. 127—129]. При музее работает школьный археологический кружок, кружок рисования, которым руководят студенты художественно-графического факультета Ростовского педагогического института. В заповеднике проводятся дни поэзии, спектакли самодеятельных молодежных театров по тематике, связанной с пропагандой самого Танаиса и других исторических памятников области. Все это делает заповедник одним из крупных культурных центров области.

К 20-летию заповедника при участии ростовского обкома КПСС и облисполкома намечен комплекс мероприятий по его дальнейшему развитию и благоустройству. Осуществление этих мероприятий будет способствовать развитию музейного дела, туристско-экскурсионной работе, охране памятников истории и культуры.

Таким образом, анализ деятельности музея-заповедника «Танаис» позволяет выделить первоочередные мероприятия, которые должны быть проведены при создании любого археологического заповедника. Конечно, мы не можем охватить всего круга вопросов, так как создание определенного заповедника имеет свои особенности и требует конкретного решения.

Но главное в следующем: необходимо своевременное выделение и утверждение охранной зоны памятника, а также зон регулирования застройки и сохранения ландшафта. При создании заповедника необходимо решать сразу же вопросы строительства стационарных зданий для размещения экспозиций, научной работы сотрудников, фондового хранения материалов, а также улучшения или подведения к нему подъездных путей. Одним из важных требований является обязательное наличие перспективного архитектурно-планировочного проекта благоустройства и развития территории заповедника. Это позволит решать вопросы организации экспозиции под открытым небом, ее оформления и оформления внешнего вида памятника. Одновременно с проведением археологических исследований на памятнике необходимо производство работ по защите и сохранению раскопанных объектов на основе научно разработанных рекомендаций специализированных реставрационных организаций. Очень важно установить постоянное творческое содружество заповедника с экспедицией, проводящей исследование памятника.

Большое значение имеет организация рекламы и пропаганды памятника и на его основе знаний об историческом прошлом края. Немалую роль здесь должно сыграть установление контактов и участие в этой работе туристско-экскурсионных организаций, творческих союзов.

Осуществление всех указанных выше мероприятий должно проводиться при непосредственном содействии и участии партийных, советских органов и организаций, осуществляющих охрану памятников истории и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомости Верховного Совета СССР.— Изв. Советов народных депутатов, 1976, № 44.
2. *Бадер О. Н.* Музеефикация археологических памятников.— СА, 1978, № 3.
3. *Воскресенская Л. П.* Организация открытого показа археологических памятников в РСФСР.— М.: Центральный совет ВООПИиК, 1969.
4. *Булатов Н. М.* Принципы организации археологических музеев-заповедников.— В кн.: Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып. III. М.: 1975.
5. О научной конференции по памятникам археологии. М.: Центральный совет ВООПИиК, 1978.
6. Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах.— Матер. Всес. конф. Ереван, 1980.
7. *Шелов Д. Б.* Опыт организации археологического заповедника «Танаис».— Сообщ. НСОПК, 1974, вып. VII.
8. Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР.— Сообщ. НСОПК, 1969, вып. IV.
9. *Каменецкий И. С.* Итоги исследования Подазовского городища.— СА, 1974, № 4.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

3—6 декабря 1979 г. в Донецке проходила Всесоюзная конференция по проблемам эпохи бронзы юга Восточной Европы, созванная по инициативе Донецкого государственного университета, Донецкого научного центра АН УССР, Донецкой областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры и Института археологии АН УССР.

Проведение конференции вызвано широкими исследованиями памятников эпохи бронзы юга Восточной Европы, благодаря которым накоплен значительный материал и предприняты попытки решения ряда проблем.

В работе конференции приняли участие 93 человека, представляющие институты археологии АН СССР и АН УССР, АН МССР. Киевский, Харьковский, Днепропетровский, Воронежский, Ростовский, Саратовский и другие университеты, Кировоградский, Волгоградский, Куйбышевский пединституты, ряд музеев: Донецкий, Переяслав-Хмельницкий, Краснодарский, Керченский, Одесский, Артемовский. На двух пленарных и восьми секционных заседаниях заслушано и обсуждено 55 докладов.

Конференцию открыл проректор Донецкого госуниверситета проф. М. Л. Рева. В докладе кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Донецкого госуниверситета (А. А. Моруженко) обобщены результаты исследований памятников бронзового века в Донецкой обл., начатые еще в конце XIX — начале XX вв. Подчеркнуто значение раскопок В. А. Городцова в Донбассе, положивших начало изучению бронзового века, охарактеризовано современное состояние донецкой археологии и роль университета в расширении исследований в зоне новостроек. Раскопки, проведенные университетом, значительно увеличили круг источников по истории племен, живших на территории Донбасса в III—II тысячелетии до н. э.

Основным результатам исследования культуры многоваликовой керамики посвящен доклад С. С. Березанской (Киев), представляющий собой обобщение всех известных в настоящее время материалов. Определена территория культуры, включающая часть Молдавии, почти всю степную и южные районы лесостепной Украины, бассейн Дона; учтены ее хронологические рамки (конец XVII — начало XV в. до н. э.); выделены четыре локальных варианта. На основе анализа материалов поселений (их известно более 200) и погребений (свыше 500) дана реконструкция хозяйства, идеологии. Сделан вывод о местном происхождении культуры многоваликовой керамики и значении ее как основы для сложения срубной культуры в лесостепной Украине. Н. Н. Чередниченко (Киев) в докладе «О некоторых проблемах срубной культуры» остановился на анализе природного фактора.

В. А. Сафронов (Москва) посвятил свой доклад хронологическому аспекту. На основе сопоставления материалов и хронологической системы Западного Предкавказья с материалами юга Восточной Европы им разработана хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы, в которой выделены четыре энеолитических периода, три раннебронзовых, три среднебронзовых с подразделением одного из них на два подпериода и два позднебронзовых. Б. А. Шрамко (Харьков) в докладе «Киммерийский вклад в культуру скифской эпохи» аргументированно показал, что скифская эпоха не внесла в хозяйство племен Северного Причерноморья ничего принципиально нового: скотоводство сложилось еще в киммерийское время, земледелие имеет древнюю местную основу; определенные традиции, сложившиеся в бронзолитейном производстве, продолжают существовать и в раннем железном веке. Докладчик подчеркнул, что при изучении процесса формирования культур раннего железного века в лесостепной зоне надо учитывать и древние, уходящие в бронзовый век связи местных племен.

Большой интерес вызвал доклад Н. Я. Мерперта (Москва) о результатах 12-летних раскопок советской экспедиции на территории древней Месопотамии.

На секции древнеямной культурно-исторической общности и катакомбного времени заслушано 26 докладов. Ямной культуре степного Правобережья посвящен доклад О. Г. Шапошниковой (Киев). На основе анализа большого количества погребений (свыше 1000) выделен пласт энеолитических погребений в удлиненно-овальных ямах с вытянутыми и скорченными костяками, стратиграфия которых свидетельствует об их более древнем возрасте. В Междуречье Южного Буга и Ингульца памятники ямной культуры ближе к поднепровским и датируются последней четвертью III — началом II тысячелетия до н. э. Антропоморфные изваяния этого региона нашли отражение в докладе Н. Д. Довженко (Киев). Т. Г. Мовша (Киев) охарактеризовала взаимосвязи триполья и степных культур, в результате которых материальная и духовная культура Триполья — Кукутени приобрела ямную степную окраску. Сложные процессы передвижения племен в Нижнем Поднепровье середины III — середины II тысячелетия до н. э. рассмотрены в докладе Ю. А. Шилова (Киев).

Материалы восточных районов рассматривались на секции Северного Причерноморья, Приазовья и Крыма. Результаты исследования грунтового Хвалынского могильника (север Саратовской обл.) доложены И. Б. Васильевым (Куйбышев). Он охарактеризовал могильник как памятник, принадлежащий своеобразной культуре эпохи энеолита докурганного периода, которая входила в круг скотоводческих культур Уральско-Днепровского региона и послужила основой формирования ямных племен.

Большой интерес проявлен к «предъямным горизонтам» степной зоны. Вытянутым погребениям Днепровского ареала волго-днепровской культурной общности посвятила свой доклад И. Ф. Ковалева (Днепропетровск). По мнению докладчика, подобные погребения в рамках относительной хронологии предшествуют погребениям

всех этапов ямной культуры и четко отделены от последней стратиграфически. Отмечена тенденция вытеснения вытянутого обряда скорченным, приуроченная к сложению древнеямной исторической общности на обширной территории от Среднего Поволжья до Поднепровья. Новые материалы были представлены: З. П. Мариной (Днепропетровск) о раннеямных погребениях Орельско-Самарского междуречья на Левобережье Днепра, Ю. Я. Рассамакиным (Киев) об энеолитических погребениях из раскопок Верхнетарасовской экспедиции, Е. В. Яровым (Кишинев) о находках шаровидных амфор в Молдавии. О культурно-хронологическом соотношении ямных и катакомбных погребений в Северо-Западном Причерноморье сделал доклад Г. И. Тощев (Одесса).

На секции заслушана большая группа докладов, посвященных различным проблемам катакомбной культуры. Происхождение катакомбного обряда рассмотрено в докладе Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова (Москва). Авторы связывают катакомбные могилы с мегалитическими культурами приатлантической и средиземноморской зон Западной Европы и указывают на генетическую связь катакомбных и подкурганных мегалитических гробниц. Основываясь на своеобразии материальной культуры ранних катакомбных памятников на Донце, в Восточном Приазовье и на Дону, докладчики предложили выделить преддонецкую культуру. В. Я. Кияшко (Ростов-на-Дону) в своем докладе также обратил внимание на конструктивное сходство дольменов с катакомбами и подчеркнул, что население Приазовья в большей степени, чем считалось раньше, связано с мегалитическими традициями. Однако, отметил он, не следует прямолинейно отождествлять дольменную культуру с катакомбной, ибо распространение традиций не обязательно связано с экспансией населения. Некоторые факты свидетельствуют скорее в пользу миграции идей. Г. Л. Евдокимов (Киев) остановился на характеристике группы ранних катакомбных памятников, выделенных в результате новых исследований в Северном Причерноморье и прослеживающихся также на соседних территориях — в Приазовье, Крыму, в Нижнем Подонье, на Донце. Эти материалы подтверждают идею о генетической связи раннекатакомбных памятников с ямными.

В ряде докладов охарактеризованы новые катакомбные памятники различных территорий: Крымского Присивашья (А. Л. Нечитайло, Киев), Прикубанья (А. А. Нехаев, Краснодар), бассейна Северского Донца (А. М. Смирнов, Ворошиловград), Среднего Поднепровья (А. П. Савчук, Переяслав-Хмельницкий). Группа докладов посвящена анализу отдельных категорий вещей катакомбной культуры: каменных топоров (И. Н. Шарафутдинова, Киев), однозубых крюков (С. Н. Санжаров, Донецк). Большой интерес проявлен к вопросам хронологии, периодизации катакомбных памятников (Ю. П. Матвеев, Воронеж; А. А. Хреков, Балашов). В докладе о деревообработке в эпоху меди — бронзы И. А. Писларий (Ворошиловград) отметил, что расцвет ее приходится на средний период эпохи бронзы.

В. И. Мельник (Москва) остановился на вопросе культурно-типологического соотношения катакомбных и полтавкинских комплексов. Н. М. Малов (Саратов) охарактеризовал так называемую «загадочную» керамику вольского типа и, привлекая стратиграфию погребений с этой керамикой, высказал предположение о датировке ее полтавкинско-катакомбным временем.

Результаты изучения антропологического материала (серии черепов) из погребений катакомбной культуры бассейна Северского Донца были доложены Е. А. Шепель (Киев). Выявлено значительное повышение изменчивости признаков как в мужской, так и в женской группе черепов, устойчивость обычая деформации.

Д. С. Цвейбель (Донецк) ознакомила присутствующих с некоторыми малоизвестными материалами эпистолярного наследия В. А. Городцова, характеризующими его научные интересы и увлеченность наукой, сохраненную им до конца жизни.

На секции поздней бронзы заслушано 22 доклада, большая часть которых посвящена проблемам срубной культуры. В. В. Отрощенко (Киев) остановился на вопросе социального членения по материалам погребений срубной культуры Поднепровья. Он выделил группу погребений, принадлежавших представителям родо-племенной знати. В ряде докладов содержалась характеристика памятников срубной культуры различных регионов: границы степи и лесостепи Правобережья Днепра (Н. М. Бокий, Кировоград), Керченского полуострова (А. Е. Кислый, Керчь), Подонья (Л. С. Ильюков, Ростов-на-Дону; И. А. Сорокина, Москва), Волго-Донского междуречья (А. И. Мамонтов, Волгоград), бассейна Донца (А. А. Косарева, Я. П. Гершкович, Киев), Северного Приазовья (О. Я. Привалова), Донбасса (В. К. Гриб, Донецк).

С. И. Берестнев (Харьков) остановился на характеристике особенностей развития срубной культуры в лесостепном междуречье Днепра и Дона, предложив выделить лесостепной вариант позднесрубной культуры. Некоторые вопросы духовной культуры племен срубного времени затронуты в докладах Ю. Н. Малеева (Киев) и В. П. Андриенко (Донецк), давшего аргументированную интерпретацию изображения на сосуде из Владимировки как 10-месячного календаря.

Проблеме взаимоотношений племен срубного времени посвятили доклады Е. Е. Кузьмина (Москва), Т. А. Шаповалов (Донецк), В. П. Ванчугов (Одесса), мысль о сосуществовании культуры многоваликовой керамики и срубной прозвучала в докладах С. С. Волкобоя (Днепропетровск) и А. И. Привалова (Донецк).

Ю. В. Буйнов (Харьков), проанализировав результаты полевых исследований последних лет, внес уточнения в периодизацию бондарихинской культуры, выделив три этапа в ее развитии: ранний, типичным для которого является поселение Студенок V; средний, включающий памятники с керамикой малобудковско-бондарихинского типа; поздний, к которому относятся памятники развитой бондарихинской куль-

туры. Ю. Г. Екимов (Воронеж) убедительно показал распространение бондарихинской культуры не только на Украине, но и в Подонье.

Секции проделали большую работу. Оживленно проходило обсуждение докладов. Участники конференции отметили, что активные и целенаправленные усилия археологов дали положительные результаты и заполнили ряд белых пятен на археологической карте юга Европейской части СССР. С особым удовлетворением конференция отметила значительную активизацию археологических исследований Донетчины, важность памятников региона и перспективность их дальнейшего массового исследования.

В принятой конференцией резолюции обращено внимание на недостаточную разработанность социально-экономических вопросов ряда культур и особенно дискуссионность проблемы генезиса культур эпохи бронзы юга Восточной Европы. Основные препятствия в их решении участники конференции видят в неравномерной представленности источников как в хронологическом, так и в территориальном плане, а также в недостаточной согласованности исследований археологов, антропологов, лингвистов и представителей других наук. Для решения проблем эпохи бронзы привлекается в основном традиционный сравнительно-типологический метод исследований, тогда как необходимо более широкое использование методов естественных наук. Определенные трудности в решении проблем эпохи бронзы юга Восточной Европы создает отсутствие Свода памятников.

Следующую конференцию по проблемам эпохи бронзы юга Восточной Европы намечено провести через 4 года в Днепропетровске.

А. А. Моруженко

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПАЛЕОЭТНОБОТАНИКЕ

С 9 по 16 июля 1980 г. в г. Галле (ГДР) проходил очередной, V симпозиум Международной рабочей группы палеоэтноботаников (IWGP — International Work Group for Palaeoethnobotany). Он был организован совместно Центральным институтом древней истории и археологии Академии наук ГДР (Берлин) и отделом геоботаники Университета им. Мартина Лютера в Галле.

Основными целями регулярных палеоэтноботанических совещаний являются: а) информация о новейших достижениях в изучении древней культурной растительности, а также дикорастущей флоры (сорняки, лекарственные виды и др.), непосредственно связанной с человеком и его деятельностью; б) выработка единых критериев определения ископаемых палеоэтноботанических остатков (зерен, семян, плодов), имеющих огромное значение для корреляции научных исследований, проводимых в разных странах; в) просмотр новейших палеоэтноботанических коллекций, их сравнение между собой и с эталонными образцами, обсуждение методов сбора субфоссильного материала.

В работе V симпозиума приняли участие 55 специалистов — археологов, палеоэтноботаников и ботаников из 12 европейских стран и Израиля. Программа традиционно включала: серию докладов, посвященных различным вопросам палеоэтноботанических исследований, проведенных за период с 1977 по 1980 г.; демонстрацию ископаемого палеоэтноботанического материала, сопровождаемую краткими пояснительными сообщениями, и экскурсии, предусматривающие знакомство с местной культурной флорой и специально занимающимися ее изучением научными учреждениями.

Всего было заслушано 22 доклада, среди которых следует отметить очень интересные сообщения Г. Крола (ФРГ) и Г. Джанес (Англия) о новых исследованиях палеоэтноботанических остатков с памятников VI—I тысячелетий до н. э. Балканского полуострова (Греция). Полученные данные очень важны для проводимых в последние годы совместных советско-болгарских работ по истории земледелия на территории Верхнефракийской низменности. Благодаря им представляется возможным пополнить общий список культурных и дикорастущих видов, ранее выявленных для области Балкан, и расширить наши представления о составе средиземноморской флоры, использовавшейся человеком уже в неолитическую эпоху.

Интересный доклад, посвященный изучению богатейших по составу коллекций со средневековых памятников Чехословакии представила на обсуждение Е. Хайнелова (ЧССР): особое внимание было обращено на сорняки, которые встречаются среди зерен культурных злаков. Со специальным докладом, посвященным вопросам закономерностей попадания сорняков в сборы зерна, выступил К.-Х. Кнорцер (ФРГ), обративший внимание специалистов на их связь с различиями в способах уборки урожая в древности в различных районах и у разных групп населения Европы.

Ряд сообщений был посвящен морфологии ископаемых остатков культурной и дикорастущей флоры и вопросам генетических особенностей происхождения отдельных видов злаков. В частности, М. Киселев (Израиль) посвятил свой доклад очень важному вопросу эволюции голозерных пшениц и выделил новый, промежуточный вид в этом процессе — Triticum parvicoccum, что вызвало широкую дискуссию, в которой приняли участие В. ван Цайст (Голландия), М. Хопф (ФРГ) и др.

Было заслушано несколько обобщающих докладов, к числу которых следует отнести сообщения З. В. Янушевич (СССР) о культурных растениях у скифов; Г. Н. Лисицыной (СССР) и Л. А. Филипович (НРБ) о систематизации палеоэтноботанических

остатков VI—II тысячелетий до н. э. из области Балкан; И. Васери (Финляндия), сделавшего обзор ископаемой культурной флоры из Юго-Западной Финляндии.

Особо следует отметить выступления С. Джакоме-Енгел (Швейцария) и У. Виллердинга (ФРГ), посвященные методическим вопросам обработки и интерпретации палеоэтноботанического материала.

В демонстрации палеоэтноботанических коллекций приняло участие 11 человек. Преимущественное внимание было уделено сравнительному просмотру и обсуждению морфологических особенностей голозерных пшениц из памятников неолитического времени, а также некоторых видов бобовых и сорных растений с памятников более широкого хронологического диапазона (неолит — средние века).

Во время симпозиума были проведены две экскурсии. Первая была посвящена осмотру экспериментальных полей в окрестностях г. Галле, принадлежащих Университету им. М. Лютера, где исследуется влияние гербицидов на агросистемы. На большом количестве примеров было показано, как влияет содержание азота в почвах на рост злаков и количество сорняков в посевах. Были осмотрены также известковые холмы, где в посевах содержится богатый комплекс сорняков, свойственных только данному типу местности и почв.

Вторая поездка позволила ознакомиться с работой Центрального института генетики и культурных растений в Гатерслебене. Этот институт является крупнейшим в стране биологическим центром с лабораторными зданиями, оснащенными современным оборудованием, помещением гербария, хранилищами зернового материала и семян, а также большими поливными территориями. В коллекциях института представлено 45 000 видов растений, среди которых особенно велико разнообразие злаковых и бобовых. Экспериментальные полевые площадки площадью 2—3 м^2 позволяют в естественных условиях ознакомиться с важнейшими культурными растениями Евразии. Постоянные наблюдения за их вегетационным циклом дают возможность сотрудникам института делать ряд практических наблюдений, необходимых для селекции, гибридизации и других сельскохозяйственных опытов.

Выступивший на заключительном заседании симпозиума проф. В. ван Цайст (Голландия) подвел общие итоги прошедшего собрания палеоэтноботаников и подчеркнул исключительную плодотворность регулярных встреч. Он отметил большие успехи, достигнутые за последние годы в развитии этой сравнительно узкой, но чрезвычайно важной для археологов отрасли знаний, необходимой для решения важнейших вопросов палеоэкономики древних племен и народов. Еще раз было подчеркнуто значение палеоэтноботанических исследований для разработки проблемы становления производящих отраслей хозяйства в период так называемой неолитической революции и определения границ первичных очагов доместикации растений. Отмечалась также необходимость более широкого обсуждения всех ботанических находок — спор, пыльцы, углей и др., которые могут быть использованы для палеогеографических и палеоэкономических реконструкций.

Следующий, VI симпозиум IWGP предполагается провести в 1983 г. в г. Гронингене (Голландия).

Г. Н. Лисицына

АДУ — Археологічні дослідження на Україні
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
БД — Бактрийские древности
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВВ — Византийский временник
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
Вестн. МГУ — Вестник МГУ
ВХУ — Вестник Харьковского университета
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГО СССР — Географическое общество СССР
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИАН КазССР — Известия АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. Алма-Ата
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИСОХЕ — Историко-статистическое описание Харьковской епархии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАА — Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИС — Материалы по истории Сибири. Новосибирск
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края
МИСО — Материалы по изучению Смоленской области
МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе
НА ИА АН УССР — Научный архив Института археологии АН УССР
НИС ГУ — Научные известия Смоленского гос. университета
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОАП — Отдел археологических памятников Гос. Исторического музея
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПТГУ — Приморское территориальное геологическое управление
РИАМ — Ростовский историко-архитектурный музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский гос. университет
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
Сообщ. НСОПК — Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М.
СЭ — Советская этнография
ТАГМ — Труды Абхазского Гос. музея. Сухуми
ТИИ АЭ АН Туркм. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.-Л.
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.-Л.
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТТКАЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР
ТХАЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета
УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета
УЗ ГАНИИЯЛ — Ученые записки Горно-алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.

ЧИГПИ — Чечено-Ингушский педагогический институт
ЧИНИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЧИРКМ — Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Грозный
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AJA — American Journal of Archaeology
AP — Archeologia Polski. Wrocław-Warszawa — Kraków-Gdańsk
AS — Anatolian Studies. London
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
FAR — Fontes archeologii Poznanienses
FPr — Fontes Prehistoryczny
MDAFA — Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan. Paris
JARCE — Journal of the American Research Center in Egypt
MS — Materiały Starożytne. Warszawa
MSW — Materialy starożytne i wcześnośredniowieczne
PA — Památky Archeologické. Praha
PrA — Prace archeologiczne
SprA — Sprawozdania archeologiczne
UISPP — Union Internazionale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Nice
WA — Wiadomości Archeologiczne. Warsawa

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 18.02.82 Подписано к печати 02.04.82 Т-03273 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 89,1 тыс. Уч.-изд. л. 30,4 Бум. л. 9,5
Тираж 3329 экз. Зак. 1247

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10